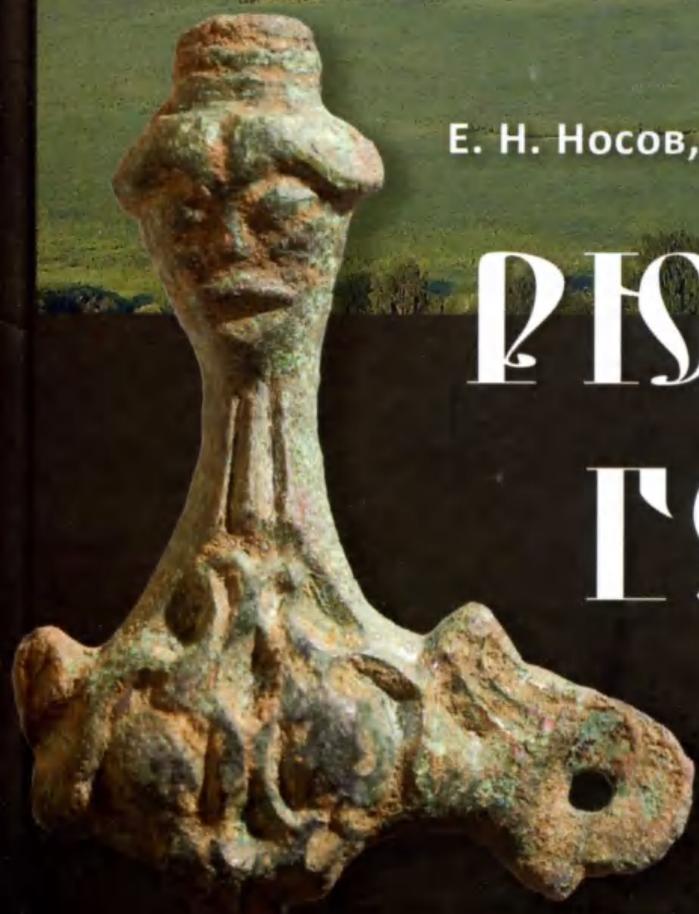

Е. Н. Носов, А. В. Плохов, Н. В. Хвощинская

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ

НОВЫЕ ЭТАПЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ. ТОМ XLIX

Е. Н. Носов, А. В. Плохов, Н. В. Хвощинская

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ
Новые этапы исследований

ДБ

Санкт-Петербург
2017

УДК 902
ББК 63.4(2)
Н84

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Е. А. Рыбина*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Н. Седых*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры Российской академии наук*

Ответственный редактор академик Н. А. Макаров

Носов, Е. Н.

Н84 Рюриково городище. Новые этапы исследований / Е. Н. Носов, А. В. Плохов, Н. В. Хвощинская. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 288 с. [текст, ил.], 32 с. [вкл.]. – (Труды ИИМК РАН ; т. XLIX).

ISBN 978-5-86007-846-8

В предлагаемой монографии впервые в полном виде публикуются материалы исследований в центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг., материалы раскопа на месте установки «Княжего камня» в 2011–2012 гг., работ 1993–1996 гг. вдоль берегов Сиверсова канала. В отдельных разделах рассматривается история изучения Рюрикова городища, «большие» городищенские постройки и их место в домостроительстве Древней Руси и, наконец, с учетом новых данных проанализирована роль княжеской резиденции в становлении Новгорода. Одно из приложений к книге содержит конкретные описания ряда находок из раскопов рассматриваемых лет, в другом даны результаты изучения костей животных и птиц из разных хронологических слоев поселения. Книга является существенным дополнением ко всем ранее опубликованным материалам, связанным с исследованиями Городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

УДК 902
ББК 63.4(2)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 14-01-00108а и гранта Президиума РАН
по программе фундаментальных исследований
«Историческая память и российская идентичность»,
проект «Элитарная культура Северной Руси IX–X вв.:
столкновение традиций на пути единства»*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-01-16057, не подлежит продаже*

На лицевой стороне обложки использована фотография А. А. Кочевника

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-846-8

© Носов Е. Н., введение, главы 1, 3, 2017
© Плохов А. В., глава 5, 2017
© Хвощинская Н. В., главы 2–4, 2017
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
К истории изучения Рюрикова городища (Носов Е. Н.)	4
ГЛАВА 1	
Рюриково городище – резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода (Носов Е. Н.)	18
Славянское расселение в Приильменьи и в Поволховье	18
Балтийско-Волжский путь и древняя Ладога	20
Рюриково городище – первый Новгород русских летописей	23
От Городища к Новгороду или все же от Новгорода к Городищу? (к истории названия центра Северной Руси)	28
ГЛАВА 2	
Исследование центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг. (Хвоцинская Н. В.)	34
Характеристика находок из темно-серого перемешанного культурного слоя	36
Углубленные в материк сооружения в раскопах 2005–2006 гг.	65
Древний ров	84
ГЛАВА 3	
Постройки древнерусского времени (Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.)	104
Общая характеристика	104
Северные постройки с углубленными подклетами в системе домостроительства Древней Руси	120
ГЛАВА 4	
Раскоп на месте установки «Княжего камня» (2011–2012 гг.) (Хвоцинская Н. В.)	125
Находки из темно-серого культурного слоя	126
Углубленные в материк сооружения	146
ГЛАВА 5	
Исследования в южной части Рюрикова городища в 1993–1996 гг. (Плохов А. В.)	164
Раскопки на южном берегу Сиверсова канала	165
Раскоп I	165
Раскоп II	177
Раскоп III	210
Раскопки на северном берегу Сиверсова канала	213
Раскоп I	213
Раскоп II	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	241
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	
Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет (Дорофеева Т. С.)	244
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	
Фауна Рюрикова городища (по результатам раскопок 2000–2011 гг.) (Саблин М. В.)	258
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	267
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	287

Введение

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

В настоящее время начался отсчет пятого десятилетия (с 1975 г.) систематических раскопок Рюрикова городища Новгородской областной экспедицией Института истории материальной культуры РАН (до 1991 г. – Ленинградского отделения Института археологии РАН). За эти годы мало кому известный археологический памятник, а в западной литературе практически вообще не упоминаемый, вошел в число обязательно называемых объектов при обсуждении вопросов сложения Древнерусского государства, становления первых городов, прохождения торговых путей, происхождения Новгорода, роли варягов на Руси, взаимоотношения славянского, финского и скандинавского населения. Материалы Рюрикова городища пополнили фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, представлены на его постоянной и временных экспозициях, неоднократно демонстрировались на международных выставках, проводившихся не только в России, но и в ряде зарубежных стран – Франции, Германии, Дании, Швеции.

Начало археологического изучения Городища оказалось неоднозначным. Городище или «старый» город, с очевидностью вызывающе противостоящий собственно «новому» городу, как его непосредственный предшественник, впервые было упомянуто в летописях под 1103 г., в связи со строительством величественного княжеского храма Благовещения, первой после Святой Софии каменной церкви Новгорода. В дальнейшем оно неоднократно упоминалось в летописях при сообщениях о различных событиях древней истории, поскольку являлось местом расположения резиденции новгородских князей, где жили и действовали выдающиеся политические деятели русской истории. Городище никогда не сходило со страниц трудов новгородских краеведов и отечественных историков XIX–начала XX в., а в литературе за ним закрепилось и стало общепринятым название «Рюриково городище».

Позволим себе еще раз, к примеру, процитировать общий вывод о соотношении Городища и Новгорода, который сделал в своем курсе по русской истории 1908–1916 гг. А. Е. Пресняков, «на редкость осторожный, вдумчивый и чуткий критик древнерусских текстов», как его охарактеризовал известный историк Древней Руси Б. А. Романов (*Романов*, 1966. С. 15). А. Е. Пресняков заключил: «Исконный центр Новгорода – “Городище” на “острове” между Волховом, Малым Волховцом и притоками. Тут древнейший укрепленный “город”. Местные

топографические условия не дали ему стать подлинным центром Новгорода, и он стал “городищем”, вероятно, во времена Ярослава. Болотистая почва мешала скученности населения, и, притянутое значением нового “города”, оно селилось на более возвышенных местах враздробь, отдельными поселками. Лишь для одного из них мы знаем древнейшее имя – Славно, юго-восточный “конец” Новгорода. Сюда при Ярославе перешел центр княжой власти из Городища в “Ярославов двор”, возле которого расположился “торг”, а кругом – боярские дворы княжеских дружинников – огнищан». А. Е. Пресняков полагал, что и деревянный Детинец возник также при Ярославе (*Пресняков*, 1938. С. 124).

С высоты нашего времени кажется, что перед наукой начала XX в. стояла очевидная задача – «перевести на археологический язык» рассуждения и заключения историков и краеведов, т. е. подтвердить их или опровергнуть. Однако оказалось все не так просто. Изучение древнерусских городов, да и вообще средневековых поселенческих комплексов, находилось тогда в зачаточном состоянии. О характере городских слоев и возможностях того, что может дать их исследование и как такие работы проводить, существовали лишь самые общие представления или порой их вообще не было. В лучшем случае накапливались отрывочные сведения о наличии культурных отложений и их той или иной мощности, поступали данные об отдельных находках. Первые достаточно грамотные раскопки поселения с мокрым культурным слоем в значительных масштабах и с пристойной фиксацией по ярусам были осуществлены в Старой Ладоге в 1909–1913 гг. опытным российским археологом, специалистом широкого профиля Н. И. Репниковым, «крестным отцом» которого, по выражению В. И. Равдоникаса, был выдающийся исследователь по истории и археологии Крыма А. Л. Бертье де Лагард. Результаты раскопок в Ладоге были изданы, к сожалению, с большим опозданием лишь в 1948 г. через 35 лет после окончания самих работ и через 8 лет после смерти их автора. Опубликованные своевременно, они могли бы послужить хорошим примером городских раскопок за 20 лет до начала археологического изучения того же Новгорода (*Гроздилов, Третьяков*, 1948).

Первым исследователем Городища стал военный историк, новгородский краевед полковник М. И. Полянский. Он в 1901 г. при участии М. Е. Калинина и И. Д. Михайлова заложил на Горо-

дище несколько шурфов и траншей. Никаких общих целей, кроме поисков вислых свинцовых печатей, авторы работ, как прямо писал М. И. Полянский, перед собой не ставили, а конкретная инициатива в их проведении принадлежала основоположнику русской сфрагистики Н. П. Лихачеву. К чести М. И. Полянского и его коллег снятый ими план части Городища был выполнен вполне добротнo, что было обусловлено пониманием руководителем работ, как кадровым военным, необходимости проведения точной топографической съемки и наличием соответствующего опыта (Носов, 1990. С. 15, 16, 21, 22).

Через десять лет в 1910 г. Городище посетили Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко, которые провели здесь на раскопках 4 дня. Их появление во многом было явлением вынужденным. Не складывались у молодых исследователей отношения с Новгородским обществом любителей древностей относительно их планируемых исследований в самом новгородском кремле накануне предстоящего в 1911 г. на берегах Волхова XV Всероссийского археологического съезда. Паузу они решили заполнить пребыванием на Городище, несомненно влекомые той же мыслью, что и все новгородские краеведы и историки XIX–начала XX в. о том, что именно здесь и располагался «старый» город. Н. К. Рерих вообще не представлял возможные археологические результаты своих предстоящих работ, хотя мечтал о них много. «На Рюриковском городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, – с воодушевлением увлеченного человека писал он, – все полно находок», «на Городище, может быть, найдутся остатки княжеских теремов и основания церквей», «кругом Городища – далекие горизонты» и «кругом чудятся какие-то фундаменты» (Рерих, 1999. С. 263, 282). Однако этот пыл быстро пропал. Уже после первого дня раскопок (!!!) Н. К. Рерих пишет жене 7 июля 1910 г.: «вещей пока нет. Так разные мелочи», «главное, обидно, что неизвестно, где стоял терем», «думаю, что здесь на Городище дольше 5 дней не прокопаем» (Там же. С. 286–287). 8 июля жалобы на отсутствие находок встречаются в одном письме уже два раза – терпение Н. К. Рериха, навеянное романтикой прошлого, кончилось быстро: «Вещей что-то мало», «жаль, вещей мало находим», и уже 9 июля окончательный вывод, продиктованный крушением попытки что-то выяснить для себя на Городище: «сегодня вечером переезжаем в Новгород. Здесь что-то никаких вещей не найти» (Там же. С. 291). Н. К. Рерих, да и Н. Е. Макаренко явно были не подготовлены к археологическому изучению сложного поселенческого комплекса,

где отнюдь не просто поиски «княжеских вещей» составляют смысл исследования памятника и где опыт художника по «разрытию» могил оказался недостаточным. Оправдывая неудачу своих работ на поселении, Н. К. Рерих заключил, что «лучшая часть Городища уже давно смыта бурным течением Волхова» (Там же. С. 322). «В Волхове покоятся терема и часть храмов. Словом, вся лучшая часть поселения; все, что стояло на видных передовых местах», «нам ясна толщина жилого слоя и гибель лучшей части Городища, пора спешить в Кремль» (Там же. С. 573).

Не смогли Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко толком разобраться и в том, что рабочие перед их глазами разрыли на холмике «Никола». Холмик отчетливо был выделен на плане Городища 1819 г., выполненном военными топографами, и хорошо виден вместе со стоявшим на нем деревянным крестом на прекрасном снимке Городища, сделанном фотографом Археологической комиссии И. Ф. Чистяковым от церкви Спаса Нередицы во время ее реставрации в 1903–1904 гг. (Анкудинов, 2007. Ил. 1; Носов и др., 2012а. С. 158–159). «Высокий крест» стоял здесь и при появлении на Городище Н. Е. Макаренко и Н. К. Рериха (Рерих, 1914. С. 210). На второй день изучения Городища на холмике «обнаружились вполне очертания церкви 1565 года, – отмечает Н. К. Рерих, – но это не интересно. Интересно, остались ли под нею остатки церкви, построенной в 1165 году и сгоревшей в 1201 году. Вот эти остатки могут быть любопытны. Вещей что-то мало. Мы думаем, что <...> придется рублей 200 оставить просто на раскопку курганов Макаренко, где вещей всегда много». «Сейчас сижу на стуле, а передо мной копают траншею, – пишет Н. К. Рерих, – чтобы посмотреть, нет ли ниже найденного основания церкви, еще чего-нибудь более древнего» (Рерих, 1999. С. 288–289). Найдено ничего определенного не было, но тем не менее в письме великой княгине Марине Павловне 5 сентября 1910 г. Н. К. Рерих, явно погрешив против истины, уверенно сообщал, что «были открыты основания древней Никольской церкви, уничтоженной пожаром в 1201 году» (Там же. С. 322).

Образ Городища и всей ландшафтной ситуации вокруг него, тонко прочувствованный Н. К. Рерихом, несомненно, останется навсегда своеобразной литературно-художественной картиной, освященной великим талантом, но, к сожалению, не перенесенной на холст. Неслучайно редкая книга о прошлом Новгорода обходится без известной цитаты Н. К. Рериха о Городище. Не грех и нам привести ее здесь еще раз. «Богатое место Городище! Кругом

синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом – Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что “кустом стоят”. Виднеются – Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Все, как на блюде за золотым яблочком» (*Рерих*, 1914. С. 209–210). Под впечатлением просторов, открывавшихся с Рюрикова городища на фоне широкой водной глади Ильменя и пойменных зеленых лугов, Н. К. Рерих сделал ряд набросков замысловатого сплетения облаков над этим местом и панорамы Волхова, использованные им через три года для эскиза декорации второй картины «Великая жертва» балета И. Ф. Стравинского «Весна священная», который композитор называл «религиозной церемонией Древней Руси – Руси языческой» (*Носов и др.*, 2012а. С. 22). В истории изучения Рюрикова городища, несомненно, имя Н. К. Рериха осталось за талантливое образное восприятие Городища, но с археологической точки зрения результаты его работ совместно с Н. Е. Макаренко ничего не дали для науки. Нет даже документации нарытых за 4 дня шурфов, нет описей, если они вообще были, не сохранились и сами найденные предметы и керамика.

Современные руководители Новгородской археологической экспедиции МГУ и Института археологии РАН отсчитывают экспедиционные юбилеи от 1932 г., когда совместной экспедицией ГАИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского и М. К. Каргера (заместитель) были предприняты раскопки на Славне, исторически упоминаемой в летописях части древнего города. Секретарем экспедиции являлся будущий лидер советской археологии Б. А. Рыбаков, а Новгородский исторический музей представлял В. С. Пономарев. В оперативной опубликованной информации А. В. Арциховский и М. К. Каргер писали, что «раскопки 1932 г. в Новгороде представляли из себя первый случай совместной работы московских и ленинградских историков материальной культуры» (*Арциховский, Каргер*, 1933. С. 63).

Однако основатель Новгородской экспедиции А. В. Арциховский первые свои работы в Новгородской округе начал на три года раньше, в 1929 г., на летописном Городище. Неслучайно многолетний соратник А. В. Арциховского по кафедре археологии МГУ и его ученик Д. А. Авдусин относил начало изучения Новгорода своим старшим коллегой именно к 1929 г. (*Авдусин*, 1971. С. 41). Начиная свои работы, А. В. Арциховский в полной мере

отдавал себе отчет, что Городище – это одно из важнейших мест, значимых для городской археологии, хотя сам он лично, вспоминая 1929 г., отмечал, что «раскопки тогда были совсем маленькие, и не в самом Новгороде, а на Городище под Новгородом. Совсем это не были раскопки Новгорода» (*Авдусин*, 1994. С. 28).

А. В. Арциховский заложил на Городище две траншеи – на вершине холма и на мысу южнее Сиверсова канала. Молодой исследователь и тогда еще специалист в основном по курганам вятичей не смог разобраться в том, что раскопал. На мысу, сняв верхний в основном перемешанный слой, он дошел до отложений песка, принял их за материк и, не докопав до ранних городищенских отложений, прекратил работы (*Носов*, 1990. С. 23, 30). В итоге вывод: «Мне кажется невероятным, чтобы городищенский холм был заселен уже в IX веке, как на этом настаивает традиция. Гораздо вероятнее, что основателями этой крепости были князья, выселенные в XII веке в связи с ростом республиканских тенденций в Новгороде». По мнению исследователя, «из рельефа местности видно, что Городище представляло из себя княжеский замок, со всех сторон окруженный водой». «Среди найденных предметов, – подчеркивал А. В. Арциховский, – нет ни одного, который определенно указывал на время, более древнее, чем XII век», а в траншеях «совершенно не было керамики, сделанной от руки или даже не целиком на кругу» (*Арциховский*, 1930б. С. 28–30). Почему сделал А. В. Арциховский такой вывод в своей публикации материалов, остается для нас полной загадкой. В дневниковых записях раскопок за разные дни, по квадратам и пластикам пунктуально корявым крупным «детским» подчеркиком самого А. В. Арциховского отмечены находки лепной керамики. О ее присутствии говорится и в его полевом отчете (*Носов*, 1990. С. 23). Так почему и даже просится вопрос – зачем он написал прямо противоположное своим наблюдениям заключение? К сожалению, именно негативная оценка А. В. Арциховским возможности наличия ранних «доновгородских» находок на Городище явилась основой всей последующей исследовательской политики большой Новгородской экспедиции на долгие десятилетия.

Перед раскопками 1932 г. в Новгороде были поставлены разнообразные задачи – изучение жилых сооружений и производственных построек, техники и организации ремесла, «социальной топографии» города и, наконец, древнейших страниц его истории. «Число участков города, на которых нужно и можно производить раскопочные работы, –

отмечали А. В. Арциховский и М. К. Каргер, – достаточно велико. Ремесленные концы города, детинец, Городище, Ярославово дворище, Перынский скит и Славенский холм являются центрами, привлекающими максимальное внимание исследователя древнего города. Совершенно очевидно, что начинать работы одновременно во всех или хотя бы в нескольких центрах было невозможно. Приходилось выбирать. Работы 1932 г. велись на Славенском холме. Славенский холм по представлениям, основанным на анализе исторической топографии города, с одной стороны, и древнейших норманнских и немецких источников – с другой, уже давно казался исследователям местом древнейшего славяно-финского, поселения, еще не носившего даже имени Новгорода. Но гипотеза эта не имела самого главного основания – изучения стратиграфии культурных слоев Славенского холма» (Арциховский, Каргер, 1933. С. 62). Итак, одним из важнейших вопросов, который хотела рассмотреть первая совместная экспедиция ГАИМК и ГИМ, был вопрос о древнейшем городе. Такая цель экспедиции была вполне понятна после первого опыта работ А. В. Арциховского в 1929 г. на Городище, в которых он был, по-своему, разочарован.

Никаких ранних материалов, подтверждающих основание Новгорода на холме, прилегающем к церквам св. пророка Ильи и апостолов Петра и Павла, не было найдено. Как отмечал М. К. Каргер, «попытки найти это поселение IX–X вв. на Славенском холме не увенчались успехом. Пришлось перенести поиски поселения на другую территорию» (Каргер, 1947. С. 145). И М. К. Каргер через год отправился на Городище, а А. В. Арциховский же все силы отдал Славенскому раскопу и многообразию исследовательских тем и возможностей, которые дает собственно городская археология. Лишь один раз в первом томе трудов экспедиции он коснулся вопроса о древнейшем Новгороде, но без особого энтузиазма, скорее в силу необходимости затронуть данную тему в обобщающей работе (Арциховский, 1956. С. 9).

В 1934 г. М. К. Каргер провел на Городище свои первые раскопки. Ставя перед собой задачу изучения нескольких участков поселения, он непосредственно связывал ее с исследованием проблемы возникновения Новгорода и поисками основания разобранного княжеского храма 1103 г. Один небольшой раскоп находился на мысу Городища, два других – в возвышенной части памятника. М. К. Каргер пришел к совершенно другим выводам, чем А. В. Арциховский: «Раскопки 1934 г. неоспоримо раскрывают непрерывную историю

Городища с IX в.» и «позволяют думать, что, отбросив необоснованный скептицизм в отношении к этому памятнику, нужно приняться, наконец, за его систематическое археологическое изучение, которое, наряду с изучением слоев самого Новгорода, подведет нас, наконец, к решению, издавна волновавшей проблемы: по отношению к какому более древнему поселению Великий Новгород стал Новым городом» (Носов, 1990. С. 16, 23–25).

Заключение о наличии на Городище слоев IX–X вв. в 1935 г. подтвердил Г. П. Гроздилов, возглавивший экспедицию, формально начальником которой был В. И. Равдоникас, занятый тогда на других раскопках. Был изучен довольно значительный участок мысовой части поселения площадью 124 кв. м, рядом с местом работ М. К. Каргера. Г. П. Гроздилов профессионально разобрался со стратиграфией слоев в данной части поселения, грамотно уточнил выводы, сделанные А. В. Арциховским и М. К. Каргером относительно характера и мощности слоев памятника. После его работ юго-западная часть Городища на долгие годы осталась наиболее изученной его частью. Г. П. Гроздилов полагал, что мыс в раннем средневековье был заселен раньше других мест на Городище. В этом он ошибался (Там же. С. 16, 25–30). Только городищенский мыс, судя по находкам керамики, занимала стоянка первобытного человека в эпоху неолита, не распространяясь на весь холм.

Казалось бы, все эти наблюдения должны были поставить в один ряд исследования слоев Городища и нижних слоев Новгорода и изучение этих памятников должно идти параллельно. Однако этого не произошло, хотя нельзя сказать, что на результаты работ М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова совсем не было обращено внимания в историко-археологической литературе. Прежде всего сам М. К. Каргер неоднократно возвращался к данному вопросу и подчеркивал, что Городище выступает «как одно из древнейших, а может быть, древнейшее поселение, по отношению к которому город, передвинувшийся на 3 км к северу, стал Новым городом» (Каргер, 1941. С. 18–22; 1946. С. 10; 1947. С. 145–148; 1961. С. 10, 11 и др.). Выводы М. К. Каргера поддержал Н. Н. Воронин (Воронин, 1945. С. 35; 1951. С. 201). О слоях IX–X вв. на Городище писали М. Н. Тихомиров и А. Л. Монгайт (Тихомиров, 1946. С. 14; Монгайт, 1955. С. 364). Однако отдельные замечания исследователей, упоминавших об открытии на Городище культурных напластований IX–X вв., буквально тонут в массе работ, в той или иной степени затрагивающих проблему происхождения Новгорода, где о ранних материалах Городища

ничего не сказано. В 1956 г., подводя итоги археологического изучения Новгорода, А. В. Арциховский даже прямо поставил под сомнение правильность наблюдений М. К. Каргера, заключив, что «дата IX–X вв. для среднего слоя, открытого на мысу, неверна. Встречающаяся там в большом количестве грубая лепная керамика баночной формы, несомненно, относится к более раннему времени» (*Арциховский*, 1956. С. 42). Вывод ни на чем не основан. Никакой лепной керамики сам А. В. Арциховский, естественно, специально не изучал, а ведь еще А. А. Спицын, которого уж никак не заподозришь в незнании конкретного археологического материала, ознакомившись с керамикой из шурфов Н. Е. Макаренко и Н. К. Рериха, относительно лепной посуды с Городища сразу совершенно правильно заметил: «черепки очень древние, подобные тем, какие Н. И. Репников нашел близ Ст. Ладоги» (*Носов*, 1990. С. 22). Я пытаюсь, но просто не могу найти иных причин, почему А. В. Арциховский столь упорно отрицал наличие на Городище ранних материалов, кроме одной, сугубо субъективной и к собственно науке не имеющей прямого отношения. А. В. Арциховский не смог признать, что его ровесник и соратник по началу археологического изучения Новгорода – М. К. Каргер оказался более прозорлив, чем он, в отношении признания роли Городища в становлении города.

В дальнейшем в разные годы небольшие исследования культурного слоя на Городище проводили С. Н. Орлов в начале 1960-х гг., М. Д. Полубояринова в 1965 г., Н. П. Пахомов в 1967–1969 гг. и М. К. Каргер в 1966 и 1968–1970 гг., сосредоточив свое внимание на изучении церкви Благовещения (Там же. С. 30–34). Эти работы, реально представлявшие собой шурфовки и зачистки, подтверждали наличие на поселении слоев X в., а возможно, и более ранних, что совпадало с предшествующими выводами М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова (последние исследования М. К. Каргера стоят особняком, они имели археолого-архитектурную направленность)¹.

¹ Есть глухие сведения о работах, носивших «разведывательный характер», предпринятых на Городище в 1940 г. археологической экспедицией Новгородской секции Института истории АН СССР и Управления новгородских государственных музеев. Имеются упоминания, что в 1949 г. к северу от Сиверсова канала были проведены небольшие археологические разведки Б. К. Мантейфелем. В 1973 г. шурфовку Городища осуществил И. Я. Абрамзон, после чего некоторые вещи поступили в Новгородский музей. Никакой документации и отчетов об упомянутых работах нет и охарактеризовать их по сути у нас нет никаких оснований (*Носов*, 1990. С. 16, 17).

Изучение Рюрикова городища, однако, так и не стало равноправной частью новгородской археологии. Сохранявшийся скептицизм относительно городищенских древностей отчасти можно объяснить лишь тем, что материалы раскопок М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова и последующих работ разных исследователей остались несистематизированными и почти не изданными, а краткие публикации не могли заменить полной информации о сделанных находках и наблюдениях².

В 1971 г. в одном из центральных советских исторических журналов «История СССР» появилась большая статья «Происхождение Новгорода (к постановке проблемы)», написанная В. Л. Яниным, возглавившим в 1962 г. Новгородскую экспедицию МГУ и ИА АН СССР, и М. Х. Алешковским, исследователем, который провел весьма значимые раскопки укреплений новгородского кремля и издавшим книгу о «Повести временных лет». Статья стала программной при решении вопросов происхождения Новгорода и на долгие годы приоритетной в советской исторической литературе. Авторы вообще не рассматривали материалы Городища, ограничившись общим замечанием об отсутствии «прямых генетических связей» между ними и ранними новгородскими древностями, и не обосновывали этот свой важнейший и принципиальный тезис (*Янин, Алешковский*, 1971. С. 35). Тем самым они остались на позиции А. В. Арциховского, оставив Городище на обочине начальной новгородской истории.

Суть выдвинутой концепции заключалось по существу в прямом перенесении изложения событий летописной легенды о призвании варягов на топографию Новгорода и этническую ситуацию в городе. По мнению В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, племена, призвавшие Рюрика с братьями (словене, кривичи и меря), – это население самого Новгорода, которое жило в трех поселениях – концах, из которых рос город. Племена ссорились, но, когда решили быть в согласии, пригласив заморского князя, построили общие укрепления, ставшие Новым городом, новым Детинцем по отношению к предшествующим ему поселкам.

Факт того, что город увеличивался постепенно из нескольких поселений, занимавших самые возвышенные места на обоих берегах Волхова, харак-

² Материалы раскопок М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова в 1934 и 1935 гг. пропали во время Великой Отечественной войны. В ЛОИА АН СССР в институтском подвале я нашел коробку с обломками не зашифрованной лепной посуды из раскопок М. К. Каргера 1966 и 1970 гг. Эта керамика была передана мной в Новгородский музей и опубликована (*Носов*, 1977а. С. 95–98).

теризующихся наибольшей толщиной культурного слоя, доказан по материалам раскопок и шурфовок, а также при проведенном учете многочисленных данных геологического бурения. Было ли таких поселений только три или больше, не принципиально, ясно, что не одно. Остались недоказанными два важнейших положения. Первое – нигде на территории Новгорода не обнаружено слоев, синхронных событиям времени летописного призвания варягов, т. е. IX в. и тем более VIII в. Это констатировал еще А. В. Арциховский в 1956 г., с таким выводом согласился В. Л. Янин в 1977 г., и он еще раз подтвердил это через 20 лет в 1999 г. (Арциховский, 1956. С. 15, 42, 43; Янин, 2004. С. 128–129). Раскопки шли все последующие годы, но картина и в наши дни не изменилась. Второе недоказанное положение – о существовании на территории города трех изначально разноэтничных поселков. Материальная культура новгородцев X–XIII вв. и в последующие столетия в своей основе едина. Городская культура, конечно, сплавила в одно целое черты разных народов, но никакого финского (мерянского) поселения на месте Неревского конца никогда не существовало, не было ни особого поселения кривичей в Людином конце, ни особого поселения словен в Славенском конце. Ничего общего славяне двух мастей и поволжские финны не строили. Размышления о трех разноэтничных концах Новгорода, лежащих в основе города, – конструкция умозрительная. Обсуждать ее детали не имеет смысла, хотя высказанные построения достаточно прочно укоренились в умах и до сих пор без тени сомнения излагаются, особенно в популярных изданиях.

На подобном историографическом фоне я, тогда аспирант ЛОИА АН СССР, т. е. человек без какого-то веса в науке, решил попробовать провести раскопки на Рюриковом городище. Сомнения были, и не было уверенности, что мне это позволят. В начале 1970-х гг. новгородская археология (за исключением архитектурной ее части) считалась вотчиной москвичей, большой Новгородской экспедиции МГУ и ИА АН СССР с участием Новгородского музея. На Городище проводили шурфовки именно представители московской школы – М. Д. Полу- бояринова, Н. П. Пахомов, И. Я. Абрамзон. А тут появляюсь я, по сути «варяг». Конечно, никаких официальных установок, что ленинградцу из ЛОИА нельзя копать на Городище, не было, но негласная этическая норма в археологической среде всегда существовала. И я считал необходимым испросить разрешения у начальника Новгородской экспедиции В. Л. Янина. Сомнения были. Я знал Валентина Лаврентьевича как крупнейшего ученого, слышал

и о его демократизме, и о простоте в общении с людьми, доброжелательном ехидстве, но в моем случае дело было сложнее. В тенденции обращение к Городищу означало попытку пересмотреть те представления, которые он сам наследовал от А. В. Арциховского. Отстаивал их не испуганно, а как бы просто «не замечая» накопившегося уже городищенского материала, подобно тому, как это сделано в его совместной статье с М. Х. Алешковским, поскольку сам В. Л. Янин, как исследователь, является в первую очередь историком и нумизматом, при блестящем знании летописей, древних актов и грамот, а собственно «сугубая» материальная культура его привлекает в гораздо меньшей степени. Валентин Лаврентьевич с легкостью, без каких-либо условий, одобрил мое намерение поехать на Рюриково городище. В беседе он, правда, предложил мне заняться новгородским домостроительством, темой, оставшейся свободной после П. И. Засурцева, от чего я отказался. Городской археологии я опасался, будучи воспитанным на раскопках сельских памятников И. И. Ляпушкиным и П. Н. Третьяковым. На экспедицию 1975 г. мне, как аспиранту, да еще и формальному ученику самого П. Н. Третьякова, некую малую сумму денег из секторального бюджета ЛОИА на раскопки выделили, но на экспедиционную машину средств не дали. Шофер Новгородской экспедиции без всякой платы перевез мои скромные экспедиционные пожитки и несколько студентов с поселения Золотое Колено на средней Мсте, где мы до того вели археологические работы, на Городище. Спасибо Валентину Лаврентьевичу. Так я получил возможность копать.

Основная задача перед началом работ на Рюриковом городище состояла в том, чтобы попытаться на новых материалах доказать наличие здесь отложений IX–X вв. и желательного получить образцы для дендрохронологии, чтобы снять все спорные вопросы. В 1975 г. был выбран участок на южном берегу Сиверсова канала. Причина одна – именно здесь вдоль размытого крутого берега были видны выходы слоев с органикой, содержащие раннегончарную и лепную керамику. Траншея длиной в 20 м была врезана в толщу земляного вала, идущего вдоль берега канала, образованного как древним культурным слоем, так, в основной массе, глиной, выбранной из русла канала при его строительстве. Слои с органикой оказались небольшой мощности (до 0,5 м), а главное, не удалось получить необходимых спилов для анализа, хотя была уточнена стратиграфия этой части памятника и сделан ряд любопытных находок разного времени, в том числе обнаружена лепная керамика «ладожских» типов.

После рекогносцировки 1976 г. в 1977 г. были начаты раскопки вдоль северного берега Сиверсова канала, где на площади первоначально в 50 кв. м (5 × 10 м) удалось обнаружить самые мощные на Городище культурные отложения, достигавшие 6 м. В дальнейшем раскоп был расширен в северном и восточном направлениях. Исследования в 1977–1979 гг. охватили площадь 160 кв. м. Нижняя половина культурного слоя (2,9 м) содержала органические остатки и относилась к начальному периоду жизни поселения. Эта половина в свою очередь распадалась на две части. Внизу шли черные и коричневые плотные напластования гумуса, щепы, навоза, соломы, в которых хорошо сохраняется дерево. Здесь были расчищены отдельно стоявшие хлебные печи, ограниченные бревенчатыми обносками, а одна печь находилась в небрежно сделанном срубике. Удалось получить серию из 58 спилов, оказавшихся пригодными для анализа, и тем самым дать основу для разработки городищенской дендрошкалы по хвойным породам деревьев. Анализы были любезно проведены в Лаборатории дендрохронологии ИА РАН СССР в Москве Н. Б. Черных. Синхронизация кривых роста годовых колец не составила особых трудностей ввиду большой дендрохронологической близости исследованного дерева. Пограничные точки шкалы Рюрика городища это 822 и 944 гг. Оказалось, что самое раннее бревно, использованное строителями, было срублено в 889 г. (Черных, 1996. С. 92–97). Мы рассматривали тогда этот результат как свою победу – ранняя дата Рюрика городища стала неоспоримой. Кроме того, ниже датированных остатков дерева продолжался культурный слой мощностью не менее одного метра, и стало ясно, что 889 г. фиксирует отнюдь не начало жизни поселения, а один из ее этапов.

Столь мощные культурные отложения с органикой накопились на данном участке потому, что в древности здесь проходила сырая ложбина, разделявшая собственно городищенский холм и низменный мыс. Постепенно стало ясно, что ложбина, очевидно, была использована для устройства рва, окружавшего древнейшую часть поселения. Культурный слой, накопившийся на ее дне, имел аморфную структуру и представлял собой мешанную коричневую и серую (сизую) глину, слои супеси и песка с включениями гумуса, древесных остатков и редких находок. Он отложился во время периодических затоплений ложбины, размывания и оползания ее склонов. В перемешанных слоях были расчищены дубовые бревна, чурки и колья, многие из которых имели следы обработки. Диаметр большинства из них 10–15 см. Выделялось значительное

количество дубовых (часто неошкуренных) колов длиной 1,5–2 м, один конец которых заострен, а на противоположном, в 0,15–0,25 м от конца сделаны врубки – чашки длиной 0,15–0,22 м и глубиной 4–5 см (у некоторых колов на местах врубок стесы). На ряде жердей, концы которых не заострены, также вырублено по одной, а иногда и по две чашки в разных местах.

Все остатки дерева лежали в беспорядке на различной глубине. Эти дубовые колы были сброшены и сползли по склону, причем это произошло не одновременно, так как часто их разделяли слои глины, супеси и гумуса. Этот процесс хронологически относится ко времени до последнего десятилетия IX в., поскольку тогда в заплывавшем уже рву построили первую печь для выпечки хлеба. Даты спилов из нижнего звена обноска первой печи – 889, 896 и 897 гг. Обращает на себя внимания, что почти все древесные остатки в нижней части рва – дубовые. Поскольку дуб практически не применялся в жилом и хозяйственном строительстве Новгорода, а в основном использовался при возведении городских укреплений или для поделок, и учитывая само расположение найденных на Городище развалов конструкции в месте перехода от холма к мысу, по склону рва, я в свое время предположил, что дубовые колы и бревна являлись частями каких-то оборонительных сооружений на самом холме (Носов, 1990. С. 50). Но ничего конкретного я предложить тогда не смог. Подспудно была и вторая мысль: не могли ли дубовые конструкции, или их часть, использоваться и в устройстве портовых сооружений Городища, например, причалов и мостков, выдвинутых в Волхов? Именно вбитые в дно колы могли оставаться в воде неошкуренными, поскольку не гнили, а в чашки закреплялись поперечные жерди, на которые клали плахи и доски. Разная длина колов объясняется понижением дна реки, куда они вбивались по мере удаления от берега, и необходимостью иметь мостки разных уровней в периоды колебания водности Ильменя. Через много лет я попытался, учитывая размеры колов и врубок на них по архивным полевым чертежам, графически представить предполагаемую конструкцию. Меня ждала неудача – слишком общий характер изначальной графической фиксации. Надо было сразу в поле детально зарисовывать каждое бревно, жердь и точно фиксировать размеры каждой врубки, готовя материал для своеобразного «конструктора». В свое время я не сообразил все это сделать, хотя положительный результат неочевиден.

Среди огромных дубовых бревен, открытых в ложбине, были экземпляры со сквозными проре-

зиями – выемками их краев вблизи торцов. Подобные врубки неоднократно встречались при раскопках культурных слоев в Новгороде, Пскове, Старой Ладогe и Риге. Их наличие вызывало противоречивые суждения. А. В. Цауне убедительно доказал, что так называемые «глицы» – специально выдолбленные отверстия использовались для скрепления плотов при сплаве бревен по воде (Там же. С. 50, 51). Такое объяснение назначения выемок логично, но оно должно быть несколько расширено.

Для вывозки стволов деревьев и бревен из леса в Древней Руси использовались волокуши-оглобли. Оглоблями служили копани – комлевые жерди с крюком, образованным отходящим корнем. Оглобли крепились к дуге и хомуту лошади, а на шипы надевался толстый насад (брус с пазами). На насад клали конец бревна и закрепляли. Здесь и нужны были пазы на бревнах. Поднимать концы бревен на насад было обязательно, так как иначе они при движении постоянно упирались бы в грунт. Волокуши использовались и летом, но в основном зимой, поскольку лес обычно заготавливается с декабря по февраль, когда стволовой сок от сильных морозов высыхает полностью. Волоком бревна по снежному насту доставлялись к месту рубки срубов. В 1959 г. Б. А. Колчин сфотографировал такую волокушу на лесозаготовках в Хвойнинском районе Новгородской обл. (*Dubrovin*, 2007. P. 225–227. Fig. 14, 21, 22). В Новгороде, по данным Б. А. Колчина, найдено в слоях XII–XV вв. три целые волокуши вместе с оглоблями (*Колчин*, 1968. С. 55–56. Рис. 45).

Сруб рубили, а затем в разобранном виде вся конструкция перевозилась и ставилась на фундамент там, где это было намечено. Согласно принятой технологии уже в собранном виде сруб под крышей продолжал досыхать еще около года, прежде чем приступали к оформлению интерьера. Сплавлили строевой лес по воде лишь тогда, когда требовалось его перевезти на большие расстояния, после чего бревна требовали длительной просушки. Качество строительного материала после сплава считалось более низким.

Полная длина одного из расчищенных на Городище дубовых бревен составила 3 м. Вытащить его из глубины раскопа в 1977 г. силами нескольких студентов оказалось невозможным. Осталось неясным – для какой конструкции, скорее всего оборонительной, такие дубы предназначались (понятно, что не для стен жилого дома), и почему они остались лежать заматыми в сырой ложбине и не были востребованы после сплава (если сплавливали, а не тащили из-за очень большого веса)? С мореных дубов диаметром 0,4 и 0,43 м с огромным трудом,

изрядно намучившись с двуручной пилой, на Городище сделали спилы. Они были переданы в Новгороде на базе экспедиции Б. А. Колчину, но анализы тогда в Лаборатории делали только по хвойным породам древесины, а поэтому для спилов результаты не были получены. К сожалению, ситуация осталась прежней и сейчас. Мне неизвестно, сохранились где-либо эти уникальные образцы (спилы), но сами стволы дубов остались на прежнем месте в толще замытой глины.

В 1980 г. раскопки были перенесены в высокую центральную часть Городища, возвышающуюся на 10–11 м над уровнем Волхова и самую нарушенную различными перекопами, заведомо лишенную слоев с органикой в силу геологических особенностей строения возвышенности, но исторически важнейшую на памятнике. Все исследователи, пробовавшие здесь копать, сталкивались с аморфным слоем, перемешанным до материка, и работы останавливали и не продолжали. Наша идея заключалась в том, чтобы сразу вскрыть широкую площадь и тогда, может быть, ситуация прояснится. В 1980–1983 гг. к югу от церкви Благовещения было раскопано 650 кв. м площади, второй раскоп располагался к юго-востоку от церкви (48 кв. м), третий – к востоку от нее (32 кв. м). Результаты работ оправдали себя. Оказалось, что под перемешанными культурными слоями в материке помимо оснований различных поздних построек, ям и военных траншей сохранились углубленные комплексы конца I тыс. н. э. Полученные данные позволили представить материальную культуру населения Городища достаточно всесторонне.

В 1990 г. мною была издана монография, подводящая итоги археологических исследований Рюрикова городища за 1975–1983 гг. и за весь предшествующий период изучения памятника (*Носов*, 1990). В 1984–1989 гг. экспедиция продолжила начатые в 1980 г. раскопки в центральной, самой возвышенной части поселения. Раскоп общей площадью 460 кв. м примыкал с севера и востока к раскопам предыдущих лет и почти вплотную подходил к кладбищу при церкви Благовещения. Впервые за все годы исследования на раскопанном участке были выявлены остатки крупных древнерусских построек с углубленными подпольями. Характер находок, сделанных при разборке построек, позволил предположить, что они принадлежали не рядовым жителям, а входили в комплекс строений княжеского двора. Для самого Новгорода дома с подпольями не были характерны, хотя они являлись обычными для других земель Древней Руси. Открытие на Городище заставляет еще раз обратиться к

вопросу о месте больших домов с подпольями в древнерусском домостроительстве в целом.

Уже в процессе работ 1987 г. при расчистке древнерусских построек было выявлено резкое падение древней дневной поверхности городищенского всхолмления в восточном направлении, которое в дальнейшем было сnivelировано мощной песчаной засыпью. Для выяснения ее характера в 1989 г. была заложена траншея длиной 16 м и шириной до 5 м. В результате был выявлен западный склон древнего рва, окружавший возвышенную часть городищенского холма площадью около 1–1,2 га. Глубина рва от древней дневной поверхности составляла 4,5 м. Очевидно, эта часть рва соединялась с рвом на месте ложбины, зафиксированным на северном берегу Сиверсова канала. Радиоуглеродный анализ, проведенный по углю из заполнения рва, позволил определить время его функционирования как конец VIII–X вв., причем датировки двух образцов говорят о том, что ров мог быть сооружен еще в начале VIII в. (Попов, Зайцева, 1994. С. 171, 179). Наличие древнего рва в непосредственной близости от храма Благовещения имеет прямое отношение к объяснению того, почему храм был разобран в XIV в. и на его месте возвели новую церковь. Очевидно, что строители собора в начале XII в. не учли наличие древнего рва, проходившего у фундамента храма или даже под ним, и тот попросту «поплыл» на сыпучем грунте.

Важно и еще одно сделанное наблюдение. На компактном участке площади поселения удалось выявить четыре комплекса эпохи раннего металла, датируемые в пределах второй половины II–первой половины I тыс. до н. э., на основании находок лепной керамики, украшенной отпечатками штампа и ямками. Среди комплексов представлены две ямы размерами 1,8 × 2,4 м при глуб. 1,1 м и 0,48 × 1,50 м при глуб. 0,32–0,55 м и два углубленных основания каких-то крупных строений. Их длина по 7 м, при ширине 2,4–2,8 м и 1,95 м и глубине соответственно 0,35–0,8 м и 0,5–0,6 м. Эти строения, являясь углубленными частями, вероятно, жилищ, были вытянуты одно за другим, находясь на расстоянии около двух метров, образуя тем самым вместе с ямами единый застроенный участок. О заселенности значительной части площадки Городища в эпоху раннего металла свидетельствуют также отдельные находки из культурного слоя. В одном случае найдены даже фрагменты двух «археологически целых» крупных орнаментированных сосудов, неожиданно для нас зафиксированных рядом почти сразу под современной поверхностью почвы, на постоянно распахиваемом участке Городища. Исследования

М. А. Раззак (Юшковой) показали, что подобная керамика характерна для выделенной ею культуры «волховского типа». Культура относится к концу бронзового века и датируется временем около первой половины I тыс. до н. э. Ее памятники концентрируются в Приильменье и Поволховье, а сформировалась она на базе культуры сетчатой керамики (Юшкова, 2011).

Начиная с середины 1970-х гг. наряду с постоянными исследованиями Рюрикова городища экспедиция вела целенаправленные поиски и раскопки археологических памятников в Ильменском Поозерье и в верховьях Волхова. Основная их цель заключалась в том, чтобы представить процесс становления Новгорода в единстве с развитием поселений его округа конца I тыс. н. э. В 1990–1992 гг. раскопки экспедиции полностью были сосредоточены на памятниках Поозерья и самых верховьев Волхова. Здесь принципиальные результаты дали раскопки селища Прость, находящегося поблизости от древнего славянского святилища в урочище Перынь. Были обнаружены материалы третьей четверти I тыс. н. э., т. е. пока самые ранние славянские древности в истоке Волхова и даже более ранние хронологически, чем напластования древней Ладogi.

Перед экспедицией всегда стояла задача публиковать результаты раскопок, не откладывая все в долгий ящик. Жизнь постоянно подтверждает, что не изданное исследователем сразу, как и ненаписанный отчет о полевых работах, в редких случаях возвращается к научному сообществу в полноценном виде. В 2005 г. нами была издана вторая монография о Рюриковом городище, в которой публиковались результаты его раскопок в 1984–1989 гг. и материалы исследований поселений Северного Приильмения. Кроме того, в ней многолетними сотрудниками городищенской экспедиции А. В. Плоховым и В. М. Горюновой были подведены итоги углубленного анализа лепной и раннегончарной керамики из исследований разных лет, как важнейшей категории находок для хронологических и этнических выводов (Носов и др., 2005б). За эту книгу авторы монографии были удостоены в 2015 г. премии Президиума РАН в области археологии им. И. И. Забелина.

В 1993 г. экспедиция ИИМК РАН вновь сосредоточила полевые работы на Рюриковом городище. Ручная переборка культурного слоя в экспедиции была заменена его промывкой на геологических ситах и специальном промывочном столе, а сухой рыхлый слой в высокой части поселения стал просеиваться на грохотах. Это способствовало улучшению качества просмотренных культурных отложений, что сказалось при фиксации мелких бус. Темпы

работы, однако, ощутимо замедлились. В 1993–1996 гг. раскопки велись на берегах Сиверсова канала для уточнения стратиграфии мысовой части памятника и в охранных целях, поскольку берега здесь постоянно размываются во время весенних паводков и именно здесь местные «любители древностей» – «черные копатели» приноровились разрывать культурный слой с целью обогащения за счет торговли древностями. Вдоль береговых обрывов были заложены небольшие раскопы по обеим сторонам канала.

Особенно престижным для демонстрации научного потенциала Рюрикова городища и перспектив его изучения выдался 1996 г., когда в конце августа в Новгороде проходил VI Международный конгресс славянской археологии. В его преддверии вдоль северного берега канала была проведена показательная зачистка культурных отложений на значительном протяжении и продемонстрированы характерные особенности стратиграфии памятника. В конце августа стояла изумительно теплая и сухая погода для этого времени года на Северо-Западе России, участники конгресса на общей экскурсии после осмотра церкви Спаса-на-Нередице смогли напрямую пересечь пересохшую речку Спасовку (бывший Малый Волховец) и непосредственно по Городищу дойти до самого Волхова. И в другие дни микроавтобусы с археологами-славистами еще неоднократно появлялись на Городище.

Важное наблюдение было сделано на северном берегу Сиверсова канала – зафиксированы следы вспашки однозубым пахотным орудием типа рала, т. е. до застройки на этом участке холма к востоку от рва была пашня. Учитывая уникальную сохранность древних органических остатков при переходе от холма к мысу, было решено возобновить здесь работы и вести их, непосредственно следуя обнаруженному в 1977–1979 гг. рву, продвигаясь постепенно к северу и северо-востоку от изученного участка. Тем самым мы должны были получить дополнительные материалы по слоям с органикой IX–самого начала X в., каких на территории собственно Новгорода до сих пор не найдено, и одновременно ответить на вопрос о характере первых дубовых укреплений Городища.

Достаточно трудоемкие раскопки шли в 1998–1999 гг. В 2000 г. на склоне рва было обнаружено пять дубовых клетей с поперечными плахами и вбитыми между ними колами. Все они, хотя еще и сохраняли определенный порядок, лежали не *in situ*, а сползли по склону. В 2001 г. было продолжено снятие мощных суглинистых и песчаных отложений с отдельными включениями дубовых бревен и колов, явно находившихся во вторичном залегании. Нако-

нец, летние месяцы 2002 и 2003 гг. выдались на редкость сухими, уровень воды в реках Приильменя и в самом озере понизился, и нам впервые за многие годы удалось опуститься на площади раскопа даже ниже уровня воды в Волхове в летнюю межень и спокойно исследовать самое основание рва. Общая картина, по крупицам собиравшаяся годами, стала складываться воедино.

Было установлено, что изначально городищенский холм в его мысовой части имел такой же пологий склон, как и с других его сторон. У самого основания холма были расчищены остатки двух рядов деревянных конструкций. Внутренний ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, не замкнутые со стороны холма. Длина их внешних стен достигала 4 м. Ширину их не везде достоверно удалось проследить, поскольку бревна боковых стен, упирающиеся в песчаный материковый склон, сохранились плохо. Перед рядом трехстенных срубов были расчищены остатки второй, внешней полосы деревянных конструкций. Она сохранилась значительно хуже, так как ее наружная, обращенная ко рву сторона оказалась на исследованном участке еще в древности полностью разрушена. От нее уцелели ряды поперечных стенок, находившиеся в 1–2 м друг от друга. Длина их составляла не менее 3 м. Возможно, внешняя полоса деревянных конструкций представляла собой усложненный вариант срубов внутреннего ряда. Эти конструкции поднимались рядами вверх на высоту не менее 4 м. Срубы, как и пространство между ними, были заполнены красноватой супесью. Тем самым площадь холма в южном направлении была значительно увеличена, а сама поселенческая площадка оказалась защищенной со стороны Ильменя мощной деревоземляной конструкцией, своеобразным вертикальным деревянным панцирем, засыпанным внутри грунтом. Возможно, по краю площадки шел деревянный тын, а ложбина была углублена, образовав защитный ров.

Очевидность грандиозности проведенных в древности строительных работ не оставляет сомнений в той значительной роли, которую придавали данному сооружению жители поселения. Однако мощная дубовоземляная конструкция была возведена реально на песке у склона холма и не устояла под напором весенних ильменских вод. При ежегодных подъемах воды основание сооружения было подмыто, заваливаясь в сторону рва, оно поползло вниз по склону, а его остатки оказались перемешаны с грунтом и заматы при последующих подъемах воды.

При новых раскопках верхней части заполнения заплывшего рва впервые удалось раскрыть слои

конца XI–начала XII в. с органикой и получить около десяти дендрохронологических датировок: 1081, 1095, 1097, 1102, 1106 гг. и др. (определения О. А. Тарабардиной в Лаборатории дендрохронологии Новгородского центра по организации археологических исследований при Новгородском государственном музее-заповеднике). В этих слоях найдена первая на Городище и пока единственная здесь берестяная грамота (по общей нумерации грамот Новгорода № 950 / Городище № 1).

При изучении слоя с органикой было сделано еще одно принципиальное для истории Городища наблюдение. Традиционно считалось, что сотни древнерусских свинцовых печатей с Городища скрепляли документы княжеского архива. На сравнительно небольшом участке поселения, где мы вели раскопки, при разборке различных небольших срубов была найдена представительная коллекция сфрагистических материалов XI–XII вв. – около 15 свинцовых печатей и их заготовок. Главный вывод, который вытекает из данного факта: обнаруженные печати относятся не к остаткам архива новгородских князей, разоренного в московский период истории города, а хранились вместе с документами в домах жителей Городища. Последние принадлежали, очевидно, к высшим социальным слоям новгородского общества. В связи с этим появляются новые перспективы для общей оценки сфрагистической коллекции Городища, что само по себе не закрывает вопроса о нахождении на Городище архива.

В 2005 г. в верхней части памятника был заложен раскоп вдоль восточной границы кладбища, а на следующий год – вдоль южной границы. Дело в том, что в течение целого ряда лет никак не удавалось убедить местные административные власти в необходимости строгого соблюдения запрета на новые захоронения на территории, выходящей за пределы традиционного кладбища, чтобы не уничтожать уникальный культурный слой важнейшего археологического памятника Северной Руси. На словах и на бумаге все соглашались, но захоронения продолжались. Наша задумка была верной, проведенные раскопки ограничили пределы существовавшего кладбища, и никто больше делать новых захоронений в местах только что проведенных земляных работ не стал.

Эти охранные исследования дали начало изучению большой площади центральной части Городища в 2005–2010 гг. Здесь удалось обнаружить восточный склон рва с накопившимися интереснейшими культурными отложениями и состыковать его с западным склоном, зафиксированным в 1989 г. В 2011–2012 гг. были проведены раскопки у совре-

менного западного края городищенского холма, предшествовавшие установке памятного знака – «Княжий камень» в честь 1150-летия основания Русского государства (рис. 1).

В 2013–2016 гг. непосредственно на Городище полевыми работами Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН руководил И. И. Еремеев. В 2013 г. были проведены небольшие раскопки в районе расположения Никольской церкви. Ее остатков обнаружить не удалось. В 2013–2016 гг. работы велись на раскопе (10 × 10 м) в 15 м к северо-западу от фундаментов позднейшей части храма Благовещенья с целью поисков места, где древний ров выходил к Волхову. Именно здесь, судя по детальному топографическому плану, начинается понижение площадки Городища к северу. Первые наблюдения дали обнадеживающие результаты (Носов и др., 2015. С. 88 и сл., рис. 1). Выявлены остатки древнего вала с деревянными конструкциями, по всей видимости, аналогичные остаткам укреплений, зафиксированных нами на северном берегу Сиверсова канала, измельченная лепная керамика разных типов, несколько находок (Носов и др., 2016. С. 110–112).

Материалы раскопок Рюрикова городища и изучения связанной с ним тематики постоянно вводятся в научный оборот. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции был издан историко-археологический сборник по материалам международной научной конференции «У истоков русской государственности» (редактор-составитель А. Е. Мусин) (У истоков..., 2007). В 2010 г. к юбилею руководителя экспедиции Е. Н. Носова был опубликован сборник «Диалог культур и народов средневековой Европы» под редакцией А. Е. Мусина и Н. В. Хвоцинской, содержащий ряд статей по материалам, связанным с Городищем (Диалог культур..., 2010). В 2012 г. к 1150-летию зарождения российской государственности Е. Н. Носовым, Н. В. Хвоцинской и М. В. Медведевой была издана богато иллюстрированная книга «Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий», по материалам раскопок Городища и фотоархива ИИМК РАН. Красочное издание дает представление об общем облике материальной культуры памятника на различных этапах его истории и масштабных ландшафтных изменениях, случившихся в начале и середине XX в. в его округе (Носов и др., 2012а). В 2012 г. сотрудники новгородской областной научной библиотеки Ю. В. Шварц и Т. А. Данько опубликовали крайне полезный для исследова-

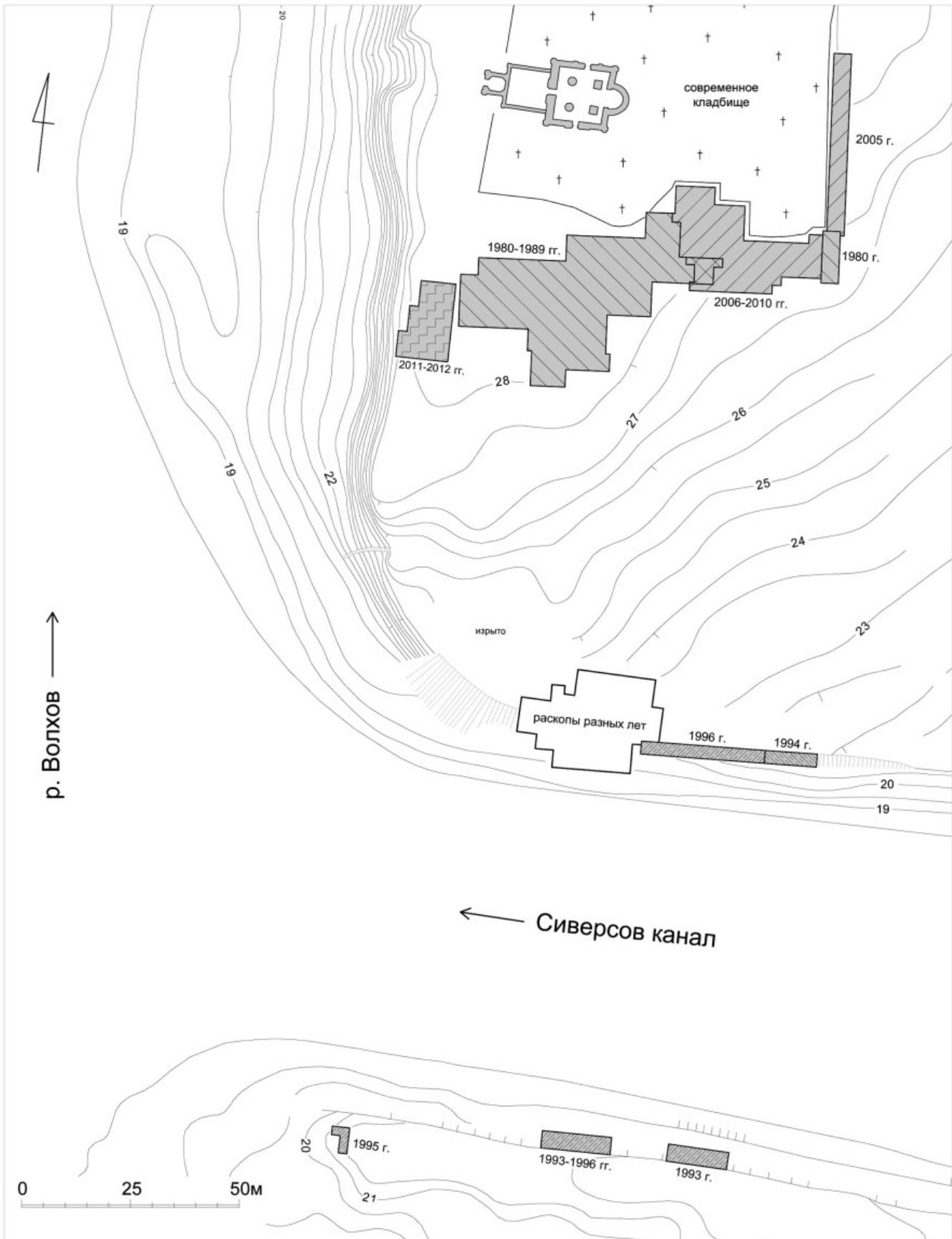

Рис. 1. Центральная часть Городища с раскопами разных лет Новгородской областной экспедиции

телей библиографический указатель «Рюриково городище – начало российской государственности», содержащий исчерпывающую информацию о Рюриковом городище в отечественных научных и периодических изданиях и в русской литературе (Рюриково городище, 2012).

Итоги раскопок Рюрикова городища, полученные материалы и сделанные выводы широко публиковались на европейских языках, как результат международного сотрудничества коллектива Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН и новгородских археологов в целом, представлявшими различные археологические учреждения Москвы и Великого Новгорода, с зарубежными коллегами. Большой международный резонанс получили материалы Рюрикова городища, представленные на выставках и в сопровождавших их каталогах в нескольких странах Европы.

Первой появилась публикация в 1992 г. в Англии под редакцией Марка Брисбейна монографии «Археология Новгорода», где обширная глава, написанная Е. Н. Носовым, была посвящена итогам изучения Рюрикова городища и поселений Северного Приильменья (Nosov, 1992. P. 5–66). В дальнейшем достаточно полные обобщения о раскопках Городища были изданы на французском и немецком языках (Nosov, 2000. P. 143–172; 2001. S. 13–74; 2017. S. 10–127)

М. Брисбейн способствовал публикации в Англии сборников, включивших ряд принципиальных работ по изучению материальной культуры Городища, в частности, Н. В. Хвоцинской о бронзолитейном производстве на Рюриковом городище (*Khvoshchinskaya*, 2012. P. 152–171), а также А. В. Плохова и В. М. Горюновой о лепной и раннегончарной керамике памятника (*Plohov*, 2006. P. 13–30; *Goryunova*, 2006. P. 31–51).

В 1992 г. материалы из раскопок Городища с соответствующими комментариями были включены в состав каталога обширной международной выставки, посвященной созданию Единого Европейского Союза, прошедшей поочередно в Париже, Берлине и Копенгагене. Каталог выставки был опубликован на английском языке и переиздан на французском, немецком и шведском (*From Viking...*, 1992. P. 301–303).

В 1993 г. городищенские материалы были представлены на выставке в музее г. Роскильде, которую открыла сама королева Дании Маргрете II, живо интересующаяся археологическими древностями. Выставка побывала затем в Швеции в г. Висьбю на о. Голтланд и в г. Сигтуне поблизости от Стокгольма. Наконец, нельзя не отметить выставку,

прошедшую в музее Нормандии в г. Кан (Франция) в 2011 г.

В предлагаемой монографии впервые в полном виде публикуются итоги исследований в центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг., материалы раскопа на месте установки «Княжего камня» в 2011–2012 гг., работ 1993–1996 гг. вдоль берегов Сиверсова канала. В отдельных разделах рассматривается история изучения Рюрикова городища и изменение круга конкретных задач, требовавших своего решения по мере расширения раскопок. В работе анализируется роль Рюрикова городища, как древнейшего Новгорода, в контексте этнических и социальных процессов, происходивших в Приильменье и Поволховье в конце I тыс. н. э.; рассматриваются древнерусские городищенские постройки с подпольями и их место в домостроительстве Древней Руси. Приложение 1 к книге, чтобы не усложнять основной текст, содержит конкретные анализ и описания ряда значимых находок из раскопок рассматриваемых лет, уже в полном виде опубликованных ранее в целой серии специальных статей и заметок постоянной сотрудницей экспедиции Т. С. Дорофеевой. В Приложении 2 приведены результаты изучения М. В. Саблиным (ЗИН РАН) костей животных и птиц из разных хронологических слоев поселения. Книга является существенным дополнением ко всем ранее изданным материалам, связанным с исследованиями Городища.

За постоянную помощь в организации археологических работ на Рюриковом городище авторы искренне благодарят администрацию Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, и прежде всего его директора Н. В. Григорьеву и заместителя директора, О. С. Соболеву, курировавшую работы на Городище и его благоустройство для посещения туристов. При подготовке материалов к печати основная часть вещей была зарисована и отсканирована художником ИИМК РАН Г. А. Кузнецовой. Определения печатей и средневековых монет сделаны В. Л. Яниным и П. Г. Гайдуковым. Восточные монеты определены А. А. Гомзиным. Почти все рисунки керамики выполнены В. М. Горюновой. За любезные консультации по вопросам находок восточной посуды авторы признательны Ю. В. Ковалю, христианских древностей – А. А. Песковой, а скандинавских находок – И. Янссону (Швеция). Компьютерная обработка полевых чертежей и сведение общих планов городищенских раскопок выполнены О. В. Григорьевой. Кроме того, некоторые рисунки вещей сделаны Е. В. Грицик и И. В. Загоскиной,

а фотографии – И. Г. Самоваровым и Т. И. Ершовой, часть бус отсканирована Е. С. Зубковой. Расчистку и консервацию предметов из металла осуществляли Н. С. Курганов, В. Л. Полигаев и К. В. Горлов. Всю камеральную работу в поле многие годы возглавляла Т. С. Дорофеева. Непосредственными руководителями раскопок на участках вдоль берегов Сиверсова канала были А. В. Плохов и К. А. Михайлов, а на городищенском холме – М. В. Медведева, М. А. Юшкова (Раззак), А. М. Смирнов и Е. А. Жукова (Михайлова). Хотим также отметить постоянное участие в работе экспедиции О. Н. Клименко, В. В. Одинцовой, С. А. Васильева, А. В. Нестерова и Г. А. и И. Г. Ковальцовых. На разных стадиях работы над рукописью, как и во время самих раскопок, неоценимую помощь нам оказывала моя дочь Е. Е. Носова. Рюриково городище служило местом постоянной археологической практики студентов исторического факультета СПбГУ (руководитель практики доцент В. Н. Седых, который проводил первоначальную фотофиксацию находок, поступавших в полевую лабораторию экспедиции непосредственно с раскопок), студентов Готландского университета из г. Висьбю, а также студентов Стокгольмского университета, которых курировал профессор И. Янссон (Швеция).

Мы глубоко благодарны нашим уважаемым зарубежным коллегам профессорам Марку Брисбейну (Великобритания), Михаилу Мюллер-Вилле (Германия), Ингмару Янссону (Швеция) и их сотрудникам за посильную многолетнюю помощь в организации работ экспедиции, студенческом обмене, изучении материалов и публикации итогов исследований. Выражаем признательность всем коллегам-профессионалам из Англии, Ирландии, Швеции и Германии и всем студентам разных стран, участвовавшим в раскопках и обработке материала.

Всем им, а также тем, кто в той или иной форме в разные годы был причастен к полевым исследованиям на Рюриковом городище и способствовал их успеху, как и обработке материала, выражаем нашу глубокую благодарность.

Многолетние исследования Рюрикова городища не только вывели его в число памятников культуры общеевропейского уровня, но во многом определили его судьбу нынешнюю и грядущую среди объектов национального наследия всей России. В 2009 г. Дума Великого Новгорода приняла решение о вклю-

чении территории Городища в городскую черту. Рюриково городище и Новгород были признаны символами зарождения русской государственности, празднование 1150-летия состоялось осенью 2012 г. Тогда 22 сентября на Городище был открыт памятный знак – «Княжий камень», свидетельствующий о приходе на Русскую землю в IX в. скандинавского князя по приглашению новгородцев. Надпись на многотонном валуне, принесенном в Приильменье ледником из Скандинавии тысячи лет назад, воспроизводит фрагмент текста «Повести временных лет» по Радзивилловскому списку с описанием прихода Рюрика и строительством «городка над Волховом».

Произошли изменения и в окружавшем Городища ландшафте. Сейчас на треть понижена насыпь железной дороги, сооруженной во втором десятилетии XX в., что во многом открыло ландшафт окрестностей Городища, приблизив его к тому, каким он был в древности. До быков от Нередицы положено асфальтовое покрытие, а дорога к самому холму вымощена известняковыми плитами. Вырублен кустарник и деревья на территории памятника. Поблизости от «Княжего камня», откуда открывается величественная панорама истока Волхова с Юрьевым монастырем и урочищем Перынь, устроена небольшая экспозиция для туристов, рассказывающая об истории Рюрикова городища, этапах его археологического изучения и архитектурных работ, связанных с сохранением церкви Благовещения Богородицы, заложенной еще в 1103 г. В 2016 г. начата и в 2017 г. продолжена реставрация руин церкви, включенной вместе с рядом новгородских памятников архитектуры в список объектов Всемирного наследия Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). В перспективе придание Рюрикову городищу и охранной зоне церкви Спаса Преображения на Нередице статуса архитектурно-археологического и ландшафтного заповедника.

Я считаю, что все сказанное – достойный итог систематических сорокалетних археологических исследований Рюрикова городища, проходивших отнюдь не в идеальных финансовых и организационных условиях, пришедшихся на тяжелые годы перестройки страны. Жизнь продолжается, и я уверен – многие открытия на Городище и всестороннее осознание принадлежащей ему роли в отечественной истории еще впереди.

Глава 1

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ – РЕЗИДЕНЦИЯ НОВГОРОДСКИХ КНЯЗЕЙ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ НОВГОРОДА

Славянское расселение в Приильменьи и в Поволховье

Центрами формирования государственности в среде восточного славянства в конце I тыс. н. э. являлись Среднее Поднепровье на юге и Северное Приильменьи и Поволховье – на севере. Основными ядрами кристаллизации новых общественных и экономических отношений в первом случае был Киев, во втором – Новгород, объединение которых пришедшем из Новгорода на юг в 882 г. князе Олеге традиционно считается временем образования единого Древнерусского государства – Киевской Руси. Вокруг Киева объединились южные восточнославянские племена, вокруг Новгорода – северные.

Северная (Новгородская) Русь представляла собой наиболее обширную область Древнерусского государства. Ее географическое размещение на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера и Северо-Востока, ключевое расположение на перекрестке важнейших международных торговых путей Восточной Европы, невысокое, в сравнении с Южной Русью, плодородие почв, при густой залесенности и широкой заболоченности местности, рассредоточенность сельских жителей и малочисленность городов обусловили многие особенности формирования и структуры Новгородской земли и ее центра. Сложение государственной территории на юге и на севере Руси и становление городов, как опорных центров новых общественных и экономических отношений, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, а с другой стороны, имели немало специфических черт, что нельзя недооценивать.

Весьма примечательны с географической точки зрения места, где были основаны Киев и Новгород. Киев возник на правом берегу р. Днепра, там, где, приняв воды р. Десны, своего последнего крупного притока, Днепр выходит из зоны лесов в лесостепь. Именно «господствующее положение киевской территории, которая как бы на ключ замыкает широко разветвленные пути верхней части днепровского бассейна, – писал П. П. Толочко, – являлось одной из решающих причин выдвижения ее на первое место в Среднеднепровском районе» (Толочко, 1975. С. 19).

С почти аналогичной ситуацией мы сталкиваемся и в случае с Новгородом. Город, основанный

при истоке Волхова из озера Ильмень, замыкает в ключевой точке обширную разветвленную систему рек ильменского бассейна, охватывавшую почти все земли северной группировки славян. По р. Ловати шел путь на юг к р. Западной Двине и к переходу в днепровский бассейн, по рекам Мсте и Поле открывались выходы на восток и юго-восток к верховьям рек Волги и Мологи, по р. Шелони пролегла дорога на запад к бассейну р. Великой и к Чудскому озеру.

Большинство исследователей сейчас склоняется к тому, что в бассейне Ильменя славяне появились в третьей четверти I тыс. н. э. Исток Волхова и прилегающий к нему с юго-запада небольшой район (Поозерье) явились центром славянского расселения. Подобную роль данной территории определило ее чрезвычайно выгодное географическое положение в месте, где сходились обширные системы рек и имелись плодородные почвы.

Новгородцы издавна называют Поозерьем территорию («земли по озеру»), протянувшуюся полосой в 4–5 км на 20 км вдоль Ильменя, между ним и протекающей почти параллельно его берегу р. Веряжей. Это один из самых населенных и развитых в сельскохозяйственном отношении районов Новгородской земли, наиболее удобный для начального земледельческого освоения. Поозерье и исток Волхова, в первую очередь, имел в виду древнерусский летописец, когда сообщал, что во время продвижения славян их самая северная группа – «новгородские словени» – «седиша около езера Ильмеря и прозвашася своимъ имянемъ», т. е. общеродовым именем славян, оказавшись в иноязычном прибалтийско-финском окружении (ПСРЛ, 1926. С. 6).

Всего к настоящему времени открыто около 30 поселений конца I тыс. н. э., а еще ряд размыт Ильменем (Носов, 1991. С. 5–37). Сплошной цепью протянулись они по Веряже, вдоль Волхова и его правого рукава – Малого Волховца, а ранее располагались и по берегу самого озера. По общему облику материальной культуры и прежде всего по характеру преобладавшей лепной профилированной керамики ладожского типа эти поселения едины и принадлежат культуре сопков, перерастающей в древнерусскую культуру. Самым ранним из них в настоящее время является поселение Прость, где встречены древности третьей четверти I тыс. н. э. (Носов и др.,

20056. С. 122–154). Примечательным в размещении поселения является его непосредственная близость и частичная синхронность с известным славянским языческим святилищем в урочище Перынь, отделенным от него периодически затапливаемой болотистой поймой.

Перынь – главное языческое капище ильменских славян. Оно представляет собой небольшое всхолмление на левом берегу Волхова при его истоке из Ильменя. Весной перыньский холм, увенчанный сосновой рощей, превращается в остров. Согласно летописям в 980 г. воевода Добрыня, дядя великого князя Владимира Святославича, утверждая культ Перуна в Новгороде, «постави кумира надъ рекою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу» (ПВЛ, 1996. С. 97). Каким было это изображение божества, летописец не сообщает, но установленный одновременно в Киеве деревянный Перун имел серебряную голову и золотые усы. После принятия в 988 г. князем Владимиром христианства и приходом в Новгород первого архиепископа Иоакима Корсунянина языческое святилище было разорено, а сам идол Перуна сброшен в Волхов.

Святилище в Перыни существовало отнюдь не десятилетие. Устойчивость названия холма Перынью и связанных с ним преданий, доживший до наших дней обычай бросать в Волхов монету при следовании мимо Перыни («жертва Перуну») говорят о достаточно длительном местонахождении здесь культового центра. Перун – исконно общеславянское божество, бог-громовержец, и именно в таком своем качестве он изначально почитался славянами. С появлением новых социальных групп вокруг великого князя культ Перуна, как бога-покровителя княжеской власти и дружины, был выдвинут на первое место. Владимир стремился придать Перуну значение верховного бога всего Древнерусского государства. В этом была суть принятой им в 980 г. реформы. Установка Добрыней новой статуи Перуна на старом святилище и нашла свое отражение в известной летописной записи.

Перынь издавна привлекала внимание исследователей. В 1948 г. экспедиция А. В. Арциховского начала здесь раскопки (руководитель работ А. Ф. Медведев), продолженные В. В. Седовым. На вершине холма была открыта площадка диаметром 21 м, окруженная рвом шириной 5–7 м и глубиной до 1 м. Внутренняя граница рва образует правильную окружность, а внешняя – неровная с отдельными выступами. Внутренний склон рва крутой, внешний – пологий. На дне рва зафиксированы угли, а в центре площадки – яма от массивного

столба. Рядом с этим комплексом выявлены остатки второго рва и предположительно третьего.

Раскопанный круг был интерпретирован В. В. Седовым как святилище Перуна. Яма в центре, по его мнению, являлась основанием деревянного идола, а во рву в восьми ячейках-выступах горели священные костры. Вокруг статуи Перуна находились изображения других языческих богов, также окруженные рвами. Такое представление об облике Перыни и ее графическая реконструкция вошли в литературу, особенно в ярком художественном стиле, присущем Б. А. Рыбакову (Седов, 1953. С. 92–103; 1954. С. 105–108; Рыбаков, 1987. С. 256–258).

Многое в этой нарисованной картине вызывает сомнения. Прежде всего, форма круга с восемью лепестками, это не установленный факт, а реконструкция В. В. Седова. Фактом является лишь наличие у рва неровных внешних краев. Если взглянуть на раскопанные перыньские сооружения с учетом новых материалов, то эти объекты поразительно напоминают основания разрушенных больших курганных насыпей (сопок). В последних при раскопках не раз фиксировались в основаниях кольцевые рвы с обожженными камнями и следами костров. Рвы окружали площадки, в центре которых были столбы, игравшие роль вертикальных осей, вокруг которых возводились сами насыпи. Учитывая это, В. Я. Конецкий высказал предположение, что В. В. Седов зафиксировал не само святилище с идолом Перуна, а остатки разрушенных сопок, что могло случиться при принятии христианства (Конецкий, 1995. С. 80–85). Что раскопал В. В. Седов в Перыни, до конца не ясно. Изучению подверглась лишь часть всхолмления, и в дальнейшем, возможно, удастся более полно прояснить облик культового (или культово-погребального) комплекса в Перыни. Вряд ли все же стоит сомневаться, что он здесь был.

Славянское святилище Перынь и поселение Простоь находятся на самой северной окраине Поозерья, но в самом центре плотной поселенческой зоны, охватывавшей наряду с Поозерьем и верховья Волхова. По своим природным условиям исток Волхова очень близок Поозерью. Здесь местность представляет собой плоскую, заливаемую пойму, изрезанную многочисленными рукавами и протоками, среди которой почти на каждой возвышенности находятся остатки поселений конца I тыс. н. э., а в ряде пунктов зафиксированы погребальные памятники – сопки. Среди поселений известны два городища – Рюриково городище и Холопий городок. Первое из них занимает ближайшую от Ильменя возвышенность, где от Волхова отделя-

ется его правый рукав – Малый Волховец, а второе приурочено к месту их слияния. Такое расположение безусловно определило роль обоих поселений как контролирующих пунктов на проходившем по Волхову водном пути. Именно Рюриково городище стало главным поселением района, древнейшим военно-административным и торгово-ремесленным центром Северного Приильменя, первым летописным Новым городом (Новгородом).

К IX–X вв. славянское население уже плотно освоило Поозерье и верховья Волхова. Здесь находилось их центральное языческое капище в урочище Перынь, погребальные курганы-сопки и городища: два в Поозерье (Сергов городов и Георгий) и два на Волхове (Рюриково городище и Холопий городок). Древнейшее из известных на данный момент поселений Прость располагалось близ Перыни и его слои восходят ко времени третьей четверти I тыс. н. э. Судя по современному состоянию наших знаний, концентрация поселений в Поозерье и в истоке Волхова в конце I тыс. н. э. была несравнима выше, чем в других местах вокруг Ильменя, хотя недавно И. И. Еремеев, справедливо отмечал, что ранние городки есть и на восточном берегу Ильменя (Городок на Маяте и Сельцо), а следовательно, славяне селились вокруг всего озера (Еремеев, Дзюба, 2011. С. 11, 394, 402 и сл.).

Балтийско-Волжский путь и древняя Ладога

Наряду со славянским расселением значимым фактором для появления в северном Приильмене военно-административного и торгово-ремесленного центра явилось прохождение по Волхову Балтийско-Волжского (Восточного) пути и пути «из варяг в греки», которые расходились именно в истоке Волхова (Носов, 1976. С. 99–103; Носов и др., 2005б. С. 23–25; Мельникова, 2010. С. 219–225).

Первые скандинавы, или, как их называли на Руси, «варяги», появились в Ладожском озере еще до эпохи викингов. Однако, как только поток серебряной монеты хлынул в Восточную Европу, варяжские группы стали проникать в глубь территории по основным водным магистралям, стремясь поставить их под свой контроль и доминировать на рынках сбыта серебра, пушнины и рабов. Для того чтобы все это увенчалось успехом, им было необходимо интегрироваться в состав местного общества, прежде всего в его социальные верхи (Noonan, 1998. P. 321–348).

В Восточной Европе славяне и скандинавы вступили в многообразные формы экономических

и социальных отношений на фоне обширного финского мира. В этом, если так можно выразиться, интернациональном котле и завязалась русская государственность, возникли первые города, сложилась основа Северной Руси. Особое место принадлежало землям вдоль Волхова, где наиболее широко происходили славяно-скандинавские контакты и располагались два городских центра – Ладога и Рюриково городище, первый Новгород наших летописей, замыкавшие низовья и верховья реки.

Древнейшим из них является Ладога, основанная в середине VIII в. в двух сотнях километров от коренной территории ильменских славян (самая ранняя дендрохронологическая дата поселения 753 г.). На запад от Ладоги тянулись незаселенные болотистые леса, а на восток лишь на р. Сяси начинались районы, занятые финноязычными племенами. В сравнении с Поозерьем с его плодородными почвами и широкими поймами и с разработанными долинами крупных рек Приильменя низовья Волхова никаких особых преимуществ для развития сельского хозяйства не имели, а даже уступали им. Встает закономерный вопрос: чем же было вызвано основание во второй половине VIII в. в северном Поволховье Ладоги и ее последующее возвышение?

Появление Ладоги именно в низовьях Волхова нельзя признать случайным, и решающими являются природно-географические основания. Ладога находится в месте, где морской и речной внутриконтинентальный пути сменяли друг друга. Каждый из них требовал особых навыков плавания, переоснащения или даже смены типа судов и мог функционировать только в определенные периоды года. Суда, шедшие на восток, миновав Финский залив, поднимались вверх по Неве в Ладожское озеро (озеро «Нево» древнерусских летописей) и после прохождения вдоль его южного берега достигали Волхова. Короткая и полноводная Нева (длина 74 км, ширина в среднем 400–600 м) позволяла не менять традиции морского плавания. Неву мореходы воспринимали как своего рода короткий пролив между Финским заливом и Ладожским озером, которое своей обширностью и бурным нравом производило впечатление моря больше, чем мелководный и узкий залив.

Низовья Волхова представляли перед путниками широкой спокойной водной гладью среди низких заросших кустарником берегов. Однако через 20 км реку перегораживали самые опасные в Восточной Европе волховские (гостинопольские) пороги, тянувшиеся на 9 км. Тут река стремительно мчалась между отвесных известняковых теснин высотой до 30 м. Согласно средневековым письменным источникам для преодоления порогов требовалась

перевозка товаров сухопутным путем вдоль реки и перегрузка их на плоскодонные суда или протягивание разгруженных ладей на канатах вдоль берега. Первая серьезная естественная преграда на внутренней водной магистрали и вызвала необходимость появления в низовьях Волхова этапного пункта. Им и стала Ладога, основанная на левом берегу Волхова при впадении речки Ладожки, образующей удобную бухту для стоянки судов и их ремонта.

Расположение Ладоги в месте встречи двух миров – мира балтийских культур и мира культур континентальных определило разноэтничность ее населения, многокомпонентность материальной культуры, сложное переплетение различных традиций. О пестром составе обитателей поселка говорят разные типы могильных памятников в его окрестностях – грунтовый могильник с трупосожжениями у Никольского монастыря, несколько десятков высоких курганов-сопок, типичных для центрального Приильменя и образующих вокруг Ладоги ряд групп, небольшие полусферические курганы с захоронениями по обряду кремации в урочище Победище, компактная группа скандинавских курганов в урочище Плакун.

Раскопки, проводившиеся под руководством Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябина, В. П. Петренко, А. Н. Кирпичникова и других исследователей, позволили представить многие конкретные стороны жизни древних ладожан. Ладога в начальный период своего существования являлась небольшим неукрепленным поселением, где без особой системы располагались рубленные из бревен дома, ремесленные мастерские, загоны для скота. В X в. характер застройки изменился. Появилась уличная планировка поселения.

Достаточных материалов для того, чтобы уверенно судить о топографии Ладоги VIII–X вв., нет. Оценки площади поселения в 12–16 га сильно завышены и необоснованны. По мнению С. Л. Кузьмина, население древнейшей Ладоги во второй половине VIII–начале IX в. «вряд ли превышало несколько десятков человек и максимально может быть оценено в сотню жителей», а суммарные размеры поселения X в. составляли не более 6–8 га (Кузьмин, 2008. С. 73).

В VIII–IX вв. для жителей Ладоги были свойственны два типа домов: большие бревенчатые срубы (5–6 × 7–8 м) с сенями и открытыми очагами-каменками в центре жилого помещения и квадратные в плане постройки (4 × 4 или 5 × 5 м) с печами-каменками в углу. Происхождение первого типа жилых строений до конца не ясно. По плано-

вой схеме они близки отдельным домам населения культуры псковско-новгородских длинных курганов, некоторых групп восточных финнов и Скандинавии, хотя на территории последней срубная техника строительства в VIII–IX вв. не была распространена. Второй тип домов был вообще широко известен у населения лесной зоны, в частности у славян.

Лепная керамика Ладоги из ее нижних горизонтов однородна. Она не дает оснований говорить о резкой смене состава обитателей поселка в VIII–X вв. У сторонников неоднократной этнической смены населения Нижнего Поволжья в конце I тыс. н. э. нет никаких фактических данных для подобных заключений. Керамика Ладоги не является по происхождению скандинавской. Таковая представлена лишь единичными черепками. Несколько ладожских по типу сосудов обнаружены в Центральной Швеции, сделаны там, по заключению специалистов, либо славянскими рабынями, вывезенными за моря, либо скандинавскими женщинами, побывавшими на востоке (Плохов, 2002. С. 144–159). Керамика Ладоги является продуктом, зародившимся в лесной зоне Восточной Европы (Сениченкова, 2014. С. 358, 359). Она аналогична посуде поселений истока Волхова и Поозерья, т. е. значительную часть ладожских жителей составляло то же население, что обитало в конце I тыс. н. э. в самом центре Приильменя и оставило культуру сопок. Ряд находок свидетельствует о присутствии среди населения поселка выходцев из Верхнего Поднепровья.

Ладога является пунктом, где известны самые ранние на территории Древней Руси скандинавские находки, относящиеся ко времени начиная с 750–760-х гг. Среди них овальная фибула, обломок шейной железной гривны из четырехугольной в сечении проволоки, колесовидные бляшки, деревянная палочка и бронзовая пластинка с руническими надписями – предметы, уникальные для всего скандинавского мира, а также – игральные костяные шашки, бронзовый игольник, аналогичный найденным на территории Швеции, и др.

Получены убедительные свидетельства того, что ряд категорий вещей скандинавского или общевосточного круга производился непосредственно на ладожском поселении местными ремесленниками. При раскопках неоднократно были встречены гребни фризско-скандинавского типа, а также их заготовки. Такие гребни в небольшом количестве делались в VIII–IX вв. в самой Ладоге, очевидно, приезжими скандинавскими или фризскими мастерами. С середины VIII в. фиксируется местное производство железных ланцетовидных наконечников

стрел, обычно относимых по своему происхождению к скандинавским. Больших успехов достигли ладожские кузнецы. Они изготавливали самые различные орудия труда и бытовые предметы. Так, в Ладоге впервые осваивались и затем распространялись по территории Руси передовые ремесленные навыки и технологии обработки железа. Убедительным примером этого является изготовление трехслойных ножей.

В древнейшем горизонте Ладоги был открыт уникальный кузнечно-ювелирный комплекс, включающий кузницу, кузнечно-слесарную мастерскую и ювелирный горн (750–770-е гг.). В нем найден клад инструментов, состоящий из 22 различных предметов, принадлежавших ремесленнику-универсалу: 7 клещей, ювелирные молоточки, ножницы для резки металла, миниатюрная наковальня, сверла, волочило (гвоздильня) и др. Клад, ближайший ладожскому по составу, назначению, деталям и формам входящих в него орудий, происходит с острова Готланд из Местермюра и датируется X в. Е. А. Рябинин полагал, что ладожский клад принадлежал ремесленнику-скандинаву, поскольку применявшиеся мастером технологии еще не были известны у славянского и финского населения того времени. Среди вещей клада имеется бронзовый четырехгранный стержень с головой бородатого мужчины, от которой отходит плоское кольцо, оформленное в виде двух птичьих голов. Судя по аналогиям вендельского времени с острова Готланд, исследователи полагают, что это изображение скандинавского бога Одина с его двумя воронами (Рябинин, 1994. С. 5–59).

Напротив ладожского поселения, на низком правом берегу Волхова, раскопан обособленный от других погребальных памятников Ладоги скандинавский могильник в урочище Плакун, относящийся к IX–X вв. Он насчитывал около 20 низких насыпей и содержал погребения по обряду кремации в ладьях, а также захоронение в погребальной камере. Существование отдельного кладбища в урочище Плакун свидетельствует об обособленности части ладожских скандинавов от иных групп ее жителей.

Интересные материалы дал антропологический анализ погребенных из грунтового могильника XI–XII вв. у церкви Климента в Ладоге. Из могильника происходит значительная скандинавская антропологическая серия, оставленная группой населения, проживавшей в Ладоге постоянно. Ее наибольшее сходство наблюдается с сериями черепов из Швеции, Британии и Исландии (Санкина, Козинцев, 1995. С. 90–107; Платонова, 1997. С. 25–27).

Археологические материалы дают убедительную картину присутствия среди населения Ладоги выходцев из Скандинавии с самых первых этапов ее существования. Среди северных пришельцев были мужчины, женщины и целые семьи, а по социальному составу – воины, торговцы и ремесленники. Скандинавы жили в Ладоге и в XI–XII вв. Ладога или Aldeigja (Aldeigjuborg), как ее именуют в древнескандинавской письменности, вполне может рассматриваться как форпост скандинавской культуры на севере Руси. Однако нет оснований считать Ладогу сугубо скандинавской колонией, поскольку ладожское домостроительство, лепная и раннегончарная керамика, различные группы погребальных памятников, многие элементы материальной культуры не связаны со скандинавским этносом.

Об особой роли Ладоги в русско-скандинавских отношениях свидетельствуют и различные письменные источники (Рыдзевская, 1945. С. 51–65). В некоторых вариантах «Повести временных лет» призванный на княжение Рюрик изначально появился в Ладоге и через два года, после смерти братьев, перешел в Новгород. Согласно другим вариантам Сказания он сразу прибыл «из-за моря» в Новгород. Первое достоверное известие о Ладоге в древнесеверной литературе сообщает о нападении на нее в 997 г. норвежского ярла Эйрика, сына Хакона. В 1016 г. Свейн, младший брат Эйрика, совершил еще один набег на восточные земли, в числе которых, возможно, опять же была Ладога. Судя по северным источникам в 1020 г. шведская принцесса Ингигерд, дочь Олафа Шведского, была выдана замуж за князя Ярослава Мудрого. В качестве свадебного дара она получила Ладогу, видимо, учитывая традиционные связи этого города со Скандинавией. Родич Ингигерд – ярл Ронгвальд, женатый на сестре норвежского конунга Олафа, сына Трюнгви, стал правителем Ладоги. После смерти Ронгвальда правление перешло к его сыну, ярлу Эйлифу, при котором в городе также находилось много норманнов. Как и в случае со Сказанием о призвании варягов, в вопросе о свадебном даре Ингигерд много неясного, однако само внимание к Ладоге древнерусских и древнесеверных письменных источников показывает, сколь велика была ее роль в представлениях средневековых авторов, как пункта тесных и многообразных отношений Руси и Скандинавии.

Жизнь Ладоги была динамичной. Сюда в центр международной торговли издали, преодолев волоки и пороги, приходили ладьи с серебром, предметами роскоши, оружием. Из окрестных районов свозились меха, мед, воск и рабы. Здесь совершались сделки и наживались богатства. Эти бурные

процессы влекли в Ладогу предводителей дружин и простых воинов, торговцев и ремесленников. Всех их сближало стремление к власти и богатству. В Ладоге в VIII–IX вв. шел интенсивный процесс формирования новой социальной структуры, отличной от традиционного общества Приильменья. Этническая и социальная разнородность Ладоги отразилась в многообразии погребальных памятников ее окружи. Интересы новых социальных групп требовали и новой организации общества – сильной власти, опирающейся на дружины, что обеспечивало внутреннюю экономическую и политическую стабильность жизни. Тем самым в Ладоге формировались элементы государственности.

Однако город в низовьях Волхова не мог стать подлинным центром формирования государства в Северной Руси. Он был лишен плотной земледельческой округи и оторван от основного массива заселенных славянами территорий Приильменья. Как ни значительна была роль варягов в истории Руси, создание государства нельзя свести лишь к деятельности пришедших воинов и основанию заморских колоний. В основе раннегосударственных образований лежали определенные этнические территории, поскольку государство, как форма организации социально стратифицированного общества, не привносится извне и не есть редкая административная сеть, охватывающая разнородное население. Центр государства – это пункт, где концентрируется местная администрация, куда стекается дань и откуда осуществляется общее управление районом. Такой земледельческой группировки, замкнутой на Ладогу, не существовало. Именно поэтому утверждения о Ладоге, как первой столице Северной Руси (Д. А. Мачинский, А. Н. Кирпичников), лишены оснований. Ладога, несомненно, одно из древнейших протогородских поселений на Руси, место кристаллизации новых общественных отношений и связей, ворота в глубь континента и окно на Балтику, но пункт, оторванный от основного славянского мира.

Рюриково городище – первый Новгород русских летописей

Центр Северной Руси возник в истоке Волхова. Значительная плотность населения в Поозерье, разветвленная речная сеть, охватывавшая обширные территории, освоенные славянами, создавали наилучшие возможности для административного управления всей землей и сбора дани. Схождение торговых путей включало район истока Волхова в международную торговлю и способствовало его экономическому росту.

Лидирующую роль среди поселений истока Волхова и Поозерья уже в IX в. играло находящееся в 2 км к югу от Новгорода Городище (Рюриково городище), хорошо известное в русских летописях с 1103 г. как резиденция новгородских князей и важнейший центр политической жизни Новгорода (Носов, 1990). Городище представляло собой естественно защищенный ключ ко всему бассейну Ильменя. В плотной земледельческой зоне не было более подходящего места для основания торгово-ремесленного поселения, выполнявшего одновременно функции контроля за движением по оживленной водной магистрали. Неслучайно князья и их дружины, куда входило немало скандинавов, уже в IX–X вв. сделали подобный пункт своим оплотом (рис. 1).

Само название Новгорода («Новый город») и наименование расположенной близ него местности, где находилась княжеская резиденция, Городищем, т. е. «местом города бывшего, старого города», позволили уже первым русским историкам XVIII в. предположить, что Городище предшествовало Новгороду. В немалой степени этому способствовали сообщения поздних русских летописей второй половины XVII–XVIII в. об основании Новгорода на новом месте близ старой столицы ильменских славян – Словенска, который отождествляли с Городищем. До начала XX в. археологические материалы для рассмотрения проблемы становления Новгорода не привлекались за их отсутствием.

В древности Рюриково городище – возвышенность площадью около 10 га и окружавшая его низменная территория представляли собой остров при разделении Волхова на рукава, ограниченный с запада Волховом, а с юга, востока и севера его рукавами – Малым Волховцом и Жилотугом. Островной характер памятника наиболее ярко проявлялся весной, когда окружавшие его низкие места затоплялись, и вода надолго застаивалась в пойме.

Собственно городищенская возвышенность состояла из двух частей – холма высотой 11–12 м над уровнем реки и мысовой части, поднимавшейся над поймой на 1,25–1,6 м. Мыс и холм разделяла сырая ложбина. Плохая сохранность культурных отложений и объясняет тот факт, что хотя первые раскопки на Рюриковом городище были предприняты еще в 1901 г., но систематические исследования начались только в 1975 г. экспедицией ИИМК РАН (до 1991 г. ЛОИА АН СССР). Накопленные материалы позволяют подвести некоторые общие итоги сделанному.

Прежде всего, остановимся на вопросах хронологии. Помимо находок времени неолита и раннего

металла на Городище встречен массовый материал периода средневековья. Долгие годы не было уверенности в существовании здесь поселения в конце I тыс. н. э., периода славянского расселения в районе и активного функционирования Балтийско-Волжского пути. Однако сейчас существование Рюрикова городища в середине IX в. не вызывает сомнений. Эта дата подтверждается двумя кладиками дирхемов (конца 850-х гг. и конца 860-х гг.), отдельными восточными и византийскими монетами, бусами, импортами из Скандинавии и Хазарии и радиоуглеродными датами. С мыса городищенского холма получены спилы для дендрохронологии. Древнейшие бревна, использованные для строительства, были срублены в 889, 896, 897, 900 гг., что указывает на существование застройки в низкой части поселения в последнее десятилетие IX в. Жизнь, однако, здесь началась ранее, поскольку под сооружениями, с которых были взяты спилы, еще имеются культурные отложения, а кроме того, рассматриваемый участок вообще являлся периферийным. Следует обратить внимание и на то, что два пункта, аналогичных по значимости, контролировали с разных сторон раздвоение Волхова на рукава и их соединение – Рюриково городище и Холопий городок. На последнем найден клад монет самого начала IX в. (811–812 гг.), что позволяет полагать, что и Рюриково городище, несомненно, функционировало в это время. Раскопки Городища продолжаются, и удревнение даты его основания еще вполне возможно.

Во второй половине IX–X в. поселение занимало значительную часть холма и весь мыс. Оно тянулось по всему краю возвышенности, вдоль Волхова на протяжении 350 м, полосой шириной более 100 м, и его минимальная площадь составляла 4 га. В действительности оно было больше и могло занимать площадь в 6–7 га. Расположение в мысовой части возвышенности на острове давало ему хорошую естественную защиту. Раскопки показали, что мысовая часть (около 1–1,2 га) была окружена с севера и востока рвом глубиной до 4,5 м, переходящим в низину между холмом и мысом. Ров, несомненно, существовал во второй половине IX в. Радиоуглеродные анализы образцов угля дали серию дат, относящихся ко времени VIII–X вв. Время начала сооружения рва пока до конца не ясно. Одновременно со рвом мог существовать и вал, насыпанный грунтом, вынутым из него и снивелированный при перепланировке княжеской резиденции в XI в. Тем самым Рюриково городище на начальном этапе своей истории имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной

площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части.

В числе предметов, свидетельствующих о широких международных связях поселка, – восточные и византийские монеты, в их числе 3 клада дирхемов, бусы из горного хрусталя и сердолика, разнообразные стеклянные бусы, грецкие орехи, фризско-скандинавские гребни, предметы скандинавских типов. На поселении встречены неперенные спутники каждого торговца – части весов и бронзовые многогранные весовые гирьки. Среди уникальных находок четыре византийские монеты императора Феофила (829–842 гг.) (ил. 1, 93). Эти монеты бронзовые, т. е. сами по себе они не имели никакой денежной стоимости и были привезены, как своего рода сувениры («значки»), людьми, вернувшимися из Византии. В Восточной Европе и Скандинавии монеты этого императора кроме Рюрикова городища происходят лишь из двух мест – из Гнёздова на Верхнем Днепре и из Бирки в Швеции.

Важнейшим видом деятельности жителей Рюрикова городища было ремесло. О бронзолитейном производстве свидетельствуют неоднократные находки тигельков, каменных литейных формочек, обломка глиняной льячки, а также производственный брак, в том числе неудачные отливки. Широко представлены следы косторезного производства – костяные пластины, роговые спилы. Обращает на себя внимание редкая находка X в. – моржовый клык с прочерченными знаками, попавший на Рюриково городище из Норвегии. Важны свидетельства работы ювелиров, изготовлявших предметы из золота (обрывки тончайших перекрученных золотых нитей, кусочки проволоки и фольги). Золотые предметы на поселениях конца I тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы крайне редкие находки, а работа на Рюриковом городище в X в. мастеров по золоту говорит не только о высоком профессиональном уровне проживавших здесь ремесленников, но и о социальном составе населения поселка. Обитатели Рюрикова городища занимались также сельским хозяйством, рыболовством, охотой, различными промыслами, но именно наличие привозных вещей и следы ремесла в области материальной культуры определяют «лицо» поселка.

Остатки деревянных построек раннего периода сохранились только на городищенском мысу. Это были срубные дома подквадратной формы с длинной стеной 4–5,5 м и печами-каменками в одном из углов. Для гидроизоляции и выравнивания участков на месте возведения построек делались глиняные подсыпки толщиной около 0,25 м, которые ограничивались от расползания бревнами-обкладками.

Иногда под нижние бревна построек клали небольшие чурки-подкладки. Устройство специальных гидроизолирующих подсыпок – это прием, которым широко пользовались жители древней Ладоги, а близкие по принципиальной схеме «фундаментные площадки» отмечены также для части построек Новгорода.

На месте ложбины, разделявшей холм и мысовую часть поселка, открыты наружные глинобитные печи, вынесенные сюда в противопожарных целях. Печи на данном месте функционировали несколько десятков лет, неоднократно подновлялись и строились заново. Бревна, использованные при возведении древнейшей печи, принадлежали деревьям, срубленным в 889, 896 и 897 гг., а при строительстве одной из самых поздних – в 944 и 947 гг. Под, т. е. внутренняя часть основания печи, и сами печи имели округлую в плане форму и размеры пода от $1 \times 1,2$ м до $1,3 \times 1,5$ м. Только в одном случае под был овальный – $1-1,1 \times 1,4-1,5$ м. Под состоял из плотно уложенных в один ряд небольших валунов. Слой обожженной глины над камнями достигал 10 см. Камни накалялись при разведении огня и обеспечивали длительное сохранение тепла подом и всей печью после того как угли из печи выгребались, и приступали к выпечке хлеба. Вокруг пода вплотную к камням вбивались дубовые или березовые колы, которые служили основой для глинобитных стен и свода печей.

В трех случаях печи были окружены у основания бревенчатыми рамами размерами 2×2 м. Две печи с трех сторон ограничивались бревенчатыми обносками (стенками) высотой 3–4 венца. Ситуация в расположении печей была различна: они стояли открыто; в небольшом дворике со стенами из плетня; в небольшом срубе (3×5 м), небрежно сделанном из тонких бревен диаметром 12–16 см. По данным этнографии, подобные печи, вынесенные в сторону от жилищ, служили для выпечки хлеба, хотя могли использоваться и для иных нужд.

Наиболее массовый материал с поселения – лепная керамика аналогична керамике сельских поселений центрального Приильменья, Поозерья, Волхова и самой Ладоги. В целом она может быть охарактеризована, как керамика культуры сопки. Раннегончарная керамика также типична для славянских памятников района и среди нее все отчетливее выступают черты западнославянской керамической традиции (Носов и др., 2005б. С. 82–121).

Хлебные печи, подобные городищенским, известны из слоя X в. Ладоги и из напластований X–XI вв. Новгорода. Точные аналогии им представлены в памятниках польского Поморья. Такие печи

можно рассматривать как этнографическую черту славянского населения.

В составе городищенской коллекции стрел от лука значительную часть составляют втульчатые двушипные наконечники. По их числу (более 20 экз.) Рюриково городище явно выделяется среди памятников лесной зоны Восточной Европы, где они единичны. Такие наконечники были характерны для западных славян.

В контексте славянской культуры помимо керамики, хлебных печей, двушипных втульчатых наконечников стрел можно рассматривать шиферное пряслице из слоя X в., на котором имеются знаки и буквы, сходные с буквами кириллического и глаголического алфавитов, бронзовое височное кольцо с завитком на конце, которое некоторые исследователи относят к кругу славянских или славяно-балтских изделий.

Следует отметить, что в материальной культуре Рюрикова городища ощутимо проявляется «вуаль» североευропейской культуры. Это проступает в наличии отдельных предметов скандинавского происхождения, вещей, сделанных в Приильменье, но сохраняющих в стиле и орнаментике северные традиции, и наконец, находок без точного этнического адреса, но характерных для разных племен и народов Балтийского региона. Изделия скандинавского происхождения появились на поселении во второй половине IX в., а возможно, и ранее. Об этом свидетельствуют находки целого ряда скандинавских фибул раннего периода эпохи викингов (равноплечная фибула типа Вальста [Valsta], равноплечные фибулы 58-го типа, по Я. Петерсену, овальная фибула 37-го типа). Наибольшее число скандинавских находок приходится на X в. По числу находок скандинавского круга древностей Рюриково городище наряду с Гнёздовом сейчас являются наиболее богатыми поселениями на всей территории Восточной Европы. Они в этом отношении превосходят Ладогу и непосредственно следуют за крупнейшими центрами самой Скандинавии, такими, например, как Бирка (Носов, 1990. С. 147–169; Янссон, 1999. С. 18–38; Хвоцинская, 1999. С. 39–50). Здесь найдены женские равноплечные и скорлупообразные фибулы, часть подковообразной фибулы «с концами, напоминающими головы львов», несколько других типов застежек, в том числе две бронзовые позолоченные застежки в виде фигуры зверя с головой, повернутой в профиль, и двумя связанными или переплетенными конечностями. В коллекцию входят многочисленные мужские кольцевидные булавки с длинной иглой и их обломки, ладьевидные браслеты, различные подвески, в том числе

кресаловидные, бронзовые прорезные наконечники ножен мечей, декоративная заклепка рукояти щита, серебряная фигурка женщины – валькирии.

Встречены части железных гривен из четырехгранного перевитого в нескольких местах стержня, на одной из которых сохранились колечки-привески и «молоточек Тора», отдельные «молоточки Тора» и амулет в виде миниатюрной гривны с «молоточком Тора». К числу предметов, связанных с культом, относятся железные кольца с надетыми на них маленькими колечками. Среди скандинавских по происхождению вещей назову также бронзовую накладку от конской сбруи, украшенную орнаментом в стиле Борре с изображением стилизованной звериной морды, свинцовую головку дракона с открытой пастью и закрученным языком, навершия булавок-шильев и пинцетов. Две литые бляшки в виде стилизованных звериных морд с ушками и крючками, судя по материалам Бирки, пришивались к определенному виду подколенной мужской одежде типа гетр, которая с помощью крючков прикреплялась к холщовым штанам.

Безусловно, одними из самых значимых находок являются две бронзовые подвески-амулета с руническими надписями (Мельникова, 1994. С. 231–239). По форме это пластинки с отверстиями для подвешивания. Первый амулет имеет трапециевидную форму и размеры 1,6–2,15×5,8 см, второй, прямоугольный, – 1,3×4,8 см. На первом амулете две самостоятельные надписи на двух сторонах пластины (А и В), различающиеся в первую очередь графикой, на втором – одна надпись. Надпись на стороне А содержит по крайней мере четыре старшие руны и один своеобразный знак, который может быть знаком тайнописи. Остальные знаки являются коротковетвистыми («рёкскими») рунами. Е. А. Мельникова считает, что эта надпись может быть интерпретирована двумя способами: «защищенный [на пути] в опасную землю» или «защищенный во время морского путешествия», «защищенный [на пути] в отдаленную землю». Амулет был изготовлен в традициях «рёкских» рун, т. е. в традициях рунической письменности, которые сложились в Восточной Швеции (Эстерьетланде) в IX в., и, вероятно, был сделан там для человека, собиравшегося плыть на восток.

Надпись на стороне В выполнена младшими рунами. Текст надписи, по Е. А. Мельниковой, следующий: «Да не будешь ты лишен мужской силы». Эта надпись, по мнению Е. А. Мельниковой, не имеет никакого отношения к надписи на стороне А и была сделана гораздо позже первой, когда употребление старших рун уже полностью

прекратилось. Вероятно, эта надпись была сделана в первой половине – середине X в. в среде скандинавского населения Северной Руси. Надпись на втором амулете является полной копией с надписи В первого амулета, сделанной рукой, не столь уверенной в рунописи.

Такие культовые предметы, как гривны с «молоточками Тора», кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями, фигурка валькирии, не могли попасть на Рюриково городище как объекты торговли, а свидетельствуют о пребывании на поселении выходцев из Скандинавии. Поселение выступает и как ремесленный центр, где широко изготавливались предметы скандинавского облика, а значит, это еще одно подтверждение присутствия здесь немалого числа людей, для которых был близок стиль северных украшений. Вероятно, среди ремесленников были и мастера скандинавского происхождения. Отдельные предметы, сделанные в истоке Волхова, попадали в другие районы вдоль торгово-военных путей, что подтверждает находка на Городище неудачной отливки фибулы в виде животного, пожирающего человека. Целый экземпляр такой фибулы происходит из Гнёздова на Днепре. Фибула близка кругу памятников Скандинавии, но сам тип подобных застежек в самой Скандинавии неизвестен и сформировался уже в Восточной Европе. Сейчас нет сомнений, что в состав постоянных жителей Рюрикова городища в IX–X вв. входили наряду со славянами и скандинавы, причем как мужчины, так и женщины.

С кругом древностей, характерных для широкой территории Скандинавии и всего Балтийского региона, связаны ланцетовидные наконечники стрел, глиняная и каменная игральные шашки, многочисленные глиняные диски от вертикальных ткацких станков, более 20 различных подковообразных фибул, односторонние наборные гребни и некоторые другие находки.

Помимо предметов с достаточно определенным славянским и скандинавским «этническим адресом» есть в коллекции с Рюрикова городища ряд находок финского круга древностей. Среди них два костяных зооморфных односторонних гребня с резной спинкой, характерных для прибалтийско-финского населения, кресало с бронзовой рукоятью, изображающей двух всадников с длинными носами и ушами (один из них бородатый), и некоторые другие предметы.

Рюриково городище изначально развивалось в ступке славянских земледельческих поселений, образовывавших ядро будущей Новгородской земли, где сходились административные нити управления

Приильменем. На нем концентрировались социальные верхи местного общества. Именно здесь имела реальная возможность участвовать в перераспределении богатств и доходов, стекавшихся в виде даней с обширной территории, и получаемых при контроле над водными путями и торговлей. Вполне естественно подобный пункт стал резиденцией первых князей. Экономическое и политическое значение поселений в истоке Волхова со второй половины IX в. возрастало постоянно, по мере того как в процессе становления государственности, сложения единой территории Новгородской земли экономика региона все более начинала опираться не на внешние связи, дальнюю торговлю, связанное с ней ремесло и плату за проезд по торговым путям, а на эксплуатацию сельского населения региона.

Археологические раскопки Новгорода, развернувшиеся с начала 1930-х гг. XX в., внесли особую остроту в изучение вопросов становления города. Дело в том, что стремление отыскать в Новгороде слои, синхронные древнейшим сообщениям письменных источников, натолкнулось на неожиданные трудности: таких слоев найти не удалось, хотя исследователи закладывали раскопы в тех частях города, которые казались им наиболее перспективными в этом отношении. А. В. Арциховский в 1956 г. заключил, что «слоев VIII и IX вв. в Новгороде нет, вопреки ожиданиям ученых и полным соответствием с названием города», «неизвестно, будет ли где-либо в Новгороде найдено поселение IX в. или более раннее. В городе еще много не раскопанных участков. Но одно ясно: города в IX в. еще не было. На нераскопанных участках ему просто негде поместиться. Могло быть небольшое поселение» (Арциховский, 1956. С. 15, 42, 43). Через 20 лет в 1977 г. практически аналогичные выводы сделал В. Л. Янин, повторив их еще раз в 2004 г. (Янин, 1977. С. 216, 229; 2004. С. 128–129).

К середине X в. в 2 км вниз по течению Волхова от Рюрикова городища на холмах, впоследствии занятых тремя древнейшими городскими концами Новгорода, появились быстро растущие поселения, с самого начала возникновения которых заметны черты высокого социального положения их обитателей (по данным дендрохронологии, древнейшие культурные слои в Новгороде сейчас датируются концом 930-х гг.). Во второй половине X в. эти новые поселки и Рюриково городище развивались параллельно. Тот факт, что в 980 г., при проведении князем Владимиром реформы язычества, статуя Перуна была установлена в истоке Волхова, на месте старого славянского святилища в Перыни,

тяготевшего к княжескому Городищу, подтверждает значительную тогда роль последнего.

Однако в 989 г. деревянная церковь Софии строится уже среди новых поселений, на возвышенности левого берега Волхова. Рядом с общегородским храмом располагался епископский двор с хорами первого епископа Иоакима Корсунянина и первой городской каменной церковью Иоакима и Анны. Тем самым здесь был сформирован центр церковного управления Северной Руси. Постепенно противостоявшие Рюрикову городищу поселки славянской знати образовали новую поселенческую структуру и переняли к рубежу X–XI вв. значительную часть экономических и административных функций прежнего центра.

Эти новые поселения разительно отличаются от Рюрикова городища по числу находок скандинавских типов. Комментируя данный факт, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти эти различия связаны с хронологией. Если на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX–X вв. и можно предполагать наличие и более ранних, то на территории собственно Новгорода слои X в., когда скандинавское влияние на Русь наиболее ярко проявилось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем относятся они преимущественно ко второй половине – концу X в. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах, а поэтому в дальнейшем картина, наблюдаемая сейчас, может быть справедлива не для всех частей города.

Однако, даже принимая во внимание эти оговорки, различия слишком велики. Они, несомненно, объясняются, в первую очередь, разным социально-экономическим характером поселений, сменявших друг друга. Если Рюриково городище – это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с полиэтничным населением, благосостояние которого базировалось на участии в дальней торговле и контроле за водными путями, то новые поселения вокруг христианского комплекса – это уже центр северной части Русского государства, существовавшего за счет эксплуатации крестьянского населения. Если на Рюриковом городище скандинавы – княжеские дружинники, торговцы, ремесленники, частично жившие постоянно семьями, представляли значительную часть населения, то в Новгороде, судя по находкам, присутствие скандинавов улавливается не столь отчетливо, а письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках

и опальных изгнанниках при дворах князей, т. е. как о людях, для которых был характерен подвижной образ жизни.

В начале XI в., в период политического альянса князя и новой городской общины, князь Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) перенес свою резиденцию с Рюрикова городища вниз по течению Волхова к торгу, одному из центров новых поселений, что нашло свое отражение в зафиксированном по археологическим материалам значительном снижении интенсивности жизни на месте старой резиденции. Новый двор князя был устроен на окраине Славенского холма, еще свободной к началу XI в. от плотной застройки. Княжеская резиденция была вторична по отношению к существовавшему там поселению. Рядом с двором Ярослава располагались усадьбы его дружинников. Перенос резиденции князя явился крупным политическим актом государственного значения, отражающим завершающие этапы формирования нового центра Приильмения. Последним шагом в этом процессе было строительство князем Владимиром Ярославичем в 1044 г. новой крепости на месте епископского двора, поскольку городок в истоке Волхова не мог выполнять функции защиты огромного поселения, располагавшегося в стороне от него. Одновременно в центре новой крепости был заложен каменный Софийский собор, ставший символом Новгорода.

В последней трети XI в. продолжавшееся усиление новгородского боярства, выразившееся в появлении выборных посадников, привело к тому, что князья были вынуждены вернуться на Рюриково городище, как в свою основную резиденцию, сохранив за собой право и на Ярославово дворище («место двора Ярослава»), как на городскую усадьбу. В 1103 г. на Рюриковом городище возводится княжеский Благовещенский собор, противопоставленный, как и Никольский собор на Ярославовом дворище, общегородскому Софийскому собору.

Если коротко повторить схему становления городской жизни в Поволховье, какой она вырисовывается сейчас на основании анализа главным образом археологического материала, то она следующая. Ладога возникает, как торгово-ремесленное поселение на Балтийско-Волжском пути, в месте, где сходятся пути морского судоходства и движения по рекам Восточной Европы. По типу поселения она близка викам региона Балтики. Вдоль Волхова строятся городки у наиболее опасных с точки зрения плавания и важных с точки зрения контроля участков пути, иногда на местах более ранних дославянских укрепленных поселений (городищ). Один из подобных городков располагался в истоке

Волхова – Рюриково городище. Его роль в Приильмении многократно усиливалась тем, что оно оказалось в стужке славянских земледельческих поселений и стало их центром. На Рюриковом городище концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов (воины, ремесленники, торговцы). Всех их привлекало экономическое значение района и размещение здесь административных властей. Городище стало княжеской резиденцией. Именно поэтому торгово-ремесленные функции поселения, в отличие от Ладоги, изначально не были доминирующими, а сопутствовали функциям военно-административным. Последние, по мере становления государственности, формирования единой территории Новгородской земли, стали определяющими для нового центра, постепенно сложившегося к рубежу X–XI вв. в 2 км ниже по течению от Городища вокруг общегородского храма и епископского двора. Строительство детинца и каменного Софийского собора в середине XI в. завершили этот процесс.

От Городища к Новгороду или все же от Новгорода к Городищу? (к истории названия центра Северной Руси)

Любые выводы о соотношении древних топонимических наименований почти всегда вызывают споры и им почти всегда находят возражения, особенно если речь идет о названиях исторически значимых центров и стоящих за ними реальных древних поселений. Вопрос об изначальном названии поселения в истоке р. Волхова и связанных с ним исторических топонимах принадлежит к числу именно таких вопросов, встающих перед лингвистами, историками и археологами Древней Руси. Речь идет о наименованиях Новгород, Хольмгард и Городище.

Действительно, к нашему времени практически все лингвистические и исторические данные выявлены, возможные цепочки связи топонимов проанализированы, аргументация изложена, новые факты, за исключением некоторых уточнений, вряд ли появятся. И тем не менее каждое очередное поколение исследователей возвращается к подобным вопросам и пытается предложить их наиболее рациональное объяснение. Это заставляет делать меняющийся со временем общеисторический подход к оценке прошлого, некоторых конкретных событий и фактов и, наконец, совершенствование методики собственно лингвистического анализа. На этом эволюционном фоне единственное, что может вызывать существенный пересмотр наших взглядов, это какое-либо сенсационное археоло-

гическое открытие. В это верится с трудом, хотя в принципе возможно.

Сегодня мы отсчитываем 40 лет с начала систематических раскопок Рюрикова городища под Новгородом (1975 г.). 40 последних лет ежегодно продолжались и начатые в 1932 г., т. е. 85 лет назад, археологические исследования самого Новгорода. Определенные уточняющие новые археологические материалы за эти годы получены. Именно поэтому сейчас, подготовив очередную книгу с материалами раскопок Рюрикова городища, допустимо еще раз вернуться к соотношению исторических наименований центрального поселения или поселений Северной Руси, которые донесли до нас письменные источники. Имеет смысл заново взвесить накопленные археологические факты и попытаться выстроить наиболее логическую возможную схему решения вопроса. Здесь надо сразу определиться, что терминологически означало понятие «город» в древнерусском языке? Под ним в Древней Руси, в своей основе, подразумевали, прежде всего, укрепленное, огороженное поселение, а также его центральную укрепленную часть (детинец). Все дальнейшее – это уже нюансы конкретизации и широты использования термина.

Само название **НОВЪГОРОДЪ**, судя по его буквальному смыслу «Новый город», явно вторично по отношению к некоему иному территориальному топониму (топонимам). Зачем называть город Новым, если не было старого? Поиски этого предшественника продолжались уже не одно столетие, и за ними стоит давняя историографическая традиция. Казалось бы, и думать много не надо. В 2 км от новгородского кремля, в самом истоке Волхова из озера Ильмень, располагалась резиденция князей с симптоматичным названием **ГОРОДИЩЕ**. В русском языке суффикс «-ище» обозначает «заброшенное место», «место, где, было...» (селище, церквище, усадище, дворище...), соответственно и термин «городище» употребляется в первую очередь в отношении тех мест, на которых ранее находились укрепленные поселения, городки. В рассматриваемом случае несомненна древность появления топонима, поскольку в летописи **ГОРОДИЩЕ** впервые упомянуто под 1103 г. в связи с постройкой церкви Благовещения. Итак, на рубеже столетий Городище в повседневной жизни воспринималось, как «старый» город.

Это подтверждает и археология. На Городище найдены укрепления с дубовыми конструкциями, ров и культурные отложения IX в. (Носов, 2007. С. 32–35. Рис. 6, 7). На территории самого Новгорода слоев ранее 930-х гг. не обнаружено даже в его центральных частях, и тем самым выводы

А. В. Арциховского 1956 г. и В. Л. Янина 1977 г. об отсутствии слоев более ранних, чем X в., остаются в силе (Арциховский, 1956. С. 15, 42, 43; Янин, 1977. С. 216). Самые древние новгородские постройки к настоящему времени обнаружены в Людином конце (Троицкий раскоп) и относятся к 930–940-м гг. (Фараджева и др., 2014. С. 134–158. Табл. 1). На территории новгородского кремля, на холме в его северной древнейшей части, постройка на материке дендрохронологически датирована 962 г., а укреплений более ранних, чем вал 1044 г., нет. На политическую сцену северная часть кремлевского холма вышла в последней четверти X в. при принятии христианства, с основанием здесь Владычного двора, строительством епископской церкви Иоакима и Анны, а затем деревянного Софийского собора в 989 г. (Носов, 1995. С. 3–17)¹.

Из всего изложенного следует, что 1) судя по материалам археологии настоящего времени, укрепленное поселение на Городище древнее новгородской застройки не меньше, чем на столетие; 2) это действительно «старый город», в полном соответствии с его летописным наименованием; 3) название могло войти в обиход только после того, как поселения или поселок ниже по течению Волхова стали именоваться Новгородом, а роль прежнего центра упала, и жизнь на нем стала менее интенсивной.

И здесь мы сталкиваемся со своеобразной дилеммой – на одной чаше «весов» – ранние археологические материалы **ГОРОДИЩА** и вторичное наименование поселения, на другой – более поздние материалы **НОВГОРОДА**, но более раннее наименование поселения? Отсюда появляются разные направления для рассуждений и дальнейшего поиска.

Древнейшим прямым летописным известием о строительстве новгородских укреплений является сообщение Новгородской первой летописи младшего извода под 1044 г.: «а на весну же Володимиръ заложи Новъгород и сдела его» (НПЛ. С. 181). Сооружение детинца оказалось практически одновременным началу возведения Владимиром Ярославичем Софийского собора в 1045 г. Согласно летописи, в 1116 г. «Мъстиславъ заложи Новъгородъ болей перваго» (Там же. С. 204). Учитывая разное значение слова «первый» в древнерусском языке, это сообщение можно понимать двояко: и как утверждение того, что детинец 1044 г. являлся

¹ Особую роль церкви в древней административной структуре города отмечал Н. Ю. Дежевский. Касаясь истории городского детинца, он заключил, что «цитадель», очевидно, появилась в ходе христианизации Новгорода, а крепость середины XI в. также была возведена как епископская (Dejevsky, 1977. P. 391–402).

действительно «первой» городской цитаделью, и как общее указание на перестройку и расширение в 1116 г. «древнего, прежнего города».

Можно ли ставить вопрос, что появление топонима ГОРОДИЩЕ прямым образом связано с началом строительства в 1044 г. нового детинца (города)? Это представляется достаточно логичным. Я и сам некоторое время склонялся к этой версии (Носов, 1995. С. 13 и др.). Однако такое объяснение не решает, а упрощает проблему. Название НОВЬГОРОДЪ не появилось только после строительства нового кремля в середине XI в. Уже в летописных сводах XI в., лежащих в основе Начального свода 1093–1095 гг., название НОВЬГОРОДЪ («новгородцы») широко соотносится с событиями более ранними и подразумевает весь город, а не только его крепость. Невозможно допустить, что на все летописные известия о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся во второй половине XI в. Одним словом, наименование НОВЬГОРОДЪ существовало до возведения детинца 1044 г. и до появления топонима ГОРОДИЩЕ.

Новгород в форме «Немогард» («Невогард»?) впервые упоминается в иноземных письменных источниках в сочинении 948–952 гг. византийского императора Константина Багрянородного с сообщением, что в нем «сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России». Конструкция с корнем «-гард» во второй части слова указывает на скандинавского информатора византийцев, который для передачи названия центра Северной Руси использовал привычную ему форму для обозначения пунктов на пути «из варяг в греки».

А. Н. Кирпичников предположил, что речь в данном случае шла не о Новгороде, а о Ладоге, указывая на наименование озера Ладоги – озером «Нево» (Кирпичников, 1988. С. 55). С этим категорически нельзя согласиться. У скандинавов Ладога имела вполне определенное устоявшееся название – *Aldeigja/Aldeigjuborg*. Странно было бы выдумывать скандинаву в Византии нечто новое. В Немогарде-Невогарде сидел старший сын киевского князя. Такая ситуация с назначением посадником на новгородский стол сына великого князя была известна на Руси для Новгорода, но не для Ладоги. Это решающий аргумент в пользу того, что Новгород в истоке Волхова и есть город, упомянутый у Константина Багрянородного, и, несомненно, он существовал в X в., занимая весьма престижное место среди русских городов.

Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы. В связи со стремлением раскрыть древнейшие

страницы прошлого Новгорода внимание к археологии непосредственно самого его кремля всегда было значительным. Литература по данному вопросу обширна (Носов, 1995. С. 3–17). Нет смысла приводить еще раз ее обзор. Сейчас важно констатировать только некоторые принципиальные моменты. В. Л. Янин в 1982 г. уверенно заключил, что «давний спор относительно местоположения кремля XI в. – находился ли он в северной или в южной половине нынешнего – окончательно решен раскопками М. Х. Алешковского 1956–1960 гг. и А. Н. Кирпичникова 1979 г. в пользу его северной половины» (Янин, 1982. С. 12). Особенно четко конструкция вала XI в. выявлена М. Х. Алешковским в северной части кремля в районе Владимирской башни, материалы раскопок строго документированы. Вал 1044 г. состоял из дубовых городен, поставленных в его основании и засыпанных землей, и слоя чистой светло-коричневой глины. Верхний слой глины толщиной 3 м содержал в своей нижней части деревянные лежни. Общая высота вала достигала 7–8 м. Под валом был зафиксирован тонкий культурный слой (до 0,25 м толщины). В нем встречена керамика и отдельные находки X–первой половины XI в. Под валом середины XI в. не было остатков более древних оборонительных укреплений (Носов, 1995. С. 7 и др.).

В 1985 г. М. А. Вороновой (ныне Родионова) удалось при раскопках в кремле сделать и четко зафиксировать важнейшие археологические наблюдения. При работах у Лихудова корпуса к югу от Митрополичьей башни ею были обнаружены дубовые городни вала 1044 г., что полностью подтвердило выводы М. Х. Алешковского. Еще более важным стало то, что под валом не оказалось более ранних оборонительных конструкций, а залегал культурный слой мощностью до 0,7 м. В нем сохранились четыре венца более ранней постройки, стоявшей непосредственно на материке на глубине 6,3 м. Дендрохронологический анализ сосновых спилов позволил датировать постройку 962 г. Материал из ее заполнения относится к X–XI вв. (Воронова, 1988. С. 73–75).

В 2013 г. к полевому изучению древнейших укреплений детинца вновь обратился О. М. Олейников. Он двумя траншеями прорезал западный склон кремля между Воскресенской и Митрополичьей башнями. По его мнению, в траншее № 2 в 42 м к западу от Митрополичьей башни у Лихудова корпуса были обнаружены остатки деревянной стены (уголь и печина) первой половины XI в. и верхняя часть заполнения рва X в. Ширина рва около 19 м, глубина – около 5 м. На внешнем склоне рва зафиксирован слой погребенной почвы мощностью до 15 см. При сооружении новой линии обороны в первой

половине XI в., примерно в 3–4 м от внешнего края рва X в., на его западном склоне был вырыт новый ров глубиной более 8 м от дневной поверхности того времени. Глина из него пошла на заполнение рва X в. с армированием слоев неокоренными дубовыми бревнами вторичного использования. Были получены данные для радиоуглеродного датирования дубовых бревен. Убедительных археологических материалов для ранних датировок укреплений не встречено (Олейников, 2014. С. 50–61, рис. 3, 4).

Через два года О. М. Олейников в соавторстве с А. В. Долгих в очередном томе трудов ежегодной новгородской археологической конференции вновь вернулся к обсуждению полученных при его раскопках датировок раннего материала кремля. Авторы впервые провели датирование древесины средневекового Новгорода ускорительной масс-спектрометрией с применением статистического метода и согласования вариаций и получили дату с узким калиброванным моделированным интервалом (1018–1034 гг.; 68,2 %). В применении к детинцу вывод следующий: «2-ой этап сооружения оборонительной линии северной части Новгородского детинца в районе Владимирской башни можно датировать как минимум первой четвертью XI в., а как максимум привязывать к летописной дате 1044 г.» (Олейников, Долгих, 2016. С. 40). К сожалению, это никак не помогает разобраться в том, что и как соотносится в траншеях О. М. Олейникова, так как он сам не имеет твердого мнения по данному вопросу. В статье 2014 г. автором опубликован разрез траншею № 2. На нем внизу разреза, прямо во рву, четко написано «ров X в.» (Олейников, 2014. С. 53, рис. 4). Абсолютно тот же разрез переиздан в 2016 г. с иной надписью – «ров 30-х гг. XI в.». Это не случайная ошибка, а изменение оценки. В 2014 г. в подписи под разрезом под номером 1 значится – «контур материковой поверхности рва X в.», а в 2016 г. – «1 – контур материковой поверхности и рва 30-х гг. XI в.».

Отдельные выводы О. М. Олейникова, навеянные его раскопками, пока не увязываются в единое целое. Шурфы в районе Софийской звонницы 1995 г. и у церкви Входа Господня в Иерусалим 2012 г., о которых упоминает автор, не доказывают существования там укреплений кремля X в., поскольку скопления глины у материка, зафиксированные на мизерной площади, могут относиться к чему угодно. А вот почему О. М. Олейников не объяснил несоответствие своих выводов и выводов М. А. Родионовой и даже не упомянул о последних, кажется не случайным, а вполне осознанным, ведь их раскопы располагались в достаточной близости, а выводы исследователей между собой не стыкуются.

Таким образом, наличие укреплений в кремле первой половины X в. пока остается недоказанным. Укрепления вокруг владычного двора хотя и не найдены, но многие исследователи неоднократно допускали, что они должны были там существовать.

Учитывая, что на территории новгородского детинца пока нет слоев ранее третьей четверти X в., а весь комплекс на его месте приобрел особое значение в городской структуре только с утверждением в конце X в. христианства, строительством деревянного Софийского храма и Владычного двора, можно полагать, что летописцы, говоря о Новгороде при описании событий IX–X вв., подразумевали поселение на Городище. Итак, городищенский военно-административный и торгово-ремесленный центр и есть древнейший **НОВЬГОРОДЪ** русских летописей, а **ГОРОДИЩЕ** – это одно из локальных названий в рамках Новгорода, возникшее на более позднем этапе его развития, так же как, например, Ярославово дворище.

Однако название **НОВЬГОРОДЪ** было более ранним, но не изначальным наименованием укрепленного поселения в истоке Волхова, которое в дальнейшем стали именовать **ГОРОДИЩЕМ**. Скандинавы, появившись в низовьях Волхова в середине VIII в., что доказали раскопки в Ладоге, вскоре поднялись вверх по реке, где за встреченным здесь поселением закрепилось название – **HÓLMGARÐR** в древнейшей скандинавской огласовке. Никакого здесь Новгорода просто еще не было.

В принципиальном плане возможны два пути возникновения такого скандинавского наименования. Первый – **ХОЛЬМГАРДР** (**Hólmgarðr**) является сугубо скандинавским по происхождению топонимом. Тогда название можно пытаться объяснить как «город на острове», «островной город» (от «**holmr**» – «остров») или территория с «усадьбами на холмах», «поселениями в островной местности» (от «**holmr**» – «остров, возвышенность на болоте, залитом лугом» и «**garðr**» – «ограда, двор, усадьба»). Название заселенной местности в этом случае затем перешло на город.

С лингвистической точки зрения эти объяснения небыстречны (Джаксон, Молчанов, 1990. С. 226–229; Джаксон, 2001. С. 22–89). Однако подчеркнем принципиальнейший момент – все городские поселения на территории Восточной Европы в древнескандинавской передаче представляли собой воспроизведения фонетического облика адекватных им местных топонимов: *Aldeigja/Aldeigjuborg* – Ладога; *Pallteskja* – Полоцк; *Móramar* – Муром; *Surdalar* – Суздаль; *Rostofa* – Ростов.

Три названия главных пунктов на пути «из варяг в греки» – *Hólmgarðr*, *Kænugarðr*, *Miklagarðr* – входят в состав единого топонимического ряда, т. е. образовались по одной схеме. Их общая часть *-garðr* дополняла наименования, восходящие к разной местной топооснове. Они предложены для *Kænugarðr* (Киев)² и для *Miklagarðr* (Великий город³ – Константинополь).

Очевидно, что так было и при появлении наименования *Hólmgarðr*, первого по времени сложения, как находящегося в самом начале пути на юг. Им мог быть некий славянский ХОЛМЪ-ГОРОДЪ в истоке р. Волхова на месте будущего Городища. Скандинавы, попавшие в Приильмень к концу IX в., восприняли славянское наименование поселения и переосмыслили его в соответствии с действующим при межэтнических контактах механизмом народной этимологии. Суть этого явления, отмечала Т. Н. Джаксон, «заключается в том, что звучание чуждого топонима воспроизводится в другом языке с параллельным его осмыслением и, следовательно, с искажениями, с заменой исходных корней на другие, близкие к ним по звучанию, но порой весьма далекие по смыслу. Заимствованное слово, имя, понятие или его составляющая принимают при этом в родном языке значение слова, близкого к исходному по звучанию» (Джаксон, 2001. С. 157, 158; Успенский, 2002. С. 289–296). Так произошло и с центральным поселением Приильмения, когда славянское название ХОЛМЪ-ГОРОДЪ было воспроизведено и по-своему переосмыслено скандинавами, как HÓLMGARÐR. Древний топоним Холм известен в Новгороде. Он сохранился в наименовании, как обозначение ближайшей части Славенского конца к Городищу, куда шла дорога по пойме Волхова, через Волховец и Жилотуг.

² Сейчас общепринято, что прототипом для *Kænugarðr* послужил *КЫЯН(ОВ)Ъ ГОРОДЪ – былинный вариант топонима «КЫЕВЪ», восходящий к широко распространенному древнему наименованию Киева, широко бытовавшему в устной речи (Джаксон, Молчанов, 1990. С. 234)

³ Обиходными греческими наименованиями Константинополя являлись «царственный город», «царица-город» в значении «первенствующий, выдающийся, великий город». Первая часть древнескандинавского топонима возводится к прилагательному *mikill* – «большой, великий» (Джаксон, Молчанов, 1990. С. 234). Здесь следует напомнить, что даже в апогей своего упадка в середине IX в. население Константинополя составляло 40–50 тыс. человек и вдвое превосходило численность населения Рима (Курбатов, 1988. С. 223–225), а рождавшиеся в середине IX в. городские центры Восточной и Северной Европы выглядят жалкими карликами на фоне Константинополя как по численности населения, так и по своим размерам.

Гипотеза В. Л. Янина и М. Х. Алешковского о трех разноэтничных концах-поселках, предшествовавших строительству кремля (Нового города), стала популярной в исторической и особенно научно-краеведческой литературе. При этом почти не привлекли внимания весьма любопытные и не лишённые оснований, на мой взгляд, рассуждения В. Л. Янина о социально-политической структуре Новгорода, высказанные в 1982 г. Задаваясь вопросом о возможном существовании древних фортификаций на Торговой стороне города, еще до времени строительства моста через Волхов, В. Л. Янин напоминал, что «Славно иначе именуется в летописи Холмом, что оказывается созвучным древнескандинавскому наименованию Новгорода Холмгардом. Не заключено ли в этом слове само древнейшее название поселка на Славне – Холмгород? И не был ли этот Холмгород (то есть крепость Холм) тем “старым” городом, которому как новообразование противостоит Новый Город?»). А далее следующие мысли В. Л. Янина: «Если изучение Городища приведет к обнаружению мощных слоев IX в., а раскопки на Славне, напротив, установят, что древнейшие слои здесь относятся не к IX, а к середине X в., придется тогда признать, что начальная застройка Славенского конца – результат переселения на новое место жителей покинутого Городища и что название “Холмгород” применялось поначалу к поселку на Городище, а затем сохранено на Славне» (Янин, 1982. С. 83, 87).

Сказание о призвании варягов, в чем соглашается большинство современных исследователей, не лишено исторической подосновы. Согласно вариантам «Повести временных лет» по Радзивилловской и Ипатьевской летописям варяжский князь Рюрик в середине IX в. «пришел ко Илмерю, и сруби город(о)къ над Волховом, и прозва и Новъгород, и сяде ту княжа раздаа волости» (ПСРЛ, 1908. Т. 2. Стб. 14; ПСРЛ, 1989. Т. 38. С. 16). Это полностью топографически соответствует местоположению современного Городища (древнего Холмъгорода), отстоящего на 2 км вверх по течению реки от детинца 1044 г. Приход Рюрика к истоку Волхова и строительство им укреплений, ныне открытых раскопками, важное свидетельство значения, придававшегося поселенческому ядру Северного Приильмения уже в середине IX в.

Немало противоречивых суждений в научной литературе вызвала летописная фраза: «ти суть люде ноугородьци от рода варяжска преже бо беша словени» (ПВЛ, 1996. С. 13). Но если согласиться, что Новую крепость построила и заняла прибывшая дружина Рюрика («от рода варяжска»),

а изначальными обитателями расположенного здесь Холмьгорода были словене, то весь контекст летописной фразы становится понятным. Название НОВЬГОРОДЪ постепенно закрепилось у словен за всей поселенческой агломерацией истока Волхова, а наименование центра Северной Руси *Hólmgarðr* осталось в скандинавской среде со времен первого появления варягов на Ильмене.

Итак, наиболее вероятная схема развития поселенческого центра в верховьях Волхова на данный период разработки вопроса следующая: 1) – древнейшее поселение словен Холмьгород, трактовка его названия на скандинавский манер *Hólmgarðr*, 2) – в середине IX в. устройство Рюриком новых укреплений на его месте и появление топонима Новый город с постепенным охватом им всей территории застройки микрорайона, 3) – в середине XI в. строительство очередной крепости вокруг формирующегося церковного центра и появление топонима ГОРОДИЩЕ в отношении места старого городка (бывшего Холмьгорода и древнейшего Новгорода). Важнейшей задачей археологии ближайших лет будут являться поиски доказательств существования Холмьгорода до строительства крепости Рюрика⁴. Определенные археологические факты для

⁴ Перспективными в этом плане могут оказаться результаты исследований к северо-западу от Благовещенской церкви на склоне холма, проводившиеся в 2013–2016 гг. (непосредственный руководитель И. И. Еремеев), впрочем, как и на иных еще не изученных участках Городища (Носов, 2016. С. 110–112).

этого есть, а косвенно об этом говорит существование в третьей четверти I тыс. н. э. славянского поселения Прость, расположенного как раз напротив Холмьгорода, рядом с известным по летописям языческим капищем в урочище Перынь. Поселение Прость являлось самым крупным неукрепленным селищем раннего средневековья в окрестностях Новгорода и важнейшим центром словен ильменского Поозерья. В конце 1990-х гг. на нем уже проводились целенаправленные раскопки Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН (Носов, Плохов, 2005. С. 140–146).

К решению вопроса о взаимосвязи топонимики городского центра в истоке Волхова в изложенном выше варианте один из авторов монографии шел постепенно на протяжении многих лет, неоднократно корректируя и изменяя свою позицию по мере появления новых фактов и интерпретаций (Носов, 1984. С. 3–38; 1990. С. 170, 171, 183, 184, 190–199; 1995. С. 5–17; 1997. С. 272–285). Ближе всего с изложенным ходом мыслей всегда совпадали также уточнявшиеся и основанные в большей степени на лингвистических материалах взгляды на проблему московских коллег Т. Н. Джаксон и А. А. Молчанова. Важнейшие из их работ, а мы далеко не все их упомянули в нашем кратком разделе, тщательно собраны в статье А. А. Молчанова к юбилею Т. Н. Джаксон (Молчанов, 2011. С. 269–275). Последним наиболее взвешенным по выводам исследованием является «Этногеографический справочник» Т. Н. Джаксон (Джаксон, 2012. С. 635–655).

Глава 2

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩЕНСКОГО ХОЛМА в 2005–2010 гг.

С 2005 г. экспедицией ИИМК РАН были начаты масштабные работы по изучению возвышенной центральной части городищенского холма к востоку и юго-востоку от церкви Благовещения непосредственно вдоль границ действующего кладбища. Место выбора участков для исследования было обусловлено тем, что за последние годы кладбище у церкви Благовещения значительно расширилось в восточном и южном направлениях в результате несанкционированных захоронений. Жители местных деревень и их родня, оседавшая в Новгороде, считали это кладбище изначально «своим» и без согласия местной администрации в д. Волотово продолжали здесь хоронить.

Раскоп 2005 г. представлял собой траншею вдоль восточной стороны кладбища размерами 4 × 42 м (168 кв. м). Раскоп 2006 г. (244 кв. м) примыкал перпендикулярно к юго-западному углу раскопа 2005 г., таким образом ограничивая кладбище с юга (рис. 1, 2, 3).

В результате работами 2006 г. были объединены раскопы 1980, 1989 и 2005 гг. в центральной части Городища и выявлена внешняя граница древнего рва (рис. 1, 3). При раскопках 1989 г. удалось зафиксировать падение дневной поверхности городищенского холма в восточном направлении, достигающее в отдельных местах 45°, которое позже было сnivelировано мощной песчаной засыпью. Таким образом, была выявлена западная часть древнего рва, окружавшего возвышенную часть городищенского холма площадью 1–1,2 га, но полностью завершить работы и найти восточный склон рва, т. е. достоверно определить его ширину, тогда не удалось. Важным открытием 2006 г. явилось то, что были выявлены границы восточного склона этого фортификационного сооружения. Именно это открытие предопределило задачи работ последующих лет (2007–2010 гг.). В 2007 г. продолжалась разборка заполнения рва на 124 кв. м площади раскопа 2006 г. и были сделаны прирезки в южном и северном направлениях общей площадью 146 кв. м. В 2008 г. раскоп был расширен на 90 кв. м, но одновременно разбирался ров на части раскопа 2007 г. В 2009 г. прирезка составила 40 кв. м, при общей площади раскопа 172 кв. м за счет исследований на прежних участках 2007–2008 гг. В 2010 г. ров доследовался на площади 53 кв. м только в пределах раскопов

2008–2009 гг. Таким образом, общая площадь исследованного участка в центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг. составила 688 кв. м, но глубина на отдельных местах от дневной поверхности достигала 5,8 м (рис. 1, 3).

Участок, выбранный для исследования, не только многократно и регулярно перепахивался, но и входил в территорию деревни Городище. На площади раскопа встречались ямы от столбов заборов, поздние перекопы, в 2005 г. была расчищена землянка, видимо, послевоенного времени. Кроме того, так как через Городище в годы Великой Отечественной войны проходила передовая линия обороны советских войск, то нами в восточной части раскопа 2006 г. была разобрана траншея от оборонительных сооружений. Неслучайно верхний культурный слой в этой части памятника представлял собой аморфный перемешанный серый гумус, не делящийся на стратиграфические пласты. Его мощность вместе с тонким дерном составляла от 0,4 м до 0,8–1,1 м. Между нижней частью серого мешанного слоя и желтого материкового песка прослеживается слой светло-серого предматерикового гумусированного песка. В культурном слое встречаются находки, относящиеся к разным периодам существования поселения на Городище, – фрагменты сосудов и кремневый инвентарь эпохи раннего металла, обломки лепной керамики и предметы IX–X вв., посуда и находки древнерусского и позднесредневекового периода, а также изделия, связанные с современным деревенским бытом.

Из культурного слоя происходят тысячи разнообразных предметов и их обломков. При всем желании в рамках данной работы невозможно дать описание и характеристику всем им. Тем более, что большинство находок относится к категориям массового бытового материала, малоинформативны, часто представлены в обломках, которые порой невозможно атрибутировать. Поэтому в отношении массового материала нам приходится ограничиться его суммарной характеристикой и статистическими данными, а более подробно рассмотреть значимые категории предметов и отдельные редкие находки. Все изделия из мешанного слоя не имеют никакой стратиграфической привязки, в отличие от находок из слоев древнего Новгорода. Подчеркнем, что коллекция древностей Городища является по

Рис. 2. Раскоп 2005 г. на уровне материка. Вид с юга

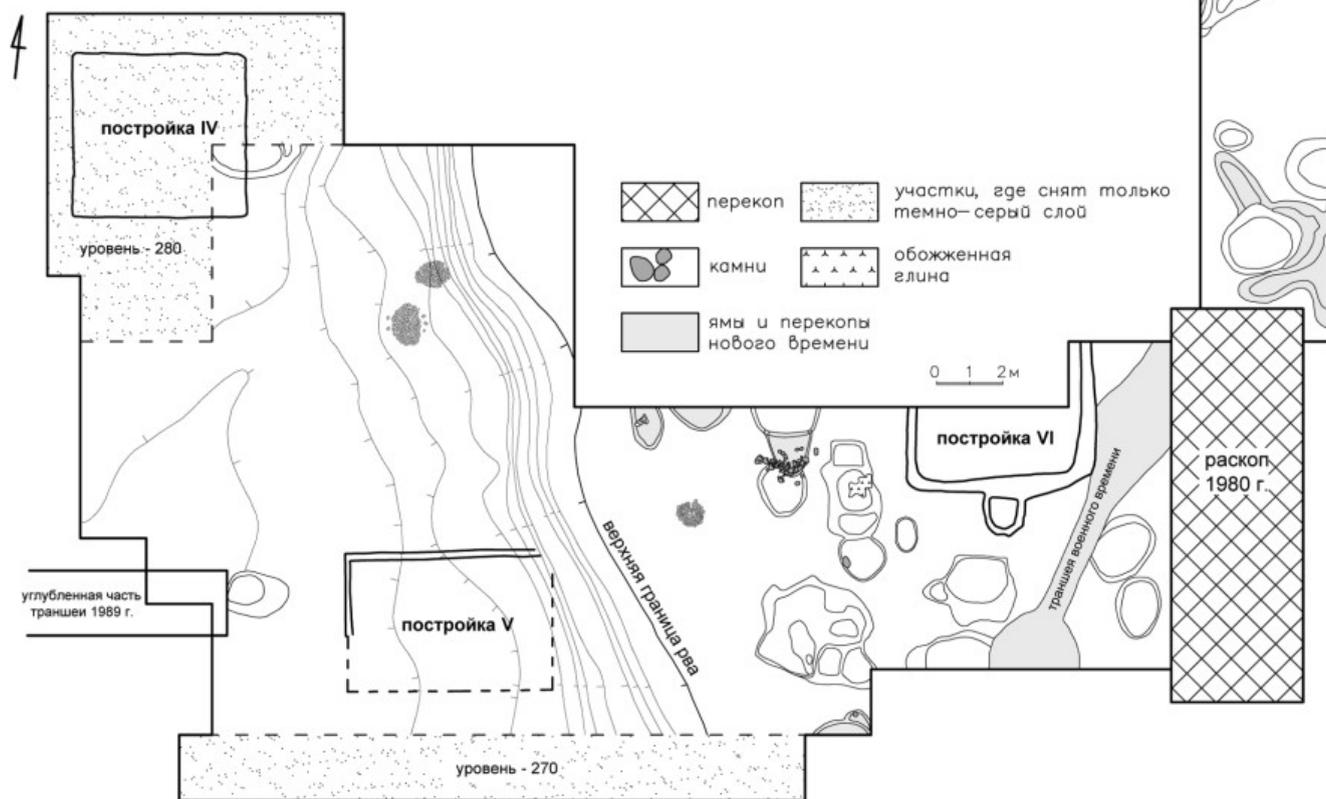

Рис. 3. Общий план взаиморасположения различных объектов, выявленных на раскопах 2005–2010 гг.

существо репликой более богатой и разнообразной новгородской коллекции, стратифицированной благодаря сохранности новгородского культурного слоя. В частности, мы не рассматриваем детально обломки стеклянных браслетов (188 экз.) и перстней (11 экз.). Они относятся к массовому новгородскому материалу и не раз попадали в поле зрения исследователей. Их новый анализ имеет смысл лишь в комплексном варианте в рамках специального изучения, тем более что на Городище, в отличие от Новго-

рода, фрагменты стеклянных браслетов и перстней лишены стратиграфии. Все это касается обломков позднесредневековой гончарной керамики Городища, которая, по сути, не имеет ценности в сравнении с новгородским материалом. Раннегончарная и лепная посуда Городища детально изучена и опубликована В. М. Горюновой и А. В. Плоховым, поэтому мы опускаем их характеристики для раскопов 2005–2012 гг., привлекая лишь при рассмотрении деталей заполнения рва и отдельных сооружений.

Характеристика находок из темно-серого перемешанного культурного слоя

Находки эпохи раннего металла

Ранний пласт находок представлен кремневыми отщепами, обработанными пластинками, скребками, наконечниками стрел и обломками керамики эпохи раннего металла, которые заслуживают отдельной оценки специалистов. Из материалов этого времени особый интерес представляет развал двух горшков, найденных в 2006 г. От одного сохранилась нижняя часть, а форма второго восстанавливается полностью. Сосуды были найдены на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности *in situ*, однако никаких очертаний сооружения данного времени не зафиксировано. Горшок, который удалось реконструировать, имеет плавную S-видную форму и закругленный венчик. Внешняя поверхность покрыта сплошным орнаментом – по шейке идет ряд глубоких ямок, верхняя часть сосуда над плечиками украшена оттисками штампа «веревочка, намотанная на палочку». Отпечатки образуют зигзагообразную линию. Подобный орнамент нанесен на внутреннюю часть венчика. Все тулово сосуда украшено рядами неглубоких вдавлений (рис. 4). Судя по сохранившейся нижней трети второго сосуда, он был точно таким же.

Специальным анализом материала по эпохе раннего металла занималась одна из сотрудниц Новгородской областной экспедиции М. А. Раззак (Юшкова). Обобщая все имеющиеся данные по находкам раннего металла на Северо-Западе, а также на основании собственных полевых изысканий она пришла к следующим выводам: «рассмотренные сосуды, также отдельные фрагменты керамики этого периода, находимые в других раскопах на вершине холма, могут быть отнесены к керамике волховского типа. Памятники с керамикой волховского типа концентрируются в северном Приильменье и в нижнем Поволховье. Лучшее изучено поселение этого типа Шкурина Горка на Нижнем

Волхове, где были найдены непо потревоженные слои рассматриваемого периода, содержавшие не только керамику, но и каменный и костяной инвентарь, кости животных. По материалам поселения Шкурина Горка были получены радиоуглеродные датировки. Основываясь на этих датировках, а также на аналогиях с керамическими комплексами соседних территорий, время бытования поселений волховского типа можно определить в пределах около первой половины I тыс. до н.э. и отнести к концу бронзового века.

В результате сопоставления различных категорий инвентаря можно заключить, что памятники волховского типа сформировались на основе культуры сетчатой керамики эпохи бронзы, датируемой в Северном Поволховье и Приладожье в пределах около середины II тыс. до н.э. – начала I тыс. до н.э. Кроме особенностей материальной культуры от предшествующих древностей они отличаются высокой плотностью памятников, их ареал расширяется в южном направлении – теперь он включает не только южное Приладожье, но и все Поволховье и Приильменье. Ближайшими к Рюрикову городищу памятниками, где найдена керамика этого типа, являются находки на правом берегу Волхова напротив Юрьева монастыря, поселения в Ильменьском Поозерье, такие как Прость, Еруново, Васильевское. Лучшее всего материалы этого периода в Северном Приильменье изучены на поселении Прость. Здесь также удалось реконструировать один целый сосуд волховского типа, он представлен на экспозиции Новгородского музея»¹.

¹ Данный текст был подготовлен М. А. Раззак (Юшковой) специально для нашей книги, за что мы ей благодарны. Основные выводы по изучению памятников волховского типа опубликованы в ряде работ (см. Юшкова, 2003. С. 12–26; 2011).

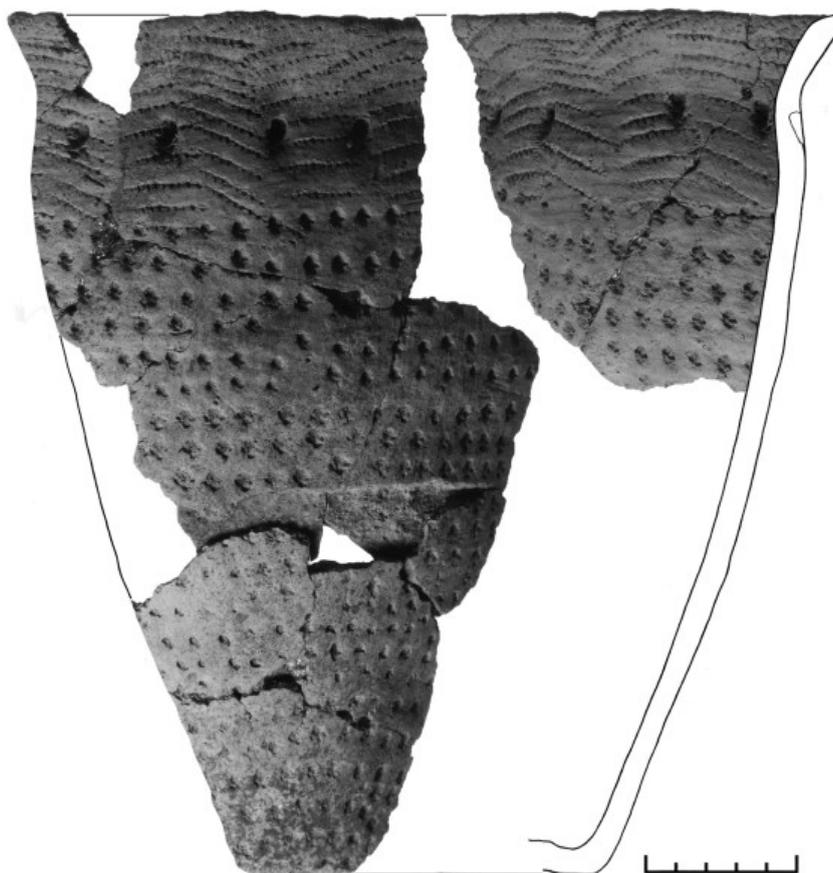

Рис. 4. Сосуд эпохи раннего металла

Бусы

Стеклянные бусы

В темно-сером слое на рассматриваемом участке встречена 241 стеклянная бусина. Мы можем разделить их лишь по формальным признакам и цвету, поскольку имеем дело с находками из перемешанных слоев, где соседствуют изделия разного времени. В своих описаниях городищенских бус мы в основном опираемся на выдержавшие проверку временем разработки З. А. Львовой по бусам Старой Ладogi и Ю. Л. Щаповой по бусам Новгорода и Прибалтики (Львова, 1968. С. 64–94; 1970. С. 89–111; Щапова, 1956. С. 164–179; Щапова, Дайга, 1961. С. 185–195). В целом, классификационная схема З. А. Львовой разработана на материалах более раннего времени (VIII–X вв.), и в основу деления бус на группы положена технология их производства, и в одну группу объединены бусы совершенно различных форм (см., например, группу IV). Не специалисту по бусам, опираясь на публикацию З. А. Львовой, трудно порой разобраться в ее типологии. Приведем пример: как отмечала сама З. А. Львова, зонные бусы Ладogi VIII–IX вв. не имеют ничего общего с древнерусскими зонными

бусами XI–XII вв. (Львова, 1968. С. 73), т. е. они относятся к разным группам, поэтому на классификацию З. А. Львовой мы ссылаемся в бесспорных случаях. Классификация Ю. Л. Щаповой построена на бусинном материале Новгорода начиная с X в. и захватывая древнерусский период, что хронологически ближе нашей коллекции. В ее основу положен принцип, предложенный А. В. Арциховским, – по поперечному и продольному сечениям. Поперечное сечение определяет отдел бус (круглые, ребристые, многоугольные и т. д.), продольное – тип бус (шарообразные, зонные цилиндрические, призматические и т. д.), т. е. в основе классификации лежит форма изделия (Щапова, 1956. С. 164). Это значительно облегчает применение ее к различным коллекциям одновременного материала. Кроме того, мы учитываем статью М. В. Медведевой по бусам Рюрикова городища, придерживавшейся при анализе материала тех же принципов классификации, что и мы (Медведева, 1999. С. 261–264).

Бисер

Учитывая принятую в настоящее время в литературе классификацию, мы рассматриваем бисер по трем группам: классический рубленый бисер,

серийный рубленый бисер и так называемый бусинный бисер.

К категории раннего классического рубленого бисера можно отнести только 3 экз.: два синего цвета и один бесцветный диам. 5–7 мм. Отличительной чертой этой группы изделий являлся округленный и оплавленный один из концов (типа ил. 1, 21). Как отмечала З. А. Львова, «трубочку перед тем, как разрубить на бисеринки, слегка отжимали щипцами так, чтобы не деформировалось отверстие. Затем ее разрубали, ударяя поочередно то вперехват щипцов, то по выпуклой части, отчего один конец получался всегда несколько закругленным, другой плоским» (Львова, 1968. С. 86, рис. 4, 28). Подобный бисер был характерен для нижних слоев Старой Ладogi горизонтов E₂ и E₃.

Вторая группа бисера наиболее многочисленна (52 экз.). Этот бисер изготовлен путем простого разрубания стеклянных тянутых трубочек на части (типа ил. 1, 8–20, 22–26). Данная группа изделий отличалась разнообразием размеров от мелких бисерин диам. 3–4 мм до достаточно крупных диам. 7–9 мм. В целом по цветовой гамме рубленый бисер распределяется следующим образом: 44 % составлял синий бисер, 31 % – желтый, 15 % – зеленый, остальные 10 % представлены единичными экземплярами других цветов (белый, коричневый, бесцветный). В Ладoge такой бисер появляется, начиная с горизонта E₂ и фиксируется в горизонтах E₁ и Д (Там же. С. 87, рис. 4, 29). По новгородской стратиграфии рубленый бисер встречается с X до начала XII вв. Особо интенсивное выпадение его в слой происходит в X–первой половине XI в. (Щапова, 1956. С. 173).

Третья группа бисера по характеру изготовления отличалась от рубленого бисера, сделанного из тянутых трубочек. Это были навитые мелкие зонные бусы диаметром около 3–4 мм (типа ил. 1, 1–7). Всего встречено 8 бисерин: 4 зеленого цвета, 3 – желтого и 1 – голубого. Бусинный бисер был широко распространен на древнерусских памятниках и на территории Прибалтики (Щапова, Дайга, 1961. С. 189; Захаров, 2004. С. 146, рис. 283–285). В могильнике Залахтове такие бусы встречаются в погребениях XII в. (Хвоцинская, 2004. С. 138), на Асотском городище единичные экземпляры датируются X–XI вв., но основная их концентрация приходится на XII–XIII вв. (Щапова, Дайга, 1961. С. 189). В Новгороде бусинный бисер немногочислен и, как на Асотском городище, прежде всего фиксируется в слоях XII–XIII вв. (Колчин, 1982. С. 169).

Пронизки

Из тянутых трубочек изготавливались также пронизки, путем перехвата трубочки несколько

раз щипцами (типа ил. 1, 61–84). В перемешанных слоях было найдено 44 пронизки: 29 – одночастных, 12 – двухчастных и 3 – трехчастных. Среди них встречается 9 золотостеклянных и 2 серебростеклянные, остальные имели синий или зеленый цвета. Серебро- и золотостеклянные пронизки преобладали в нижних слоях староладожского городища, «начиная от горизонта E₃ до уровня построек горизонта Д включительно. Основная же масса этих бус падает на горизонты E₁ и E₂, датируемые IX в.» (Львова, 1968. С. 84). Ю. Л. Щапова все эти бусы относит к типу «лимонных» (Щапова, 1956. С. 173–175). В Новгороде они существуют на протяжении X–XI вв., но отдельные экземпляры встречаются и в начале XII в. (Там же. С. 174). К группе продольно-полосатых «лимоновидных» бус можно отнести черную одночастную бусину с белыми полосками (так называемый «арбузик» – ил. 1, 72).

Зонные бусы

В эту категорию бус входят бусы разных размеров и цветов. Основным критерием их выделения является соотношение диаметра и высоты (типа ил. 1, 28–60). По определению Ю. Л. Щаповой, к зонным относятся бусы, высота которых меньше диаметра, а внешние стенки слегка выпуклые, что отличает их от цилиндрических (Там же. С. 166). Среди зонных бус можно выделить кольцевидные (типа ил. 1, 44–60). Высота последних обычно составляла не больше 1/3 их диаметра, а также они имели достаточно широкое отверстие для нити. Всего в темно-серых перемешанных слоях зафиксировано 95 одноцветных зонных бусин, из них 20 относятся к группе кольцевидных. Бусы были изготовлены как из глухого, так и из прозрачного стекла совершенно разных цветов.

Винтообразные бусы

К этой группе относятся 6 бусин (3 зеленые и 3 синие). Это достаточно редкий тип бус. По данным Ю. Л. Щаповой, в Новгороде подобные бусы появляются в середине XII в. и существуют до середины XIV в. (Там же. С. 172).

Бочонковидные бусы

К этой категории относятся 3 бусины: одна пастовая печеночно-красная (ил. 2, 55), две – зеленые. Они могут быть датированы в пределах второй половины X – XII вв. (Львова, 1968. С. 75, 77).

Единичные монохромные бусы

В коллекции из темно-серого слоя встречены 2 ребристые бусины (желтого цвета и бесцветная). Все они изготовлены способом навивки. В основе бусы имели цилиндрическую форму. Вдоль корпуса бусин были сделаны насечки, так что поперечный разрез имеет вид розетки (типа ил. 2, 13, 14).

Подобные бусы были широко распространены на территории Древней Руси в XI–XIII вв. (Щапова, 1956. С. 175–176; Щапова, Дайга, 1961. С. 190–191; Колчин, 1982. С. 168).

Одна зеленая бусина относилась к типу *бипирамидных* (или *биконических*) бус. По классификации Ю. Л. Щаповой, она принадлежит к варианту I (типа ил. 2, 10, 11), при котором высота бусины меньше диаметра (Щапова, 1956. С. 169). В Новгороде подобные бусы датируются концом X–XI вв. (Там же. С. 170).

Еще одна бусина темно-фиолетовая имела эллипсоидную форму (ил. 2, 56). В курганных древностях, как отмечала Ю. Л. Щапова, подобные бусы синхронизируются с вещами конца XI–XIII вв. В Новгороде они разбросаны по разным ярусам, но наиболее характерны для XII в., отдельные экземпляры встречаются в первой половине XIII в. (Там же. С. 170–171).

Бусы с рельефным и гладким узором

К этому виду бус относятся бусы с различными видами инкрустации.

Глазчатые бусы

Всего обнаружено 6 глазчатых бус, 2 из них имели рельефные глазки, а 4 были гладкими. Каждая бусина была индивидуальна как по форме, так и по цвету. К рельефным бусам относились двучастная (из двух круглых частей) зеленая бусина с выпуклыми желтыми глазками, а также цилиндрическая желтая бусина с темно-коричневыми глазками.

Гладкие бусы представлены 3 круглыми бусинами: темной с желтыми петлями и бирюзовыми глазками (ил. 2, 19), синей прозрачной с красными глазками и желто-зеленой обводкой и бирюзовой с желтыми глазками и красной обводкой. Одна бусина печеночно-красная цилиндрической формы была украшена желтыми петлями, красными глазками с черно-белыми ресничками (ил. 2, 21).

Бусы гладкие и рельефные со спирально-волнистой инкрустацией

Всего встречено 8 гладких бус и 2 рельефные бусины. Гладкие бусы различались по форме (круглые, кольцевидная, бочонковидные, овальные) и по цветовой гамме (2 зеленые, черная, фиолетовая, коричневая, бежевая и неопределенно темного цвета). Каждая бусина была индивидуальна. Как правило, многорядный волнистый орнамент наносился поперек бусины, лишь в одном случае на кольцевидной бусине была одна волна (ил. 2, 31). По характеру орнамента можно выделить два варианта: с плавной волной (ил. 2, 31) и с зигзагообразными волнами (ил. 2, 37). Бусы с зигзагообразным и волнистым орнаментом представлены в культурных

слоях Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 299, 301). Классические варианты данной группы по материалам Новгорода датируются концом XI–XII в. Но поскольку мы имеем дело с украшениями из перемешанных слоев, то внешне похожие бусы могут относиться к древностям более позднего времени, как, например, бочонковидная бусина бежевого цвета с ободками по краям и зигзагообразными желтыми полосами (типа ил. 2, 49).

Рельефные бусы представлены зеленой бочонковидной бусиной с накладными рельефными зигзагообразными желтыми валиками (ил. 2, 44), а также удлиненной коричневой бусиной, состоящей как бы из двух бочонковидных, между которыми находился пояс. Каждая половина бусины была украшена зигзагообразным желтым валиком, края оформлены светлым ободком (ил. 2, 45).

Бусы гладкие с петлевидным орнаментом

На 5 круглых бусинах (3 печеночно-красные, 1 зеленая и 1 черная) имелась инкрустация в виде желтых и белых петелек (типа ил. 1, 37; 2, 26). Разнообразные бусы подобного типа встречаются в древнерусских слоях Белоозера (Там же. Рис. 298).

Бусы гладкие продольно-полосатые

Две бусины были инкрустированы продольными полосками. Одна черного цвета имела овальную форму и была украшена белыми и желтыми полосами (типа ил. 2, 36), а другая – круглая желтая с зелеными полосками.

Единичные находки

К группе редких ранних бус относится полосатая, в основе желтая бусина, украшенная красными, белыми, голубыми и синими поперечными полосками (ил. 2, 34). По классификации З. А. Львовой, с учетом техники изготовления, данная бусина относится к типу мозаичных – из «продольно проколотых желтых стерженьков», имитирующая полосатые бусы. Подобные бусы обнаружены в слое E₃ Земляного городища и имеют аналогии в основном в памятниках южных районов Восточной Европы в могильниках VIII–IX вв. (Львова, 1968. С. 85).

Одна из бусин сделана из слоеного листа, имела овальную неправильную форму. На черном фоне многочисленные белые волнистые линии разной толщины, создающие сплошной узор на поверхности. Ю. Л. Щапова выделяет их в особый тип – гладкие со сплошной одноцветной или полихромной инкрустацией. В Новгороде стратиграфически они датируются XII–началом XIII в. (Щапова, 1956. С. 177).

Кроме того, из темно-серого слоя происходят отдельные бусы, которые не имеют прямых анало-

гий в опубликованных древнерусских материалах. Это крупная круглая бусина из плотной печеночно-красной массы (ил. 2, 52), большая зеленая бусина с накладными красными полосами (ил. 2, 48), обломок синей бусины с голубыми вставками (ил. 2, 51). Также имеется несколько бус, которые связаны с бытом деревни новейшего времени.

Каменные бусы

В темно-сером слое каменные бусы составляют 12 % от общего числа бус. Всего найдено 16 хрустальных, 17 сердоликовых и граненый осколок аметиста, возможно, от бусины. Огранка каменных бус достаточно стереотипная и диктуется возмож-

ностью самого материала. Среди хрустальных бус преобладали круглые (шарообразные) – 11 (типа ил. 3-III, 1–6). Формы остальных распределились следующим образом: 3 – четырнадцатигранные (типа ил. 3-III, 11–16) десятигранная (типа ил. 3-III, 17–20) и 1 призматическая окатанная шестигранная неправильной формы. Сердоликовые бусы представлены 6 – четырнадцатигранными (типа ил. 3-I, 6–10), 5 – круглыми (типа ил. 3-I, 1–5), 3 – многогранными (типа ил. 3-I, 11–14), а также по одной десятигранной (типа ил. 3-I, 18–21) и бипирамидальной формы (типа ил. 3-I, 24). Форму одной из бусин определить сложно, она овальная, грани сглажены.

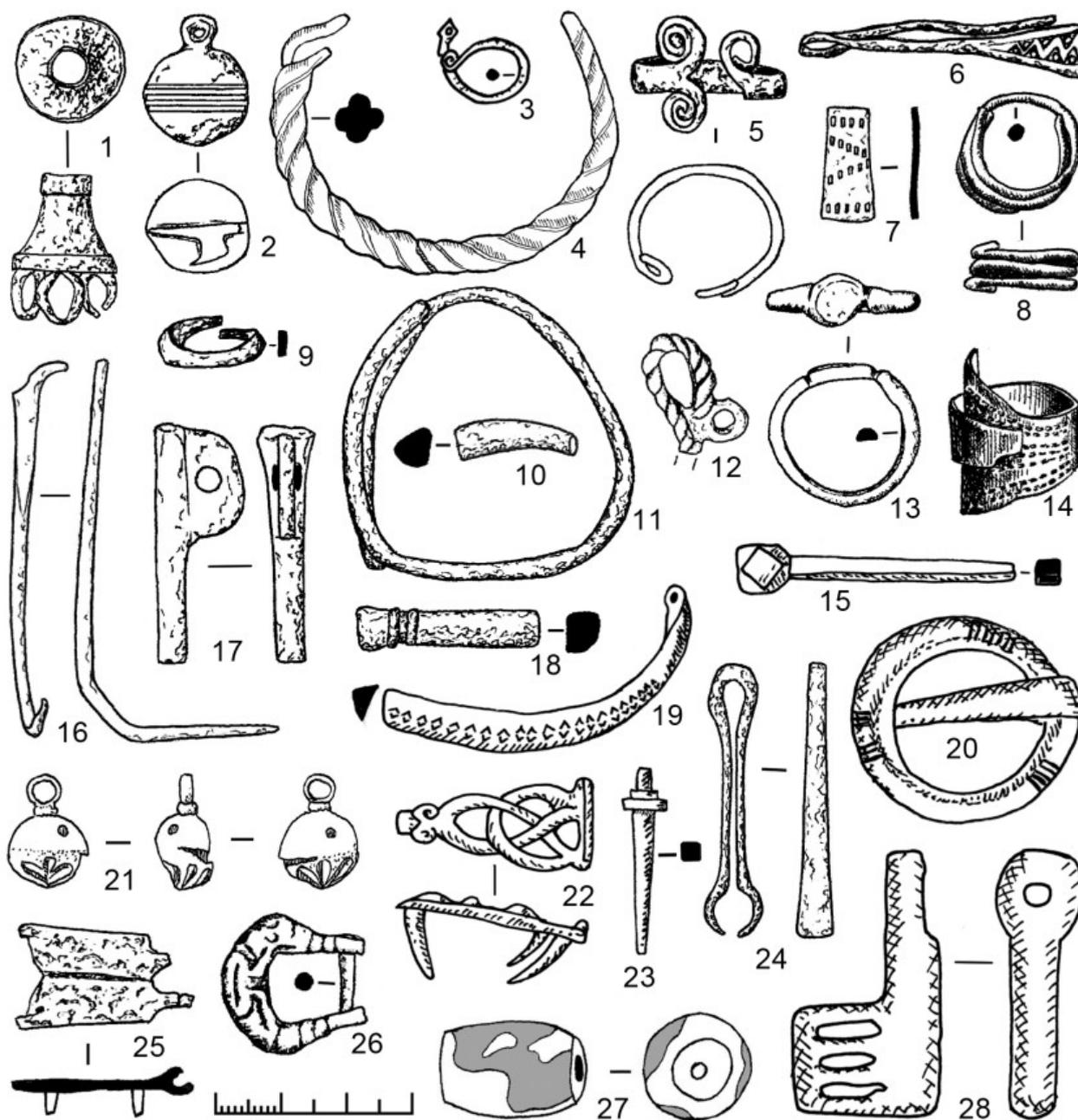

Рис. 5. Находки из темно-серого перемешанного культурного слоя

Распространение хрустальных и сердоликовых бус по территории Древней Руси совпадает с границами распространения дирхемов (Фехнер, 1959. С. 154, 155), что позволяет исследователям рассматривать их как продукт восточного импорта. Возможно, они ввозились из Центральной Азии, откуда шли и монеты и где высоко было развито производство предметов из камней (Там же. С. 155). Как отмечает Е. А. Рыбина: «в Новгороде сердоликовые и хрустальные бусы собраны в незначительных количествах, каждая из групп насчитывает всего по несколько десятков экземпляров». В основном они концентрируются в слоях X–XII вв. (Рыбина, 2001. С. 87, 88). Это вполне согласуется с общим временем распространения их на территории Древней Руси в целом. Шарообразные или круглые сердоликовые бусы на территории Северо-Западной Руси бытовали, судя по находкам в Ладогe, с середины VIII в. до первой половины XII в., четырнадцатигранные сердоликовые в основном датируются X–началом XII вв., а десятигранные призматические бусы X–XI вв. (Фехнер, 1959. С. 152; Давидан, 1998. С. 123, 124; Полубояринова, 1994. С. 75–77).

Другие типы бус

В темно-сером слое зафиксировано 7 янтарных бусин. Из них 4 круглые разных размеров (типа ил. 1, 86–89, 91; 3-II, 1), 2 – цилиндрической формы (типа ил. 1, 90, 92; 3-II, 2). Обломок одной имел неясную плоскую прямоугольную форму подтреугольную в сечении с отверстием по продольной оси (ил. 1, 85). Кроме того, встречены крупная глиняная бусина с поливой (рис. 5, 27) и бусина из серебряной рубчатой проволоки. Такие бусины неоднократно встречались на Городище, как и изготовленные из подобной проволоки различные колечки для подвешивания украшений. Детальная характеристика этим типам изделий дана в Главе 4 (см. с. 132).

Стеклянная посуда (данный раздел написан А. В. Плоховым)

Как и в раскопах 1984–1989 гг., в культурном слое и комплексах, исследованных в 2005–2012 гг., на Рюриковом городище встречено большое количество обломков стеклянной посуды как древнерусского, так и импортного происхождения. Всего зафиксировано 726 фрагментов посудного стекла (693 в раскопе 2005–2010 гг. и 33 в раскопе 2011–2012 гг.). Это в три раза больше, чем было отмечено в прежние годы (Плохов, 2007б). В первую очередь данный факт объясняется тем, что с 1990-х гг. культурный слой памятника промывался или просеивался. Найдено стекла 2005–2010 гг. имеют по большей части небольшой размер, а 26 %

фрагментов ни по одному параметру не превышают 1 см. Меньшее количество средневекового стекла в раскопах 1970–1980-х гг. в какой-то мере отражает и отсутствие опыта в его вычлениении из материала, полученного в ходе исследований сильно перемешанных отложений памятника, насыщенных предметами новейшего времени.

Наиболее ранние находки стекла происходят из разборки в 2007–2009 гг. черного культурного слоя восточной части рва (4 фрагм.)² (ил. 4, 1, 6, 7), а также из двух комплексов 1 (11 фрагм.) и 5 (1 фрагм.) в раскопе 2011 г. (ил. 4, 2–5, 11–19). В основном обломки принадлежат сосудам, изготовленным из прозрачного голубовато-зеленого стекла. Толщина стенок 0,6–1,5 мм. По-видимому, они принадлежали к так называемым воронковидным кубкам, типу сосудов, широко распространенному в IX–X вв. на территории Центральной и Северной Европы. Ранние находки стеклянной посуды на территории Древней Руси в основном не опубликованы. В коллекциях памятников второй половины X в. известны лишь единичные ее находки (Щапова, 1998. С. 172). Фрагменты стеклянных сосудов, похожие на встреченные на Городище, представлены в публикации материалов пойменной части Гнёздовского поселения, где они датированы X в., в основном второй его половиной (Мурашева и др., 2010. С. 520–523, рис. 2). В. В. Мурашева с соавторами отнесла их к византийским импортам, хотя, как уже отмечалось исследователями, на данном этапе изучения материала достоверно определить место производства раннесредневековых стеклянных сосудов, найденных на территории Руси, невозможно (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 68–70). Мастерские, где наряду с другими типами посуды делали также и воронковидные кубки, известны в Корделе у Трира и в Сан-Винченцо-аль-Вольтурно (Седлачкова, 2015. С. 263).

Подавляющая часть рассматриваемого посудного стекла относится к древнерусскому времени. Изучение методом оптико-эмиссионной спектроскопии химического состава стекла более 80 образцов, проведенное в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН в прежние годы, показало его принадлежность в основном к двум группам: поташно-свинцовому и зольному, сваренному на золе солончаковых растений (Егорьков, 2007; Носов и др., 2005а. С. 400–403).

Поташно-свинцовое стекло традиционно считается продуктом древнерусского производства (Безбородов, 1956; Щапова, 1972), хотя частично (в слу-

² Еще один венчик раннесредневекового сосуда происходит из вышележащего, темно-серого слоя (ил. 4, 8), а стенка – из нижней части заполнения постройки IV (ил. 4, 10).

чаях с повышенным содержанием кальция) оно могло быть и импортом из Западной Европы (*Егоров, 2007. С. 177*). Находки 2000-х гг. естественно-научными методами не изучались, и отнесение их к выделенным ранее группам возможно только на основании морфологических признаков.

К «древнерусской» группе в раскопах 2005–2012 гг. можно отнести 617 обломков (123 венчика, 448 стенок, 46 донцев – ил. 5; 6), что составляет больше 85 % от всего количества стекла. Это существенно больше, чем в более ранних коллекциях, где таких изделий было только 55 %.

Из темно-серого слоя раскопа 2005–2010 гг. происходят 398 обломков (72 венчика, 296 стенок, 30 донцев). Сосуды изготовлены из прозрачного желтоватого (349 экз.), зеленоватого (32), синего (6), фиолетового (8) и бирюзового (2) стекла. Его поверхность в большей или меньшей степени покрыта паутиной тонких трещин, часто иризвана, а иногда стекло крошится, что нередко можно наблюдать у стекол сходного состава. Некоторые фрагменты украшены выпуклыми накладными нитями того же цвета, что стенка сосуда, либо другого – фиолетового, зеленого, бирюзового, синего стекла, не выступающими над поверхностью полосками, а также каплями синего и зеленого стекла (ил. 5, 32–37, 43–52).

Имеющийся в нашем распоряжении материал сильно фрагментирован, что не дает возможности сделать графическую реконструкцию сосудов. Представление о формах найденной стеклянной посуды можно получить по находкам, сделанным на других древнерусских памятниках.

Семнадцать узких тяжелых донцев диаметром 0,8–1,1 см с гладкими или рифлеными стенками принадлежали открытым воронкообразным сосудам (типы 2 и 3 донцев сосудов Новгорода, по Ю. Л. Щаповой) (*Щапова, 1963. С. 118, рис. 5, 2–4*). Все изготовлены из прозрачного желтоватого стекла (ил. 6, 1, 2, 4, 5, 8, 10, 11, 13, 15–17). Еще 7 таких донцев желтоватого (6) и зеленоватого (1) стекла происходит из заполнения комплексов (ил. 6, 3, 6, 7, 9, 12, 14, 18). В отечественной литературе традиционно считалось, что остродонные кубки использовались как сосуды для питья, но в последнее десятилетие исследователи пришли к заключению об использовании их в качестве ламп, вставляемых в хорос (*Щапова, 1963. С. 123, 136; 1972. С. 55; 1997. С. 31; Столярова, 1997. С. 102; 2004. С. 344, 345; Валиулина, 2005. С. 52*). Осколки сосудов этого типа найдены в культурных напластованиях XI–XII вв. многих древнерусских городов, а также на Билярском городище Волжской Булгарии,

но наибольшее распространение лампы получили в Новгороде, где, по мнению Ю. Л. Щаповой, они «более или менее равномерно распределены по всей исследованной части неревского, славенского и людина конца» (*Щапова, 1972. С. 55, рис. 11, 1–3; 1997. С. 31, 33, табл. 22, 1, 3–5; 23, 1–3; Валиулина, 2005. С. 51, 52, 119, рис. 23*). В Неревском раскопе эта форма составляет треть от всего числа находок сосудов. Фрагменты ламп встречаются в отложениях второй четверти XI–первой четверти XIII вв., причем основная масса находок датируется второй и третьей четвертью XII в. (*Щапова 1963. С. 122; 1972. С. 42, 46, 55; 1997. С. 31*).

Шесть донцев диаметром 3 см с более или менее выраженным конусовидным выступом в центре из прозрачного желтоватого (4) и зеленоватого (1) стекла можно отнести к типу 1, по Ю. Л. Щаповой (ил. 5, 25, 26, 28) (*Щапова, 1963. С. 118, рис. 5, 1*). Еще одно такое донце встречено в раскопе 2011 г. (ил. 6, 27). Эти днища, по-видимому, принадлежали «стакановидным сосудам» с коническим туловом (*Щапова, 1972. Рис. 11, 11–14; 1997. Табл. 23, 9, 11–15*). Обломки устойчивых бокалов с нешироким дном происходят из слоев конца XI–первой половины XIII вв. многих древнерусских городов (*Щапова, 1972. С. 32–33, 36, 42, 46, 48, 52, рис. 2, 2, 16; 3, 9; 5, 5; 8, 3, 4; 9, 1; 10, 2; Седова, 1978. С. 113, рис. 34, 2; Столярова, 1997. С. 102, 103; 2004. С. 345*). Найдены они и на Билярском городище (*Валиулина, 2005. С. 29, 30, рис. 6, 3*). По наблюдениям Ю. Л. Щаповой, этот тип древнерусской посуды за время своего бытования претерпевает определенные изменения. Ранние бокалы имеют сильно выгнутое, конусовидное дно, которое ко второй половине XII в. становятся менее выделенным (*Щапова, 1972. С. 58*). Если в раскопах 80-х гг. были отмечены только поздние экземпляры, то в материалах последних лет обе группы представлены одинаковым числом находок.

Одно найденное в темно-сером слое донце диаметром 5 см выполнено из прозрачного зеленоватого стекла, принадлежало сосуду с полым поддоном (ил. 6, 19) (тип 4, по Ю. Л. Щаповой) (*Щапова, 1963. С. 118, рис. 5, 5–6*). В коллекции имеется обломок из желтого прозрачного стекла, декорированного зеленой нитью, который, возможно, также относится к донцам этого типа (ил. 6, 20). Донце с поддоном диаметром около 4 см из желтоватого прозрачного стекла происходит также из заполнения древнерусской постройки IV (ил. 6, 18). Стаканы с поддонами стали изготавливаться на Руси со второй половины 30-х гг. XII в. Это самая распространенная, особенно в южнорусских городах,

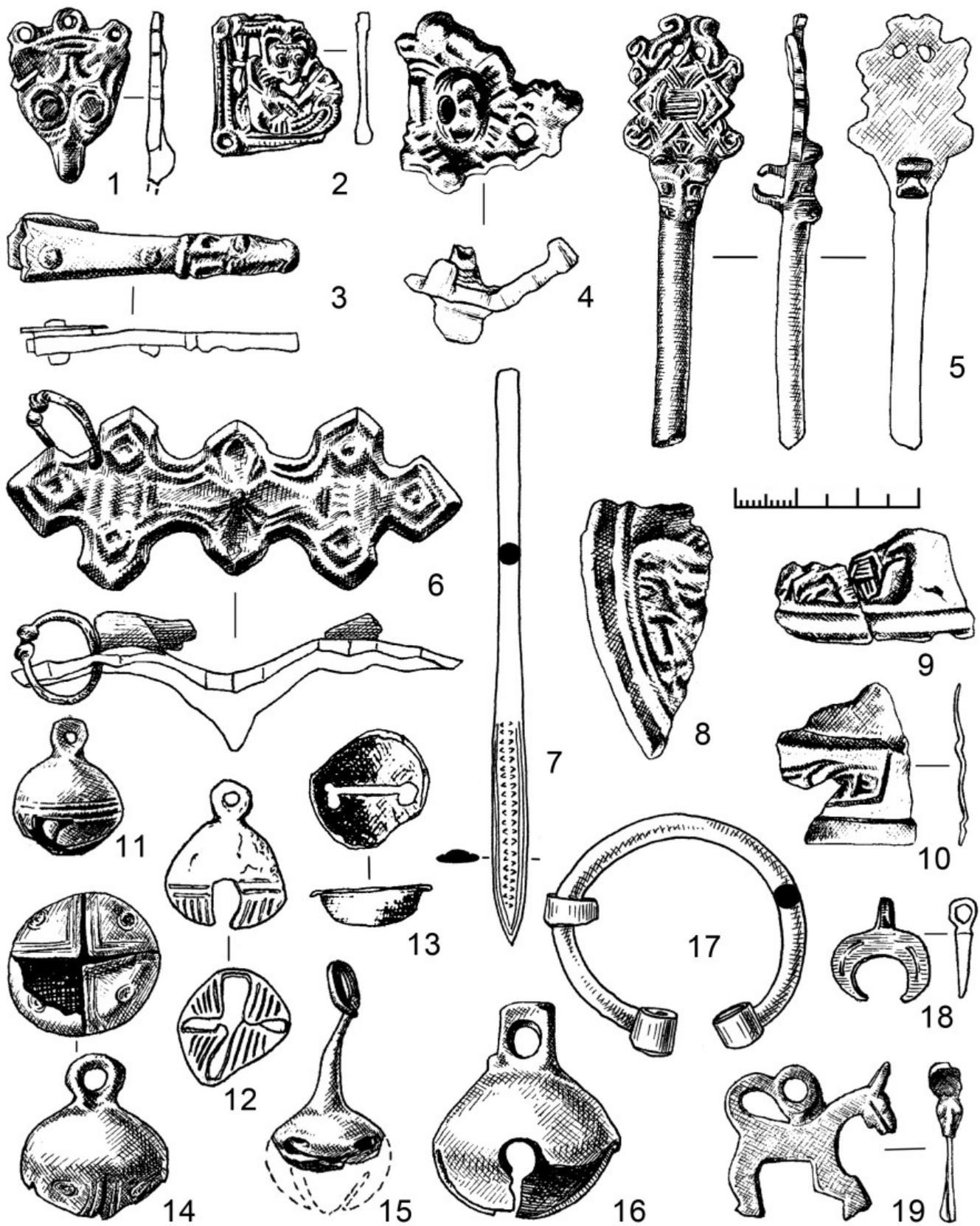

Рис. 6. Находки из темно-серого перемешанного культурного слоя

форма посуды (Щапова, 1972. С. 37, 38, 58, рис. 4, 1; 11, 16, 17; 1974. С. 88; 1997. С. 32, табл. 22, 18–22; 24, 3, 4, 5, 9, 15). По мнению Ю. Л. Щаповой, «эта форма определяла весь облик древнерусской посуды домонгольского времени» (Щапова, 1972. С. 58). Встречены подобные стаканы и на памятниках Волжской Булгарии (Полубяринова, 1988. С. 211, рис. 90, 11; Валиулина, 2005. С. 30, 119, рис. 6, 4). В Новгороде эти сосуды редки. Они найдены здесь в слоях второй половины XII–начала 80-х гг. XIII в. (Щапова, 1963. С. 118–119, 121; 1972. С. 42, 47, 58).

Из темно-серого слоя происходят пять фрагментов от сосудов со слабо вогнутыми широкими донцами из синего с красновато-коричневыми полосами (1) (ил. 6, 22) и прозрачного желтого (4) стекла (ил. 6, 17, 21, 23) (тип 5, по Ю. Л. Щаповой) (Щапова, 1963. С. 119, рис. 5, 8). Два из последних имеют рельефную внешнюю поверхность. Только у одного удалось установить примерный диаметр – 5 см. По-видимому, еще один осколок донца этого типа из зеленоватого стекла найден в заполнении постройки IV. Широкие донца на территории Древней Руси встречаются в слоях последней четверти XI–первой половины XIII вв. (Щапова, 1972. С. 34, 42, 52, 55, 58, рис. 3, 5; 5, 9; 9, 2). Судя по направлению прилегающих к дну стенок, форма сосуда могла быть цилиндрической или боченкообразной (Там же. С. 46, 47, 55, рис. 7, 3, 4; 11, 4–10; Щапова, 1997. С. 31, табл. 23, 4–10, 16).

Двумя образцами прозрачного желтого и зеленоватого стекла представлены в темно-сером слое сосуды на кольцевидных поддонах (ил. 6, 24). Диаметр одного из них – 4 см. Экземпляр сосуда с подобным донцем был встречен в раскопках 1980-х гг. в нижней части заполнения третьей большой постройки (Носов, Плохов, 2005. С. 43, табл. 14, 1).

Значительно меньше по сравнению с «древнерусскими» в коллекциях из раскопок 2005–2012 гг. отмечено осколков стеклянной посуды, изготовленной из зольного стекла с преобладанием соединений натрия над соединениями калия. Такое стекло варилось на золе солончаковых растений в мастерских разных центров Восточного Средиземноморья, как византийских, так и различных исламских. В настоящее время ученые не могут по химическому составу распознать изделия, выполненные мастерами из различных восточносредиземноморских регионов (Щапова, 1974. С. 81, 83, 87; 1998. С. 91–92; Ениосова, Пушкина, 2012. С. 68–70). На основании отмеченных различий в форме и декоре среди изделий, выполненных из зольного стекла, можно выделить продукцию византийских и мусульманских мастеров.

К посуде, изготовленной в византийских мастерских, очевидно, относятся обломки прозрачного синего стекла, вся поверхность которых украшена росписью золотом, а также белой и желтой эмалью (ил. 7, 1–29). На большинстве осколков парные линии белой эмали разграничивают круглые медальоны и замыкают сверху и снизу декорированную зону. Судя по сохранившимся фрагментам, в медальонах располагались зоо- и орнитоморфные изображения, исполненные золотом с графической прорисовкой деталей. Свободное пространство между медальонами было занято растительным орнаментом. В темно-сером слое встречено 28 таких осколков. Планиграфически большая часть обломков зафиксирована в районе большой постройки V. Такие же стекла отмечены при исследовании песчаной засыпи рва (2) (ил. 7, 7), разборке заполнения постройки IV (1) (ил. 7, 15) и комплекса № 70 (1) (ил. 7, 4). Небольшой фрагмент прямого венчика, возможно, принадлежал стакану и/или чаше (ил. 7, 1). Большинство же фрагментов относится к небольшому удлинённому цилиндрическому флакону или флаконам с узким горлом и округлым дном. Этот тип сосудов хорошо известен по находкам из Новогрудка, Херсонеса, Коринфа, Кипра, Египта (Гуревич и др., 1968. С. 8, табл. II; Джантоладян, 1961. С. 167, табл. 2, рис. 2; 3; Колесникова, 1973. С. 249–250, рис. 1; Davidson, 1940. P. 320, fig. 20–22, 24, 25; Megaw, 1959). Флакон из Коринфа найден в стекольной мастерской, которую относили к XI–XII вв., но в последнее время ее датировка пересмотрена в сторону существенного, до двух веков, омоложения (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 69).

К интересным находкам относится миниатюрная (высота 1,65 см) вертикальная ручка одинарного гладкого стержня, овального сечения из синезеленого прозрачного стекла, которая была прикреплена на тулове сосуда того же цвета (ил. 7, 50). Разнообразные похожие ручки, предназначенные для подвешивания лампад, широко известны в археологических комплексах V/VI–XIII вв. Крыма, Тамани, а также на основной территории Византийской империи (Лысенко и др., 2017. С. 301, 303, рис. 9, 9–19; Тесленко, Мусин, 2015. С. 182–183, рис. 4. 1–4).

Византийское происхождение, скорее всего, имели сосуды, от которых в слое обнаружено больше десятка небольших обломков прозрачного синего, винно-красного, фиолетового, коричневого и заглушенного молочно-белого стекла (ил. 7, 43–46, 48, 49, 52, 53–59), в том числе фрагмент донца с полым поддоном (ил. 7, 51). На некоторых фрагментах наблюдается роспись белой эмалью и золотом (ил. 7, 48, 52, 55). Возможно, что к про-

дукции, изготовленной византийскими мастерами, следует отнести и сложные по технике изготовления три обломка с красивым двухслойным четырехцветным стеклом (ил. 4, 31–33). Внутренний слой имеет винно-красный цвет, а внешний состоит из соединения синего, белого и красного стекла, образующего беспорядочный узор. Еще два таких осколка имеются в материалах раскопа 2011 г. (ил. 4, 30, 34). Находки двухслойного стекла, хотя и других расцветок и узоров, представлены в нескольких комплексах Новогрудка (*Гуревич и др.*, 1968. С. 10–11, табл. XII, 23–31).

В средиземноморских мастерских, очевидно, были выполнены сосуды, от которых в темно-сером слое встречено одиннадцать мелких обломков синего прозрачного стекла, декорированных «перистым» узором, исполненным белой эмалью (ил. 7, 30–36, 38–40). Подобные обломки были найдены также при разборке заполнения комплекса № 70 (ил. 7, 37) и в темно-сером слое на раскопе 2011 г. (ил. 7, 41). Четыре обломка с таким декором отмечены на Городище и ранее в раскопах 1980-х гг. (*Плохов*, 2007б. С. 170, ил. 6, 19–22). Техника нанесения «перистого» орнамента, продолжая античные традиции, в XII–XIV вв. получила широкое распространение на посуде как византийских, так и сирийско-египетских мастерских (*Валиулина*, 2015. С. 249; *Гуревич и др.*, 1968. С. 11, табл. XII, 20; *Джанполадян*, 1974. С. 44, 68, №113; *Джанполадян*, *Калантарян*, 1988. С. 13, 22, табл. XXXIII; *Кунина*, 1997. С. 27; *Полубояринова*, 1988. С. 211, рис. 94, 1, 2; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 105–109; *Jenkins*, 1986. P. 11, 45, № 2, 50). В Новгороде сосуды, украшенные аналогичным орнаментом, отмечены в слоях 1116–1134 гг. (*Щанова*, 1963. С. 117, 120, 122, рис. 4, 3; 7, 1; 1998. С. 264, 266, рис. 45, 1, 2).

Некоторое количество фрагментов принадлежит изделиям, изготовленным из стекла, сваренного на золе растений южных климатических зон, имеют ближневосточное, сирийское или египетское, происхождение. Из темно-серого слоя в раскопе 2005–2010 гг. происходит семь фрагментов бесцветно-прозрачного или желтоватого высококачественного стекла, поверхность которых расписана разноцветной (синей, красной, белой) эмалью (ил. 4, 21–27). Полтора десятка осколков аналогичного стекла без декора, также, по-видимому, можно отнести к этой группе (ил. 4, 20). Наиболее интересный осколок исламского стекла встречен в темно-сером слое раскопа 2011 г. (ил. 4, 28). На нем уцелела часть фриза из арабских букв, выполненных золотом (которое почти не сохранилось) на синем эмалевом фоне. По остаткам букв научному сотруднику

отдела нумизматики Государственного Эрмитажа В. С. Кулешову удалось восстановить надпись. По его мнению, на сосуде было написано: «Слава государю нашему султану!»³. Фриз ограничен линией из красной эмали. Ниже располагалось изображение мужской фигуры, от которой сохранилась только часть головы в конусообразном головном уборе с шишкой. Голова выполнена красной эмалью, покрытой золотом, с последующей графической прорисовкой деталей. Видны нос, глаз и рот. Выше головы – полоса из белой эмали. Вокруг головы расположен нарисованный золотом нимб, сейчас почти не видный. Правее ее располагалось нанесенное золотом изображение, от которого сохранилось нечто похожее на два листа. В целом следует отметить, что на рассматриваемом участке исламского стекла было встречено существенно меньше, чем в 1984–1989 гг. (см. *Плохов*, 2007б. С. 171–174), что, очевидно, связано с хронологией расположенных на данном участке средневековых комплексов.

В настоящее время сосуды, украшенные золотом и эмалевой росписью, принято датировать серединой XIII–XV вв., хотя для восточноевропейских материалов проблема хронологии до сих пор актуальна (см. *Валиулина*, 2015. С. 250–256). Несомненно, что человеческие фигуры представлены на сосудах, изготовленных главным образом в XIII столетии. В конце XIII–начале XIV в. изображения людей постепенно исчезают из композиций, украшающих исламское стекло (*Carboni*, 2001. P. 324, 341).

В Новгороде осколки сосуда с человеческими фигурами найдены в 10–12-м ярусах Неревского раскопа, относящихся к 1281–1340 гг. (*Щанова*, 1962. С. 232–234, рис. 1; 1963. С. 117, 129–130, рис. 4, 4, 7). В Смоленске фрагменты с изображением человека обнаружены в слое середины XIII в. (*Асташова*, 1998. С. 163). Обломки двух сирийских кубков были найдены в 2006 г. в Ярославле, в нижней части заполнения глубокого подклета, датированного домонгольским временем. На одном из фрагментов имеется изображение мужского лица (*Столярова, Энговатова*, 2013. С. 95, рис. 2).

В материалах 1980-х гг. с Городища было отмечено несколько редких находок стекла, являющихся типологически и по химическому составу импортом из Западной Европы. Среди многочисленных находок последних лет раскопок можно выделить только несколько обломков сосудов, которые до результатов исследования химического состава можно сугубо

³ Благодарю В. С. Кулешова за предоставленную консультацию.

предположительно отнести к импортам из Западной Европы. В темно-сером слое раскопов 2005–2010 гг. к таковым принадлежит фрагмент зеленоватого стекла, украшенный желтой и красной эмалью (ил. 4, 28), и осколок бесцветного прозрачного стекла, декорированный полосами красно-коричневой и желтой, а также точками белой эмали (ил. 4, 35). Идентичный последнему, но более крупный обломок был найден в раскопе 2011 г. (ил. 4, 34). По цветам использованной эмали, а также орнаменту обломки могли принадлежать сосуду (или сосудам), являвшемуся продуктом ранневенецианских мастерских (*Крамаровский, 2006*).

Таким образом, при исследовании Рюрикова городища собрана большая коллекция осколков средневековой стеклянной посуды, которая по богатству и разнообразию вполне сопоставима с материалами других крупных городских центров Древней Руси, что говорит о важной роли этого поселения в средневековье. Анализ распределения находок стекла показал его очевидную концентрацию не только в районах крупных построек I, II, IV, V княжеского двора и культурном слое над ними, но и на территории между двумя последними комплексами (ил. 8). Любопытно, что похожую, хотя и несколько менее выраженную, картину дает планиграфия сфрагистических находок и крестов-реликвариев (*Григорьева, 2014. Рис. 4; 2015. Рис. 4*). Скопление разнообразного престижного материала позволяет высказать предположение о нахождении между постройками IV и V крупного не заглубленного в землю сооружения, входящего с ними в единый комплекс.

Нельзя не отметить, что в материалах раскопанного в 2005–2010 гг. участка представлено около 70 осколков оконного стекла и два экземпляра витражных стекол.

Христианские древности

Энколпионы

К числу редких вещей относятся энколпионы (ил. 9, 2–6). Практика изготовления для паломников крестов-реликвариев была популярна в христианском мире. В основе этой традиции лежало сиропалестинское культовое литье, но на территории домонгольской Руси оно получило самостоятельное развитие. Подробный анализ энколпионов, найденных на Рюриковом городище, был проведен О. В. Григорьевой (*Григорьева, 2015. С. 246–260*), поэтому мы лишь упомянем о тех находках, которые были сделаны в рассматриваемые нами годы раскопок. Из перемешанного культурного слоя происходят четыре энколпиона, один был найден

в заполнении древнерусской постройки IV и соответственно рассматривается в контексте с коллекцией вещей из этого сооружения, а еще один энколпион является случайной находкой, сделанной на берегу Сиверсова канала в 2008 г.

Два энколпиона из темно-серого слоя (от одного сохранилась только одна створка), по классификации Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой, относятся к типу IV.6.3 (*Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 102*). Это миниатюрные прямоконечные энколпионы с изображением на обеих створках креста. На целом экземпляре с лицевой стороны сделано черное изображение креста с «сиянием» (с диагональным крестиком в средокрестии), а с обратной стороны такое же изображение, но выполнено просто углубленными линиями (ил. 9, 2). На створке второго энколпиона изображение в виде углубленного креста еле читается (ил. 9, 5). Энколпионы, инкрустированные крестом, известны в Новгороде, Приднестровье, Ярополче Залесском и Белоозере (*Седова, 1981. С. 57; Захаров, 2004. С. 167*). На Неревском раскопе в Новгороде подобный складень датируется периодом от конца XII в. до 30-х гг. XIII в. (*Седова, 1981. С. 57*).

На створках двух энколпионов были изображения Распятия Христа с одной стороны и Богоматери с другой (тип IV.6.1 – *Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 99–101*). Один из них является случайной находкой (ил. 9, 4), а второй происходит из культурного слоя (ил. 9, 3). Хотя на них и одинаковые изображения, но последний технически выполнен более тщательно с проработкой мелких деталей. В целом, подобные кресты-реликвариумы датируются второй половиной XI–первой половиной XIII вв. (*Григорьева, 2015. С. 253*).

Шестой энколпион относится к типу IV.6.5 (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 178, табл. 102*) – миниатюрный прямоконечный с заостренными выступами на углах и с изображениями креста на обеих створках. На городищенском экземпляре достаточно хорошо виден инкрустированный крест на одной из сторон, а на другой не сохранился (ил. 9, 6). Данный тип крестов достаточно редкий и датируется XII–первой половиной XIII в. (Там же, 2003. С. 178).

Кресты тельники

Впервые на Городище был найден литой бронзовый крестик со слегка расширяющимися концами, на лицевой стороне которого имеется достаточно грубое изображение распятого Христа (ил. 9, 1). Наш тельник относится ко второму варианту, по классификации Н. Г. Недошивиной (*Недошивина, 1990. С. 103*). Наиболее полная сводка крестов с «грубым Распятием» дана в работе А. Е. Мусина

и дополнена позднее А. А. Песковой. По их подсчетам, к настоящему времени известно свыше 50 экз. таких крестов на территории Древней Руси, встреченных более чем в 30 пунктах (имеются в виду оба варианта тельников), причем они происходят как из культурного слоя поселений, так и из погребальных комплексов (Мусин, 2002. С. 152, 153; Peskova, 2014. Р. 113). В частности, 9 из них были найдены в Новгороде, в том числе самый ранний (972–989 гг.), аналогичный городищенскому. По мнению А. А. Песковой, исходная модель такого креста могла быть создана на Руси под влиянием провинциально-византийских, а именно балкано-дунайских, образцов в конце X–начале XI в. (Пескова, 2007. С. 275–278. Рис. 6 и 7; Пескова, Егорьков, 2010. С. 59–60. Рис. 4; Peskova, 2014. Р. 128–129).

Кроме данного редкого экземпляра в темно-сером слое встречены 59 крестов тельников и их фрагментов, которые широко были распространены на территории Древней Руси и России в разное время. Основные типы представлены нами на иллюстрации 10. Большая их часть выполнена в бронзе, но встречаются единичные экземпляры из серебра, свинцово-оловянистого сплава, сланца, камня, кости, янтаря и стекла. В последнее десятилетие интерес к культовым древностям возрос. Появилось множество публикаций по отдельным регионам и памятникам, разработана их типология в работах М. В. Седовой, Н. А. Макарова, А. Е. Мусина, Ю. В. Колпаковой, С. Д. Захарова, И. Е. Зайцевой и др. (Седова, 1981. С. 49–55; Макаров, 1991. С. 11–20; Мусин, 2002. С. 179–184; Колпакова, 2003. С. 57–70; 2016. С. 57–78; Захаров, 2004. С. 161–166; Зайцева, 2008. С. 60–64; Покровская и др., 2017. С. 467–474). На Городище представлены практически все разновидности крестиков. Наиболее часто встречаются крестики с трехлепестковыми криновидными концами (ил. 10, 1, 2, 3, 5, 6). Разновидности подобных крестиков известны как в курганных древностях XI–XII вв., так и в средневековых слоях городов и сельских поселений в XIV–XV вв. (Седова, 1981. С. 54). В коллекции представлены различные тельники, украшенные эмалью, крестики, концы которых завершены одним или тремя шариками, а также совсем простые формы крестов. Некоторые из позднесредневековых крестов имеют надписи или изображения Распятия или Голгофы.

К данной группе предметов также относятся крестовидные подвески из янтаря (3 экз.). Один крестик имел простую прямоконечную форму (ил. 1, 95). По форме он полностью соответствует новгород-

ским крестам, выделенным М. В. Полубояриновой в группу плоско-выпуклых крестов, которые по материалам Новгорода датируются второй третью XIV–третьей четвертью XV в. (Полубояринова, 1994. С. 81). А два других (один обломан) были сделаны из кусочка янтаря, которому была придана квадратная форма. С одной стороны отшлифованная пластинка сужалась. В утолщенной верхней части пластины с торцов была просверлена дырочка для подвешивания. Затем мастер легкими клиновидными надрезами превратил углы в трилистники, которые разделил между собой небольшими полукруглыми вырезами (ил. 3-II, 4). Это одна из наиболее распространенных форм крестов тельников из янтаря. Они получили несколько различные типологические определения. Р. Л. Розенфельд называл их крестами с «клиновидным завершением лопастей» (Розенфельдт, 1978. С. 204), М. Д. Полубояринова – крестиками «с криновидными концами» (Полубояринова, 1994. С. 81), а Р. Г. Шаповалов вводит еще термин «стилизованные концы или криновидные» (Шаповалов, 2000. С. 156). В соответствии с новгородской хронологией они датируются второй половиной XI–XII вв. (Полубояринова, 1994. С. 81). Помимо Новгорода такие крестики встречаются и в других древнерусских городах Старой Рязани, Ярополче Залесском, Белоозере, Саркеле, Старой Руссе, Старой Ладогге. Несмотря на широкий, казалось бы, географический разброс находок, Р. Л. Розенфельдт их производство связывает прежде всего с северорусскими городами (Розенфельдт, 1978. С. 204). Общая концентрация этих изделий на территории Северной Руси подтверждает этот факт. Кроме того, в городских слоях часто находят куски неоработанного янтаря.

Археологически установлено, что из Прибалтики янтарь в виде сырья вывозили крупными партиями в бочонках. Такой бочонок оказался в жилище киевского торговца и сгорел во время татарского нашествия (Там же. С. 198). В 1967 г. на основном раскопе в Плотницком конце Новгорода была обнаружена ювелирная мастерская, где наряду с каменной литейной формочкой, медными весами и тигельками встречено более 700 фрагментов необработанного янтаря и заготовки для янтарных бус и крестиков (Рындина, Хорошев, 1968. С. 17–18). Мастерская ювелира, в составе инвентаря которой также имелись необработанные куски янтаря, зафиксирована и в Старой Ладогге (Кирпичников, Сарбабянов, 2003. С. 85). Нет сомнения, что городищенские крестики были сделаны где-то в Поволховье. Отметим еще один любопытный факт, что один из наших крестиков имеет красноватый цвет.

Как отмечает Р. Л. Розенфельдт, «многие из древнерусских янтарных изделий выполнены из красного цвета. Это тот же желтый прибалтийский янтарь, прокаленный в глиняных горшках, в которых куски его засыпали песком. При такой технологии получали янтарь сходный с сердоликом» (Розенфельдт, 1978. С. 198).

Иконки

В темно-сером слое встречены две достаточно уникальные иконки. Одна из них в виде бронзовой монетовидной подвески с изображениями на обеих сторонах (ил. 9, 7). При ее атрибуции мы обратились к А. А. Песковой. По ее мнению, «на лицевой стороне подвески представлен образ стоящей с воздетыми в молении руками Богоматери (в типе оранты), по бокам надписи под прямыми титлами **MP OY** (хотя вместо **O** должна быть **фита**⁴); на оборотной стороне – два святых в рост у Креста. Судя по композиции и головным уборам, скорее всего, Константин и Елена (оба касаются руками креста), гораздо менее возможны две другие пары святых (Борис и Глеб; Козьма и Демьян). В целом, по размеру и окантовке иконка-привеска типична для древнерусских круглых привесок». Однако ее уникальность А. А. Пескова видит в том, что она двусторонняя и в достаточно редком составе изображений, по крайней мере ей такие подвески неизвестны. «Отдельно образ стоящей Богоматери Оранты, – как отмечает исследовательница, – встречается на миниатюрных иконках-привесках, но прямоугольной формы».

Вторая иконка представляла собой небольшой кусочек глинистого сланца с изображением всадника и знаком Рюриковичей (ил. 9, 8). Отчетливо прослеживается изображение груди и части шеи коня в упряжи, края складчатого плаща всадника и левая нога в стремях. На теле коня в нижней части вырезан двузубец, вписанный в круг, который можно интерпретировать как княжеский знак Рюриковичей. Данная иконка стала предметом специального анализа, проведенного А. Е. Мусиным (Мусин, 2007. С. 148–165). В результате всестороннего рассмотрения иконографии автор приходит к мнению, что иконка была изготовлена на Руси в киевской камнерезной мастерской, существовавшей в первой трети XIII в., и на ней мог быть изображен святой Димитрий Солунский. А княжеский двузубец мог принадлежать Владимиру Рюриковичу (1187–1239 гг.), в крещении носившему имя Димитрий.

⁴ В данном случае это мог быть результат литейного брака и перекаладка не отлилась.

Североевропейские древности

Общепризнанно, что Городище при русских князьях было местом пребывания скандинавских воином. Об этом свидетельствуют многочисленные предметы, характерные для культуры народов Северной Европы, и прежде всего населения Средней Швеции. Судя по находкам глиняных формочек и неудачных отливок, часть украшений изготавливалась прямо на Городище (Хвоцинская, 2007. С. 123–139). Раскопки 2005–2010 гг. дополнили коллекцию данной группы изделий, которые были встречены не только в темно-серых верхних напластованиях и в отдельных сооружениях, но и в черном культурном слое, сброшенном по восточному склону рва. Последние охарактеризованы нами в соответствующих разделах книги.

Из темно-серого слоя происходит 2 обломка сильно деформированных бортиков скорлупообразных фибул (рис. 6, 9, 10), которые, скорее всего, относились к типу Р-37, по мнению И. Янссона (Jansson, 1985. С. 46–57). Кроме того, обломок железной иглы. К характерным скандинавским древностям относится целая равноплечная фибула типа Р-58 (рис. 6, 6) (Petersen, 1928. С. 77). Это наиболее распространенный тип скандинавских фибул на территории Восточной Европы. Среди равноплечных фибул они чаще всего встречаются и на Городище, судя по отпечатку на обломке глиняной формочки, найденной в 2010 г. в предматериковом слое, часть из них здесь и делалась. Кроме того, из темно-серого слоя происходит обломок равноплечной фибулы, от которой сохранилось «плечо» с приемником для иглы. Края фибулы несколько приподняты, а в центре «плеча» с помощью шпенок прикреплен объемная стилизованная головка животного (рис. 6, 4). Деталь такой фибулы уже встречалась в подъемном материале Городища. По классификации Г.-Б. Огорд, данные изделия можно отнести в группу IV A: 1 (Aagård, 1984. С. 102). В 2005 г. в перемешанном слое найдена часть бронзовой булавки с уплощенным концом, украшенным орнаментом в виде «волчьего зуба» (рис. 6, 7). Это часть длинной иглы кольцевидной булавки, относящейся к деталям одежды скандинавского дружинника (Носов, Хвоцинская, 2004. С. 227–232).

К группе североевропейских древностей относится часть квадратной накладки, выполненной в стиле Борре, у которой отчетливо сохранился декор в виде мордочки животного и его переплетенного тела (рис. 6, 2). По углам украшения имеются отверстия для его крепления к кожаной основе. Возможно, эта накладка является деталью уздечного набора. Кроме того, найден узкий бронзовый

наконечник ремня, завершающийся стилизованной мордой животного (рис. 6, 3). В примитивном виде он повторяет более роскошные скандинавские аналоги (*Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 133, 20, 26).

Интересны две бронзовые литые булавки с гранеными прямоугольными перемычками в верхней части, изготовленные в североевропейской художественной традиции. Одна булабочка целая имела плоское навершие с отверстием, в которое было вставлено проволочное колечко с завязанными концами (ил. 11, 9). Вторая сохранилась лишь частично, но важно отметить, что в ее уплощенной верхней части было также отверстие, но в него был вставлен железный шпенок, а значит, на эту основу крепилось какое-то навершие, что было характерно для скандинавской культуры (ил. 11, 12). И. Янссон, рассматривая находку головки дракона на Городище, отмечает, что, скорее всего, это было навершие на шило или булавку, чему имеются параллели в Скандинавии (*Янссон*, 1999. С. 30–31). Таким образом, данные изделия можно рассматривать в русле находок, представленных в Швеции в средний период викингов и имеющих аналогии в Бирке (*Waller*, 1984. S. 183–190).

К рассмотренным предметам добавим еще три находки из железа, которые можно интерпретировать как «молоточки Тора» (ил. 12, 3, 10, 12). Они входят в круг скандинавских амулетов, которые неоднократно встречались в культурных слоях Городища, их подробный анализ был проведен Т. С. Дорофеевой (*Дорофеева*, 2013б. С. 200–207).

Другие типы украшений из цветного металла

Фibuлы

В темно-сером слое встречено три бронзовые подковообразные фибулы и несколько игл от них. Одна из них представляла спиралеконечную застежку с круглым сечением дуги (рис. 6, 17). Это предмет одежды, широко распространенный на территории Северной Руси, Финляндии, Скандинавии и Прибалтики и имеющий широкую датировку от X до XIII вв. (*Хвоцинская*, 1999. С. 47). Вторая фибула с гвоздевидными головками в виде небольших усеченных пирамидок, украшенных кружочками, и с иглой, имеющей широкое основание (ил. 11, 14), по аналогиям из курганных древностей Новгородской земли и самого Новгорода датируется концом XI–серединой XIII вв. (*Седова*, 1981. С. 88; *Хвоцинская*, 1999. С. 88). Последняя застежка весьма примечательна – это достаточно крупная фибула, оплавленная, возможно, во время пожара, относится к так называемым фибулам со слитыми концами.

Дужка ее украшена широким ложновитым валиком, концы в виде двух удлиненных спиралей (ил. 11, 13). Подобные фибулы, являющиеся как бы промежуточным вариантом между подковообразными и кольцевидными, были распространены в XII – первой половине XIII в. на Русском Севере и в Костромском Поволжье (*Рябинин*, 1981б. С. 66–68; *Макаров*, 1990. С. 73, 74; *Захаров*, 2004. С. 179). Кроме того, среди бронзовых изделий из темно-серого слоя происходит небольшой обломок уплощенной дуги изделия с орнаментированным валиком посередине (рис. 7, 7). По имеющемуся фрагменту трудно найти ему полную аналогию, хотя ясно, что это часть кольцевидной фибулы, а судя по волнообразному орнаменту, она напоминает фибулу из могильника Лашковицы (*Рябинин*, 2001. С. 250, табл. XXXIV, 5). В Новгороде кольцевидные фибулы бытовали с XII в. до конца XIV в. (*Седова*, 1981. С. 89–92).

Подвески

В коллекции имеется 8 подвесок. К группе трапециевидных относятся три подвески – две простые без орнамента (ил. 13, 10) (одна представлена фрагментом), а третья была украшена циркульным орнаментом. По нижнему краю имеются три отверстия, к которым обычно на проволочном колечке (два из них сохранились) подвешивались аналогичные по форме подвески меньшего размера (рис. 7 1). Судя по материалам многочисленных курганных древностей, такие двух- или трехрядные подвески могли служить как самостоятельным украшением (например, на поясе), так и прикрепляться к височным кольцам. В целом трапециевидные подвески у различных этнических групп населения лесной зоны Восточной Европы бытуют достаточно длительный период времени.

Три подвески относятся к группе амулетов, в виде предметов быта: две подвески-ложечки (рис. 7, 5, 14) и подвеска-топорик (рис. 7 8). Все они имеют прямые аналогии среди древнерусских находок Новгорода и курганных древностей Северной Руси XI–XII вв. (*Успенская*, 1967. С. 94; *Седова*, 1981. С. 26). По мнению исследователей, ложечки считались символом благосостояния и довольства.

Специальное исследование по амулетам-топорикам было проведено Н. А. Макаровым (*Макаров*, 1992. С. 41–55), который значительно пополнил каталог, составленный в свое время В. П. Даркевичем (*Даркевич*, 1961. С. 91–102), и пришел к выводу, что топорики не являлись символами Перуна, как полагал В. П. Даркевич, поскольку они получили распространение в XI в., когда Перун был низвергнут. По его мнению, они относились к новому этапу развития дружинной культуры, сохранявшей

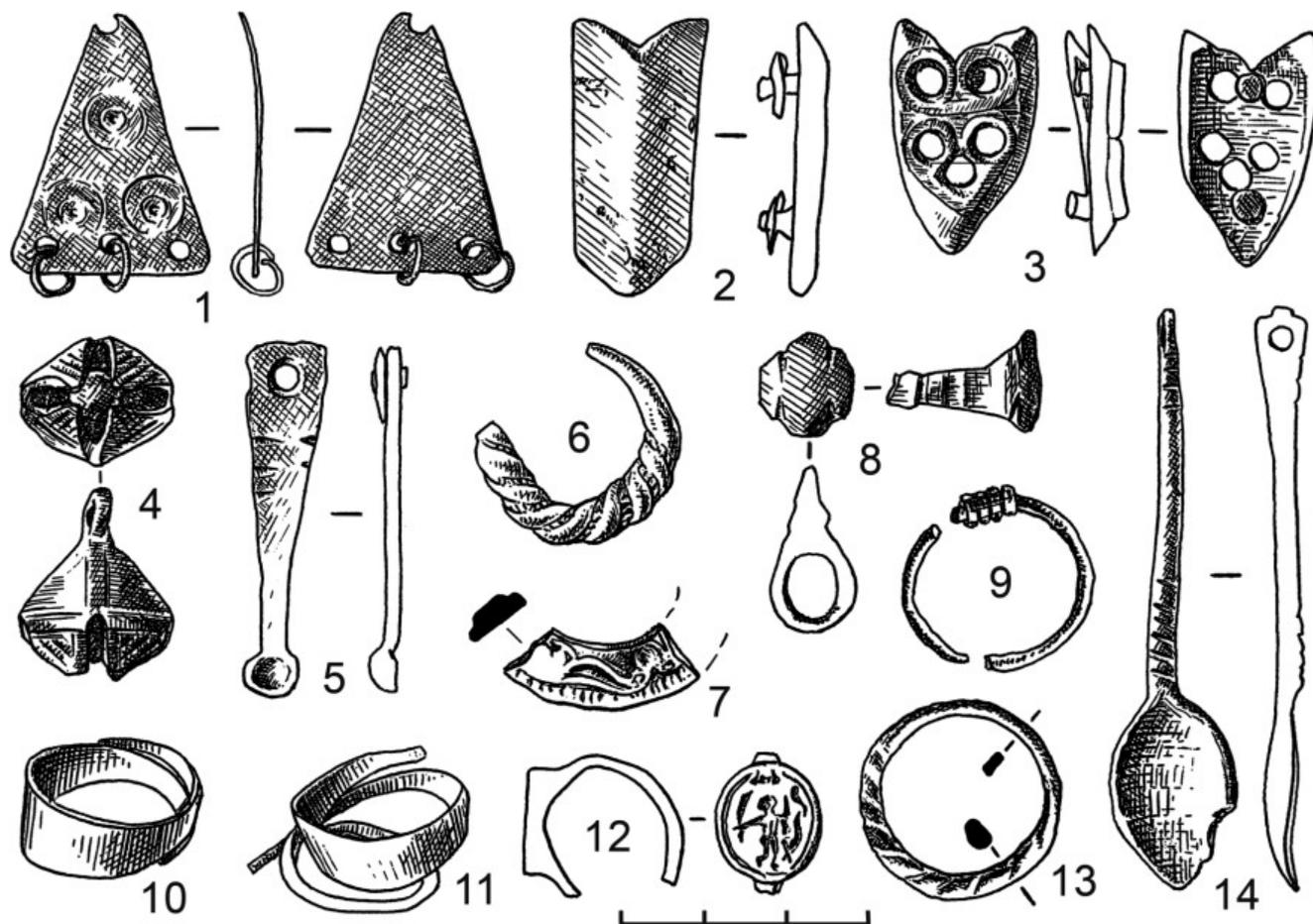

Рис. 7. Находки из темно-серого перемешанного культурного слоя раскопа 2007 г.

в силу специфического уклада жизни профессиональных воинов языческие верования после принятия христианства (Макаров, 1992. С. 51).

В качестве подвески могла использоваться и литая небольшая копоушка (ил. 11, 2).

Две подвески объемные конусовидные, отлитые по восковой модели, внизу имеются петельки для подвешивания шумящих украшений (рис. 5, 1; ил. 13, 27). Подобные подвески в основном были распространены в северо-восточных районах Руси (Захаров, 2004. С. 176, рис. 70; Зайцева, 2008. С. 139), а также встречаются в костромских курганах, в памятниках Вологодской области, в Лядинском и Томниковском могильниках (Кочуркина, 1973. С. 40). Л. А. Голубева считала их этническими индикаторами культуры финского племени весь XII–XIII вв. (Голубева, 1973. С. 31, 34, рис. 4, 2). Одна из подвесок была встречена и в Новгороде (Седова, 1981. С. 24, рис. 10, 6).

Из верхних культурных напластований происходит зооморфная подвеска-конек, так называемого «смоленского типа» (рис. 6, 19). Они были широко распространены на территории Древней Руси от X

до XIII в. и встречаются как в курганах, так и на поселениях. Наибольшая их концентрация наблюдается в памятниках ареала расселения смоленско-полоцкой группы кривичей (Седов, 1968. С. 154). Упомянем еще об одной подвеске – узкорогой луннице (рис. 6, 18), время бытования которых в Восточной Европе не выходит за пределы XI–XII вв. (Успенская, 1967. С. 104).

Целая серия подвесок была представлена бубенчиками и их фрагментами (28 экз.). Среди них выделяются два крупных шаровидных бубенчика с крестовидной прорезью. Один самый крупный не имел никакого орнамента (рис. 6, 16), а у другого каждая нижняя четверть была украшена продольными бороздками вдоль края, а в центре располагался циркульный кружочек (рис. 6, 14). Данная группа бубенчиков является наиболее ранней. Находки их в основном сосредоточены в Приладожье в курганах с трупосожжениями второй половины X–первой половины XI в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 133, 134). По материалам Бирки они относятся к тому же времени – позднему периоду викингов (Gräs-lund, 1984. S. 122–123). Возможно, в эту же группу

можно включить обломок еще одного бубенчика с необычно вытянутой петлей для подвешивания (рис. 6, 15). 11 экз. представлены грушевидными бубенчиками с крестообразной прорезью и насечками на нижних «лепестках» (рис. 6, 12; 7, 4; ил. 13, 32). Это наиболее популярный вид бубенчиков не только на территории всей Древней Руси, но и у соседних народов, особенно финнов и балтов в X–начале XII вв. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136, 137). Не менее популярны в древнерусских землях были шаровидные бубенчики со щелевидной прорезью. Центр тулова обычно был украшен пояском из концентрических линий. В нашей коллекции они представлены четырьмя экземплярами (рис. 5, 2; 6, 11; ил. 13, 30). По данным В. А. Мальм и М. В. Фехнер, эту группу украшений можно датировать концом XI–XIII вв. (Там же. С. 136, 137). Все вышеохарактеризованные типы бубенчиков были изготовлены способом литья по восковой модели. Однако в темно-сером слое было встречено 10 бубенчиков со щелевидной прорезью, изготовленных путем тиснения и спайки из двух половинок, иногда у таких бубенчиков посередине проходил валик (рис. 6, 13). Интересно, что тисненные бубенчики, в отличие от всех других видов бубенчиков, практически нигде не известны, кроме Новгорода. По мнению Н. В. Рындиной, это были эксклюзивные изделия новгородских ремесленников (Рындина, 1963. С. 247).

Головные украшения

В темно-сером слое встречено значительное количество различных обломков проволочных украшений, часть из которых, несомненно, относилась к перстнеобразным височным кольцам (ил. 13, 16–17) или сережкам (ил. 13, 18). Сохранилось одно и целое бронзовое височное кольцо с тремя напускными узловатыми бусами (ил. 13, 9). Подобные кольца имели достаточно широкое распространение в землях восточных славян от Белого озера (Захаров, 2004. Рис. 49, 5–7) до Среднего Поднепровья (Русанова, 1966. С. 22, табл. 22, 11). Они встречаются у вятичей, во Владимирских курганах, Суздальском некрополе (Никольская, 1981. С. 39; Спицын, 1905. С. 139, рис. 140; Седова, 1997а. С. 155, рис. 49, 1, 2, 9, 10). В погребениях вятичей данный тип колец соотносится с предметами, характерными для X–XI вв. (Арциховский, 1930а. С. 145; Никольская, 1981. С. 39). В Новгороде одно такое кольцо найдено в слое второй четверти XI в. (Седова, 1997а. С. 155). М. В. Седова отмечает факт нахождения таких височных колец в погребении с монетой XI в. (Там же).

Интересна часть конусовидной полой серебряной подвески (ил. 13, 25). Ее можно рассматривать как подвеску-рясну. Рясны – металлические

украшения, спускающиеся от головного убора или очелья, обычно были частью декора княжеского или боярского костюма. Подобные подвески крепились и к диадемам. Образцы таких богатых головных наборов хорошо известны покладам конца XII–начала XIII в. (Седова, 1981. С. 17, 18; Рябцева, 2005. С. 199–209; Жилина, Макарова, 2008. С. 37).

В связи с княжеским убором особого внимания заслуживает фрагмент позолоченного серебряного изделия в форме полусферической бусины, нанизанной на проволочку, с одного конца заканчивающуюся петлей, а с другого – крючком (ил. 11, 1). Украшение выполнено в технике фоновой филигрании. Данная находка подробно рассмотрена Т. С. Дорофеевой (см. Приложение 1, с. 249). По ее мнению, она является частью каплевидного подвесного украшения к парадному головному убору.

В этот же круг древности входит колт, впервые найденный на Городище (рис. 8). Это было литое маленькое сумкообразное полое бронзовое украшение (диам. 2,8 см). На его лицевой стороне изображена птица, стоящая вполуоборот, хвост приподнят, голова повернута в сторону хвоста. По краю колта в верхней части птица окаймлена бороздками. На оборотной стороне изделия неизобразительный орнамент – в центре круг, по краю также окаймленный тремя бороздками (по бокам большего размера и внизу – меньшего). Колт был декорирован эмалью. Судя по ее остаткам, основной фон был красным, а птица – синяя, возможно, синяя эмаль заполняла и бороздки (?). Поскольку сохранность украшения весьма средняя, о характере эмалевого декора судить весьма сложно. Колт относится к группе украшений, которые были сделаны в так называемых «имитационных литейных формах». Наибольшее количество таких форм найдено в Киеве. По мнению Г. Ф. Корзухиной, эти формы датируются весьма узко – началом XIII в. до начала монгольского завоевания в 1240 г. (Корзухина, 1950а. С. 228). Именно в это время в крупных ремесленных мастерских начинают отливаться

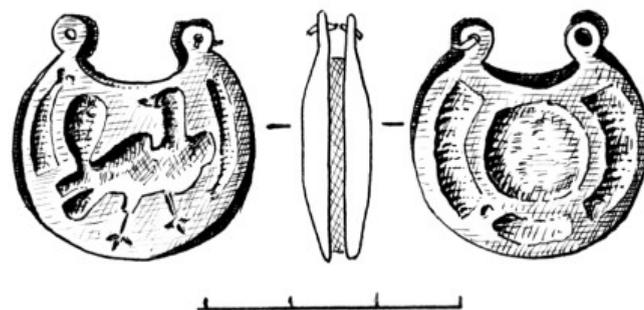

Рис. 8. Колт

украшения в весьма упрощенном виде, подражающие изысканным элементам убора знатной части городского общества XI–XII вв. – в частности тисненым золотым колтам с перегородчатой эмалью или серебряным украшениям с зернью, известным нам по материалам кладов. Таким образом, богатый парадный княжеско-боярский убор распространяется среди определенного круга горожан. Колты, сделанные в имитационных формах, встречаются и за пределами Киева и Киевской земли, например, в Галиче, Гродно, Серенске (*Рябцева, 2005. С. 197*). Основной территорией их распространения является юго-западная Русь. Неслучайно, видимо, отсюда они попадают к западным славянам, в частности в Польшу (находки в Блещанке и Крилозе – *Haduch, Liwoch, 2007. S. 43–50, rys. 18, 23*). Несомненно, еще одним центром изготовления колтов по имитационным литым формам был Новгород. В Новгороде, по данным М. В. Седовой, было найдено 11 колтов, выполненных в таких формах (семь оловянисто-свинцовых, два бронзовых и два биллоновых). М. В. Седова, основываясь на новгородской хронологии, отмечает, что наиболее древний новгородский колт, отлитый в имитационной форме, найден на Неревском раскопе в слое, относящемся к 70–80-м гг. XII в. (*Седова, 1981. С. 20*). По орнаментальной композиции на лицевой стороне (птица вполуборот с поднятым хвостом) городищенский колт несколько похож на три новгородских колта из оловянисто-свинцового сплава (Там же. С. 20, рис. 5, 4, 5), правда, у новгородских украшений птицы располагались на обоих щитках, а также по краю колты были декорированы ажурной каймой. В то же время в стилевом оформлении поразительное сходство городищенский колт демонстрирует с украшениями из Польши, однако и здесь наблюдаются некоторые различия в отдельных деталях, что подчеркивает индивидуальность работы мастера.

Браслеты

К данной группе находок определенно можно отнести 8 изделий, два сохранились почти целиком, а остальные во фрагментах. Три браслета представляют собой простые дротовые неорнаментированные украшения (рис. 5, 10, 11, 18.), конец одного имел перехват из двух валиков (рис. 5, 18). Такой тип примитивных браслетов мог использоваться в разное время. Практически в целом виде сохранился трехпроволочный витой браслет с перевитью с суживающимися концами и еще обломок точно такого же браслета (рис. 5, 4; 7, 6). По аналогии с новгородскими находками его можно датировать второй половиной XII–серединой XIII в. (*Седова, 1981. С. 97*).

Достаточно интересен обломок подтреугольного в сечении пластинчатого браслета с отверстием на конце и зигзагообразным орнаментом вдоль лицевой грани (рис. 5, 19). Нет никакого сомнения, что это часть спирального женского браслета. Такие спиральные наручи были широко известны у различных групп балтов и финнов Балтийского региона (*Selirand, 1974. Tahv. XXXVIII, 1; LA, 1974. Tab. 28, 22; 43, 11; 50, 18; 62, 9; 66, 31*).

Три обломка относились к пластинчатым широкосрединным браслетам (рис. 5, 7, 14; ил. 13, 24). Все они декорированы чеканным орнаментом. У одного концы были отогнуты наружу и свернуты в трубочку (ил. 13, 24). Данный тип браслетов был характерен для населения Ижорского плато (*Рябинин, 2001. С. 253, 254*). В Новгороде близкие по типу браслеты встречаются в слоях начиная с XII в. вплоть до XV в. (*Седова, 1981. С. 103, 110, 113, рис. 40, 16–18*).

Перстни

В коллекции из темно-серого слоя зафиксировано 10 разного типа бронзовых перстней. Из наиболее интересных экземпляров отметим перстень с четырьмя волютами (рис. 5, 5). Сама форма перстня восходит к украшениям периода Латена. В Прибалтике они фиксируются уже в памятниках первой половины I тыс. н. э. (*Selirand, 1974. Lk. 174, tahv. XL, 4*). В эпоху средневековья этот тип украшений известен у балтских и финно-угорских народов, но наибольшее распространение перстни с волютами получили в древностях эстов XI–XII вв. (*Хвоцинская, 2004. С. 90*). К кругу балто-финских украшений также относятся спиральный перстень (рис. 5, 8) и так называемые «усатые» перстни (рис. 5, 6; 7, 11). Спиральные перстни достаточно просты в изготовлении и в среде финских народов фиксируются уже в I тыс. н. э. (*Дубынин, 1974. С. 237, 265*). В Новгороде они зафиксированы в слоях XI–середины XIII вв. (*Седова, 1981. С. 122, 125*). У представленных в коллекции «усатых» перстней щиток одного был украшен орнаментом в виде «волчьего зуба», а щиток второго вообще не был орнаментирован. «Усатые» перстни на территории Древней Руси встречаются в курганах XI–XII вв. Северо-Запада и Волго-Окского междуречья, т. е. там, где славяне соприкасались с финно-угорскими народами (*Недошивина, 1967. С. 257, 258; Хвоцинская, 2004. С. 89, 90*). Один перстень не имел «усиков», концы его были просто замкнуты (рис. 7, 10).

Два перстня входят в группу простых витых украшений из бронзовых проволочек (ил. 13, 22, 23). По новгородской хронологической шкале они датируются XI–XIII вв. (*Седова, 1981. С. 125*). Один

перстень относится к типу рубчатых перстней (рис. 7, 13; ил. 13, 19), на его утолщенную часть нанесены косые насечки, имитирующие витые. Подобные наручные украшения были чрезвычайно популярны у древнерусского населения на широкой территории начиная с конца XI в. вплоть до конца XIV в. М. В. Седова полагала, что данный тип перстней «можно считать этнически определяющим признаком славян» (Там же. С. 122).

Три украшения представлены щитково-срединными перстнями. Один из них имел круглый неорнаментированный щиток (рис. 5, 13), второй, по всей видимости поздний перстень, имел щиток в виде удлиненного восьмигранника с окантовкой, в центре которого выгравирован цветок, похожий на лилию (ил. 13, 29). У третьего экземпляра на щитке изображен человек, скорее всего воин, держащий в руке оружие типа сабли (рис. 7, 12). Поскольку щиток коррозирован, то изображение нечетливо. В тенденции щитковые перстни более поздние и, как правило, достаточно индивидуальны, так что подобрать аналогии им сложно. Судя по находкам в различных древнерусских городах, наибольшее распространение данный тип перстней получает со второй половины XII в. (Там же. С. 132–137; *Сарачева*, 2007. С. 82–84). Упомянем также еще один перстень небольшого размера из простой пластинки (рис. 5, 9).

Булавки

Мы уже упоминали данную категорию вещей при описании североевропейских древностей, но в коллекции имеется еще четыре булавки, являющиеся деталями одежды и убора древних новгородок. Две из них, которые, к сожалению, дошли до нас не полностью, относятся к культуре древних эстов. От одной массивной литой булавки сохранилась лишь небольшая часть, но с очень важной деталью, по которой собственно и можно определить ее тип. Это характерная отлитая вместе с булавкой петля (рис. 5, 17). Такие петли делались на булавках с крестообразным навершием, являющимся неотъемлемой частью парадного эстонского женского костюма (*Selirand*, 1974. Lk. 146, 147, tahv. XXIX, 6, 7; *Хвоцинская*, 2004. С. 68–70, рис. 49, табл. ХСVIII, ХСIX). Две булавки составляли основу нагрудного комплекса украшений. К их петлям крепился цепедержатель с цепочками или просто цепочки, на которые подвешивались различные амулеты. В основном они были распространены в X–XIII вв., но нам сложно датировать городищенский обломок, поскольку отсутствует само навершие. У второй булавки небольшого размера, которую мы причисляем к эстонским древностям,

стержень был погнут, а навершие обломано, тем не менее в верхней части видно, что проволочная основа булавки раздваивается, и сохранившийся небольшой кусок начинает заворачиваться (рис. 5, 16), т. е. мы можем с уверенностью реконструировать ее как булавку с двуспиральными головками. Подобные булавки скрепляли на затылке головную повязку в костюме эстонской женщины (*Selirand*, 1966. Lk. 150–155). Наличие таких изделий в слое Городища не вызывает удивления. В свое время мы опубликовали материалы, которые показывают, что водный путь из Средней Швеции проходил через северную Эстонию и вовлекал местное население в контакты с районом Приильменя (*Носов, Хвоцинская*, 2007. С. 6–17). Подтверждением этого служат находки целых булавок или их наверший в Новгороде в слоях X–XI вв. (*Седова*, 1981. С. 73–75; *Покровская*, 1999. С. 58, 59). М. В. Седова отмечала, что в конце XII в. новгородские ювелиры стали изготавливать собственные двуспиральные булавки, только не кованые, а литые (*Седова*, 1981. С. 77).

Вообще одежные булавки, встречающиеся в слоях древнерусских городов, достаточно индивидуальны по форме наверший и найти им прямые аналогии сложно. Одно из наверший напоминало головку птицы с явно выраженным клювом и отверстием вместо глаза (ил. 11, 7). Найдена целая бронзовая небольшая булавочка с петлеобразной плоской головкой и тремя отверстиями, завершающаяся валиком на краю (ил. 11, 5). Интерпретация таких булавок вызывает споры. Некоторые исследователи причисляют их к писалам, обобщающую сводку которых по Новгороду составила Б. Б. Овчинникова. Наше изделие относится к типу 14-б по ее классификации (*Овчинникова*, 2000. С. 57, 58, 98, рис. 12, 2, 3). Однако если считать, что важнейшим критерием принадлежности орудия к писалам является наличие навершия типа лопаточки с плоским краем для затирания воска на cere, то, скорее всего, данный предмет следует рассматривать как булавочку. Впрочем, однозначного решения пока не найдено.

Детали поясных наборов

В слое встречено 7 пряжек. Формы их весьма разнообразны (рис. 5 2б; ил. 13, 1–4). Одна маленькая пряжка с фигурной рамкой могла быть металлической деталью сумки или относиться к обувной застежке (ил. 13, 2). Интересна часть ажурной пряжки необычной конструкции (ил. 11, 3). На одном из ее концов была выступающая круглая шишечка, которая должна была вставляться в отверстие второй части пряжки (своеобразный поясной крючок). Пряжка подобной конструкции была найдена в Новгород в слое XII в. М. В. Седова

отмечает, что близкие по конструкции пряжки имеются «в кочевнических древностях и в мавзолее XIV в. в Увек» (Седова, 1981. С. 144, 147).

К металлическим деталям пояса относятся три наконечника (рис. 7, 2, 3) и два разделительных кольца (ил. 13, 20), а также бляшки и накладки (рис. 5, 22, 25; ил. 11, 4, 8; 13, 13). К сожалению, многие украшения, в том числе и поясные, представлены во фрагментах, так что трудно восстановить их внешний облик.

Другие детали одежды и украшений

В слое встречено 77 металлических пуговиц. Они делились на две основные категории: литые (38 экз.) и тисненные (39 экз.). Литые, как правило, шарообразные (ил. 13, 11, 12), иногда чуть приплюснутые. Тисненные пуговицы делались из двух половинок с проволочным ушком. У трех изделий нижняя половинка была украшена розеткой, на одной из пуговиц сохранились следы позолоты (рис. 5, 21), а одна половинка пуговицы украшена напаянной проволочкой (ил. 13, 15).

Среди элементов украшений можно назвать обрывки цепочек и отдельные их звенья. Девять фрагментов относились к цепочкам из двойных кольчатых звеньев (ил. 11, 16, 18), два обрывка от цепочек из тонких проволочных S-видных звеньев (ил. 11, 17), два звена от костыльковой цепочки (ил. 11, 6). Довольно много встречено маленьких бронзовых колечек, которые могли относиться к цепочкам, а также спиралек, являющихся частями каких-то украшений.

Изделия бытового и иного назначения

Здесь мы упомянем три находки, которые традиционно рассматриваются как книжные застёжки.

Две из них представляли двучастные пряжечки (ил. 13, 31), а одна – миниатюрный кинжалчик (рис. 5, 23). Кроме того, встречено семь декоративных гвоздиков, 12 заклепок от ушек бронзовых котлов и 14 свинцовых грузиков (типа ил. 14, 6–12). Среди последних 12 имели коническую форму и половина их была украшена поперечными валиками, а два имели простую дисковидную форму без орнамента. Кроме того, в темно-сером слое встречен обломок коромысла весов и четырнадцатигранная гирька.

Нумизматические и сфрагистические находки

Монеты

Византийская монета

Особое внимание привлекает находка бронзовой монеты византийского императора Василия I Македонянина (867–886 гг.), чеканенная в Херсонесе. Это не первая монета Василия I, встреченная на Городище. При исследовании одного из углубленных в материк сооружений в центральном раскопе 1980–1983 гг. была также найдена монета императора Василия I, но только серебряная (Носов, 1990. С. 94). Публикуя находку с Городища, А. Е. Мусин провел полный обзор находок аналогичных херсоно-византийских монет на территории Восточной Европы и показал дискуссионность датировки их разными исследователями, но в любом случае хронологически правление императора Василия I и его сыновей попадает на последнюю треть IX в. (Мусин, 2010. С. 34–45).

Восточные монеты

Всего из темно-серого слоя происходят 14 обломков и один целый дирхем. В настоящее время у нас имеются определения для шести монет.

Находки арабских монет в культурном слое (определения А. А. Гомзина)

№ по полевой описи год находки	Эмитент	Место чеканки	Время чеканки	Примечание
№ 181 2006 г.	Аббасиды, ал-Ма'мун	Мадина, Самарканд	200–203 г. х. (815–819 гг.)	Вес – 1,48 г; половина
№ 204 2006 г.	Аббасиды		III в. х. (IX в.)	Вес – 0,04 г; обломок $\frac{1}{4}$
№ 217 2006 г.	Аббасиды	Мадина, ас-Салам	не ранее 155 г. х. (771–772 гг.)	Вес – 1,27 г; обломок $\frac{1}{2}$
№ 991 2006 г.			283 г. х. (896/897 гг.)	Вес – 0,37 и 0,26 г; половина
№ 165 2007 г.	Умайады	обрезано, тип дирхамов Васита	90-е гг. х. (708–718 гг.)	Вес – 0,87 г
№ 397 2007 г.	Аббасиды, ал-Мутаваккил'ала-ллах	Марв	[23]3 или [24]3 г. х. (847–848 или 857–858 гг.)	Вес – 1,15 г

Кроме того, из темно-сером слоя происходят 32 позднесредневековые монеты, среди них 21 медная пула (в основном преобладали новгородские – 9 и тверские – 7), а также 11 серебряных монет XIV–XVII вв. Кроме русских монет встречен ливонский артиг, чеканенный в Таллине в начале XV в.

Древнерусские свинцовые вислые печати

Особое значение среди находок Рюрикова городища занимают вислые свинцовые печати. Они являются важнейшими символами и атрибутами власти. Общее их количество более 2000, найденных на Городище, свидетельствует о том, что жители Городища занимали определенные адми-

нистративные должности и имели право скреплять печатями государственные грамоты, а также в их домах хранились различного рода документы. Ценность данного рода находок заключается в том, что печати персонифицированы. Они принадлежали князьям, посадникам, тиунам, церковным иерархам. Чрезвычайно важно, что на Городище помимо самих печатей встречаются и их заготовки. При исследовании 2005–2010 гг. встречено 39 печатей и 6 заготовок. Три печати были найдены при разборке котлована постройки IV и по одной в засыпи рва и в сооружении 85, остальные печати происходили из темно-серого мешанного культурного слоя.

Находки древнерусских печатей (определения В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова)

№ п/п	Владелец	Годы правления	Кол-во
Именные княжеские печати			
1	Князь Всеволод Мстиславич	1117–1136 гг.	2
2	Князь Святослав Ростиславич	1158–1160, 1161–1167 гг.	2
3	Князь Всеволод Ольгович	1138–1146 гг.	1
4	Князя Иязслав Мстиславич или Мстислав Иязславич	1146–1154 гг. или 1169–1171 гг.	1
5	Князь Ростислав Мстиславич	1154, 1157–1158 гг.	5
6	Князь Мстислав Юрьевич	1155–1157 гг.	1
7	Князь Мстислав Ростиславич	1179–1180 гг.	1
8	Князь Ярослав Владимирович	1181–1184, 1187–1196, 1197–1199 гг.)	1
9	Князь Мстислав Давидович	1184–1187 гг.	1
10	Князь Константин Владимирович	1205–1208 гг.	1
11	Князь Всеволод Юрьевич	1222, 1224 гг.	1
12	Великий князь Семен Иванович	1341–1353 гг.	1
13	Великий князь Дмитрий Иванович Донской	1362–1389 гг.	1
Печати неизвестных князей			
14	Изображения: святого с крестом в рост и святого воина в рост	XII–нач. XIII в.	1
15	Изображения: св. Гавриила и Иоанна Предтечи	кон. XII–нач. XIII в.	1
16	Изображения: двух святых в рост	XIII–XIV вв.	1
17	Изображения: погрудно святых и княжеской тамги	?	1
18	Изображения: сцены Благовещения и знака колоколовидных очертаний	?	1
19	Изображения: святого и знака в виде багра	?	1
20	Изображение: св. Иоанна Богослова и знака с отрогом в виде креста	?	1
Прочие печати			
21	Протопроедр Евфстафий – посадник Завид	1088–1094 гг.	1
22	Посадник Мирослав Гюрятинич	1126–1128, 1135–1136 гг.	1
23	Посадник Иванко Павлович	1134–1135 гг.	1
24	Смоленский епископ Мануил	1137–не позднее 1167 г.	1
25	Владычный наместник. С изображением сложного креста	XIV в.	1
26	Новгородский тиун Нерон	XIV в.	1
27	Новгородский тиун Тимофей Васильевич	XIV в.	1
28	Новгородский тиун Онисим	XIV в.	1

Самая ранняя печать конца XI в. принадлежала протопроедру Евстафию, остальные домонгольские буллы в основном датируются XII–началом XIII вв. Среди них 23 документа были скреплены печатями новгородских князей, 2 – печатями новгородских посадников и только одна печать не местного происхождения связана с деятельностью смоленского епископа Мануила. Вислые печати послемонгольского периода редки. Данная группа представлена лишь одной печатью неизвестного новгородского князя (№ 23)⁵ и тремя печатями новгородских тиунов. Примечательно, что на Городище в это время появляются документы, скрепленные великокняжескими печатями Семена Ивановича и Дмитрия Ивановича Донского. Это неслучайно, а связано с утерей в послемонгольское время реальной власти новгородскими князьями.

Общая оценка всей коллекции вислых свинцовых печатей из раскопок Рюрикова городища, учитывая их топографию и состав, была проведена О. В. Григорьевой, и с выводами этой работы нельзя не согласиться (Григорьева, 2014. С. 245–262). По мнению автора, в раскопах на городищенском холме основная часть печатей относится ко второй половине XII–началу XIII в. и в ней доминируют печати новгородских князей. Планиграфически в центральном раскопе в культурном слое они ложатся двумя скоплениями и, коррелируя с другими престижными находками, явно тяготеют к району больших богатых построек, открытых на холме (Там же. С. 252). Послемонгольские печати представлены в коллекции немногочисленной группой, в основном принадлежащей новгородским тиунам, и к ним добавляются печати московских великих князей. Эту группу булл О. В. Григорьева датирует в пределах 40-х гг. XIV–первой четверти XV в. Они никак не связаны с домонгольскими постройками. Таким образом, на городищенском холме намечается лакуна в находках печатей второй половины XIII–первой половины XIV в. (Там же. С. 254). В раскопах на берегу Сиверсова канала картина несколько отличается, там эту лакуну заполняют именные княжеские печати XIII–первой четверти XIV в.

Из сфрагистических находок упомянем 32 товарные пломбы разного времени, найденные в темно-

серых напластованиях, но данная группа находок требует специального анализа.

Предметы из кости

Предметы из кости немногочисленны. К числу редких находок относится костяной цилиндрический вертикальный игольник. Его поверхность была отполирована и украшена резным орнаментом, верхнее отверстие закрывалось полусферической крышечкой (ил. 15, 1). Данное изделие подробно рассмотрено в работе Т. С. Дорофеевой (Дорофеева, 2015. С. 218–220), которая пришла к выводу, что игольник имеет наиболее близкие аналогии в культуре финно-угорских народов и может быть датирован XII в.

В слое встречены один целый и четыре обломка костяных гребней. Целый экземпляр и два фрагмента относились к двусторонним гребенкам (ил. 15, 2), один обломок от наборного одностороннего гребня, а другой от наборного двустороннего гребня. Все эти типы гребней широко представлены на поселениях в древнерусское время (Колчин, 1982. С. 164, 165). Среди костяных изделий имеются пуговицы (ил. 15, 4), накладки (ил. 15, 5, 7), навершия рукоятей (ил. 15, 8, 10, 11, 13), игральные кости (ил. 15, 12), пряслица, одно украшено циркульным орнаментом (ил. 15, 6, 14). При раскопках неоднократно встречались куски костей и рогов с надпилами (ил. 15, 3).

Предметы вооружения и снаряжения всадника

Наконечники стрел

Из темно-серых перемешанных напластований происходят 33 наконечника стрел. Среди них 3 втульчатых и 30 черешковых.

Втульчатые представлены одним двушипным наконечником (рис. 9, 1) (тип 2 – Медведев, 1966. С. 56) и двумя ромбовидными (рис. 10, 26, 29) (тип 3 – Там же. С. 56, 57). Оба типа бытовали длительное время с VII–VIII по XIII–XIV вв.

Черешковые наконечники многообразны по своей форме. Среди них имеются 5 двурогих срезней с упором, и валиком-перехватом между черенком и пером (рис. 9, 4). Срезни в основном использовались для охоты и были распространены в древнерусский период (тип 60 – Там же. С. 72, 73). К ромбовидным стрелам новгородского типа можно отнести 3 экземпляра разных размеров, характерный признак этого типа отсутствие упора для древка (рис. 10, 21, 27, 28). Наиболее интенсивно они использовались в IX–X вв. (тип 46 – Там же.

⁵ Часть печатей неизвестных князей не имеют хронологической привязки и не учтены в подсчетах, хотя ясно, что одна из них, попавшая в заполнение постройки, скорее всего, относится к домонгольскому времени.

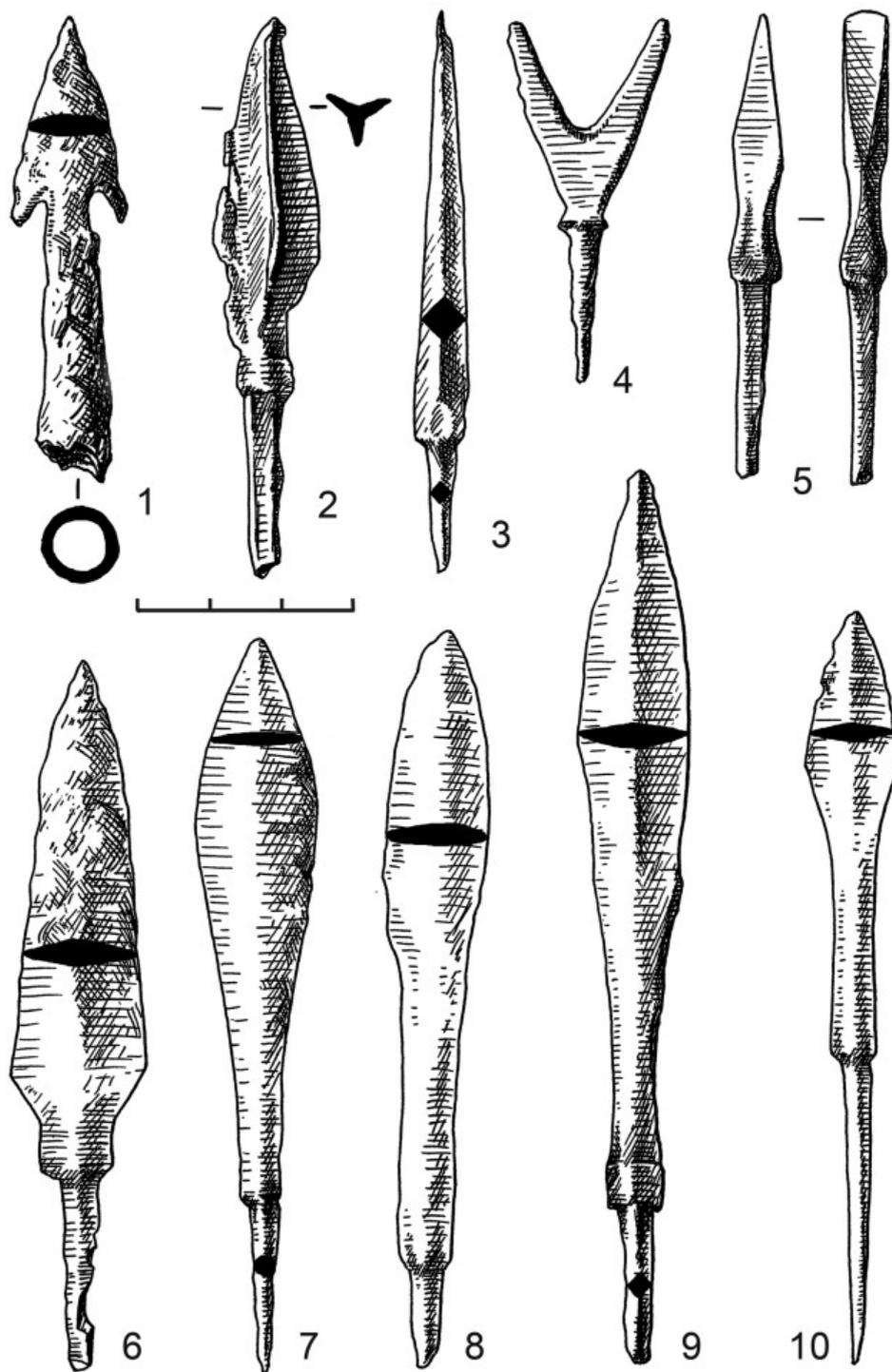

Рис. 9. Наконечники стрел

С. 67, 68). К группе ланцетовидных наконечников относятся 3 стрелы (рис. 10, 10) (см. подробнее с. 141, 142). Два наконечника относятся к группе шиловидных квадратного сечения с простым упором (рис. 9, 3) (тип 90 – Там же. С. 83), имеющие широкий хронологический диапазон от IX до XIV в. Два наконечника, так называемого «гнездового типа», с наибольшим расширением в нижней трети

пера, с шейкой и упором (рис. 9, 6; 10, 19) (тип 41 – Там же. С. 65). Один более крупный экземпляр, а другой меньше. В основном такие наконечники использовались в VIII–IX вв. до середины XI в.

Несколько находок представлены единичными экземплярами. В частности, килевидный трехлопастной наконечник с плечиками (рис. 9, 2) (тип 15 – Там же. С. 59). Данный тип был

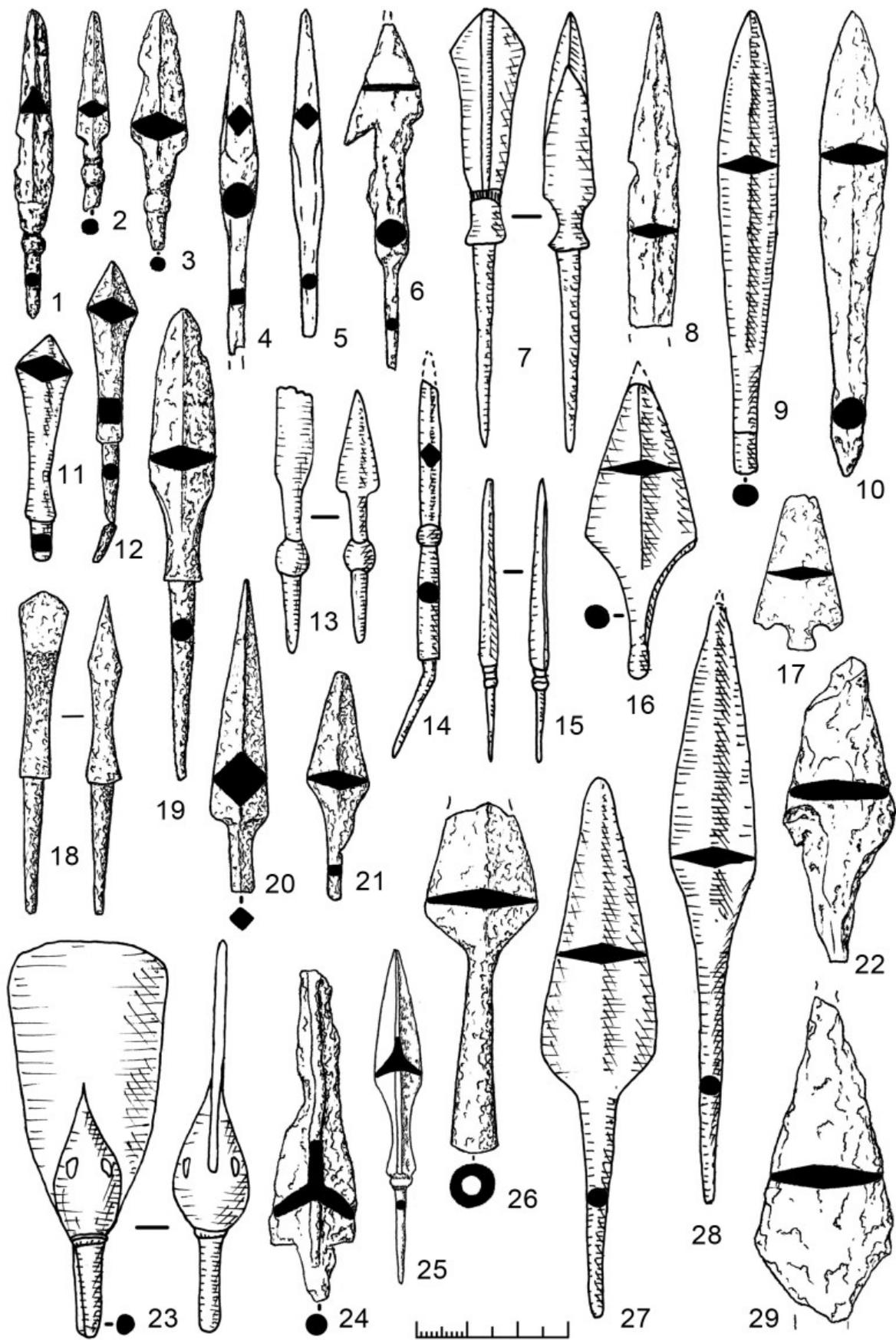

Рис. 10. Наконечники стрел

распространен в Восточной Европе в VII–IX вв. и в первой половине X в. выходит из употребления. Два наконечника не вписываются в полной мере в классификацию А.Ф. Медведева. Один из них небольшой, подтреугольной формы с вогнутыми плечиками (рис. 10, 17). Судя по размеру, данный наконечник предназначался для охоты на птицу или мелкого зверя. Один из наконечников является веслообразным срезом, с пустотелым расширением внизу пера, которое предназначалось для возникновения свиста стрелы во время полета (рис. 10, 23). Сама по себе форма наконечника свидетельствует о ее монгольском происхождении (тип 66 – Там же. С. 75), да и пустые полости наконечников были изобретениями кочевников. Одна из таких «свистящих» стрел встречена при раскопках Новгорода (*Медведев*, 1959. С. 168, табл. 13, 34). На территорию Восточной Европы подобные стрелы были занесены в результате татаро-монгольского завоевания в XIII–XIV вв.

Целая серия стрел относится к числу бронебойных (12 экз.). Все эти стрелы имеют массивную граненую головку, способную пробить защитную экипировку. Три из них с коротким пирамидальным острием ромбического сечения, две имели валиковый перехват при переходе от пера к черешку (рис. 10, 2–3), датируются X–XI вв. (тип 7 и 9 – *Медведев*, 1966. С. 58). Два наконечника – ланцетовидные квадратные в сечении с плавным переходом к черешку (рис. 10, 4, 5) (близок к типу 10 – Там же), характерные для IX–X вв., один наконечник полностью соответствует параметрам последних, но имел треугольное сечение, черешок с упором с перехватом сверху (рис. 10, 1). Судя по новгородским аналогиям, он датируется второй половиной X в. (*Медведев*, 1959. С. 158, табл. № 102). Четыре наконечника по форме достаточно близки друг другу. Они имеют массивную граненую боевую головку, шейку и черешок с упором. Разница в пропорциях наибольшего расширения пера. В одном случае оно находится посередине пера, и этот экземпляр можно отнести к группе ромбовидных, которые по материалам Новгорода датируются XIII–XV вв. (Там же. С. 163, рис. 15, 7). У трех других наконечников расширение находится в верхней трети пера (рис. 10, 11, 12), и они близки долотовидным, по определению А. Ф. Медведева (рис. 10, 18) (тип 98 – *Медведев*, 1966. С. 85), но край боевой головки имеет угол. Два из них по основным параметрам похожи на наконечники, которые встречаются в Новгороде в слое середины X в., а один, более массивный, имел продольные

валики вдоль двух основных срединных граней пера, и не находит прямых аналогий в новгородском материале и своде А. Ф. Медведева (рис. 10, 7). Кроме того, один из бронебойных наконечников можно интерпретировать как долотовидный в виде лопаточки (тип 99 – Там же). Наконечник имел шейку и перехват при переходе к черенку (рис. 10, 13). В целом данный тип наконечников стрел был распространен в IX–XI вв. Еще один из наконечников достаточно простой пирамидальной формы, квадратный в сечении головки и черешка (рис. 10, 20).

Удила, шпоры, скребницы, ледоходные шипы, пряжки

Находки из данной группы предметов в темно-сером слое весьма немногочисленны. Встречены фрагменты трех удил (рис. 11, 3; 12, 6) и два обломка шпор – шип и петля (рис. 11, 7, 11). Подобные петли и пирамидальные шипы могли относиться к IV типу, по классификации А. Н. Кирпичникова, и датироваться XII–первой половиной XIII в. (*Кирпичников*, 1973. С. 66). В слое также были найдены фрагмент и целая скребница (рис. 11, 16, 18), которые предназначались для чистки коней. У целой скребницы рукоять была перекручена для удобства держания ее во время чистки. Данная скребница полностью соответствует новгородским образцам XI–XIII вв. (*Медведев*, 1959. С. 190, рис. 21, 8, 9). В коллекции предметов из железа представлен 51 ледоходный шип. Один из них в виде тонкой полукруглой сапожной подковы с шипом (рис. 11, 4) подобен новгородским (*Гайдюков*, 1992. С. 148, рис. 57, 12). Остальные обычной формы относились к приспособлениям для хождения людей и коней (рис. 11, 8, 13) в зимнее время года. А. Н. Кирпичников подробно касается вопроса интерпретации данной группы изделий. До 1930-х гг. существовало мнение, что шипы использовали при лазанье на деревья. Однако окончательное их назначение было установлено в результате раскопок могильника Бирка, где шипы были обнаружены в 160 погребениях, и на этих материалах прослежено, какие из них прикреплялись к обуви человека, а какие к копытам коня (*Кирпичников*, 1973. С. 80, 81). К снаряжению всадника также относились железные пряжки различных форм (квадратные, прямоугольные, круглые, фигурные) (рис. 11, 1, 2, 5, 6, 10, 19; 12, 2, 4). Крупные пряжки могли быть подпружными, а меньшего размера уздечными (Там же. С. 76, 77). Одна из пряжек была инкрустирована бронзовой проволокой (рис. 5, 20).

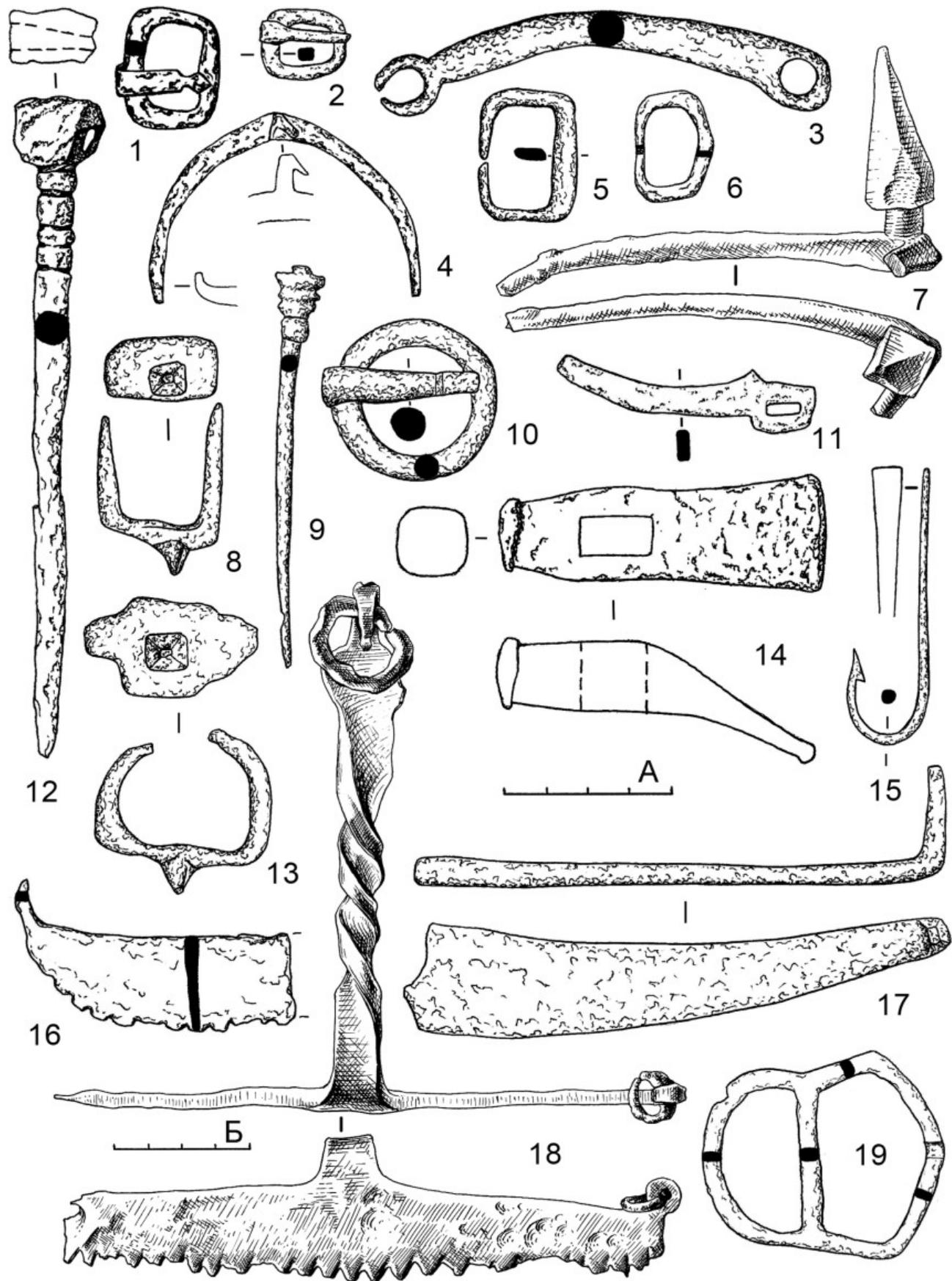

Рис. 11. Находки из черного металла

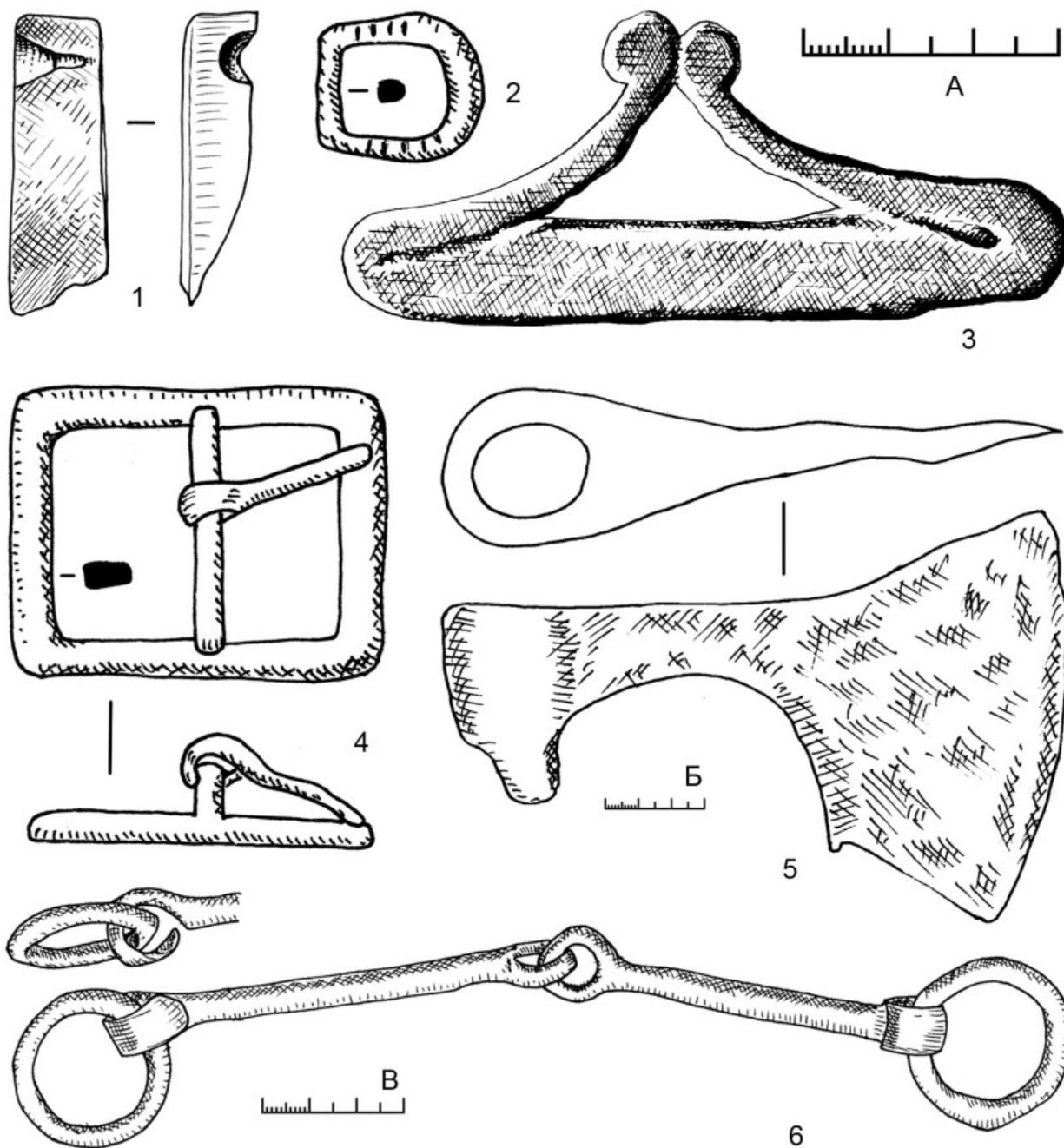

Рис. 12. Находки из железа и оселок из полосатого сланца

Ключи, замки

Принципы работы механизмов древнерусских замков были подробно проанализированы Б. А. Колчиным. Им же разработана и классификационная схема, которой до сих пор пользуются все исследователи, а также на основе распределения ключей и замков по ярусам дана их четкая хронология (Колчин, 1953. С. 152–162; 1959. С. 78–93). В темно-сером слое встречено 18 ключей и 13 других частей замочных приспособлений (10 дужек (рис. 13, 8, 9), 2 плоские пружины от внутреннего замка с деревянным засовом и фрагмент цилиндри-

ческого корпуса). Иногда, когда сохранность ключа была плохая, определить тип не представлялось возможным (3 экз.). Больше всего найдено ключей от навесных замков: 4 – типа Б (рис. 13, 5, 6), 3 – типа Е, 2 – типа В и 1 – типа Ж. Хронологически они распределяются от XII–XIII вв. до XIV–V вв. (Колчин, 1959. С. 87, рис. 70). Два ключа относятся к внутренним комбинированным замкам с деревянным засовом и металлическим механизмом (втульчатые 1-го типа, рис. 13, 7, 10). Такие замки бытуют в Новгороде в X–начале XII вв. (Колчин, 1982. С. 161). А три небольших ключа относились

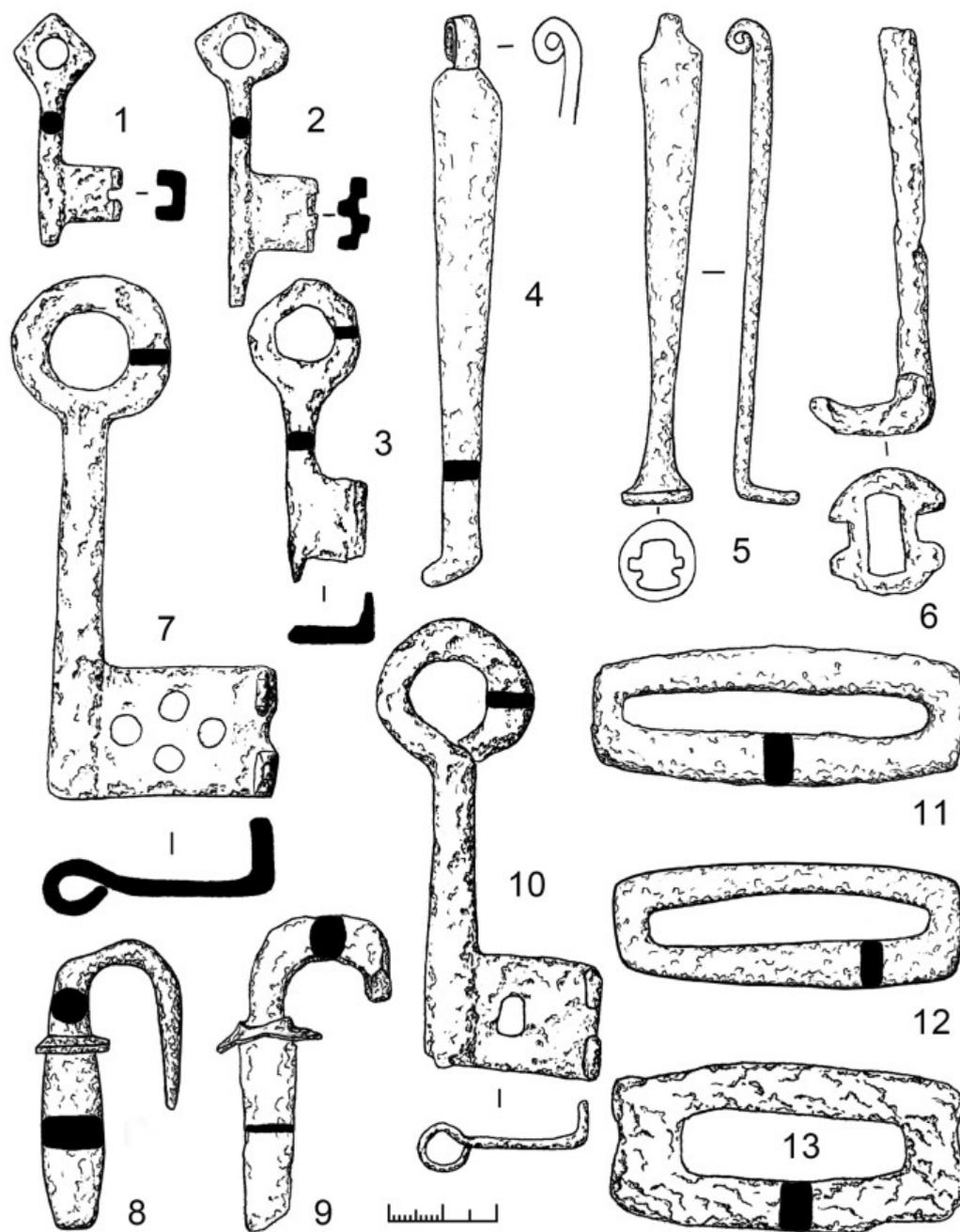

Рис. 13. Находки из черного металла. Части замков, ключи, кресала

к цельнометаллическому замку от сундучков или ларцов (Там же), которые датируются XII–началом XIV вв. (рис. 13, 1, 2). Кроме ключей в коллекции присутствует бронзовый орнаментированный сундучный замочек (ил. 11, 10), характерный для XIV в. (Колчин, 1959. С. 93, рис. 70).

Однако наряду с обычными древнерусскими ключами в коллекции Городища был найден редкий экземпляр ключа от византийского замка (рис. 5, 28). Он был выявлен в коллекции сотрудником Новгородской экспедиции А. А. Кудрявцевым. На территории Руси известны только 6 таких бронзовых ключи-

чиков и два замочка (Кудрявцев, 2015. С. 226–233). Корпус небольших замочков был сделан в виде зооморфных фигурок. Замочки были навесные и их механизм работал по принципу цилиндрического замка – ключик, когда его вставляли, разжимал пружину. Ключики имели необычную конструкцию, у них был короткий стерженек с отверстием, в которое крепилось кольцо для подвешивания. У городищенского экземпляра оно отсутствовало. Бородка ключиков была решетчатой. Учитывая небольшие размеры деталей замка, А. А. Кудрявцев с полным основанием считает, что это были замочки

от ларцов, а поскольку все находки зафиксированы на памятниках, находящихся на днепровском торговом пути «из варяг в греки», то, скорее всего, «их попадание на территорию Восточной Европы связано с деятельностью участников военных походов, торговых и дипломатических миссий на территорию Византии» (Там же. С. 233).

Инструменты и предметы быта

Данная категория предметов представлена единичными находками в перемешанном верхнем культурном слое. Следует упомянуть два сверла: спиральное (ил. 16, 14) и перовидное (ил. 16, 15). Это типичные виды деревообрабатывающих орудий, которые широко встречаются на различных древнерусских памятниках (Сингх, 2015. С. 209, 210). Также были найдены ювелирный молоточек (рис. 11, 14) и два пинцета (рис. 5, 24; ил. 11, 11), один из них имел фиксирующее кольцо для более плотного зажима предмета в момент обработки (ил. 11, 11) (Колчин, 1959. С. 22, 23).

К бытовым предметам относятся шесть обломков ножниц (4 экз. пружинных и 2 шарнирных) и 157 ножей разных размеров, в основном в обломках, 6 кресал (3 калачевидные – рис. 12, 3, 3 овальные – рис. 13, 11–13). Также были встречены пятчатая часть косы (рис. 11, 17), ботало и оковка лопаты.

Предметы из камня и глины

Глиняные диски от вертикального ткацкого станка

Массивные грузики в форме дисков с круглыми отверстиями в середине (типа ил. 14, 27–29) были широко распространены на поселениях Балтийского региона, где есть слои VIII–X вв. Благодаря находкам, сделанным на Аланских островах, на островах Готланд и Борнхольм и в Вестфалии, удалось определить их назначение. В рабочем состоянии грузики стояли на ребре в ряд, в некоторых случаях они находились между остатками опор ткацкого станка и вдоль стены помещений. Слабые следы нитей на отдельных дисках позволили исследователям сделать вывод, что глиняные диски использовались для натяжения нитей основы на вертикальном ткацком станке (Штакельберг, 1962. С. 114, 115). К этому можно добавить, что в XI в. находки дисков исчезли, так как в это время на смену вертикальному пришел горизонтальный ткацкий станок. На поселениях диски встречаются скоплениями и, как правило, связаны с какими-то сооружениями. Так Ю. И. Штакельберг планиграфически выявил места скопления дисков по материалам нижних горизонтов Д Старой Ладogi (Там же. С. 112, 113).

Не является исключением и характер распределения дисков на Рюриковом городище. Анализируя материалы раскопа 1980–1983 гг., Е. Н. Носов отмечал, что глиняные диски размещены очень неравномерно концентрируются рядом с определенными комплексами удлиненной формы, в которых, видимо, находились ткацкие станки (Носов, 1990. С. 110; Носов и др., 2005б. С. 209, табл. 37). Аналогичная картина наблюдается и в рассматриваемых нами раскопах. В темно-сером слое встречено 36 фрагментов глиняных дисков (один орнаментирован вдавлениями), причем практически все они оказались в южной части изученной площади на раскопе 2005 г. (рис. 14). Вместе с обломками из комплексов (12 экз.) они образовывали два скопления: одно около постройки № 72, разобранной частично, так как она уходила под восточную стенку раскопа. В районе комплекса № 78 зафиксировано более мощное скопление из 29 фрагментов, 6 из них находились непосредственно в углубленной части. Несколько обломков дисков зарегистрированы около сооружений № 74 и 75, а 2 – в сооружении № 82. На всей остальной площади раскопа в темно-сером слое встречено только 2 обломка дисков. Из черного культурного слоя во рву происходят 14 обломков и один целый диск, но там они не составляли никакого скопления, а встречались спорадически. Напомним, что черный культурный слой был сдвинут с соседних участков.

Другие предметы

Кроме дисков в слое встречены 14 глиняных грузиков и их обломков разной формы (круглые, биконические, овальные) (типа ил. 14, 21–23); каменные круглые грузила (типа ил. 14, 19, 20); 25 шиферных пряслиц (типа ил. 14, 1–5); а также 2 каменных рыболовных грузика неправильной формы (ил. 14, 24).

Из находок, связанных с ювелирным производством, упомянем три глиняные формочки. Одна из них предназначалась для отливки ажурных подвесок, а две другие – для отливки слитков (ил. 17, 7, 8). Для удобства хранения цветной металл переплавляли в слитки. Исследователи считают, что данная традиция имеет североевропейские корни (Кирпичников, Енисова, 2004. С. 295). Слитки довольно часто находят на поселениях и в кладах, не раз они были зафиксированы на Городище (Хвоцинская, 2007. С. 126–128). С производственной деятельностью жителей связаны многочисленные обломки тиглей (103 экз.). Наряду с тиглями в слое встречались литники и выплески металла.

Из единичных предметов можно отметить находки фрагментов трех яиц-писанок

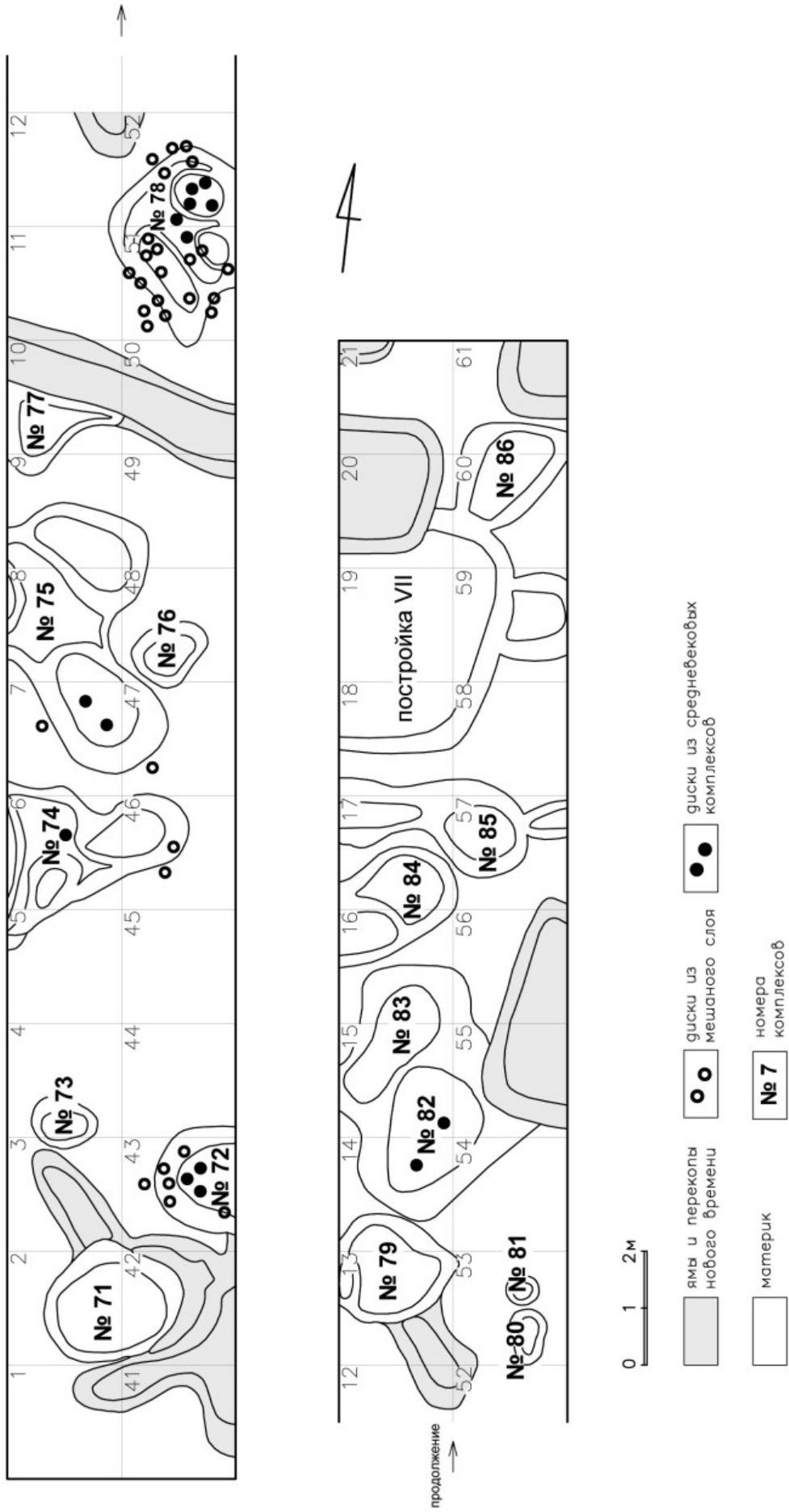

Рис. 14. Распределение находок глиняных дисков на площади раскопа 2005 г.

(ил. 14, 16, 17), три глиняных шарика неясного назначения (ил. 14, 14, 15) и игрушку-водовоз (рис. 14, 13), последняя подробно рассмотрена Т. С. Дорофеевой (см. Приложение 1, с. 250, 251).

К массовым предметам из камня относятся оселки (95 экз.), из них 81 сланцевый и 14 из песчаника. В основном эта категория находок

представлена различными обломками, правильную вытянутую форму, расширяющуюся книзу, имеют лишь 9 оселков. Один из них был изготовлен из пестрого сланца. В слое обнаружено около 200 обломков амфор. Это говорит лишь о том, на Городище постоянно прибывали товары в амфорной таре.

Углубленные в материк сооружения в раскопах 2005–2006 гг.

На площади раскопов 2005–2006 гг. было открыто 31 сооружение, углубленное в материк (рис. 3, 15, 16). Некоторые из них оказались поздними перекопами и ямами. В частности, в 2005 г. была обнаружена землянка XX в. послевоенного времени. Однако большинство разобранных ям разного размера относились к X в. и к древнерусскому времени. К сожалению, некоторые из них были нарушены и повреждены позднейшими земляными работами. В ряде комплексов была встречена исключительно лепная керамика. Таким образом, можно сделать вывод, что центр городищенского холма ко второй половине X в. был освоен. Среди раннего керамического комплекса зафиксировано большое количество ошлакованных лепных сосудов. В этой связи можно предполагать, что в конце X в. на данном участке Городища произошел мощный пожар. Несомненно, особый интерес представляет открытая в 2006 г. мастерская ремесленника-ювелира, а также зафиксированный рядом с ней под уличной печи. Оба объекта относятся к раннему периоду жизни на Городище. При исследованиях 2005 и 2006 гг. были встречены части подвальных котлованов больших построек, подобных тем, которые были зафиксированы в раскопах 80-х гг. Они рассмотрены в специальном разделе монографии.

В западной части раскопа были обнаружены границы траншеи 1989 г., прорезающей ров, благодаря чему можно точно состыковать раскопы, а также рассчитать ширину древнего рва.

При публикации всем открытым древним комплексам дана единая нумерация, продолжающая нумерацию сооружений, исследованных в 1980-х гг. Начинается нумерация от комплексов, расположенных ближе к границе рва, т. е. на раскопе 2006 г., затем последовательно пронумерованы углубленные в материк ямы на раскопе 2005 г. с юга на север. Поздние перекопы, могильные ямы и другие сооружения (например, землянка) нового времени на чертежах залиты серым цветом.

Сооружение 61 – печь

В западной части раскопа 2006 г. на уровне материка было обнаружено пятно неправильной под-

треугольной формы 1 × 1 м из обожженной и необожженной глины с отдельными включениями камней. При разборке глины найдены донце и несколько фрагментов лепного сосуда. После снятия слоя глины мощностью до 0,2 м удалось рассчитать основание пода печи, выложенное небольшими валунами (размеры 0,05–0,1 м). По краю зафиксирована стенка из более крупных камней (0,15–0,2 м) (рис. 16, 17). Камни лежали на глиняной подушке мощностью до 0,1 м. При разборке камней был найден невыразительный набор предметов: кованое железное кольцо (диам. 5 см), часть ладейной заклепки с шайбой и половина крупного биконического пряслица из мягкой меловой породы (ил. 14, 18). По расположению на краю рва и характеру конструкции (глина на слое валунов) данная печь напоминает глинобитные хлебные печи, также открытые в заполнении рва у подножия холма в 1977–1979 гг. Поскольку в этой низменной части Городища хорошо сохраняются органические остатки, то конструкцию печей тогда удалось проследить детально. Печи имели бревенчатые обкладки, а основание конструкций укреплялось кольями.

Под печью из раскопа 2006 г. была зафиксирована яма овальной формы размером 0,82 × 1,48 м с крутыми стенками и вогнутым дном глубиной 0,6 м (рис. 17). Заполнение ямы составлял темно-серый гумус, в придонной части с песчаным включением. Керамический материал из ямы представлен исключительно фрагментами лепных сосудов. Никаких наземных конструкций вокруг данной печи не зафиксировано.

Сооружение 62, 63

После зачистки поверхности материка в кв. 18, 19 выявлено гумусированное пятно неправильной формы, вытянутое по линии север–юг, шириной от 1,3 до 2,1 м и длиной 3,32 м. В результате его разборки расчищены две ямы (рис. 16), между которыми находилось более позднее углубление (глуб. 0,15 м), заполненное красно-бурой глиной, плиткой и камнями. Оно частично нарушило края обеих ям.

северная стенка

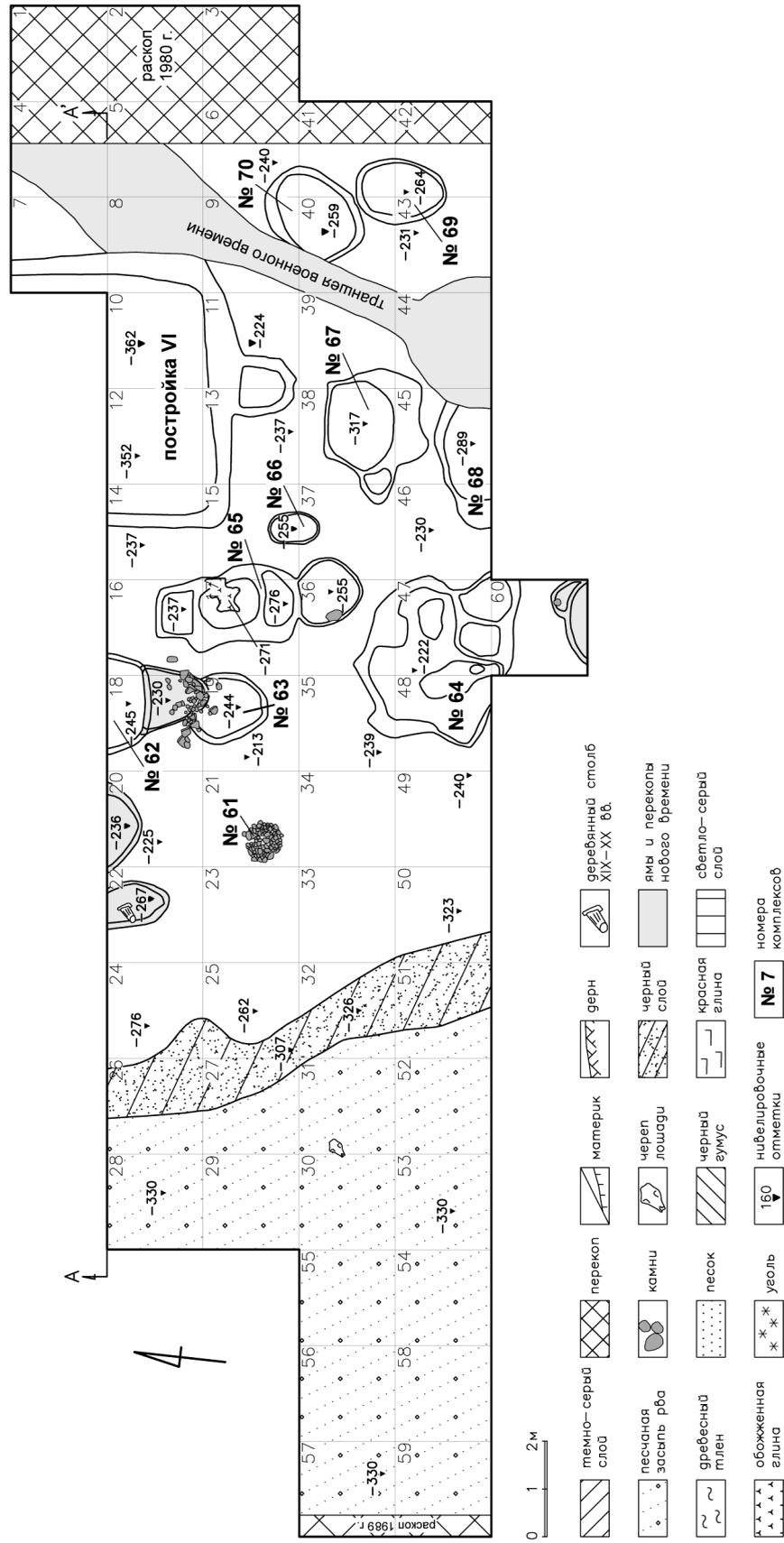
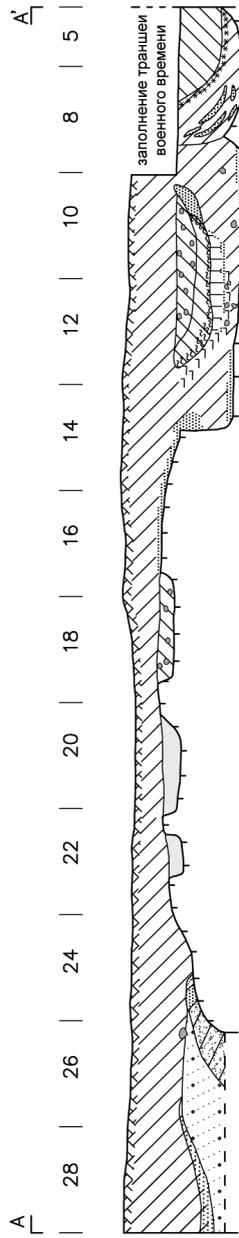

Рис. 16. План сооружений на раскопе 2006 г. и разрез северной стенки

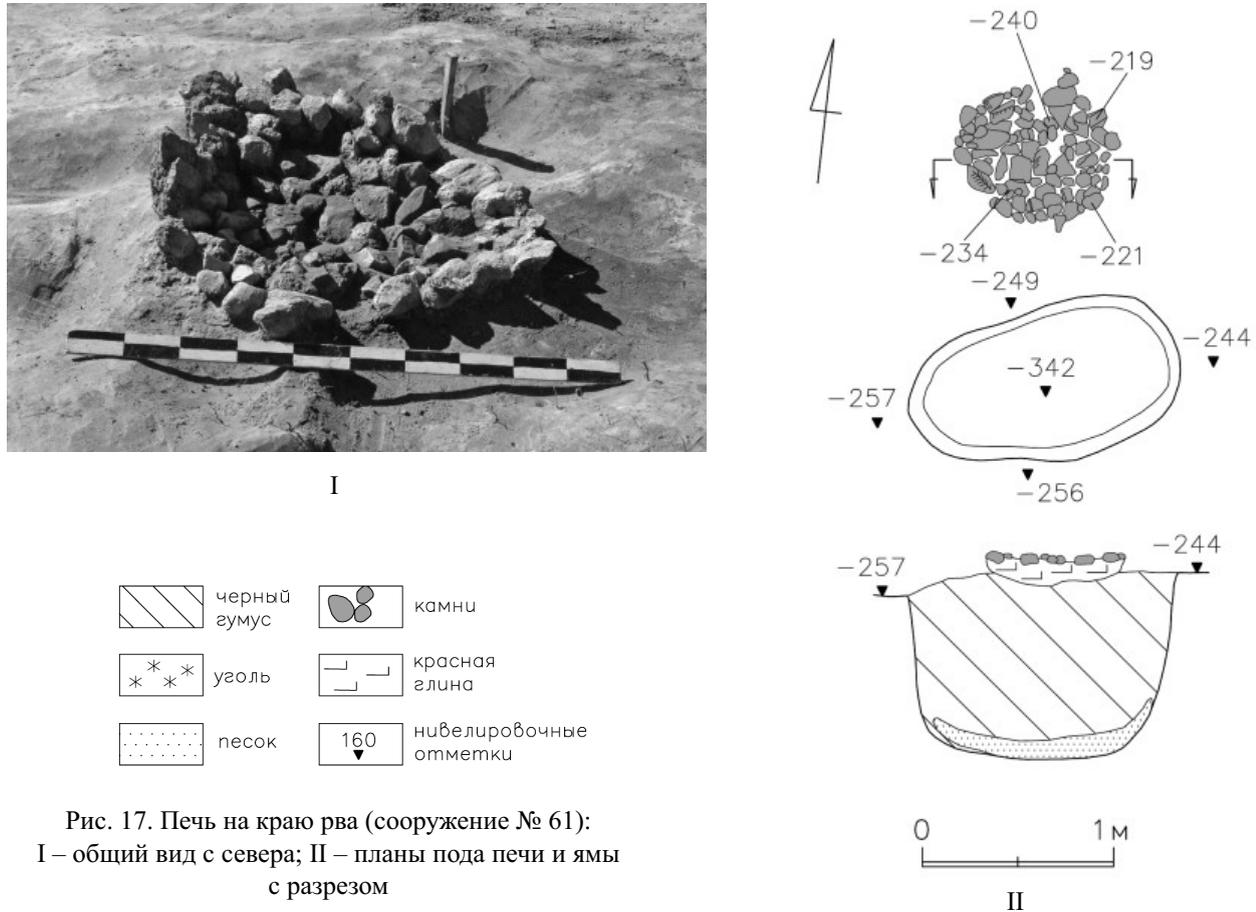

Рис. 17. Печь на краю рва (сооружение № 61):
I – общий вид с севера; II – планы пода печи и ямы с разрезом

Северная яма (62) имела округлую форму диаметром 2,1 м и глубиной 0,3 м и уходила в северную стенку раскопа. Яма была заполнена черным гумусом. При ее разборке зафиксирована лепная керамика, а также встречены следующие индивидуальные находки: $\frac{1}{4}$ дирхема (Аббасиды, 1xx⁶ г. х. VIII в., вес 0,39 г), обломок бронзовой монетовидной пластинки без орнамента, часть маленького сланцевого оселка, фрагмент железного ножа, крупная синяя рубленая бисерина и железная иголка.

Южная яма (63) представляла собой незначительное углубление овальной формы с пологими стенками размером 1,4 × 1,6 м и глубиной 0,2–0,25 м. Заполнение ямы темно-серый гумус, в нижней части – светло-серый песок. При ее разборке зафиксировано значительное количество керамики раннего металла, а также найден кремневый наконечник стрелы. Кроме того, присутствовали отдельные фрагменты керамики XV–XVI вв., попавшие сюда в результате поздних нарушений.

Сооружение 64

После зачистки поверхности материка было зафиксировано гумусированное пятно неправильной формы. Уже по разной окраске заполнения отдель-

ных частей пятна было ясно, что здесь соединились и наложились друг на друга ямы разных хронологических периодов (рис. 16). Юго-восточная часть имела серое песчанистое заполнение (около 1,8 м диам.). С севера и с северо-запада к нему примыкало более темно-серое пятно размерами 2,2 × 3,7 м.

Именно на поверхности песчанистого пятна сразу после снятия серого мешанного слоя на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности и были обнаружены развалы двух сосудов, относящихся к эпохе раннего металла, упоминавшиеся нами ранее (рис. 4). При разборке примыкающего к комплексу пятна темно-серого цвета расчищены остатки двух ям. Одна из них непосредственно примыкала к описанному комплексу и имела диаметр около 2 м и глубину 0,62 м. Затем она была нарушена другим сооружением размерами 2,7 × 3 м глубиной 0,33 м. Заполнение этих двух частей составлял темно-серый гумус с примесью камней и песка в придонной части. Керамический материал из заполнения ям перемешан. Основную часть составляет белоглиняная керамика XV–XVI вв., однако встречается лепная и раннегончарная керамика X в., что позволяет предположить, что одна из ям (промежуточная) относилась именно к этому периоду и впоследствии была нарушена. Комплекс,

⁶ xx – вместо нечитаемых цифр на монете.

судя по материалу, представляет собой три разновременные ямы, перекрывающие друг друга.

Сооружение 65 – ремесленная мастерская

Основание мастерской ремесленника представляло собой корытообразную яму длиной 3 м и шириной от 1,4 м до 1,6 м (рис. 16, 18). Сооружение состояло из трех частей. Глубина его центральной части 0,64 м, длина 1,6 м. С севера и с юга к ней примыкали две приступочки, длиной до 0,7 м. Северная приступочка имела глубину 0,4 м, а южная 0,3 м. На северо-восточном склоне центрального углубления обнаружена сползшая по стенке часть горна, от которого сохранились куски плотной обожженной глины (размерами 12–14 см, толщиной 4–5 см). Горн находился на краю постройки, а затем при ее разрушении сполз по стенке. Таким образом, производственное сооружение состояло из предгорновой ямы, где стоял мастер, примыкающих к ней

приступочек – своеобразных столов для работы и горна на краю сооружения. Заполнение комплекса представляло собой углистый черный гумус с включением костей животных, камней и глины. По соотношению лепной и гончарной керамики комплекс можно отнести к середине X в. По мнению В. М. Горюновой, анализ типологических форм раннегончарной керамики позволяет датировать его скорее последней четвертью X в. (рис. 19–23). О том, какова была наземная часть конструкции исследованной нами мастерской, ничего сказать нельзя, поскольку на холме Рюрикова городища органические остатки не сохраняются. Однако, несомненно, она была, естественно, больше (длиннее и шире), чем выявленная углубленная часть комплекса – размерами не менее чем 2–2,5 × 4–4,5 м. Это мог быть небольшой сруб или более легкая конструкция. В одном метре от края сооружения

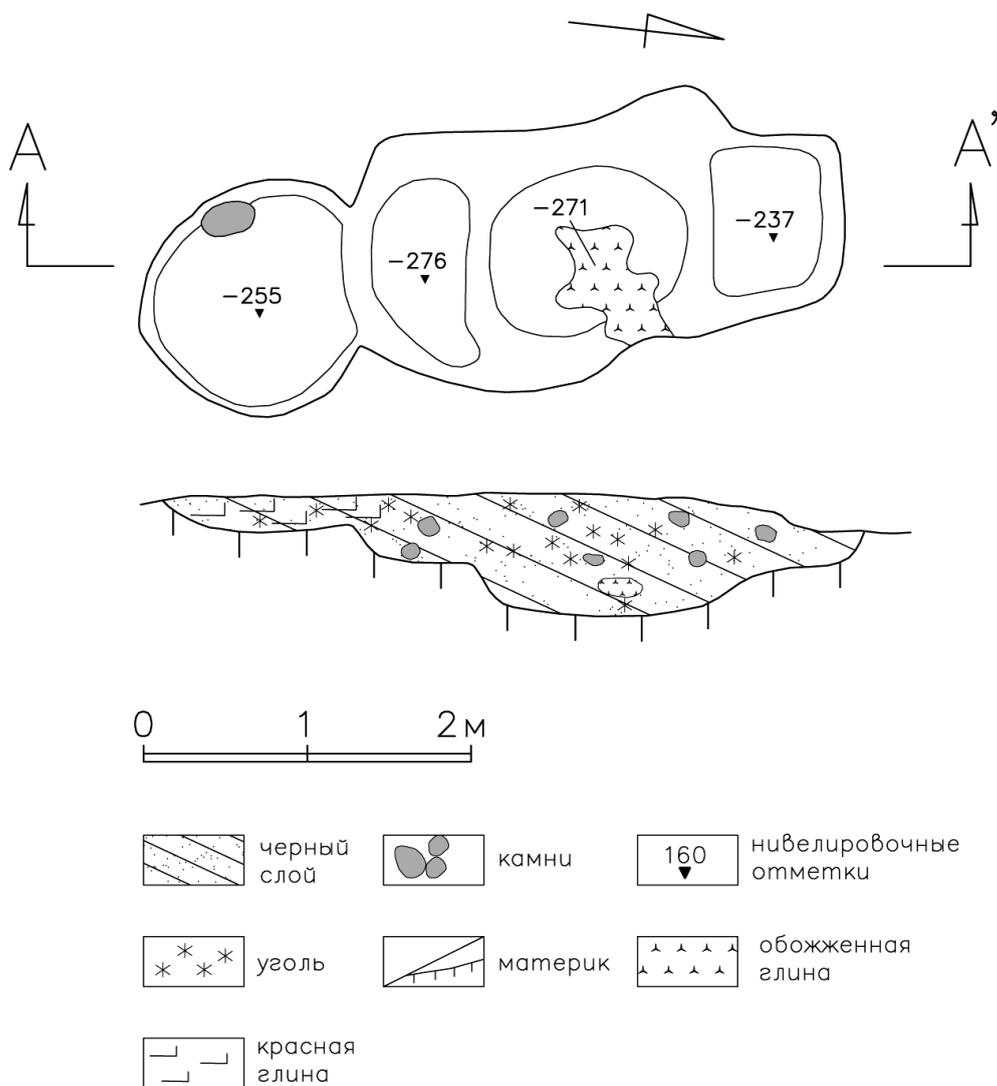

Рис. 18. План и разрез ремесленного комплекса (сооружение № 65)

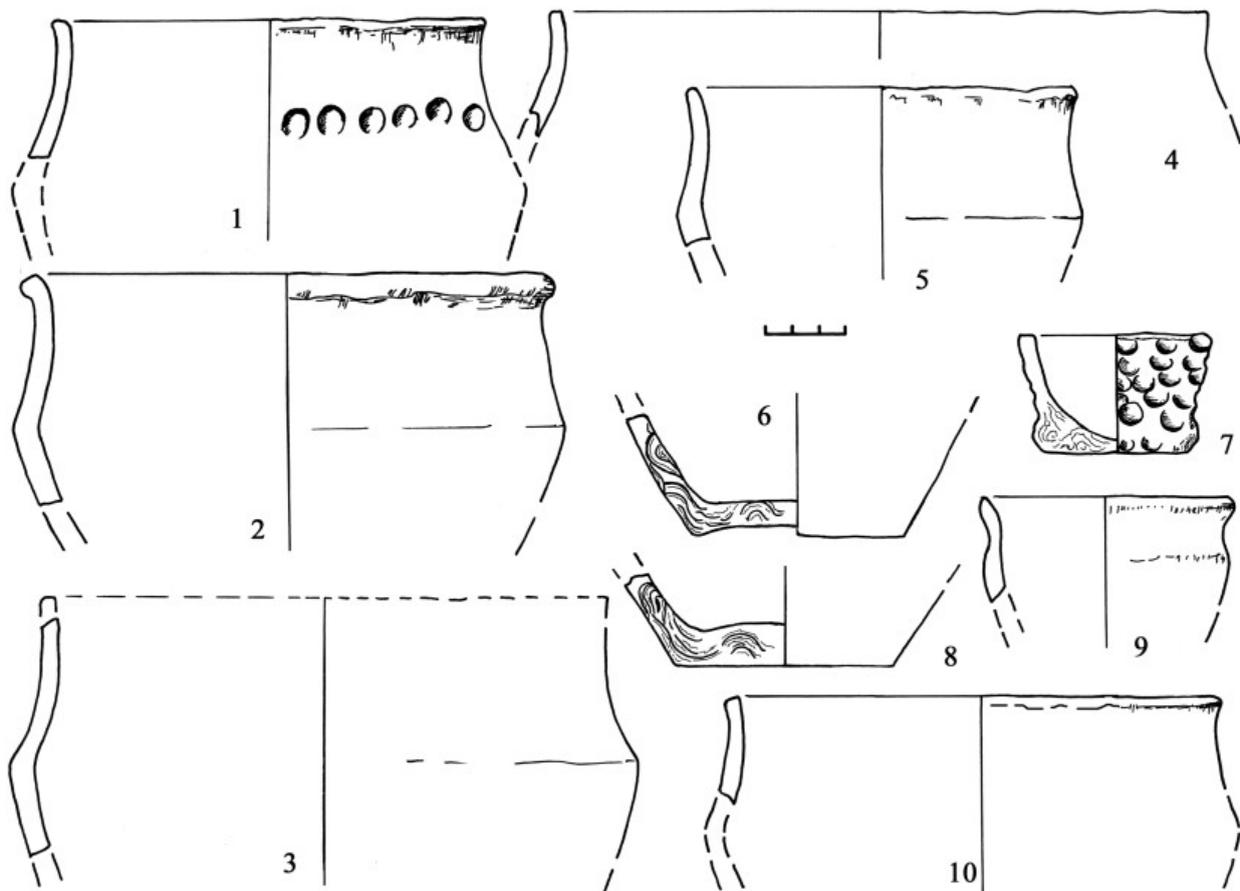

Рис. 19. Лепная керамика из заполнения предгорновой ямы ремесленного сооружения № 65

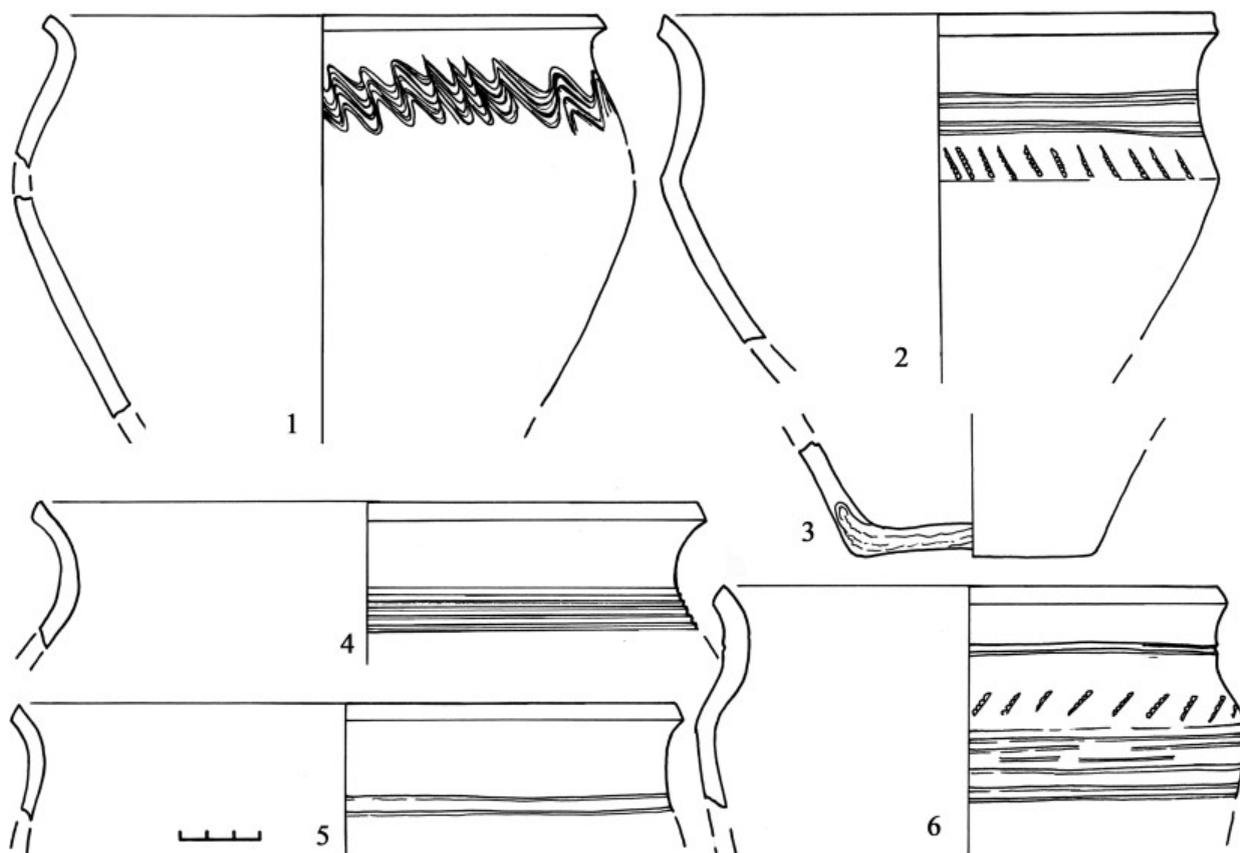

Рис. 20. Раннегончарная керамика из заполнения предгорновой ямы ремесленного сооружения № 65

расположено подполье большой древнерусской постройки. Очевидно, при ее возведении часть культурных отложений, связанных с мастерской, была разрушена и затем попала в заполнение западной части этого более позднего сооружения (см. Глава 3, постройка VI, с. 116, 118).

С южной стороны к данному производственному сооружению примыкала мелкая яма диаметром 1,4 м и глубиной 0,2 м, но связана ли она с комплексом – не ясно. В ее заполнении были встречены: фрагмент листовидного наконечника стрелы ромбовидного сечения и маленькая круглая хрустальная бусина.

По своему характеру изученный комплекс напоминает ремесленные сооружения типа 2, выделенные В. М. Горюновой для производственной части Городка на р. Ловати. По ее мнению, данная группа построек имела значительную овальную в плане предгорную яму, на одном из бортов которой или на выступе в стене сооружался горн-очажок. Для конструкций были характерны легкие жердевые перекрытия (Горюнова, 1988. С. 51). В нашем случае горн находился на краю ямы, а боковые приступочки (по терминологии В. М. Горюновой, «выступы» в стене) служили для работы. Подобные овальные в плане основания производственных сооружений зафиксированы также при раскопках Гнёздовского поселения (Вешнякова, Булкин, 2001. С. 43).

О производственном характере сооружения на Рюриковом городище свидетельствуют помимо остатков горна находка льячки – ложки для разлива цветного металла по формам с деревянной рукояткой. Последняя, естественно, в данных условиях не сохранилась. Льячка-ложка имела длину 6,6 см, ширину 3,8 см и высоту 3,7 см (ил. 17, 10). Уже при находке было отмечено, что она сделана крайне грубо. При последующем внимательном рассмотрении оказалось, что льячка не вылеплена, что было обычно, а просто вырезана из куска глины. При разборке мастерской были найдены два небольших обломка глиняных форм (ил. 17, 2, 4). Трудно сказать, какие предметы в них отливались, но в одной из них явно сохранился отпечаток бортика круглого изделия. Здесь же найден железный инструмент типа зубила, а также серия обломков различных бронзовых предметов, которые могли предназначаться для переплавки. Среди них фрагмент деформированного края скорлупообразной фибулы (рис. 6, 8), игла от подковообразной фибулы (?) (рис. 24, 4), три пластины разных форм с отверстиями (рис. 24, 1–3), кусок согнутой проволоки (рис. 24, 10). К находкам производственного характера относятся два венчика от миниатюрных тиглей.

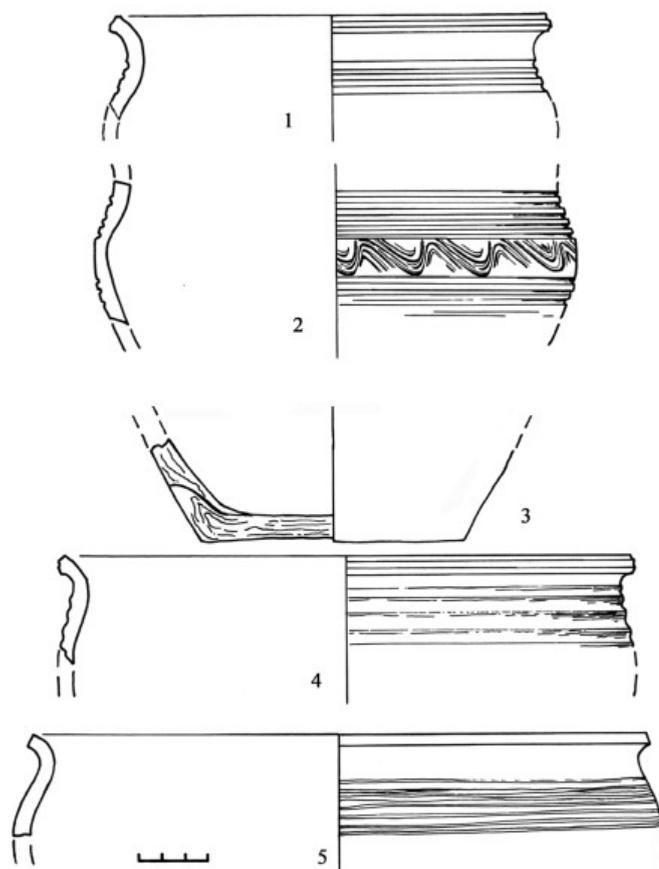

Рис. 21. Раннегончарная керамика из заполнения предгорной ямы ремесленного сооружения № 65

Обломки тиглей встречены и за пределами сооружения, а также в западной части большой древнерусской постройки, расположенной к северо-востоку от мастерской. В контексте инвентаря мастерской три найденных здесь небольших сланцевых оселка явно использовались для заточки орудий, связанных с производством.

Среди других находок упомянем половинку дирхема (сохранность не позволяет его определить), синюю крупную рубленую бисерину, небольшой железный стержень и заготовку костяного предмета, с гладкой ровной поверхностью, на которую были нанесены отдельные крестообразные насечки (ил. 15, 17). При разборке глиняного пятна от горна встречены две ладейные заклепки и золотостекляная одночастная пронизка.

Особый интерес представляет бронзовое литое навершие с иглой от кольцевидной булавки (рис. 6, 5). Оно было найдено в верхнем слое заполнения сооружения. Навершие иглы украшено звериной мордой и плетеным орнаментом в стиле Борре. Держатель кольца на оборотной стороне поврежден, а нижняя часть иглы обломана. На Городище уже известно около 30 находок частей кольцевидных

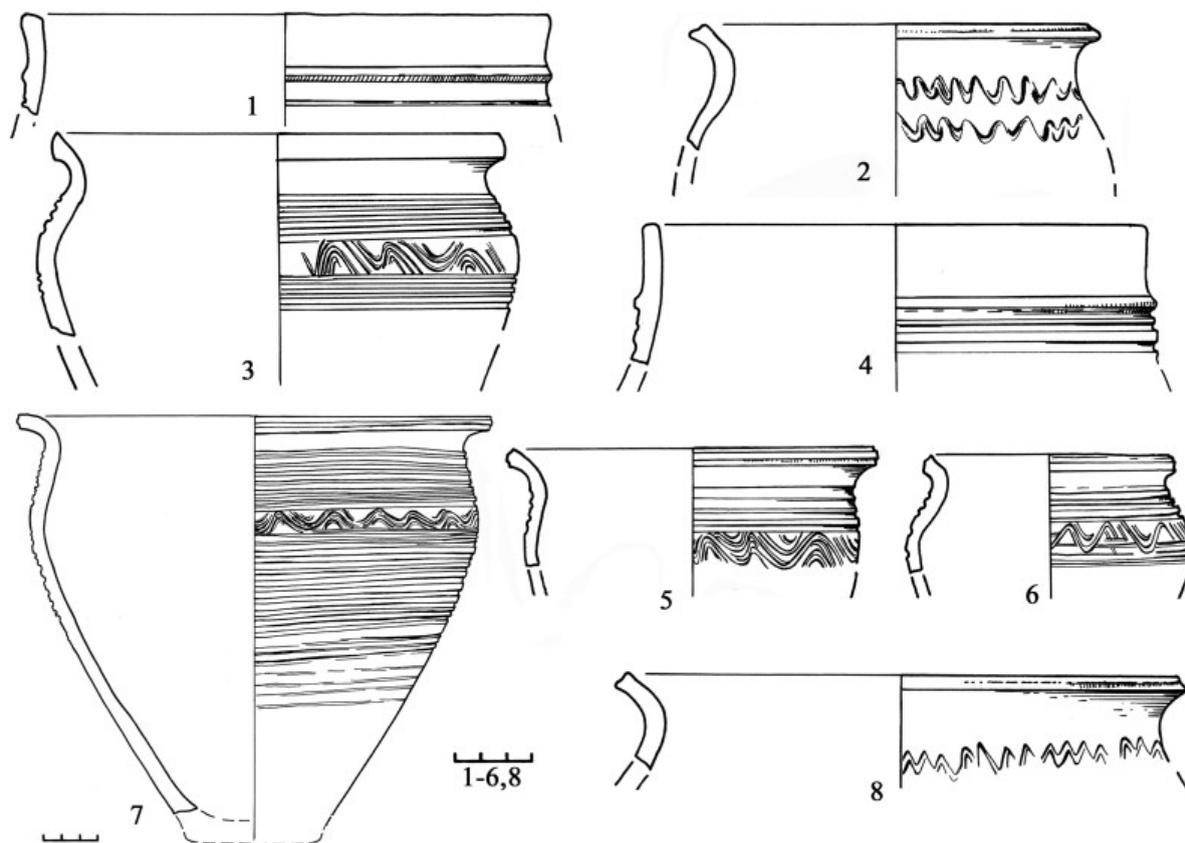

Рис. 22. Раннегончарная керамика из заполнения предгорновой ямы ремесленного сооружения № 65

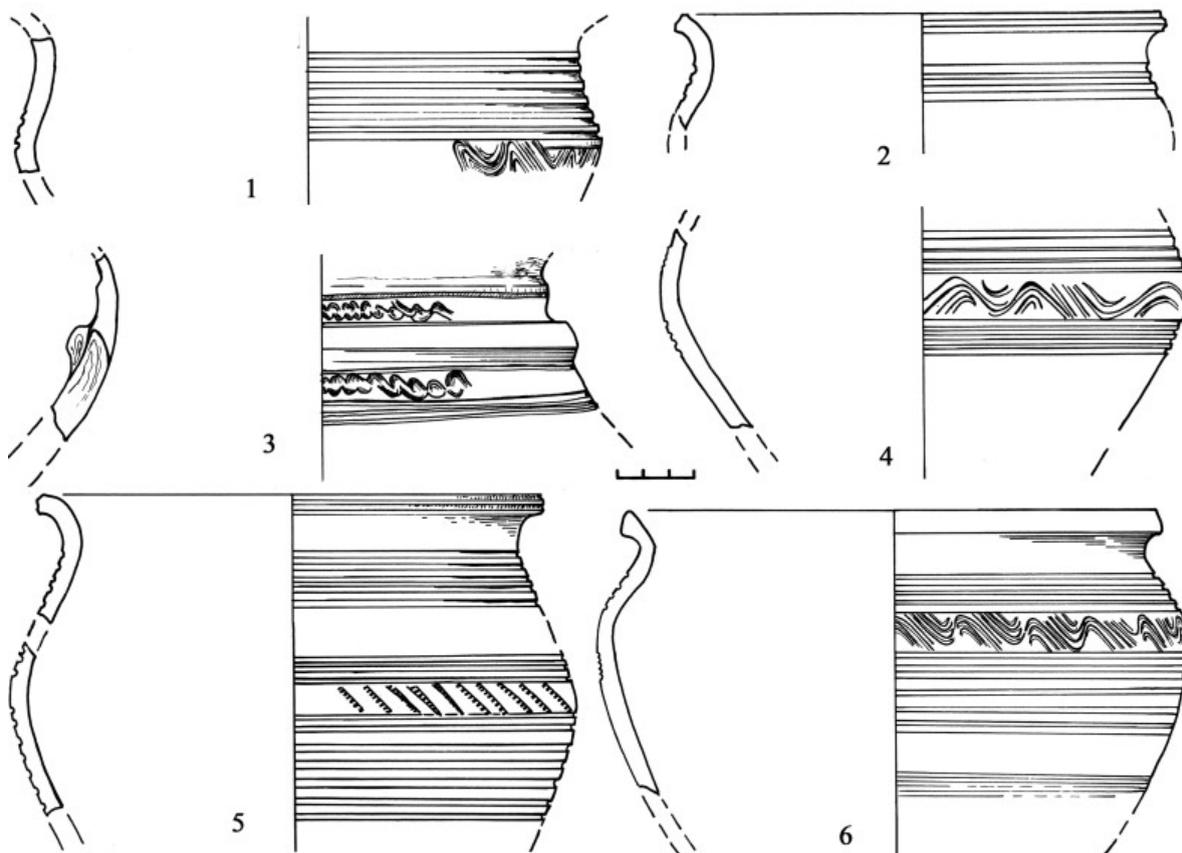

Рис. 23. Раннегончарная керамика из заполнения предгорновой ямы ремесленного сооружения № 65

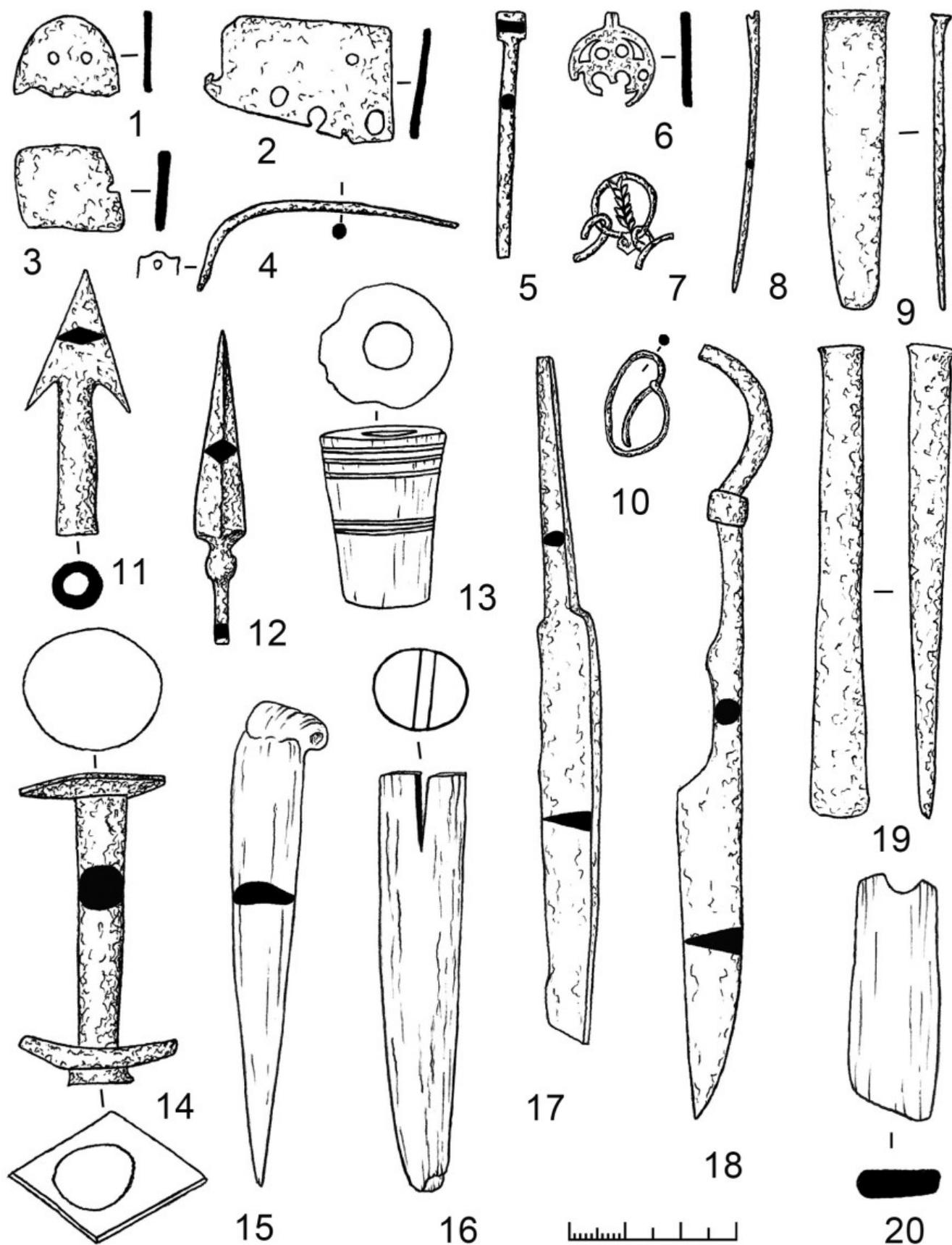

Рис. 24. Находки из углубленных в материк сооружений

булавок. Это наиболее представительная коллекция данного типа североевропейских застежек на территории Восточной Европы, причем надо подчеркнуть – не только среди коллекций, происходящих с поселений, но и из могильников (*Носов, Хвоцинская, 2004. С. 229*). По характеру орнамента найденный экземпляр относится к наиболее роскошному варианту подобного рода украшений. Городищенские кольцевидные булавки характеризуются особой изысканностью, «более половины из них украшены звериным и плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы» (Там же. С 232). Булавки относятся к элементам мужского костюма. Ими скрепляли свои плащи викинги, а столь роскошные булавки, подобные данному экземпляру, характеризуют высокий социальный статус обитателей Городища.

Датировка ремесленного сооружения X в. подтверждается не только на основе керамического комплекса, но и находками половинки дирхема, бронзовой иглы от кольцевидной булавки, фрагмента бронзовой скорлупообразной фибулы. Ремесленная мастерская располагалась восточнее рва, т. е. за пределами центральной укрепленной части поселения и его основной жилой зоны. Вынесение ремесленных комплексов, связанных с постоянным использованием огня, плавкой металла и т. д. подальше от жилой застройки, вполне естественна.

Сооружение 66

Небольшая овальная в плане яма размером 0,65 × 1,06 м, глубиной 0,2 м, с плоским дном и крутыми стенками (рис. 16). Заполнение ямы – светло-серый гумус с песком. Керамический материал не зафиксирован, из индивидуальных находок встречена только одна синяя рубленая бисерина.

Сооружение 67

Неправильной подчетыреугольной формы яма размерами 1,95 × 2,05 м, глубиной 0,6 м, с крутыми стенками и плоским дном (рис. 16). Заполнение – темно-серый гумус в придонной части с песчанистыми включениями. На основании найденной в заполнении лепной керамики его можно отнести к X в. В верхней части зафиксирована раннегончарная керамика. Индивидуальных находок нет. Западная стенка сооружения нарушена более поздней ямой диаметром 0,7 м, глубиной 0,42 м. Судя по керамике, яма датируется XIII в.

Сооружение 68

Углубленное в материк сооружение (размерами 1,2 × 3,3, глубиной 0,55 м), уходящее в южную стенку раскопа, восточная часть которого нарушена траншеей военного времени (рис. 16). Стенки сооружения пологие, дно плоское. Заполнение – темно-серый гумус с примесью песка в придонной части. На основании керамического материала его можно отнести к XIII в., однако среди средневековых фрагментов керамики обнаружена значительная примесь обломков лепных и раннегончарных сосудов X в., что свидетельствует о том, что это позднее сооружение разрушило более ранний комплекс. Характер индивидуальных находок из заполнения комплекса подтверждает выводы, сделанные на основании керамического материала. Среди находок встречаются как вещи раннего периода истории городища, так и древнерусского времени. В частности, найдены обломок стеклянного желтого прозрачного сосуда с фиолетовой полосой (ил. 5, 34), фрагмент железного инструмента, шайба от ладейной заклепки, а также обломки четырех дирхемов:

№ по полевой описи год находки	Эмитент	Место чеканки	Время чеканки	Примечание
№ 791 2006 г.	Умайады	тип Васита	84–89 г. х. (703–708 г.)	Вес – 0,41 г; обломок около ¼
№ 792 2006 г.	Испахады или арабские наместники Табаристана		II в. х. (VIII в.)	Вес – 0,715 г; обломок около ½
№ 796 2006 г.	Аббасиды, ал-Му тазз биллах		53 г. х. (867 г.)	Вес – 0,37 + 0,11 г; 2 обломка около ¼
№ 831 2006 г.			II в. х. (VIII в.)	Вес – 0,245 + 0,13 + 0,03 г; 3 обломка около ½

Сооружение 69

Яма овальной формы, размерами 1,4 × 1,8 м, вытянута в направлении север–юг, имела пологие стенки, глубину в центре – 0,32 м (рис. 16). На дне прослежены включения обожженного песка. Заполнение – темно-серый гумусированный слой, в северной части – с примесью песка. При разборке ямы встречены обломки плинфы и стенки гончарных сосудов XIII–XIV вв. Индивидуальных находок нет.

Сооружение 70

Яма овальной формы размером 1,65 × 2,20 м, глубиной 0,35 м, стенки пологие, дно вогнутое, была заполнена темно-серым гумусом, на дне фиксировался обожженный песок. С северо-западной стороны край ямы незначительно нарушен траншеей военного времени (рис. 16). При ее разборке встречена позднесредневековая керамика XIII в., а также набор различных вещей. Среди находок из бронзы отметим маленькое колечко (от кольчатой цепочки?) и две бронзовые подвески – одна круглая ажурная повреждена, интересно, что в ушке не было сделано отверстие (рис. 24, 6), возможно, это незаконченное изделие или производственный брак; от второго украшения сохранилась сильно патинизированная спекшаяся масса (рис. 24, 7), в которой можно разглядеть небольшое проволочное колечко, с прикрепленными к нему ушком (от какого-то украшения) и короткой плетеной цепочкой, на которую, в свою очередь, была подвешена еще одна привеска с плоским круглым бортиком. К сожалению, о типе данного украшения ничего определенного сказать нельзя. К группе украшений относятся также бусы: две синие круглые зонные бусины, одна желтая глазчатая бусина с рельефными глазками и три бисерины, рубленные из трубочек (белого, синего и желтого цветов). В заполнении ямы зафиксирована серия фрагментов от стеклянных сосудов: более 10 – из желтого прозрачного стекла; один – темно-синий, украшенный белой и золотой эмалью (ил. 7, 4), один – из прозрачного синего стекла с белым рисунком (ил. 7, 37); а также два фрагмента керамического блюда с двусторонней голубой глазурью. Железные изделия представлены двумя обломками, возможно, от инструментов, лезвием небольшого ножа, фрагментом четырехгранного в сечении кольца и плоским кольцом. В целом набор находок не противоречит датировке сооружения XIII в.

Сооружение 71

При разборке различных по конфигурации и структуре пятен в южной части раскопа 2005 г. были зафиксированы разновременные углубленные в материк ямы, перекрывающие друг друга (рис. 15).

Древнейшее сооружение находилось в центре данного комплекса и четко выделялось на поверхности интенсивно-черной окраской гумусного слоя. Оно представляло собой овальную яму размерами 2,2 × 3 м, глубиной до 0,83 м, с пологими стенками и уплощенным дном, заполненную скоплениями камней, углей и песчаными линзами. В верхней части фиксировались вкрапления красной глины. Поверхность пятна ямы, выходя за его пределы, по диагонали с северо-запада на юго-восток пересекала канавка (шир. 0,9 м и глуб. 0,26 м), заполненная древесным тленом. Можно предполагать, что здесь сгнил какой-то деревянный объект (челн, лодка или просто бревно?). С востока и юго-востока от данного сооружения фиксировались поздние перекопы, заполненные, в отличие от него, однородным серым гумусом с примесью угольков и песка. Судя по керамическому материалу, перекопы относятся в основном к XV–XVI вв. Несомненно, они нарушили заполнение ямы, о чем свидетельствуют немногочисленные находки, полученные при ее разборке. Наибольший интерес представляет наконечник стрелы. Кроме того, здесь были найдены фрагмент бронзовой спиральки, стеклянная трубочка, зеленая бисерина, три ладейные заклепки (две в обломках), фрагмент ножа, стенка амфоры, обломок тигля и части двух неопределимых железных предметов. Следует подчеркнуть, что из черного заполнения ямы происходит лепная и раннегончарная посуда второй половины X в., т. е. в данном случае мы имеем дело с ранним сооружением, частично нарушенным более поздними ямами в XV–XVI вв. На его поверхности также что-то сгнило уже в период существования современной деревни XIX–XX вв.

Сооружение 72

Яма уходила в восточную стенку раскопа, так что разобрана только ее часть, размером 1,35 × 2,25 м, дно плоское на глубине 0,30 м, к центру имеет резкое понижение на глубину до 0,42 м (рис. 15). Яма была заполнена черным гумусом с примесью песка и камней.

Основной вещевой материал, происходящий из комплекса, – это глиняные диски от вертикального ткацкого станка. Именно здесь наблюдалось скопление глиняных дисков в темно-сером слое (рис. 14), а два обломка и один целый (из пяти фрагментов) находились непосредственно в углубленной части сооружения. Кроме того, из комплекса происходят бронзовая пластинка и часть ладейной заклепки. Керамический материал представлен исключительно обломками лепных сосудов. Данное сооружение можно датировать X в.

Сооружение 73

При разборке глинистого пятна с вкраплениями угольков выявлена небольшая яма овальной формы размером $0,88 \times 1,16$ м, глубиной $0,27$ м, с уплощенным дном (рис. 15). Сооружение было заполнено черным гумусом с примесью глины, углей и мелких камней. При разборке найдены фрагменты шлаков, индивидуальных находок нет, керамика исключительно лепная

Сооружение 74

При расчистке черного гумусированного пятна с включениями угля и камней было открыто углубленное в материк сооружение неправильной формы, уходящее в западную стенку раскопа и хронологически состоящее из двух частей (рис. 15). Восточная часть представляла собой яму овальной формы, размерами $1,3 \times 2$ м, глубиной $0,8$ м. Эта часть комплекса содержит развалы лепных и раннегончарных сосудов (рис. 25–27), в том числе 39 ошлакованных крупных фрагментов. По характеру керамического материала она датируется последней четвертью X в.

Западная часть сооружения имела размеры $1,4 \times 3$ м. С востока ее глубина достигала $0,2$ м, с юга $0,3$ м. У западной стенки зафиксировано

падение материка на $0,6$ м. В заполнении встречены фрагменты сосудов XIII в. (рис. 26–27), хотя по характеру материала очевидно, что комплекс состоит из двух разновременных частей, западная часть перекрывает часть восточной, но по характеру заполнения они были сходны – черный однородный гумус с вкраплениями песка и камней.

При разборке заполнения ямы в соответствии с характером керамических комплексов были найдены вещи как древнерусского времени, так и X–начала XI в. Всего встречено 40 предметов и их обломков. Часть из них можно увязать с комплексом лепной и раннегончарной керамики. Учитывая, что в восточной части ямы были найдены ошлакованные обломки керамики, видимо, именно к данному периоду относится кальцинированный фрагмент костяной орнаментированной рукояти, сделанной из трубчатой кости (ил. 15, 9), обожженная заготовка 14-гранной сердоликовой бусины (типа ил. 3-I, 6), несколько деформированная зеленая зонная бусина (ил. 1, 4I) и металлическое колечко со следами пребывания в огне. К кругу находок X–начала XI в. следует отнести втульчатый двушипный наконечник стрелы (рис. 24, 1I), ладейную заклепку, глиняный диск от ткацкого вертикального станка, возможно,

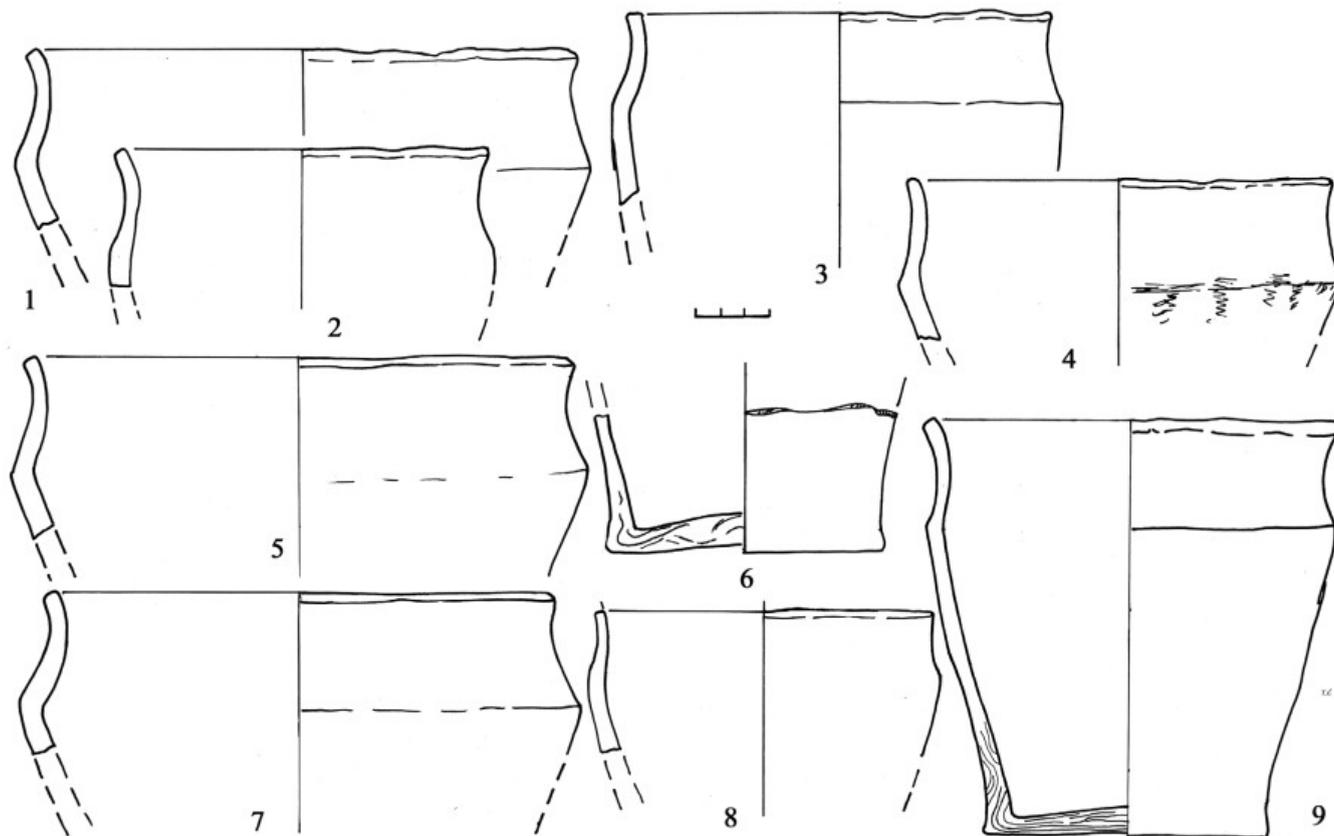

Рис. 25. Лепная керамика из восточной ямы сооружения № 74

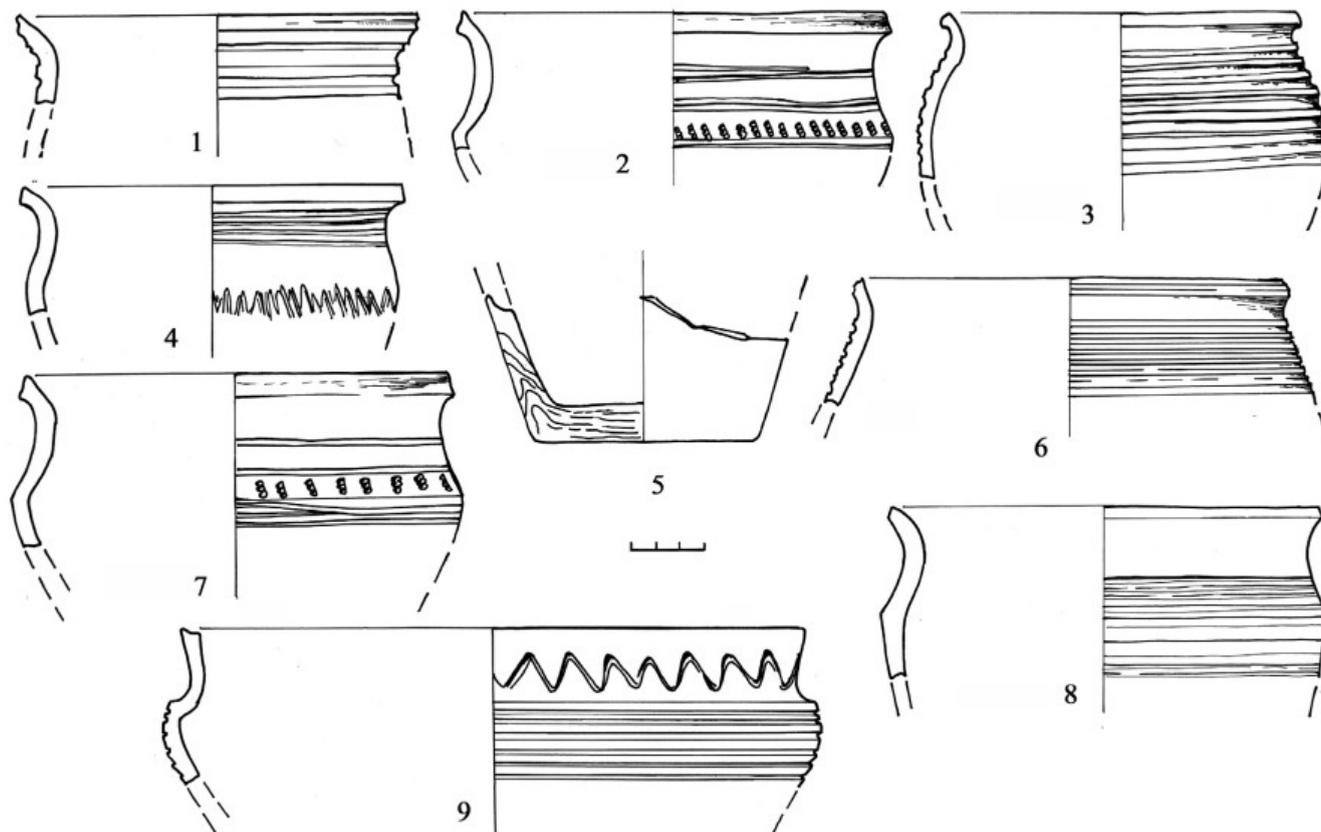

Рис. 26. Керамика из заполнения сооружения 74: 1–8 – раннегончарная керамика из восточной ямы, 9 – гончарный сосуд из западной ямы

проволочное височное колечко с завитком на конце (ил. 13, 16) и хорошо сохранившуюся бронзовую шумящую подвеску (ил. 13, 5), которая представлена восточнофинским типом (по классификации И. Г. Розенфельдт, тип III – вид 2). Подобные подвески включались в состав ожерелий. В основе украшения находилась трубочка, по концам и в середине которой проходили гладкие перемычки. Снизу к трубочке были припаяны три петельки, к которым крепились подвески – трапециевидные, ромбовидные или в виде «гусиных лапок», как в нашем случае (Розенфельдт, 1982. С. 68, 70, рис. 15, 13). Данные типы подвесок известны в финно-угорских памятниках второй половины I тыс. н. э. (Розенфельдт, 1982. С. 70; Башенькин, 2007. С. 16, рис. 4, 5–6; Кудряшов, 2012. С. 58, рис. 5, 7). Однако подобные подвески встречаются и в памятниках, относящихся к концу X–первой половине XI в., в частности, в Новленском могильнике на р. Ушне (Леонтьев, 1996. С. 218, 219. Рис. 95, 2) и во Владимирских курганах (Спицын, 1905. С. 161. Рис. 449).

Группа находок, связанных с керамическим комплексом XIII в., представлена круглой бронзовой накладкой, украшенной циркульным орнаментом

(ил. 13, 8); фигурной бронзовой позолоченной накладкой с одним шпеньком (ил. 13, 7); бронзовым декоративным гвоздиком; фрагментами стеклянных сосудов (желтого прозрачного и желтого с накладной нитью фиолетового цвета); двумя фрагментами темно-зеленого крученого стеклянного браслета; фрагментами амфор; эллипсоидной бусиной темно-фиолетового цвета (ил. 2, 56), а также фрагментом напольной плитки с желтой поливой.

Кроме того, при разборке ямы встречены предметы, имеющие широкие рамки бытования. К ним относятся железная игла (рис. 24, 8), инструмент типа зубила (рис. 24, 9), железный клин, фрагменты сланцевых оселков (рис. 24, 20), гвоздь и часть заготовки бронзового изделия (ил. 13, 6).

Сооружение 75

При расчистке черного гумусного пятна было разобрано углубленное в материк сооружение, состоящее из трех частей (рис. 15). Юго-восточная часть представляла собой овальную яму размером 1,6 × 2,4 м, глубиной 0,46 м. Северо-восточная часть – овальная яма размером 1,6 × 2,5 м, глубиной 0,3 м. Центральная часть сооружения имеет глубину 0,2 м, повышается в западном направлении и уходит под стенку. Заполнение ямы представляло собой

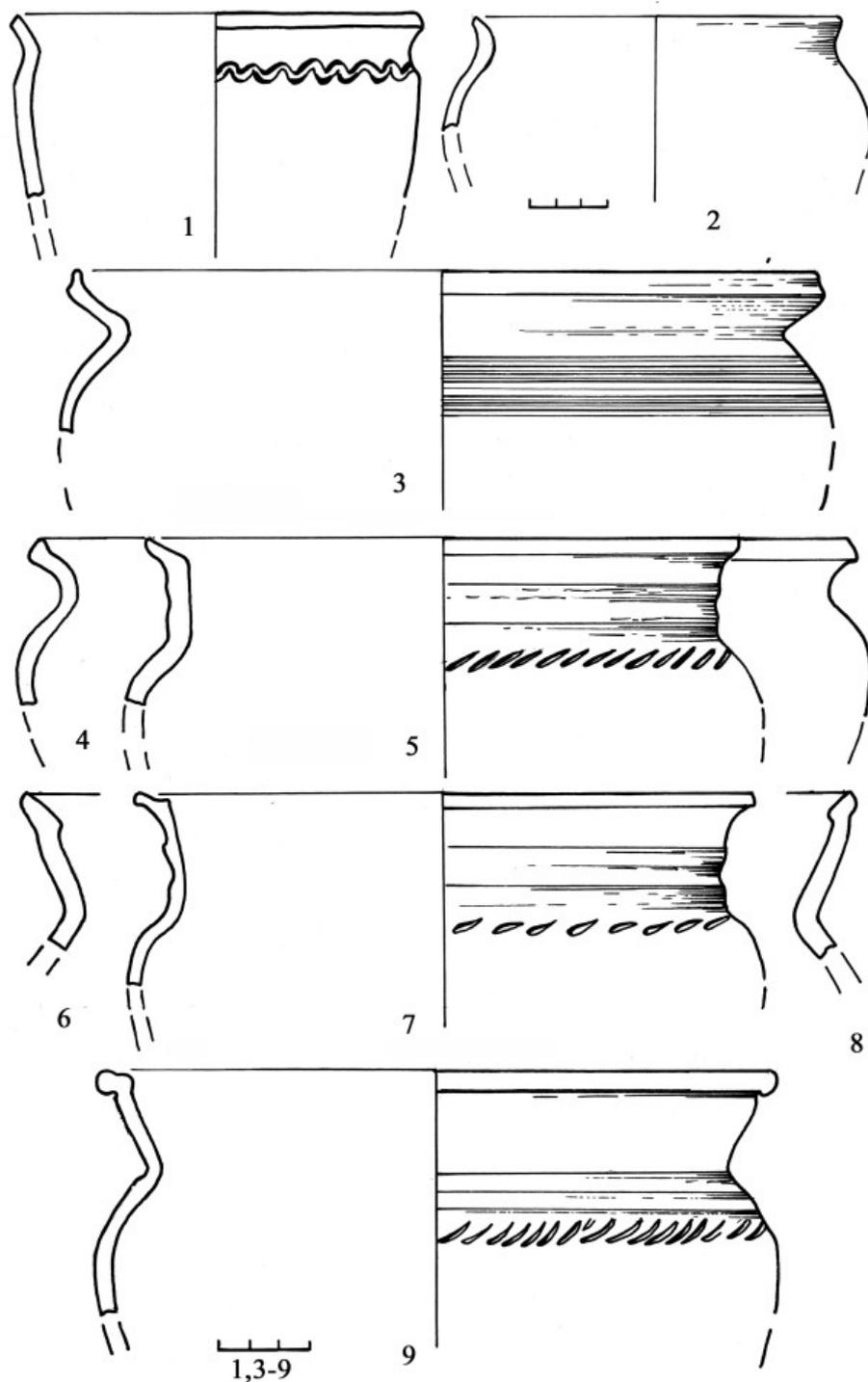

Рис. 27. Гончарная керамика XIII в. из западной ямы сооружения № 74

однородный черный гумус с вкраплениями мелких камней, песчанистых линз и красной глины. При разборке заполнения ямы встречены две многогранные каменные бусины – сердоликовая (типа ил. 3-I, 11) и хрустальная (типа ил. 3-III, 8), зеленая стеклянная зонная бусина (ил. 1, 39) и желтая бисерина. К группе украшений относятся пластинчатая бронзовая трапециевидная подвеска с отверстием

для подвешивания (ил. 13, 10) и обломок кольца из рубчатой, возможно, серебряной проволоки (ил. 13, 21) (об изделиях из рубчатой проволоки подробнее см. Главу 4, с. 132). Предметы из железа представлены половиной пружинных ножниц (рис. 24, 18), ледоходным шипом, ладейной заклепкой (рис. 24, 14), фрагментами ножа, какого-то инструмента и ключа, двумя гвоздями и несколькими облом-

ками неопределенных предметов. Были найдены два обломка от сланцевых оселков и своеобразной формы каменный предмет, с отверстием (возможно, обычный грузик – ил. 14, 26) и два обломка глиняных дисков. Кроме того, встречен небольшой фрагмент сильно обожженного орнаментированного костяного изделия (ил.15, 15). В верхних слоях заполнения ямы попадались предметы из темно-серого перемешанного культурного слоя,

так, в частности, стенка амфорной тары и костяная крышечка от игольника. Сам игольник был найден в вышележащих напластованиях (ил. 15, 1) и рассмотрен нами среди находок из темно-серого слоя. В целом, найденная в заполнении ямы лепная и раннегончарная керамика датирует данное сооружение последней четвертью X в (рис. 28, 3, 5, 6; 29), что не противоречит набору зафиксированных в нем находок.

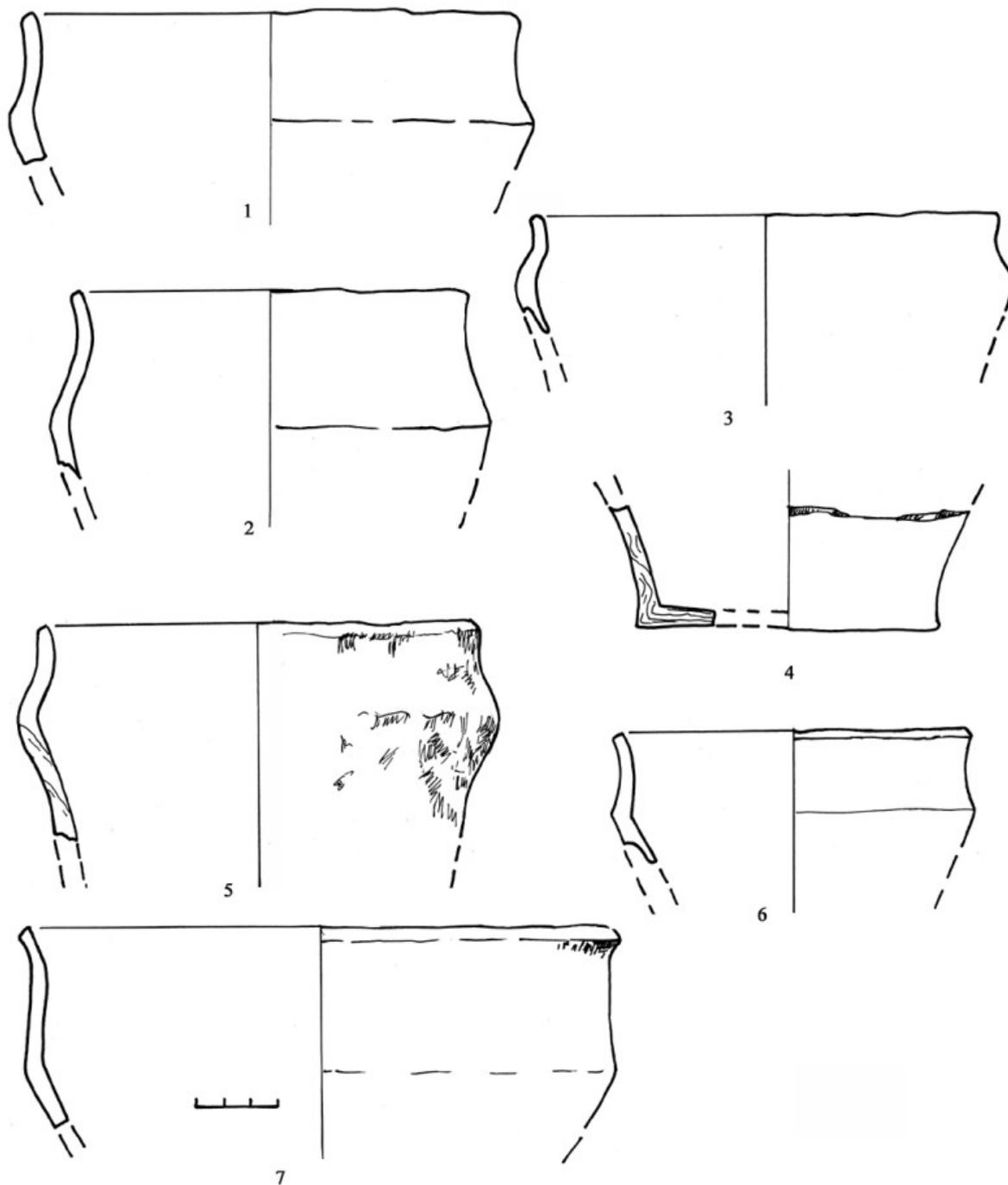

Рис. 28. Лепная керамика из углубленных в материк сооружений: 1, 7 – сооружение № 76; 2, 4 – сооружение № 80; 3, 5, 6 – сооружение № 75

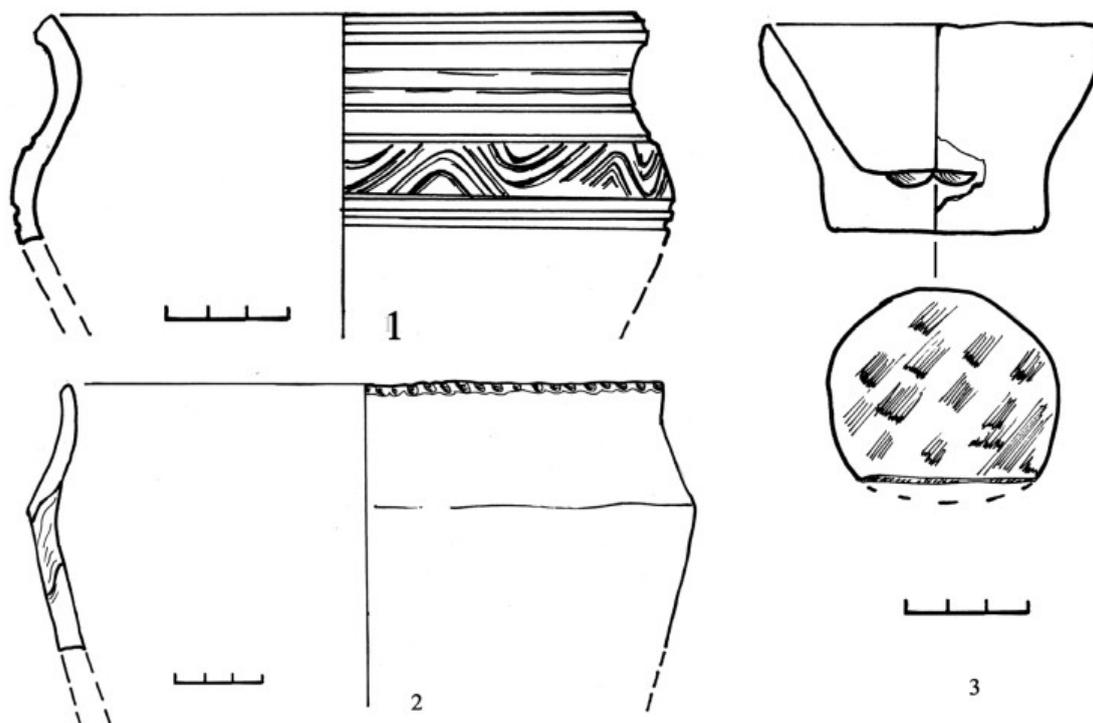

Рис. 29. Керамика из заполнения сооружения № 75: 1 – раннегончарная, 2, 3 – лепная

Сооружение 76

В результате расчистки черного гумусированного пятна восточнее сооружения 75 выявлена неглубокая овальная яма с уплощенным дном размером $0,9 \times 1,2$ м, глубиной 0,11 м (рис. 15), заполненная черным гумусированным песком с включениями отдельных камней. Юго-восточная стенка ямы крутая, остальные – пологие. Индивидуальных находок в комплексе не найдено, содержит исключительно лепную керамику и может быть датирован, скорее всего, X в. (рис. 28, 1, 7).

Сооружение 77

Это траншея новейшего времени, которая проходила в направлении запад–северо-запад – восток–юго-восток, глубиной 0,71–0,80 м, шириной 1–1,2 м, заполненная серым гумусом со скоплениями известняковых плит. На ее дне найдены предметы быта деревни XX в. (таз, проволока, банки и пр.). Траншея прорезала углубленное в материк сооружение более раннего времени (рис. 15). Последнее имело пологие стенки, уплощенное дно, размеры сохранившейся части $1,4 \times 1,6$ м, глубина 0,37 м; заполнение – черный гумус с вкраплениями песка. В нем найдена только лепная керамика, в том числе сильно ошлакованные фрагменты. Здесь же встречены глиняный диск от вертикального ткацкого станка, фрагмент сланцевого оселка, ладейная заклепка и бронзовое проволочное колечко. Обра-

щает на себя внимание присутствие в яме крупных кусков ошлакованной керамики, подобных тем, которые были обнаружены в восточной части сооружения 74. Естественно, напрашивается вывод, что оба объекта пострадали одновременно от одного и того же пожара.

Сооружение 78

При расчистке пятна выявлено подчетырехугольное сооружение, уходящее одним углом в восточную стенку, размером $2,5 \times 2,6$ м углубленное на 0,15 м. Внутри него в юго-западной, восточной и северной частях разобраны ямы глубиной 0,16–0,29 м (рис. 15). Восточная яма овальная, ее размеры $0,54 \times 0,70$ м, стенки крутые; юго-западная яма удлинено овальная в плане, имела размеры $0,44 \times 1,40$ м и пологие стенки; северная яма – круглой формы, диаметром 0,80 м, с уплощенным дном и крутыми стенками. В ее заполнении встречены скопления рыбьей чешуи. Заполнение ям – черный гумус с примесью песка, а в северной яме зафиксированы также отдельные камни.

В юго-западном углублении встречен фрагмент тигля, а в северном – хрустальная бусина, желтая бусина-лимонка, железный гвоздик и скопление обломков по крайней мере от шести глиняных дисков для вертикального ткацкого станка. Некоторые из них носили следы пребывания в огне. Как мы отмечали, именно в районе рассматриваемого

сооружения наблюдалась значительная концентрация обломков глиняных дисков в темно-сером слое (рис. 14), что свидетельствует о связи данного комплекса с ткацким производством. Здесь же найдены фрагменты неопределенных железных предметов. Керамический материал представлен лепными и раннегончарными сосудами, включая большое количество ошлакованной керамики. По характеру вещевого инвентаря данное сооружение относится, скорее всего, к концу X в.

Сооружение 79

При разборке пятна неправильной формы было выявлено два разновременных сооружения: северо-западное более раннее и юго-восточное более позднее (рис. 15). Северо-западная половина состояла из двух частей, заполненных черным гумусом с включениями песка и отдельных камней. Основой раннего сооружения являлась яма глубиной 0,44 м, размерами 1,8 × 2 м, с пологими стенками и уплощенным дном. К западу к ней примыкала более глубокая часть (0,4 × 1,10 м, глуб. 0,83 м), уходящая в стенку раскопа. В заполнении из индивидуальных находок были обнаружены два ледоходных шипа, а также лепная и раннегончарная керамика. Все это позволяет датировать северо-западную часть сооружения концом X в. С юго-востока к его краю примыкала яма овальной формы размером 1 × 2 м, глубиной 0,22 м, с пологими стенками, заполненная серым гумусом. В ней найдены ключ, кованые гвозди и фрагменты двух неопределенных железных предметов. Судя по керамическому материалу, яма относилась к позднесредневековому периоду, скорее всего, к XIV–началу XV в.

Сооружение 80

Восточнее комплекса 79 зафиксировано две небольшие ямки (рис. 15). Одна из них имела овальную форму, размерами 0,6 × 0,9 м, с пологими стенками, глубиной 0,17 м, заполненная черным гумусом с включениями песка. В ней обнаружены кованый гвоздь, ледоходный шип и исключительно лепная керамика (рис. 28, 2, 4).

Сооружение 81

Севернее уже охарактеризованного сооружения находилась еще одна небольшая ямка округлой формы, диаметром 0,6 м, с крутыми стенками, глубиной 0,15 м (рис. 15). В ее заполнении не было найдено ни индивидуальных находок, ни керамики, но, судя по черной окраске гумусного заполнения, характерной для сооружений X–начала XI в., а также концентрации в вышележащем слое лепной и раннегончарной керамики, комплекс 81 был синхронен комплексу 80.

Сооружения 82, 83

В результате расчистки пятна выявлено углубленное в материк сооружение неправильной формы, размерами 2,8 × 3,1 м, состоящее из двух ям, имеющих между собою перемышку (рис. 15). В целом сооружение было заполнено темно-серым гумусом с линзами песка и многочисленными мелкими камнями. Однако юго-восточная часть отличалась значительной примесью черного гумуса. При разборке комплекса выяснилось, что он состоял из двух разновременных ям. Юго-восточная яма 82 имела подтреугольную форму размерами 2 × 2,8 м, глубину 0,89 м, пологие стенки и уплощенное дно. При ее разборке встречены часть дирхема, биконическое глиняное пряслице, ладейная заклепка и шайба от аналогичной заклепки, фрагменты глиняных дисков от вертикального ткацкого станка, глиняный шарик, обломки бронзовой пластинки и части неопределенных железных предметов. Керамический комплекс в заполнении ямы представлен обломками лепной и раннегончарной керамики конца X–начала XI в. (рис. 30, 31). С восточного края яма была перебита поздней землянкой.

Северо-западная яма 83 была вытянута по линии юго-запад – северо-восток на 3 м, имела ширину 1,2 м, пологие стенки, уплощенное дно и глубину 0,58 м. В ее заполнении найдены 9 обломков стеклянных сосудов (желтого из прозрачного стекла, бело-голубого сосуда и желтого сосуда, украшенного фиолетовой нитью), обломок гладкого браслета из зеленого стекла, бронебойный наконечник стрелы (рис. 24, 12), костяная заготовка (рис. 24, 16) и проколка (рис. 24, 15), томар (рис. 24, 13), бронзовая заклепка от ушек котла, небольшая круглая бронзовая шайбочка, обломок ножа, декоративный гвоздик, язычок от железной пряжки, инструмент типа зубила (рис. 24, 19), несколько гвоздей, а также фрагменты неопределенных предметов из бронзы и железа. Гончарная керамика в основном представлена формами, характерными для XIII в. (рис. 32, 2–4, 6, 7, 10) Среди керамического материала встречаются обломки стенок амфор.

Сооружение 84

При разборке пятна выявлено сооружение, состоящее из двух ям, разделенных перемышкой. Оно было вытянуто по линии юго-запад – северо-восток и уходило частью в западную стенку. Общие размеры комплекса – 1,6 × 2,4 м (рис. 15). Северо-восточная часть представляла собой яму с крутыми стенками, углубленную на 0,74 м. Юго-западная яма была углублена на 0,99 м, также имела крутые

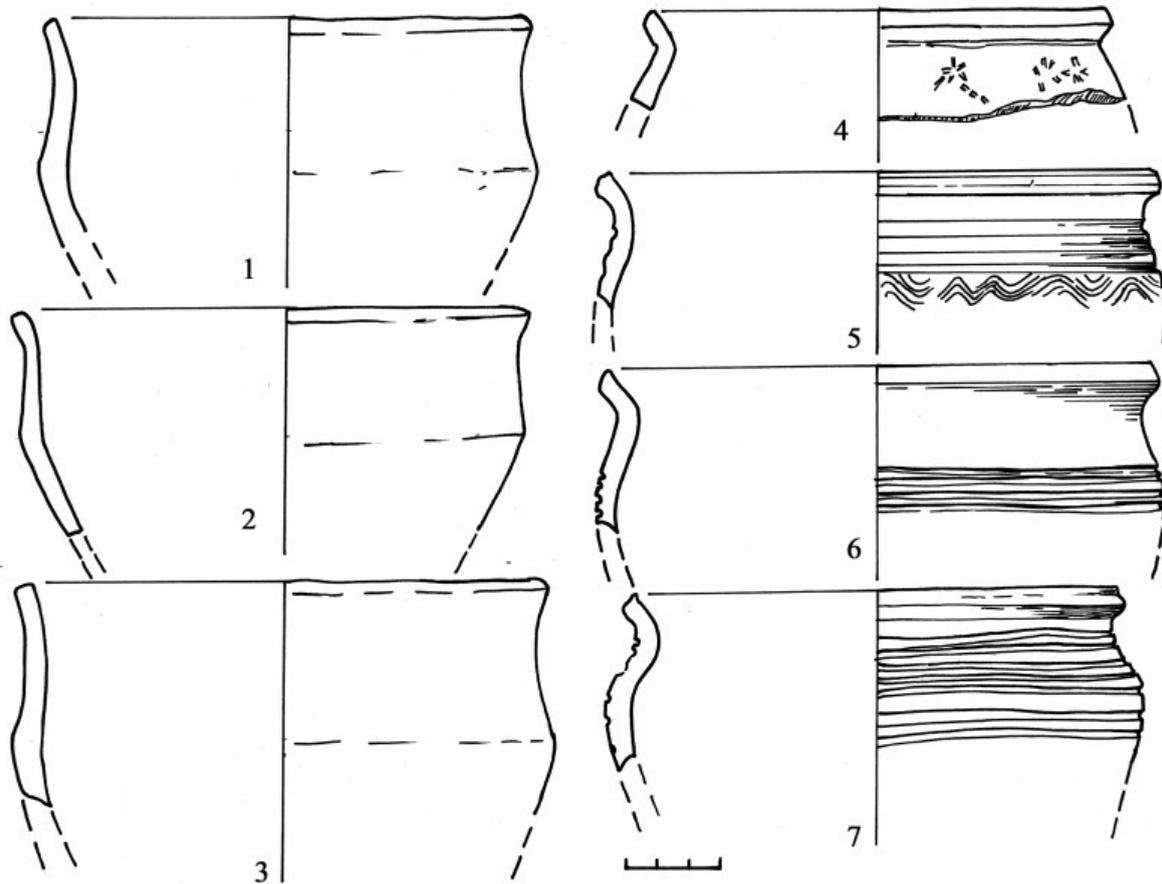

Рис. 30 Керамика из юго-восточной ямы сооружения 82-83: 1-3 – лепная, 4-7 – раннегончарная

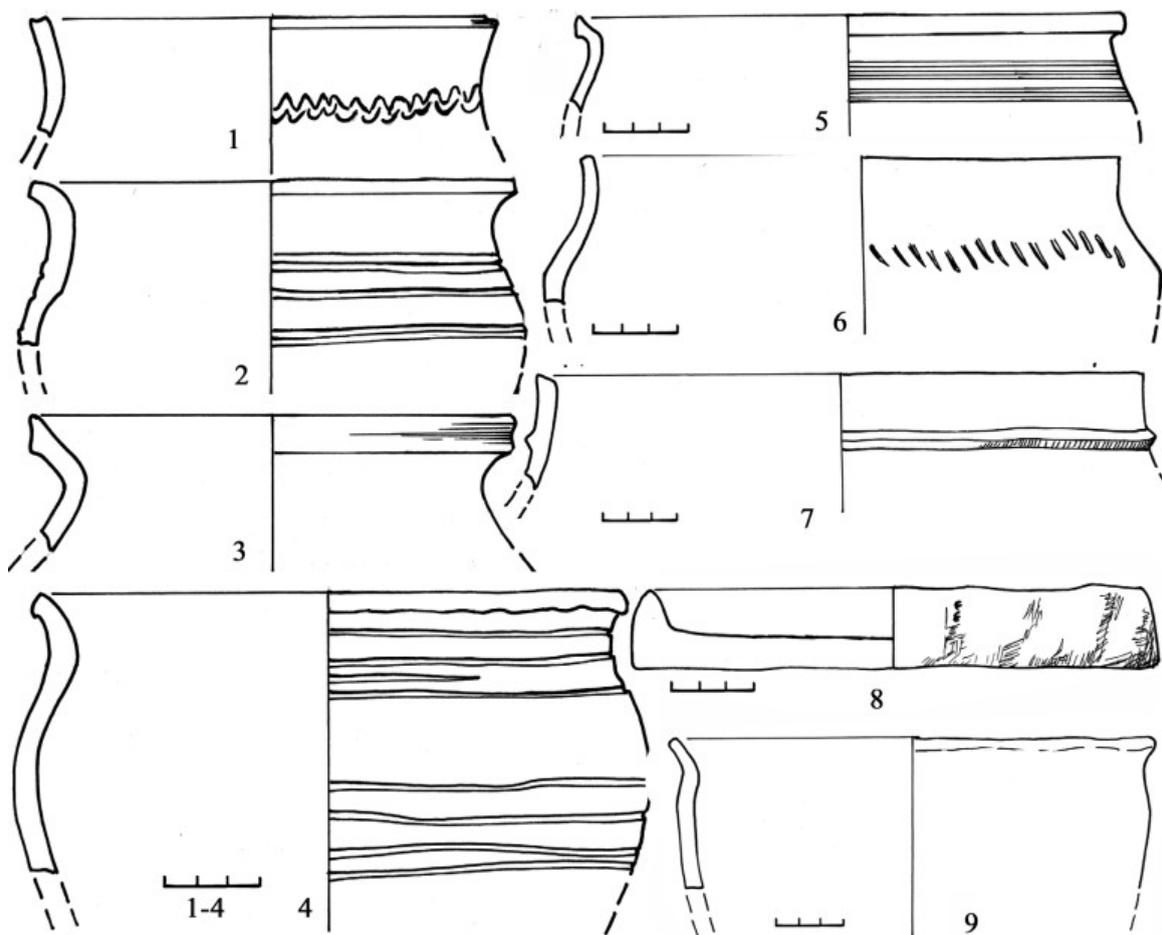

Рис. 31. Керамика из юго-восточной ямы сооружения 82-83: 1-7 – раннегончарная, 8-9 – лепная

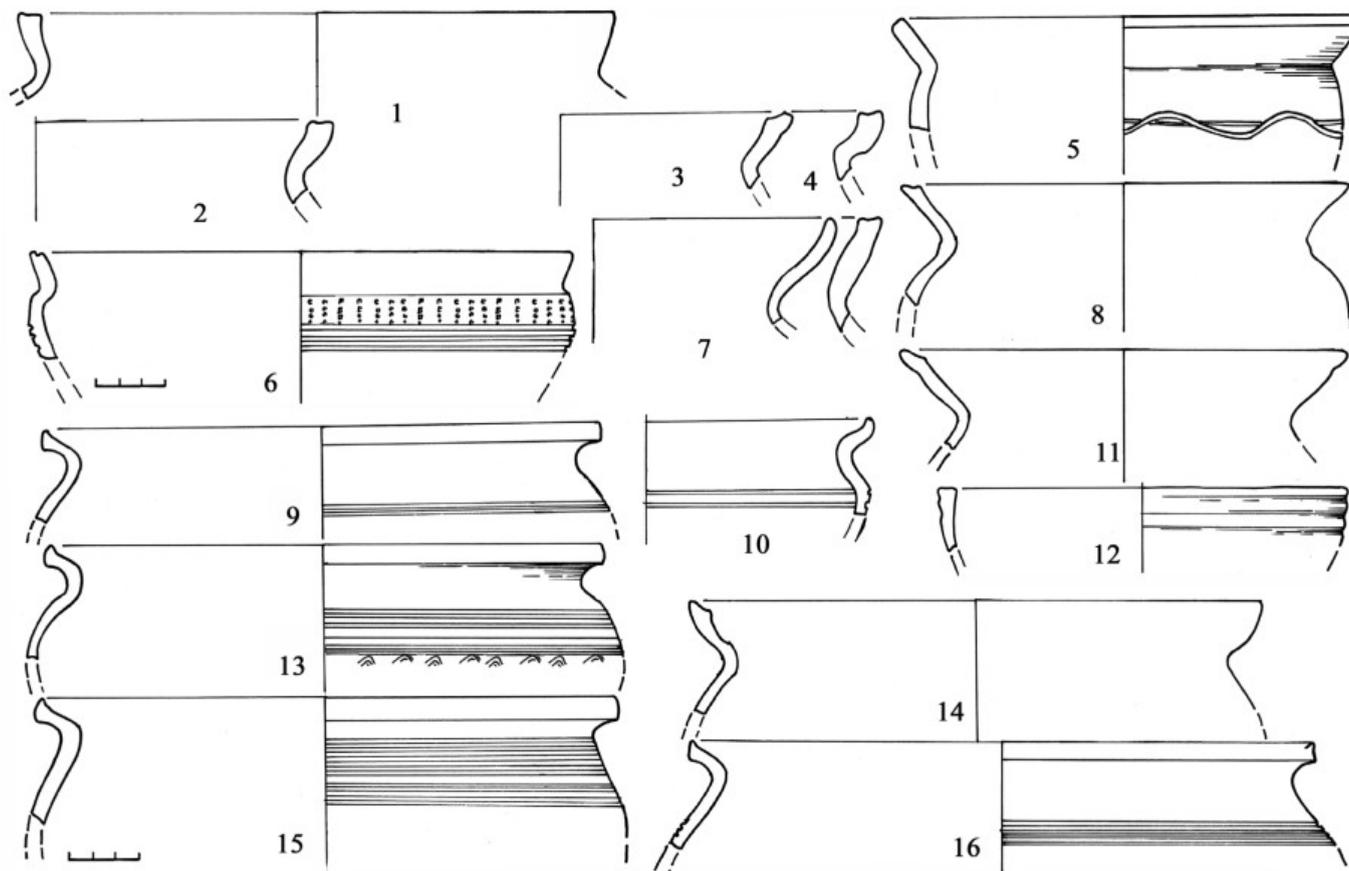

Рис. 32. Гончарная керамика из северо-западной ямы сооружений № 82–83 (2–4, 6, 7, 10) и древнерусской постройки VII (1, 5, 8, 9, 11–16)

стенки. Заполнение комплекса – темно-серый гумус с вкраплениями камней, песка и углей, при переходе к матерiku фиксировалась гумусированная песчаная прослойка.

В комплексе найдены желтая стеклянная пронизка, фрагмент желтого стеклянного сосуда, хрустальная круглая бусина, обломок оконного стекла, фрагмент железного предмета и керамика конца XII–XIII вв.

Сооружение 85

В результате расчистки пятна серого гумуса разобрано удлиненное сооружение, вытянутое по линии запад–восток, состоящее из трех частей (рис. 15), шириной 0,6 м у восточной стенки, в центральной части 1,6 м, у западной стенки 1,16 м, уходящее и в западную и в восточную стенки. Западная часть имела удлиненную форму и была углублена на 0,32 м. С востока к ней примыкала яма округлой формы с пологими стенками, глубиной 0,53 м. Далее к последней в том же направлении присоединялось небольшое вытянутое углубление глубиной 0,21 м. На уровне материка зафиксирована нижняя часть ямы, которая, судя по разрезу восточной стенки, была впущена в культурный слой с глубины –1,2 м, таким образом, ее реальная

глубина составила около 0,6 м. Заполнение – серый гумус, перемежающийся линзами красной глины и прослойками угля.

Судя по керамическому материалу и находкам, данный комплекс содержит вещи разного времени – от X до XI–XV вв. Видимо, это связано с неоднократными перекопами и нарушениями. Так, в частности, в заполнении ямы найдены вислая свинцовая печать с изображением святого Анания на одной стороне и княжеской тамги в виде треугольника острием вверх на другой, по определению В. Л. Янина, данная печать относится к XII–началу XIII в., фрагмент желтого стеклянного сосуда, обломки стеклянных браслетов и пастовая печеночно-красная бусина, орнаментированная белой волнистой полосой, железная пряжка с бронзовым язычком, бронзовая четырехугольная накладка, два ножа (рис. 24, 17), железная скобочка, гвозди, венчик тигля, возможно, обломок медного сосуда, детали бронзовых и железных предметов неясного назначения, а также фрагменты амфорной тары и керамической плитки, т. е. основной комплекс находок относится к древнерусскому времени. В то же время среди предметов встречены половина дирхема, ладейные заклепки и обломок

глиняного диска – предметы, тяготеющие к более раннему периоду. Такая же картина наблюдается и в керамическом материале – значительная часть сосудов относится к XIV–XV вв., хотя присутствует и лепная керамика.

Сооружение 86

При разборке пятна черного гумуса с включениями угля была разобрана углубленная в материк яма овальной формы размерами 1,2 × 2,2 м, глубиной 0,2 м с плоским дном и пологими стенками (рис. 15), заполненная черным гумусом с примесью песка. При ее разборке встречены наконечник

стрелы, три фрагмента ладейных заклепок и обломок тигля. Стрела черешковая, плоская, имела ромбовидную форму и относится к группе стрел так называемого «новгородского типа» (Медведев, 1966. Рис. 40, 12, 13; 42, 7, 8). Их особенностью является отсутствие упора для древка. Подобные наконечники были широко распространены на севере Восточной Европы с рубежа нашей эры и до конца XIII в. Керамика в сооружении представлена лепными и раннегончарными сосудами. С юго-запада комплекс был нарушен средневековой постройкой.

Древний ров

При раскопках 1987–1989 гг. удалось зафиксировать падение дневной поверхности городищенского холма в восточном направлении, достигающее в отдельных местах 45°, которое позже было сnivelировано мощной песчаной засыпью. Таким образом была выявлена западная часть древнего рва, окружавшего возвышенную часть городищенского холма площадью 1–1,2 га. В результате работ 2006–2010 гг. удалось проследить границы восточного склона данного фортификационного сооружения и начать разборку его заполнения.

Раскопы 2006–2010 гг. были расположены таким образом, что примыкали к южному краю раскопа 2005 г., к западному краю одного из раскопов 1980 г. и восточной части траншеи 1989 г. Именно в этой траншее впервые был обнаружен западный склон рва, разделявшего укрепленную и неукрепленную части Городища. Восточный внешний склон рва удалось выявить в раскопе 2006 г. (рис. 33). Соединив все эти раскопы вместе, мы получили возможность точно высчитать ширину рва и зафиксировать стратиграфию его заполнения.

Общая ширина рва достигала 27–28 м. Ров шел по направлению северо–северо-запад – юго–юго-восток. Работами 2006–2010 гг. был исследован восточный внешний склон рва, который имел ступенчатый рельеф (рис. 34). Его глубина доходила более 4 м от древней дневной поверхности (верхняя нивелировочная отметка – 232, нижняя – 665).

Ямы на дне рва

На дне рва выявлены две ямы. Одна из них, зафиксированная в кв. 56–59, имела овальную форму 2 × 4 м, глубиной 1,11 м (нижняя нивелировочная отметка -721). При разборке ее заполнения гумусированного песка с вкраплениями угля встречен небольшой черепок эпохи раннего металла. На краю ямы к северу была зафиксирована часть скелета коровы в антропологическом порядке (рис. 33).

Половина второй ямы располагалась в северо-западном углу участка рва, разобранного до материка в кв. 107–108, и она попала в основной разрез рва (рис. 33, 34, 35). По заполнению она ничем не отличалась от предматерикового слоя, который будет охарактеризован далее. При разборке ее заполнения встречены мелкие кусочки керамики (15 от лепных сосудов и 2 от раннегончарных). Среди керамики зафиксирован небольшой фрагмент глиняной формочки (ил. 17, 5). Отпечаток на ней свидетельствует, что она предназначалась для отливки равноплечной фибулы типа Р-58.

Предматериковый слой и его характеристика

Нижняя часть рва была заполнена песком с многочисленными включениями черных гумусированный прослоек (рис. 34, 35). Данный слой образовался в результате естественного заплывания рва. Мощность его составляла от 0,25 до 1 м. В этом предматериковом слое встречались фрагменты лепной керамики и 79 различного рода находок, большинство из которых маловыразительны. Среди них обломки различных предметов из цветного металла и железа (10), 3 целых и 7 фрагментов ладейных заклепок, 2 небольших гвоздика, 4 обломка ножей, 2 ледоходных шипа, 13 фрагментов от миниатюрных тиглей, небольшой рыболовный крючок и 3 инструмента – шило (ил. 16, 17) и два зубильца (ил. 16, 20). Из более значимых находок следует упомянуть бронзовую деталь от коромысла весов (рис. 36, 2), трапезиевидную бронзовую подвеску (ил. 18, 18), половинку дирхема и трехлопастной черешковый наконечник стрелы (типа рис. 9, 2). Кроме того, в предматериковом слое найдены 13 стеклянных бус и 2 каменные. Последние представлены четырнадцатигранной хрустальной бусиной и многогранной сердоликовой. Среди стеклянных бус зафиксировано 6 рубленых бисерин (3 желтые, 2 синие и 1 бесцветная), 2 пронизки (трехчастная

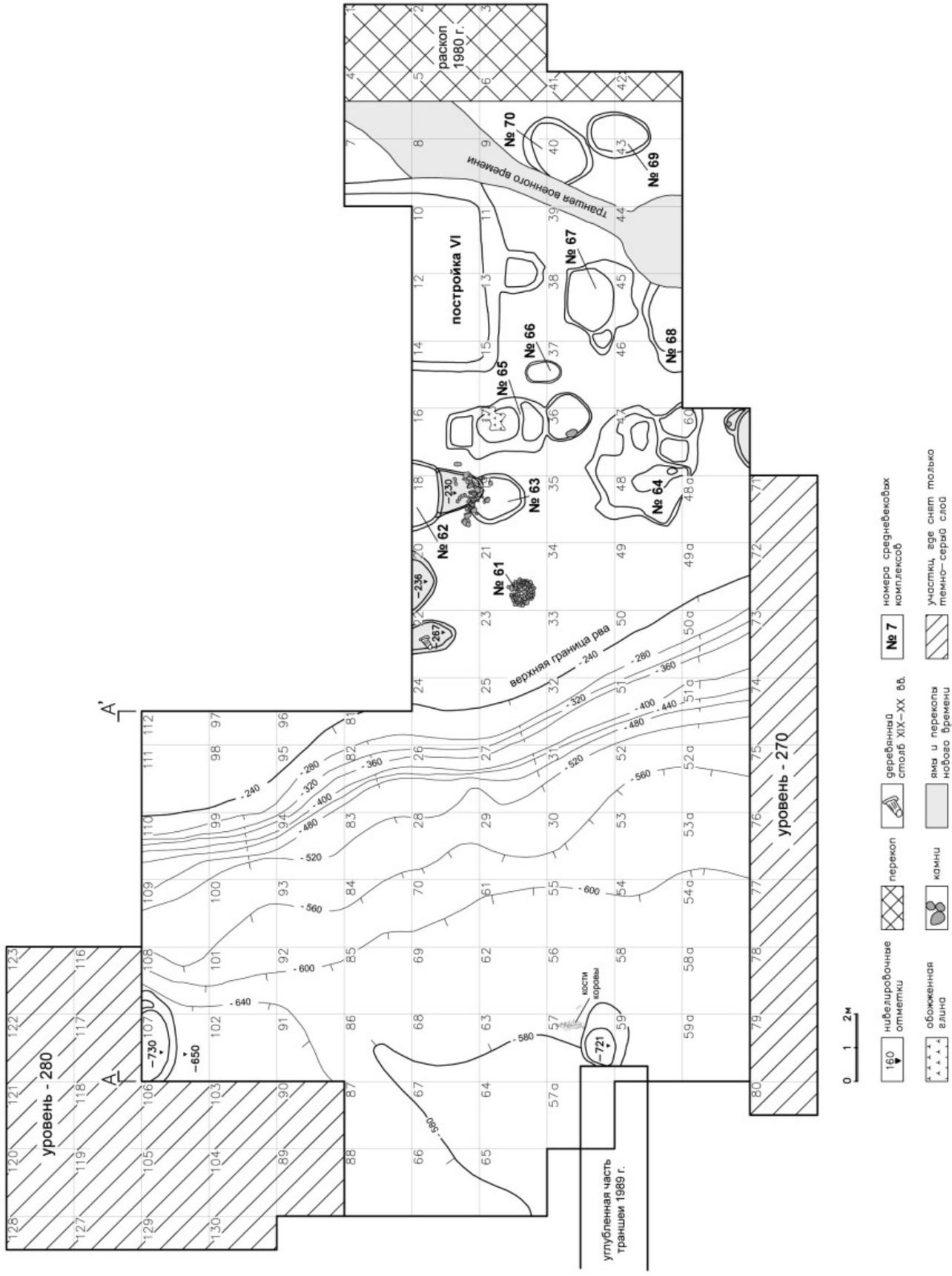

Рис. 33. План рва

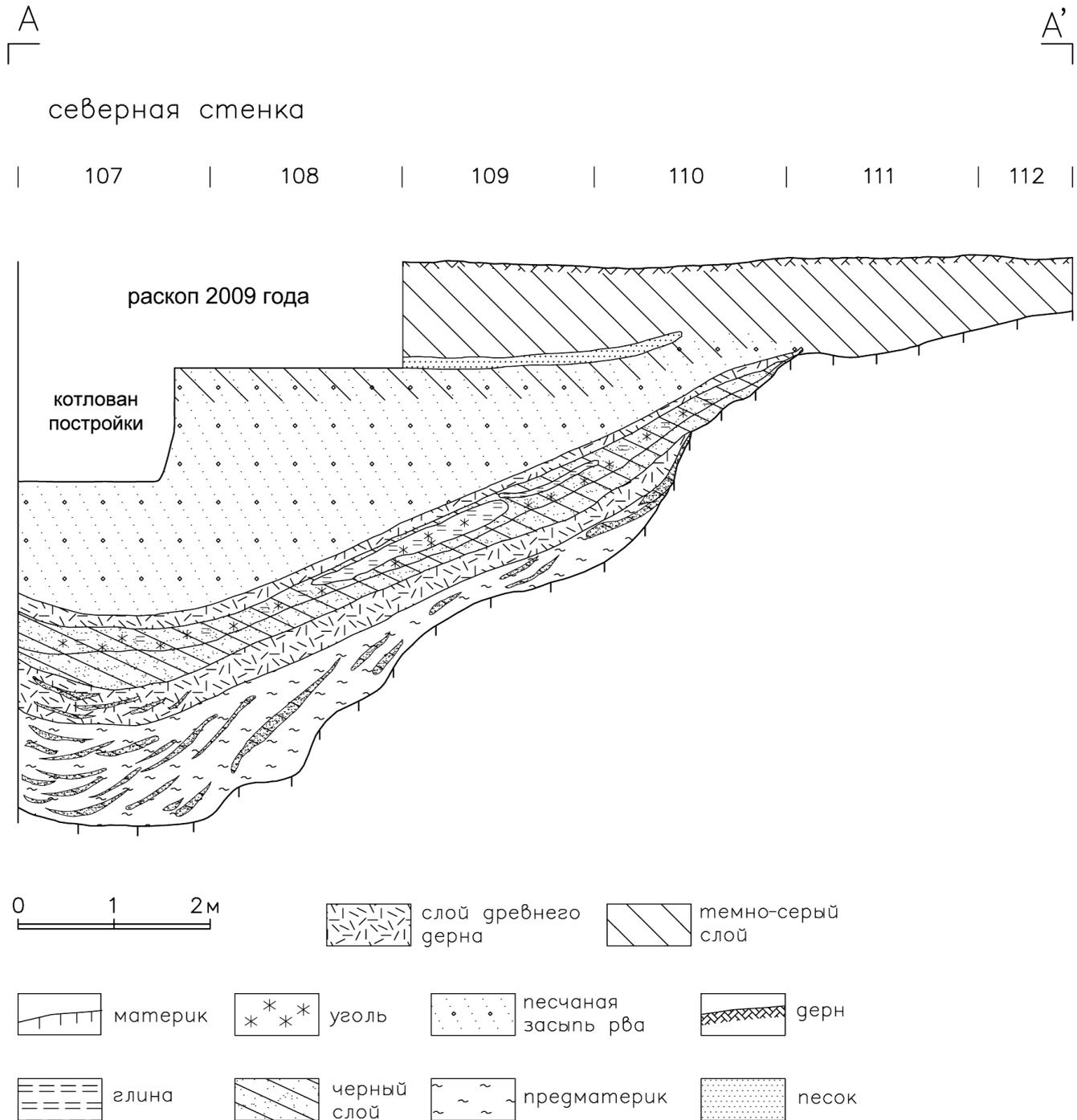

Рис. 34. Стратиграфический разрез рва (северная стенка)

серебrostеклянная и двухчастная золотостеклянная), 1 зонная бусина из зеленого прозрачного стекла, небольшая круглая зеленая бусина с желтыми полосками, синяя неправильной овальной формы с полосками, а также 2 темно-синие бусины по форме подражали каменным четырнадцатигранным бусам, но грани их были окатаны, за счет чего они имели не столь правильные очертания. Из предматерикового слоя происходят еще 4 костяных предмета: проколка, навершие или рукоять инструмента

(шила?) (типа ил. 19, 11), большой фрагмент рога лося со следами спилов и хорошо отделанная орнаментированная трехлопастная пластина с отверстием в центре (ил. 19, 6). Последнее изделие имеет аналогию в Старой Рязани из перемешанного культурного слоя. Авторы публикации отнесли ее под вопросом к накладке седла (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 327, табл. 99, 3). К редким находкам относятся 5 фрагментов глиняных литейных формочек, на одной из которых сохранился отпечаток части прямоугольной

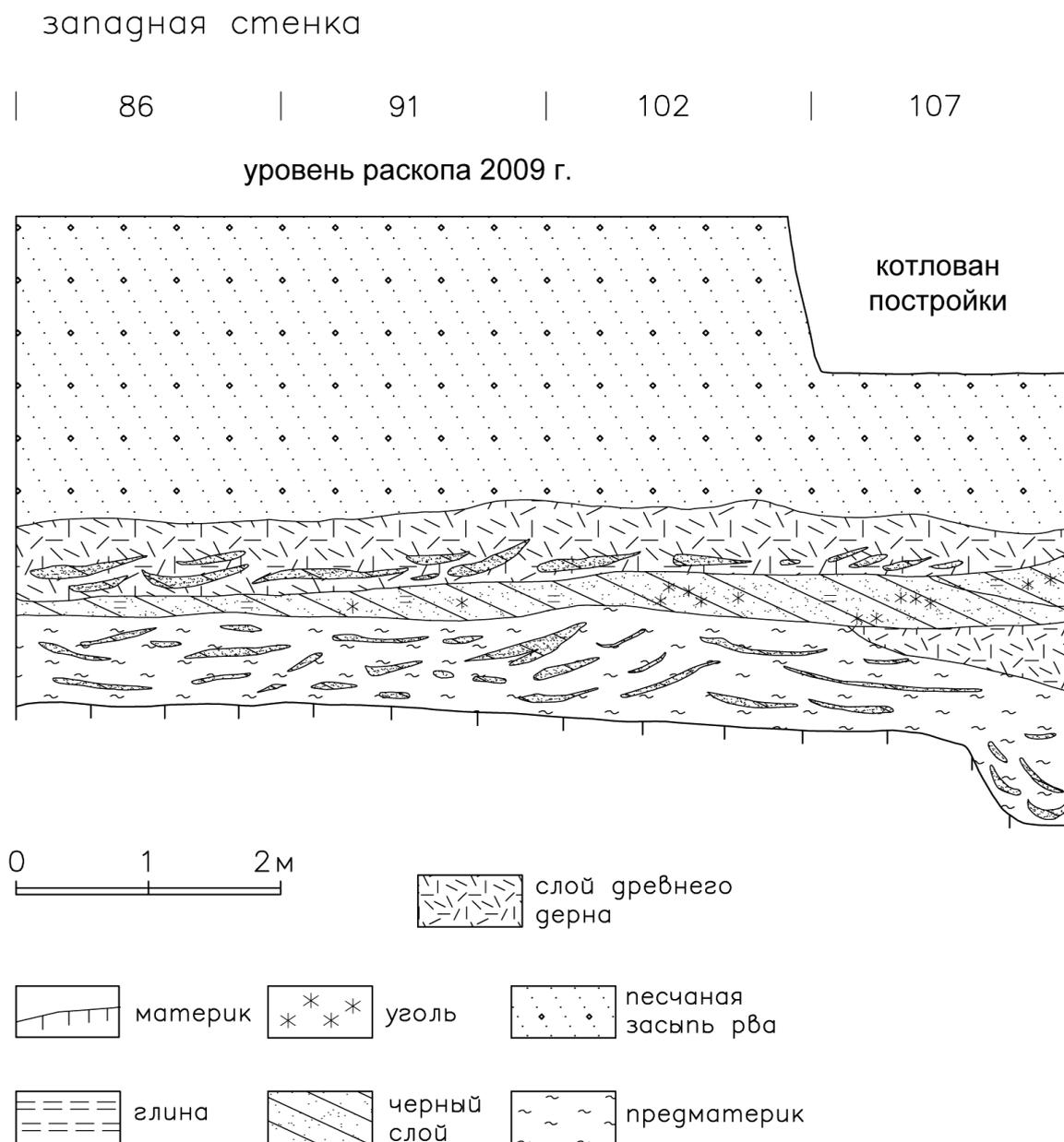

Рис. 35. Стратиграфический разрез придонной части рва (западная стенка)

бляшки (ил. 17, 3), а на двух других – края бортиков от круглого украшения (ил. 17, 2, 4). В предматериковых отложениях в основном была зафиксирована лепная керамика сильно фрагментированная. Лишь отдельные обломки венчиков удалось реконструировать. Встречены венчик и несколько стенок разных раннегончарных сосудов с грубым линейным орнаментом, а также два фрагмента стенок сосудов эпохи раннего металла. По заключению В. М. Горюновой, формирование керамического комплекса из предматерикового слоя закончилось не ранее рубежа IX–X вв. или в первые десятилетия X в.

Над предматериковым слоем фиксируется темно-серый песчанистый слой мощностью до 0,40–0,48 м, отличающийся тем, что в нем практически

отсутствуют находки (рис. 34, 35). По мнению сотрудников Института географии РАН А. Л. Александровского и А. В. Долгих, данный слой можно интерпретировать как древний почвенный слой. Таким образом в древности уже на первом этапе существования рва его склоны задерновались. В нижней части на дне рва картина несколько смазана слоистыми гумусированными прослойками, образовавшимися в результате постоянного стекания воды на дно рва (Александровский и др., 2014. С. 100).

На образовавшийся почвенный покров, при нивелировке участка, примыкавшего с востока ко рву, был по склону сброшен черный культурный слой (ил. 20, 21). Он представлял черную гумусиро-

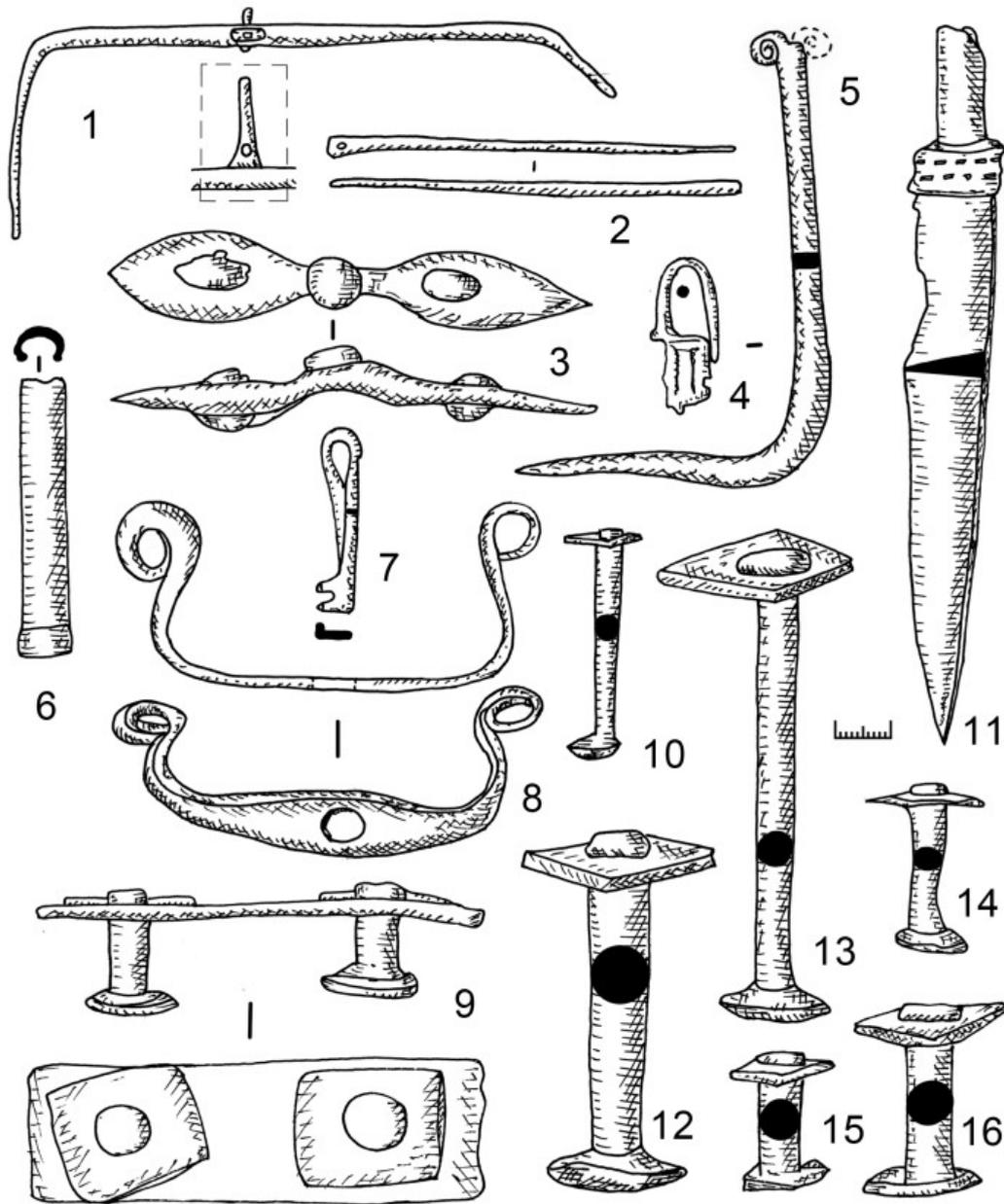

Рис. 36. Находки из черного культурного слоя X в.

ванную массу с коричневыми прослойками перетлевшего дерева и большим количеством углей. Его мощность от 0,20 до 0,70 м (рис. 34, 35). Местами в черном слое наблюдалось много пережженных до дресвы камней. Как показывают многолетние исследования, судя по характеру залегания данного слоя – единым пластом по склону, он был сброшен одноактно при выравнивании площадки Городища восточнее рва. Ко дну рва черный слой расслаивается и выклинивается. По сути, данный слой является «археологически закрытым комплексом», поскольку в него попали остатки сооружений и вещи одной эпохи. Ассортимент находок в черном слое, полученных в течение последних лет, позволяет сделать однозначное заключение, что за

пределами городищенских укреплений с внешней стороны рва находилась производственная зона. Неслучайно в 2006 г. на краю рва впервые на памятнике был найден ремесленный комплекс, связанный с бронзолитейным производством, а также остатки глинобитной печи.

Черный слой был насыщен скоплениями обожженных камней и кусков глины, причем это были не просто разрозненные камни и куски глины, а явно переотложенные единой массой производственные горны и печи. Кстати, это еще раз доказывает, что культурный слой в ров был сброшен единовременно и целенаправленно. При иной ситуации остатки производственных комплексов не могли бы оказаться практически монолитными

скоплениями на склоне рва. При постепенном разрушении они рассредоточивались бы, прежде всего, на самой площадке поселения и по склону рва на разных уровнях.

В целом, в отличие от темно-серого культурного слоя, в черном слое преобладали целые изделия и различные обломки вещей из черного металла. Назначение многих из них (пластин, стержней, всевозможных крючков, обломков проволоки, колец, скоб, черешков и т. п.) определить невозможно. Однако состав находок из черного слоя настолько специфичен, что мы начнем рассмотрение с вещей, которые в нем преобладали или подчеркивали его особенность.

Характеристика находок из черного культурного слоя

Находки, связанные с ремесленным производством

Большинство находок носит явно производственный характер: железные крицы, шлаки, пережженные камни и прокаленные куски глины от печей и горнов. Здесь встречено более 100 фрагментов тиглей, причем преобладали тигли средних размеров и миниатюрные. Среди них два удалось склеить и восстановить целые формы. Это были два округлодонных стакана, один имел подтреугольное устье (ил. 17, 1) (тип Б – Горюнова, 2016. С. 43), а второй – круглое (ил. 17, 9) (тип А – Там же). По мнению В. М. Горюновой, сочетание тиглей этих двух форм характерно для памятников IX–первой половины X в. (Там же). Внутри на стенках отдельных экземпляров тиглей сохранились остатки бронзы, капельки серебра и даже золота.

К редчайшим предметам, связанным с бронзолитейным производством, относится глиняная форма, на которой имеются оттиски круглой подвески скандинавского типа и ширококорой лунницы. Сохранилась лишь часть формы (ил. 17, 6). Она имела ручку, которая была обломана. На Городище это вторая глиняная форма с отпечатком круглой подвески, первая была найдена во время раскопок 1980-х гг. (Носов и др., 2005б. Табл. 29, 8). Анализ негативов подвесок показывают, что отпечатки на обеих формочках похожи. Здесь мы имеем оттиск круглой ажурной подвески в стиле Борре. Хотя оттиск не очень четкий, тем не менее можно рассмотреть основные детали этой подвески, прежде всего звериную мордочку под гофрированным ушком для подвешивания и двойную рифленую ленту по краю изделия, перехваченную по крайней мере в двух местах лапками животного. Эти

черты позволяют отнести ее к кругу подвесок так называемого Гнёздовского типа или подвесок типа Riddarholmen группы В, согласно Ю. Калльмеру (Callmer, 1989. S 24, 29). Данный тип подвесок был наиболее распространен на территории Восточной Скандинавии и Восточной Европы в период IX–X вв. Лунница, оттиснутая на той же глиняной форме, также может быть датирована этим же временем, хотя обычно считается, что такие ширококорые лунницы бытовали в XI в. Декор лунницы соответствует основному линейно-геометрическому характеру орнамента русских подвесок-лунниц. Фактически отпечаток на формочке представляет собой упрощенную имитацию роскошных подвесок, выполненных в стиле перегородчато-зерненого орнамента (Жилина, 2005. С. 72). Зигзагообразные линии играют роль перегородки, а многочисленные углубления при отливке должны воспроизвести зерненный орнамент.

В слое была найдена исключительно редкая находка для поселений лесной зоны Восточной Европы – моток золотой проволоки (ил. 22, 2), свидетельствующая об изготовлении престижных вещей прямо на Городище (подробнее см. Главу 4, с. 152).

В черном слое явно наблюдается концентрация инструментов (66 экз.), связанных прежде всего с бронзолитейным производством. Преобладали разного размера зубильца и зубила (44 экз., ил. 16, 1–5, 7–9, 11–13, 20). Встречены также 11 шильев (ил. 16, 17–19) и ювелирные клещи (ил. 16, 16). Фактически отсутствуют инструменты, связанные с деревообработкой (все сверла встречены в темно-сером слое) и с обработкой черного металла, к последней группе можно отнести только заостренный инструмент типа бородка (ил. 16, 10), который использовался при кузнечной ковке (Колчин, 1959. С. 19). В тесной связи с инструментами следует рассматривать достаточно значительное количество обломков оселков (40 экз. – 37 сланцевых и 3 из песчаника), причем только 21 % имели небольшие размеры. Единичные экземпляры (6) имели правильную удлиненную форму, расширяющуюся книзу, с отверстиями для подвешивания. Многие точильные камни сильно потертые. Несомненно, большинство из них служили для заточки инструментов и постоянно были востребованы. Из общей массы точильных камней выделяется обломок небольшого аккуратного оселка из полосатого сланца (3,5 см длины), с недосверленным отверстием (рис. 12, 1). Интересно, что на нем нет следов использования. И. Янссон, исходя из находок в Бирке, полагал, что подобные изделия носились мужчинами в качестве амулетов (Янссон, 1999. С. 35). В данном слу-

чае, видимо, при высверливании отверстия камень треснул и его выбросили, так как по качеству самого сланца он не очень пригоден для использования в виде точильного инструмента (Там же).

Особое место в необычной количественной концентрации занимают самые простые изделия, широко распространенные на Севере Руси, заклепки.

Заклепки

За железными заклепками в археологической литературе укрепилось наименование «ладейные» заклепки, поскольку они часто использовались в кораблестроении. Однако еще Б. А. Колчин, рассматривая технику изготовления заклепок, в свое время отмечал, что спектр применения заклепок был достаточно широк. Кроме кораблестроения ими крепились «скобы и умбоны к деревянным древнерусским щитам, на заклепках ставили железную оковку на деревянные лари» (Колчин, 1953. С. 126).

По нашим данным, при разборке непосредственно черного культурного слоя зафиксировано 109 целых и 125 фрагментов заклепок (всего 234). Все целые заклепки были расклепаны (рис. 36, 9, 10, 12–16). Причем они концентрировались на площади 188 кв. м (на отдельных квадратах встречалось от 20 до 50 экземпляров). Приведенные данные ярко контрастируют на фоне общей статистики находок заклепок по всем раскопам центральной части Городища (1980–1989 гг. и 2005–2010 гг.), где на площади в 1338 кв. м в темно-сером перемешанном культурном слое было встречено только 99 разрозненных заклепок, причем больше половины в обломках⁷.

По подсчетам Г. Е. Дубровина, в Новгороде на 2000 г. было найдено всего 50 заклепок на 15 раскопах, включая Неревский раскоп и семь Троицких, где имелись материалы X в. и последующего времени (Дубровин, 2000. С. 34). Изученная в Новгороде площадь в десятки раз превышает исследованную на Рюриковом городище.

Обращает на себя внимание многообразие размеров городищенских заклепок. Наибольшая группа заклепок имела средние размеры и могла скрепить доски 2–3 см толщины, единичные экземпляры соединяли две доски свыше 3 см, но 20 % от всех целых заклепок не могли использоваться для кре-

⁷ Специальная работа по фиксации и классификации заклепок Рюрикова городища была проведена сотрудником нашей экспедиции В. Л. Полигаевым. По его подсчетам, в 2005–2010 гг. всего было найдено 266 экземпляров, из которых полностью сохранились 127.

пежа досок обшивки корабля, шпангоутов и других крупных деталей, так как ими можно было только соединить элементы толщиной в 1 см, а иногда и меньше. Кроме того, имеется группа заклепок с тонкими стержнями до 0,5 см. В одном случае была найдена железная планка с двумя заклепками (рис. 36, 9), которая могла скреплять деревянные детали около 1 см толщиной. Традиционно считается, что заклепками соединяли доски при клинкерной обшивке кораблей (Сорокин, 1997. С. 42, 43). Общеизвестно, что заклепки являются обязательной деталью судового крепежа, традиционно использовавшегося в североевропейском кораблестроении (Херрман, 1986. С. 92; Стальсберг, 1998. С. 277–286). С проникновением скандинавов в лесную зону Восточной Европы туда пришла и техника крепления железными заклепками. По мнению большинства исследователей, находки заклепок трассируют распространение судов скандинавского типа по территории Руси (Леонтьев, Носов, 2012. С. 394). Однако в жизни использование заклепок далеко выходило за рамки исключительно судостроительных работ (Колчин, 1953. С. 126).

Стержни городищенских заклепок в основном были округлые в сечении, но в некоторых случаях на них оставались грани. Технология изготовления гвоздей и заклепок была достаточно простой и подробно описана Б. А. Колчиным (Там же. С. 124–126). Форму стержню придавали после нагрева прута во времяковки. В североевропейской литературе существует мнение, что у разных народов заклепки различались. Так, Я. Билль полагал, что у скандинавов стержень заклепки был круглый, а у балтов и славян – четырехугольный (Стальсберг, 1998. С. 279, 280)⁸. На наш взгляд, эта дискуссия несколько надуманна. Сечение стержня зависело от тщательности его проковки кузнецом, а не от этнической принадлежности мастера. Получение округлой формы требовало дополнительного выравнивания, т. е. больших производственных усилий. Круглую форму было легче придать более толстым стержням, а на тонких почти всегда оставались более резкие грани. Отметим, что заклепки вставлялись в просверленные круглые отверстия, и целесообразно их было делать именно круглыми, чтобы не оставалось зазоров. Мелкие и тонкие заклепки могли вбиваться как гвозди, которые, как правило, имели четыреху-

⁸ Как считал О. Крумли-Педерсен, подчетыреугольные в сечении заклепки были характерны для поздних скандинавских и английских клинкерных судов (Crumlin-Pedersen, 1991. P. 72).

гольное сечение, без большой угрозы появления продольно-волоконистых трещин и расщепления дерева.

Возникает вопрос, почему на данном участке среди множества предметов, связанных с ремесленным производством, прежде всего бронзолитейным, оказалось так много заклепок. Исследованная площадка, за рвом, несомненно, относилась к ремесленной зоне поселения в центральной части Городища, возвышавшейся более чем на 10 м над уровнем Волхова в летнюю межень, и находилась более чем в сотне метров от кромки древней береговой линии. Поскольку все целые заклепки были расклепаны, то попали они сюда в свое время еще вместе с деревянными деталями, которые соединяли. Судя по размерам, большинство заклепок, но не все, могли скреплять судовые детали. Однако сами «списанные» суда, безусловно, разбирались около берега. Владельцы вряд ли позволяли себе тащить их за сотни метров для утилизации. У берега отбирали доски и дерево хорошей сохранности, пригодные для дальнейшего вторичного использования при строительстве и изготовлении тех или иных бытовых предметов. В производственную зону приносили, конечно, не только доски с заклепками, но и доски, скреплявшиеся нагелями, и вообще доски без крепления. Здесь, видимо, собирались части разных деревянных предметов, вышедших из употребления, а не только снятые с ладей. На наш взгляд, данный участок с огромной концентрацией заклепок можно назвать на современный манер «складской базой» материала для ремесленной площадки Городища.

Сравнивая заклепки Новгорода и Городища, Г. Е. Дубровин обратил внимание, что новгородские экземпляры отличаются от городищенских по определенным параметрам размеров, в частности диаметру ножки. Большинство заклепок Рюрикова городища соответствуют размерному диапазону скандинавских изделий, а в Новгороде в эти размерные рамки попадают только 30 %. Исследователь делает вывод, «что суда, представленные материалом с Рюрикова городища, были ближе к известным скандинавским аналогам, нежели плавсредства, зафиксированные непосредственно в Новгороде» (Дубровин, 2000. С. 36). Здесь можно отметить, что между новгородскими и городищенскими изделиями существует и хронологическое неравенство. Заклепки с Городища все же датируются в рамках второй половины IX–начала XI в., а новгородские находки имеют разброс от X до первой половины XIV в. Г. Е. Дубровин выде-

ляет в Новгороде вторую хронологическую группу заклепок – 90-е гг. XII–первая половина XIV вв. Возможно, ранние новгородские заклепки как раз и попадают в те 30 % схожих со скандинавскими и городищенскими. Появление в Новгороде второй поздней группы заклепок само по себе явление примечательное, тем более что одновременно в XIII–XIV вв. заклепки распространяются и в Пскове (Там же). Это свидетельствует лишь о том, что однажды пришедшая из Скандинавии традиция была воспринята на местной почве и могла возобновляться уже независимо от внешних импульсов. П. Е. Сорокин подчеркивал, что использование заклепок в Пскове, «видимо, связано с географическим положением Пскова, поддерживавшего прямые контакты с Балтийским регионом» (Сорокин, 1997. С. 97).

Итак, кроме Скандинавии заклепки были широко распространены как на территории Северной Руси, так и у населения южного побережья Балтийского моря. Причем, как показывают археологические факты, спектр их использования не ограничивался только судостроением. При раскопках финского могильника Залахтове в 9 погребениях XI–XII вв. были встречены заклепки. В трех случаях их использование вполне очевидно. Так, в погребении по обряду кремации заклепками был прикреплен железный умбон к несохранившейся деревянной части щита. Во втором случае в захоронении девочки находилось скопление мелких заклепок (около 30), видимо, от ларца, который был поставлен в ноги погребенной, а в третьем – заклепками по углам было скреплено гробовище (Хвоцинская, 2004. Табл. XI, 16; XLVII, 9–13; С и С1, 17–21).

Анализ материалов по погребальным памятникам Скандинавии показывает, что нередко умерших, прежде всего женщин, хоронили в кузовах небольших повозок размеров 1 × 2 м и глуб. 0,45 м (например, Бирка № 1131 – Швеция, Фюркат / Fyrkat – Дания) (Gräslund, 1980. P. 24; Price, 2002. P. 149–153). Всего на территории Дании и Северной Германии А.-С. Граслунд упоминает еще о 14 захоронениях подобного типа, из которых 11 женских. Все они датируются X в. (Gräslund, 1980. P. 24). Кроме того, в качестве гробовищ использовались большие сундуки и одиночные сани⁹ (Ibid. P. 25). Все эти вместилища для умершего были сделаны с применением заклепок. Также среди погребаль-

⁹ Использование саней для захоронений женщин неслучайно, так как легкие сани были женским видом транспорта, мужчины ездили верхом на лошади.

ного инвентаря зафиксированы сундуки, окованные с помощью заклепок (Бирка № 834,) (*Arbman*, 1943. S. 307; *Price*, 2002. P. 135–139). Известно захоронение, где сундук был помещен в ладью (Валсгарде № 7 / Valsgårde) (*Gräslund*, 1980. P. 24). В исключительных случаях заклепки использовались для крепления погребальных колод (могильник Рога Хорстат / Råga Hörstad – Южная Швеция). Скандинавские исследователи подчеркивают, что скопления заклепок, происходящим из погребений, совершенных по обряду кремации, трудно дать однозначное объяснение в связи с широким спектром их использования (*Ibid.* P. 25).

Таким образом, значительное количество заклепок, найденных на Городище, вполне вписывается в культурный контекст этого памятника рубежа I–II тыс. н. э. Массовое их скопление связано с ремесленной зоной, расположенной на краю рва, куда, видимо стаскивали доски для вторичного использования. Заклепки сбивали и выбрасывали, неслучайно довольно большой процент находок составляют отдельные шайбы. Также очевидно, что заклепки использовались не только в кораблестроении, и заимствованная от северных соседей традиция крепления деревянных деталей металлическими элементами на Северо-Западе Руси получила самостоятельное развитие.

Гвозди

Говоря о необычном составе находок в черном слое, нельзя не отметить еще одно скопление, казалось бы, повседневных предметом. Здесь на сравнительно небольшой площади наряду с заклепками собрано около 90 гвоздей разных размеров. Преобладают гвозди среднего размера от 30 до 60 мм, и более мелкие, но 10 % были крупные прекрасно изготовленные экземпляры (рис. 37, 9, 11, 13). Поражает то, что практически все гвозди были целыми, обломки составляли только 16 %, т. е. в ров попали целые деревянные конструкции или их детали с вбитыми в них гвоздями. Напрашивается мысль, что есть какая-то определенная связь массового скопления гвоздей и заклепок, возможно, все сказанное нами о причинах концентрации заклепок на данном участке Городище справедливо и для гвоздей.

Североевропейские древности

Своеобразие черному слою придает тот факт, что именно здесь чаще встречаются предметы и украшения, которые мы относим к североевропейским древностям, что объясняется его хронологией, не выходящей за пределы X в.

Амулеты

В черном слое выявлена достаточно представительная коллекция предметов (16), связанных со скандинавскими языческими верованиями. Прежде всего, это кованые железные гривны, перекрученные в нескольких местах (одна практически целая и 7 фрагментов) (ил. 12, 1, 7). Их относят к предметам культа, поскольку на них часто крепились подвески в виде «молоточков Тора». Три таких отдельных молоточка встречены в темно-сером слое (ил. 12, 3, 10, 12). В группу культовых предметов также входят кольца-погремушки (2 экз. – ил. 12, 2, 4), кресаловидная подвеска (ил. 12, 6), привеска-«коготь» (ил. 12, 5), связка из трех стерженьков-посохов (узкие трубчатые подвески с ушками) (рис. 38, 14) и амулет в виде миниатюрных моделей предметов вооружения (ил. 12, 9). Он имитировал щит, за рукоять которого были вложены меч и копье. Близкий по типу амулет найден в 2012 г. (ил. 12, 11). Интересен маленький каменный топорик трапециевидной формы с несовершенным отверстием для подвешивания (ил. 12, 8). Судя по всему, он сделан из гагата, этому камню с древности приписывали магическую силу. Все эти предметы культа, найденные на Городище, были подробно рассмотрены в работах Т. С. Дорофеевой (*Дорофеева*, 2012. С. 206–214; 2016. С. 227–239; см. также Приложение 1, с. 244–247, 255–257). Как неоднократно отмечалось в литературе, данные предметы лишней раз доказывают присутствие на Городище в ранний период его жизни выходцев из Скандинавии.

Фибулы

К ярким элементам скандинавской культуры относятся фибулы. В черном культурном слое зафиксировано 5 фрагментов овальных фибул: ободок (рис. 38, 3), иглодержатель (рис. 38, 2), три фрагмента ажурной скорлупы (ил. 18, 23–25) и одна равноплечная застежка (ил. 18, 19). Интересно, что после проведенной реставрации сильно коррозированных железных изделий было выявлено по крайней мере пять характерных железных игл от овальных фибул (ил. 23, 3–5). Кроме того, к группе скандинавских элементов мужского костюма относится часть кольца парадной кольцевидной булавы с орнаментальной композицией в виде двух дисков, окруженных плетеным орнаментом (ил. 18, 21). Подобные застежки уже встречались на Городище, и одна из них вообще имеет надежную дендрохронологическую дату около 900 г. (*Носов, Хвоцинская*, 2004. С. 229, 231). Кроме кольца встречены также две иглы от кольцевид-

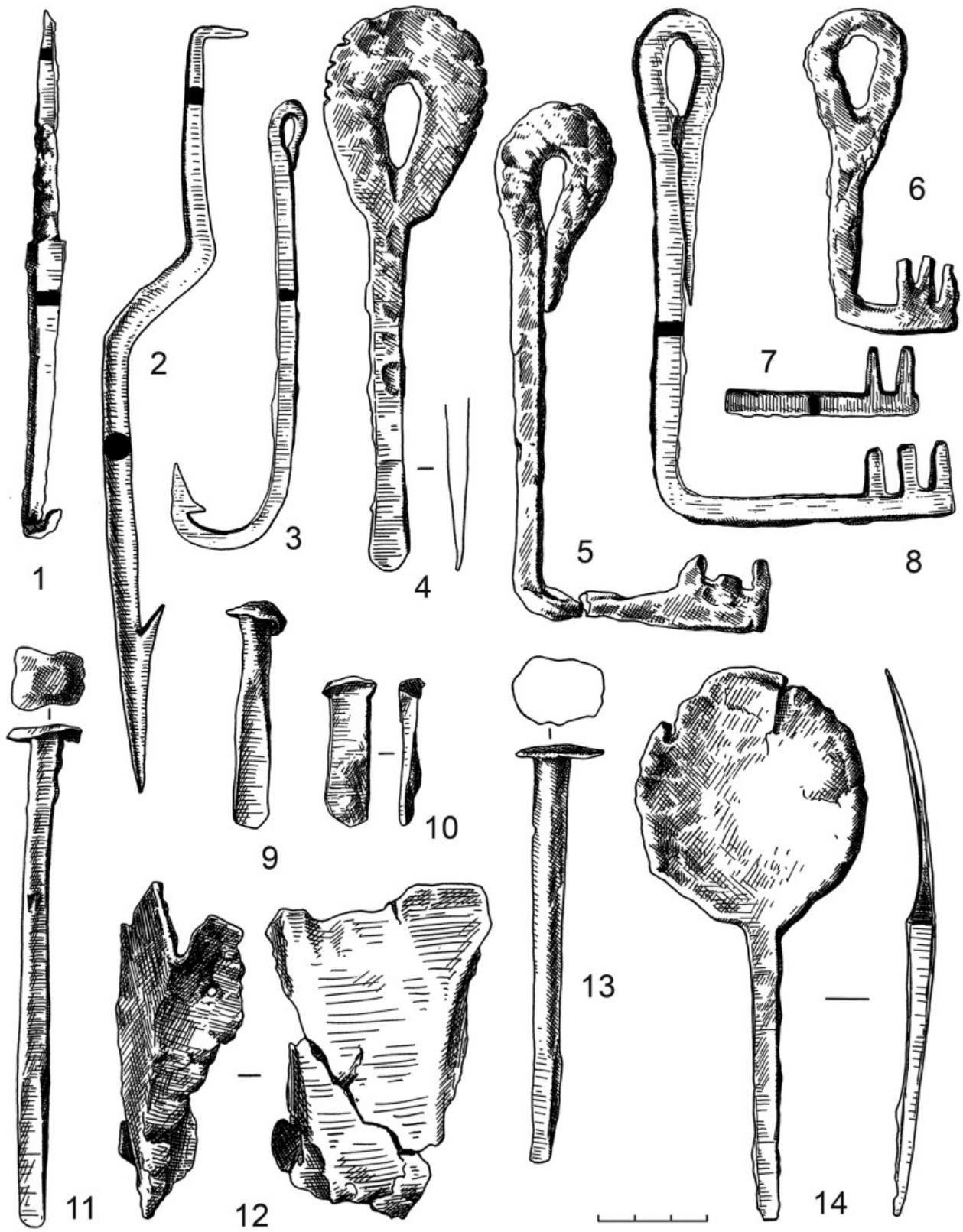

Рис. 37. Предметы из железа из черного культурного слоя X в.

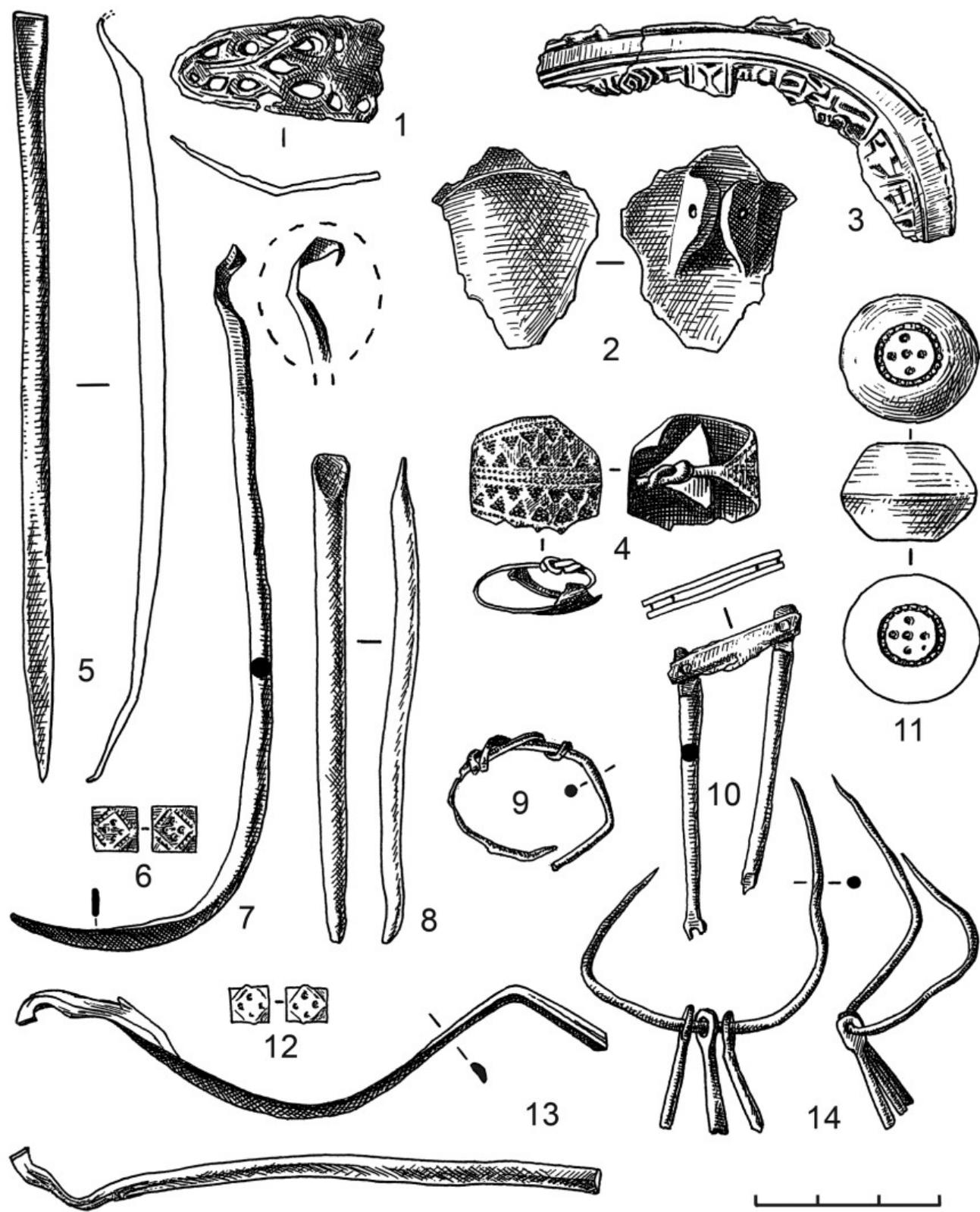

Рис. 38. Находки из черного культурного слоя X в. и песчаной засыпи рва

ных булавок с характерным уплощенным концом (рис. 38, 5, 7). В целом представленные типы скандинавских фибул типичны для Восточной Европы и Городища в частности.

Подвески

К редким находкам относятся две круглые серебряные подвески (от одной сохранилась только верхняя часть) (ил. 18, 3, 4). По данным Ю. Калльмера, они редки даже в самой Скандинавии. Подобные подвески известны по находкам из двух погребений Бирки № 823 и 884 и еще в двух пунктах восточной Скандинавии. По одному из мест находок Ю. Калльмер назвал их типом Lillå, в общей его классификационной схеме они входят в группу А – вариант 3 (Callmer, 1989. S. 23, 24). В центре подвески «перекрученный» зверь в стиле Борре. Особо рельефно выделены суставы и бедра, но в деталях орнамент понять сложно, так как подвески не очень хорошего качества. В нашем случае орнамент также смазан, поскольку это уже явно реплики с готового изделия, но тем не менее интересно, что на Городище оказались подвески столь редкого вида.

Предметы быта

В североевропейской кузнечной традиции были изготовлены и некоторые предметы быта. Мы уже упоминали о ключах с квадратными перемычками (ил. 23, 11, 13), но также в черном слое найдены лезвия двух небольших пружинных ножниц со вставками, покрытыми латунью (ил. 23, 9, 10)

Украшения и детали одежды из цветного металла

В целом в черном слое встречается немного более или менее целых вещей, связанных с деталями убора и одежды. Большую часть составляли обломки пластин, проволоки, деформированные фрагменты трудно опознаваемых изделий, одним словом, цветной лом для переплавки. Однако на некоторые предметы мы хотим обратить внимание.

Встречена целая подковообразная фибула со спиральными головками, имеющая ромбовидное сечение (ил. 18, 22). Круг аналогий подковообразным фибулам со спиральными концами достаточно широк, но ромбовидное сечение является признаком более ранней группы застежек IX–начала XI вв. (Хвоцинская, 1999. С. 47). Кроме фибулы найдено 2 иглы от подобных украшений (ил. 23, 6). Пряжки представлены двумя экземплярами: частью прямоугольной рамки (ил. 18, 15), двухчастной округлой пряжкой (ил. 18, 17) а также уплощенной иглой с орнаментом типа «волчий

зуб». К поясным украшениям относятся две бляшки: одна круглая с треугольными оловянистыми накладками, которые образуют звездчатый орнамент (ил. 18, 2), а вторая подтреугольная, ее край оформлен валиком из «перлов» (ил. 18, 9). Возможно, к наременным украшениям относится ажурная накладка, по форме напоминающая наконечник пояса (рис. 38, 1). В коллекции имеются литая круглая пуговица, декорированная пояском из мелких углублений и прямыми бороздками в нижней части (ил. 18, 12), и свинцовая заготовка для пуговицы.

Среди украшений найдено четыре подвески. Две из них представляли примитивно изготовленные трапециевидные подвески с грубо пробитым отверстием (ил. 18, 6), одна деформированная, скорее всего, грушевидный бубенчик (ил. 18, 8), а еще одна очень плохой сохранности являлась деталью лунничного височного кольца, украшенного ложнозернистым орнаментом (ил. 18, 16). Данные кольца «нитранского типа» известны на территории Восточной Европы, но местом их основного распространения во второй половине IX–первой половине X в. были восточноморавские земли (см. Приложение 1, с. 247).

К следующей группе украшений можно отнести три перстня. Два из них входят в группу широкосредних с завязанными концами, один из них бронзовый (рис. 38, 4), а второй серебряный (ил. 18, 11). Оба украшены довольно распространенным в X–XI вв. орнаментом типа «волчий зуб». По данным Н. Г. Недошивиной, «завязанность» концов является признаком более ранней группы украшений (Недошивина, 1967. С. 257). Один перстенок небольшого размера представлял простое гладкое узкопластинчатое колечко. В коллекции встречаются различного рода орнаментированные пластинки (ил. 18, 14), одна из них была позолочена (ил. 18, 5), есть фрагменты более массивных литых изделий (ил. 18, 7). Все это могло быть частями перстней или браслетов, но с уверенностью сказать нельзя. Упомянем также массивную булавку (рис. 38, 8), проволочное колечко с завязанными концами (рис. 38, 9) и фрагмент цепочки из плотно сплетенных S-видных звеньев.

Нумизматические находки

В черном культурном слое было найдено 6 обломков дирхемов и одна целая погнутая монета. Один обломок сильно пережжен и не поддается определению.

Находки арабских монет (определения А. А. Гомзина)

№ по полевой описи год находки	Эмитент	Место чеканки	Время чеканки	Примечание
№ 771 2007 г.	подражение дирхему Аббасидов	место чеканки неизвестно, аналогий не встречено	не установлено	Вес – 2,09 г; целый, погнутый
№ 866 2007 г.	Саманиды (имя амира обрезано) Исма'ил б. Ахмад или Ахмад. б. Исма'ил	место чеканки обрезано по типу аш-Шаш	время чеканки обрезано по типу 293–296 г. х. (905–909 гг.)	Вес – 0,4 г; обломок около ½
№ 957 2007 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки не установлено	год чеканки не установлен, III в. х. (IX в.)	Вес – 0,4 г; обломок около ½
№ 192 2009 г.	Аббасиды, ал-Махди	место чеканки обрезано	год чеканки обрезан по типу 158–159 гг. х. (775–785 гг.)	Вес – 0,4 г; обломок около ¼
№ 431 2009 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	ал-Мухаммадийа	год чеканки обрезан по типу 180–182 гг. х. (796–799 гг.)	Вес – 2,22 г; часть обрезана
№ 549 2009 г.	Умайады, Абд ал-Малик	ал-Басра	81 г. х. (700–701 гг.)	Вес – 0,84 г; обломок около ⅓

Состав монет из черного культурного слоя в целом соответствует характеристике основной массы восточных монет, данной нами при анализе материала раскопа 2011–2012 гг. (см. Глава 4, с. 129)

Бусы*Стеклянные бусы*

Всего при разборке черного культурного слоя обнаружено 198 бусин. Наибольшую их часть составляли рубленый бисер и пронизки.

Рубленый бисер (84 экз. – типа ил. 1, 8–26)

Среди этой группы бус выделялись 2 крупные бесцветные бисерины, один конец которых оплавлен и закруглен, типичные для ранних слоев Старой Ладоги. Остальные бисерины представляли собой отрубленные отрезки тянутых трубочек. В одном случае сохранилась сама трубочка. По цветовой гамме бисер распределился следующим образом: 29 желтых, 18 синих, 14 зеленых (включая трубочку), 7 бесцветных, 1 бирюзовая, 2 молочно-белые, а также 10 мелких зеленых бисерин имели одинаковые размеры и единый светло-зеленый тон, скорее всего, это были бусинки от одной рассыпавшейся низки.

Пронизки (74 экз. – типа ил. 1, 61–84)

Второй по численности группой бус являлись пронизки. Большую их часть составляли одночастные пронизки (53 экз.) – 20 серебростеклянных, 15 золотостеклянных, 8 синих, 6 желтых, 3 фиолетовых и 1 бесцветная. Двухчастные пронизки представлены 18 экземплярами – 6 синих, 5 серебро-

стеклянных, 2 золотостеклянных, 2 фиолетовых, 2 желтых и 1 бесцветная. Кроме того, среди пронизок встречены 2 четырехчастных (синяя и серебростеклянная) и 1 золотостеклянная пятичастная. Вообще многочастные пронизки были характерны для нижних слоев Ладоги, а перехват щипцами на дольки у ранних пронизок был неглубокий¹⁰. Именно такой и является многочастная золотостеклянная пронизка.

Бочонковидные бусы (6 экз.)

Данная категория бус представлена 3 пастовыми печеночно-красными (типа ил. 2, 55), 2 оранжевыми и 1 зеленой. З. А. Львова предполагает, что, возможно, они делались путем прессования каждой отдельной бусины, т. е. они не были изделиями серийной продукции. По ее данным, «они имеют многочисленные аналогии в памятниках Северной Европы VIII–IX вв.» (Львова, 1968. С. 72).

Единичные находки монокромных бус (19 экз.)

При разборке черного культурного слоя зафиксировано 6 зонных бусин (3 желтые, 1 синяя, 1 печеночно-красная 1 бирюзовая) (типа ил. 1, 28–44), 9 кольцевидных (4 зеленые, 3 светло-голубые, 1 синяя и 1 бесцветная) (типа ил. 1, 45–60),

¹⁰ Мнение З. А. Львовой о характере глубины перехватов на ранних пронизках высказано в ее статье «Стеклянные бусы Старой Ладоги как исторический источник» 2008 г., имеющейся на сайте в Интернете: chernov-trezn.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm. В основе данной работы лежит ее статья 1968 г., расширенная и дополненная.

1 синяя *биконическая* (тип I, по Ю. Л. Щаповой) (типа ил. 2, 10), 1 *усеченно-коническая* печеночно-красная бусина и 2 *многогранные* (желтая и синяя) бусины (типа ил. 2, 7, 8). Последние относятся к группе резных бус, которые изготавливались холодным способом из куска остывшего стекла, подражая каменным бусам. В Ладоге резные бусы в основном обнаружены в горизонте Д, т. е. датируются X в. (Львова, 1968. С. 82).

Среди коллекции бус из черного культурного слоя интерес представляют 5 достаточно крупных продольно-рифленых «лимонообразных» бусин (4 желтого и 1 голубого цвета), отличающихся от более поздних рифленых бус (ил. 2, 58). З. А. Львова отмечала, что они в основном фиксируются в Ладоге в горизонте Д (Там же. С. 89). Подобные пронизки встречаются на поселении Весь 5, где относятся к первому хронологическому периоду IX–началу XI вв. (Макаров, 2012. С. 206, рис. 8, 36).

Бусы с гладким узором (9 экз.)

Инкрустированные бусы представлены 3 мозаичными бусами, 2 *глазчатыми*, 3 зонными орнаментированными петлевидным узором и волной. Одна бусина была сильно повреждена огнем, так что орнамент читается неотчетливо.

В группу *мозаичных* бус по технике изготовления входит уже известная нам по находкам в других слоях полосатая бусина – в основе желтая, украшенная красными, белыми, голубыми и синими поперечными полосками (ил. 2, 65).

Еще одна *мозаичная* бусина светло-зеленая бочонковидной формы была украшена пояском из расположенных в шахматном порядке квадратиков печеночно-красного, белого и желтого цветов, оконтуренных светло-коричневым ободком (ил. 2, 62). Третья бусина, от которой сохранилась половина, имела удлиненную цилиндрическую форму и более сложный орнамент: концы были украшены концентрическими полосками – желтой, белыми и печеночно-красными, а далее располагался орнаментальный поясок из подквадратных фигур, в центре которых находилась крестообразная композиция (на белом фоне из четырех зеленых треугольничков, с печеночно-красным квадратиком в середине), оконтуренная бело-красно-желтой полосой (ил. 2, 61). Мозаичные бусы изготавливались из многослойных в разрезе и полосатых снаружи стеклянных стерженьков. Охарактеризованные нами бусы встречаются и в Старой Ладоге. З. А. Львова относит их к группе мозаичных пронизок, констатируя, что в основном они были характерны для горизонта Д. Однако, приводя более широкие аналогии по территории Северной

и Восточной Европы, она отмечает, что данный тип бус встречается в памятниках VIII–IX вв., реже X в. (Львова, 1968. С. 67).

Особый интерес представляют 2 *глазчатые* шарообразные бусины (в обломках) со сплошным орнаментом в виде круглых васильковых ядрышек, каждое из которых было окружено трехрядным белым ободком (ил. 2, 57). В Ладоге подобные бусы составляли небольшой процент и отнесены З. А. Львовой ко второй группе. Это несерийные изделия. Каждая бусина изготавливалась индивидуально путем последовательного нанесения на поверхность разноцветных капель. Хронология данной группы изделий соответствует времени распространения мозаичных бус (Там же. С. 70–72).

Среди круглых зонных бусин встречены светло-коричневая, украшенная желтыми петельками, и синяя, декорированная белой полосой (ил. 2, 60), еще одна желтая кольцевидная инкрустирована печеночно-красной волной (ил. 2, 59). Кроме того, найден обломок цилиндрической светлой бусины, украшенной желтой полосой с черной окантовкой. Из-за фрагментарности изделия общий характер орнамента непонятен.

Каменные бусы

В черном культурном слое найдены 53 каменные бусины: 29 сердоликовых и 24 хрустальных, что составляет 27 % от общего числа бус в данном слое. По форме они распределились следующим образом: сердоликовые – 7 круглых (типа ил. 3-I, 1–5), 7 многогранных (типа ил. 3-I, 11–14), 6 четырнадцатигранных (типа ил. 3-I, 6–10), 3 десятигранных (типа ил. 3-I, 19–21), 4 дисковидных (типа ил. 3-I, 22–23), 1 бипирамидальная с разновеликими половинами и 1 неправильной формы окатанная восьмигранная. В свою очередь хрустальные бусы представлены 9 круглыми (типа ил. 3-III, 1–6), 5 четырнадцатигранными (типа ил. 3-III, 11–16), 5 многогранными (типа ил. 3-III, 7–10), 1 десятигранной (типа ил. 3-III, 17), 1 дисковидной (типа ил. 3-III, 21–22), 1 бипирамидальной удлиненной и 2 бусины имели не очень правильные формы (овальная и призматическая шестигранная, но у обеих грани окатаны и сглажены). Таким образом, в данном слое представлены все основные типы каменных бус, имевшие хождение в разное время на территории Древней Руси.

Сердоликовая вставка

Рассматривая изделия из сердолика, нельзя не отметить, что в коллекции предметов из черного слоя имеется две вставки в перстни из сердолика (ил. 3-I, 25; 3-II, 3). Одна из них просто уникальна,

так как на ней был выгравирован ветхозаветный сюжет – «птица с ветвью» (ил. 3-II, 3). На выпуклой поверхности вставки изображена в профиль птица в полете с веткой, напоминающей гроздь винограда. Данная находка была детально проанализирована Т. С. Дорофеевой (см. Приложение 1, с. 247–249).

Находки из железа

Наконечники стрел

Среди многочисленных предметов из железа в черном слое встречено 11 наконечников стрел. Преобладали ланцетовидные с несколько различающимися размерами пера (6 экз.; рис. 9, 7–9; 10, 9). Все они относятся ко второму виду, по А. Ф. Медведеву, – с граненым черешком с упором и шейкой (Медведев, 1966. С. 73–74) и распространяются в Восточной Европе в IX–первой половине XI вв. Два наконечника относились к типу шиловидных или пирамидальных: один простой, квадратный в сечении с простым упором (рис. 9, 3) (тип 90 – Там же. С. 83), второй пирамидальный квадратный в сечении с валиком на шейке (рис. 10, 14) (тип 86 – Там же. С. 82). Первые имели широкие хронологические рамки распространения, включая IX–X вв., вторые могут датироваться X–серединой XI в. Из оставшихся трех наконечников стрел один относился к ромбовидным новгородского типа (рис. 10, 16) (тип 46 – Там же. С. 67–68), второй – к типу долотовидных в виде лопаточки с шейкой IX–XI вв. (рис. 9, 5) (тип 99 – Там же. С. 85), а третий – к трехлопастным черешковым наконечникам килевидной формы (рис. 10, 25) (тип 17 – Там же. С. 60), их хронологический диапазон распространения достаточно широк начиная с середины I тыс. н. э., но встречаются они вплоть до IX–X вв.

Замки и ключи

Большая часть (10 экз.) встреченных в черном слое ключей относится к группе цельнодеревянных замков с «желудями» (1-й тип нутряных замков, по Б. А. Колчину – Колчин, 1982. С. 161). Такой тип замка пришел к нам из глубокой древности и дожил до современности, и сейчас в деревнях можно встретить такой вид засова. Единственной металлической деталью здесь является сам ключ. Как правило, ключи массивные большого размера, имеющие два-три штифта («желуди») (рис. 37, 5–8). Один из ключей был просто примитивным крюком без штифтов (ил. 23, 12). На Городище некоторые ключи были украшены латунными гранеными вставками – в целом, это североевропейская традиция (ил. 23, 11). Подобные вставки встречаются и на других бытовых предметах. Возможно, от этого

вида ключей найдены еще две массивные петлевидные ручки (рис. 37, 4). Кроме того, из черного слоя происходят небольшой железный миниатюрный ключик (рис. 36, 7), фрагмент небольшой пружины от висячего замка (рис. 36, 4) и бронзовый квадратный корпус замочка, орнаментированного циркульным орнаментом (ил. 18, 20). Все эти детали относились к замочкам от небольших сундучков и ларчиков. Кстати, среди железных находок встречается плавно расширяющаяся к середине пластина с отверстием в центре, симметрично согнутая с двух сторон, концы загнуты в спирали (рис. 36, 8). Подобное изделие вполне может интерпретироваться как ручка от ларца. Прикрепляться она могла с помощью пробойничков с кольцом или пластинок.

Изделия бытового и иного назначения

Находки из бронзы и железа

В данную группу предметов входят 26 ножей (один с бронзовой обоймицей – рис. 36, 11); 7 обломков пружинных ножниц, как мы отмечали, лезвия двух имели перемычки, покрытые латунью (ил. 23, 9, 10); 6 игл (5 железных и 1 бронзовая – ил. 18, 1) и 12 ледоходных шипов.

Серия изделий относится к рыболовству. Это 4 крючка, два из них были значительных размеров (ил. 18, 10; 23, 8; рис. 37, 3). Такие крючки предназначались для лова с помощью разнообразных снастей – жерлиц, закидушек, донок и т. д. (Чернецов и др., 1985. С. 227, 228). Судя по размеру крючков, они использовались при ловле крупной рыбы – сомов, щук, осетров, которые в изобилии водились в те времена в Волхове (см. Глава 4, с. 151). Кроме того, были найдены блесна (ил. 23, 7), и острие от составной остроги. Оно имело характерно изогнутое колено, а также противоположный острию конец был загнут под прямым углом и вставлялся в специальный паз в древке (рис. 37, 2). Обычно составная острога состояла из трех таких зубьев (Там же. С. 226, 227).

Предметы, связанные с торговлей, представлены двумя четырнадцатигранными гирьками-разновесами (рис. 38, 6, 12) и тремя обломками коромысел весов. Два из них были бронзовые складные (рис. 38, 10), а одно цельное железное (рис. 36, 1).

Из единичных находок можно перечислить рамку небольшой железной пряжки, достаточно грубо сделанную подковообразную железную фибулу со спиральными концами (ил. 23, 1), звено от крупной коленчатой цепочки (ил. 23, 2), бантовидную накладку с двумя заклепками (рис. 36, 3), массивную железную булавку с двуспиральной головкой

(рис. 36, 5) и металлическую трубочку, возможно, от фитиля (рис. 36, 6), железную плоскую круглую лопаточку (рис. 37, 14). Из сельскохозяйственных орудий в слое найдена часть сошника (рис. 37, 12). Назначение некоторых изделий не очень ясно.

Изделия из кости

В данной группе находок выделяются три основные категорий предметов – роговые гребни, проколки и различные фрагменты костей и рогов со следами срезов и спилов. Последние представлены 8 экземплярами и являются отходами косторезного производства (например, ил. 19, 7). Среди них выделяется плоская подтреугольная лопаточная кость, на которой процарапан двойной линией треугольник (ил. 19, 8). В слое найдено 13 гребней и их обломков. Все они относятся к группе односторонних наборных гребенок (ил. 19, 1–5). Для двух небольших фрагментов тип определить трудно. В остальных случаях 7 экземпляров относятся к большим гребням с широкой спинкой тип I, по классификации О. И. Давидан (ил. 19, 1, 2, 4). Подобные гребни по материалам Ладоги датируются в основном IX–X вв. (Давидан, 1968. С. 56–61). Вторая группа (тип II) меньшего размера представлена 4 находками (ил. 19, 3, 5). Они уже более широко распространяются по территории Древней Руси и в массовом количестве встречаются в Новгороде в слоях X–первой половины XI в. (Колчин, 1982. С. 164, 166).

Вторая достаточно многочисленная группа костяных проколки (17 экз.), в основном, состояла из простых изделий – заостренная кость, где в качестве навершия сохранялся эпифиз (ил. 19, 11, 12, 15), но четыре проколки были хорошо отполированы (ил. 19, 13, 14, 16, 17). В трех случаях в верхней части имелись отверстия, а в двух были процарапаны непонятные знаки. В качестве единичных изделий отметим два игольника из трубчатой кости с отверстием в центре (ил. 19, 9), клык кабана, возможно использовавшийся как амулет (ил. 19, 10), эпифиз, просверленный в центре. Интерес также представляет часть ребра, на краю которой сделаны зазубрины (ил. 15, 16). Есть предположение, что это изделие было предназначено для нанесения орнамента на глиняные сосуды.

Изделия из глины

Данная группа изделий в основном представлена грузиками. Среди них 22 обломка относились к дискам от вертикального ткацкого станка. На втором по численности месте биконические круглые пряслица разных размеров (10 экз.). Пять круглых грузиков имели индивидуальную форму (конусовидную, дисковидную, с рельефными валиками на поверхности

и с уплощенной центральной гранью). На одном целом большом рыболовном грузиле для сетей был прочерчен крестообразный знак, видимо, метка хозяина (ил. 14, 25). Наряду с грузиками в черном слое встречен глиняный шарик (типа ил. 14, 14, 15), предназначение которого неясно.

Печи, врезанные в склон рва

На склоне рва над черным слоем был выявлен мощный массив глины 4,40 × 7,40 м, вытянутый по линии запад–восток. Мощность его составляла до 1,15 м. Красная глина лежала плотным слоем, в котором встречались угли и обожженные камни (ил. 24). При его разборке были зафиксированы остатки подов двух печей (рис. 39).

Одна печь была обнаружена в кв. 93, 94 на уровне -410 – -420. Под печи представлял слой плотно уложенных обожженных камней, промазанных глиной, и занимал площадь 0,92 × 1,24 м (рис. 39). Вокруг пода фиксировалось пятно глины с углями и камнями мощностью до 0,26 м на площади 2 × 2,20 м. По северному краю этого пятна прослеживался тлен от дерева, а в 0,40–0,60 м восточнее пятна параллельно его краю в кв. 94, 99 расчищены остатки бревна около 0,18 м в диаметре на уровне -367 – -384. Тлен и остатки бревна могли относиться как к опечку, так и к ограждению печи, особенно со стороны осыпающегося склона. В разрезе под каменным подом хорошо прослеживаются слои подсыпки из двух мощных слоев светлого песка, разделенных прослойкой глины (толщ. 8–12 см) (рис. 40; ил. 25). Мощность верхнего слоя песка сразу под подом печи до 18 см, нижний слой песка – до 36 см. Печь была врезана в склон рва, и площадка, на которой она была построена, выровнена с помощью песчаных подсыпок, укрепленных глиной. При разборке песчаной подсыпки под подом печи найдены следующие предметы: оселок, железная накладка, сильно пережженный дирхем.

По заключению В. М. Горюновой, керамические находки, полученные при расчистке пода печи, принадлежат фрагментам лепной и раннегончарной посуды в соотношении 50 % на 50 %. Среди раннегончарной керамики встречаются формы S-видной профилировки (слабопрофилированные, с граненым венчиком), орнаментированные желобчатым и линейно-волнистым орнаментом, а также серия фрагментов от мисковидной реберчатой посуды с гребенчатым штампом. Один из фрагментов, скорее всего, относится к привозному салтовскому кувшину, с пролощенным орнаментом. Судя по керамическому материалу, существование этой печи не выходит за пределы третьей четверти X в.

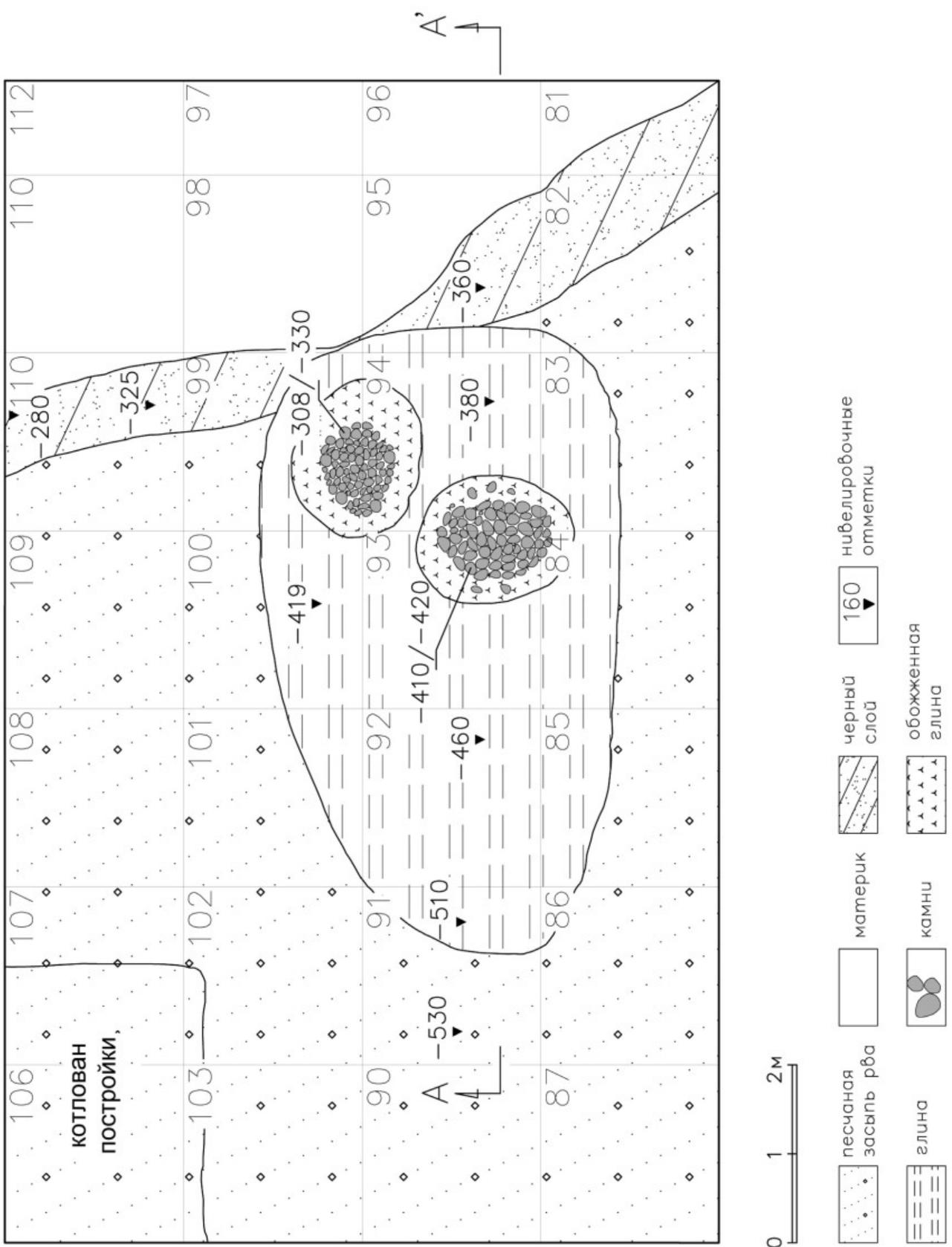

Рис. 39. Глиняное пятно с планом подов двух печей

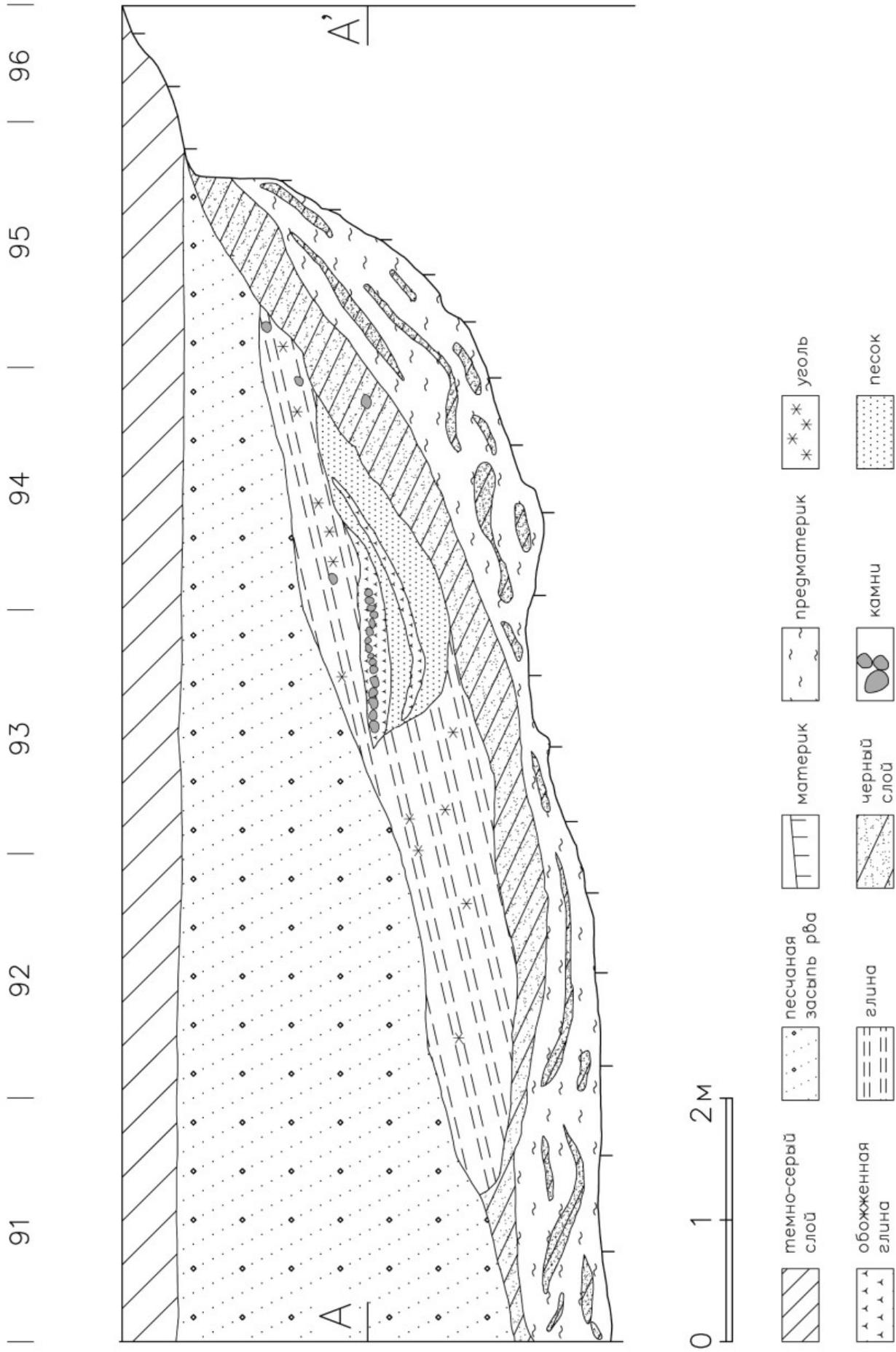

Рис. 40. Разрез печи в кв. 93, 94 в массиве глины над черным культурным слоем

Вторая печь более поздняя находилась севернее первой в кв. 93, 94, 99, 100, практически на поверхности глиняного массива на уровне -308 – -330. Сохранность ее плохая. Удалось зафиксировать мелкие обожженные камни на площади $0,87 \times 1,28$ м, вокруг которых выявлено пятно прокаленной глины на площади $1,48 \times 1,87$ м (рис. 39). Судя по разрезу остатков печи, она была врезана в склон рва. Под ее каменным подом прослеживались две песчаные подсыпки (от 0,12 до 0,20 м), разделенные слоем глины (до 0,10 м), т. е. по характеру подсыпки печь повторяла конструкцию более ранней печи. При разборке пода найдены ладейная заклепка и три фрагмента ошлакованной раннегончарной керамики, два из них принадлежали S-видным сосудам с остроконечным краем. На этом основании ее можно датировать в пределах второй половины X в.

Печи были встроены в склон рва и сменяли одна другую. Подобные печи уже были исследованы экспедицией на берегу Сиверсова канала в 1977–1979 гг. Они также были размещены в заплывшем рву, несомненно, в целях противопожарной безопасности. Так как в раскопе на берегу канала культурный слой был влажным, то в нем сохранились деревянные конструкции печей, а именно колы вокруг пода, служившие основой для стенок и сводов печей, деревянные опечки – обноски, ограждающие плетни вокруг печей, и срубик, в котором находилась одна из них. Благодаря наличию деревянных конструкций удалось получить дендрохронологические даты. Самая ранняя из печей была сооружена на рубеже IX–X вв., несколько печей, сменяя друг друга, возводились вплоть до третьей четверти X в. (Носов, 1990. С. 51–54).

Таким образом, открытие печей на склоне рва показывает, что в течение X в. печи возводились на разных участках Городища. После их разрушения ров продолжал стоять открытым не менее 50–70 лет, судя по толщине прослойки образовавшегося древнего дерна, т. е. по крайней мере в течение трех четвертей XI в. (Александровский и др., 2014. С. 100). Это полностью согласуется с археологическими данными: находки XI в. и, прежде всего, массовый керамический материал очень слабо выражены в культурных напластованиях, что говорит о снижении интенсивности жизни на Городище. Наши наблюдения получили независимое подтверждение на материалах сфрагистики. В свое время В. Л. Янин, анализируя многочисленную коллекцию древнерусских печатей с Городища, заметил, что «городищенские материалы содержат в себе указание на достаточно определенную хронологическую локализацию» и «на Городище нет или почти нет печатей XI в.». Буллы XI в., распространенные в южнорусских землях, встречаются в культурном

слое самого Новгорода, но не Городища (Янин, 1982. С. 86, 87).

Дело в том, что именно в начале XI в. новгородский князь Ярослав Мудрый перенес княжеский двор с Городища на Ярославово дворище в Новгород. Однако уже в последней трети XI в. при усилении новгородского боярства и укреплении городского самоуправления князья вновь были вынуждены вернуться в свою старую резиденцию на Городище. Начинаясь новый этап в истории поселения.

Археологические факты показывают, что с возвращением князей на Городище проводятся грандиозные земляные работы по выравниванию и расширению площади резиденции перед новой застройкой. Были сnivelированы остатки оборонительных конструкций первоначального поселения, засыпан древний ров. В стратиграфических разрезах зафиксированы мощные слои песка и суглинка, перекрывавшие культурные напластования IX–X вв. Эти работы связаны с общей перепланировкой княжеской резиденции и решением князя Мстислава Великого возвести на Городище церковь Благовещения – первую крупную каменную постройку в городе после церкви святой Софии. Археологические материалы, полученные из песчаной засыпи, однозначно свидетельствуют, что ров был зарыт где-то в конце XI в.

Находки из песчаной засыпи рва

Всего зарегистрировано 66 находок. Большая часть предметов носит безликий характер (свинцовая бляшка со штифтом, фрагмент серебряной пластины, бронзовая иголка, ледоходные шипы – 5 экз., ладейные заклепки – 6 экз., гвозди – 3 экз., скобы – 3 экз., нож, железная пряжка, декоративный гвоздик, фрагменты различных бронзовых и железных предметов, обломки тиглей и плоского глиняного грузика и т. д.). В то же время несколько предметов можно отнести к раннему периоду жизни на Городище. Это бочонковидная весовая гирька (рис. 38, 11) и два наконечника стрел: ланцетовидный (рис. 10, 8) и трехлопастной килевидный с горизонтальными плечиками (тип 14: Медведев, 1966. С. 59) (рис. 10, 24). Однако большая часть находок из засыпи связана с древнерусским периодом. К данной группе относятся топор типа V (Кирпичников, 1966. С. 37, 38) (рис. 12, 5), датируемый X–первой половиной XII вв., и два наконечника стрел: ромбовидный черешковый (без упора) так называемого «новгородского типа» (рис. 10, 28), характерный для XI в. (Медведев, 1959. С. 165), и двушипный с шейкой и упором (рис. 10, 6). Последний по материалам Изборска датируется XI–XII вв. (Артемов, 1978. С. 68). Среди бытового инвентаря к находкам древ-

нерусского периода можно отнести втульчатый ключ от нутряного деревянного замка с металлическим механизмом (рис. 13, 10) и стержневой ключик от цельнометаллического замка для сундуков и ларцов (рис. 13, 3), по материалам Новгорода первый получил распространение в XI–первой половине XII в., а второй – в XII–начале XIV вв. (Колчин, 1982. С. 161). Кроме того, в засыпи были встречены бусы: две круглые хрустальные, две четырнадцатигранные сердоликовые, две бесцветные рубленные бисерины, одна зеленая биконическая, одна зеленая ребристая, две двухчастные серебростеклянные пронизки и одна круглая янтарная бусина. Также встречены шесть обломков стеклянных сосудов, один из них из синего прозрачного стекла был украшен белой и золотой эмалью. В составе находок из песчаной засыпи имеется древнерусская вислая печать князя Ярослава Владимировича (1181–1184 гг., 1187–1196 гг., 1197–1199 гг. в Новгороде).

Анализируя всю коллекцию находок, следует подчеркнуть, что поскольку они происходят не из постепенно накапливавшегося культурного слоя, а из сдвинутого сюда песчано-суглинистого грунта, то попадание всех их в засыпь рва чисто случайно. Вещи раннего хронологического периода могли попасть при любых обстоятельствах, так как они повсюду находились на краю рва в момент его нивелировки. Есть стратиграфическое объяснение и двум предметам, датирующимся не ранее середины XII в. Ключ от ларца был найден в 2006 г., когда только начинали разбирать заполнение рва, так что реально он находился на границе темно-серого мешанного слоя и засыпи. Печать конца XII в. была зафиксирована на границе с котлованом древнерусской постройки IV, относящейся к последней трети XII–началу XIII вв., так что она вполне вписывается в круг древностей этого сооружения, тем более, как мы показываем в следующей главе, сруб был шире котлована. В этой связи интересно, что время синхронизации других находок из засыпи падает на XI в.

Очевидным фактом является, что печь, открытая в 1988 г., для обжига извести и глины, сооруженная для обеспечения строительства церкви 1103 г., стоит непосредственно на засыпи рва (Носов и др., 2005б. С. 50–51). Таким образом ров был засыпан к началу XII в. Возможно, в самом конце XI в. Данное обстоятельство объясняет тайну столь быстрого разрушения княжеского храма Благовещения, построенного в 1103 г. Огромный трехапсидный храм с лестничной башней, по размерам и пропорции напоминающий Николо-Дворищенский собор на Ярославовом дворище в Новгороде (1113 г.), был

построен непосредственно на краю, а возможно, частично и на месте рва, засыпанного буквально накануне его строительства.

Видимо, мастера, еще не имевшие достаточного опыта строительства каменных храмов в Новгороде, не учли подвижной характер насыпных грунтов, в результате церковное строение стало деформироваться (фундамент «поплыл»), и в XIV в. древнейший собор был разобран. Вместо него в 1342–1343 гг. возвели новый храм. С подобной ситуацией мы сталкиваемся в Киеве, где древнейшее каменное сооружение Десятинная церковь была возведена на краю засыпанного рва, и естественно начала проседать и разрушаться.

В этой связи отметим еще один любопытный факт. Приблизительно в то же время, когда строилась церковь Благовещения, проводился первый ремонт Софийского собора в Новгороде – усиление северной стены на толщину 120–125 см. Однако, несмотря на два ремонта, осуществленных в домонгольское время, в 1276 г., как сообщает летопись, «отпаде стѣна у святѣи Софѣи до основы» (НПЛ, 2000. С. 323). Исследователи объясняют это тем, что данная часть храма была поставлена на засыпанный овраг (Новосёлов, Хрусталёв, 2013. С. 21, 37). Таким образом, при строительстве нескольких первых крупных храмов Древней Руси была допущена одна и та же инженерная ошибка – недоучтена плотность насыпных грунтов, не выдержавших значительной нагрузки.

О масштабах перепланировки и характере нивелировочных работ, проведенных на Городище в конце XI в., можно судить по толще песка мощностью до 1,45 м, зафиксированной в раскопе на северном берегу Сиверсова канала. Песчаный слой отделял ранние культурные напластования с органикой IX–X вв. от вышележащих. По мнению Е. Н. Носова, «появление этих слоев песка связано с нивелировочными работами в месте перехода от городищенского холма к мысу, которые завершили естественный процесс сглаживания и заплывания существовавшей здесь первоначально низины» (Носов, 1990. С. 83). Отдельные находки, которые можно связать с засыпью, позволяют отнести ее возникновение к XI в., причем, как показывают археологические материалы, никакой застройки на месте бывшего склона холма в XI в. не было. В XII в. происходят резкие изменения, здесь появляются постройки и начинают интенсивно накапливаться культурные отложения. Таким образом, один из эпизодов жизни княжеской резиденции, связанный с ее переносом в Новгород, а затем возвращением на Городище, ярко отразился в археологическом материале на разных участках памятника.

Глава 3

ПОСТРОЙКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ

В раскопах 2005–2009 гг. были обнаружены квадратные котлованы трех обширных жилищ, сходных с теми, которые были изучены экспедицией в 1984–1985 гг. к югу от храма Благовещения (рис. 41). Одно из подвальных помещений (IV)¹ было впущено в засыпь древнего рва. В ней же были обнаружены следы наземного прямоугольного сооружения (V), от которого в песке сохранились слабый гумусированный тлен от нижних окладных

бревен и овальная яма внутри сруба. Две постройки VI, VII были исследованы наполовину, так как вторые их части уходили на территорию кладбища. Открытие древнерусских построек чрезвычайно важно, поскольку позволяет хотя бы в самых общих чертах наметить планировку Городища периода существования на нем не раз упомянутой в летописях древнерусской княжеской резиденции, чего мы совсем не представляли ранее.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Постройка IV

Постройка располагалась в северо-западной части раскопа, и ее подвальная часть была впущена в песчаную засыпь рва (рис. 41). На желтом фоне песка хорошо читалось темно-серое пятно строения. Объект исследовался в течение двух полевых сезонов. В 2008 г. была разобрана южная половина постройки, а в 2009 г. после прирезки изучена северная ее часть.

Общие размеры котлована постройки, углубленного в песчаную засыпь, 5,24 × 5,35 м (ил. 26–30), т. е. фактически он имел квадратную форму и глубину 1,10 м. Котлован был ориентирован стенками по сторонам света. По всему периметру вертикальные стены котлована были обшиты горизонтально закрепленными досками шириной 0,15–0,20 м (ил. 29). Тлен от досок сохранился на плоской поверхности пола. Никаких опорных столбов в подполье не было.

В 2008 г. в юго-восточном углу подвального помещения обнаружены остатки печи, очевидно, рухнувшей в него с первого этажа (ил. 26, 29). Здесь у дна котлована были расчищены пятна обожженной глины, насыщенные углем, фрагментами плинфы, керамики и костей. Под глиной на полу вскрыт развал обожженных валунов, при расчистке которых встречались кости, куски амфор, обломки плинфы.

При разборке подполья зафиксированы три основных слоя заполнения комплекса (ил. 27, 30). По стратиграфии их залегания хорошо видно, как все они прогибаются к центру. Верхний слой представлял собой серый гумус с включениями обломков плинфы и цемьянки толщиной до 1–1,30 м, в нижней части которого встречаются линзы глины до 0,1 м.

Под ним располагались две углистые прослойки мощностью до 0,1–0,2 м, разделенные слоем гумусированного песка, в котором попадались куски глиняной обмазки. В нижней части заполнения подполья вплоть до дна фиксируется гумусированный песок со следами древесного тлена от деревянных конструкций, сваленных в котлован, поскольку залегают они не горизонтально, а в самом разном положении.

В полевых условиях первое, что приходит в голову, это интерпретация угольных прогнутых прослоек в заполнении подполий как свидетельств того, что строения погибли при пожаре, и понимание прослоек как остатков рухнувших полов и перекрытий. Однако здесь надо быть очень осторожным. С. В. Шполянский в работе 2008 г. по систематизации подполий средневековых построек в Суздале и его округе, обобщив материалы, заключил, что «одним из важных результатов, полученных в процессе исследований последних лет, стала фиксация в заполнении подполий хорошо читаемых прослоек древесного тлена, размещавшегося по стенкам котлованов и полого спускавшегося к центру ям, образуя там довольно мощные (толщиной 0,15–0,2 м) завалы. По характеру размещения древесного тлена его можно интерпретировать как следы обрушения деревянных конструкций построек (вероятно, остатки перекрытий)». И далее: «стратиграфическая ситуация демонстрировала наличие двух основных этапов формирования заполнения подполий, один из которых относился ко времени функционирования и разрушения построек, а второй характеризовал период постепенного заполнения бытовыми отходами котлована сооружения после того как оно было заброшено» (Шполянский. 2008. С. 61). В нашем случае стратиграфическая картина заполнения

¹ Нумерация построек продолжает нумерацию 1984–1985 гг. (Носов и др., 2005б. С. 33–47).

подполья соответствует тому, как ее описывает С. В. Шполянский.

В недавней аналитической работе о проблемах изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси В. Ю. Коваль справедливо констатировал, что еще «никем и никогда не было дано удовлетворительного объяснения, каким образом внутри постройки мог отлагаться культурный слой, по мощности сопоставимый с напластованиями, возникающими во дворах усадеб, где скапливался разнообразный бытовой и строительный мусор». Автор считает, что «в процессе жизни постройки эти углубления не заполнялись культурным слоем или этот слой отлагался в них в минимальном объеме, а, в случае его накопления, хозяевами проводилась очистка таких ям от излишнего мусора» (Коваль, 2007. С. 65). С наблюдениями и вполне резонными выводами В. Ю. Ковалья нельзя не согласиться.

Рассматриваемая нами постройка не позднее XIII в. была разобрана. Причины ее гибели нам не ясны. Однако очевидно, что все «ненужные строения», тем более в центре функционирующей княжеской резиденции, разбирали на остающийся пригодным для использования материал. При всем обилии леса в северных районах Древней Руси заготовка дерева для строительства была всегда весьма трудозатратна. Одной из наиболее сложных деревообрабатывающих операций являлось изготовление с помощью клиньев и топоров колотых досок, поскольку продольные пилы для распиливания бревен на доски стали применяться лишь с XVII в. (Засурцев. 1967. С. 54). Особенно ценными были доски, которые находились внутри срубов. Они почти не гнили, всегда были сухими, так как регулярно пропитывались дымом при топке домов «по-черному». Доски продолжали использовать в разных вариантах. Для настила полов брали только качественные доски, способные вынести значительную нагрузку. Строительное бревно диаметром около 20 см и более расщепляли на несколько частей – два горбыля и две-три толстые доски толщиной от 4 см и более и шириной от 20 см и более. Доски тщательно отесывали и без креплений подгоняли одна к другой (сейчас такие доски плотники обычно называют «сороковками»).

В нашем случае до разборки постройки ее подполье оставалось почти пустым. Когда вынули доски пола (из углубленной части подгнившие доски и горбыли, естественно, не брали), то вниз упала часть остатков печи, и на полу оказались комки глины, фрагменты амфор, керамики, плитки, кости животных. Видимо, котлован сразу частично забросали гумусированным песком, в котором встречены

скинутые туда в беспорядке различные куски дерева (стратиграфически этому соответствует нижний слой заполнения подполья). Подчеркнем, что изначальная засыпка котлована находится только в пределах его углубленной в грунт части. А вот второй и третий слои засыпи, как показала стратиграфическая ситуация, выходят по ширине за земляные стенки котлована на расстояние до 1 м и опускаются в него, сохраняя общий прогиб к центру. Эти слои фиксируются с высоты 0,5–0,7 м от уровня края котлована.

Это значит, что сам сруб был шире подполья по крайней мере на 1 м, а его стены не являлись продолжением стен подполья и не опирались на них. Размеры дома составляли около 6 × 6 м, а общая площадь – около 36 кв. м, т. е. он относился по площади к числу домов «средних по размеру», если следовать классификации новгородских построек, принятой Н. Н. Фараджевой (Фараджева, 2010. С. 8). Судя по стратиграфии, когда в подполье и во внутреннее помещение сруба попала верхняя (основная часть) его фиксируемого заполнения, нижняя часть стен постройки еще сохранялась на 3–4 венца (0,7–0,8 м), между которыми в жилых домах средневекового Новгорода обычно и врубались переводины пола. Таким образом, высота подклета дома с его углубленной в грунт частью составляла около 1,8 м. Это было вполне комфортное помещение для стоящего человека среднего роста. Общее время бытования дома весьма определено. Он был сооружен после окончательной засыпки древнейшего городищенского рва где-то в конце XI в. и до разборки в 1342 г. собора 1103 г. князя Мстислава Владимировича. Одним словом, дом в центре Городища стоял тогда, когда здесь существовал первый княжеский храм. Керамический материал позволяет датировать постройку XII–XIII вв. Хронологическая амплитуда некоторых прочих находок дает возможность сузить дату до последней трети XII–начала XIII вв. Новый дом на данном участке не был возведен. Котлован сооружения постепенно просел и при разборке ранней церкви Благовещения в середине XIV в. сюда была снесена часть строительного мусора, состоящая из блоков плитки с цемянкой.

При разборке котлована помимо фрагментов керамики встречено более 400 находок. Значительную часть из них составляли бытовые предметы и обломки различной стеклянной посуды, а также многочисленные фрагменты бронзовых и железных вещей неясного назначения (пластинки, колечки, стержни, черенки, кусочки проволоки и пр.), которые ничего не дают для характеристики данного

сооружения. Немногочисленная группа относится к предметам одежды и украшениям, а кроме того, встречаются редкие находки, подчеркивающие социальный статус владельцев данного дома. С этой категории находок мы и начнем наше рассмотрение.

Сфрагистические находки

В заполнении подвального помещения были найдены три свинцовые печати. Одна печать с изображением святого Андрея с крестом на аверсе и знака на реверсе; вторая печать принадлежала князю Рюрику Ростиславичу (1170–1171 гг.); третья печать с поясным изображением Пантократора с одной стороны и святого Георгия в полный рост с другой датируется XII–XIII вв. Данные находки свидетельствуют, что в доме хранились важные документы, и они также очерчивают общие хронологические рамки сооружения.

Предметы из цветного металла

К числу редких находок относится обрывок золотой нити для шитья, смятый в моточек. На Городище неоднократно встречались золотые нити, использовавшиеся для оторочки одежды. Особенно крупные мотки подобных нитей были обнаружены при исследовании одного из сооружений в 2011 г.

Среди предметов из цветного металла в верхней части заполнения котлована отметим находку энколпиона, с оглавием и обломанными нижними петлями. На лицевой створке имеется изображение креста с «сиянием», на оборотной – простой крест (ил. 31, 13). Энколпион относится к группе миниатюрных прямоконечных с четырьмя выступами в средокрестии, с черневыми инкрустированными крестами (тип IV.6.4, по классификации Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой) (Корзухина, Пескова, 2003. С. 22, табл. 103, 104). Подобные кресты-реликварии были широко распространены на территории прежде всего Южной Руси и в целом датируются XII–началом XIII в. (Там же. С. 173–178). В верхней части заполнения котлована найден еще один предмет личного благочестия – тонкая медная привеска-иконка овальной формы с неотчетливым погрудным изображением святого с одной стороны. Подобные подвески достаточно разнообразных типов встречаются в Новгороде начиная с XII в. (Седова, 1981. С. 62), в это же время они появляются и в погребениях Новгородской земли (Мусин, 2002. С. 188).

Интересной находкой является миниатюрная бронзовая ложечка (рис. 42, 9). Подобные ложечки, видимо, использовались в быту местной аристократии и неоднократно находились на Городище. В качестве аналогий можно привести ложечку из

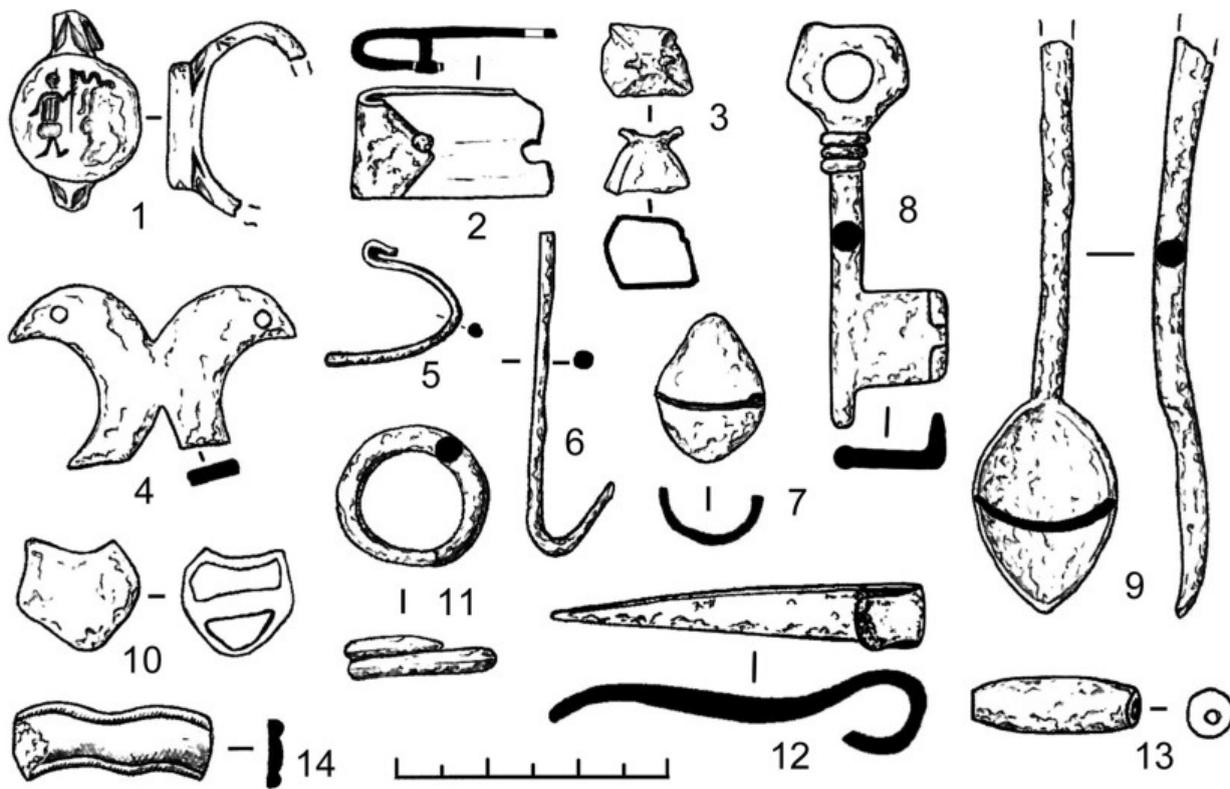

Рис. 42. Находки из цветного металла из заполнения котлована постройки IV

культурного слоя Новогрудка (Гуревич, 1981. С. 103, рис. 84, 1). Ф. Д. Гуревич интерпретировала ее как подвеску. Однако заметим, что среди подвесок, встречающихся в курганных древностях и Новгороде, наша находка имеет более солидные размеры (ее длина около 8 см).

В коллекции бронзовых предметов из постройки встречены проволочные колечки с заходящими концами (ил. 31, 8, 9), которые могли быть частями каких-то украшений. Фрагменты колечек, с одной стороны завернутые в спиральку, возможно, являлись частями височных колечек или сережек (рис. 42, 5).

Браслет и перстни

Группа наручных украшений представлена деформированным браслетом, перевитым из трех тонких проволочек (ил. 31, 7), и шестью перстнями. Один из последних простой формы сделан из круглого дрота, свернутого в кольцо, с заходящими концами (рис. 42, 11). Второй перстень литой рубчатый (ил. 31, 11). В Новгороде подобные украшения имели широкие рамки бытования от 90-х гг. XI в. до 90-х гг. XIV в. (Седова, 1981. С. 122). Третий перстень был сплетен из семи бронзовых проволочек с разомкнутыми концами, раскованными в тонкий дрот, и расширяющейся серединой (ил. 31, 10). Согласно новгородским параллелям, его можно датировать 70–90-ми гг. XII–60–80-ми гг. XIII в. (Там же. С. 127). Четвертый перстень был литой и имел щиток с пастовой вставкой. Желтая вставка была инкрустирована зелеными волнообразными нитями (ил. 31, 12). По форме и характеру закрепления вставки так называемым «глухим» способом, когда стекловидная масса входила прямо в тело изделия и зажималась краем канта ячейки, найденный перстень ближе всего относится к наиболее древней группе перстней со вставками. На Неревском раскопе один из таких перстней был встречен в слое третьей четверти XI в., а второй – в слое конца XII в. (Там же. С. 139). Кроме того, в осыпи западной стенки сооружения был найден бронзовый перстень-печатка. На одной из половинок круглого щитка выгравирована фигурка человечка, держащего в левой руке флагшток с развевающимся узким стягом (рис. 42, 1). Схематичное изображение одежды больше всего напоминает средневековый западноевропейский костюм. Вторая половинка щитка коррозирована и на ней изображение не сохранилось. Данное украшение принадлежит к группе редких индивидуальных находок, так что привести ему аналогии в данный момент мы не можем. Из заполнения постройки происходит

также фрагмент бронзового литого узкопластинчатого перстня с выпуклой серединой и рельефными кантами по краю, отделенными от средней части бороздками (рис. 42, 14). Подобные перстни многообразны, датируются достаточно широко и типологически различаются по характеру соединения концов (Там же. С. 131–132). В нашем случае из-за отсутствия концов мы не можем сказать, к какой определенной группе относится данное украшение.

Бляшки, накладки, обоймица, пронизки

Несомненный интерес представляет позолоченная бронзовая бляшка в виде 8-лепестковой розетки. Внутренняя часть лепестков была заполнена зеленой эмалью. С обратной стороны имеется петля для крепления (ил. 31, 1). Практически полная аналогия данному украшению найдена при раскопках усадьбы Л в постройке Е-1 Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 165, табл. 37, 2). Это был предмет в виде 8-лепестковой розетки, декорированный выемчатой эмалью. Авторы раскопок отнесли его к разряду пуговиц. Однако в свою очередь похожее украшение с соседней усадьбы О из постройки 1 они назвали бляшкой: «литая бронзовая бляшка в виде 9-лепестковой розетки с ушком сзади», – каждый лепесток имел миндалевидную перегородку внутри и был украшен эмалью из двух цветов. Перегородки между лепестками были позолочены (Там же. С. 165, табл. 39, 2). Усадьбы, в которых были найдены рассмотренные украшения, датируются домонгольским периодом – второй половиной XII в.–1237 г. (Там же. С. 142).

Еще одна бронзовая бляшка имела пятиугольную форму и несколько вогнутый верхний край. Для крепления с обратной стороны служила перекладинка. Внешняя сторона бляшки гладкая без орнамента (рис. 42, 10).

К комплекту поясных элементов относится прямоугольная обоймица со штифтом для крепления к ремню (рис. 42, 2), а также сердцевидная бляшка, украшенная растительными завитками (ил. 31, 2). Декор выполнен инкрустацией эмалью (завитки синим цветом, а в центре бляшки под завитками сохранились остатки красной эмали). К ремню бляшка крепилась двумя штифтами. Данный экземпляр украшения, очевидно, входил в нарядный пояс мужского костюма. По форме и характеру декора эмалью рассмотренная бляшка в более простом варианте напоминает сердцевидные бляшки из поясного набора Новгорода, обнаруженного в слоях рубежа XIII–XIV вв. По мнению М. В. Седовой, яркий поясной набор с эмалевым узором был про-

дукцией городских мастеров, поскольку подобные наременные украшения отсутствуют в материалах многочисленных курганных древностей, оставленных сельским населением (Седова, 1981. С. 148–150, рис. 58, 17).

Среди бронзовых изделий встречена пластинчатая фигурная накладка с отверстиями для двух штифтов (рис. 42, 4). В качестве пронизок можно рассматривать пять мелких бронзовых спиралек и изделие, напоминающее удлиненную бусину (рис. 42, 13).

Пуговицы, бубенчик

В заполнении постройки найдено 5 бронзовых пуговиц. Одна литая простой круглой формы (ил. 31, 4) и четыре тисненные, 2 из них позолоченные. Как правило, тисненные пуговицы изготавливались из двух круглых половинок (ил. 31, 3, 5, 6), но в одном случае верхняя часть тисненой пуговицы имела необычную подчетырехугольную форму (рис. 42, 3). Пуговицы круглой формы как литые, так и тисненные широко встречаются в слоях древнерусских городов рубежа XI–XII – XV вв. (Там же. С. 155). В той же технике тиснения был изготовлен шаровидный бубенчик со щелевидной прорезью. От него сохранилась нижняя деформированная половина (рис. 42, 7). Данный тип бубенчиков особенно популярен был в Новгороде (Седова, 1981. С. 156). Н. В. Рындина полагала, что данные украшения производились именно новгородскими мастерами (Рындина, 1963. С. 246, 247).

Разное

В группу предметов из цветного металла входят миниатюрная шайбочка квадратной формы (ил. 31, 14) и декоративный гвоздик с грибообразной шляпкой, 3 свинцовых грузика (ил. 32, 6, 7). Обычно при раскопках Городища достаточно часто встречаются ушки от металлических котлов. При разборке рассматриваемой постройки был найден фрагмент самого медного котла с характерным зубчатым швом (рис. 43, 14). Судя по сохранившейся части, при сборке котла надрезалась только одна кромка, второй край вставлялся между зубцами. Такой способ соединения деталей распространяется с XII в. До этого в XI в. надрезали обе стыкующиеся кромки (Руденко, 2000. С. 16), затем шов проковывался, запаивался медным припоем, еще раз проковывался и зачищался напильником. Вопрос о происхождении медных котлов на памятниках Древней Руси до сих пор остается дискуссионным (Полубояринова, 1993. С. 118; Руденко, 2000. С. 52, 53). С одной стороны, учитывая дефицит меди на территории Древнерусского государства, часть из

них могла быть привезена из поволжских центров, и в частности из Волжской Булгарии. С другой стороны, исследователи выделяют русский тип котлов, в основном клепанных, но встречаются сосуды и со сварными швами «в зубец», как наш экземпляр. Форма «русского» типа обычно была в виде ведра (Руденко, 2000. С. 59). Для характеристики нашей постройки следует подчеркнуть, что котлы как долговечная посуда были довольно дороги и использовать их в быту мог не каждый житель средневекового Новгорода. Нельзя исключать, что многие медные и бронзовые обломки являлись сырьем для бронзолитейного производства.

Хочется обратить внимание еще на один предмет гвоздевидной формы, происходящий из заполнения постройки. Он был изготовлен из свинцово-оловянистого сплава. Стержень шестиугольный в сечении, шляпка сильно расплющена от того, что по ней постоянно били (рис. 44, 4). Изделие можно интерпретировать как инструмент, рабочая часть которого имела закругленную выпуклую форму, а поэтому он мог использоваться для тиснения мелких изделий, например пуговиц.

Предметы из железа

Самую многочисленную группу изделий из железа составляли предметы бытового назначения. Так, в заполнении постройки найдено 23 ножа (18 целых и 5 обломков) совершенно различных размеров (рис. 44, 7–12, 14–17). Это черешковые ножи с выраженным уступом на спинке. Один из ножей имел изящную костяную рукоять (ил. 33, 7). Среди инвентаря сооружения встречены половинка пружинных ножниц (рис. 44, 3); 2 подпружные пряжки – круглая (рис. 44, 13) и прямоугольная (ил. 33, 6) и 3 язычка от пряжек (рис. 42, 12); плоский дверной крючок (рис. 43, 9); одна проволочная, а другая пластинчатая дужки от ведер (рис. 43, 13); 2 ладейные заклепки и шайба от заклепки (рис. 43, 2); 7 скоб различного размера (рис. 43, 5); 5 пробойников с кольцами и крючками (рис. 43, 7, 8); 5 ледоходных шипов, из них 4 с одним шипом (рис. 43, 4) и один с тремя шипами (рис. 43, 3); 4 кованых гвоздя и 3 шляпки от них.

К хозяйственному инвентарю относятся два ключа и дужка от навесного пружинного замка (рис. 43, 1) типа Б, по классификации Б. А. Колчина (Колчин, 1982. С. 160). Один ключ принадлежал навесному замку типа А. Его бородка была круглой, а стержень инкрустирован медной проволокой (ил. 33, 5). Вторым ключом был от нутряного замка, возможно, от сундука (рис. 42, 8; ил. 33,

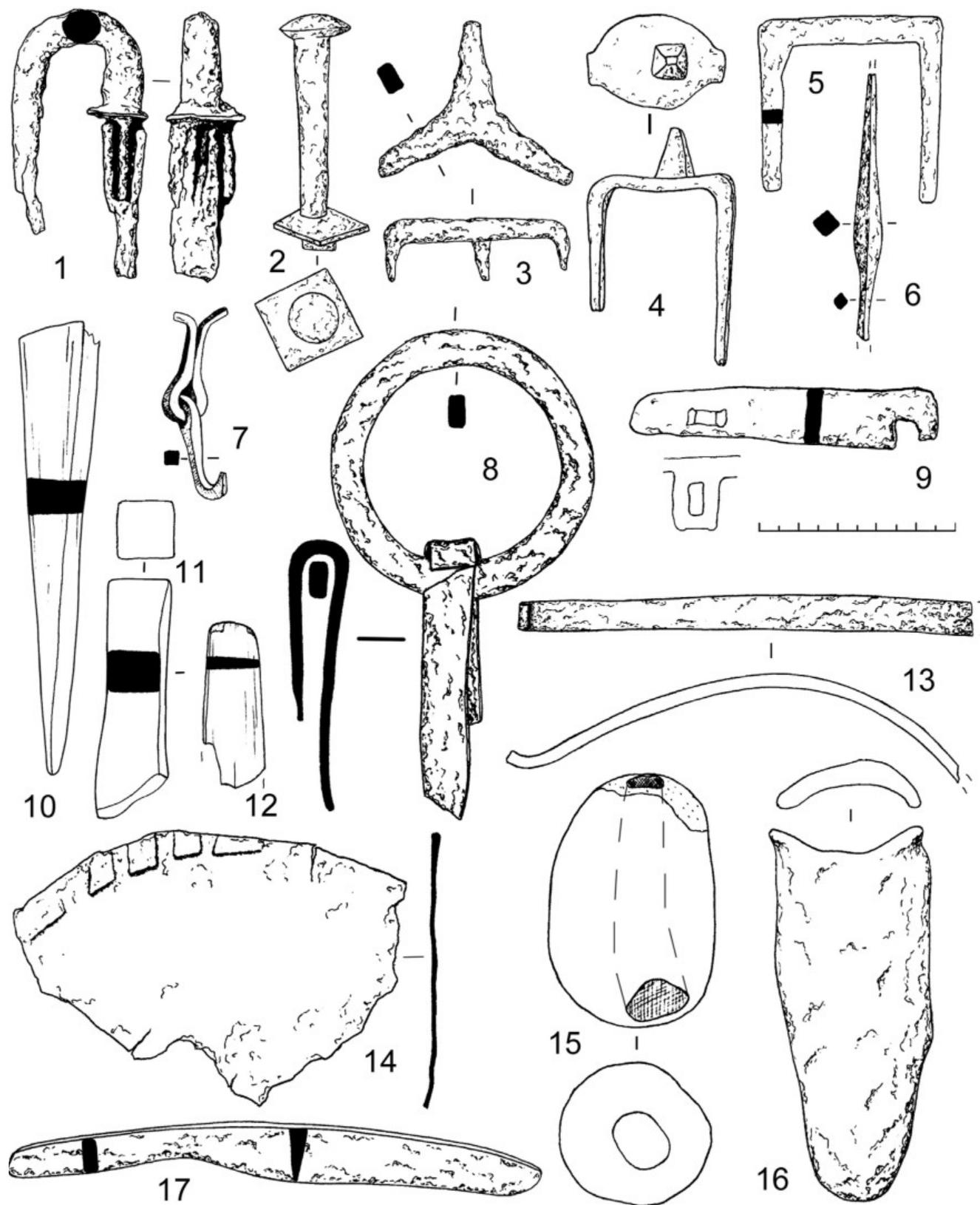

Рис. 43. Предметы из заполнения котлована постройки IV: 1-9, 13, 16, 17 – железо; 10, 12 – сланец; 11 – песчаник, 14 – бронза, 15 – глина

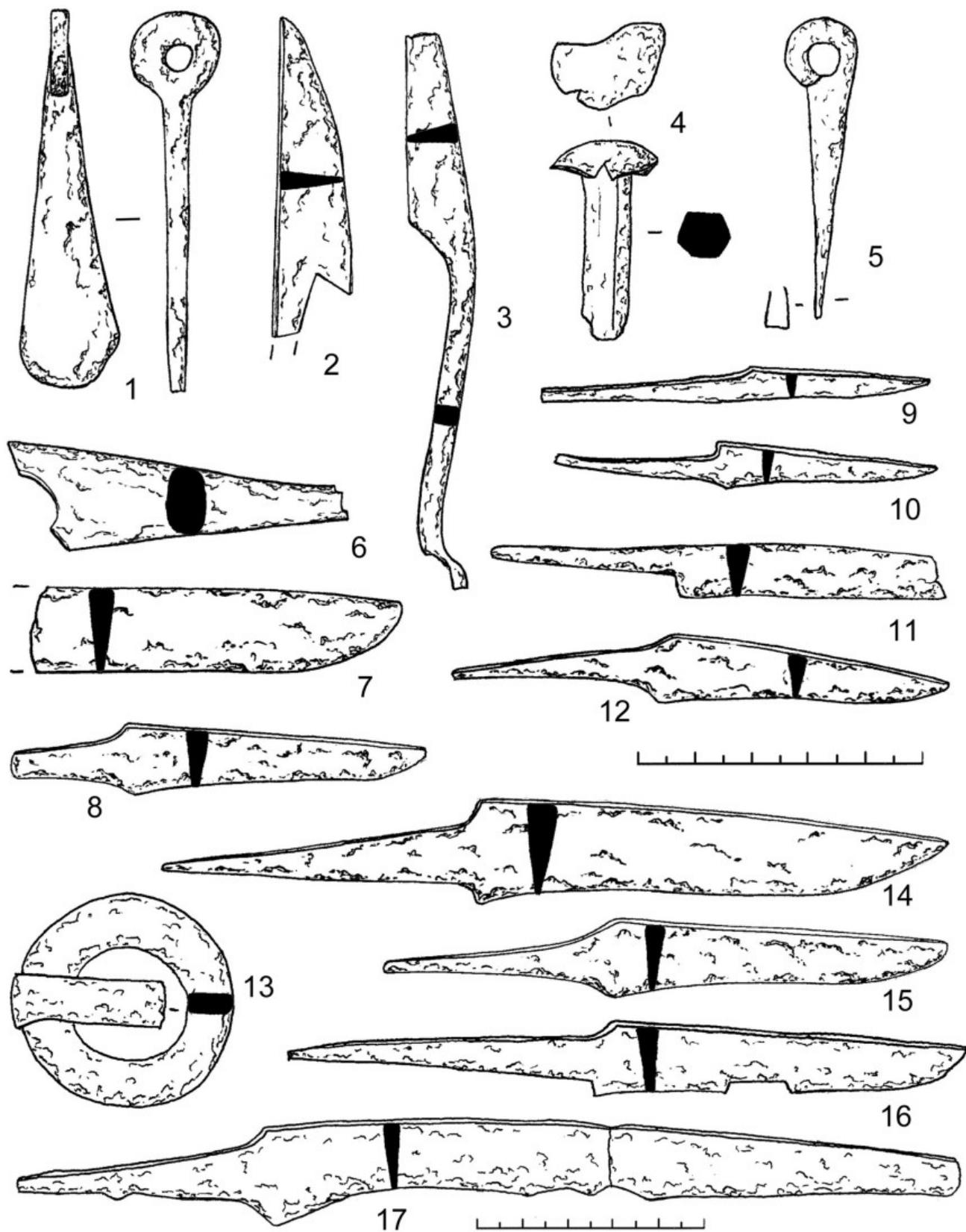

Рис. 44. Предметы из железа из заполнения котлована постройки IV

3). Встречены также 2 железные булавки: одна с топоробразной головкой (ил. 33, 4), а другая большого размера с подвижным кольцом (ил. 33, 8). Такие булавки с кольцами часто встречаются в древнерусских городах. Кроме того, было найдено 2 наконечника стрелы: срезень (ил. 33, 2) и ромбовидный наконечник, перо которого плавно переходит в черешок без упора (ил. 33, 1) – тип 46, по классификации А. Ф. Медведева (*Медведев*, 1966. С. 67, 68).

Назначение некоторых предметов трудно определить. Так, был найден железный наконечник, по форме и пропорциям похожий на сошник (рис. 43, 16), но по размерам он более чем в два раза меньше, чем должен бы быть. Четыре находки можно интерпретировать как инструменты. Стержень ромбовидный в сечении, сужающийся к концам, возможно, был шилом (рис. 43, 6). Одно из изделий с острым краем могло являться резцом (рис. 44, 2), обломок массивного предмета с отверстием в центре напоминает ювелирный молоточек (рис. 44, 6), а конусовидный стержень, раскованный внизу и свернутый кольцом в верхней части – отвертку (рис. 44, 5). Два предмета вполне могут претендовать на роль заготовок для ключа (рис. 44, 1) и ножа (рис. 43, 17).

Предметы из кости

Предметы из кости немногочисленны: вертлюг (ил. 32, 3); большая костяная игла с обломанным ушком (ил. 32, 5); проколка; накладка с железной заклепкой (ил. 32, 4); 2 наконечия от каких-то инструментов, одно из которых с циркульным орнаментом; игральная кость (альчик); круглая поделка с отверстием; целый двусторонний гребень (ил. 32, 1) типа Д, по классификации Б. А. Колчина, и обломок аналогичного гребня (Там же. С. 164–165). Среди данной группы предметов выделяются находки, связанные с косторезным производством (распиленные, высверленные и подтесанные фрагменты костей).

Предметы из камня и глины

В заполнении котлована постройки встречены обломок глиняной писанки (ил. 32, 2); четыре шиферных пряслица (ил. 32, 8, 9); восемь сланцевых оселков и их обломков (рис. 43, 10, 12), оселок из песчаника (рис. 43, 11); два грузила от сетей – каменное плоское и глиняное овальной формы (рис. 43, 15); глиняный шарик. Некоторые предметы могли попасть в заполнение случайно при рытье котлована – фрагмент глиняного диска от вертикального ткацкого станка, обломок тигля и 2 обломка половых плиток с желтой и зеленой поливой.

Изделия из стекла, полуфаянса, полудрагоценных камней и янтаря

Сосуды

При разборке котлована было обнаружено более 120 мелких обломков стеклянных сосудов (характеристику стеклянной посуды см.: Глава 2, с. 41, 42, 44–46). Судя по окраске, обломки принадлежали нескольким сосудам. Наибольшее число представлено фрагментами сосудов из желтого прозрачного стекла (ил. 5, 8, 9, 17, 24, 26, 27, 31), более 10 обломков имели бледно-зеленый травянистый оттенок (на одном из них накладная желтая нить (ил. 5, 5), единичные – фиолетовый и дымчатый цвета. По немногочисленным фрагментам венчиков и донцев можно реконструировать 2 типа древнерусских сосудов. Это кубки с поддонами (ил. 6, 18), которые появились на Руси в 30-е гг. XII в. и просуществовали до середины XIII в., определив облик древнерусской стеклянной посуды (*Щанова*, 1972. С. 58). В Новгороде подобные кубки были широко распространены во второй половине XII–первой половине XIII в. (*Щанова*, 1972. С. 42, 47). Несколько узких стопкообразных днищ (ил. 6, 6, 7, 9, 12, 14) принадлежали открытым воронкообразным сосудам, которые также интерпретируются как лампы для хороса (см. подробнее *Носов и др.*, 2005б. С. 59, 60). В Новгороде они встречаются в слоях второй четверти XI–первой четверти XIII вв. (*Щанова*, 1963. С. 122; 1972. С. 42, 46, 55). Среди обломков стеклянной посуды найдены фрагменты синих прозрачных сосудов, один из них с золотой эмалью (ил. 7, 15, 45, 46, 49). Они относятся к образцам византийской посуды. Два фрагмента принадлежали к оконным стеклам.

Среди развала рухнувшей печи обнаружено четыре фрагмента белой фаянсовой тарелки (диам. ок. 20 см), изготовленной из твердого белого кашина (силикатной массы). Тарелка имела тонкие стенки (3–4 мм), покрытые с обеих сторон бесцветной прозрачной глазурью (ил. 7, 49). На одном обломке зафиксирован декор в виде гравированной кольцевой линии, которая выделяла медальон в центре дна тарелки. Выше этой линии стенки были украшены неглубокими выемками. По заключению В. Ю. Ковалева, данное изделие относится к большой группе ближневосточной полуфаянсовой посуды XII–начала XIII в.

Браслеты, перстни

В заполнении котлована постройки найдены 14 обломков стеклянных браслетов разных цветов (9 крученых и 5 гладких). Среди них выделяются шесть фрагментов от одного крученого браслета ярко-синего цвета (ил. 2, 67). Обломки перстней представлены 3 экземплярами (бирюзовым, темно-коричневым и зеленым).

Бусы из стекла, янтаря и хрусталя

При разборке сооружения зафиксировано 2 бисерины и 10 стеклянных бусин: 6 зонных круглых, 1 темно-зеленая инкрустирована светло-зеленой полосой, 3 битрапециодные II типа, по классификации Ю. Л. Щаповой (с пропорцией 1:1), которые в соответствии с новгородской хронологией датируются XII–началом XIII вв. (Колчин, 1982. С. 167, 168). Кроме того, найдены 3 круглые янтарные бусины и две круглые хрустальные (целая и обломок).

Янтарные изделия также представлены обломком крестика с криновидными лопастями (типа ил. 3-II, 4). Подобный тип крестиков был широко распространен на территории Древней Руси и неоднократно встречался на Городище.

Керамика

В заполнении котлована обнаружена разнообразная гончарная керамика (рис. 45–48). Здесь представлены и кухонные горшки, и неглубокие плоскодонные миски (рис. 46, 1, 3; 47, 1, 5; 48, 3, 5). В верхней части заполнения найдена белоглиняная керамика. Кроме того, зафиксированы 4 черепка с поливой разных оттенков зеленого цвета и зеленого

с коричневым (рис. 47, 6). Полива наносилась как внешне, так и изнутри. Одна из поливных мисок была красноглиняная (рис. 48, 5). В заполнении котлована была представлена и амфорная тара – 18 обломков, среди которых выделяется большой фрагмент верхней части амфоры херсонесского типа с граффити (процарапаны буквы «Щ» и «Б») (рис. 49). Амфора относится к XII–XIII вв. и, согласно классификации В. Ю. Ковалева, входит в группу византийских амфор типа I (вид 2) (Коваль, 2003. С. 261–271, 347, рис. 2, 2).

Керамический материал позволяет датировать данную постройку XII–XIII вв. Этому не противоречит и весь вещевой комплекс. Однако хронологическая амплитуда некоторых изделий, таких как плетеный перстень, энколпион, позолоченная 8-лепестковая бляшка, двусторонний гребень, кубки с поддонами, в совокупности позволяет сузить дату до последней трети XII–начала XIII в. Новый дом на данном участке не возводился заново. Котлован сооружения постепенно просел, и при разборке ранней церкви Благовещения в середине XIV в. сюда была сдвинута часть строительного мусора.

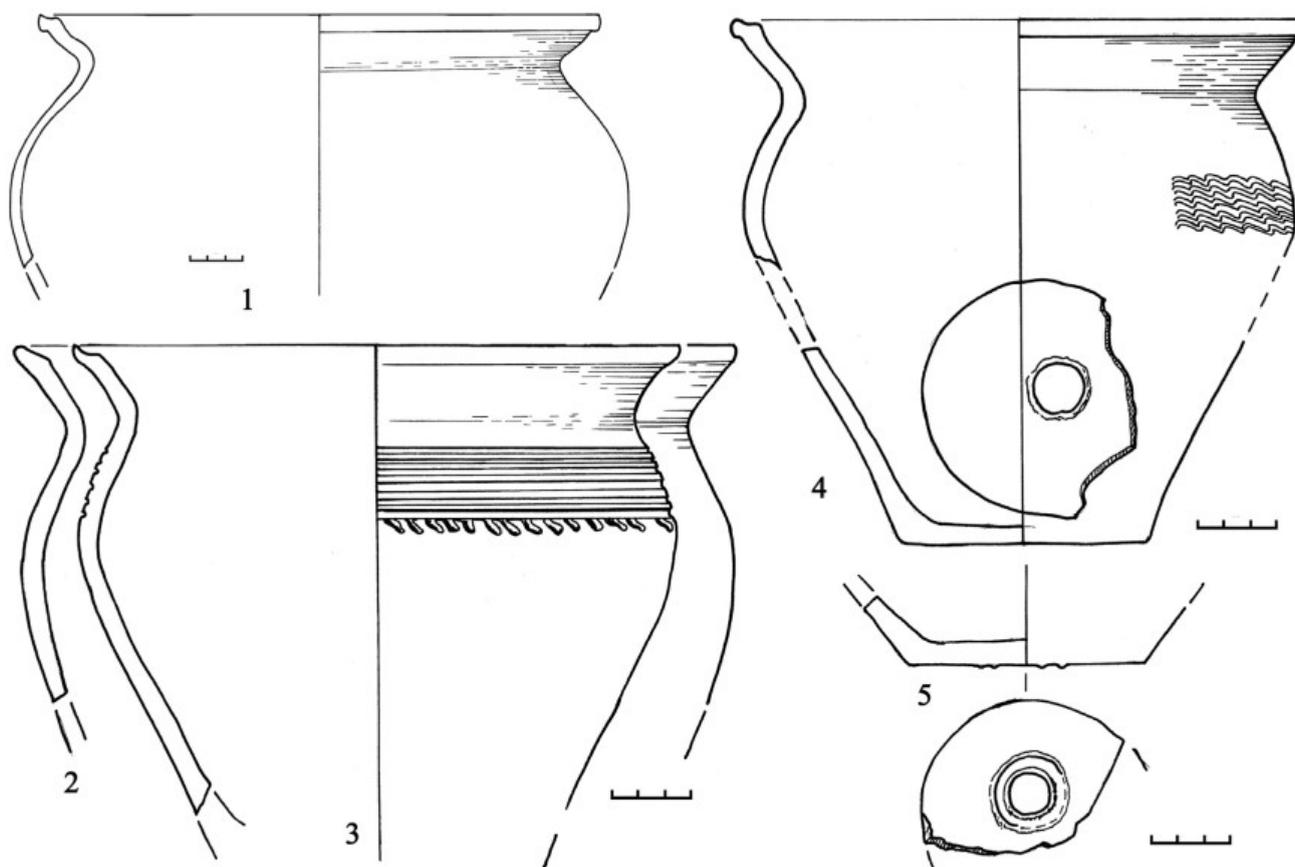

Рис. 45. Образцы керамических форм из заполнения котлована постройки IV

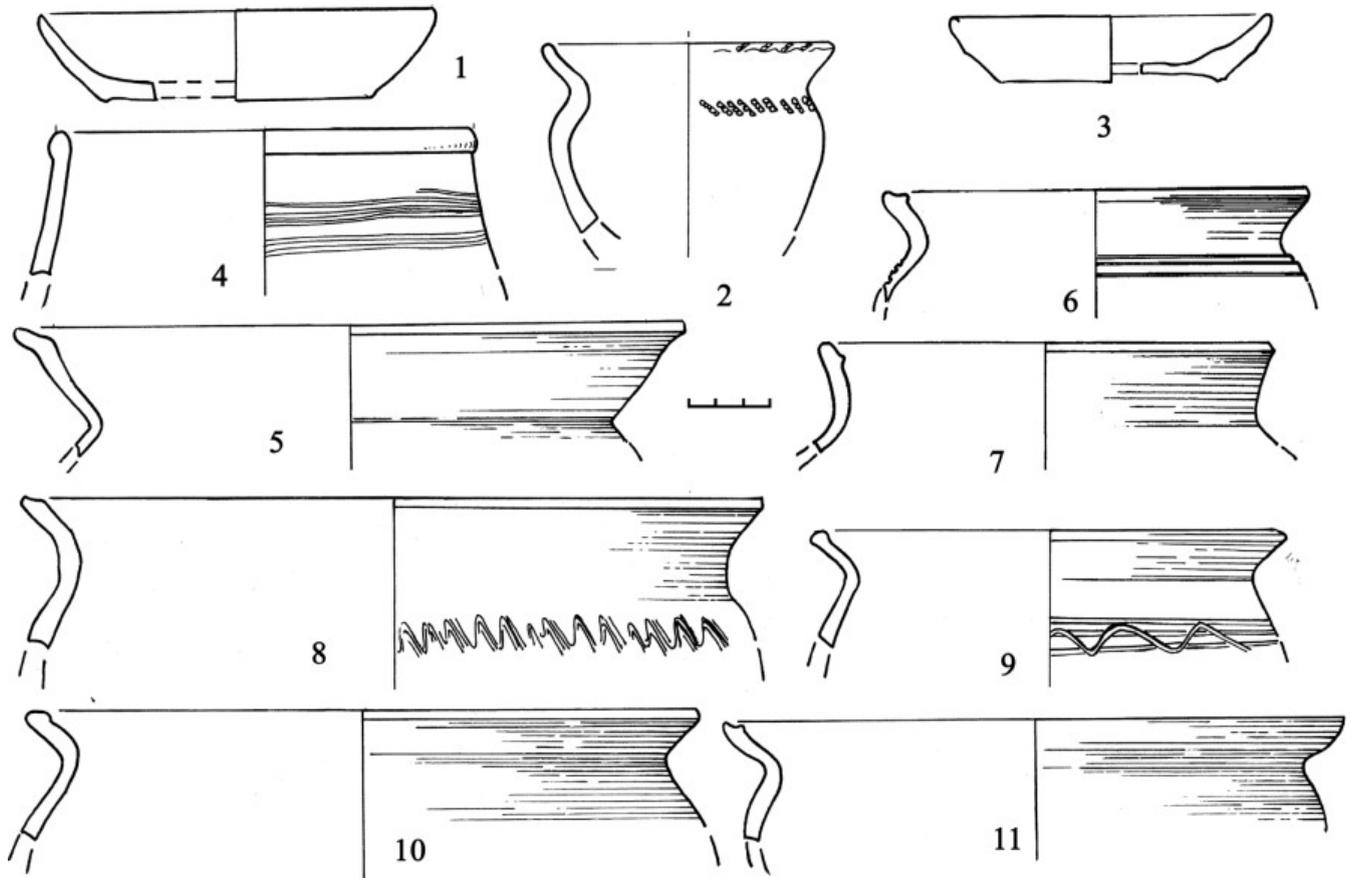

Рис. 46. Образцы керамических форм из заполнения котлована постройки IV

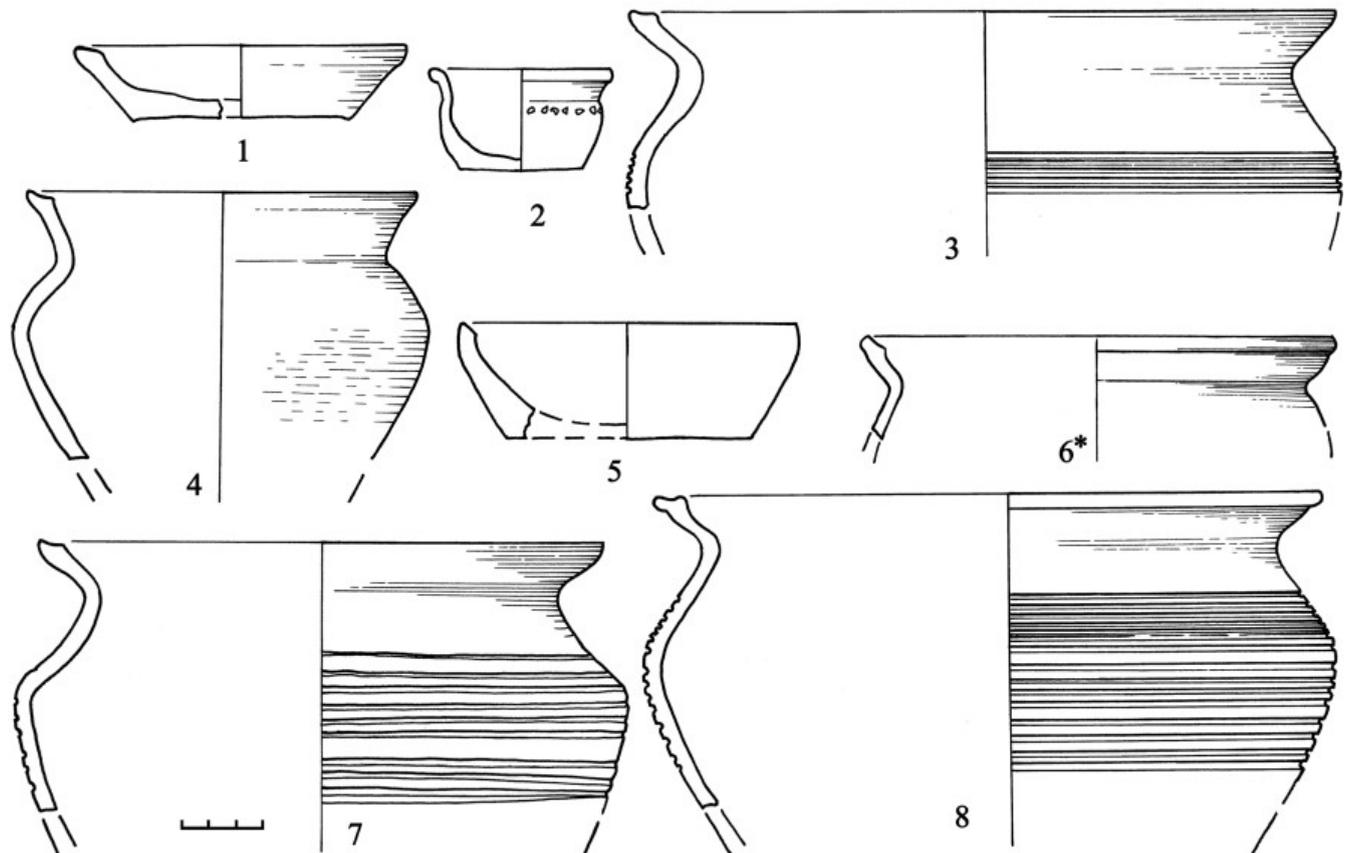

Рис. 47. Образцы керамических форм из заполнения котлована постройки IV

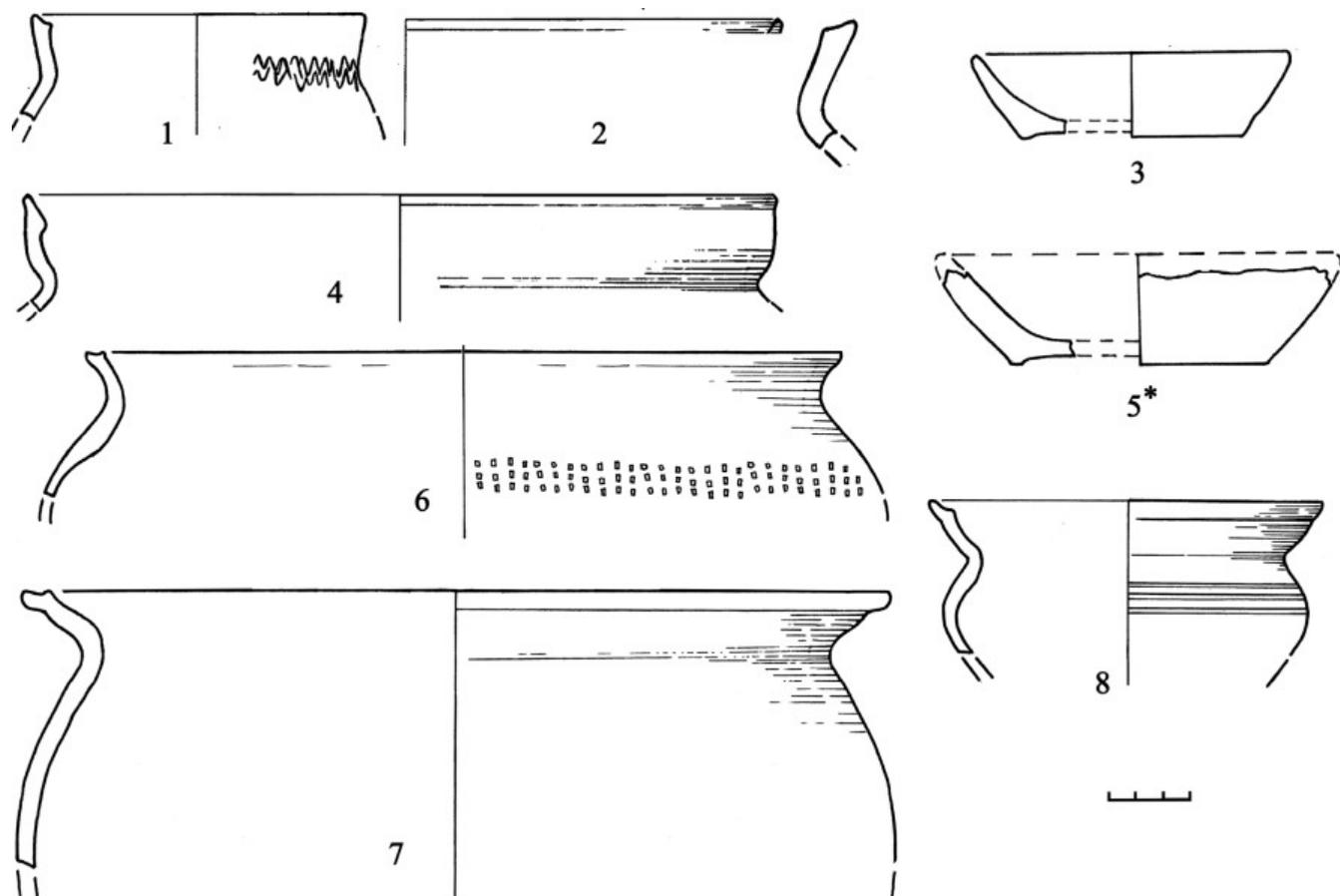

Рис. 48. Образцы керамических форм из заполнения котлована постройки IV

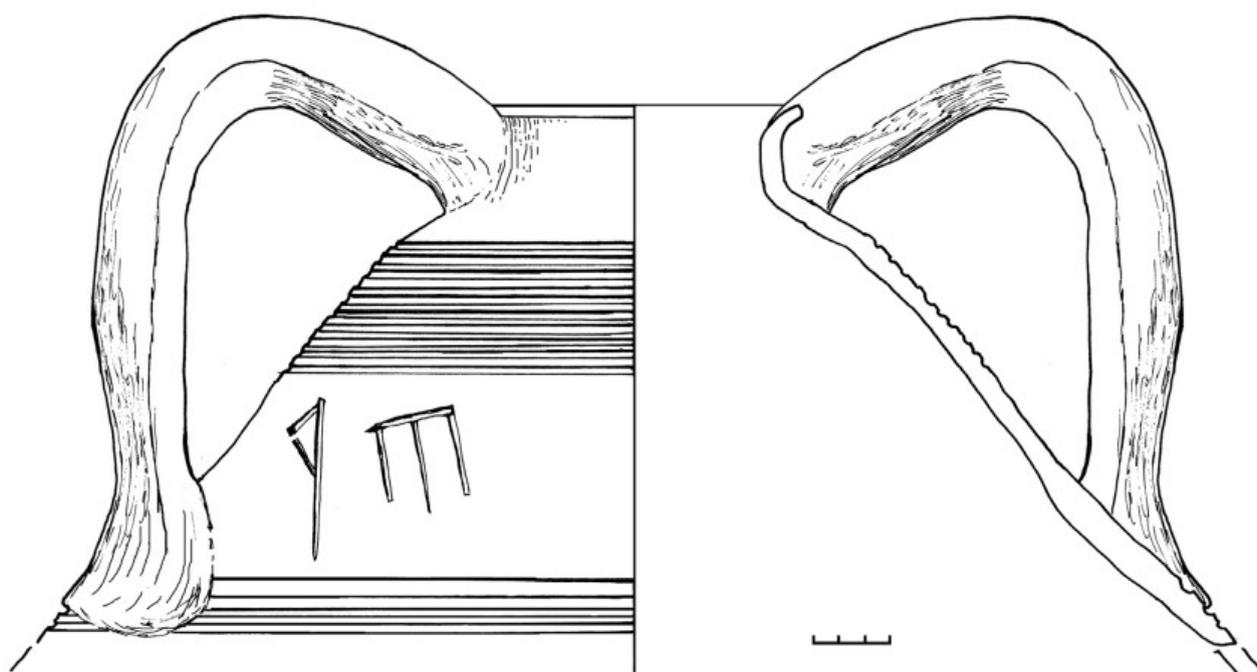

Рис. 49. Верхняя часть амфоры из заполнения котлована постройки IV

Постройка V

При разборке песчаной засыпи рва на уровне -330 м зафиксирована нижняя часть большой позднесредневековой деревянной постройки (рис. 41). На фоне светлого серо-желтого песка хорошо выделялись западная и северная стенки в виде тлена от бревенчатой конструкции (диаметр бревен 0,25–0,30 м) (ил. 34). Постройка имела прямоугольную форму, размеры 3,68 × 6,44 м, и была вытянута в направлении запад–восток (рис. 50). Ее стены были ориентированы по сторонам света, а заполнение отличалось от песчаной засыпи рва большей гумусированностью. Судя по найденным на уровне древесного тлена находкам (3 железные скобы, гвоздь, железная пластинка и обломок стеклянного сосуда из прозрачного желтого стекла), сооружение, скорее всего, носило хозяйственный характер. Внутри его рядом с восточной стенкой находилась овальная в плане яма (размерами 1,32 × 2 м, глубиной – 0,56 м). По уплощенному дну и достаточно крутым стенкам ямы прослеживался тонкий до 0,08 м углистый слой, насыщенный глиной, возможно, остатки обмазки. Заполнение

ямы – серо-коричневый песок, хорошо выделявший ее на общем фоне песчаной засыпи. В яме встречена гончарная керамика XIII–XIV вв. (рис. 51). Поскольку данная постройка не имела котлована, ее интерпретация затруднена, не совсем понятно, была ли яма непосредственно связана с постройкой или вырыта позже. В этой связи интересны наблюдения О. В. Григорьевой, сделанные на материалах печатей (Григорьева, 2014. С. 245–262), и А. В. Плохова – на материалах стеклянной посуды. В темно-сером слое в районе этой постройки, как и постройки IV², фиксируется достаточно большая концентрация обломков стеклянных сосудов, а также на этих участках чаще встречаются древнерусские печати. Обе категории находок относятся к престижным изделиям, и такая их локализация позволяет сделать предположение, что это, видимо, холодное помещение, так как остатков печи не зафиксировано, все же составляло с постройкой IV какой-то единый комплекс, так как, судя по планиграфии обломков стеклянных сосудов, они «густым пятном» покрывают и пространства между ними (ил. 8).

Постройка VI

При зачистке материка в северо-восточной части раскопа зафиксировано большое подчетырехугольное пятно темно-серого цвета размером 2,6 × 6,1 м, уходящее в северную стенку раскопа (рис. 16, 41; ил. 35). При его разборке выявлена часть углубленной в материк подпольной ямы, возможно, от двухэтажного сруба размерами около 5 × 6 м, глубиной 1,18 м. Яма имела вертикальные стенки и плоское дно. С восточной стороны постройка незначительно нарушена траншеей военного времени. Котлован был заполнен темно-серым гумусом с примесью песка и отдельных включений черного гумуса. В его центральной части в разрезе подпольной ямы сверху фиксировался слой черного гумуса с примесью камней и плитки мощностью 0,35–0,4 м, под которым прослежен слой коричневого гумуса с древесным тленом, включениями светло-коричневой глины и плитки мощностью до 0,28–0,4 м. Нижняя часть постройки была заполнена темно-серым гумусом, в котором отмечена прослойка с примесью камней, песка и светло-коричневой глины, спускающаяся на глубину до 1 м (рис. 16, разрез северной стенки). Разборка двух верхних слоев (черного и коричневого) показывает их мешанный характер. Здесь найдена как древнерусская керамика XII–XIII вв., так и значительное количество лепной и раннегончарной

посуды. Несомненно, при нивелировке котлована часть грунта была взята с соседнего участка, где располагалось производственное сооружение X в. (см. описание комплекса № 65). Именно поэтому в слоях черного и коричневого гумуса в западной части постройки обнаружены предметы, которые можно связать с этим ремесленным комплексом. К ним относятся литая бронзовая бляшка – крючок в виде стилизованной звериной морды с тремя ушками для крепления, маленький обломок глиняного диска от вертикального ткацкого станка и два фрагмента венчиков от миниатюрных тиглей, на внутренней стенке одного из которых прослеживаются мелкие капельки золота. Явное свидетельство того, что в тигле плавил металл для изготовления драгоценных украшений.

Находка бронзового крючка-бляшки в стиле Борре, выполненного в виде звериной маски, чрезвычайно интересна (рис. 6, 1). Это уже пятый подобный крючок, встреченный на Городище, хотя в целом данная вещь достаточно редка и в самой

² В статье О. В. Григорьевой они обозначены как постройка 7 и 8, в связи с последовательностью их исследования. Для данной публикации мы дали единую нумерацию вместе с сооружениями, изученными в 1980-е гг., поскольку были объединены итоги всех работ.

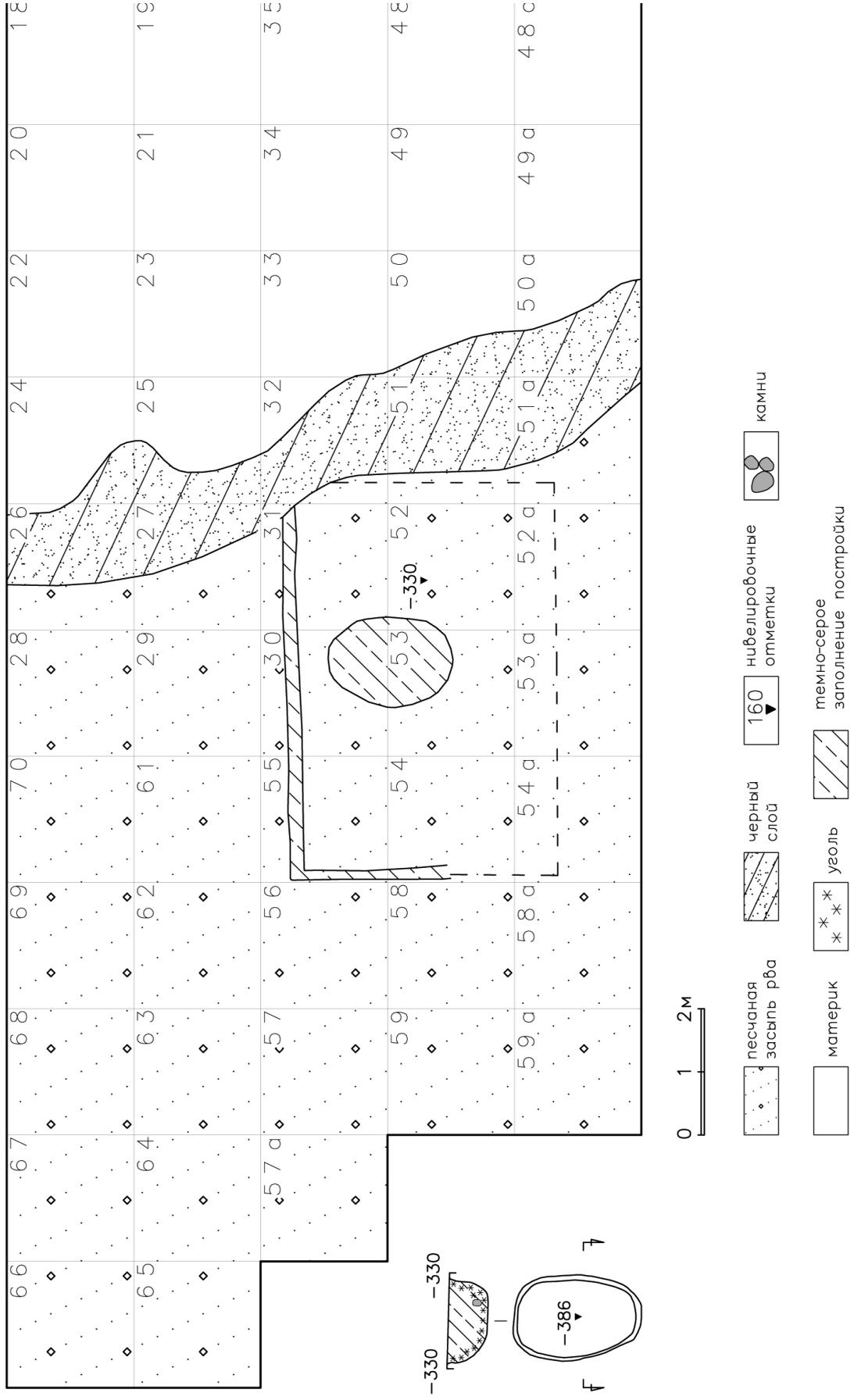

Рис. 50. План постройки V в песчаной засыпи рва

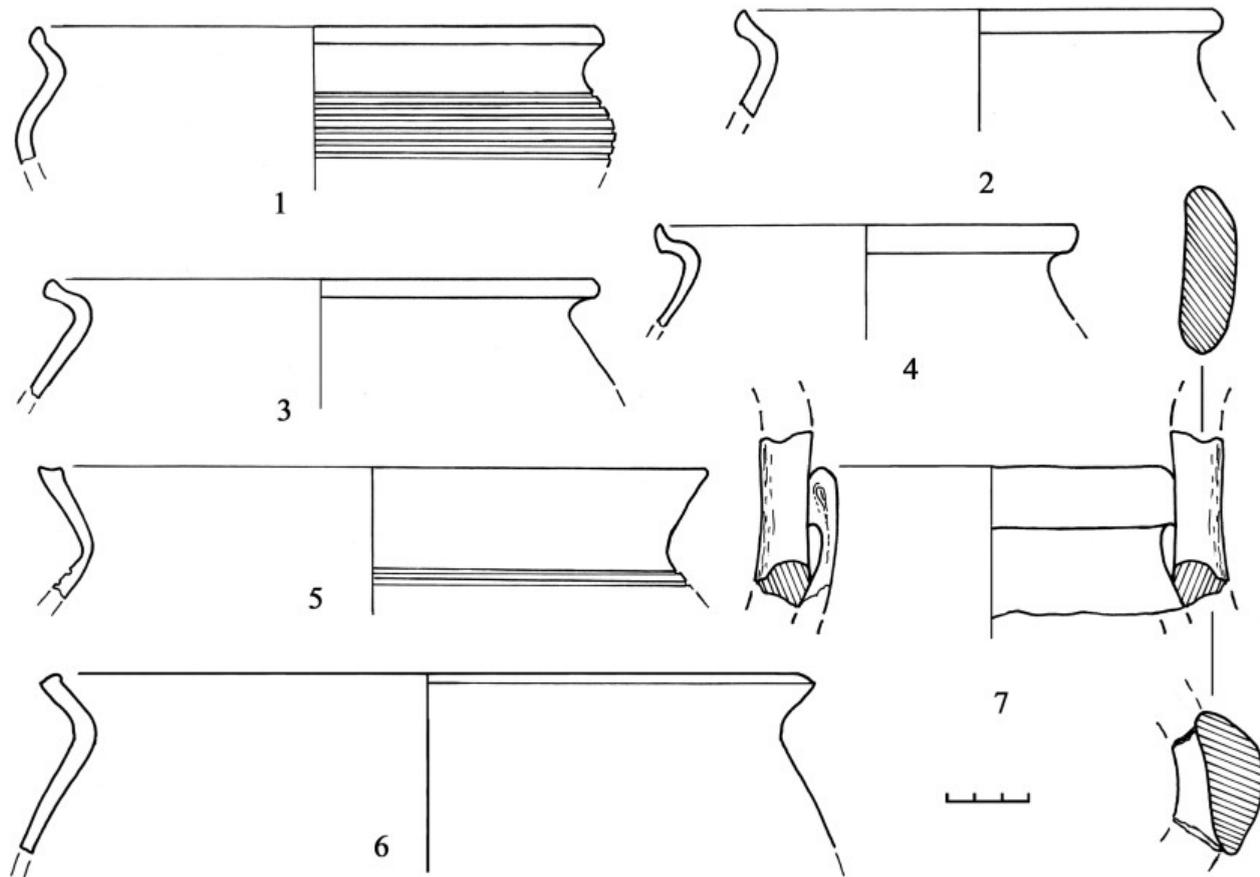

Рис. 51. Керамика из заполнения ямы средневековой постройки V

Скандинавии. В Бирке пара таких крючков зафиксирована у ног погребенного мужчины ушками с отверстиями вниз (захоронение № 906). Как полагают авторы раскопок, за ушки крючки пришивались к полосам шерстяных онучей, которые в свою очередь цеплялись уже с помощью самого крючка к холщовым штанам (Arbman, 1943. S. 353. Abb. 304, 6). Встреченные на Городище крючки являлись производственным браком. У них либо отсутствовали сами крючки, либо не было отверстий в ушках (Хвоцинская, 2007. С. 132, 134). Это позволило высказать предположение, что подобные элементы мужской одежды изготовлялись непосредственно на Городище (Носов, 1990. С. 162). У рассматриваемого экземпляра кончик был отломан, но при внимательном анализе видно, что сам крючок при отливке не получился, он лишь намечен. Тот факт, что ни один из найденных на Городище крючков не мог служить по их изначально предполагавшемуся назначению, наводит на мысль об их, возможно, ином использовании.

В заполнении постройки также найдены фрагмент венчика желтого стеклянного сосуда, с накладными фиолетовыми параллельными нитями;

бронзовая игла от подковообразной фибулы, свинцовая пломба; бронзовая книжная застежка с трапециевидным приемником с вогнутыми сторонами (типа ил. 13, 31); два фрагмента изогнутой проволоки; тонкое железное колечко. К немногочисленной группе предметов бытового характера относятся три ножа; два обломка сланцевых оселков, один с отверстием для подвешивания; обломки железного пробойника с петлей; глиняный шарик с углублением конической формы; фрагмент железного крюка; поврежденный ледоходный шип и два биконических пряслица (половинка глиняного и целое каменное).

Южная стенка комплекса нарушена ямой (1,2 × 1,4 м, глуб. 0,84 м), заполненной черным гумусом с включениями угля и песка. Из находок в ней обнаружен бронзовый грушевидный бубенчик с крестообразной прорезью.

Как мы уже отмечали, несмотря на то что в верхних частях заполнения постройки встречена лепная и раннегончарная посуда, в целом основная масса найденного керамического материала относится к XII–началу XIII вв. (рис. 52), чему не противоречат и обнаруженные в ней вещи.

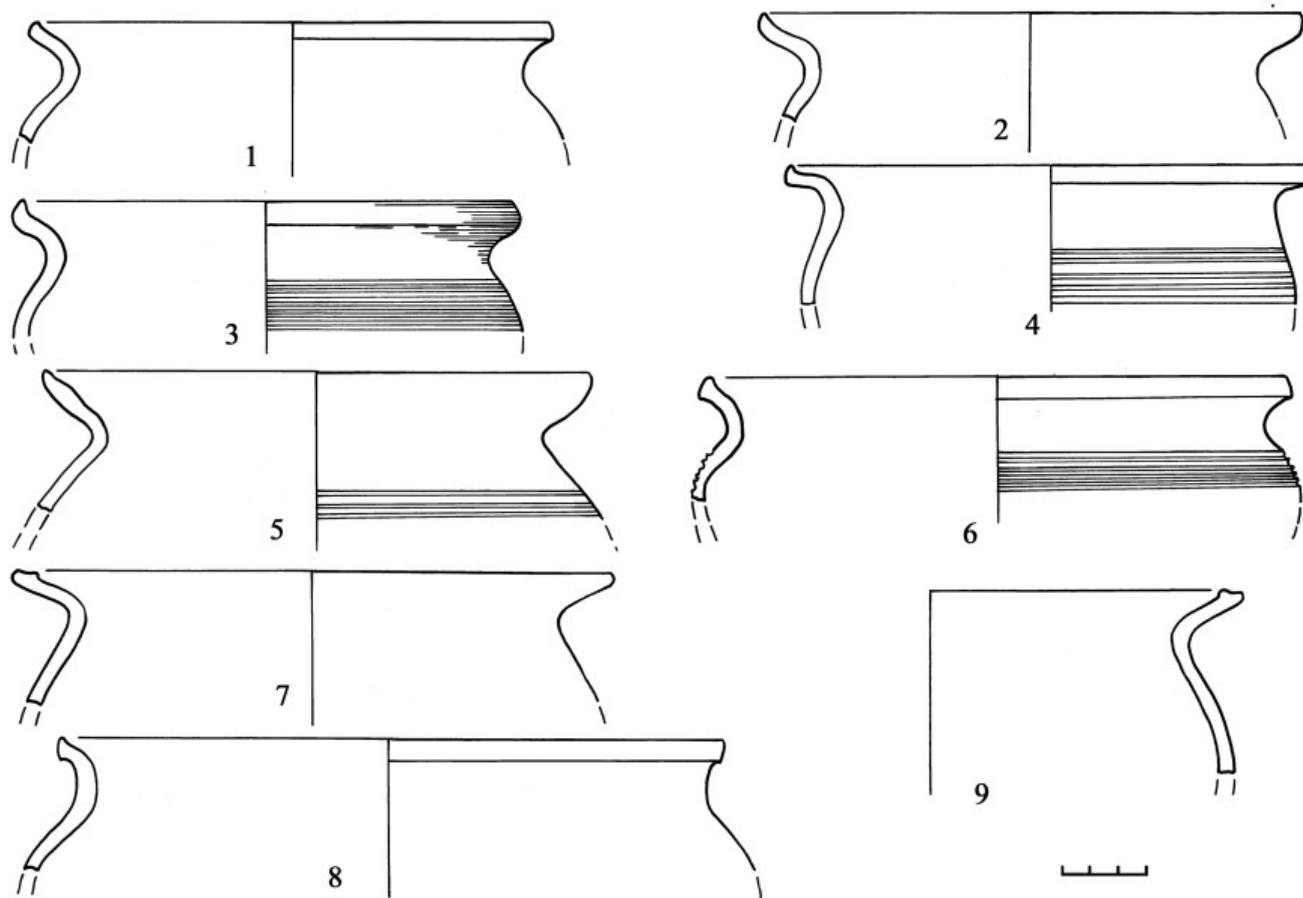

Рис. 52. Керамика из заполнения котлована постройки VI

Постройка VII

В северной части было зафиксировано пятно глины и черного гумуса с многочисленными включениями угля и камней. При его разборке выявлено квадратное большое сооружение со стороной 4 м (рис. 41). Нижняя часть постройки уходила в западную стенку раскопа. Стенки комплекса вертикальные, дно плоское, заполнение – черный гумус с включениями глины, камней, угольков (рис. 15). Здесь мы наблюдаем картину близкую той, что была выявлена на хорошо стратифицированной постройке IV. Подвальное помещение было углублено в материк на 0,85 м, однако, как видно из разреза западной стенки, оно начинает фиксироваться еще выше в культурном слое и выходит за пределы материкового углубления (рис. 15, разрез). В данном случае стратиграфия более «смазанная», но тем не менее ясно, что сруб был больше углубленного подвала, а высота подклета составляла более 1 м. Северная стенка постройки частично нарушена более поздней ямой квадратной в плане. С востока к котловану постройки примыкало небольшое углубление (на 0,3 м) с пологими стенками, аналогичное

по времени и характеру заполнения постройке. Возможно, это следы входа.

Котлован постройки насыщен керамикой конца XII–XIII вв. (рис. 32, 1, 5, 8, 9, 11–16). Следует отметить присутствие части поливной мисочки домонгольского периода (рис. 32, 12). Индивидуальные находки малочисленны и маловыразительны, но в целом они не противоречат общей датировке по керамике. Это – обломок плетеного из трех проволок колечка, ледоходный шип, язычок от фибулы, шиферное пряслице и 7 металлических предметов неясного назначения (бронзовая пластинка, 6 фрагментов железных предметов, возможно, скоб, заклепок и гвоздей), обломки костяного изделия и керамической плитки. Из общего ряда выбиваются два предмета – хрустальная бипирамидальная бусина и часть глиняного диска от вертикального ткацкого станка, датируемые более ранним временем. Они, однако, найдены в той части постройки, которая была нарушена поздним перекопом, и могли попасть из темно-серого перемешанного культурного слоя. В целом можно

сказать, что данная постройка относится к концу XII–первой половине XIII в.

Таким образом, три постройки IV, VI и VII по конструкции представляли собой остатки больших, возможно, даже двухэтажных домов. При раскопках были разобраны котлованы их подпольных помещений, над которыми стояли наземные срубы, видимо, больших по площади размеров. Все сооружения относились к домонгольскому времени. Находки из заполнения построек VI и VII достаточно немногочисленны и маловыразительны, характеризовали повседневный быт обитателей древнерусского поселения и обычные для этого времени типы вещей и украшений, а поэтому трудно делать выводы о имущественном состоянии их владельцев. Кроме того, заполнения этих построек были нарушены перекопами и в верхних их частях встречается смешанный материал.

В этом плане постройка IV выделяется среди прочих. По характеру облицовки стен подполья,

количеству найденной в заполнении импортной посуды, включающей амфорную тару, в которой привозились престижные продукты с юга (вино и оливковое масло), тарелки ближневосточного происхождения, а также редкие украшения и элементы одежды с позолотой и инкрустацией эмалью, золотные нити, энколпион, свинцовые печати, скрепляющие деловые документы, очевидно, что владельцы этого дома социально выделялись среди прочих обитателей поселка. Это подтверждается концентрацией находок фрагментов стеклянной посуды в темно-сером слое над котлованом подвального помещения (ил. 8), где также было найдено тисненое конусовидное золотое украшение (ил. 22, 1). Имеющиеся материалы свидетельствуют, что данная постройка вместе с постройками, открытыми в 1984–1985 гг., входила в состав сооружений княжеского двора, а ее обитатели несомненно имели высокий социальный статус.

СЕВЕРНЫЕ ПОСТРОЙКИ С УГЛУБЛЕННЫМИ ПОДКЛЕТАМИ В СИСТЕМЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Многолетние исследования центральной части Городища показали, что среди не раз перемешанных отложений и материалов встречаются отдельные целые древние комплексы, вернее, как правило, их углубленные в материк части с находками соответствующего времени. Большинство из них относится к концу I тыс. н. э., но некоторые датируются эпохой раннего металла и древнерусским временем. Открытие последних чрезвычайно важно, поскольку позволяет хотя бы в самых общих чертах наметить планировку Городища периода существования на нем не раз упомянутой в летописях древнерусской княжеской резиденции, чего мы совсем не знаем.

Особый интерес среди исследованных больших построек Рюрикова городища представляют сооружения с углубленными подпольями, и прежде всего постройка IV, аналогичная трем большим строениям, открытым к северо-западу от нее в раскопе 1984–1985 гг., относящимся к XII–XV вв. Их детальная характеристика и описание материала опубликованы Е. Н. Носовым и В. А. Плоховым (*Носов и др.*, 2005б. С. 33–47). Общий вывод авторов был следующий: «Большие размеры строений, расположение их вблизи княжеской церкви Благовещения – в 21 м к югу от храма позволяют думать, что они входили в комплекс построек княжеского двора, находившегося на Городище в древнерусское время. Об этом же говорит и богатый материал из их заполнения. Дорогие импортные товары (стеклянная и керамиче-

ская посуда, престижные пищевые продукты, перевозимые в амфорах, украшения) были доступны лишь верхам древнерусского общества. В Новгороде они были встречены только на боярских усадьбах, но в гораздо меньшем числе». Кроме того, о неординарности исследованных построек свидетельствуют найденные при их разборке костяная печать, заготовка вислой свинцовой печати, а также литейная формочка из песчаника для отливки заготовок таких печатей, встреченная в слое над котлованом одного из сооружений. «Подобные находки свидетельствуют о принадлежности построек лицам, которые занимали высокие административные должности и имели право скреплять официальные документы своими печатями» (Там же. С. 46–47). Имея в виду вопрос о близости расположения построек княжеского двора и княжеского храма, следует напомнить, что исследователи предполагали, что в Новгороде на Ярославовом дворище княжеские хоромы непосредственно примыкали с запада к княжескому Никольскому собору (1113 г.) и из них можно было прямо пройти на хоры (*Каргер*, 1980. С. 130; *Булкин, Овсянников*, 1981. С. 131). Возможно, похожа была и ситуация на Городище, где строительство княжеского собора (1103 г.) лишь на десятилетие опередило возведение церкви на Торговой стороне. М. К. Каргер, приступив к археологическому поиску городищенского Благовещенского храма 1103 г., считал, что местоположения княжеской церкви и

хором взаимосвязанно. По его мнению, «находка древнейшего памятника княжеского строительства на Городище даст надежду найти поблизости от него и остатки княжеского двора новгородских князей» (Каргер, 1947. С. 148).

Вывод о социальной атрибуции больших построек Рюрика городища в дальнейшем не стал предметом обсуждения в литературе, лишь В. А. Лапшин обратил на него специальное внимание. Он сопоставил с постройками Городища комплексы больших построек из раскопок 2001–2002 гг. нижегородского кремля. По его мнению, они близки не только по времени, но и по конструкции, но если в Нижнем Новгороде до нас дошли только подполья, то на Городище сохранились и контуры наземных частей строений. Автор согласился и с интерпретацией городищенских сооружений как входящих в комплекс княжеского двора. Он полагал, что в Нижнем Новгороде раскопанная им усадьба располагалась к югу от княжеского двора и принадлежала доверенному лицу князя, связанному с ведением княжеского хозяйства (Лапшин, 2010. С. 178, 184). Особую роль при такой интерпретации В. А. Лапшин придавал находке в одной из ям XIV в. рядом с подпольями костяной печати – матрицы, выточенной на токарном станке в форме шахматной пешки (Грибов, Лапшин, 2008. С. 145. Рис. 3, 1). Такие печати, как полагает В. А. Лапшин, «считаются свидетельством княжеского хозяйства и, скорее всего, принадлежали не самому князю, а его доверенному лицу, так как предназначались для опечатывания восковым оттиском княжеского имущества» (Лапшин, 2010. С. 184).

При первой полной публикации больших городищенских построек совершенно не был освещен еще один принципиальный вопрос, возникающий при их осмыслении. Дело в том, что в самом Новгороде нет ни одной жилой постройки с выраженным подпольем, как важнейшей конструктивной части строения. Нет никаких упоминаний о них в специальных работах по новгородскому домостроительству и его реконструкциям – П. И. Засурцева, Г. В. Борисевича, Ю. П. Спегальского, Н. Н. Фараджевой и других публикаторов и интерпретаторов построек средневекового Новгорода (Засурцев, 1963; Спегальский, 1972; Раппопорт, 1975; Раппопорт и др., 1985; Фараджева, 1992. С. 51–61; 2010). Почему в части наличия больших подполий Новгород и Городище так различались, хотя углубленные конструкции (ямы), особенно в нижних новгородских слоях, встречались? Считать, что это связано исключительно только с социальными различиями обитателей Городища (князя и их окружение) и собственно

горожанами, нельзя, поскольку на Неревском и Троицком раскопах изучены огромные усадьбы богатейших новгородских боярских кланов, которые могли в смысле устройства своего быта позволить себе все, что позволяли князья. Причина явно лежит в другой плоскости.

Городищенская возвышенность отличалась от территории собственно Новгорода характером материка и соответственно культурных отложений. В Новгороде культурный слой увлажнен, а в случае с Городищем мы имеем дело с сухими напластованиями древнерусского времени. Признанный основоположник изучения новгородского домостроительства П. И. Засурцев справедливо заключил, что «новгородцы из-за сырости лишены были возможности использовать подполья для хозяйственных нужд. Довольно редко сооружались и погреба, которые постоянно затоплялись грунтовыми водами и пригодны были разве что для хранения боченков с солениями» (Засурцев, 1967. С. 102). Вывод, сделанный 50 лет назад, остается справедливым и сейчас, хотя материал по характеру построек Новгорода постоянно пополнялся все эти годы.

То, что постройки с углубленными подклетами бытовали в окрестностях Новгорода, доказывают раскопки в Перыни, до конца не понятые в свое время. Здесь над остатками древнерусского языческого святилища был изучен культурный слой XII–XV вв. В нем обнаружены, как отмечал В. В. Седов при публикации материала, «полуземляночные постройки жилого и хозяйственного назначения» (Седов, 1956. С. 108). Исследовано 19 полуземлянок, которые стратиграфически разделяются на два яруса. Котлованы построек нижнего яруса были выкопаны в материке и относятся к XII в., верхнего – ко второй половине XIII–началу XV вв.

Основания построек имеют глубину от 0,5–0,6 до 1,2 м. В них сохранились остатки деревянных стен, иногда дощатых полов, ямы от столбов несущих конструкций. Некоторые из углубленных строений использовались в хозяйственных целях. Важнейшим признаком для выяснения назначения построек является наличие в них печей, стоявших на полу. Таких домов определено зафиксировано три. Их размеры 4 × 4,5 м, 3,2 × 4 м, 3,5 × 3,5 м, глубина соответственно 0,5, 0,8 и 0,3–0,4 м. Это жилые дома с углубленным в грунт полом. Именно их в литературе упорно называют полуземлянками, хотя по сути дела это вариант наземных домов, у которых 90 % объема здания возвышалось над землей (Раппопорт, 1975. С. 116; Борисевич, 1978. С. 284–286). Кроме того, раскопаны котлованы как минимум пяти построек другого типа. Их глубина несколько

больше от 0,8 до 1,2 м, в полу двух из них имеются по второй значительной яме глубиной 0,3 м и 1 м – «ледники», а общие размеры котлованов: 4,5 × 4,6 м, 4 × 4 м, 3 × 4 м и т. д. В заполнении найдены лишь отдельные камни от печей. Это, несомненно, наземные срубные дома с углубленными подпольями, типа домов с Городища, но только меньших размеров. Две небольшие хозяйственные постройки имели плетневые стены. В одной из них на полу были остатки печи. Котлованы других хозяйственных строений в тенденции были несколько меньше по размерам, чем котлованы жилых домов. В одном случае сруб, впущенный на глубину 1,2 м, был сделан из березовых бревен толщиной 15 см.

В. В. Седов, публикуя материалы перынского поселения, придерживался взглядов на древнерусское домостроительство, сложившихся в советской науке к началу 1950-х гг. «Постройки, углубленные в землю, – по его мнению, – характерны для южных областей древней Руси», в северных районах «основной формой жилища становятся наземные срубные постройки», хорошо известные по раскопкам в Пскове, Старой Ладоге, Новгороде, а в средней полосе Восточной Европы оба типа построек существуют одновременно (упомянуты работы А. Л. Монгайта, А. Ф. Дубынина, Н. П. Милонова). Общий вывод следующий: перыньские полуземлянки «по своим конструктивным особенностям... ближе всего к средне-русским, известным по раскопкам в Суздале и Твери», вероятно, они свидетельствуют о проникновении в Северное Приильменье населения из более южных районов Древней Руси (Седов, 1956. С. 117).

П. А. Раппопорт, включив полуземлянки в Перыни в свой каталог жилищ в монографии «Древнерусское жилище», изложил описание сооружений по В. В. Седову (Раппопорт, 1975. С. 110. № 303). Следуя автору публикации и констатируя вслед за ним своеобразную парность в расположении построек, когда рядом с каждым жилищем находилось чуть меньшее хозяйственное помещение, П. А. Раппопорт оказался в затруднении объяснить сам факт наличия под Новгородом полуземляночных жилищ. В обобщающем разделе каталога он назвал поселение «единственным исключением» и вышел из положения следующим образом: «единичность данного примера и устойчивое бытование полуземлянок в течение долгого времени (с XII до начала XV в.) в полном отрыве от территории остальных полуземляночных жилищ заставляют поставить жилища Перыни под сомнение. Не исключена возможность, что эти постройки служили не жилищами, а производственными помещениями (например, для копчения сетей)...» (Там же. С. 127).

В советской археологической науке после сенсационных новгородских открытий и раскопок древней Ладogi и Пскова, на фоне исследований в Киеве и в Поднепровье, обобщенных М. К. Каргером, прочно закрепились некие стереотипные представления о домостроительстве в Северной, Южной и Северо-Восточной Руси. Крайне популярной оказалась тенденция объяснять особенности древнерусского домостроительства в разных регионах в первую очередь переселениями населения из тех или иных районов (Там же. С. 166 и др.). О причинах этого часто не задумывались. Например, В. В. Седов полагал, что основным занятием обитателей Перыни ввиду удобства расположения у самого истока Волхова из Ильменя была рыбная ловля, наряду с сельским хозяйством, и жители поселка снабжали Новгород рыбой. Почему рыбой занялись выходцы с юга Руси, основав обособленный своего рода «земляческий квартал» на всхолмлении на месте древнего капища и построив там на свой манер дома и сделали своим рыбный промысел на столетия с XII до XV в.? Местных рыбаков не хватало? Ответа нет. Проще было объяснить появление особого, как тогда казалось, типа построек переселением. Отсутствие углубленных в грунт подполий у части домов древнего Владимира послужило для М. В. Седовой важнейшим аргументом для подтверждения ее предположения о принадлежности этих построек переселенцам из Новгорода, для которых устройство таких подполий было не характерным (Седова, 2004. С. 128).

Итоги изучения древнерусского домостроительства на начало 1970-х гг. подвел П. А. Раппопорт на основе собранных им сведений о почти 2000 жилищ VI–XIII вв. (Раппопорт, 1975). Основным вывод, который он сделал, заключался в том, что славяно-русские жилища всей территории Древней Руси стабильно делятся по двум обширным зонам: северной и южной с двумя типами построек, соответственно наземными и полуземляночными. Под полуземлянками исследователь понимал все жилища «с полом пониженным по отношению к уровню земли» (Там же. С. 116).

«Жилищ наземного типа на славянских поселениях Восточной Европы VI–VII вв. не обнаружено; все жилища здесь полуземляночные» (Там же). «Жилища VIII–X вв. четко разделяются на две разобщенные между собой группы. Первая группа включает в себя подавляющее большинство памятников этого времени и занимает всю территорию лесостепи, несколько заходя как на юг, в степь, так и на север, в лесную зону. Вторая группа – крайне немногочисленные памятники севера, сконцентри-

рованные в новгородско-псковском районе» (Там же. С. 117). В X–XI вв. в «в лесостепной зоне и в южной части лесной зоны по-прежнему господствовал полуземляночный тип жилищ, а в северной части лесной зоны применялся исключительно наземный тип». В итоге у П. А. Раппопорта присутствует достаточно жесткая констатация наблюдений: «Полное господство полуземляночных жилищ в зоне лесостепи в X–XI вв. не подлежит сомнению». XII–XIII века – «это время широкого наступления наземных жилищ», а «районом полного преобладания полуземлянок в это время остается по существу лишь Среднее Поднепровье». Попытки доказать, что среди жилищ там большой процент составляют наземные постройки, «анализ археологической аргументации не подтверждает». Неизвестны наземные рядовые жилища и в Киеве. В бассейне Оки встречались оба типа домов (Там же. С. 121–123).

Аргументированной критике построения П. А. Раппопорта в своей рецензии на его исследование подверг Г. В. Борисевич. Он поставил под сомнение не только выводы о районах распространения разных типов жилищ, но и важнейшие конкретные положения самой работы (о конструкциях стен, о высотности срубов, о земляных крышах и т. д.). Г. В. Борисевич назвал «искусственным» деление жилищ только на полуземляночные и наземные. Он прозорливо призвал разобраться в вопросе о подклетьях домов на Руси (наземных и углубленных), так как это поможет понять целый ряд проблем классификации жилищ. «Пока, – процитируем Г. В. Борисевича, – существование “дома на срубном подклете, частично углубленном в землю”, признается только для Москвы XII–XIII вв.». По мнению рецензента, П. А. Раппопорт недооценил того, что по письменным источникам уже в X–XI вв. существовала развитая типология жилых и хозяйственных построек (Борисевич, 1978).

После публикации свода П. А. Раппопорта постоянно накапливался новый материал о жилищах славян и Древней Руси, поскольку масштабы новых археологических работ в те годы были достаточно велики. Однако выработка общих взглядов на процесс эволюции домостроительства проходил медленно. Разные исследователи имели почти противоположные мнения по принципиальным вопросам. В 1980-е гг. появился повод создать нечто общее в намеченном к изданию очередном томе «Археологии СССР». Том «Древняя Русь. Город, замок, село» увидел свет в 1985 г. Для написания раздела «Жилище» были приглашены три автора П. А. Раппопорт, Б. А. Колчин и Г. В. Борисевич. Все они несомненно крупные ученые, но придерживавшиеся

разных взглядов на общие проблемы. В результате получился ценный информационный труд, но не получилась цельной концепции. Явственно чувствуются соединительные швы трех разных частей и их противоречивость между собой (*Раппопорт и др.*, 1985. С. 136–151).

Вначале П. А. Раппопорт нарисовал общую картину развития славяно-русского жилища, перелагая главные выводы своей книги 1975 г. о различном характере развития домостроительства на севере и юге Руси. Учитывая новейшие открытия на трассе строительства киевского метро, исследователь заметил, что «совершенно особое место занимает Киев, где в нижней части города, на Подоле строили наземные дома северного типа. Причина такого явления до сих пор не установлена и по этому вопросу существуют различные предположения» (Там же. С. 136–143).

Во второй части Г. В. Борисевич придерживается совсем иной линии подачи материала о Киеве. Она отдельно выделена как «Жилища Киева». Он отмечает, что дискуссия о киевских постройках восходит к 40–50-м гг. М. К. Каргер, возглавлявший тогда одну из городских экспедиций, доказывал, что «основным типом массового жилья даже в самом крупном городском центре Киевской земли вплоть до XII–XIII вв. продолжала оставаться полуземляночная постройка». Ряд исследователей был с этим не согласен. В. К. Гончаров, В. А. Богусевич, В. И. Довженок, «считая вывод о землянках как основном типе жилищ в Среднем Поднепровье ошибочным, допускали широкое распространение в Киеве срубных сооружений». С этим соглашались, подчеркивал Г. В. Борисевич, и историки. «Уж очень бедным и жалким, – замечал М. Н. Тихомиров, – оказывается Киев, “соперник Константинополя” со своими “полуземлянками”» (Тихомиров, 1956. С. 145). Г. В. Борисевич полагал, что в Киеве сосуществовали два основных типа жилищ – наземные срубные и постройки столбовой конструкции с углубленной нижней частью. По его мнению, «выводы о коренном отличии историко-архитектурного развития древнего Киева от Новгорода и других районов лесной зоны Киевской Руси не соответствуют действительности. В результате раскопок киевского Подола получены материалы, аналогичные раскопаным в Новгороде, Старой Ладого, Полоцке, Бресте и других городах северо-западных и северо-восточных районов Руси». Отметим и заключительный вывод автора «о преобладании среди массовой застройки Киева IX–XIII вв. общерусских архитектурных типов построек» (*Раппопорт и др.*, 1985. С. 143–147). Наконец, Б. А. Колчину в рассматри-

ваемой монографии принадлежит детальный разбор различных новгородских построек, а общерусских проблем домостроительства он не касался (Там же. С. 147–154). Материал накапливался. Расширялся круг исследования городов с сухим культурным слоем. Очень важную роль сыграли охранные раскопки на сельских средневековых поселениях, которые долгое время оставались в тени. Подчеркнем, однако, что на территории Северной Руси работы были по-прежнему сосредоточены на археологии городов с мокрыми культурными отложениями.

В 1995 г. появилась монография В. П. Даркевича и Г. В. Борисевича, обобщающая результаты многолетних археологических исследований в Рязани. Изложенные в ней суждения об общих принципах понимания древнерусского домостроительства перекликаются с идеями, высказанными Г. В. Борисевичем в рецензии на книгу П. А. Раппопорта. Принятое в археологии деление жилищ на наземные и полуземляночные (земляночные), отмечают авторы, не подтверждается ни древнерусскими письменными источниками, ни по раскопкам в Рязани. «В настоящее время, – продолжают авторы, – можно констатировать, что в Рязани все хоромные строения как в срубной, так и в каркасной технике относятся к наземному типу. Обычно за землянки принимают разнообразные погребки и подполья наземных жилищ». И далее: «следует отказаться от упрощенных представлений о застройке городов периода расцвета древнерусской культуры архаичными сооружениями, какими-то “земляными норами”» (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 119).

Накопление материалов по раннесредневековому домостроительству Северо-Восточной Руси позволяет исследователям все чаще ставить вопрос о его характерных и особенных чертах. Наличие у многих наземных построек обширных котлованов – подполий сейчас считается важнейшей отличительной чертой жилых строений как городских, так и сельских поселений Северо-Восточной Руси. В 2008 г. С. В. Шполянским предпринят опыт систематизации конструкций подполий позднесредневековых построек в Суздале и его округе. Общее число объектов, привлеченных для исследования, сейчас достигло 50 (Шполянский, 2008. С. 56 и сл.).

Серьезное изучение сооружений подобного рода было начато в работах М. В. Седовой с 1997 г. (Седова, 1997. С. 168). Исследовательница чаще всего их называла полуземлянками. В настоящее время в литературе преобладает мнение о появлении подобных конструкций как следствие перемещения в Волго-Клязьминское междуречье южнорусского населения из Поднепровья. (Там же. С. 169; Коваль,

2007. С. 58). Общий вывод С. В. Шполянского в отношении этого следующий: «при несомненной близости основных параметров суздальских и южнорусских подполий, в ближайшем рассмотрении заметно своеобразие конструктивных решений, не находящихся прямых аналогов в южной традиции». В частности, во-первых, печей в котлованах суздальской традиции нет; во-вторых, на юге нет обшивки деревом котлованов; в-третьих, на севере котлованы по размерам больше и нет наклонных тамбуров-входов. С. В. Шполянский предполагает – существование, безусловно близкой южнорусской, но все-таки самостоятельной традиции сооружения наземных построек с большими подпольями во Владимиро-Суздальской земле (Шполянский, 2008. С. 56–62).

Представляется очень значимой статья В. Ю. Ковалья об изучении углубленных котлованов и жилищ древнерусского времени и применяемой методике их расчистки и разборки, а отсюда и об общей интерпретации сооружений (Коваль, 2007. С. 58 и сл.). Помимо выводов В. Ю. Ковалья следует отметить работу Ю. Ю. Моргунова 2003 г., сумевшего убедительно доказать, что размеры срубов были больше и шире подполий (Моргунов, 2003. С. 125).

На фоне этой дискуссии и следует рассматривать находки больших средневековых построек на Рюриковом городище. На Городище мы сталкиваемся с южнорусской традицией или с традицией Северо-Восточной Руси? Нет. При учете материалов раскопок Перыни дома с углубленными подклетами были характерны для Северной Руси, если им соответствовали условия грунта. Продукты хранились в них лучше и дольше. При высокой увлажненности почвы подклеты, как в Новгороде, выносились над землей, а поэтому и в городе их нет. Это общерусская традиция.

В одних и тех же районах могли сооружаться как дома с подпольями, так и исключительно на подклетах, что зависело от природных климатических условий, доступности материалов и состоятельности и экономической достаточности разных семей и сословий.

Следует иметь в виду и общие строительные тенденции славянского домостроительства с конца I тыс. н. э. На юге наземные срубы восходили к полуземлянкам или постройкам с углубленным полом (неважно, как называть эти сооружения, что тоже предмет обсуждения в специальной литературе, здесь нам важна суть) и с расположенными там же печами, а в лесной зоне Восточной Европы эволюция проходила по линии усложнения изначально полностью наземных срубных домов.

Глава 4

РАСКОП НА МЕСТЕ УСТАНОВКИ «КНЯЖЕГО КАМНЯ» (2011–2012 гг.)

В 2011–2012 гг. на намеченном участке установки «Княжего камня» в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения, на краю холма были проведены раскопки на площади 180 кв. м (рис. 1, 53). Участок, выбранный для исследования, входил в территорию современной деревни, существовавшей здесь вплоть до начала XXI в. Плотная деревенская застройка хорошо видна на сохранив-

шихся дореволюционных фотографиях местности. Сейчас от деревни остался один заброшенный дом в старом саду. В период Великой Отечественной войны через Городище проходила линия обороны советских войск, причем основные оборонительные сооружения шли вдоль края высокого берега. Именно поэтому культурный слой на всем участке, вошедшем в пределы раскопа, оказался

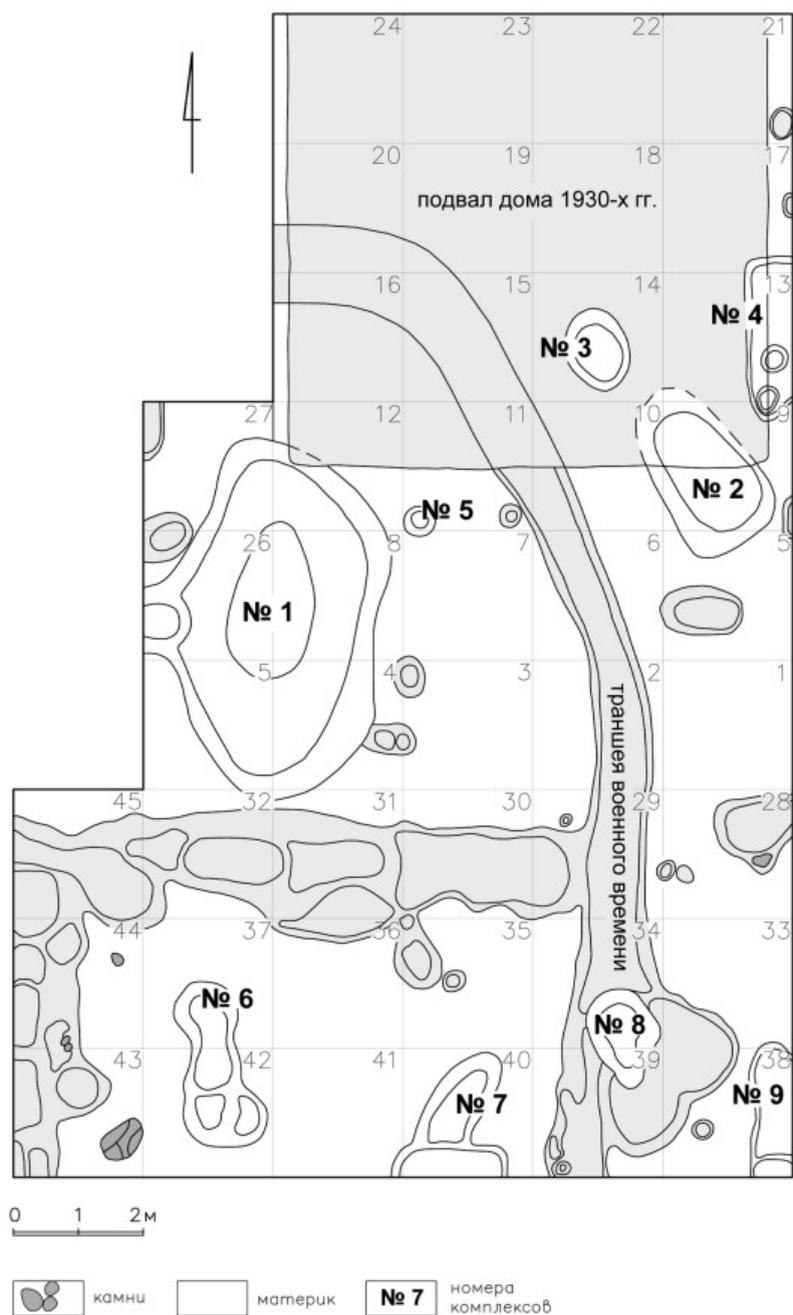

Рис. 53. План раскопа 2011–2012 гг.

неоднократно нарушенным и перемешанным особенно в последнее столетие. Таким образом, исследованный участок является несомненно одним из наиболее центральных на поселении, но одновременно и одним из самых поврежденных перекопами, что отразилось в характере полученного при раскопках материала. Мощность культурных отложений вместе с тонким дёрном составляла

0,80–1,10 м (рис. 54). Темно-серый культурный слой был насыщен обломками камней, известняка, кирпичей, отдельными вкраплениями углей и глины. В нем встречались кости, древесный тлен и многочисленные находки, характеризующие материальную культуру населения Городища в разные исторические периоды от эпохи раннего металла вплоть до наших дней.

Находки из темно-серого культурного слоя

В состав находок из перемешанного культурного слоя включены находки из заполнений различных перекопов – в частности траншеи военного времени, пересекающей раскоп с северо-запада на юго-восток, углубленного подвала дома начала XX в., оказавшегося в северной части раскопа, и других поздних ям различной конфигурации. Собранная в 2011–2012 гг. коллекция предметов, как и в предыдущие годы, разнообразна и многочисленна. Отметим, что мы не рассматриваем бытовой массовый материал в значительной части фрагментированный, который может привлекаться лишь для специальных исследований в рамках стратиграфических новгородских коллекций.

Ранний пласт находок, как и на всей исследованной площади Городища, представлен кремневыми отщепами, обработанными пластинками, скребками и обломками керамики эпохи раннего металла.

Нумизматические и сфрагистические находки

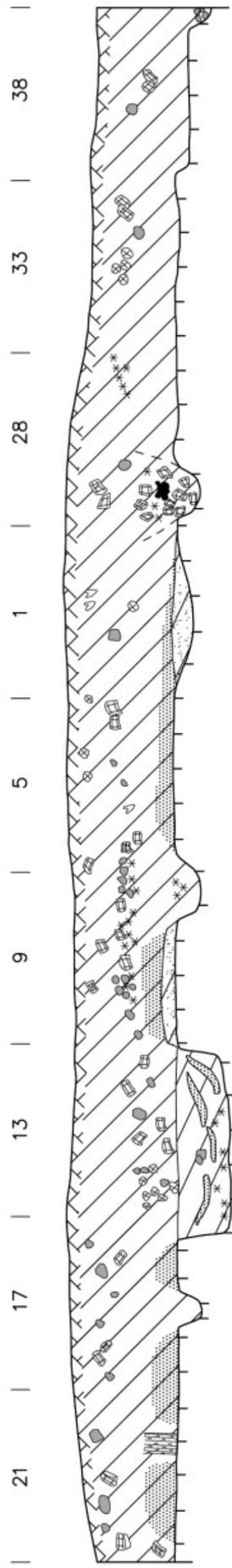
Интересно, что со сравнительно небольшой площади данного раскопа было извлечено 3 целые монеты и 42 различных обреза. Из них 31 экземпляр происходит из темно-серого перемешанного культурного слоя, а 14 найдены при разборке углубленных в материк ям. Определению поддаются только 25 дирхемов, а остальные в силу плохой сохранности и фрагментарности не могли быть атрибутированы.

Находки арабских монет в культурном слое (определения А. А. Гомзина)

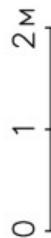
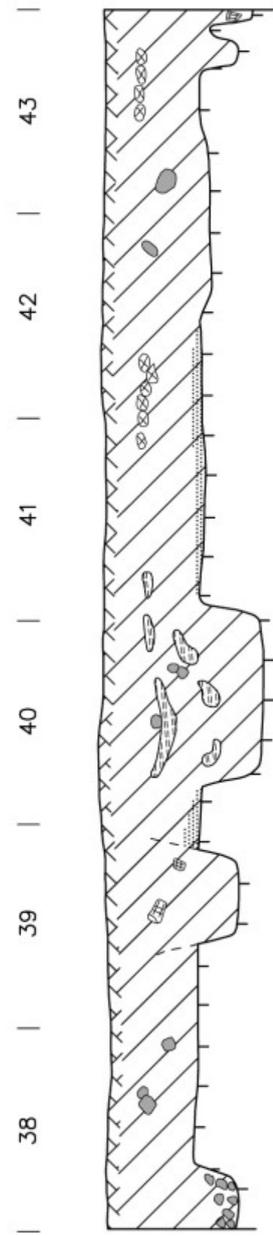
№ по полевой описи год находки	Эмитент	Место чеканки	Время чеканки	Примечание
№ 49 2011 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	место чеканки отломлено, по типу ал-Мухаммадийа (?)	172 г. х. (788 / 789 г.)	Вес – 0,66 г; обломок около ¼
№ 125 2011 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	ал-Мухаммадийа (?)	1(8?)2 г. х. (798 / 799 г.)	Вес – 0,65 г; обломок около ¼
№ 181 2011 г.	Аббасиды, ал-Мансур	Арминийа	год чеканки отломлен, по типу 155 г. х. (771 / 772 г.)	Вес – 0,68 г; обломок около ¼
№ 193 2011 г.	Аббасиды, халиф не установлен	отломлено, североафриканский чекан	год чеканки отломлен, вторая половина VIII в.	Вес – 1,09 г; обломок около ½
№ 261 2011 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	место чеканки не видно, по типу ал-Мухаммадийа	180–186 гг. х. (796 – 802 гг.)	Вес – 1,78 г; обломок около ½
№ 357 2011 г.	Худжистаниды, Ахмад б. 'Абд Аллах	Нисабур	268 г. х. (881 / 882 г.)	Вес – 6,25 г; целый
№ 358 2011 г.	Аббасиды, ал-Мутаваккил 'ала-ллах	ал-Мухаммадийа	год чеканки стерт, по типу 240– 247 гг. х. (854–861 гг.)	Вес – 2,85 г; целый с отверстием
№ 360 2011 г.	Аббасиды, ал-Махди	место чеканки отломлено по типу ал-'Аббасийа	16(3?) г. х. (779 / 780 г.)	Вес – 0,63 г; обломок около ⅓

№ по полевой описи год находки	Эмитент	Место чеканки	Время чеканки	Примечание
№ 409 2011 г.	Аббасиды, ал-Муста'ин биллах	Мадинат ас-Салам	год частично отломлен и стерт, по типу 251 г. х. (865 / 866 г.)	Вес – 0,92 г; обломок около $\frac{1}{3}$
№ 426 2011 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	ал-Мухаммадийа	год чеканки отломлен, типа 187–193 гг. х. (802–809 гг.)	Вес – 0,73 г; обломок около $\frac{1}{3}$
№ 785 2011 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки отломлено	год чеканки отломлен, VIII–IX вв.	Вес – 0,64 г; обломок около $\frac{1}{5}$
№ 849 2011 г.	Аббасиды, ал-Мансур	Мадинат ас-Салам	год чеканки обрезан, тип 152, 154–158 гг. х. (769 / 770, 770–775 гг.)	Вес – 0,95 г; обломок около $\frac{1}{3}$
№ 859 2011 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	Мадинат ас-Салам	189 г. х. (804 / 805 г.)	Вес – 2,79 г; целый
№ 871 2011 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	ал-Мухаммадийа	год чеканки затерт и частично поврежден отверстием, тип 190–193 гг. х. (805–809 гг.)	Вес – 1,73; целый, край обломан, отвер- стие подтреугольной формы
№ 1197 2011 г.	Аббасиды, халиф не установлен	Мадинат (Зарандж?)	год чеканки отлом- лен, начало IX в.	Вес – 0,56 г; обломок около $\frac{1}{5}$
№ 192 2012 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	место чеканки отломлено, по типу Мадинат Балх	189 г. х. (804 / 805 г.)	Вес – 0,93 г; обломок около $\frac{1}{3}$
№ 243 2012 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки не установ- лено	год чеканки не установлен, 2-я половина VIII– начало IX в.	Вес – 0,56 г, обломок около $\frac{1}{7}$
№ 287 2012 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки не установ- лено	год чеканки не установлен, IX в.	Вес – 2,3 г; обломок около $\frac{2}{3}$
№ 429 2012 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки отломлено	год чеканки отломлен, IX в.	Вес – 0,51 г; обломок около $\frac{1}{6}$
№ 481 2012 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки не установ- лено	год чеканки не установлен, 2-я половина VIII– начало IX в.	Вес – 0,31 г; обломок около $\frac{1}{8}$
№ 482 2012 г.	Аббасиды, ал-Мансур	место чеканки отломлено, по типу ал-Мухаммадийа	150–154 гг. х. (767–771 гг.)	Вес – 0,74 г; обломок около $\frac{1}{4}$
№ 569 2012 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки не установ- лено	год чеканки не установлен, 2-я по- ловица VIII–IX в.	Вес – 0,71 г; обломок около $\frac{1}{5}$
№ 611 2012 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки отломлено	год чеканки отлом- лен, IX в.	Вес – 0,56 г; обломок около $\frac{1}{7}$
№ 612 2012 г.	Аббасиды, халиф не установлен	место чеканки не установлено	год чеканки не установлен, 2-я половина VIII– начало IX в.	Вес – 0,33 г; обломок около $\frac{1}{7}$

восточная стенка

южная стенка

	кости		песок		материк		темно-серый
слой		керамика
	дрн		камни		гребесный
тлен		черный
слой		обожженные
камни
	глина		уголь		кирпичи				

Рис. 54. Стратиграфические разрезы восточной и южной стенок раскопов 2011–2012 гг.

Как видно из таблицы, в преобладающем большинстве дирхемы относятся к первой волне поступления серебра на Русь, начавшейся в 70–80-е гг. VIII в. Надо сказать, что господство в коллекции обрезков свидетельствует, что значительная часть серебра, приходившего через Хазарию в Восточную Европу, не переплавлялась там сразу для изготовления различного рода украшений, а использовалась в качестве разновесов в торговле. Очевидно, монеты, достигшие Поволжья в начальный период циркуляции серебра, продолжали оставаться в обращении и в X в. На раскопах Рюрикова городища 2011–2012 гг. концентрация дирхемов оказалась наибольшей по сравнению с другими частями памятника. Интересно отметить, что в раскопе 1980 г., который находился в нескольких метрах восточнее описываемого раскопа при разборке самого западного углубленного в материк комплекса, т. е. ближайшего к исследованному в 2011–2012 гг. участку, был найден небольшой клад из 7 арабских монет (4 целых, 1 половинка и 2 четвертинки). По заключению А. В. Фомина, клад относился к концу 860-х гг., все монеты в кладе были также аббасидские (Носов, 1990. С. 90, 92). Такое скопление монет на сравнительно небольшом исследованном участке не связано с методикой разборки культурного слоя, поскольку промывка и просеивание древних отложений применяются в Новгородской областной экспедиции уже с начала 1990-х гг. Это свидетельствует о том, что характер деятельности обитателей Городища на данном участке имел свою специфику в жизни поселения. К сожалению, конкретизировать этот вопрос из-за сильного разрушения культурного слоя и ограниченности исследованного участка не представляется возможным.

Византийская монета

Особое внимание привлекает находка монеты византийского императора Феофила, правившего в 829–842 гг. (ил. 1, 93). Эта уже четвертая такая монета (фоллис), известная на Городище. Одна из них была найдена в центральной части раскопа 1981–1983 гг. в заполнении комплекса № 23, где также были встречены 38 обломков исключительно лепной керамики (Там же. С. 101), а еще две происходят из коллекции подъемного материала. Примечательно, что все монеты медные, т. е. мелкого номинала, и предназначались для внутреннего обращения в Византии. На север они были привезены людьми, посетившими Византию (воинами или купцами), в качестве памятных знаков, своего рода сувениров — «значков». Данная находка очень любопытна и имеет принципиальное значение для подтверждения факта существования в ранний

период действовавшего пути «из варяг в греки», когда те, кто в IX в. уходил на юг в Византию, по крайней мере из Новгорода, возвращались обратно полные впечатлений.

Поздние монеты

Упомянем также находки 10 русских монет XV–XVII вв. разного номинала (6 медных и 4 серебряные). Кроме русских монет в культурном слое встречены две прибалтийские бронзовые монеты Ливонского ордена. Одна из них была отчеканена в Таллине (анонимный артиг) начала XV в., а вторая принадлежала тартускому епископу (артиг Бернхальда II Бюлова) 1410–1413 гг. (определения П. Г. Гайдукова). В число поздних зарубежных монет также входит серебряная монета номиналом $\frac{1}{96}$ талера 1622 г., отчеканенная в Любеке (определение В. А. Волхонского).

Древнерусские свинцовые вислые печати

Особое значение среди находок Рюрикова городища занимают вислые свинцовые печати. Они являются важнейшими символами и атрибутами власти. Общее их количество более 2000, найденных на Городище, свидетельствует о том, что жители Городища занимали определенные административные должности и имели право скреплять печатями государственные грамоты, а также что в их домах хранились различного рода документы. Ценность данного рода находок заключается в том, что печати персонифицированы. Они принадлежали князьям, посадникам, тиунам, церковным иерархам. Чрезвычайно важно, что на Городище помимо самих печатей в массовом количестве встречаются их заготовки. В 2011–2012 гг. при разборке культурного слоя было найдено 11 печатей (и их обломков) и четыре заготовки. Девять печатей поддаются определению, в частности княжеские печати Давида Святославича (1095–1123 гг.), Всеволода Ольговича (1138–1146 гг.), Юрия Андреевича (в Новгороде 1172–1175 гг.), Ярослава Владимировича (1181–1184, 1187–1196, 1197–1199 гг.), Ярополка Ярославича (1197 г.), великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.) и печать с изображениями святых – на лицевой стороне Мина, а на обратной – Василия. Две печати принадлежали новгородским тиунам XIV в.: одна Нерону, а другая, в связи с ее плохой сохранностью, точно не определяется, либо Нерону, либо Семену.

В 2012 г. при промывке отвалов раскопов 1980 х гг. была сделана редкая находка «перетвержденная» печать. Первоначально документ был скреплен печатью галицко-волынского князя Ивана Васильевича (1140–1141 гг.), а в дальнейшем, видимо на Городище, значимость документа под-

твердил новгородский князь Святослав Ростиславович (1158–1160, 1161–1167 гг.), поставив поверх свою печать.

Товарные пломбы

В культурном слое на рассматриваемом участке Городища было зафиксировано пять свинцовых средневековых товарных пломб. Две из них можно датировать XI–началом XIII вв., а одна западноевропейская относилась к XV–XVI вв.

Бусы

Стеклянные бусы

Всего в перемешанных напластованиях, включая заполнения различных перекопов, траншей и подвального помещения, встречено 545 стеклянных бус. Принципы классификации данной группы находок охарактеризованы нами в Главе 2.

Бисер

К категории раннего классического рубленого бисера можно отнести только 8 экз. Все они синего цвета, диаметром 5–7 мм. Отличительной чертой этой группы изделий являлся округленный и оплавленный один из концов (типа ил. 1, 21).

Вторая группа бисера, изготовленного путем простого разрубания стеклянных трубочек на части, наиболее многочисленна (334 экз.). В 10 случаях встречались недорубленные куски тянутых трубочек. Данная группа изделий отличалась разнообразием размеров от мелких бисерин диаметром 3–4 мм до достаточно крупных диаметром до 10 мм (типа ил. 1, 8–20, 22–26). Последние были синими или же прозрачными. В целом по цветовой гамме рубленый бисер распределяется следующим образом: 36 % составлял синий бисер, 34 % – желтый, 19 % – зеленый, 5,5 % – белый из непрозрачного стекла, 3 % – прозрачный (или бесцветный), 2 % – голубой прозрачный и 0,5 % – черный.

Третья группа – навитые мелкие зонные бусы диаметром около 3–4 мм, представлена 66 бисеринами (типа ил. 1, 1–7). Преобладали бисерины зеленого (36 %) и желтого цветов (32 %), синие составляли 18%, белые из глухого стекла – 7,5 %, бесцветные прозрачные – 3 %, на долю единичных бусин других цветов приходится 3,5 %.

Пронизки и «лимонообразные» бусы

К данной группе принадлежат бусы, изготовленные из тянутой трубочки. Характерной их особенностью являются сосковидные бугорки на концах (типа ил. 1, 61–84). По способу декорирования они делятся на две группы: бусы с накладными нитями (продольно-полосатые лимонки) и бусы с металлической прокладкой. Последние представлены 3 экз. (одна золотостеклянная и две серебростеклянных).

Классические желтые «лимонки» встречены в количестве 5 экз., синие – 8 экз., прозрачные – 2 экз., зеленая – 1 экз. Лимоновидные бусы по новгородской хронологической шкале датируются X–XI вв. (Щапова, 1956. С. 174; Колчин, 1982. С. 167, 168). Кроме одночастных, в перемешанных слоях было найдено 18 пронизок, состоящих из нескольких частей, от двухчастных до многочастных: 9 из них относились к группе серебростеклянных, 4 – золотостеклянные, 4 были сделаны из синего стекла и 1 – из зеленого.

Зонные бусы

Всего в темно-серых перемешанных слоях зафиксировано 57 зонных бусин (типа ил. 1, 28–60), из них 30 можно отнести к кольцевидным (типа ил. 1, 44–60). Бусы были изготовлены как из глухого, так и из прозрачного стекла. По цветовой гамме они распределились следующим образом: желтые – 11 экз., синие – 10 экз., зеленые – 9 экз., молочно-белые – 7 экз., бесцветные прозрачные – 7 экз., голубые прозрачные – 5 экз. Кроме того, встречено по одной бусине из печеночно-красной пасты, темно-коричневого и фиолетового стекла. Цвет 4 бус не ясен.

Битрапециевидные (или биконические) бусы

Данная группа бус насчитывает всего 5 экз. (синие – 3, зеленая – 1, прозрачная – 1) (типа ил. 2, 10, 11). По классификации Ю. Л. Щаповой, они принадлежат к варианту I и датируются концом X–XI вв. (Щапова, 1956. С. 170).

Ребристые бусы

В коллекции представлено 4 бусины. Три бусины обычные с насечками вдоль корпуса, так что поперечный разрез имеет вид розетки (2 – зеленые, 1 – желтая) (типа ил. 2, 13, 14). У четвертой бусины коричневого цвета мелкие насечки были нанесены не только вдоль, но и поперек, образуя сетку на поверхности изделия (ил. 2, 15). С. Д. Захаров называет их «ягодковидными бусами» (Захаров, 2004. С. 147, рис. 290). Подобные бусины редки, но вписываются в общую хронологию ребристых бус XI–XIII вв.

Бочонковидные бусы

К этой категории относятся 8 бусин: одна – пастовая печеночно-красная (ил. 2, 55), вторая – пастовая оранжевого цвета, третья – зеленая и четвертая – маленькая прозрачная фиолетовая. Последняя бусина, возможно, относится к более позднему кругу древности, а вот остальные могут датироваться в пределах второй половины X–XII вв. (Львова, 1968. С. 75, 77). Бочонковидную форму также имели 4 бусины светло-коричневого цвета, украшенные желтыми валиками по краям и

зигзагообразными линиями по основе бусины (ил. 2, 49, 50).

Шарообразные бусины

К данной группе можно отнести 5 бусин: две молочно-белого цвета, две прозрачные бесцветные и одну пастовую желтую. Ю. Л. Щапова выделяет две группы шаровидных бус по материалам Новгорода. Одни датируются XVII–XIX вв., другие – концом XI–началом XIII в. (Щапова, 1956. С.165). Наши бусы, скорее всего, входят в круг древнерусских бус.

Глазчатые бусы

Обращает на себя внимание немногочисленность глазчатых бус по сравнению с коллекциями других поселений Северо-Запада с напластованиями X–XII вв. Всего из перемешанных слоев происходит 8 глазчатых бусин. Три из них имели подтреугольную несколько приплюснутую форму. Основная часть бусины была изготовлена из стеклянной пасты кремового цвета и инкрустирована желтыми выпуклыми глазками, которые и придавали бусине подтреугольную форму (ил. 2, 16, 17). Аналогичные бусы были широко представлены в могильнике Залахтове в женских погребениях XII в. (Хвоцинская, 2004. Табл. XCIX, 20, 24; CV, 7; CX, 12,13; CXI, 4 и др.). Еще одна бусина также была уплощена и имела три выпуклых глазка. Основу бусины составляла бледно-бирюзовая стеклянная масса. Бусина была инкрустирована красными петлями, внутри которых были красные глазки с черными «ресничками» (ил. 2, 20). Кроме того, найден сильно оплавленный фрагмент черной пастовой бусины с желтыми глазками.

К данной группе также относятся три бусины круглой формы. Одна из них достаточно крупная прозрачная бледно-зеленого цвета, украшенная желтыми глазками в концентрических печеночно-красных кругах.

Вторая бусина бело-молочного цвета с простыми глазками печеночно-красного цвета как вставки (ил. 2, 22). Поверхность бусины тщательно сглажена. По типу она похожа на молочно-белые бусы, орнаментированные волнистыми печеночно-красными полосками или мозаичными глазками, которые были характерны для горизонтов Ладоги E₂–E₃ и для памятников Скандинавии IX–начала X вв. (Львова, 1968. С. 75; Медведева, 1999. С. 263).

Граненые бусы

В данную группу изделий входят разные по размеру и форме бусы, но их объединяет то, что они выполнены в технике резьбы, а поэтому по форме напоминают каменные бусы. Таких бус насчитывается 10 экземпляров. Семь из них синего цвета, видимо, вырезались холодным способом из

куска застывшего стекла, а дырка высверливалась: 2 – многогранные (ил. 2, 7, 8), 2 – шестигранные (типа ил. 2, 4–6) и 2 – четырнадцатигранные (типа ил. 2, 2) а одна бусина имела необычную форму – одна ее половина представляла собой граненую пирамидку, а вторая – граненую трапецию (ил. 2, 3). Восьмая бусина синего цвета четырнадцатигранная со скошенными углами имела достаточно большое отверстие, так что изначально она была навитой или дутой (ил. 2, 1). Еще одна бусина была сделана из тянутой трубочки зеленого цвета, а потом огранена, так что получилась небольшая призматическая восьмигранная бусина (ил. 2, 9). К этой же группе мы отнесли желтую дисковидную бусину, напоминающую по форме также каменные изделия. В Ладоге резные бусы в основном преобладали на уровне построек горизонта Д, т. е. датируются X в. (Львова, 1968. С. 82).

Единичные находки

Помимо уже охарактеризованных находок надо упомянуть эллипсоидную бусину зеленого цвета и пять цилиндрических бус, украшенных различным образом. К ним относятся коричневая пастовая бусина, орнаментированная желтыми полосами по краю и волной по центру (ил. 2, 24); черная бусина с желтыми петлями и мелкими выпуклыми желтыми глазками внутри их (ил. 2, 40); аналогичные ей две зеленые бусины с желтыми выпуклыми рельефными каплевидными глазками (ил. 2, 41, 42) и удлиненная коричневая бусина со спирально навитой желтой нитью (ил. 2, 43).

Одним экземпляром представлена продольно-полосатая мозаичная бусина, украшенная желтыми, красными, зелеными, белыми, голубыми и синими поперечными полосками (ил. 2, 33). Подобные бусы встречены в черном культурном слое и, по классификации З. А. Львовой, относятся к типу мозаичных. Они обнаружены в слое E₃ Земляного городища и имеют аналогии в основном в памятниках южных районов Восточной Европы в могильниках VIII–IX вв. (Львова, 1968. С. 85).

Каменные бусы

На данном участке Городища практически 15 % всего бусинного материала составляют каменные бусы – сердоликовые и хрустальные. Это довольно большой процент каменных, в определенной степени элитных бус для поселений Северной Руси. В темно-сером культурном слое, как и в перемешанных заполнениях поздних ям и подвальных помещениях, зафиксированы 42 сердоликовые и 54 хрустальные бусины. Среди сердоликовых бус наибольшее число составляют четырнадцатигранные бусы разного размера (16 экз.) (типа ил. 3-1, 6–10), в свою

очередь многогранные представлены 9 экз. (типа ил. 3-I, 11–14), шарообразные – 8 экз. (типа ил. 3-I, 1–5), призматические десятигранные – 7 экз. (типа ил. 3-I, 18–21), а цилиндрические (типа ил. 3-I, 15, 17) и плоские дисковидные (типа ил. 3-I, 22, 23) – по одному экземпляру. Формы бус из горного хрусталя в значительной степени повторяют формы сердоликовых бус.

Среди хрустальных бус так же, как и среди сердоликовых, преобладали четырнадцатигранные бусины (19 экз.) (типа ил. 3-III, 11–16), на втором месте многогранные (9 экз.) (типа ил. 3-III, 7–10) и шарообразные (9 экз.) (типа ил. 3-III, 1–6), остальные были представлены в незначительном количестве – призматические десятигранные (4 экз.) (типа ил. 3-III, 17–20), плоские дисковидные (3 экз.) (типа ил. 3-III, 21, 22). Некоторые хрустальные бусы по огранке отличались от сердоликовых бус. В частности, найдено 4 экз. биконических бусин, 2 экз. бипирамидальных сильно окатанных, так что грани смазаны (ил. 3-III, 23), и 3 бусины также окатанные маленькие неправильной формы. Одна из хрустальных бус представляла редкий для древнерусских памятников образец. Это квадратная десятигранная бусина правильной формы (ил. 3-III, 24). Кроме сердоликовых и хрустальных бус в одном случае была найдена небольшая призматическая восьмигранная аметистовая бусина.

Янтарные бусы и изделия

В темно-серых культурных напластованиях встречено 5 янтарных бусин круглой формы разных размеров (диам. от 7 до 13 мм) (типа ил. 3-II, 1, 2), несколько осколков янтаря и фрагмент янтарного перстня (ил. 1, 94).

Предметы и украшения из цветного металла

Украшения из рубчатой проволоки

К числу редких находок можно отнести бусину из рубчатой серебряной проволоки, свернутой в объемную спираль (рис. 55, 9). Из аналогичной проволоки были сделаны еще два колечка с завязанными концами. Одно – целое с привешенным к нему ушком (рис. 56, 19), второе – сломанное (рис. 56, 10), а также найдены отдельные фрагменты украшений (рис. 55, 4; 56, 3). Один из этих фрагментов можно интерпретировать как обломок спиральной подвески (рис. 56, 3). Дело в том, что в Бирке в погребениях № 632 и 844 встречались подобные подвески (Arbman, 1940. Taf. 97: 28, 29).

В целом находки из серебряной рубчатой проволоки хорошо известны на территории Норвегии (Petersen, 1928. Fig. 200, 202) и Швеции как в погре-

бениях, так и на поселениях, в том числе в Бирке (из раскопок Я. Столпе – Архив Национального исторического музея Швеции, Стокгольм. Katalog, inv. 5208: 5, 10, 14; Arbman, 1940. Taf. 114). Нарезки на проволоке делались специальным инструментом (Duczko, 1985. S. 16 № 23), а бусины иногда нанизывались на маленькие колечки, изготовленные из аналогичной проволоки (Katalog, inv. 5208: 5). На территории Древней Руси проволочные бусы были найдены в Тимерёве, Гнёздове, Шестовицах, Белом озере и др. Подробный историографический обзор, связанный с датировкой бус из рубчатой проволоки, дан в объемных статьях Я. В. Френкеля (Френкель, 2008. С. 228–252; 2010. С. 547–574). Дело в том, что встреченная в кургане № 7 могильника Плакун бусина из рубчатой проволоки является важным элементом для аргументации датировки погребения. Я. В. Френкель пришел к выводу, что курган № 7 был сооружен в промежутке между 880 и 920 гг. Проволочная бусина уже встречалась на Городище при раскопках 1975 г., на берегу Сиверсова канала в слое черного гумуса и датируется рубежом IX–X вв. Экземпляр был сделан из простой бронзовой проволоки (Носов, 1990. С. 41).

Подвески

Имеются две бронзовые круглые литые подвески, в орнаментах которых присутствуют зооморфные сюжеты стиля Борре (рис. 56, 1, 2). Обе они имеют прямые аналогии среди скандинавских древностей. На одной из подвесок изображено животное с длинным перекрученным телом, изображенное в манере, характерной для скандинавского искусства. Интерпретация сюжета на второй подвеске дискуссионна. Единственное, в чем согласны исследователи, что на подобных подвесках изображен человек с двумя птицами. Шведские исследователи относят такие подвески к «восточному типу» и усматривают в них подражание изображениям халифа с двумя драконами (Arne, 1914. S. 164). По мнению И. Янссона, данные украшения относятся к предметам местного производства, но в их орнаментальной композиции прослеживается родство с изделиями исламской культуры и культуры степных кочевников (Jansson, 1989. S. 44). За пределами Швеции подобные типы подвесок чаще всего встречаются на территории России. Сюжетная линия данной подвески детально рассмотрена Т. С. Дорофеевой (Дорофеева, 2013а. С. 235) (см. Приложение 1, с. 253–255).

К числу культовых скандинавских изделий относятся бронзовые кресаловидные подвески (рис. 56, 4, 5). У обеих концы были закручены вокруг основной дуги, получалось как бы два узелка. У одной они располагались рядом, а у другой – на некотором

Рис. 55. Находки из цветного металла из темно-серого мешанного культурного слоя раскопа 2012 г.

расстоянии. Полная сводка кресаловидных подвесок из коллекции Рюрикова городища дана в работе Т. С. Дорофеевой (*Дорофеева*, 2012. С. 206–214) (см. Приложение 1, с. 256, 257). К этой же группе изделий может быть отнесено железное кольцо с прикрепленным к нему узлом «молоточком Тора» (рис. 56, 6) По характеру конфигурации молоточка он относится к группе А, согласно классификации К. Строма (*Ström*, 1984. S. 128). К редким находкам относится амулет в виде моделей предметов вооружения – щита и копья (ил. 12, 11), выявленный в коллекции Т. С. Дорофеевой (см. Приложение 1, с. 255, 256).

В 2012 г. была встречена интересная литая бронзовая подвеска в виде рыбки (рис. 57, 3). Рыбовидные привески, похожие на нашу, на территории Древней Руси, по данным А. В. Успенской, встречались в двух курганах в Брянской и Новгородской областях и датируются XI–первой половиной XII в. (*Успенская*, 1967. С. 93, 115, рис. 14: 14). Кроме того, зафиксированы фрагменты зооморфных шумящих подвесок. Две находки являются частями полых

подвесок-уточек или (коньковых подвесок) (рис. 56, 12, 26). Е. А. Рябинин выделяет их в тип XX и отмечает, что они были распространены на широких территориях не только Древнерусского государства, но сопредельных земель, но особая концентрация данного типа подвесок фиксируется в Новгородской земле, включая сам Новгород. В связи с этим он высказал предположение, что часть коньковых полых подвесок изготавливалась в самом Новгороде (*Рябинин*, 1981а. С. 39). Данная точка зрения была аргументирована М. В. Седовой, которая отмечала, что материалом для отливки коньковых привесок «служили оловянистые и свинцово-оловянистые бронзы (группа II и III), характерные для Новгорода XIII–XIV вв. Следовательно, подвески были продукцией новгородских ювелиров» (*Седова*, 1981. С. 31). По новгородской шкале они датируются концом XII–XIV вв. (Там же).

Одна привеска имела деформированную конусовидную форму (рис. 57, 2). В целом такие привески встречаются практически повсеместно – у поволжских финнов (*Леонтьев*, 1996. С. 173, рис. 35, 2;

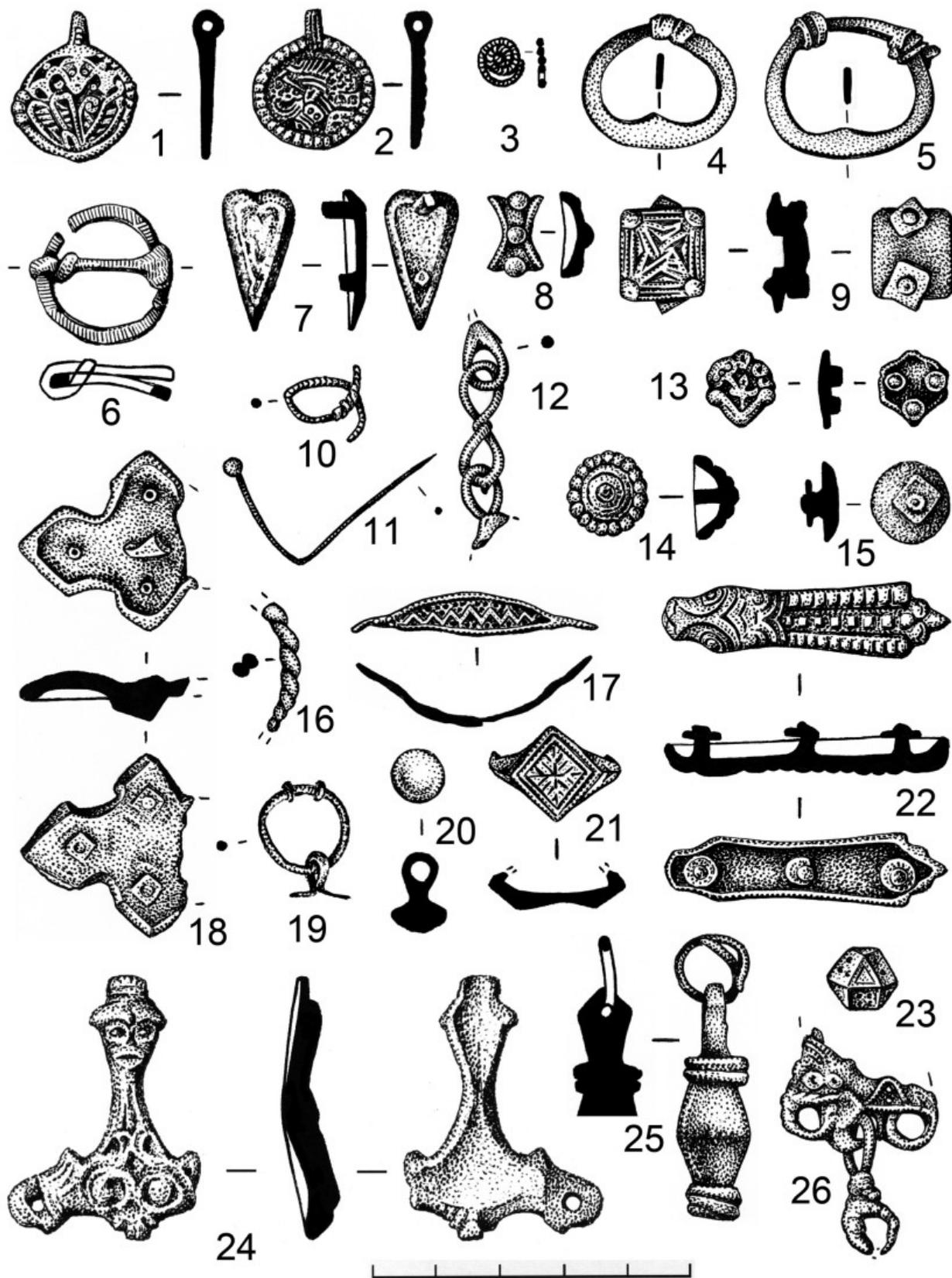

Рис. 56. Находки из темно-серого мешанного культурного слоя раскопа 2011 г.: 1-5, 7-26 – цветной металл (9 – бронза с позолотой); 6 – железо

73, 2, 17), в курганах Юго-Восточного Приладожья и Северо-Запада Новгородской земли (*Кочуркина*, 1973. Табл. 4, 5; *Рябинин*, 1981. С. 119. Табл. XXII, 3, 4), на памятниках Белого озера (*Захаров*, 2004. С. 176. Рис. 71). Конусовидные привески зафиксированы и в Новгороде (*Седова*, 1981. Рис. 9, 2–5, 8; 10, 5). Они прикреплялись к украшениям разной формы. В Новгороде они привешивались и к коньковым подвескам, которые непосредственно изготавливались здесь, а следовательно, и сами привески были местного производства.

В коллекции практически отсутствуют бубенчики. Найдены небольшой обломок грушевидного крестопорезного бубенчика, половинка тисненого с позолотой, круглого со щелевидной прорезью (рис. 58, 5) и деформированный бубенчик неясного типа (рис. 58, 6).

Особую группу находок составляют 13 нательных крестиков как древнерусского времени (типа ил. 10, 3, 4), так и поздних исторических периодов (типа ил. 10, 11–15).

Цепочки

Цепочки представлены двумя находками. Одна из них целая была составлена из тонких проволочных S-видных звеньев, причем верхняя и нижняя части звена располагались в разных плоскостях, и создавалось впечатление плетеной косы (рис. 57, 15). Подобный способ плетения известен у разных народов. По классификации Г. Арвидссон, по материалам Бирки они относятся к типу 4 (*Arwidsson*, 1989. S. 74, 76, 77). Вторая находка представляет обрывок цепочки из двойных кольчатых звеньев (рис. 55, 1). Это один из наиболее распространенных типов цепочек (тип 2, по Г. Арвидссон; *Ibid.* S. 74, 76). Особенно они были характерны для балтских и финно-угорских народов.

Пуговицы

Пуговицы встречены в 38 экземплярах, 9 из них (стеклянные, костяные и пирамидальная с эмалью) относятся к новому времени. Остальные 30 делятся на две группы: цельнолитые и тисненные. Цельнолитые пуговицы представлены 19 экземплярами. Они с округлой головкой (одна с позолотой), однако большая их часть имела грибовидную форму (рис. 56, 20; 58, 2, 3, 9), реже сферическую (рис. 58, 4). Одна из сферических пуговиц была довольно больших размеров (диам. 17 мм, высота с ушком 23 мм) и была тяжелая, так что могла пришиваться на какую-то грубую верхнюю одежду

(рис. 58, 7). К группе тисненных пуговиц относится 11 экземпляров (одна позолоченная). Они состояли из двух спаянных половинок, имели обычно круглую сферическую форму (диам. 8–10 мм) с проволочным ушком (рис. 58, 1). Часто данные пуговицы были деформированы.

Фибулы

Из культурного слоя происходит обломок равноплечной фибулы с иглоприемником на обратной стороне (рис. 56, 18) тип 58, по Я. Петерсену (*Petersen*, 1928. S. 77), и соответствует подтипу IA: 1, по классификации Г.-Б. Огорд (*Agård*, 1984. S. 100). В Швеции они использовались в основном в ранний период викингов, а на Руси и в средний период (*Янссон*, 1999. С. 24). Следует упомянуть железную иглу с характерным S-видным верхом (рис. 57, 8).

Ременные бляшки, накладки, наконечники и пряжки

Группу предметов составляют ременные украшения. Одна из бляшек была отлита из низкопробного серебра и имела удлиненную сердцевидную форму. К ремню она крепилась двумя штифтами, лицевая поверхность ее гладкая, края кососрезанные (рис. 56, 7). По простоте формы и отогнутым вниз бортикам она вписывается в класс I (группу 1) бляшек, по классификации В. В. Мурашевой (*Мурашева*, 2000. С. 26), которые датируются VIII–XI вв. Поскольку изделие происходит из перемешанных слоев и имеет необычную вытянутую форму, оно, возможно, относится и к более позднему времени.

Еще одна бронзовая накладка четырехугольной формы, позолоченная, на лицевой стороне была украшена глубоким резным орнаментом. Ее края окаймляли три ряда рифленых лент, в центре имеется плетеная композиция в виде геометрической фигуры с четырьмя лучами, расходящимися к углам, где расположены круглые жемчужины (рис. 56, 9). Полной аналогии данной находке нам не удалось найти, однако в стиле орнаментации заметен характерный скандинавский стиль. Часть украшений североевропейского круга делалась непосредственно на Городище, о чем свидетельствуют находки глиняных литейных форм. Возможно, и данная накладка изготовлена местным мастером по эксклюзивному заказу.

К группе ременных украшений относится бляшка с растительным орнаментом (рис. 56, 13). По форме она несколько отличается от известных

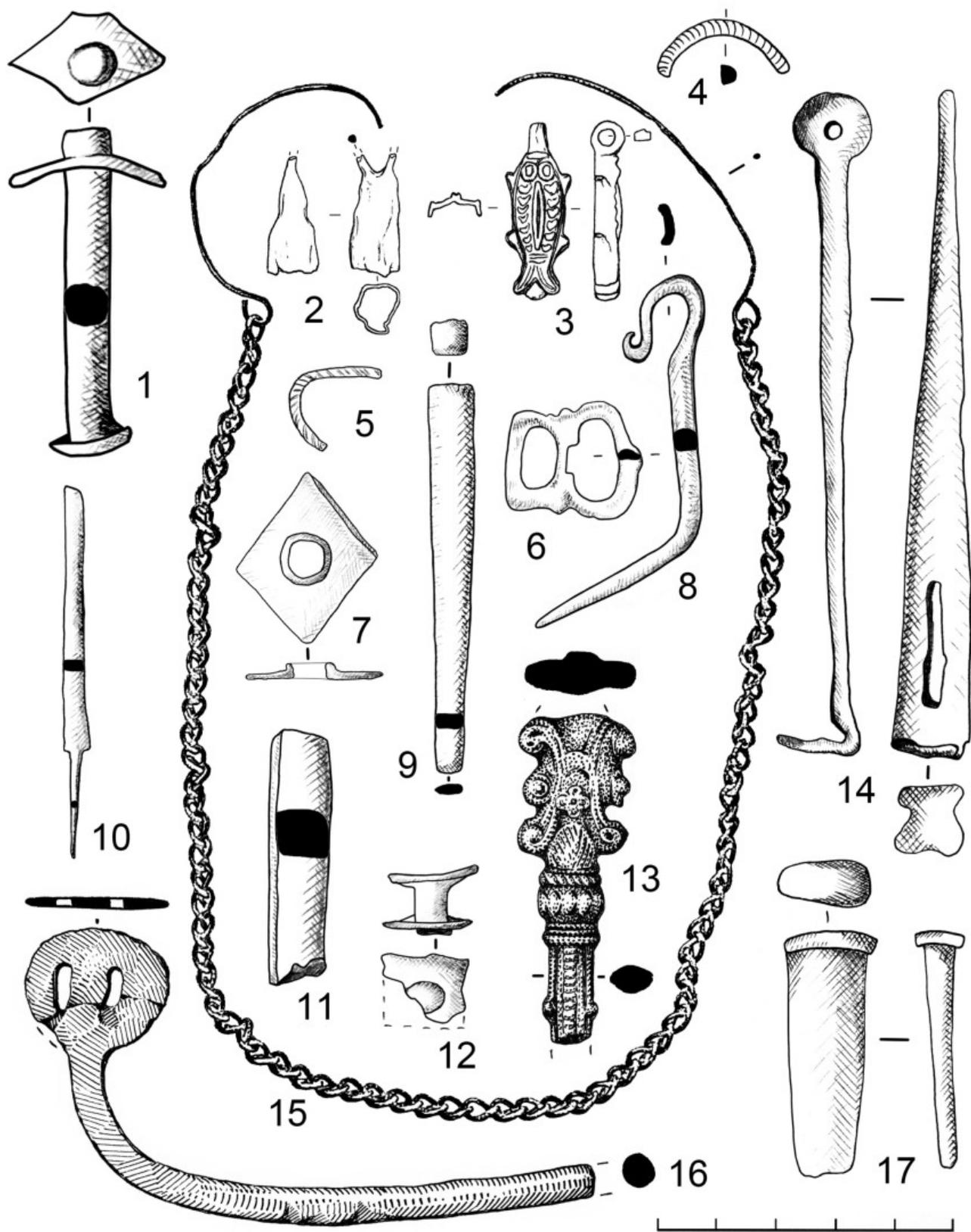

Рис. 57. Находки, полученные при раскопках 2011–2012 гг.: 2–4, 6, 8, 9, 11–17 – из темно-серого мешанного слоя; 1, 5, 7, 10 – из заполнения сооружения № 8 (1, 7, 8–10, 12, 13, 14, 16, 17 – железо; 2–6 – цветной металл; 11 – сланец)

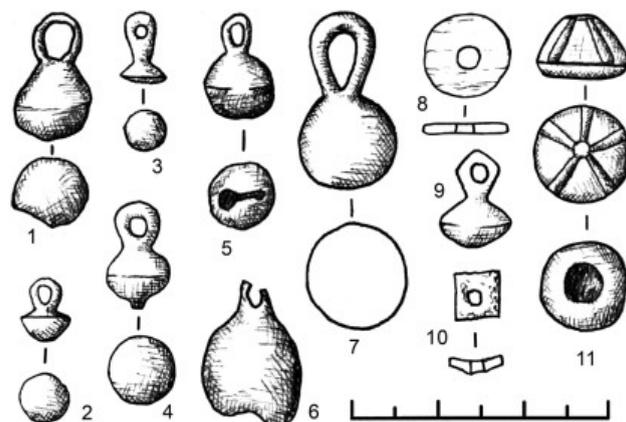

Рис. 58. Находки из темно-серого мешанного культурного слоя раскопа 2012 г.:
1–7, 9, 10 – бронза; 8 – кость; 11 – свинец

поясных и уздечных накладок, однако по стилю орнаментации бляшка напоминает изделия, выделенные В. В. Мурашевой в вид О – с ободком из перлов и трехлистником в центре (Там же. С. 51), имеющий аналогии в Больше-Тиганском могильнике, Прикамье, Швеции.

Найдены две круглые бляшки: одна из них гладкая цельнолитая без орнамента (рис. 56, 15), вторая бляшка, скорлупообразная в разрезе, была изготовлена из низкопробного серебра и напоминала так называемые розетки-гвоздики (рис. 56, 14), шляпки которых орнаментировались и покрывались серебряной фольгой. Подобные розетки иногда украшали головы деревянных резных скандинавских драконов, а также прикреплялись к овальным скандинавским фибулам определенных типов в местах перекрещивания орнаментальных композиций (Jansson, 1985. S. 108–110; Ениосова, 1999. С. 65–75). Данный экземпляр был украшен в центре концентрическими бороздками, а край сплошным рядом жемчужин, что было характерно для подобного рода изделий (Jansson, 1985. Fig. 96).

Еще одна накладка бронзовая с позолотой имела необычную Х-образную форму – в разрезе она была выпуклая, края вогнутые, а по центру украшена тремя жемчужинами (рис. 56, 8). У накладки не было штифта для крепления, возможно, что это элемент позднего украшения.

К деталям ременных украшений относятся два наконечника. Один из них представлял литое изделие с тремя штифтами. Наконечник завершался с одной стороны мордой животного, с другой – деко-

ративным шипом, остальная часть была покрыта сетчатым орнаментом (рис. 56, 22). Наконечники ремней, с одного конца украшенные мордой животного, широко известны на территории Скандинавии в эпоху викингов, однако все они сделаны, как правило, по индивидуальным образцам (Arbman, 1940. Taf. 87, 5; 88, 2; Thunmark-Nylén, 1998. Taf. 132, 133, 13–20, 25, 26; Katalog, inv. 5208:170). Второй наконечник также со штифтами был обычной формы, закругленный снизу и обломлен сверху. Край оконтурен рифленой лентой, по центру украшен цепочкой ромбиков (рис. 55, 3).

К деталям пояса относятся бронзовое поясное кольцо (рис. 55, 7), а также простая двучастная пряжка (рис. 57, 6) с овальной рамкой, имеющей выступы в месте крепления иглы.

Наручные украшения

В культурных напластованиях встречено 4 различных перстня. Наиболее ранним из них является широкосрединный бронзовый перстень с орнаментом типа «волчий зуб» (рис. 56, 17). Сохранился только его щиток, и неясно, был ли он «усатым», с разомкнутыми или завязанными концами. В целом по новгородской хронологической шкале данные группы перстней датируются временем от середины X до начала XIII вв. (Седова, 1981. С. 129, 130). Наш экземпляр, судя по характеру орнамента, скорее всего, относится к XI в.

Вторым перстнем был классический рубчатый перстень (рис. 55, 6). Данный тип украшения, широко распространенный на территории Древней Руси, в Новгороде бытовал с конца XI до конца XIV вв. (Там же. С. 122). Третий перстень из

оловянисто-свинцового сплава относится к группе щитковосрединных. На его ромбовидном щитке нанесен «елочкообразный» орнамент (рис. 56, 21). Судя по новгородской коллекции и находок из других древнерусских городов, данный тип украшений не был стандартизирован, а соответственно был чрезвычайно многообразен. В целом перстни такого рода появляются не ранее середины XII в. и в разных своих вариациях существуют вплоть до XV в. (Там же. С. 132–136).

Кроме рассмотренных перстней в коллекции имеется фрагмент изделия, свитого из двух проволок (рис. 56, 16). Поскольку толщина украшения расширялась в одну сторону, а в другую сужалась, можно предположить, что это фрагмент витого двухпроволочного браслета с суживающимися концами. По новгородским находкам их можно датировать второй половиной XII–серединой XIV вв. (Там же. С. 97).

Булавки

Два предмета, выполненные в скандинавском стиле, можно интерпретировать как навершия булавок или пинцетов (Waller, 1984. S. 183–190). Одно из них представляет литую бронзовую бипирамидальную граненую головку, оконтуренную валиками, имеющую ушко для подвешивания (рис. 56, 25). Нижняя часть изделия обломана, но ясно, что это была железная деталь, которая вставлялась в навершие. Судя по скандинавским аналогиям, это могли быть булавка, шило или пинцет. Вторая находка несколько иной формы, но аналогичного назначения, состояла из двух спаянных половинок, в которые вставлялся железный предмет. Половинки были отлиты в виде звериных морд (рис. 55, 8). Навершие также имело ушко для подвешивания.

В коллекции из Новгорода М. В. Седова выделяла украшения с массивной плоской головкой и длинным стержнем, загнутым у острия крючком. Головки таких булавок отличались по стилю и орнаментации. Среди них одну из групп составляли изделия (2 экз.), «на головках которых изображен символ ростка-крина» (Седова, 1981. С. 78, 79). Именно к этой группе принадлежит наша находка. Это массивная булавка с отломанным острием и ажурной головкой (рис. 55, 5). Как и на новгородских образцах, головку венчает крин (трилистник), а внутри головки и по бокам расположены символические изображения растущих деревьев, одним словом, «древо жизни». Рассматривая всю

категорию этих находок с разнообразным типом наверший, М. В. Седова отмечала, что они довольно широко были распространены на древнерусской территории в XII–XIII вв., приводя примеры с других поселений (Там же. С. 82). Проблема состоит в их назначении. В литературе высказывались различные точки зрения, что это были застежки для одежды или книги, заколки для волос или головных уборов, а возможно, женские украшения типа серег. Однако исследовательница обращает внимание, что у всех них крючки были очень грубые и тупые и не могли относиться к сфере одежды и украшений. М. В. Седова склонялась к мнению Б. А. Рыбакова, что данные булавки следует рассматривать как votivные изображения. В частности, предметы с криновидными и зооморфными навершиями и крючками могли служить привесками к иконам во время весенних аграрных обрядов, связанных со всходами яровых посевов (праздник Бориса и Глеба). Симаргл был покровителем семян, растений и корней (Рыбаков, 1961. С. 112). Кроме массивной булавки в коллекции встречена своеобразная маленькая тонкая булавка с круглой головкой – «пус йеппи», согласно этнографии поволжских финнов (рис. 56, 11). Ими скальвались две части головного убора чувашских женщин (повязка *сурпан* и перевязь *масмак*) (Краснов, Каховский, 1978. С. 142). В Новгороде подобные находки многочисленны и встречаются в слоях XIV–XV вв. (Седова, 1981. С. 158).

Среди находок из цветного металла можно отметить бронзовые заклепки от ушек металлических котлов (рис. 59, 4, 5), шайбочку (рис. 58, 10), накладку, иглы от фибул (рис. 59, 6), пять свинцовых грузиков, один из них необычной формы (рис. 58, 11). Встречены предметы и обломки неясного назначения, а также вещи, которые относятся к поздним историческим периодам, в частности, подквадратное украшение с умбовидным выступом в центре из светло-желтого металла (рис. 55, 10) или круглая накладочка, разделенная косым крестом на сектора (рис. 55, 2).

Заклепка от рукояти щита

Крайне интересной и редкой находкой является бронзовый предмет крестообразной формы, состоящий из трех лопастей, исходящих из единого центра, найденный в темно-сером перемешанном слое (рис. 56, 24). Одна из боковых лопастей обломана. В средокрестии стилистическое изображение головы животного с большими

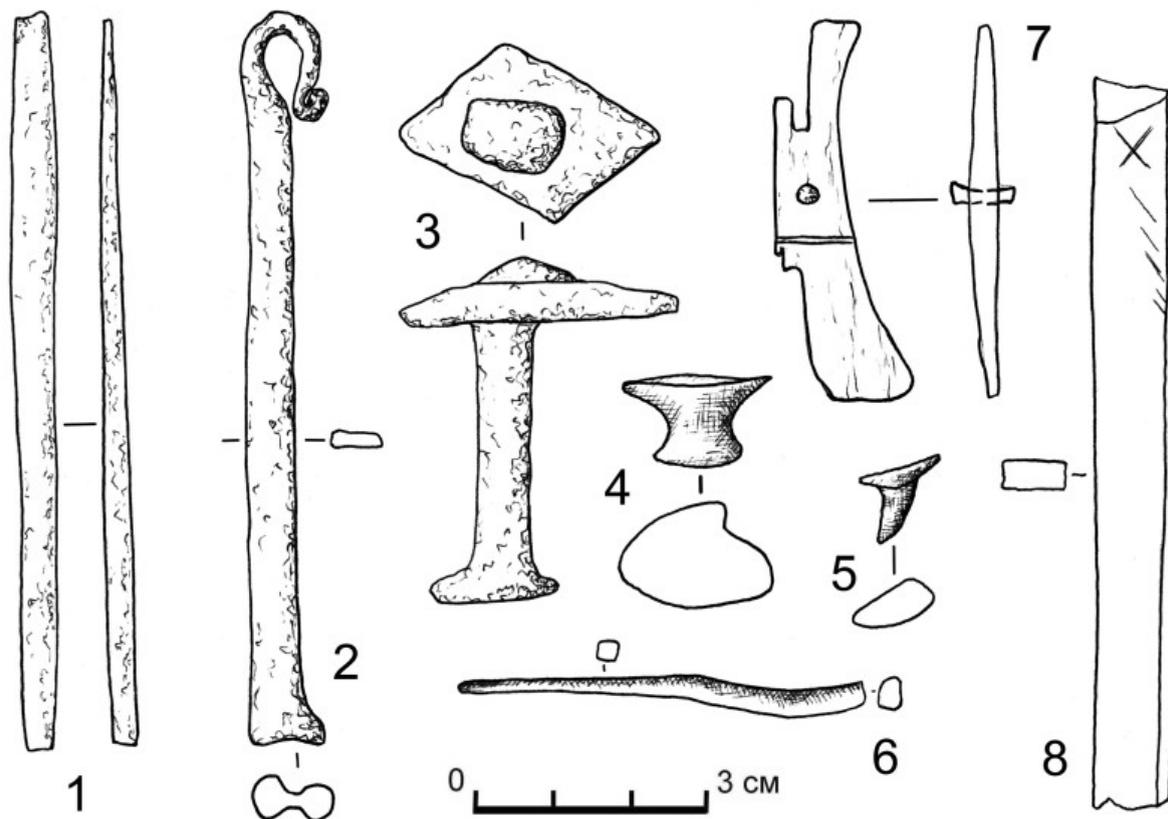

Рис. 59. Находки из темно-серого мешанного культурного слоя раскопа 2012 г.:
1–3 – железо; 4–6 – бронза; 7 – рог; 8 – сланец

глазами и расположенными над ними ушами. Боковые лопасти короткие и напоминают лапы животного. Центральная лопасть, идущая вверх от средокрестия, завершается антропоморфным изображением. Обращает на себя внимание, что предмет в целом выпуклый, за исключением плоских окончаний боковых лопастей, в которых были проделаны небольшие отверстия. Подобные предметы были найдены в ряде погребений Бирки (Arbman, 1940. Taf. 19, 1–7). По расположению в захоронениях они относятся к деталям щита. Имеется реконструкция щита из погребения № 850 могильника Бирка (Ibid. S. 323 – 325). Данные предметы интерпретируются как трехконечные крепления для рукояти щита. Ими приклепывались концы рукояти к деревянному полотнищу щита¹. Стилистически находка с Рюрикова городища ближе всего напоминает заклепку из погребения № 467 Бирки (Ibid. Taf. 19, 1–5). Близкая по типу антропоморфная заклепка найдена на Готланде (Thunmark-Nylén, 1998. Taf. 263, 7).

¹ Реконструкция системы крепления рукояти щита выполнена С. Ю. Каиновым. Мы также благодарны ему за консультацию.

С. Ю. Каинов также указывает еще одну полную аналогию из кургана № 6 польского могильника Свилюбе (Swielubie). Одним из мест изготовления подобных накладок являлась Бирка, где, по сведениям Ф. Андрошука, было найдено три литейные формы для их изготовления (информация С. Ю. Каинова).

Предметы из железа

Предметы вооружения и снаряжение всадника

Шпора

В темно-сером перемешанном культурном слое Городища был обнаружен фрагмент предмета, относящийся к снаряжению всадника. Это железная дисковидная петля шпоры с двумя прорезями для пропуска ремешка (рис. 57, 16). По мнению А. Н. Кирпичникова, прорезные пластинчатые петли получают распространение у шпор с изогнутой дугой (Кирпичников, 1973. С. 62. Табл. XVIII: 5). Сам шип мог иметь разные варианты. Хронологически шпоры с данным типом петель в Новгороде в основном использовались в XI–XII вв. (Медведев, 1959. С. 191. Рис. 23: 14).

Сулицы

К группе оружия дальнего боя относятся два наконечника дротиков (метательных копий) или, как их называли в древнерусских письменных источниках, сулиц (Кирпичников, 1966. С. 23). Они были найдены при зачистке материка раскопа 2011 г. Это ланцетовидные черешковые наконечники с упором и плоским лезвием (длина 18,5

и 19,5 см, ширина 1,8–1,9 см) (рис. 60, 15, 16). По мнению А. Н. Кирпичникова, история ланцетовидных копий (а дротик – это собственно миниатюрное копье) связана с Европой, где их очень много в Средней и, особенно, в Северной Европе. Эти копия восходят там к VII–VIII вв., и исследователи склоняются к их франкскому происхождению. В Скандинавии у викингов ланцетовидные копия

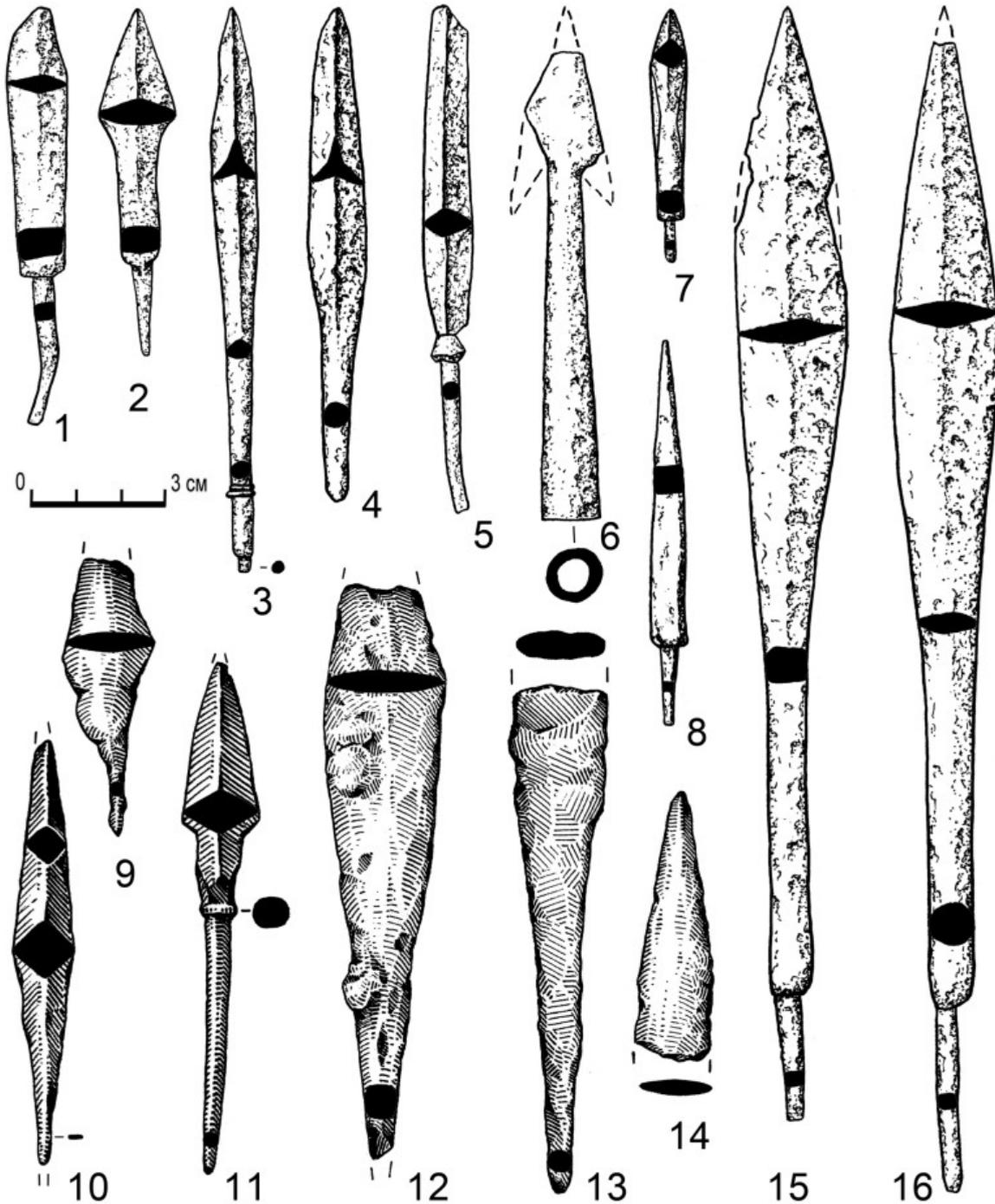

Рис. 60. Наконечники стрел (1–14) и сулицы (15, 16), полученные при раскопках 2011–2012 гг.: 1, 7–16 – из темно-серого мешанного культурного слоя; 2, 3, 5 – из заполнения сооружения № 2; 4, 6 – из заполнения сооружения № 4

представляли собой основной тип боевого копья. А. Н. Кирпичников считает, что копья подобного типа на Руси «восходят к западным или северным образцам VIII–IX вв., о их местном происхождении пока ничего сказать нельзя» (Там же. С. 9, 12). Относительно дротиков А. Н. Кирпичников полагает, что они, в основном, предназначались для охоты, но иногда, снабженные прочным узким лезвием, могли служить для военных целей. Наши экземпляры несомненно относятся к последней категории.

Наконечники стрел

Ланцетовидную форму имела самая многочисленная группа наконечников стрел, встреченная на раскопе 2011–2012 гг.: 5 из них были зафиксированы при разборке комплексов, а 6 в темно-сером культурном слое. Это узкие черешковые наконечники стрел (рис. 61). Длина целых экземпляров колеблется от 10 до 11 см. Ширина пера, как правило, была около 1 см. Соотношение длины черешка к длине остальной части наконечника 1:5.

Черешки чаще имели подчетыреугольное сечение, но иногда из-за коррозии трудно установить их форму.

Ланцетовидные стрелы часто исследователи относят по своему происхождению к скандинавским (Арциховский, 1966. С. 37), опираясь при этом на историю формирования ланцетовидных наконечников копий (Клейн и др., 1970. С. 239; Кирпичников, 1966. С. 9, 12). Впрочем, А. Ф. Медведев, указывая на широкое распространение ланцетовидных наконечников стрел в Скандинавии, полагал, что район их происхождения мог быть шире и его нельзя связывать только с Северной Европой. Этот вывод он сделал в 1959 г. при публикации материалов по оружию древнего Новгорода. В этой работе А. Ф. Медведев еще не делил ланцетовидные наконечники стрел на отдельные виды (Медведев, 1959. С. 164). В более позднем исследовании автор показал, что существуют два вида ланцетовидных наконечников стрел: 1-й – с плоским черешком без упора для

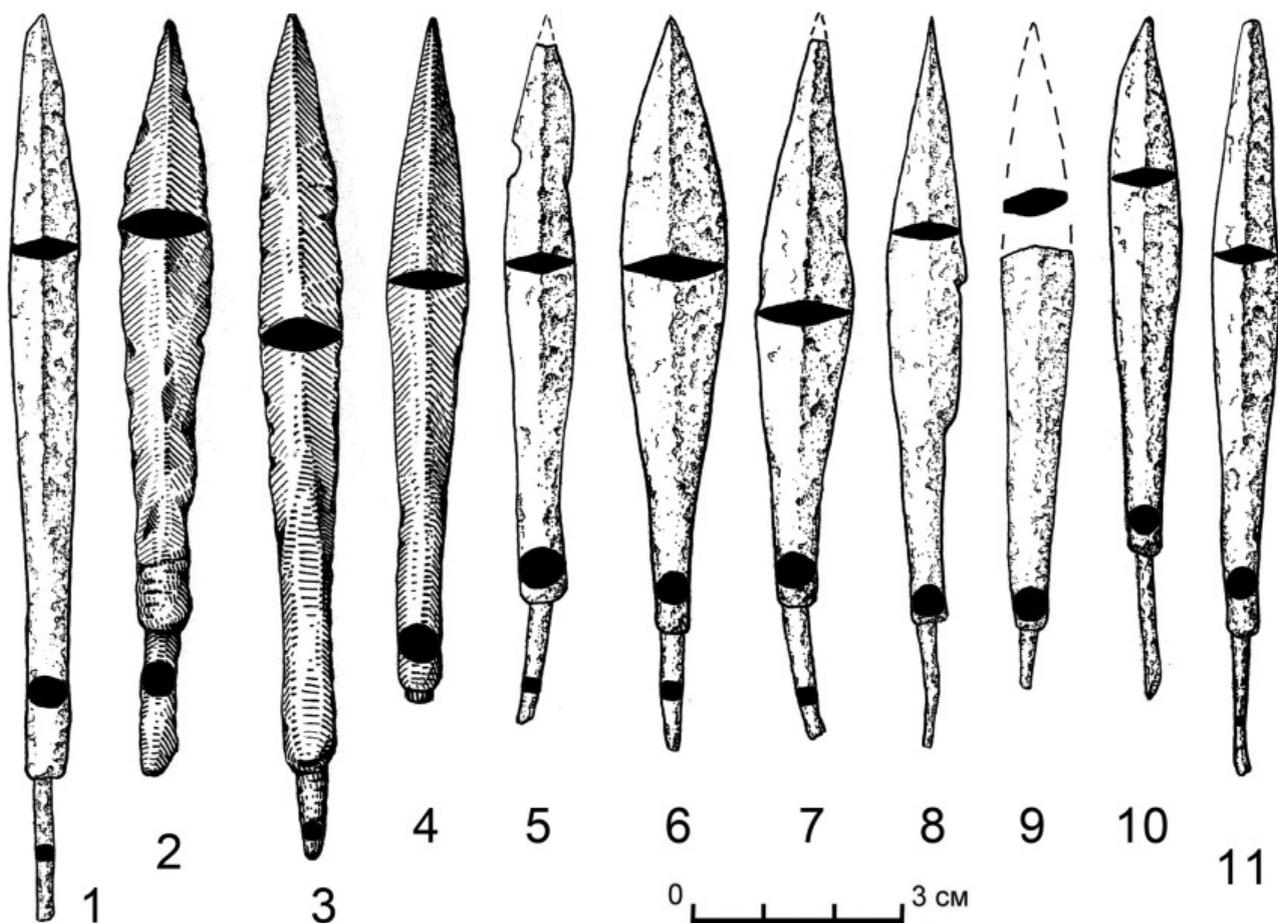

Рис. 61. Ланцетовидные наконечники стрел, полученные при раскопках 2011–2012 гг.: 1 – из заполнения сооружения № 5; 2–5, 7, 8, 10, 11 – из темно-серого перемешанного слоя; 6 – из заполнения сооружения № 8; 9 – из заполнения сооружения № 4

древка и 2-й – с граненым черешком с упором и шейкой. Первый вид появился на рубеже нашей эры в Прикамье и был распространен в северной полосе Европы в IX–первой половине XI вв. Наконечники стрел второго вида появились значительно позднее – в VIII–IX вв. и были распространены по всей Восточной Европе в IX–первой половине XI вв. Как признает сам А. Ф. Медведев, особенно широко они использовались в этот период в Скандинавии, чем на Руси (*Медведев*, 1966. С. 73–74; *Wegraeus*, 1986. S. 21, 22). Обращает на себя внимание, что рассмотренные нами ланцетовидные наконечники стрел, найденные на Городище в раскопе 2011–2012 гг., представлены стрелами второго типа с граненым черешком, упором и шейкой. Учитывая общий североевропейский контекст материальной культуры Городища IX–X вв., можно сделать вывод о скандинавской традиции в появлении данного вида вооружения у жителей поселения.

Одна находка представляет шиловидные наконечники стрел от лука (рис. 60, 8). Это небольшой предмет (дл. 6,4 см) с квадратным пером с простым упором и подквадратным в сечении черенком (тип 90, по А. Ф. Медведеву). Такие экземпляры на Городище встречались и ранее (*Носов*, 1990. С. 119). Подобные наконечники стрел имели широкие хронологические рамки употребления. Появились они на рубеже нашей эры и были распространены вплоть до XIV в. и позднее (*Медведев*, 1966. С. 83).

К группе бронебойных стрел в темно-сером слое относится два наконечника (рис. 60, 1, 7). Один из них с короткой массивной головкой килевидной формы ромбовидного сечения (рис. 60, 7). Шейка при переходе от пера квадратная в сечении, а затем у черешка округлая. Перо вместе с шейкой – 3,6 см, черенок, видимо, обломан. В наибольшей степени он соответствует второму варианту типа 84, по классификации А. Ф. Медведева. Подобные наконечники были наиболее характерны для XII–XIII вв. (Там же. С. 82; табл. 21, 43).

Второй бронебойный наконечник имеет массивную головку ромбовидную в сечении, подчетырехугольную шейку и черенок с простым упором (дл. 6,9 см, шир. 1 см) (рис. 60, 1). На Городище уже встречались единичные находки подобных наконечников стрел (*Носов*, 1990. С. 120, рис. 41, 11). Их можно отнести к типу 83, по классификации А. Ф. Медведева (*Медведев*, 1966. С. 81).

Данный тип наконечников был наиболее распространен в XI в.

Кроме того, при исследовании Городища в 2011–2012 гг. найдены наконечники стрел, которым в силу фрагментарности или коррозированности трудно найти место в разработанной А. Ф. Медведевым типологической схеме. Четыре из них, скорее всего, относятся к ромбовидным наконечникам (тип 46, по А. Ф. Медведеву) (рис. 60, 9, 12–14). Их характерной особенностью является отсутствие упора для древка. В Новгороде такие наконечники встречаются в слоях X–XIII вв. (Там же. С. 67). Неясен тип и небольшого наконечника, обломанного с обеих сторон, так что установить длину невозможно. Ширина пера 1 см, а его сечение квадратной формы (рис. 60, 10).

Таким образом, достаточно разнообразная коллекция стрел, встреченная на небольшом участке центральной части Городища, в целом представляет хорошо известные типы наконечников, распространенные в Восточной Европе в X–XIII вв. Обращает на себя внимание значительное число ланцетовидных наконечников стрел, относящихся к ранней группе стрел Городища, и малое число стрел поздних, время бытования которых можно ограничить в пределах XII–XV вв.

Инструменты и предметы быта

К самым массовым находкам из железа относятся так называемые ладейные заклепки самых разных размеров (целые, обломки и ромбовидные шайбы от них – всего 42 экз.) (рис. 57, 12; 59, 3). Второе место по численности занимают ледоходные шипы (13 экз.), а третье – ножи (6 экз.). Кроме того, в мешанных культурных напластованиях встречены обломанные пружинные ножницы средней величины (2 экз.), одни из них были украшены латунными вставками (рис. 62, 5), а также овальное кресало, дужка от цилиндрического навесного замка, два ключа от подобного рода замков (тип В, по Б. А. Колчину. *Колчин*, 1982. С. 160, 162) (рис. 57, 14; 59, 2) и ключик (тип А, по Б. А. Колчину. Там же. С. 160, 162) (рис. 62, 1). Группа инструментов представлена втульчатой стамеской (или пробойником) (рис. 62, 2) и зубильцем (рис. 57, 17), возможно, некоторые заостренные стержни могли также использоваться мастерами (рис. 59, 1). К поздним предметам относится фрагмент массивного литого фигурного стержня с обломанным набалдашником (рис. 57, 13).

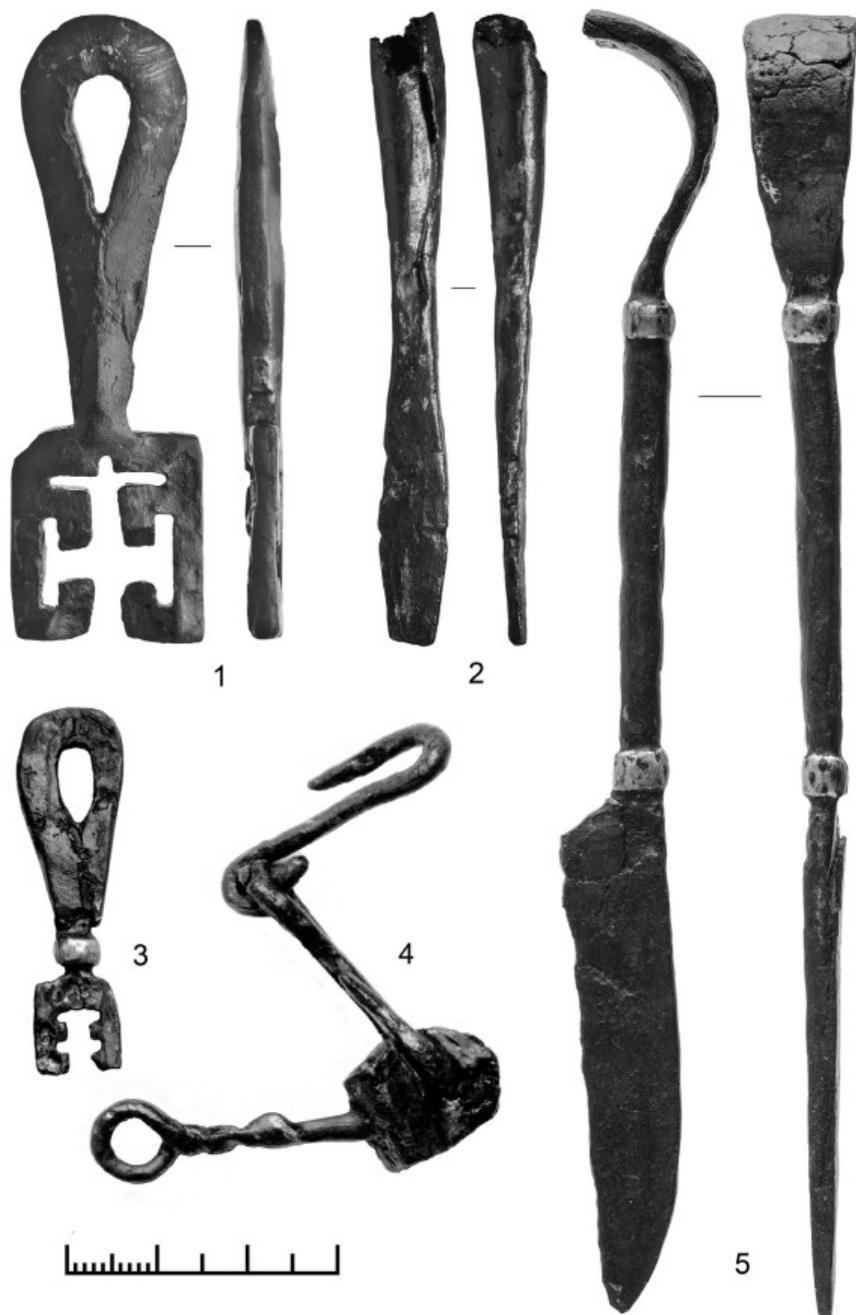

Рис. 62. Предметы из железа: 1, 2, 5 – из темно-серого слоя;
3, 4 – из заполнения сооружения № 2

Рис. 63. Находки из темно-серого мешанного культурного слоя раскопа 2011 г.:
 1, 10-12 – камень; 2-4 – кость; 5-9 – глина; 6, 8 – бронза

Предметы из кости

Находки из кости очень малочисленны. В основном, это части роговых гребней – 3 экз., из них 3 относились к типу 2 (по О. И. Давидан) (рис. 63, 2), а один фрагмент – к ранним скандинавским гребням (тип 1, по О. И. Давидан) с широкой спинкой (рис. 63, 4). Остальные гребни относятся к группе обычных двусторонних. Из-за их фрагментарности трудно определить подтип (рис. 59, 7). К единичным предметам относятся небольшая круглая накладка (рис. 58, 8), удлиненная пуговица с перехватом в центре, проколка и необычный роговой круглый предмет, край которого украшен коронообразными фестонами, а в центре резное изображение (обнаженный мужчина с луком), напоминающее античный сюжет (рис. 63, 3). Предположительно данный предмет может датироваться XV–XVI вв.

Предметы из глины и камня

Среди данной категории предметов особый интерес представляет литейная форма из песчаника, для изготовления мелких бляшек круглых и подчетырехугольных, а также трапециевидной подвески (рис. 63, 1). О бронзолитейном производстве свидетельствуют найденные в слое обломки тиглей (41) и литник (рис. 63, 8).

Большую группу предметов составляли различные грузики. Это, прежде всего, 5 фрагментов глиняных дисков от вертикального ткацкого станка, 5 глиняных круглых и удлиненных грузиков, 1 круглый грузик из мергеля, 7 пряслиц (2 шиферных и 5 глиняных).

К часто встречаемым находкам относятся точильные камни – оселки. В перемешанных слоях найдено 26 сланцевых оселков, как правило, обломков неопределенной формы, но встречались и классические оселки прямоугольные или квадратные в сечении. В ряде случаев в верхней части изделия просверливалось отверстие для подвешивания, а на некоторых были прочерчены знаки. Отдельные экземпляры приведены на рисунках (рис. 57, 11; 59, 8; 63, 10, 12). В то же время правильную форму имели не только сланцевые оселки, но и точильные камни из других видов камня, например из песчаника (рис. 63, 11).

Интересную группу находок представляли игрушки-свистульки (3 экз.). Они были сделаны из глины светло-охристого цвета, покрыты ангобом и украшены широкими белесыми полосами (рис. 63, 5, 7, 9). Одна свистулька сохранилась полностью, у второй отбиты голова и вдвунное отверстие, от

третьей свистульки сохранился небольшой фрагмент. Внешне это были антропоморфные фигурки с изгибающейся шеей, с парой передних ног, в целом, напоминающие коней. В корпусе имелось звукообразующее отверстие. Подобные изделия и раннее находились на Городище. По данным В. И. Поветкина в Новгороде, подобные игрушки-свистульки (*свистульки-чудозвери* или *свистульки-коники*) встречаются со второй половины XIV до XV–XVI вв. (Поветкин, 2007. С. 189–191).

Мы не рассматриваем материалы, связанные с новым временем, можем лишь упомянуть, что в коллекции встречены обломки красноглиняных и белоглиняных курительных трубок.

Керамика

Нет смысла описывать керамику из перемешанных культурных напластований. В них представлен весь широкий спектр керамического материала, известного на Городище, от керамики эпохи раннего металла до современного быта деревни. Раннесредневековая (лепная и раннегончарная) керамика и древнерусская гончарная керамика подробно охарактеризованы в работах А. В. Плохова и В. М. Горюновой (Плохов, 2005. С. 74–81; Горюнова, 2005. С. 82–121). Здесь мы хотели бы обратить внимание только на два момента. Во-первых, в отличие от других раскопов, в коллекции 2011–2012 гг. практически не представлены обломки амфор и найдено только три их фрагмента. Во-вторых, В. М. Горюнова выделила особую группу керамических крышек от болгарских бочек (рис. 64). Это плоские круглые плитчатые крышки с вертикальной ручкой в центре, сделанные на гончарном круге. Распространение болгарской керамики на территории Древней Руси, как правило, связано с торговлей. Керамика являлась тарой, в которой перевозились сыпучие продукты, в частности зерно. Однако В. М. Горюнова отмечает, что городищенские крышки по характеру теста отличались от болгарских, что привело ее к мысли, что их появление на Городище не связано с торговлей. По ее мнению, крышки были изготовлены на месте гончаром, являвшимся носителем ремесленной традиции Волжской Булгарии и использовавшим местные глины (Горюнова, 2014. С. 257). Датируются они не позднее начала XIII в., а именно в XII–XIII вв. торговля Северной Руси с Волжской Булгарией была ограничена в связи с агрессивной политикой владими́ро-суздальских князей, и товары, в основном оседали на территории Северо-Восточной Руси (Коновалова, 1999. С. 80).

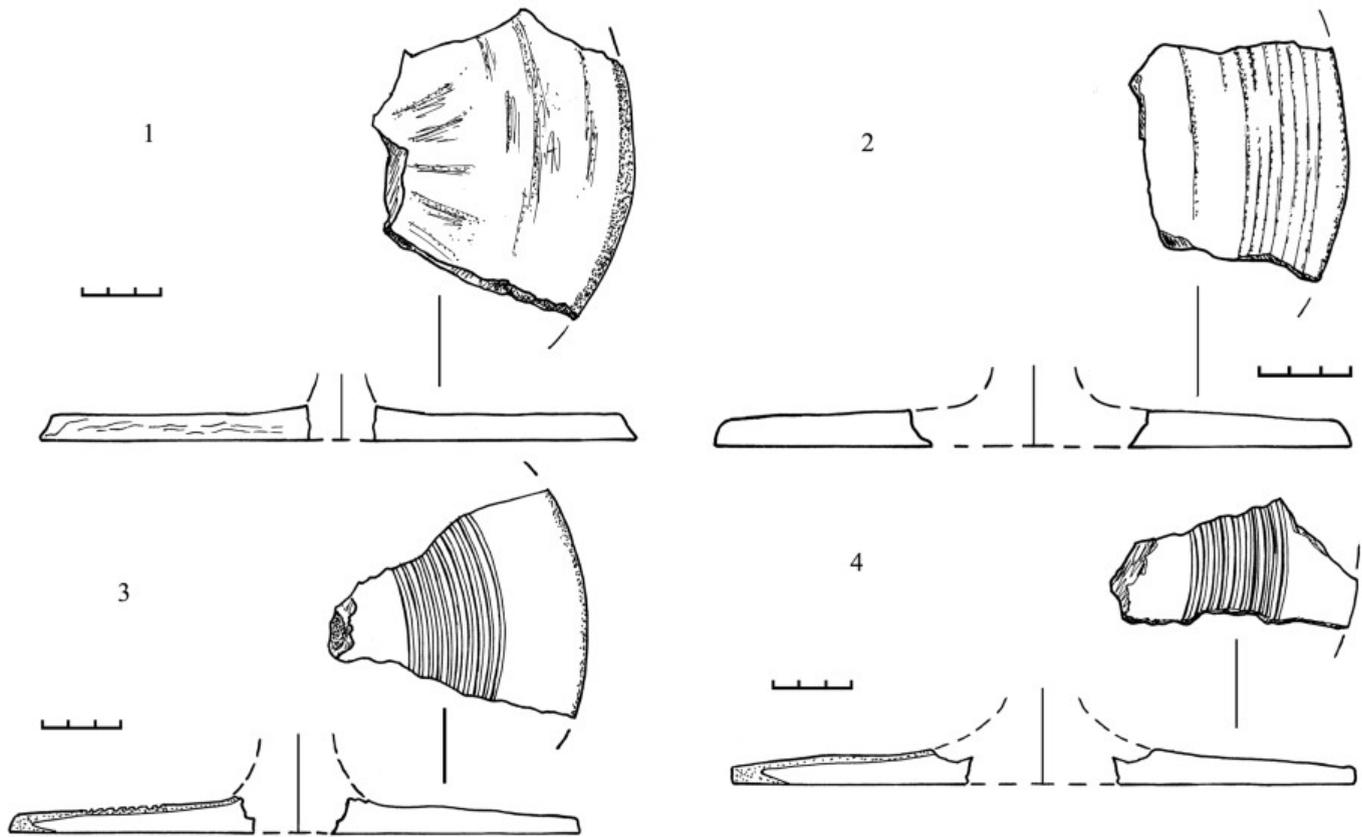

Рис. 64. Фрагменты плитчатых керамических крышек от болгарских бочек

Углубленные в материк сооружения

Исследования на краю коренного берега Волхова показали, что, несмотря на котлованы подвалов домов, деревни и окопы времен Второй мировой войны, здесь сохранились углубленные в материк основания древних сооружений и ям X – XIV–XV вв. В 2011–2012 гг. было зафиксировано 9 таких комплексов (рис. 53).

Сооружение № 1

Одно из ранних сооружений находилось непосредственно на краю береговой линии. Оно сохранилось практически в непогрязенном виде, хотя при разборке его верхних слоев встречались железные предметы, скорее всего, связанные с бытом современной деревни. В целом, это была большая яма овальной формы, вытянутая по линии север—юг (размеры 3,20 × 5,40 м, глубина 0,93 м) (рис. 53; 65, № 1), заполненная черным гумусом, в верхних слоях которого прослеживалась прослойка жженой каменной крошки. Под ней зафиксирован слой углей и пласт костей. В нижней части ямы отмечена песчаная прослойка.

При разборке заполнения найдено значительное количество бус (159 экз.). Из них самую большую

коллекцию составлял бисер (98 экз.). В основном, это был бисер из рубленых трубочек зеленый, синий, желтый и бесцветный, единичные бисерины имели белый, черный и коричневый цвета. Три бисерины – две синие и одна зеленая относились к типу ранних рубленых бисерин с закругленным одним концом (Львова, 1968. С. 86, 87; 1970. С. 89–111), 9 бисерин представляли группу так называемого бусинного бисера (мелкие зонные навитые бусинки).

Стеклянные бусы представлены 40 экземплярами. В их число входят 9 пронизок: серебро-стеклянные (2 – четырехчастные и 1 двухчастная), золотостеклянные (2 двухчастные и 1 одночастная), 1 синяя трехчастная и 2 желтые (двухчастная и одночастная). В составе комплекса также встречены 6 шаровидных бусин, 6 кольцевидных и 5 битрапециоидных (второй вариант, по Ю. Л. Щаповой, диаметр которых равен высоте) (Щапова, 1956. С. 169). Четырнадцать бус отличались индивидуальностью. К ним относятся пастовые бусы с инкрустацией накладными нитями в виде волны и петелек, многогранные синие бусины, 2 окатанные четырнадца-

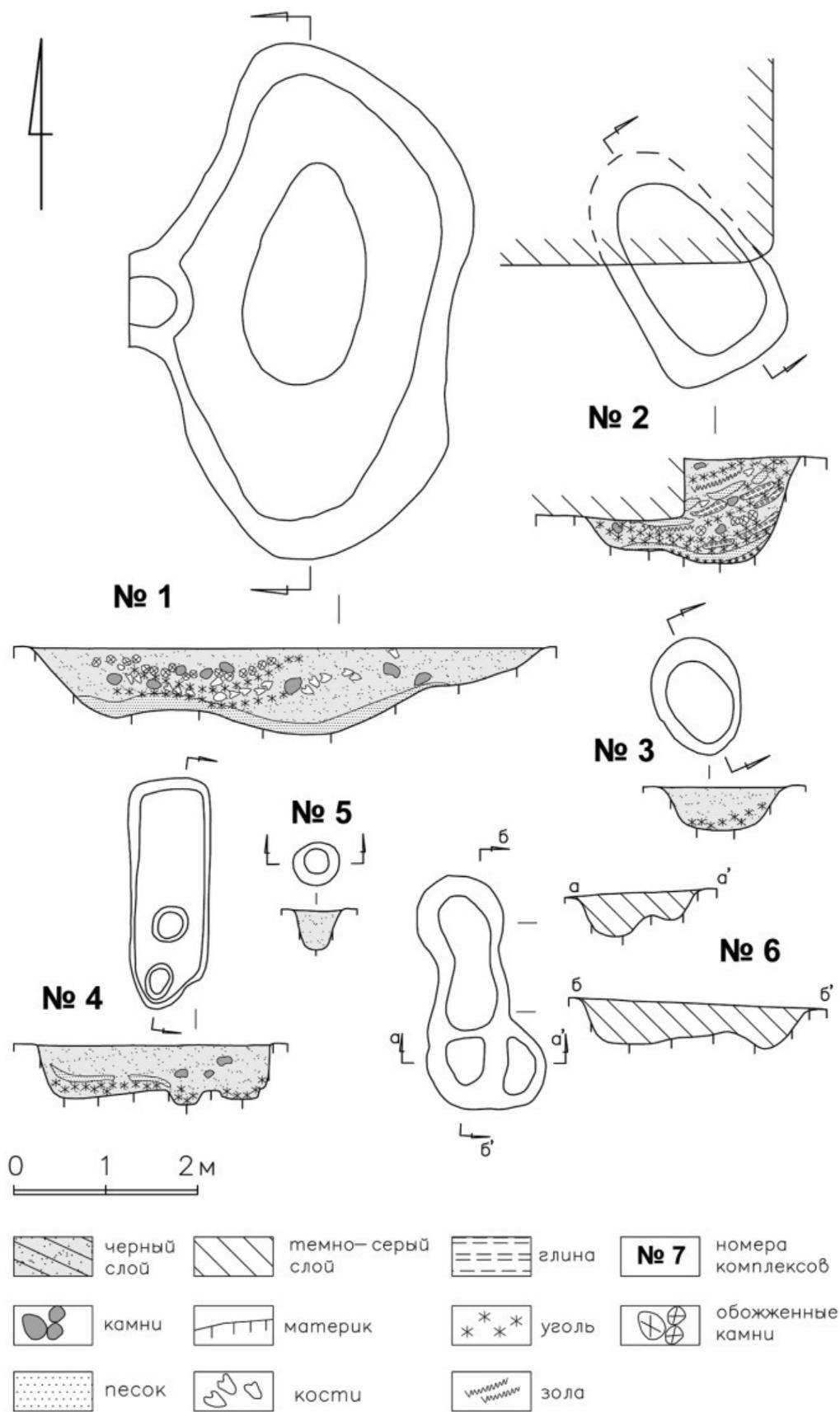

Рис. 65. Планы и разрезы углубленных в материк сооружений на раскопах 2011–2012 гг.

тигранные бусины (синяя и бесцветная) и 1 синяя бочонковидная.

Каменные бусы встречены в 20 экземплярах. Одну из групп составляли 11 хрустальных бус: 8 граненых (2 многогранные, 2 восьмигранные, 4 четырнадцатигранные); две окатанные эллипсоидной формы, но на них слабо прослеживаются грани, возможно, изначально они были бипирамидальные, и 1 дисковидная бусина. Среди сердоликовых бус выделяются 3 круглые, 3 многогранные, 1 четырнадцатигранная и 2 призматические десятигранные. В состав каменных бус комплекса входят также 2 аметистовые бусины (обломок граненой бусины и бусина неправильной бочонковидной формы). Список бус завершает круглая янтарная бусина. Кроме того, в заполнении комплекса были найдены 2 кусочка из янтаря, зеленая стеклянная прямоугольная вставка, видимо от перстня, и 9 фрагментов стеклянного сосуда из голубого стекла.

Серебряные монеты представлены 8 частями дирхемов, на одном из них пробита дырочка для подвешивания. В основном это были фрагменты (половинки и четвертинки), не поддающиеся определению, и только в одном случае можно было определить, что монета аббасидская начала IX в., чеканенная в Мадинате (или Зарандже).

К числу украшений из цветного металла относятся подвески. Одна из них полая вытянутая каплевидная (рис. 66, 1), предположительно относится к наконечнику рясен (Седова, 1981. С. 17, 18; Рябцева, 2005. С. 199–209), однако форма украшения напоминает также подвески на золотой диадеме киевского клада 1889 г. (Кондаков, 1897. С. 124, 125; Жилина, Макарова, 2008. С. 36–38).

Вторая подвеска серебряная с растительным орнаментом (рис. 66, 4). Она подробно рассмотрена Т. С. Дорофеевой (Дорофеева, 2013. С. 236–237). Изначально данное украшение использовалось в качестве ременной бляшки, так как после реставрации на обратной стороне обнаружился следы от трех штифтов, но затем поясная бляшка была переделана в подвеску. Подобные ременные украшения с ободком из «вытянутых выпуклин» и композицией в виде трехлепестковых цветков с побегами исследователи относят к восточному кругу древностей (Мурашева, 2000. С. 51. Рис. 73), а точнее к кочевническому миру евразийских степняков, от которых в период раннего средневековья распространилась мода на поясные наборы, в том числе и на территории Древней Руси (см. Приложение 1, с. 251–253).

Кроме того, в состав комплекса входит миниатюрная бронзовая подвеска, по форме напоминающая кресаловидные подвески скандинавского типа (рис. 66, 3) (Дорофеева, 2012. С. 206–214). К группе украшений также можно отнести небольшое колечко из рубчатой серебряной проволоки (рис. 66, 24), прут сегментовидного сечения с насечками, возможно, браслет (рис. 66, 37), узелковатую бусину от трехбусинного височного кольца (рис. 66, 2) и еще несколько фрагментов от разных бронзовых украшений, облик которых восстановить невозможно (например, рис. 66, 16). К деталям одежды относятся две подковообразные фибулы со спиральными головками (рис. 66, 11, 15). Обе они простого типа с округлым сечением дуги, одна маленькая (диам. 1,8 см), а другая среднего размера (диам. 4 см).

Бытовые предметы представлены фрагментом одностороннего наборного гребня (рис. 66, 33), сланцевыми оселками (рис. 67, 1–3), железным кольцом (рис. 67, 7), 3 ледоходными шипами (рис. 66, 9), 3 обломками и 1 целым ножом (рис. 67, 20), 2 железными заклепками и 10 шайбами от них ромбовидной формы, массивной накладкой (рис. 67, 16) и прочими плохо определимыми металлическими изделиями.

К рыболовным снастям относится бронзовый рыболовный крючок (рис. 66, 31) и еще одно изделие, которое по странному стечению обстоятельств вызвало дискуссию в литературе. Эта была раскованная бронзовая пластина овальной формы (дл. 10,2 см, шир. 1,5 см, толщ. 0,35 см). Лицевая сторона изделия по всей длине была полностью украшена симметричным декором – двумя линиями орнамента в виде «волчьего зуба», между которыми располагалась полоса с насечками, такими же частыми насечками были украшены и края пластины (как бы имитируя чешую рыбы). С одного конца пластина сужалась и была загнута петлей. В этом месте с лицевой стороны находилось изображение личины. С другого конца пластина завершалась острым крючком, а на лицевой стороне двумя кружками, как бы обозначая глаза, схематично намечено изображение морды (рис. 68). Данное изделие было определено нами как блесна, в чем мы и сейчас не сомневаемся. Однако в литературе существует мнение, с легкой руки Ю. М. Лесмана, что подобные находки следует рассматривать как поясные крючки, причем без всякой аргументированной критики и даже ссылок на соответствующую литературу (Платонова и др., 2007. С. 176; Еремеев,

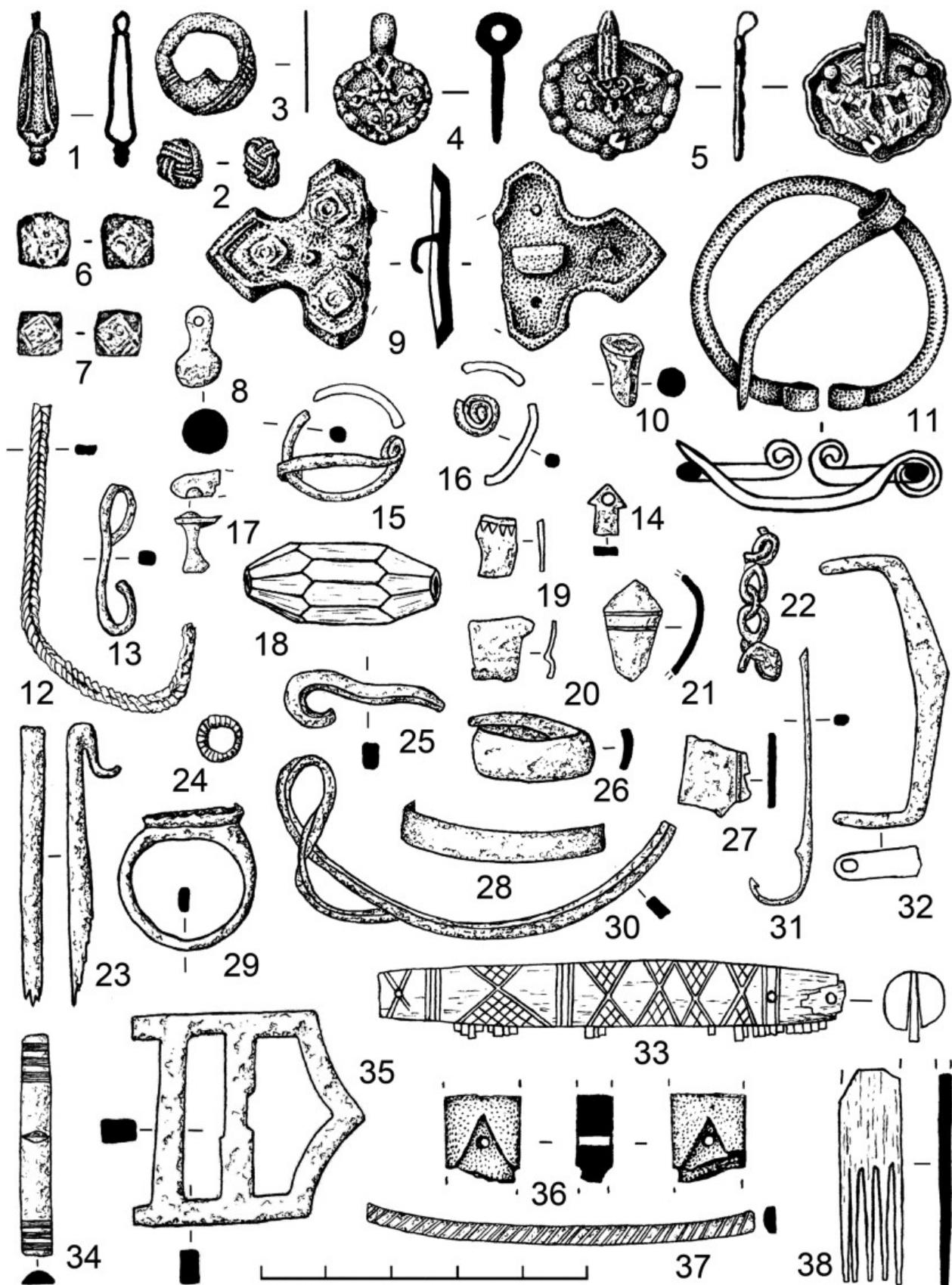

Рис. 66. Находки из заполнений углубленных в материк сооружений: 1-4, 11, 15, 16, 24, 30, 33, 37 – сооружение № 1; 5-7, 9, 10, 13, 14, 18, 22, 23, 25-27, 29, 32, 34-36, 38 – сооружение № 2; 8, 12, 17 – сооружение № 4; 19-21, 28 – сооружение № 5; (1-11, 13-17, 19-22, 24-32, 34, 35, 37 – цветной металл; 12, 23 – железо; 33, 38 – кость; 36 – камень)

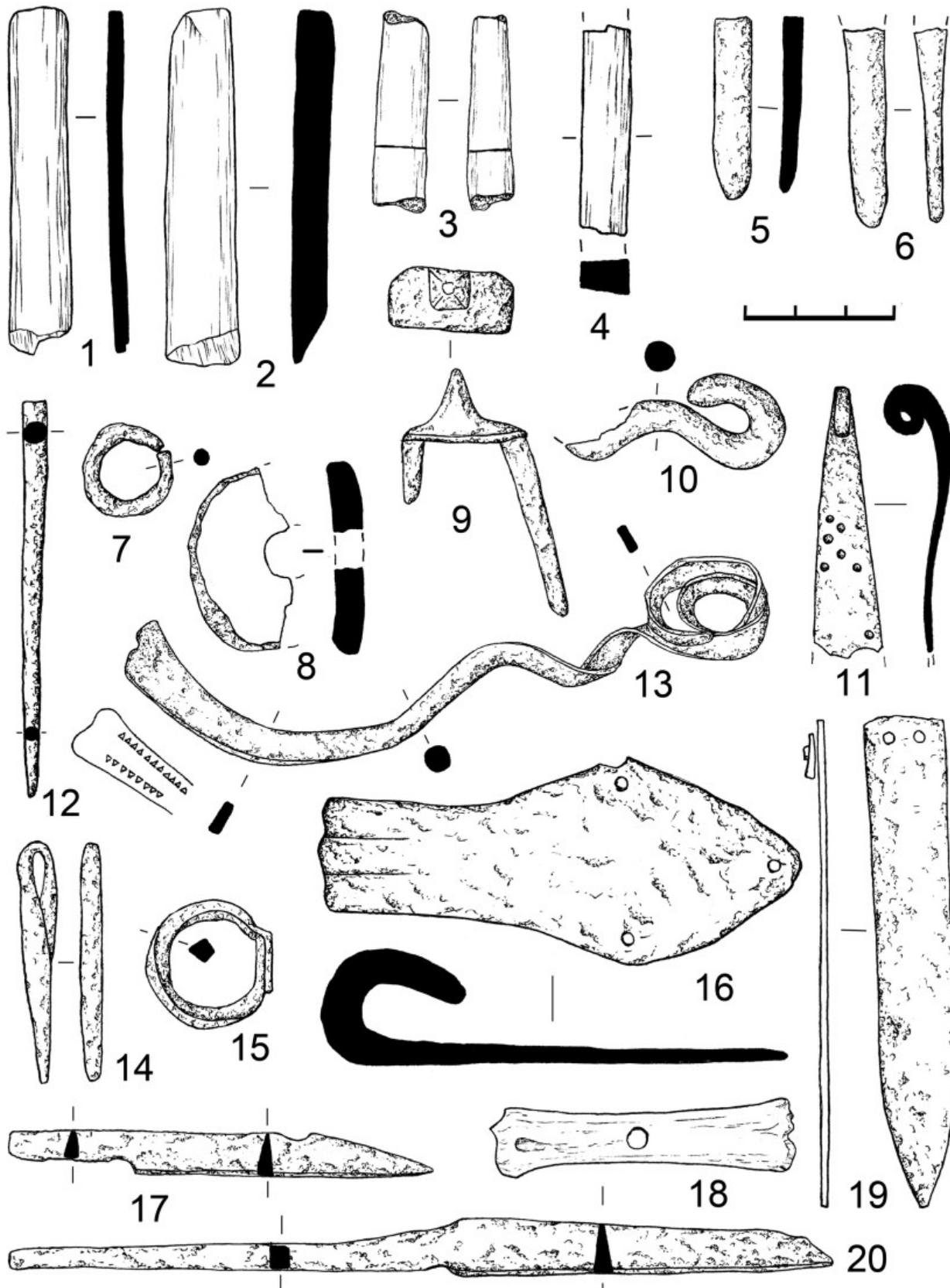

Рис. 67. Находки из заполнений углубленных в материк сооружений: 1-3, 7, 9, 13, 14, 16, 20 – сооружение № 1; 5, 8, 11, 19 – сооружение № 4; 6, 10, 12, 15, 18 – сооружение № 2; 17 – сооружение № 5; (1-4 – сланец; 5-7, 9-11, 14-17, 19, 20 – железо; 12, 13 – бронза; 18 – кость)

2015. С. 443, 447). В одной из статей мы подробно разобрали данный вопрос и привели факты, которые позволяют рассматривать эту находку как именно рыболовную снасть (Хвоцинская, 2014. С. 239–244). В контексте книги мы лишь подчеркнем основные тезисы. Для такого бескомпромиссного утверждения, которое сделал Ю. М. Лесман, должны быть веские доказательства. Если полагать, что пластинчатые изделия с острым крючком на одном конце и петель – на другом относятся к элементам одежды, то они должны встречаться не только на поселениях, но и, прежде всего, в погребениях. На территории Древней Руси раскопаны тысячи захоронений древнерусского времени по обряду ингумации, но ни разу в районе пояса погребенных не было найдено предметов подобного облика. Укажем для примера такие хорошо изученные и опубликованные массивы погребальных древностей, как Приладожские, Владимирские, Гдовские курганы или курганы Ижорского плато.

Хотя Ю. М. Лесман не ссылается ни на какие источники, но, видимо, он имел в виду статьи Х. Кнорра и И. Габриель, которые касались материалов западнославянских памятников в компактном регионе Германии (Knorr, 1970. S. 92–104; Gabriel, 1991. S. 181–250). Построения немецких коллег весьма зыбкие, они основываются на находках из четырех женских погребений, раскопанных в начале прошлого века весьма несовершенно (что подчеркивает сам Х. Кнорр) в Дьеркове (Dierkow), Гамехлье (Gamehl), Дамме (Damm). Это все огромные могильника типа полей погребений, и только в четырех случаях подобные «крючки» были найдены в районе пояса погребенных. Немецких исследователей это не смущает, они считают, что, как правило, тканые пояса просто завязывались, но в редких случаях застегивались, но для поясного крючка не нужно острое окончание. Мы не будем сейчас пересказывать всю нашу аргументацию, приведенную в специальной статье, отметим лишь, что в работах других западнославянских исследователей подобные изделия рассматриваются в качестве рыболовной снасти (Rulewicz., Zajdel-Szczrska, 1970. S. 325–382; Andreska, 1975. S. 133, obr. 3 и др.).

На наш взгляд, данная вещь вполне вписывается в разряд блесен на крупную хищную рыбу, которой в древности изобиловал Волхов (Сычевская, 1965. С. 236–256). От классических блесен и рыболовных крючков данная группа изделий отличается отсутствием бородки на крючке. Хорошо известно, что в средневековом Новго-

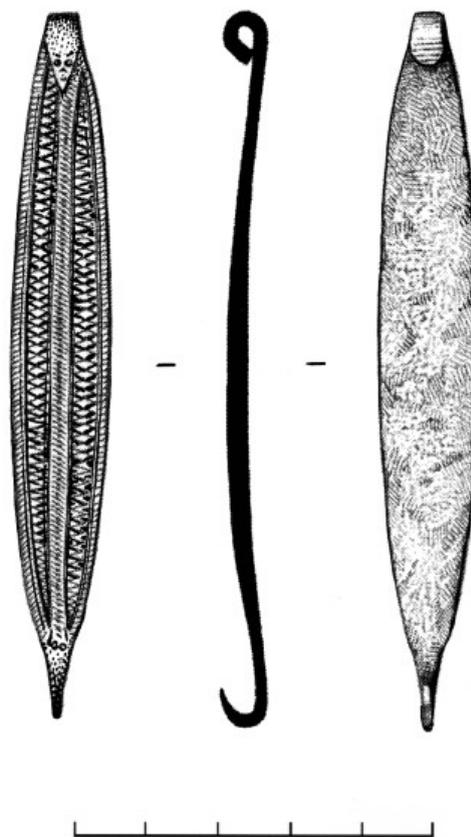

Рис. 68. Бронзовая блесна

роде одним из видов крупных промысловых рыб был налим («мень» – по-древнерусски), которого ловили по ночам зимой, причем, как свидетельствует А. В. Зиновьев, использовались блесны именно без бородки (Зиновьев, 2013. С. 232). Блеснение зимой могло быть только вертикальным. В одном из современных рыболовных справочников отмечается, что крючки без зазубринки (бородки) с успехом используются именно зимой, так как «такой крючок легко вытащить из пасти рыбы, что на морозе имеет немаловажное значение» (Третьяков, 1975. С. 19).

В данном комплексе также были найдены два наконечника стрел. Они оба относятся к типу ланцетовидных с граненым черешком с упором и шейкой (рис. 61, 8, 10). Наконечники стрел данного вида были распространены по всей Восточной Европе в IX–первой половине XI вв. Как отмечает А. Ф. Медведев, особенно широко они использовались в этот период в Скандинавии, чем на Руси (Медведев, 1966. С. 73–74).

Интересны предметы, связанные с остатками ювелирного производства. Это прежде всего лом из цветного металла, представленный перекрученными бронзовыми лентами (рис. 66, 30; 67, 13). Судя по орнаменту в виде «волчьего зуба» на рас-

плющенном конце одной из них, изначально это были украшения (браслеты или гривны?). Кроме того, найдено 5 мотков проволоки из золота. Два из них представляли смятые комочки. Третий моточек был свернут бантообразно четвертый – в аккуратно свитое кольцо (ил. 22, 5). Пятый моток представлял из себя мелкую спиральку, частично распущенную (ил. 22, 4). Последняя находка, скорее всего, была частью позумента – золотной нитью, которой расшивалась кайма или шнур для оторочки одежды. Туго собранная в спираль золотая или серебряная нить являлась канителью. Данная находка подтверждает мнение К. А. Михайлова, что на Городище в X в. были ремесленники, которые «освоили производство фольги для изготовления бити» (Михайлов, 2010. С. 272). Ранее на Городище при раскопках на берегу Сиверсова канала уже находили фрагменты золотой миниатюрной ленточки, скрученной в клубок (Носов, 1990. С. 80), и, как справедливо отмечает К. А. Михайлов, эта находка не могла быть остатками одежды, а, скорее всего, являлась полуфабрикатом для ювелира (Михайлов, 2010. С. 272). Думаем, что и в данном случае, вписываясь в контекст находок, золотые нити и проволоочки были сырьем для

ювелира. Позументы с золотными и серебряными нитями украшали одежду из богатых захоронений Гнёздовского, Тимерёвского и Шестовицкого могильников. Подобные находки происходят и из аристократических погребений Дании, Швеции и Норвегии (Там же. С. 270–276; Енисова, Пушкина, 2012. С. 57, 58). Под Новгородом остатки воротников, украшенные золотым шитьем, встречены в Деревяницком могильнике (Конецкий, Носов, 1985. С. 113–116). Находки из золота весьма редки на поселениях лесной зоны Восточной Европы. Они встречаются главным образом в культурных напластованиях крупных административных и торгово-ремесленных центров, где сосредоточивалась аристократическая верхушка местного общества. На сельских памятниках подобные находки вообще отсутствуют. Потребность в ювелирных изделиях из драгоценных металлов и наличие мастеров соответствующего уровня на Рюриковом городище X в. свидетельствуют о высоком социальном статусе его жителей.

В комплексе были также зафиксированы различные железные предметы (рис. 67, 14).

По заключению В. М. Горюновой, подавляющую часть керамического комплекса ямы составляет

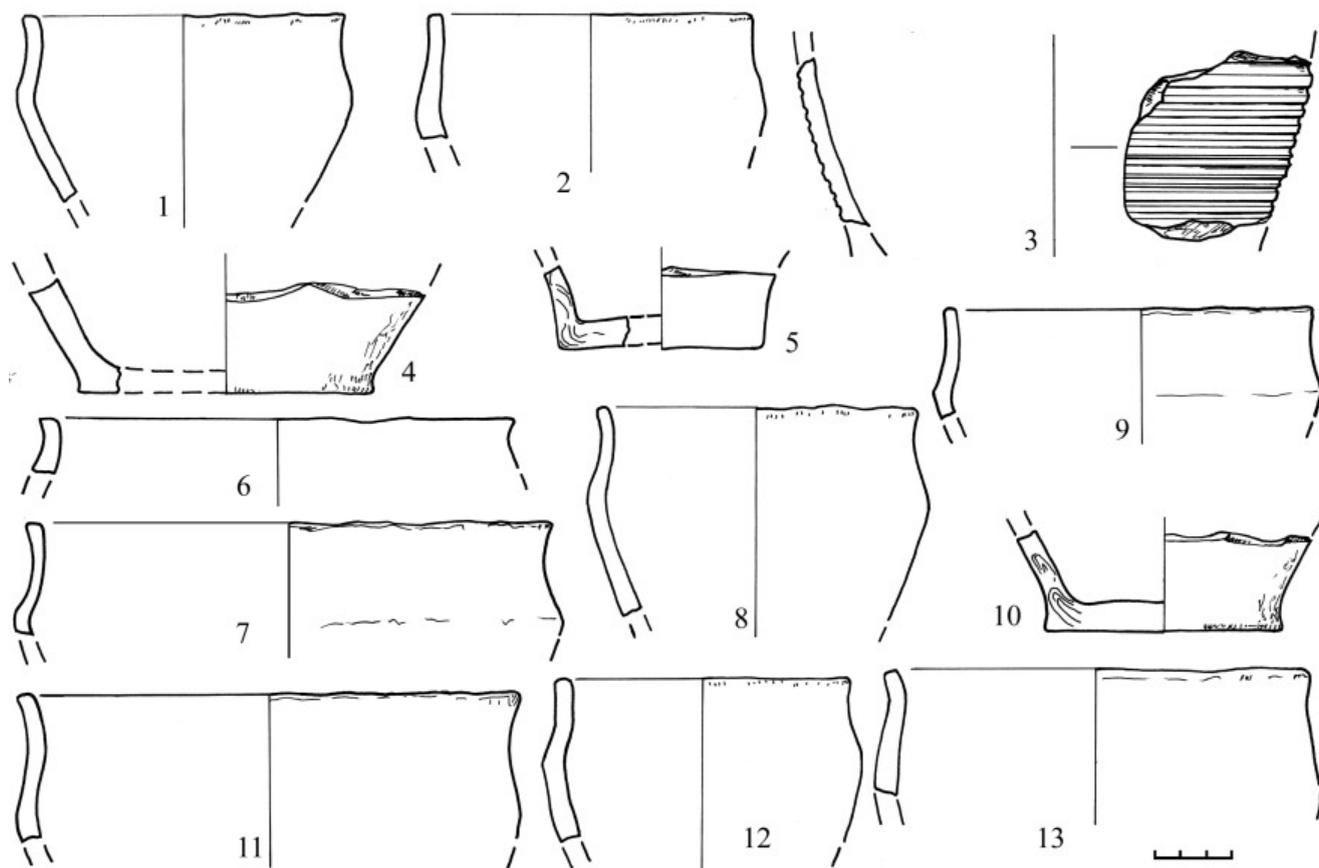

Рис. 69. Керамика из заполнения сооружения № 1: 1, 2, 4–13 – лепная; 3 – раннегончарная

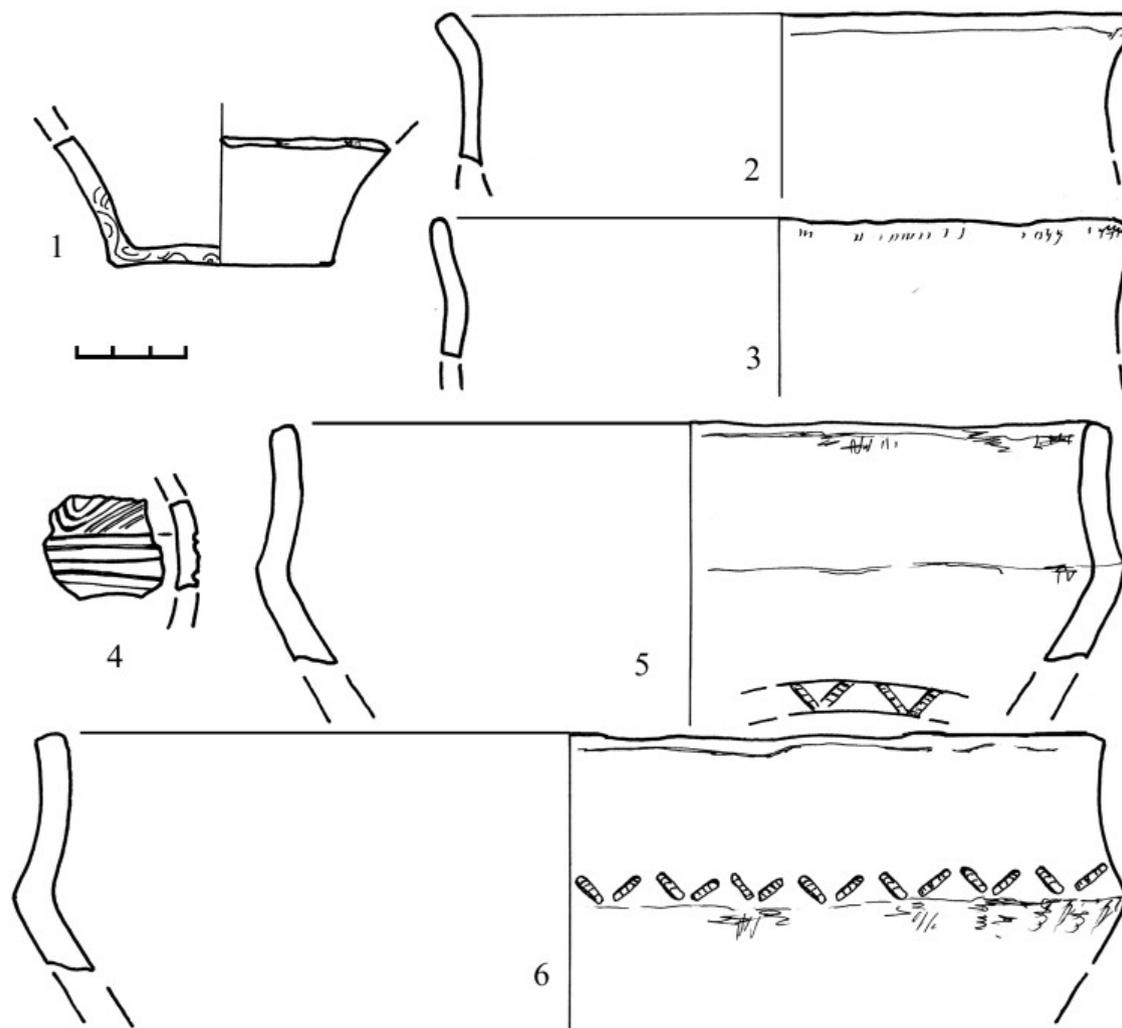

Рис. 70. Керамика из заполнения сооружения № 1: 1–3, 5, 6 – лепная; 4 – раннегончарная

лепная керамики (рис. 69 1, 2, 4–13; 70, 1, 3, 5, 6). На дне ямы встречен развал целого ребристого сосуда (рис. 71, 4). Раннегончарные сосуды представлены 73 обломками (рис. 69, 3; 70, 4). Среди них есть формы, которые появляются около середины X в. и существуют всю вторую половину X в., – ребристые сосуды с гребенчатым орнаментом по плечу. Однако поскольку среди сосудов эвонидной профилировки наблюдаются только слабопрофилированные экземпляры, датировку данного комплекса можно ограничить третьей четвертью X в. Следует отметить также наличие лощеной посуды, представленной двумя обломками. Один из них являлся очень небольшим фрагментом вертикального с прямым срезом чернолощеного венчика, вероятно, от миски. Подобные миски встречались на Городище и ранее. Они подробно рассмотрены в статье А. В. Плохова. По его мнению, их находки свидетельствуют о связи прибалтийских финнов с населением Поволховья, по-видимому, «среди участников

военно-купеческих экспедиций, приплывающих и к истокам Волхова, кроме скандинавов были представители прибалтийских финнов» (Плохов, 2014. С. 241). При этом А. В. Плохов не исключает, что миски мог делать на самом Городище заезжий гончар. Второй обломок представлял собой скол от внутренней части сосуда серого лощения.

Найденные в заполнении комплекса многочисленные находки не противоречат высказанной В. М. Горюновой на основании керамического материала дате – третья четверть X в. Датировка угля в Лаборатории ИИМК РАН (Le – 9592) дала дату 885–975 гг. (62,8 % вероятности), 800–1000 гг. (94,1 %).

Сооружение № 2

Вторым значительным сооружением, относящимся к раннему периоду жизни Городища, является углубленный в материк комплекс, который в северной половине был частично перекрыт подвалом дома начала XX в. Дно ямы находилось ниже уровня подвала, поэтому, несмотря на то что

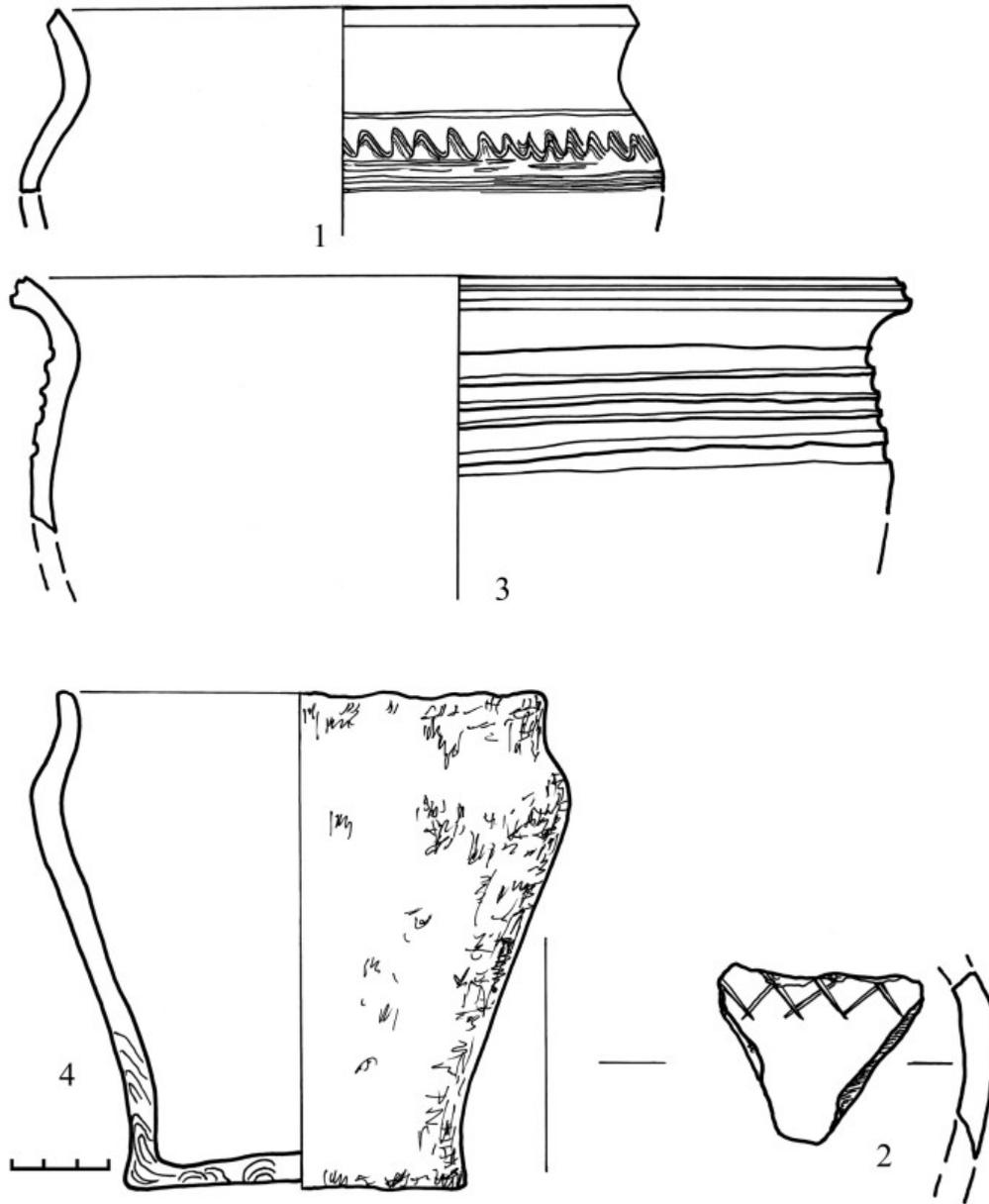

Рис. 71. Керамика из заполнения сооружений № 1 и 2: 1, 4 – сооружение № 1; 2, 3 – сооружение № 2 (1–3 – раннегончарная, 4 – лепная)

верхняя часть заполнения была частично нарушена, нижние напластования сохранились и их изучение позволило восстановить общие размеры сооружения (рис. 53; 65, № 2). Яма имела яйцевидную форму, была вытянута по линии северо-запад — юго-восток и имела размеры: длина 2,88 м, ширина с юго-восточной стороны 1,8–2 м, в середине 1,6 м и с северо-западной стороны 0,6 м, глубина 1,6 м. Ее стенки достаточно крутые. Заполнение ямы слоистое, состоящее из черного гумуса с прослойками угля, песка и включениями костей, глины и обожженных камней.

При разборке заполнения ямы встречена представительная коллекция предметов, наибольшую

часть которой составляли различные типы бус (290 находок). Основную группу стеклянных бус составлял рубленый бисер среднего и мелкого размеров – 214 экз. Преобладал бисер желтого и синего цветов (89 и 72 экз.). В меньшем количестве был представлен бисер прозрачный, белый и зеленый (соответственно 22, 16 и 14 экз.). Одна бисерина имела фиолетовый цвет. К этой же категории украшений относятся 7 разноцветных трубочек. К числу раннего рубленого бисера можно отнести только одну находку синего цвета. Вторую группу стеклянных бус представляли пронизки (14 экз.): одночастные – 3, двухчастные – 3, трехчастные – 5, многочастные – 3. Преобладали серебростеклянные

пронизки (11 экз.), одна была золотостеклянная и 2 – синие.

Среди зонных бус встречаются круглые (8 экз.) и кольцевидные (8 экз.) различных оттенков цветов. Остальные бусы представлены единичными экземплярами. В их число входят 2 синие битрапециодные (второго варианта, по Ю. Л. Щаповой), одна зеленая неправильной конусовидной формы, четырнадцатигранная синяя, 3 шестигранные бусины (2 зеленые и одна из печеночно-красной пасты), 3 печеночно-красных бочонковидных (ил. 2, 55), крупная круглая бусина из прозрачного зеленовато-голубого стекла, черная бусина овальной формы, украшенная белыми полосками (ил. 2, 35), и белая пастовая цилиндрическая бусина, инкрустированная накладными нитями в виде черных и печеночно-красных петель (ил. 2, 25).

Каменные бусы встречены в количестве 25 экземпляров. Одну из групп составляли 16 хрустальных бус: 13 граненых (6 многогранных, 6 четырнадцатигранных), а одна крупная двадцатистигранная бусина представляла собой редкий экземпляр (по терминологии М. В. Фехнер, восьмигранная призматическая бусина с пирамидальными концами – Фехнер, 1959. С. 156) (ил. 3-III, 25; рис. 66, 18). Данные бусины в основном встречаются в погребениях с трупосожжениями в крупных могильниках, расположенных на торговых водных магистралях, таких как Гнёздовский, Михайловский, Шестовицкий и Бирка, и датирующихся IX–X вв. (Там же, приложение 1 к рис. 2, 3). По мнению Ю. Калльмера, подобные бусы выходят из употребления после 950 г. (Callmer, 1977. P. 91). В группу

хрустальных бусин входили 2 круглые и одна дисковидная бусины. Среди сердоликовых бус (всего 9 экз.) выделяются 2 круглые, 3 многогранные, 2 четырнадцатигранные, одна дисковидная и одна крупная призматическая десятигранная бусина. В составе бусинной коллекции также представлена плоская небольшая янтарная буса. В заполнении сооружения были найдены мелкие кусочки янтаря и круглая янтарная вставка, а также плоский овальный кусочек стекла с гравировкой голубого цвета. Последняя находка представляет особый интерес. Подобные пластинки стекла правильной формы, обработанные по краям мелкой ретушью, уже встречались на Городище и по аналогии с находками в Новгороде были интерпретированы как возможные детали витража (Носов и др., 2005. С. 61). Однако в свете опубликованных в последнее время находок из Гнёздова, Киева и Пскова имеются основания рассматривать такие обработанные кусочки византийского стекла как нашивки на парадную одежду византийской знати. Главным основанием для этого служит открытие, сделанное в камерном погребении в кургане Ольшанской группы Гнёздова еще в 1988 г., где было найдено около 100 разноцветных стеклянных пластинок, изготовленных из обломков сосудов и оконного стекла (Меч и златник..., 2012. С. 88; Ениосова, Пушкина, 2012. С. 60). На находку с Рюрикова городища обратил внимание Я. В. Френкель, который и издал ее с соответствующими современными аналогиями и трактовками (Френкель, 2016. С. 458–459).

При разборке заполнения ямы зафиксировано пять фрагментов дирхемов (определения А. А. Гомзина):

№ по полевой описи, год находки	Эмитент	Место чеканки	Время чеканки	Примечание
№ 649 2011 г.	Аббасиды, имя халифа отломлено	место чеканки отломлено	25х* г. х. (864–873 гг.)	Вес – 0,47 г; обломок около 1/6
№ 650 2011 г.	Аббасиды, халиф не установлен из-за плохой сохранности	место чеканки не установлено из-за плохой сохранности	230–260-е гг. х. (844–883 гг.)	Вес – 1,48 г; обломок около 1/2
№ 927 2011 г.	Аббасиды, Харун ар-Рашид	ал-Мухаммадийя	год чеканки отломлен, по типу 173 г. х. (789 / 790 г.)	Вес – 1,4 г; обломок около 1/2
№ 1020 2011 г.	Аббасиды, Ал-Ма'мун	место чеканки не установлено из-за плохой сохранности	1хх* г. х., тип 196–199 г. х. (811–815 гг.)	Вес – 1,09 г; обломок около 1/2
№ 1126 2011 г.	Аббасиды, халиф не установлен из-за плохой сохранности	место чеканки не установлено из-за плохой сохранности	год чеканки не установлен из-за плохой сохранности, 2-я половина VIII–начало IX вв.	Вес – 1,01 г; обломок около 1/3

*х или хх – вместо нечитаемых цифр на монете.

Из драгоценных металлов в заполнении сооружения был найден небольшой кусок золотой проволоки, достаточно толстый (около 1,5 мм диам.), свернутый в спираль (ил. 22, 3), по-видимому, так же как и в сооружении № 1, данную находку можно интерпретировать в качестве ювелирного лома. Как сырье для изготовления ювелирных изделий следует рассматривать и моток бронзовой проволоки.

К числу редких украшений относится серебряная подвеска с растительным орнаментом (рис. 66, 5), как и близкая ей по типу подвеска, найденная при разборке заполнения сооружения № 1, она была переделана из ременной бляшки с помощью приклепанного к ней ушка из тонкой рифленой пластинки. Однако данная бляшка была крупнее и несколько отличалась по растительному орнаменту, но имела тот же характерный ободок из «вытянутых выпуклин». Как мы отмечали, данные подвески подробно рассмотрены в статье Т. С. Дорофеевой (*Дорофеева*, 2013а. С. 236–238; см. Приложение 1, с. 251–253), где автором приведены аналогии и дан историографический обзор о появлении подобных бляшек «восточного типа» на территории Северной Руси и Скандинавии. Интересен тот факт, что в заполнениях двух сооружений, расположенных недалеко друг от друга, встречены элементы единого поясного комплекта. Если бляшки-подвески попали на Городище в одном наборе украшений, следовательно, данные сооружения синхронны.

Среди бронзовых украшений выделяется еще одна необычная находка. Это бронзовая литая четырехгранная подвеска вытянутой подтрапециевидной формы (ил. 1, 9б). В верхней части подвески имелось отверстие, через которое было продето маленькое колечко из медной рубчатой проволоки для подвешивания. Однако самым интересным оказалось то, что при обследовании изделия в Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН Е. Ю. Гирей среди следов неутилитарного износа были обнаружены процарапанные знаки, напоминающие руны. В связи с этим подвеска была подвергнута специальному анализу как с точки зрения археолога, так и рунолога (*Дорофеева, Стеблин-Каменская*, 2013. С. 159–180). Как отмечает С. И. Стеблин-Каменская, определенные формы рун являются диагностическими, т. е. их начертания нельзя перепутать со случайной царапиной. При таком подходе на одной стороне подвески точно есть руническая надпись, а на каждой из остальных сторон присутствует лишь одна достоверная руна **f**, другие знаки не являются диагностическими. Тем не менее авторы работы

делают вывод, что «благодаря руне **f** можно быть уверенным, что на всех четырех сторонах привески присутствуют рунические надписи» (Там же, 2013. С. 160). Однако интерпретировать надписи пока не удалось.

К числу скандинавских древностей можно отнести фрагмент равноплечной фибулы (рис. 66, 9) 58-го типа, по Я. Петерсену (*Petersen*, 1928. S. 77). Наиболее распространенный тип равноплечных фибул на Городище, да и вообще на памятниках Восточной Европы. Возможно, железная булавка, характерно изогнутая в верхней части, может относиться к застежке скорлупообразной фибулы (рис. 66, 23). Кроме того, в комплексе был найден обломок бронзовой булавки (рис. 67, 12).

При разборке сооружения встречено два бронзовых перстня. Один перстень простой пластинчатый (рис. 66, 26), а второй литой «салтовского типа» с крестообразно расположенными лапками для закрепления вставки (рис. 66, 29). Перстень такого типа уже был найден на Городище (*Носов*, 1990. С. 107, рис. 37, 4). В салтово-маяцкой культуре аналогичные перстни, по классификации С. А. Плетневой, относятся к типу 1, встречаются в первой группе катакомб и датируются концом VIII–первой половиной IX в. (*Плетнева*, 1967. С. 137–139, 141, 143. Табл. 4, 36). В Старой Ладoge подобный перстень происходит из слоя второй половины IX в. (горизонт E₁) (*Давидан*, 1986. С. 100–102. Рис. 1, 2). Перстни данного типа часто встречаются в качестве импорта в Прикамье, в частности в полоумско-чепецких памятниках (*Иванов*, 1997. С. 113, 114. Рис. 48, 2, 3, 8, 10, 13), так что на Городище, скорее всего, они попали все по тому же волжскому пути, что и поясные бляшки «восточного типа», переделанные в подвески.

Среди бронзовых предметов, найденных при разборке заполнения сооружения, можно отметить детали какого-то украшения, скорее всего, подвески (рис. 66, 14, 22, 27); 2 четырнадцатигранные весовые гирьки (рис. 66, 6, 7); небольшую заклепку от ушка котла (рис. 66, 10); шляпку от маленького гвоздика сегментовидную в сечении, накладку (рис. 66, 34) и 2 рамки пряжек, одна, судя по прорезям для перекладки, имела достаточно необычные размеры (шириной 5,3 см, а длиной по ремню 2 см) (рис. 66, 32), вторая была простой рамочной формы с перекладкой посередине (рис. 66, 35). Отдельно от последней был найден и язычок (рис. 66, 25). Еще одна пряжка была изготовлена из железа (рис. 67, 15).

Среди железных предметов встречены крючок на двух звеньях цепочки с пластинчатой обоймой

неясного назначения (рис. 62, 4), часть изделия, похожего на зубильце, (рис. 67, 6), возможно, звенья цепей (рис. 66, 13; 67, 10), нож, кольцо, одна целая ладьевидная заклепка небольшого размера и детали заклепок (3 ромбовидные шайбы и одна шляпка), а также миниатюрный ключик с латунными вставками от навесного замка типа А, по классификации Б. А. Колчина, относящийся к IX–X вв. (Колчин, 1982. С. 160. Рис. 3) (рис. 62, 3).

В состав рассматриваемого комплекса входили 3 черешковых наконечника стрел с упором. Перо одной из стрел было трехлопастным, низ шейки украшен двумя рельефными валиками (рис. 60, 3). Сама идея трехлопастных стрел появилась еще в I тыс. до н. э. у степных народов, где такие наконечники просуществовали до X в. н. э. (Медведев, 1966. С. 58). По данным А. Ф. Медведева, в X в. трехлопастные стрелы в целом вышли из употребления. «Более поздние экземпляры единичны, отличаются своеобразной формой и представляют курьез или шедевр мастерства» (Там же). В качестве примера А. Ф. Медведев приводит находку наконечника стрелы из слоя Новгорода первой половины XII в., который действительно отличается вычурностью и оригинальностью формы (Там же. С. 61, табл. 20: 9). Из 16 типов трехлопастных наконечников, выделен-

ных А. Ф. Медведевым, наш экземпляр не подходит ни к одному. По форме пера он напоминал узкие ланцетовидные стрелы, и перо у него плавно переходило в шейку.

Второй наконечник стрелы узкий ромбический в сечении с перехватом у черешка (рис. 60, 5) входит в группу наконечников, которые А. Ф. Медведев выделяет в 95-й тип. Исследователь относит их к противокольчужным наконечникам, которые были широко распространены по всей Восточной Европе с VIII по XIV в. (Там же. С. 84).

Третий наконечник стрелы с коротким ромбовидным пером, равным по длине шейке, и черешком с упором (рис. 60, 2) по своим размерам и основным конструктивным параметрам подходит к вариантам двух типов 34 и 43, по классификации А. Ф. Медведева (Там же. С. 63, 66. Табл. 12, 36; 13, 30; 16, 2). В то же время А. Р. Артемьев похожий наконечник стрелы из раскопок Изборска соотносит с 97-м (1) типом, выделенным А. Ф. Медведевым (Артемьев, 1978. С. 68, 69). Однако эти броневые наконечники имели более узкое перо, в отличие от нашего экземпляра (Медведев, 1959. С. 170; 1966. С. 85). Тип 34 представлен килевидными наконечниками с расширением в нижней половине длины пера, а тип 43 – с расширением в средней части. Первые были

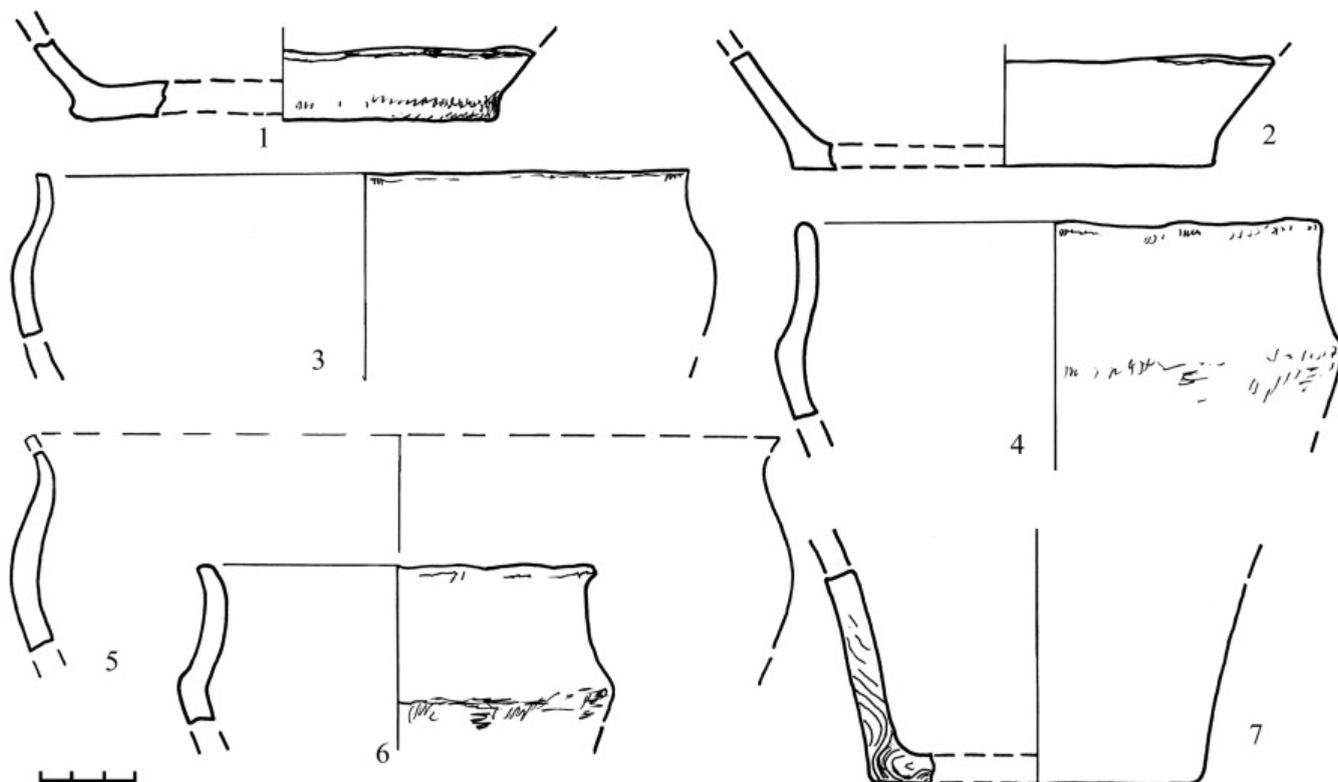

Рис. 72. Лепная керамика из заполнения сооружения № 2

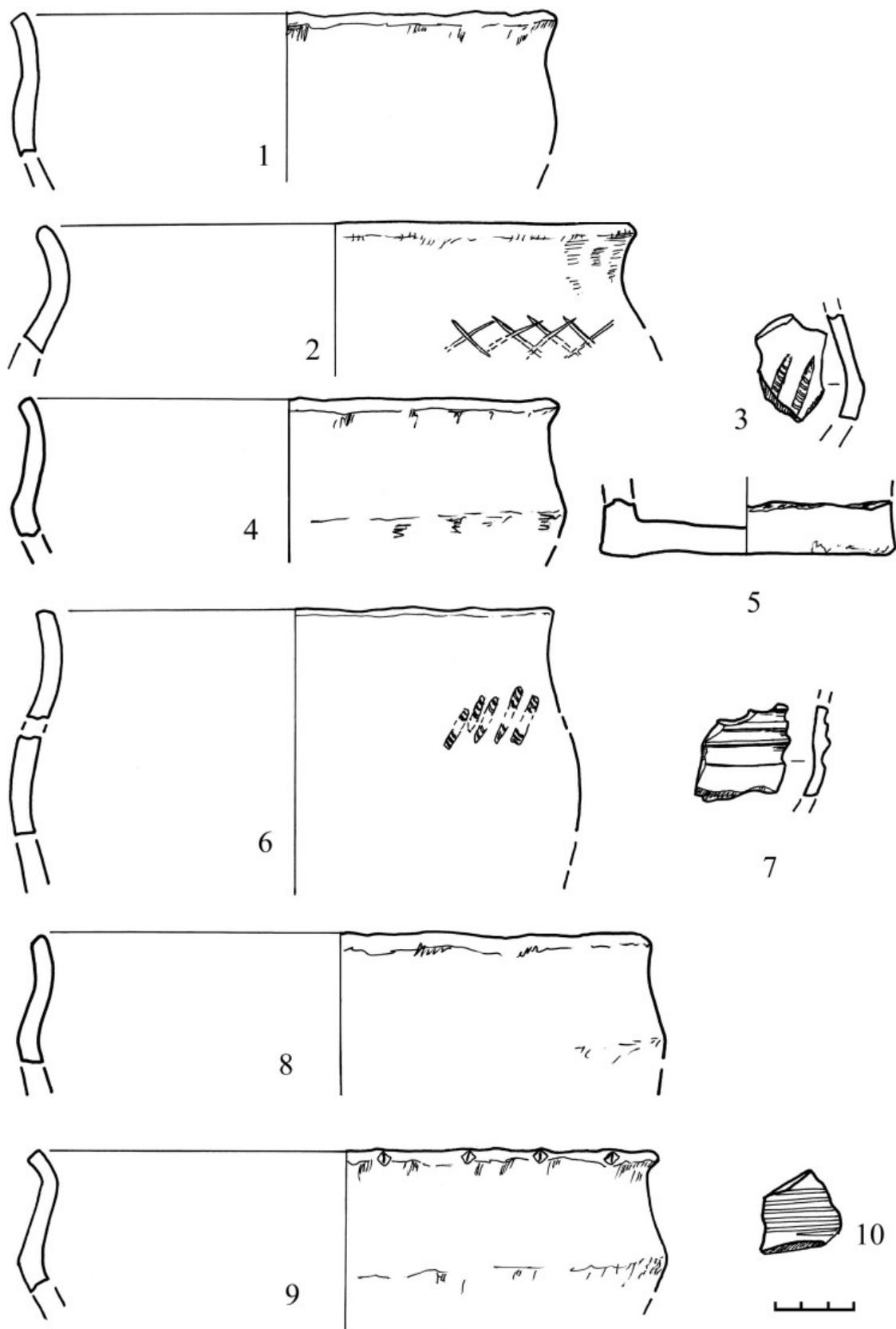

Рис. 73. Керамика из заполнения сооружения № 2: 1, 4-6, 8, 9 – лепная керамика;
2, 3, 7, 10 – раннегончарная

распространены в Восточной Европе в VIII–X вв. (Медведев, 1966. С. 63), а тип 43 – более широко в IX до середины XIII в. (Там же. С. 66).

Кроме того, в заполнении сооружения встречены два сланцевых оселка, непонятный фрагмент каменного предмета с отверстием (рис. 66, 36), обломок рогового одностороннего гребня (рис. 66, 38) и трубчатая косточка с отверстием (рис. 67, 18), которая по материалам Новгорода интерпретируется В. И. Поветкиным, как брунчалка – самозвучащий инструмент, при вращении которого издавался гудящий звук (Поветкин, 1998. С. 121, 125. Рис. 5, 6; 2007. С. 189). Их еще называют жужжалки, и они хорошо известны по материалам разных древнерусских городов.

В. М. Горюновой был проанализирован керамический комплекс данного сооружения (рис. 71, 2, 3; 72, 73). Подавляющее число фрагментов керамики принадлежит лепным сосудам, однако имеется и раннегончарная посуда. Большинство обломков раннегончарной керамики маловыразительны — стенки с линейным и линейно-волнистым орнаментом, но встречаются венчики от сосудов S-видного профиля с пологими слабовыраженными плечиками, один из которых имеет венчик с ограненным краем. Такие сосуды, по заключению В. М. Горюновой, появились только в третьей четверти X в. В комплексе обнаружен новый для Рюрикова городища тип керамики, аналогичный новгородским типам с орнаментом, подражающим менкендорфскому, — пересекающиеся врезные линии, образующие ромбы или треугольники (рис. 73, 2). В Новгороде такая посуда выявлена на Неревском раскопе и на Троицком VII и XI, либо в материковых ямах, либо в самых нижних предматериковых напластованиях в хронологическом интервале начиная с 940-х гг. и практически до конца столетия. Особый интерес представляет найденный в данном комплексе фрагмент чернолощеной прибалтийско-финской миски, аналогичный обломку венчика из сооружения № 1.

В целом, зафиксированный при разборке заполнения данного комплекса материал хронологически укладывается в X в., а по составу керамического комплекса яма может быть датирована временем не позднее третьей четверти X в.

Если сравнить материалы из двух самых больших сооружений, исследованных на данном участке, то можно констатировать, что они существовали одновременно, возможно, они даже входили в единый жилой комплекс. Об этом свидетельствует схожий состав находок, присутствие в обеих ямах следов ювелирного производства, включая золотой лом,

практически одинаковый комплект керамического материала. Отметим кстати, что фрагменты одного из раннегончарных сосудов были зафиксированы в заполнении и одной и другой ям. Из этого сооружения получены две радиоуглеродные даты в Лаборатории ИИМК Le – 9593: 560–700 (63,6 % вероятности); 500–820 гг. (92 % вероятности); Le – 9594: 885–975 (68, 2 % вероятности) или 800–990 гг. (93,6 % вероятности).

В придонной части была встречена исключительно лепная керамика. Данный факт свидетельствует, что, скорее всего, при углублении в материк данного сооружения была нарушена более ранняя яма.

Сооружение № 3

Одна из ранних ям находилась ниже уровня подвала дома начала XX в. Она имела овальную форму (размеры 0,96 × 1,28 м, глубина 0,50 м) (рис. 53; 65, № 3). Ее заполнение отличалось от заполнения подвала более интенсивным черным гумусом. При разборке ямы встречено 27 бусин: 2 хрустальные (многогранная и четырнадцатигранная), 13 мелких бисерин (преобладали бисерины желтого цвета), одна ранняя крупная бисерина синего цвета, 4 битрапециоидные бусины (3 синие и одна бесцветная), 3 кольцевидные (белая, бесцветная и голубая прозрачная), одна синяя четырнадцатигранная, одна желтая цилиндрическая и 2 пронизки (одночастная золотостеклянная и трехчастная серебростеклянная). Кроме того, были встречены вставка из синего стекла, изогнутый железный стержень, ледоходный шип и обломок глиняного диска от вертикального ткацкого станка.

О том, что яма относится к раннему времени, свидетельствует анализ керамики. Если верхняя часть ее заполнения содержала позднегончарную керамику XV–XVI вв., в том числе белоглиняную, то в придонной части выявлен чистый комплекс лепной посуды с незначительной примесью раннегончарной, в частности 2 фрагмента принадлежат грубым сосудам с путаной волной и 2 венчика с S-видным профилем. На внешнем крае венчика одного из них нанесен желобок. Данный признак появляется не ранее третьей четверти X в.

Сооружение № 4

Яма была вытянута вдоль восточной стенки раскопа (ее размеры 2,52 × 0,58 м, глубина 0,58 от материка). В южной части ямы в дно были впущены 2 небольшие круглые ямки (рис. 53; 65, № 4). При разборке заполнения ямы встречена 41 бусина: одна сердоликовая призматическая десятигранная, одна многогранная хрустальная, 30 мелких бисерин (14 желтых, 3 бесцветных, 9 синих, 2 белые и 2 зеле-

ные), одна трубочка зеленого цвета, одна бесцветная рубленая бисерина раннего типа, 2 круглые зонные бусины (белая пастовая и бирюзовая), 2 кольцевидные (синяя и бесцветная), одна четырехчастная золотостеклянная пронизка, 2 пастовые бочонкообразные бусины (оранжевая и печеночно-красная) и круглая бусина из глухого белого стекла с синей инкрустацией.

В заполнении комплекса также найдены литая бронзовая круглая пуговица (рис. 66, 8), миниатюрная бронзовая заклепка (рис. 66, 17) и несколько предметов из железа: плетеное изделие из двух проволок (рис. 66, 12), 2 ладейные заклепки и ромбовидная шайба от заклепки, лезвие ножа и накладка (рис. 67, 19), обломки предметов неясного назначения (рис. 67, 5, 11), фрагмент сланцевого оселка (рис. 67, 4), грузик, сделанный из куса керамики (рис. 67, 8). Из всех немногочисленных находок отметим 3 наконечника стрелы: один двушипный втульчатый (рис. 60, 6), второй ланцетовидный (рис. 61, 9) и третий трехлопастной (рис. 60, 4). Двушипные втульчатые стрелы исследователи связывают с западными славянами. На Северо-Западе в достоверных комплексах они появились не ранее второй четверти X в., и остается сомнение в их обязательной связи с первоначальным славянским населением Приильменя (*Носов и др.*, 2005б. С. 131; *Носов, Хвоцинская*, 2014. С. 48–49). Ланцетовидные стрелы с шейкой и черешком с упором появились в VIII–IX вв. и были распространены по всей Восточной Европе в IX–первой половине XI вв. Как признает сам А. Ф. Медведев, особенно широко они использовались в этот период в Скандинавии, чем на Руси (*Медведев*, 1966. С. 73–74). Как мы уже отмечали, трехлопастные стрелы в X в. в целом выходят из употребления (Там же. С. 58). Таким образом, судя по полученному при разборке ямы материалу, она относится к середине–второй половине X в.

Сооружение № 5

Еще одна яма круглая в плане (диаметр 0,62 м, глубина 0,53 м) располагалась южнее подвала на склоне материка. Она имела пологие стенки и была заполнена черным гумусом (рис. 65, № 5). При разборке заполнения ямы наиболее многочисленными находками являлись бусы 18 экз.: 13 бисерин (преобладали желтого цвета, по 2 белые и бесцветные и одна синяя), 2 призматические шестигранные (прозрачная и синяя), круглая зонная грязно-белая, гладкая цилиндрическая белая с желто-коричневыми глазками и круглая полосатая мозаичная в красно-сине-белых цветах (ил. 2, 33). Наряду с бусами в заполнении ямы встречен кусочек голубого стекла

от сосуда, $\frac{1}{4}$ дирхема (определению не поддается), обломок железного предмета, небольшой нож (рис. 67, 17) и хорошей сохранности ланцетовидный наконечник стрелы, имеющий черешок с упором (рис. 61, 1). Кроме того, найдены обломки бронзовых украшений (рис. 66, 19, 20, 21, 28). В одном случае фрагмент можно идентифицировать как часть большого круглого бубенчика, скорее всего, с крестообразной прорезью (рис. 66, 21). Подобные бубенчики неоднократно встречались на Городище. По материалам Приладожских и Владимирских курганов, а также по погребениям Новгородской области (например, могильник Боково) данный тип подвесок датируется X–XI вв. (*Мальм, Фехнер*, 1967. С. 133, 134; *Поветкин*, 2007. С. 184). Следовательно, по таким хронологическим индикаторам, как ланцетовидный наконечник стрелы и бубенчик, яма относится к X–первой половине XI в.

В раскопе 2012 г. только придонная часть одной ямы может быть отнесена к X в. В трех случаях разобраны сооружения, относящиеся к различным периодам древнерусского времени. Остальные ямы и траншеи относятся к числу поздних перекопов.

Сооружение № 6

Яма неправильной удлиненной формы (шир. от 0,72 м до 1,16 м; дл. 2,40 м). Северная часть ямы несколько восьмеркообразной в плане формы имела глубину 0,35–0,42 м, дно неровное повышалось в южном направлении. Южная часть состояла из двух углублений – западного 0,41 м и восточного 0,32 м. (рис. 53; 65, № 6) Яма имела темно-серое заполнение, в котором встречена синяя бисерина и небольшая поливная мисочка. Яма, судя по керамике, относилась к XIV–XV вв.

Сооружение № 7

В южную стенку раскопа в кв. 40 уходила яма, разобранная часть которой имела размеры дл. 1,76 м, шир. 0,49 м, глуб. 0,59 м. К ней с севера примыкала удлиненная яма овальной формы (дл. 1,60 м, шир. 0,85 м, глуб., 17 м) (рис. 53; 74, № 7). Обе ямы были заполнены темно-серым гумусом. Судя по обломку венчика гончарного сосуда и фрагментам цветных поливных мисок византийского производства (рис. 75), найденным при разборке заполнения более глубокой части ямы, она относится к XIII в.

Сооружение № 8

На всем раскопе 2011–2012 гг. была зафиксирована узкая траншея военного времени. В южной части траншеи стенки ее с востока были прорезаны более поздней ямой, заполнение которой представлял темно-серый слой, перемешанный с битым кирпичом и камнями (рис. 53; 74, № 8). При разборке заполнения траншеи и поздней ямы, примыкающей

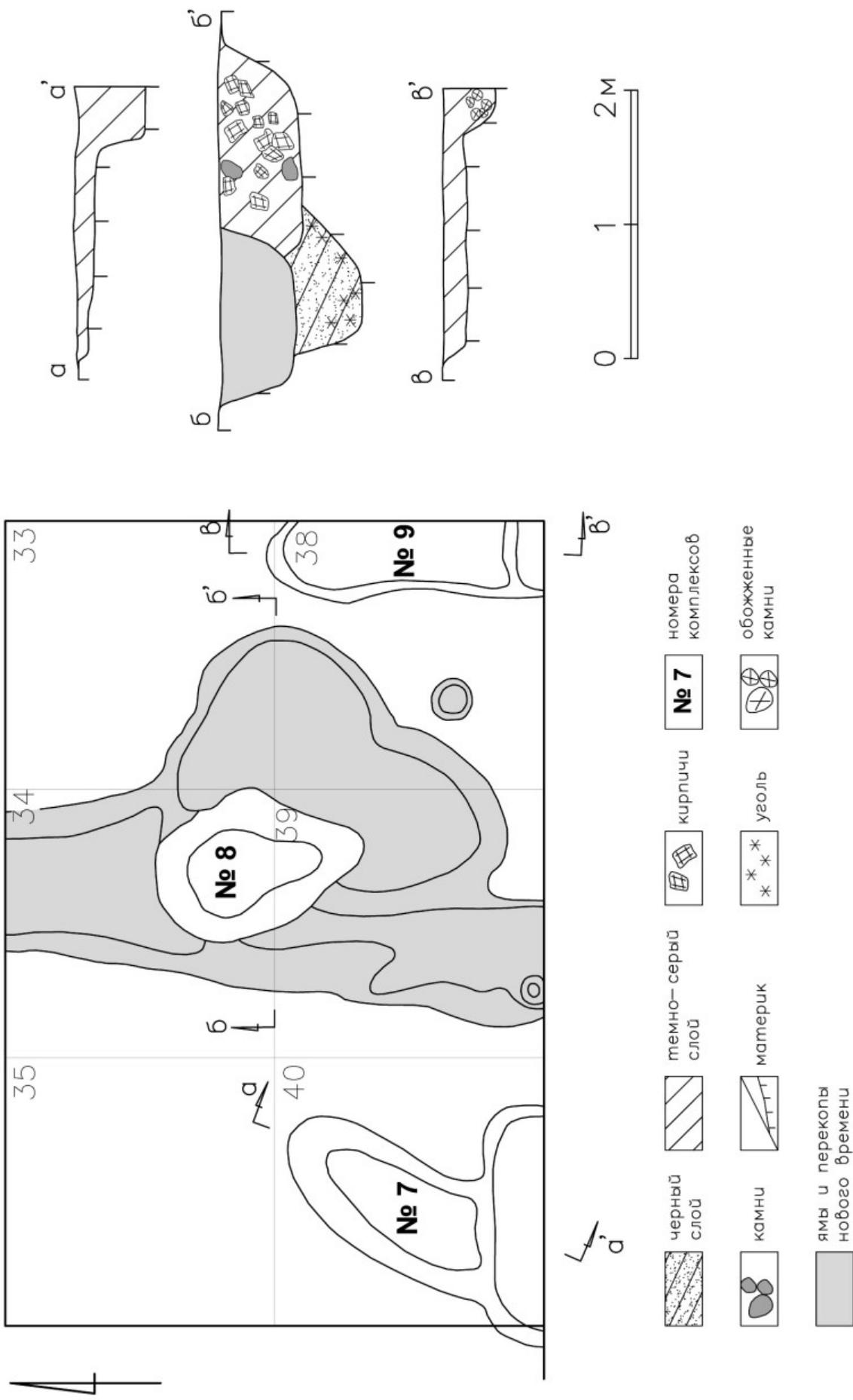

Рис. 74. Планы и разрезы углубленных в материк сооружений в юго-восточной части раскопа 2012 г.

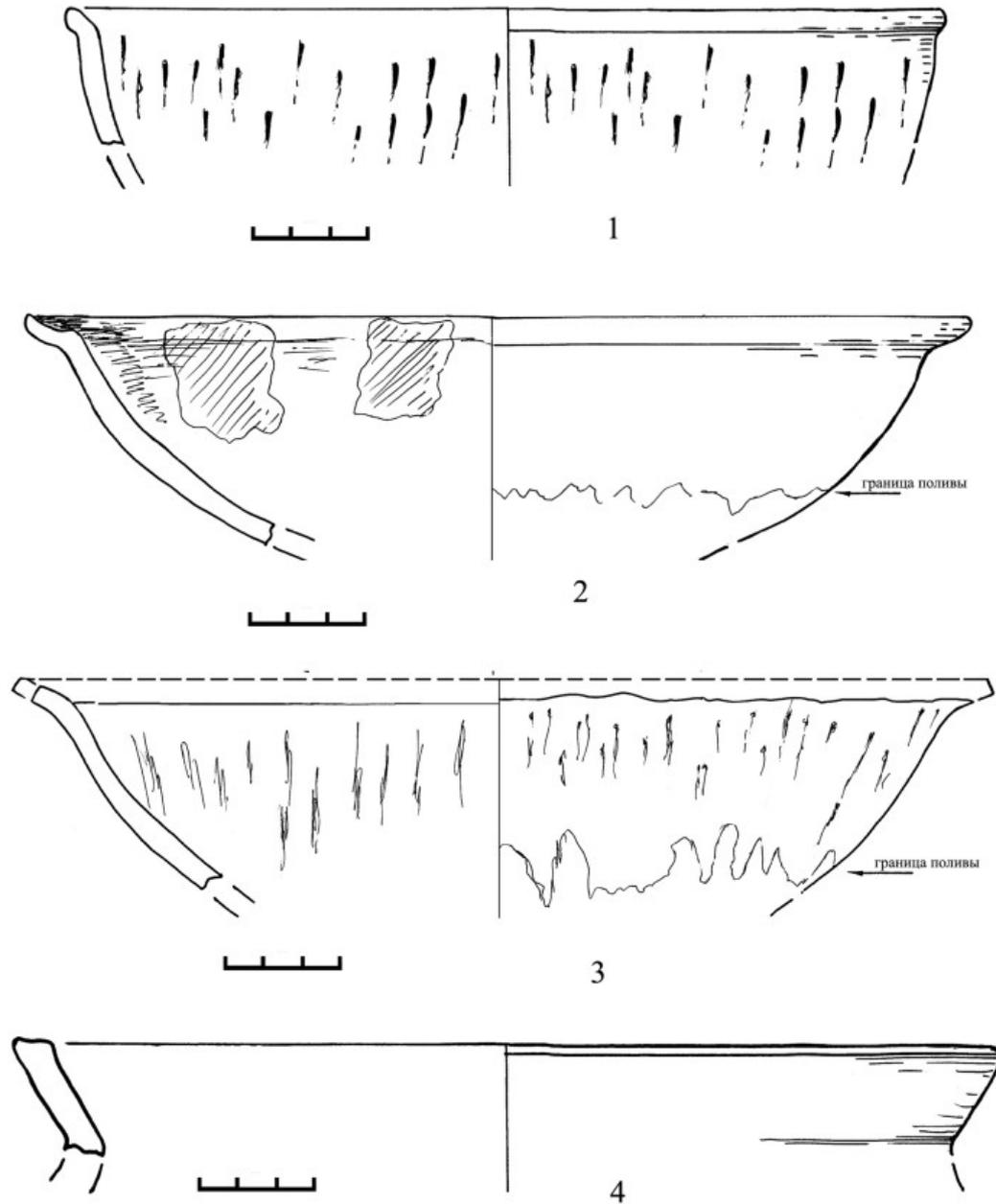

Рис. 75. Керамика из заполнения сооружения № 7: 1–3 – белоглиняная поливная посуда византийского производства; 4 – обломок венчика горшка XIII в.

к ней с востока, был встречен разновременный материал, свидетельствующий о полной и неоднократной перемешанности культурных напластований. Весь он учтен нами в общей характеристике и статистике находок из перемешанных темно-серых культурных напластований.

Остатки придонной части ранней ямы на дне траншеи. После разборки заполнения траншеи военного времени и прилегающей к ней с востока ямы на дне обоих объектов было обнаружено пятно черного гумуса с вкраплениями углей. Уже по характеру заполнения стало ясно, что данная яма относится к остаткам разрушенного комплекса

раннего периода. Сохранившаяся придонная часть ямы имела удлиненную грушеобразную форму, расширяясь к северу и сужаясь к югу (дл. 1 м, шир. 0,30–0,64 м, глуб. 0,60 м ниже уровня дна траншеи), пологие стенки и плоское дно. Заполнение ямы – черный гумус с вкраплениями угольков. При его разборке были найдены лавролиственный наконечник стрелы с черешком и упором (рис. 61, б), шило с остатками деревянной рукояти (рис. 57, 10), 2 ладейные заклепки и шайба от аналогичной заклепки (рис. 57, 1, 7), железное кольцо и фрагмент рубчатой проволоки из цветного металла, возможно, биллоновой (рис. 57, 5). Наряду с индивидуальными

находками встречены обломки лепных сосудов первой половины X в.

Сооружение № 9

При разборке темно-серого пятна, расположенного в юго-восточном углу раскопа, выявлена ямка, вытянутая вдоль восточной стенки и краем уходящая под нее (рис. 53; 74, № 9). Длина ямы 2,08 м, ширина до стенки раскопа 0,50–0,65 м. Основная часть ямы была неглубокая – 0,16 м, однако в самом углу раскопа (в 0,36 м от южной стенки) глубина ямы резко увеличивалась, достигая 0,40 м от материка. Углубленная часть ямы была забутована мелкими пережженными камнями. Найдены фрагменты

гончарной керамики, среди них венчик, который может быть датирован XIII в.

Заканчивая рассмотрение материалов данного раскопа, можно отметить, что, несмотря на ужасное состояние культурного слоя и сохранность древних комплексов, где из-за интенсивной деятельности человека и повреждений военного времени практически не сохранилось нетронутых древностей, тем не менее состав находок сильно выделяет этот участок на общем плане Городища, подчеркивая элитарность культуры, представленной здесь в ранний исторический период жизни поселения.

Глава 5

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА в 1993–1996 гг.

В 1993 г. Новгородской областной экспедицией Института истории материальной культуры РАН были возобновлены работы на Рюриковом городище под Новгородом, прерванные в 1989 г. В 1993–1996 гг. вдоль береговых обрывов на южной и северной сторонах Сиверсова канала было заложено несколько раскопов (рис. 1) (Носов и др., 1994. С. 14–15; 1995. С. 17–19; 1996. С. 27–30; 1997). Их расположение было обусловлено задачами уточнения стратиграфии южной, мысовой части памятника, и спасения культурных отложений, находящихся в местах, наиболее размываемых во время паводков и разрушаемых ямами и подкопами местных «любителей древностей». Общая площадь культурных напластований, вскрытых этими раскопами, составила около 248 кв. м. Был получен стратиграфический разрез слоев мысовой части Городища на протяжении 40,7 м по северному и 30 м по южному берегам канала. В раскопах исследован ряд средневековых комплексов, в том числе остатки пяти построек, относящихся к древнейшему периоду существования памятника – X в. Начиная с 1993 г. на Рюриковом городище культурные отложения и

заполнение комплексов стали промываться на геологических ситах и специальном промывочном столе (рис. 76), что значительно увеличило общее количество индивидуальных находок, особенно бус, хотя и сделало разборку слоев более медленной. Всего за 4 года на раскопах было найдено около 2400 вещей.

В 1993–1996 гг. в работах на памятнике принимала участие группа шведских и немецких археологов, геологов и палеоботаников. Группы студентов и докторантов Стокгольмского университета во главе с доцентом И. Янссоном принимали непосредственное участие в процессе раскопок. А. Альслебен и Х. Кроль из Кильского университета Германии посредством промывки древних напластований Рюрикова городища отобрали материалы для палеоботанических исследований. Учеными под руководством Л.-К. Кёнигссона из университета Упсалы взяты керны для палинологического анализа с прилегающей к памятнику волховской поймы (Альслебен и др., 1994; Alsleben, 2012). Ш. Гамильтон-Даер и М. Молтби из Бормутского университета Англии выполнили определения костей животных и рыб из раскопок этих лет (Молтби, Гамильтон-Даер, 1995).

Рис. 76. Промывка культурного слоя на южном берегу Сиверсова канала

РАСКОПКИ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ СИВЕРСОВА КАНАЛА

Раскоп I

Раскоп 1993 г. располагался на самой юго-восточной окраине древнего городищенского поселения приблизительно в 130 м от берега Волхова (рис. 1). Здесь на протяжении 14 м были зачищены обвалы берега. Площадь раскопа составила 48 кв. м.

Судя по стратиграфии, зафиксированной на южной стенке раскопа, культурные отложения в этой части Городища перекрыты мощным слоем материковой коричневой глины толщиной до 0,5 м¹ (рис. 77). Под ним залегают напластования культурного слоя общей мощностью около 1,5 м, которые разделялись на две части. Вверху были разобраны перемешанные культурные наслоения X–XVIII вв., появившиеся здесь, как и глина, в результате строительства канала, завершеного в 1803 г. Их мощность составляет до 0,9 м. Напластования, несмотря на свою переотложенность, сохраняют определенный порядок, являющийся зеркальным отражением той последовательности, в которой расположены нетронутые культурные горизонты под ней. В целом, верхний слой представлял собой темно-серый песчанистый гумус с включениями обломков кирпича, линз серовато-голубоватой глины и прослоек с остатками органики.

Ниже шли нетронутые культурные напластования мощностью до 0,68 м, отделенные от выброса из русла канала светло-коричневой глиняной прослойкой толщиной 0,02–0,03 м, которая маркирует уровень дневной поверхности на момент строительства канала. Верхняя часть нижнего горизонта культурного слоя представляет собой слой светло-серого гумуса толщиной 0,35–0,48 м с прослойками белесого и коричневого крупнозернистого песка, идущими одна над другой. В верхней части этого слоя встречены куски кирпича и щебенки. В результате разборки и промывки всех этих отложений, а также береговых осыпей культурного слоя были получены значительные по объему керамические материалы, в которых представлены единичные обломки лепных и раннегончарных горшков, но основную массу составляли черепки круговой посуды XII–XVI вв.

Среди индивидуальных находок в наибольшем числе отмечены фрагменты стеклянных браслетов, которых встречено 59 обломков. Среди браслетов имеются экземпляры гладких округлого (33 экз.)

и сегментовидного (2) сечения, а также крученых (23) и рифленых (1), изготовленных из стекла коричневого (24), желтого (3), зеленого (17), синего (7), фиолетового (1) и бирюзового (6), черного (1) цветов, из которых два фрагмента перевиты нитями желтого стекла. В коллекции представлены как мелкие осколки, так и довольно крупные фрагменты до 5,5 см в длину. Внутренний диаметр обруча, измеренный у крупных обломков браслетов, – 3 (1), 5 (2), 5,5 (4), 6 (9), 6,5 (2) см. В культурном слое Новгорода стеклянные браслеты встречаются со второй половины XII по первую половину XIV вв., с пиком в середине XIII в. (*Колчин*, 1982. С. 158–159). Недавно О. М. Олейников, рассмотрев новгородские материалы, высказал предположение, что все браслеты из свинцового стекла попали на древнерусский рынок в первой трети XIII в. и в дальнейшем выпали в культурный слой в соответствии с продолжительностью их бытования (*Олейников*, 2015).

Из других стеклянных предметов встречены: мелкий обломок прозрачного зеленого перстня, фрагмент желтого прозрачного сосуда, 9 мелких осколков оконного стекла, а также 49 целых бусин и их обломков. В основном они относятся к серийным украшениям, изготовленным путем навивки стеклянной нити на твердую основу или из тянутых стеклянных трубочек (IV и IX группы бус Старой Ладogi, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 73–80, 82–90). Такие изделия широко представлены в раскопах в разных частях Рюрикова городища. Из украшений, выполненных навивкой, встречено:

– 7 экземпляров бусинного бисера (зеленых – 3 экз., желтых – 3, красно-коричневых – 1). В Новгороде такой бисер датируются 1116–1340 гг. (*Колчин*, 1982. С. 167, 169; *Лесман*, 1984. С. 139);

– 12 одноцветных круглых зонных бусин (прозрачных желтых – 7, зеленых – 3, коричневых – 1, непрозрачных желтых – 1). В Новгороде зонные классические бусы бытовали с 1096 по 1429 г. (*Лесман*, 1984. С. 139);

– половина округлой зеленой прозрачной цилиндрической бусины;

– призматическая четырехгранная желтая прозрачная бусина;

– осколок красно-коричневой непрозрачной бусины, декорированной однократным выпуклым

¹ Глубины измерялись от репера, имеющего отметку 20,34 м на общем топографическом плане Городища.

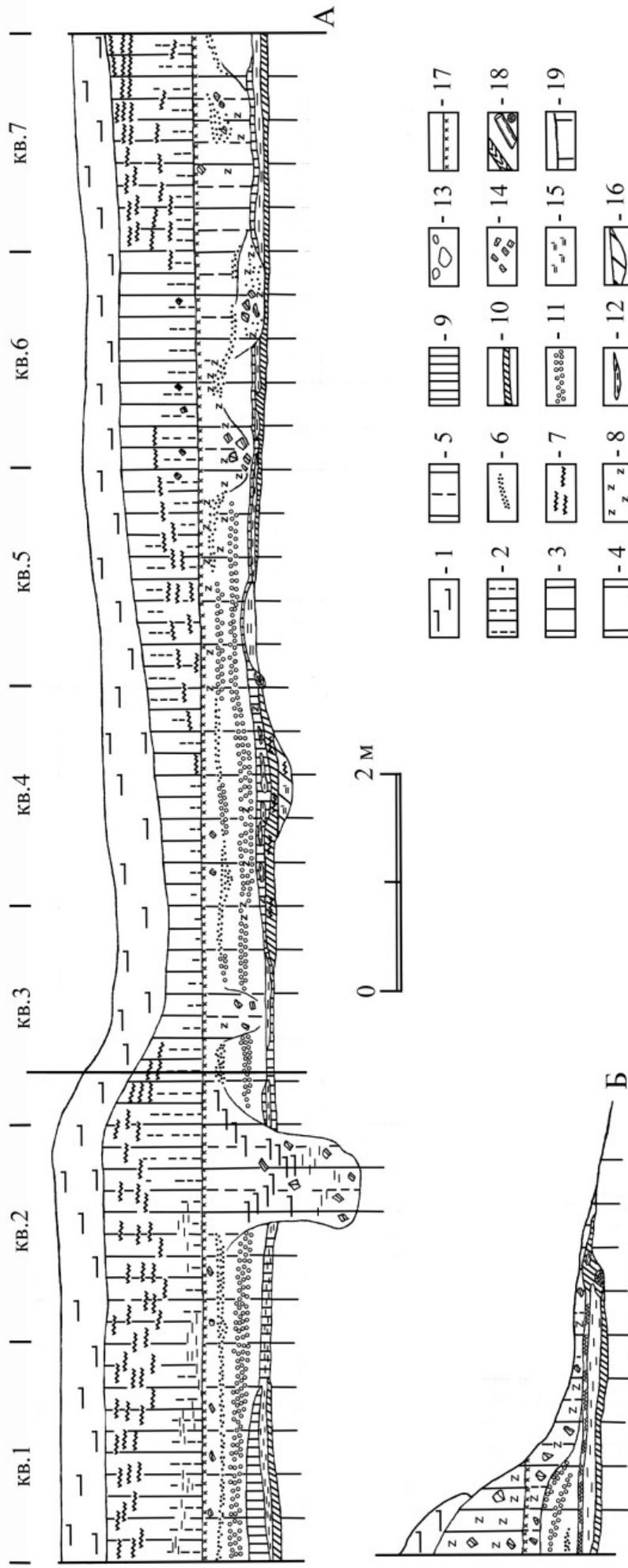

Рис. 77. Раскол I на южном берегу Сиверсова канала. Стратиграфические разрезы южной (А) и западной (Б) стенок.
 Условные обозначения: 1 – коричневая глина из канала; 2 – темно-серый песчанистый гумус; 3 – темно-серый гумус; 4 – светло-серый гумус;
 5 – светло-серый гумус в заполнении поздних ям; 6 – прослойки белесого песка; 7 – древесный тлен; 8 – щебень; 9 – черный гумус;
 10 – темно-коричневый гумус с остатками органики; 11 – прослойки коричневого песка; 12 – глина; 13 – камни; 14 – кирпичи; 15 – угли;
 16 – серо-коричневая глина с органикой в заполнении ранних ям; 17 – тонкая глиняная прослойка, трассирующая
 дневную поверхность на момент строительства Сиверсова канала; 18 – доски и бревна; 19 – материк

зигзагом желтого цвета. По Новгороду – 1268–1382 гг. (Там же. С. 140);

– зонная бусина из непрозрачного белого и прозрачного зеленого стекла (ил. 36, 73), которую, по-видимому, следует датировать ранним средневековьем.

Бусы, сделанные из тянутых трубочек, представлены: одно- (3) и двухчастными (1) «лимоновидными» бусами (желтых – 3, синих – 1), золото- и серебростеклянной «лимонками», трехчастной серебростеклянной пронизкой, а также 19 экземплярами рубленого бисера (зеленых – 8, желтых – 6, синих – 3, белых – 1, фиолетовых – 1). «Лимоновидные» бусы известны во всех древнейших слоях Земляного городища Старой Ладоги, датируемых VIII–X вв., а рубленый бисер составляет большую часть стеклянных бус в отложения IX–X вв. (Львова, 1968. С. 82–89). В Новгороде «лимоновидные» бусы с металлической прокладкой бытуют до 30-х гг. XII в., цветные – до 1076 г., а основная масса рубленого бисера обнаружена в слоях X–первой половины XI в., хотя отдельные экземпляры встречаются до 60-х гг. XII в. (Щапова, 1956. С. 172–175; Колчин, 1982. С. 167; Лесман, 1984. С. 139–140).

Кроме стеклянных бус в верхних отложениях встречены три каменные (мелкая зонная и четырнадцатигранная хрустальные – ил. 36, 125), а также мелкая шарообразная из камня на основе кварца² (ил. 36, 110) бусины. В Новгороде наибольшее число каменных бус встречено в слоях X–XII вв. (Рыбина, 2001. С. 87–88). Зонные хрустальные бусы найдены в основном в слоях второй половины XII–первой половины XIII в., четырнадцатигранные хрустальные – второй половины X–середины XI в. и второй половины XIII–начала XIV в. (Полубояринова, 1994. С. 76–77). В Старой Ладоге такие хрустальные бусы отмечены в горизонте Д-нижний (930–950 гг.) (Рябинин, 1995. С. 58). Сердоликовые шарообразные бусы на Северо-Западе Руси представлены в слоях 70–90-х гг. VIII–первой половины XII вв. и второй половины XIV–рубежа XIV–XV вв. (Давидан, 1998. С. 123–124; Полубояринова, 1994. С. 75; Рябинин, 1995. С. 57–58).

Из железных предметов отметим нож (рис. 78, 8), ладейную заклепку (рис. 78, 9), часть конского ледоходного шипа в виде скобы с округлым основанием и острым четырехгранным шипом в центре внешней стороны (рис. 78, 7) – тип, появившийся на Руси не

позже XIII в. (Киртичников, 1973. С. 81–82; Киртичников, Медведев, 1985. Табл. 148, 27, 28), 2 скобы и 2 наконечника бронебойных стрел с граненой квадратной в сечении головкой с обломанными черешками (рис. 78, 4, 6). Один из наконечников можно отнести к варианту типа 90, по А. Ф. Медведеву (шиловидные квадратного сечения с простым упором и скошенными углами в основании боевой головки), который был распространен только в XII–первой половине XIII в. (Медведев, 1966. С. 60, табл. 21, 23).

В верхних мешанных отложениях встречено несколько предметов из сплавов на основе меди: два крестика тельника с изображением Голгофы, относящиеся к позднему средневековью и новому времени (рис. 79, 1, 2), фрагмент подковообразной спиралеконечной фибулы с дугой четырехгранного сечения (рис. 79, 3), которые в Новгороде обнаружены только в отложениях X в. (Седова, 1981. С. 84), обломок четырехпроволочного витого браслета (рис. 79, 7), фрагмент литого овальнощиткового перстня (рис. 79, 10), датируемых в Новгороде последней четвертью XII – серединой XV в. (Там же. С. 135; Лесман, 1984. С. 135; 1990. С. 52–53), фигурная накладка (рис. 79, 14), цепочка из двух колечек, спиралька диаметром 0,3 см (рис. 79, 4), 2 куса проволоки, шайба со штифтом, а также 2 свинцовых грузика конусовидной формы 1,55 и 1,65 см в диаметре с отверстием 0,25 и 0,4 см (рис. 79, 12, 13).

Изделия из кости и рога представлены частью двустороннего наборного гребня типа И, по Б. А. Колчину, с орнаментированными накладками (рис. 78, 1), датирующегося в Новгороде XIII–XIV вв. (Колчин, 1982. Рис. 5), и обоймицей (рис. 78, 3).

В коллекции имеется также половинка биконического пряслица из розового шифера, обломок сланцевого оселка, кремневая пластинка и 4 отщепы с ретушью, 2 целых и 5 фрагментированных глиняных пряслиц (рис. 80, 3–8), пять грузил от рыболовных сетей (округлое сегментовидное – рис. 80, 13; цилиндрическое – рис. 80, 11; 3 овальных – рис. 80, 9, 10, 12) и обломок глиняного предмета (рис. 80, 1).

Ниже светло-серого гумуса сохранился черный сильно гумусированный слой толщиной 0,04–0,16 м. Он залегал неравномерно по всей площади раскопа и местами вообще прерывался. В некоторых квадратах черный слой был сильно нарушен в результате более поздних хозяйственных работ. При разборке этого слоя кроме обломков развитой гончарной посуды, попавшей из вышележащих отложений, в основном была обнаружена лепная керамика. Обломки раннегончарных сосудов здесь

² Определение произведено С. В. Хавриным в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, за что я его благодарю.

Рис. 78. Находки из раскопа I на южном берегу Сиверсова канала: 1-3 - кость и рог, 4-9 - железо

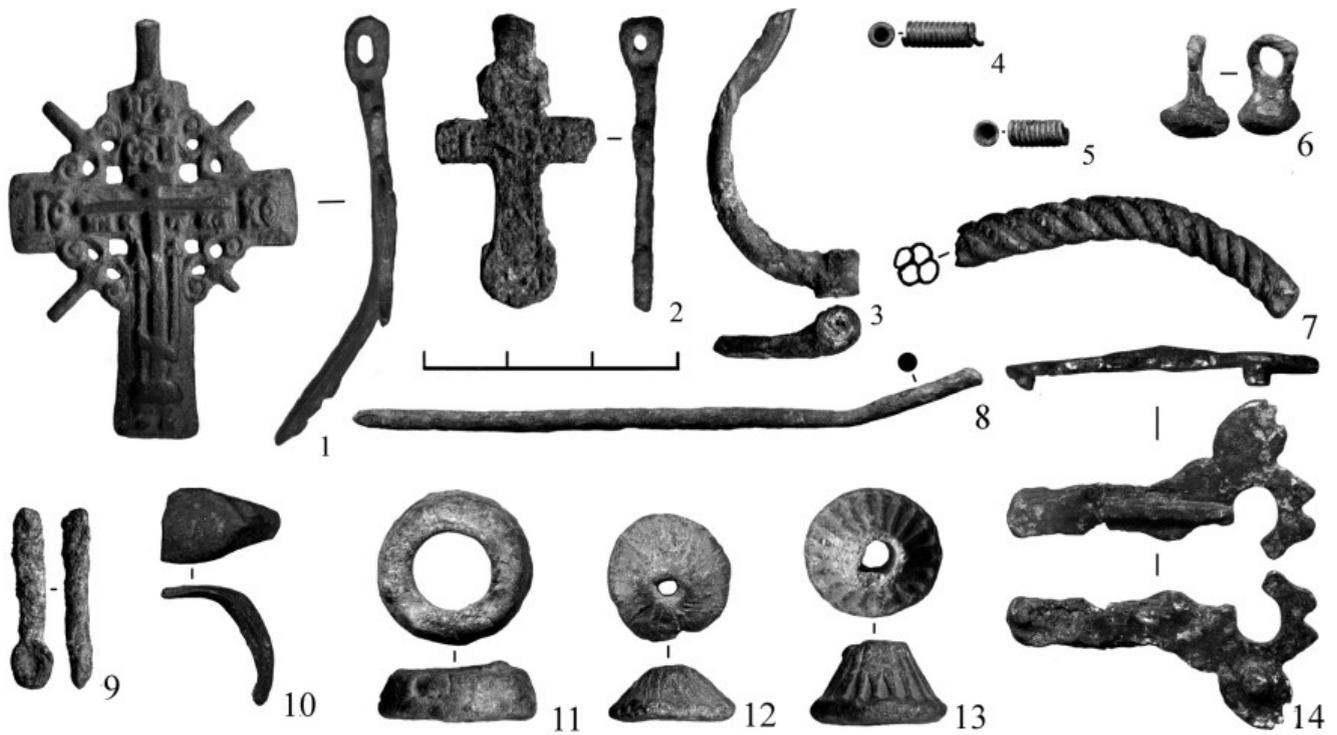

Рис. 79. Находки из раскопа I на южном берегу Сиверсова канала: 1-10, 14 - медные сплавы, 11-13 - свинец

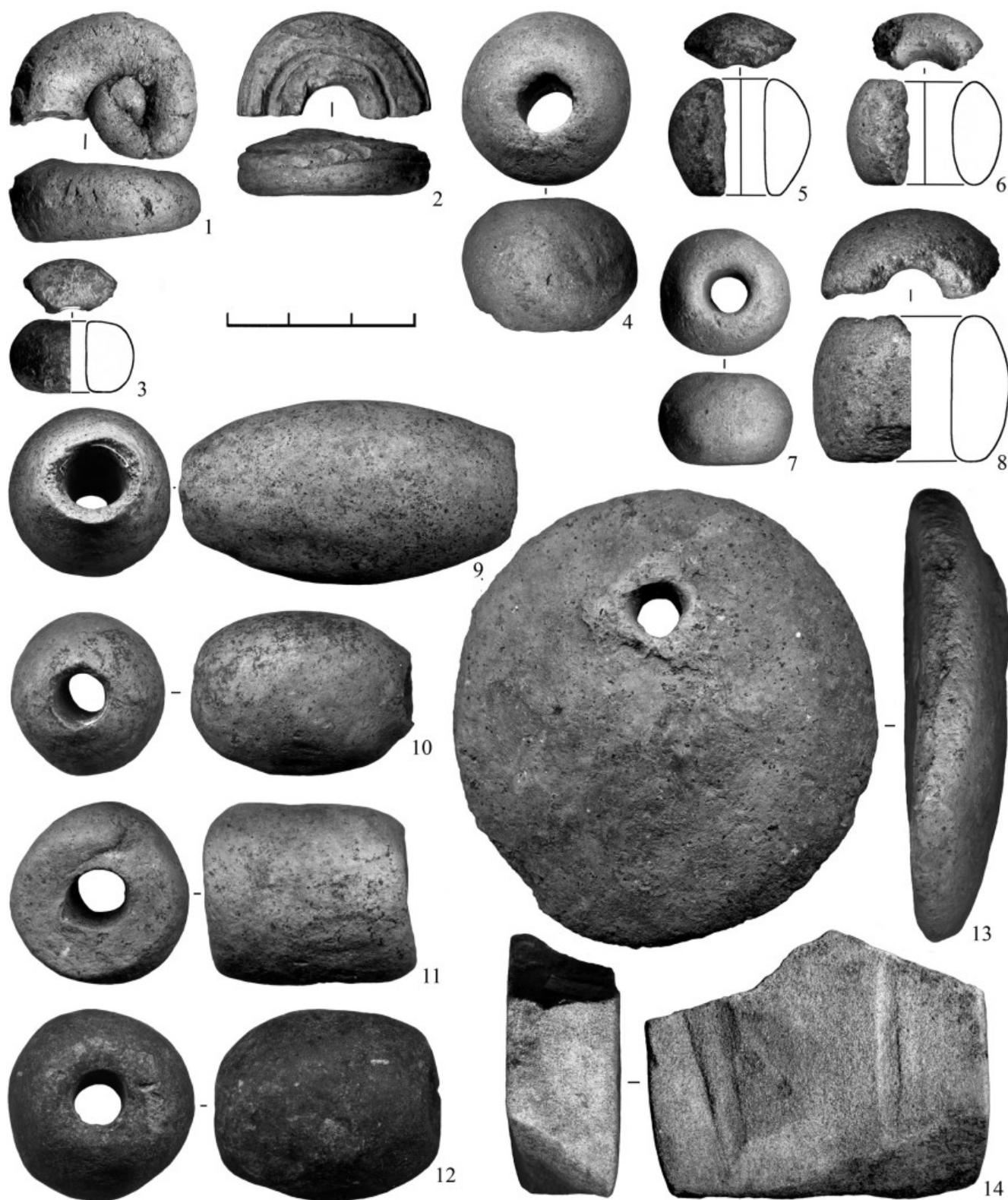

Рис. 80. Находки из раскопа I на южном берегу Сиверсова канала: 1-13 – глина, 14 – камень

представлены единичными экземплярами. Среди индивидуальных находок в черном слое найдены одна четырнадцатигранная из горного хрусталя и 43 стеклянные бусины: 2 экземпляра бусинного бисера белого и коричневого цветов, 5 зонных бусин (прозрачных желтых – 2 экз., зеленых – 2, синих – 1), обломок зонной желтой непрозрачной двухчастной, 31 экземпляр рубленого бисера (синих – 13, желтых – 11, зеленых – 4, черных – 2, бесцветных – 1), «лимоновидная» бусина синего цвета, двухчастная бесцветная пронизка, одночастная золотостеклянная бусина, половинка зонной бусы молочно-белого цвета с мозаичными глазками (ил. 36, 68) (первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 75; тип В030, по Ю. Калльмеру – *Callmer*, 1977. Pl. I, В030); 11 обломков стеклянных браслетов (9 экземпляров круглых гладких коричневого (7), зеленого и бирюзового цветов, 2 крученых зеленого и коричневого цветов), мелкие фрагменты желтого, зеленого и синего стекла. Из слоя происходят несколько предметов из медных сплавов: спиралька диаметром 3 мм (рис. 79, 5), копоушка (рис. 79, 9), кусок проволоки (рис. 79, 8); а также свинцовая печать новгородского тиуна Савы (*Янин, Гайдуков*, 1998. № 641–12), свинцовое пряслице в виде усеченного конуса (рис. 79, 11), железный двурогий срезень с упором, имеющий выпуклые боковые и вогнутые режущие стороны (рис. 78, 5) (3-й вариант тип 60, по А. Ф. Медведеву), который датируется серединой XI–XIV вв. (*Медведев*, 1966. С. 51), обломок костяной накладки (рис. 78, 2), части двух оселков из песчаника (рис. 80, 14) и половинка глиняного линзовидного пряслица, украшенного прочерченными концентрическими линиями (рис. 80, 2). Копоушка имеет миниатюрные размеры – всего 2,2 см в длину. Похожее изделие встречено в «доярусных» отложениях Никитинского раскопа в Новгороде, датируемых XIII–началом XIV в. (*Дубровин*, 2010. Рис. 60, 24). По-видимому, концы ручек с ушками для подвешивания у обоих изделий сломаны. Два целых экземпляра подобных подвесок-копоушек происходят из сборов на Городище (*Поветкин*, 2007. С. 181, рис. 2, 10–11)³.

Под черным слоем на площади раскопа был отмечен темно-коричневый гумусированный слой со щепой. Его мощность в восточной части раскопа достигала 0,08 м, а в западной – 0,04–0,08 м. В темно-коричневом слое была встречена исклю-

чительно лепная керамика. Среди прочих находок следует отметить семь экземпляров рубленого бисера (синих – 5 экз., желтых – 1, зеленых – 1) и маленький бронзовый шарик.

В западной части раскопа (кв. 4–7) на уровне древнейших напластований была зафиксирована фундаментная площадка под постройку. Она представляет собой хорошо выраженную глиняную прослойку, заключенную между двумя параллельно лежащими на расстоянии 6,88 м бревнами (рис. 81, А). Толщина глиняной подсыпки достигала 0,12 м. К южной стенке раскопа она почти выклинивалась и представляла собой прослойку в 0,04–0,08 м толщиной, заключенную между черным и темно-коричневым слоями. Восточное бревно толщиной 0,18 м прослежено на длину 2,08 м. Один его конец уходил в стенку, а на расчищенном конце сохранилась врубка. Западное бревно лишь частично выступает на площадь раскопа. Оно прослежено на длину 2,8 м и имеет толщину 0,28 м. Очевидно, что данная конструкция была сделана для влагоизоляции и выравнивания участка перед возведением постройки.

Похожие ограниченные бревнами подсыпки из глины и суглинка, сооруженные под срубные постройки, были зафиксированы при раскопках на Рюриковом городище в 1975 и 1979 гг. (*Носов*, 1990. С. 43–44, рис. 8, II; 9, II). Следует отметить, что раскопы, где были встречены остатки этих построек, располагались на южном берегу Сиверсова канала, рядом с исследованным в 1993 г. участком. Предохраняющие от сырости фундаментные площадки, в том числе и с глиняными подсыпками, сооружались древнейшими жителями Старой Ладоги (*Носов*, 1977. С. 12–13, рис. 1; *Петренко*, 1985. С. 94; *Спегальский*, 1972. С. 23–25). Земляные платформы, ограниченные с внешней стороны деревянными каркасами, использовались населением средневекового Новгорода (*Засурцев*, 1959. С. 265; 1963. С. 16; *Фараджева*, 2009. С. 566–575) и древнего Киева (*Гупало*, 1981. С. 98; *Сагайдак*, 2010. С. 534–535, рис. 2). Н. Н. Фараджевой установлено, что такие конструкции являлись важным элементом строительной культуры первооселенцев Новгорода и продолжают сооружаться в нем до первых десятилетий XII в. У самых ранних, датированных 30–40-ми гг. X в. построек удалось зафиксировать остатки земляных подсыпок, сохранившихся на высоту 0,10–0,15 м, и ровики глубиной 0,15–0,20 м, окружавшие фундаментные конструкции. Особенности планировки и технологии строительства свидетельствуют, по мнению Н. Н. Фараджевой, о том,

³ Обломок такой копоушки имеется среди подъемного материала 1995 г. с северного берега Сиверсова канала.

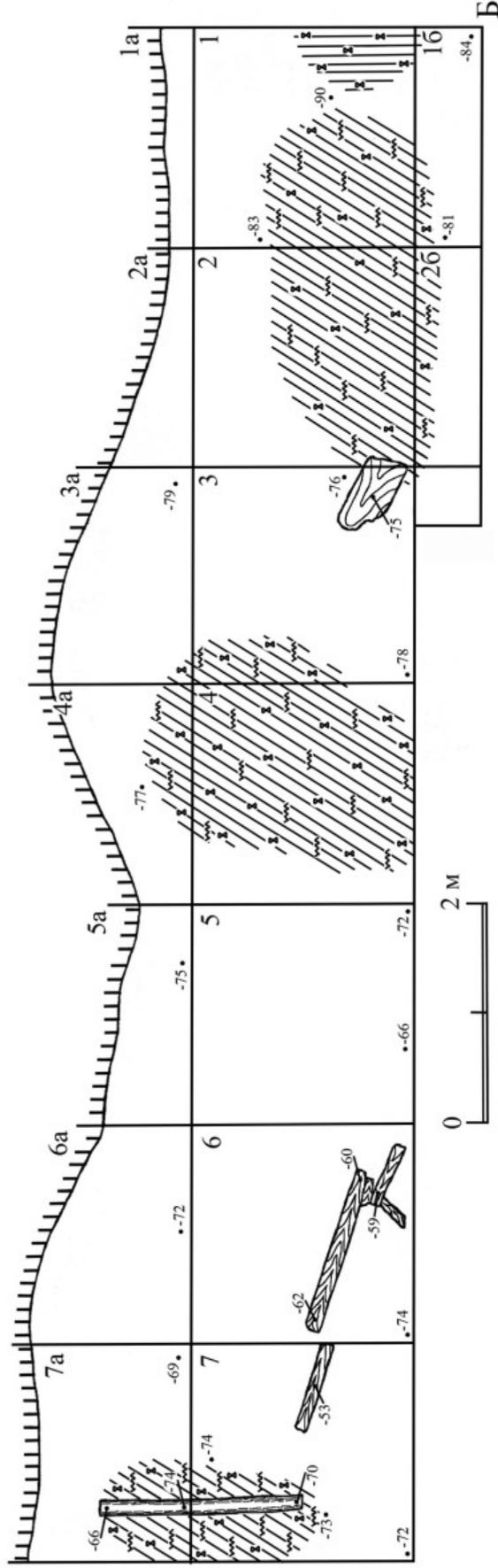
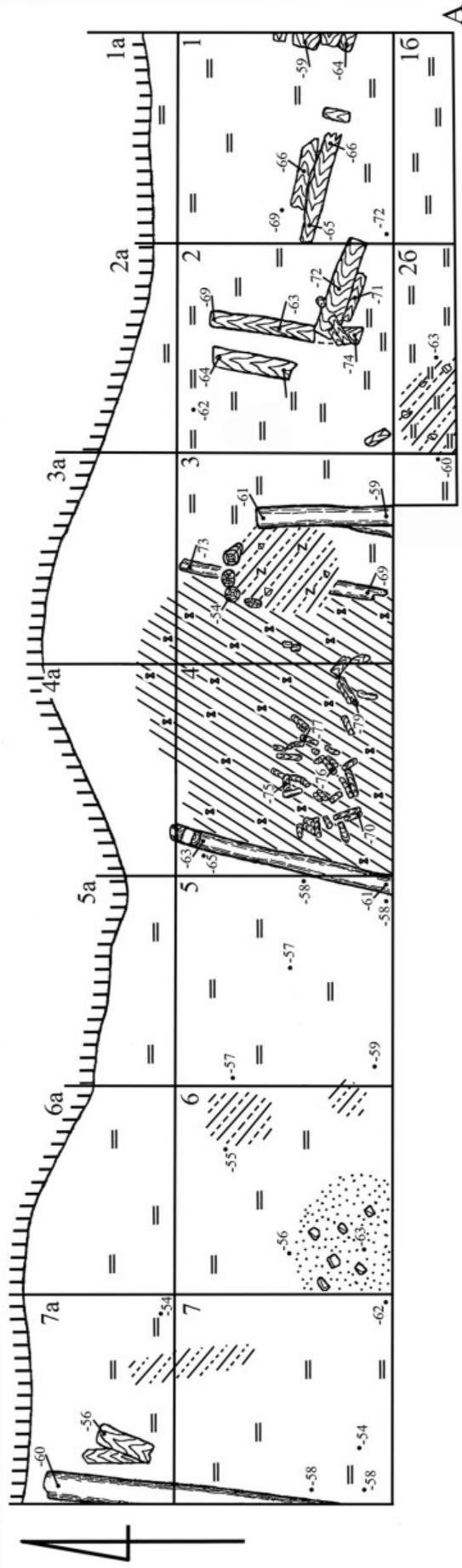

Рис. 81. Раскоп I на южном берегу Сиверсова канала. А – план на уровне глиняной подсыпки;

Б – план пятен раннесредневековых ям и дерева на уровне материка.

Условные обозначения: 1 – черный гумус; 2 – темно-коричневый гумус; 3 – светло-серый гумус;

4 – глина; 5 – щебень; 6 – древесный тлен; 7 – кирпичи; 8 – щепы; 9 – доски и бревна; 10 – светлый песок

что фундаментные площадки преимущественно возводились под жилые дома (Фараджеева, 2009. С. 568, 570, 573–575; 2010. С. 9–10). По материалам Киева к выводу, что земляные платформы сооружались в основном для главной срубной жилой постройки усадьбы, а вспомогательные постройки ставились прямо на землю, пришел и М. А. Сагайдак (Сагайдак, 2010. С. 535).

В восточной части раскопа (кв. 1–3, 16–36) была прослежена прослойка глины, похожая на глиняную подсыпку под срубное сооружение (рис. 81, А). Ее мощность достигала 0,08–0,12 м. В кв. 1 прослойка залегала между черным и темно-коричневым слоями. В кв. 2 и 26 она частично располагалась непосредственно на материке, а частично на тонкой (0,02–0,04 м) прослойке черного гумуса, в дальнейшем своем продолжении перекрывающей остатки вышеописанной бревенчатой постройки. В кв. 3 на уровне этой подсыпки зафиксировано бревно толщиной 0,22–0,24 м, выступающее из стенки раскопа на длину 1,26 м. Западнее отмечено еще одно тонкое бревно (толщина 0,16 м, длина 1,92 м), перерезанное ямой 6. В кв. 1 и 2 прослежено несколько плах, расположенных параллельно и перпендикулярно этому бревну. Крупные плахи достигали в ширину 0,16–0,24 м, в длину 1–1,4 м. Здесь же встречены фрагменты мелких плашек, расположенных более хаотично. У восточной стенки зафиксирована вымостка из четырех досок, лишь частично вошедшая в пределы раскопа.

При исследованиях на площади раскопа выявлено несколько ям. Часть из них, относящаяся к позднему средневековью, была впущена в нижележащие отложения с уровня светло-серого гумуса (рис. 77, 1; 82).

Яма 1, расположенная в кв. 6, частично уходила в стенку раскопа. Она имела овальную в плане форму и размеры у дна 0,84 × 1,16 м. Яма была неглубокой – 0,24 м и на 0,08 м впущена в глиняную прослойку. Заполнение – светлый песок с битым кирпичом. В придонной части комплекса были найдены развал целого горшка и несколько верхних частей сосудов XV–XVI вв. (рис. 83, 9, 13).

Яма 6, находящаяся в кв. 3, имела округлую в плане форму размерами 0,92 × 1,10 м. Она была углублена в материк на 20 см. Северный край ямы облицован кольями диаметром 0,10–0,16 м. В заполнении (светло-серый гумус с щебенкой и кусками кирпича) найдены кованый гвоздь и 26 обломков гончарной, в основном белоглиняной, керамики рубежа XV–XVI и XVI вв. (рис. 84).

Яма 8, зафиксированная в кв. 26, лишь частично вошла в пределы раскопа. Она имела овальную в плане форму и размеры на уровне материка 0,40 × 0,94 м. Глубина ямы с уровня материка 0,76 м, а от прослойки белесого песка, с которого она была выкопана, – 1,28 м. Заполнение комплекса – светло-серый гумус с прослойками коричневой глины, насыщенный включениями крупнозернистого песка, щебенки и кусками кирпича. При разборке ямы встречено большое количество обожженных камней, костей животных, кусков железистого шлака и 116 обломков гончарной, в основном белоглиняной керамики XV–XVI вв. (рис. 83, 1–7, 10–12). Здесь же найдено два фрагмента лепных сосудов и фрагмент крупной в сечении ручки (рис. 83, 8). Из индивидуальных находок в комплексе представлены: лезвие железного ножа, большой обломок круглого рифленого браслета из синего стекла, 17 стеклянных бус (желтая и зеленая прозрачные навитые бисерины, часть желтой прозрачной зонной бусины, 14 экземпляров рубленого бисера синего (8) и черного (6) цветов), а также пуговица с литым свинцово-оловянистым ушком, в качестве головки которой использована зонная бусина синего стекла (ил. 4, 47).

Еще в трех небольших позднесредневековых ямах (2, 3 и 4), заполненных светло-серым гумусом, не было встречено никаких находок.

Несколько углубленных в материк комплексов относилось к раннему средневековью (рис. 81, Б; 82).

К востоку от фундаментной площадки, в кв. 3, 4, 4а, находилась яма 5. Она имела неправильную грушевидную в плане форму и была вытянутая с северо-востока на юго-запад. Ее размеры 1,28–1,84 × 2,56 м. Южный край ямы уходил за пределы раскопа. Глубина ямы 0,35 м. Комплекс был выявлен после снятия слоя черного гумуса. Основная часть его заполнения представляет темно-коричневый слой с органическими остатками – большим количеством щепы, плашек и обрезков бересты. В придонной части ямы отмечен глинистый слой со щепой. В северной части ямы найдено значительное количество кусков бересты, среди которых обрезки, заготовки и целые берестяные донца различных размеров (рис. 85, 3–14). Тут же обнаружены фрагменты двух деревянных изделий: круглая в сечении деталь и обломок предмета с двумя отверстиями (рис. 85, 1, 2). В заполнении комплекса было встречено: 23 экземпляра рубленого бисера (синих – 12, желтых – 8, зеленых – 3), призматическая,

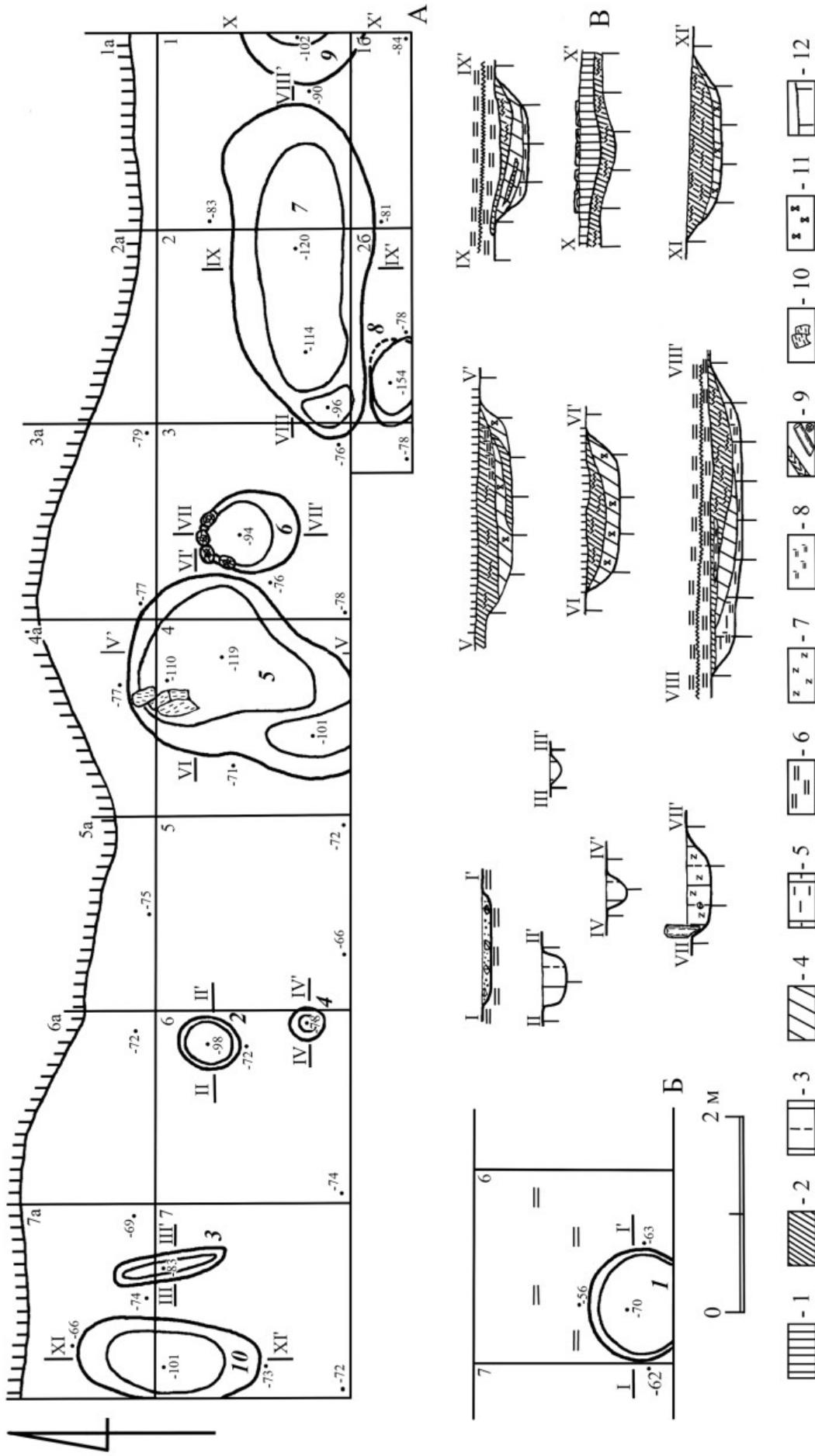

Рис. 82. Раскоп I на южном берегу Сиверсова канала. А – план комплексов на уровне материка; Б – план ямы 1 на уровне глиняной подсыпки; В – стратиграфические разрезы комплексов. Условные обозначения: 1 – черный гумус; 2 – темно-коричневый гумус; 3 – светло-серый гумус; 4 – серо-коричневая глина с органикой; 5 – слабогумусированная глина; 6 – глина; 7 – щебень; 8 – уголь; 9 – доски; 10 – береста; 11 – щепки; 12 – материк

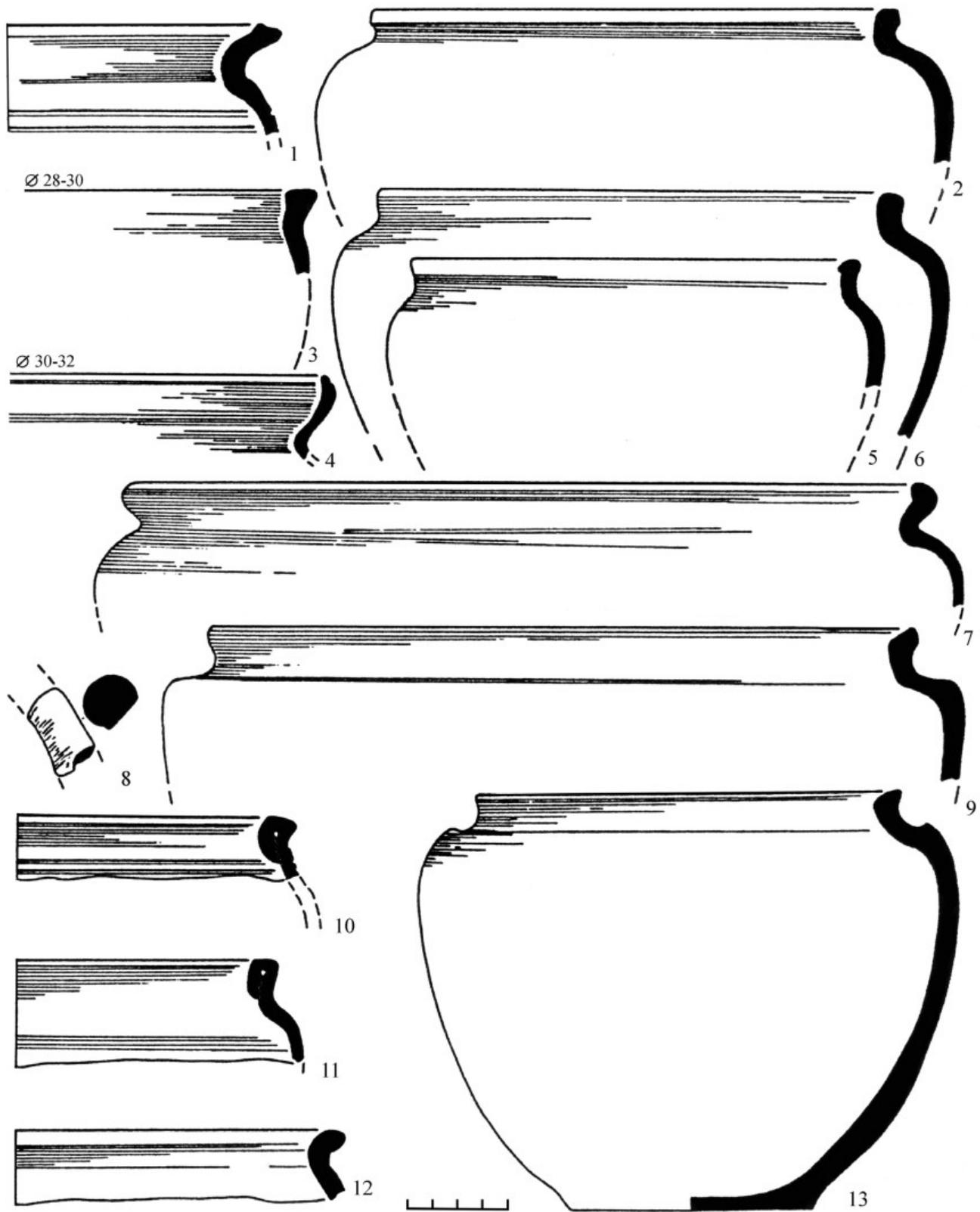

Рис. 83. Раскоп I на южном берегу Сиверсова канала.
 Керамика из заполнения ям: 1-8, 10-12 - из ямы 8; 9, 13 - из ямы 1

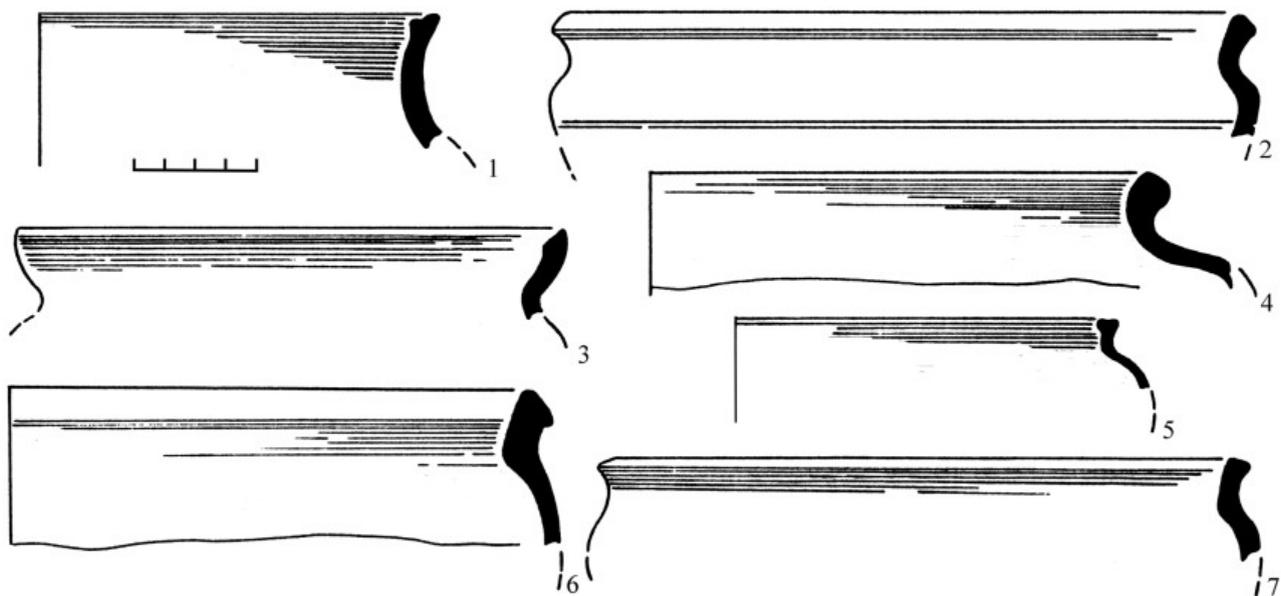

Рис. 84. Раскоп I на южном берегу Сиверсова канала. Гончарная керамика из заполнения ямы 6

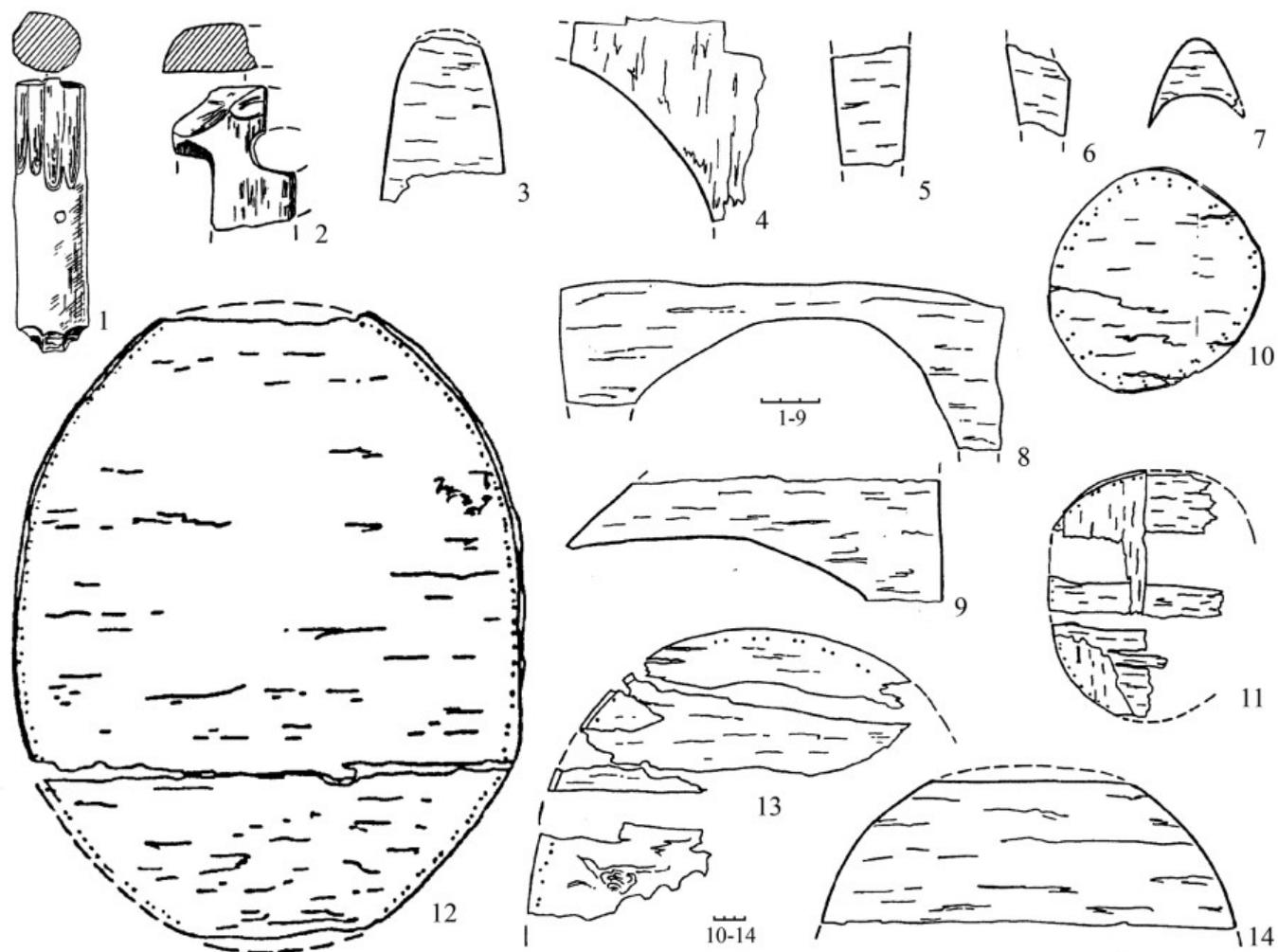

Рис. 85. Раскоп I на южном берегу Сиверсова канала. Берестяные донца, обрезки бересты и деревянные детали из заполнения ямы 5

шестигранная в сечении, мозаичная пронизка с шахматным рисунком в виде крестика (ил. 36, 113; I группа, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 67)⁴, половинка цилиндрической бусины из молочно-белого стекла, украшенная двумя пересекающимися волнистыми красно-коричневыми полосками и мозаичными глазками (ил. 36, 77; первая подгруппа IV, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 75; тип В039, по Ю. Калльмеру – *Callmer*, 1977. Pl. I, В030), кремневая пластинка и мелкий обломок донца сосудика из стекла желтого цвета, являвшийся частью лампы. В Новгороде фрагменты таких сосудов встречаются в отложениях второй четверти XI–первой четверти XIII вв. (*Щапова*, 1963. С. 122) и, очевидно, этот осколок попал в комплекс из вышележащих отложений⁵. В самой верхней части ямы, на границе с перекрывающим ее черным гумусом, были обнаружены 2 куса сильно оплавленного стекла коричневого и красно-коричневого цветов, а также оселок. В яме найдено 172 обломка лепной керамики. Судя по стратиграфии и заполнению, возникновение комплекса связано с сооружением глиняной подсыпки под основание бревенчатой постройки в западной части раскопа.

Яма 7, расположенная в кв. 1 и 2, имела в плане форму неправильного вытянутого овала размерами 1,40 × 3,44 м. Она была углублена в материк на 0,22–0,36 м. Комплекс был зафиксирован после снятия глиняной подсыпки. У западного края комплекса в кв. 3 лежал фрагмент деревянной доски шириной 0,36 м и длиной 0,68 м. Заполнение ямы было неоднородным. Верхняя часть представляла собой слой темно-коричневого гумуса с органическими остатками, который имел у восточного края толщину до 0,25 м и постепенно выклинивался к западу. На дне ямы зафиксирован пласт слабо гумусированной глины с единичными включениями угля и щепы. Его толщина в западной части ямы достигала 0,2 м, а в восточной – 0,08 м. В центре ямы между глиной и темно-коричневым слоем отмечена прослойка серо-коричневой глины с органическими остатками, в том числе значительным количеством скорлупы лесного ореха. При исследовании комплекса встречены 10 мелких фрагментов лепной керамики, 3 экзем-

⁴ Мозаичные пронизки с глазками, имеющими в центре шахматный рисунок, по данным З. А. Львовой, обнаружены на уровне построек горизонта Д Старой Ладogi (*Львова*, 1968. С. 67).

⁵ В комплексе отмечено также 6 обломков развитой средневековой посуды.

пляра рубленого бисера (синих – 2, зеленых – 1) и хрустальная четырнадцатигранная бусина (ил. 36, 128).

Яма 9, находящаяся в восточной половине квадратов 1 и 1б, уходила в восточную стенку раскопа. Размеры вскрытой части 0,5 × 1,2 м, а глубина 0,12 м. Заполнение ямы – темно-коричневый гумус со щепой и другой органикой. При разборке ямы найдено 5 мелких фрагментов венчиков и 6 фрагментов стенок лепных сосудов, а также 4 бисерины (желтых – 3, синих – 1). Над этим заполнением ямы залегал черный слой мощностью 0,10–0,16 м, который просел над ямой и имел здесь толщину 0,2 м. Именно в этой западине культурного слоя было встречено довольно много различных находок. Среди которых имеются: бронзовая пуговица грибовидного типа (рис. 79, б), 2 очень мелких обломка желтого прозрачного посудного стекла, часть оплавленного стеклянного браслета из бирюзового стекла, 11 экземпляров рубленого бисера (синих – 6, желтых – 5), несколько спекшихся бисерин (ил. 36, 21), оплавленная двухчастная желтая пронизка, хрустальная и сердоликовая четырнадцатигранные бусы (ил. 36, 115). Керамика представлена 11 фрагментами лепных сосудов и 8 обломками гончарных горшков, датируемых не ранее XII–XIII вв.

В западной части раскопа в кв. 7 и 7а была обнаружена яма 10, имеющая форму сильно вытянутого с севера на юг овала. Ее размеры 0,84 × 1,92 м, а глубина 0,34–0,38 м. Сооружение было перекрыто бревном длиной 1,82 м и диаметром 0,16 м. Заполнение ямы – темно-коричневый слой с органическими остатками, в том числе скорлупой фундука. Подобные отложения с включениями щепы прослеживались и рядом с ямой по матерiku. В заполнении ямы и в слое рядом с ней встречены 27 обломков исключительно лепной керамики.

Полное доминирование на раскопанном участке лепной посуды позволяет датировать древнейшие отложения более ранним временем, чем середина X в., поскольку во второй половине этого столетия на Городище появляются массовые типы раннегончарной керамики. В то же время присутствие в раннесредневековых комплексах мозаичной пронизки (яма 5) и хрустальной четырнадцатигранной (яма 7) бусины, которые в Старой Ладoge встречаются не раньше горизонта Д (930–990-е гг.) (*Львова*, 1968. С. 67; *Рябинин*, 1995. С. 58), говорит о том, что освоение этого участка произошло, скорее всего, во второй четверти этого столетия.

Раскоп II

Второй раскоп располагался в 13 м к западу от раскопа I, на другом участке, сильно поврежденном паводками и подкопами «старателей» (рис. 1). В результате работ в течение четырех сезонов (1993–1996 гг.)⁶ здесь было исследовано 60 кв. м, и была получена стратиграфия культурных напластований на протяжении 16 м⁷. Общая мощность культурных отложений в этой части памятника достигала почти 2 м. Стратиграфия верхних слоев раскопа полностью повторяет стратиграфию раскопа I (рис. 86). Непосредственно под мощным слоем материковой глины (до 1,2 м) были разобраны культурные напластования X–XVIII вв., перемещенные во время прорытия канала, толщина которых достигала до 1,16 м. В их расположении можно усмотреть обратный порядок тому, что имеет место в отложениях до строительства канала. Так, в самой верхней части напластований идет перемешанный слой с органическими остатками, который соответствует самым древним слоям Городища. Структура перемешанных слоев, в основном, представляет собой темно-серый песчаный гумус, насыщенный щебнем, битым кирпичом и камнями, в котором прослеживаются линзы белесого песка. При зачистке, разборке и промывке перемешанных культурных отложений берегового обрыва, а также слоев, перемешанных водой во время паводков, кроме значительного одновременного керамического материала (главным образом позднесредневековых сосудов) встречено большое число индивидуальных находок. Особо следует отметить вислую свинцовую печать Александра Ярославича Невского (Янин, Гайдуков, 1998. № 374–17), половинку нечитаемой свинцовой печати (рис. 87, 29) и 8 медных и серебряных монет XV–XVI вв.: 5 пул конца XV–XVI в. Две определимые монеты чеканены на тверском денежном дворе (Гайдуков, 1993. № 360), одна в Новгороде (Там же. № 440, 441), полушка царя Ивана IV (1533–1584 гг.) выпущена в Твери (Гришин и др., 2015. № 103), деньга Ивана III (1462–1505 гг.) чеканена в Москве (Зайцев, 2006. № 13.1), как и деньга царя Ивана IV (1547–1584 гг.) (Гришин и др., 2015. № 78)⁸.

⁶ В 1993 г. были разобраны и промыты перемешанные культурные отложения берегового обвала и подготовлена площадка для разбивки раскопа 1994 г., когда была исследована площадь в 32 кв. м (кв. 1–8), а в 1995–1996 гг. проводились работы на раскопе на участке в 28 кв. м, примыкающем к нему с востока (кв. 9–16).

⁷ Глубины измерялись от репера, имеющего отметку 21,13 м на общем топографическом плане Городища.

⁸ Здесь и далее определения монет проведены П. Г. Гайдуковым и К. В. Горловым.

Среди изделий из медных сплавов и их обломков представлены: часть подковообразной фибулы с гвоздевидными головками (рис. 88, 22), которые встречаются в Новгороде в слоях с X по конец XIV в. (Лесман, 1984. С. 136; 1990. С. 75–76; Седова, 1981. С. 86), крест тельник с квадратным средокрестием (рис. 87, 15), датируемый XII–XIII вв. (Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 103, 28), плоская непрорезная (монетовидная) подвеска (рис. 87, 21), часть дужки пластинчатой кольцевидной фибулы (?) с зигзагообразным декором (рис. 88, 26), обломки пластинчатых браслетов (рис. 88, 13, 14), декоративный гвоздик (рис. 87, 25), декоративная заклепка (рис. 87, 16), 4 литые пуговицы (рис. 88, 2, 4–6), миниатюрная накладка (рис. 87, 19), крючок (рис. 88, 20), четыре колечка диаметром 0,7–0,8 см (рис. 87, 7, 9), четырнадцатигранная весовая гирька с точками на ромбических гранях (рис. 87, 20) и несколько других фрагментированных предметов (рис. 87, 22). В. Л. Янин относил время появления четырнадцатигранных гирек в Восточной Европе ко второй половине X в. (Янин, 2009. С. 196–197). В Старой Ладогe подобные разновесы с установленной стратиграфией залегания зафиксированы в горизонте Д (930–990-е гг.) (Давидан, 1987. С. 125). В коллекции имеются также: позолоченное серебряное колечко диаметром 0,45 см (рис. 87, 2), часть плохо сохранившегося позднесредневекового оловянного⁹ крестика тельника (рис. 87, 14), свинцовый грузик конический грузик диаметром 2,0 см с отверстием 0,5 см (рис. 88, 29) и свернутая свинцовая пластинка.

В мешаном слое встречен ряд железных предметов и их обломков (рис. 89, 11) среди которых можно отметить: небольшой втульчатый наконечник копья с пером в виде четырехгранного стержня, ромбовидного в сечении (рис. 90, 10; тип V, по А. Н. Кирпичникову), датируемый X–XVII вв. (Кирпичников, 1966. С. 15–17, табл. IV, 10–13; IX, 7–13; Кирпичников, Медведев, 1985. С. 309, табл. 125, 7, 15, 23; 126, 15–17), часть дужки от навесного замка, втульчатый ключ от нутряного замка с деревянным засовом и металлическим механизмом (рис. 91, 2), датирующийся в Новгороде концом X – первой половиной XIII в. (Колчин, 1982. С. 161, рис. 3;

⁹ Здесь и далее определение химического состава металла выполнено методом рентгено-флюоресцентного анализа в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным: Sn > 98%, Fe < 1%, Bi < 0,9%, Pl < 0,7%, Cu < 0,2%, Mn – следы, Zn – следы. Благодарю С. В. Хаврина за проведенные исследования.

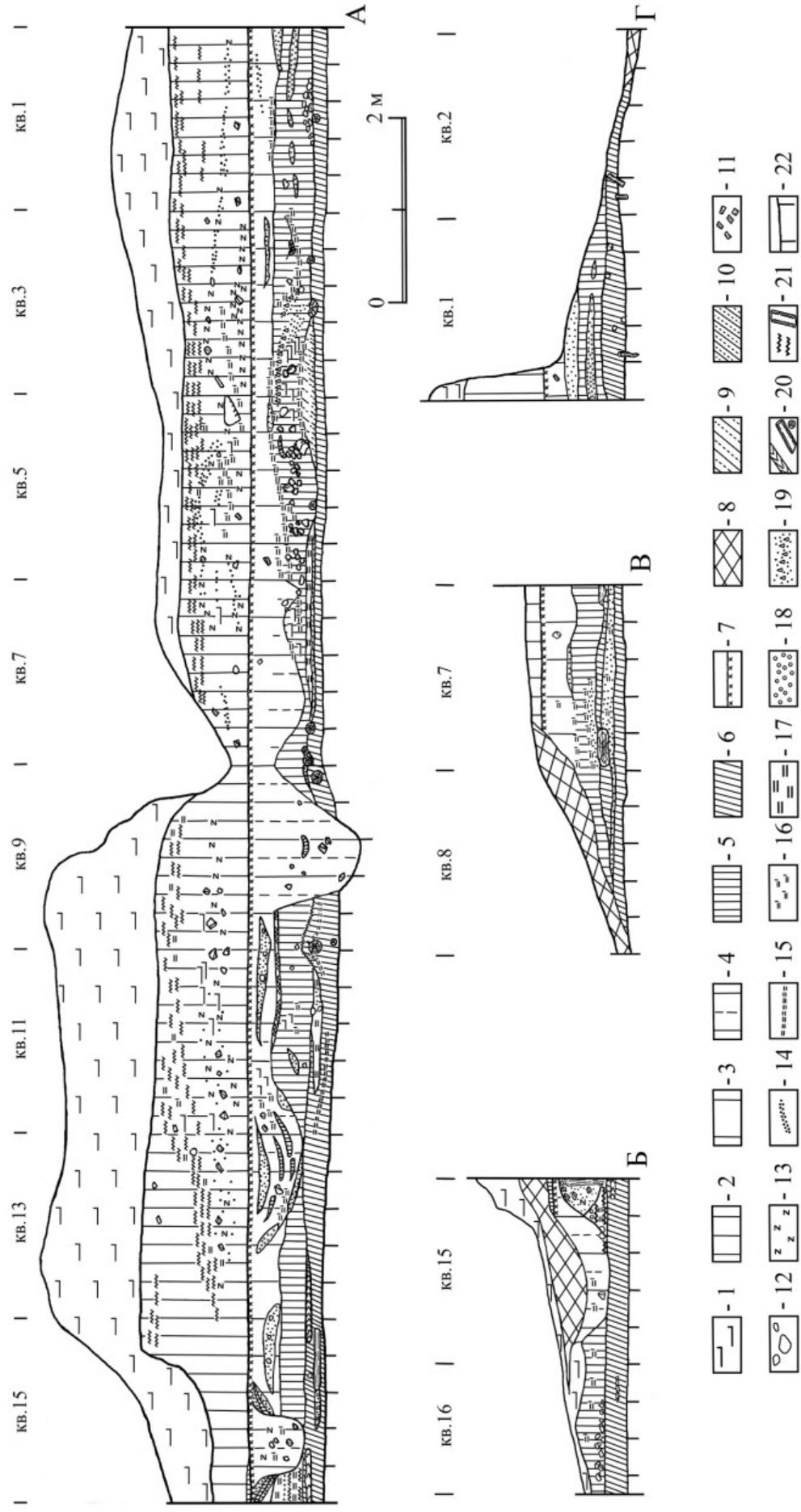

Рис. 86. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Стратиграфические разрезы южной (А), восточной (Б), западной (Г) стенок, а также по восточной стороне кв. 7 и 8 (В). Условные обозначения: 1 – коричневая глина; 2 – темно-серый песчанистый гумус; 3 – светло-серый гумус; 4 – светло-серый гумус в заполнении поздних ям; 5 – черный гумус; 6 – темно-коричневый гумус; 7 – тонкая глиняная прослойка, трассирующая дневную поверхность на момент строительства Сиверсова канала; 8 – перемешанные отложения; 9 – светло-серый суглинок; 10 – темно-серый суглинок; 11 – кирпичи; 12 – камни; 13 – щебень; 14 – песок; 15 – слой бересты; 16 – уголь; 17 – глина; 18 – белесый крупнозернистый песок; 19 – крупный светло-коричневый гумусированный песок; 20 – доски и бревна; 21 – древесный тлен, доски и бревна в виде тлена; 22 – материк

Рис. 87. Находки из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала:
 1, 3-13, 15-23, 27, 28 – медные сплавы; 2 – серебро с позолотой; 24, 26, 29 – свинец; 14, 30 – олово

Рис. 88. Находки из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала: 1-9, 13-15, 18-20, 22, 23, 25-28 – медные сплавы; 10-12, 16, 21, 24, 29 – свинец; 17 – свинцово-оловянистый сплав

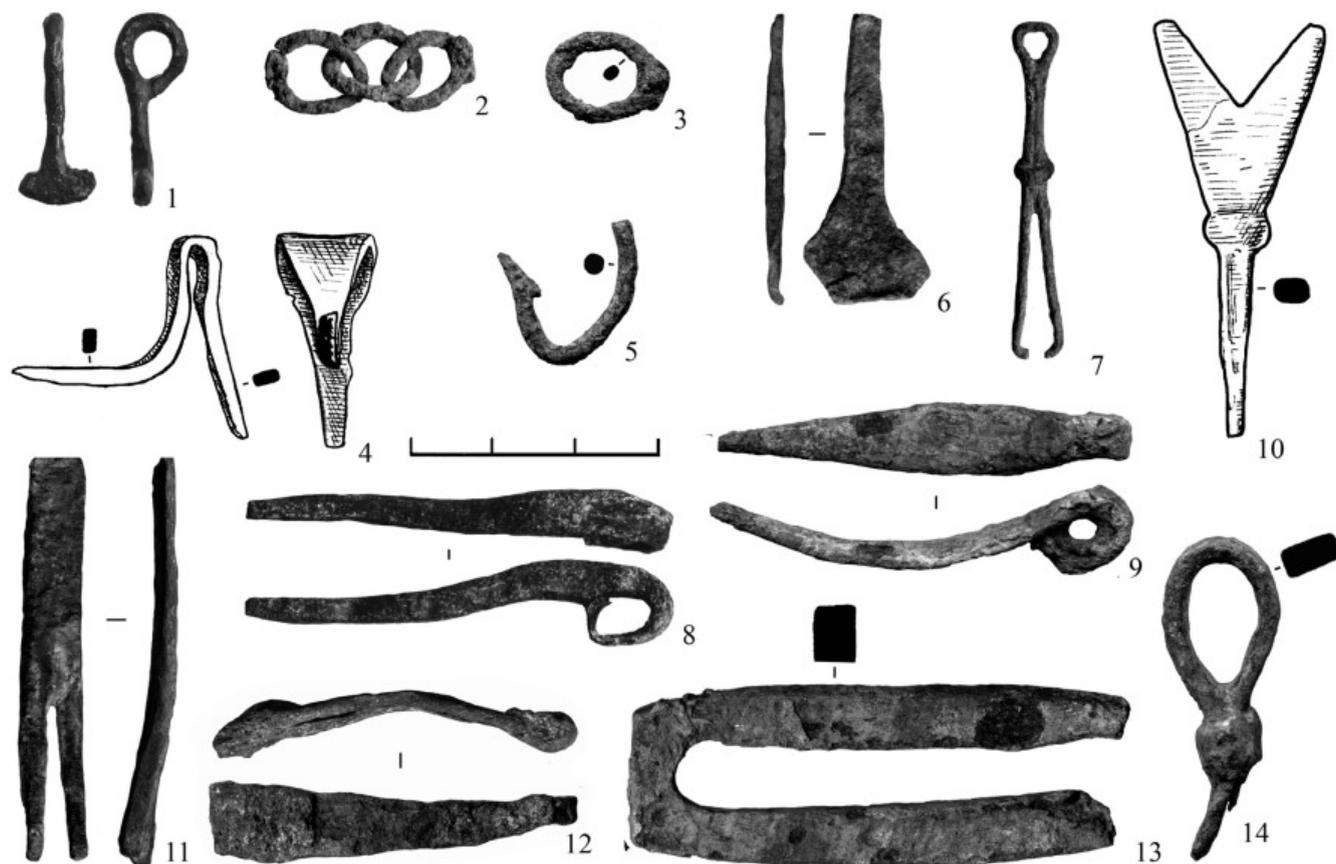

Рис. 89. Железные предметы из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

Хорошев, 1997. С. 16, табл. 7, 19–23), дверной крючок (рис. 91, 3), 2 ледоходных шипа, скобочку, несколько целых и фрагментированных колец диаметром от 0,9 до 5,5 см, 6 целых ножей и их обломков (рис. 90, 6, 7, 9). У одного из которых – пластинчатый черешок с заклепками (рис. 90, 5). В Новгороде такие ножи появляются не ранее рубежа XIII–XIV вв., а основное время их распространения XV–XVI вв. (Гайдуков, 1992. С. 91, 125, рис. 54, 12, 13, 15).

Из этих отложений происходят 117 фрагментов стеклянных браслетов. Среди них имеются экземпляры гладкие округлого (64 экз.), сегментовидного (1), трехгранного (2) сечения, а также крученые (47), рифленые (2) и витые (1). Украшения изготовлены из стекла коричневого (34), зеленого (35), фиолетового (16), синего (11), желтого (9), бирюзового (9) и черного (1) цветов. Одиннадцать браслетов перевиты нитями желтого, а один крученый бирюзовый – нитью черного цвета. Максимальная отмеченная длина фрагментов – 5,5 см. Внутренний диаметр обруча, измеренный у крупных обломков браслетов, – 5 (1), 5,5 (2), 6 (8), 7 (4) см.

В перемешанном слое найдено 4 мелких обломка оконного стекла, фрагменты широкого слабо-вогнутого донца и стенки сосудов из желтоватого

прозрачного стекла, пуговица с головкой округлой формы из стекла желтоватого цвета с обломанным ушком, осколок мозаичного модуля из зеленого заглушенного стекла и 90 стеклянных бусин. Среди последних, сделанных навивкой, имеются:

- 18 экземпляров бусинного бисера (желтых – 10, черных – 2, зеленых – 2, синих – 1, красно-коричневых – 2, бесцветных – 1);
- 23 зонные бусы (прозрачных желтых – 7, зеленых – 7, синих – 6 (ил. 36, 22), фиолетовых – 1, непрозрачных черных – 2);
- 2 зонные двухчастные бусины (синяя прозрачная (ил. 36, 40) и желтая непрозрачная);
- 3 кольцевидных бусины (прозрачных желтых – 2, фиолетовых – 1);
- шарообразная желтая прозрачная бусина, датируемая по Новгороду 1096–1369 гг. (Лесман, 1984. С. 139);
- округлая цилиндрическая зеленая прозрачная бусина (ил. 36, 32);
- половина шаровидной коричневой непрозрачной бусины, декорированной желтой крошкой (ил. 36, 103);
- часть боченкообразной коричневой непрозрачной бусины, украшенной однократным выпуклым

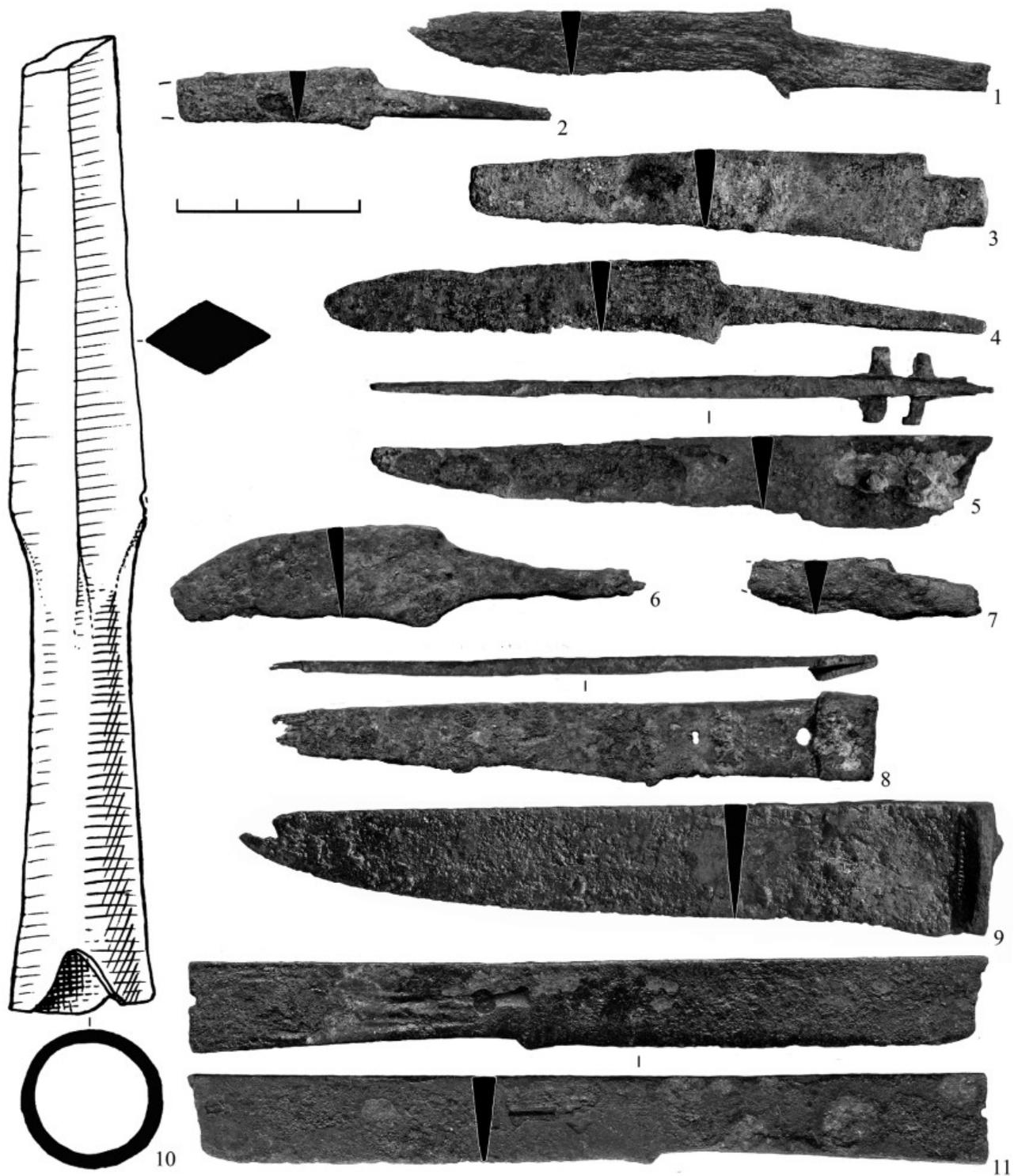

Рис. 90. Железные предметы из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

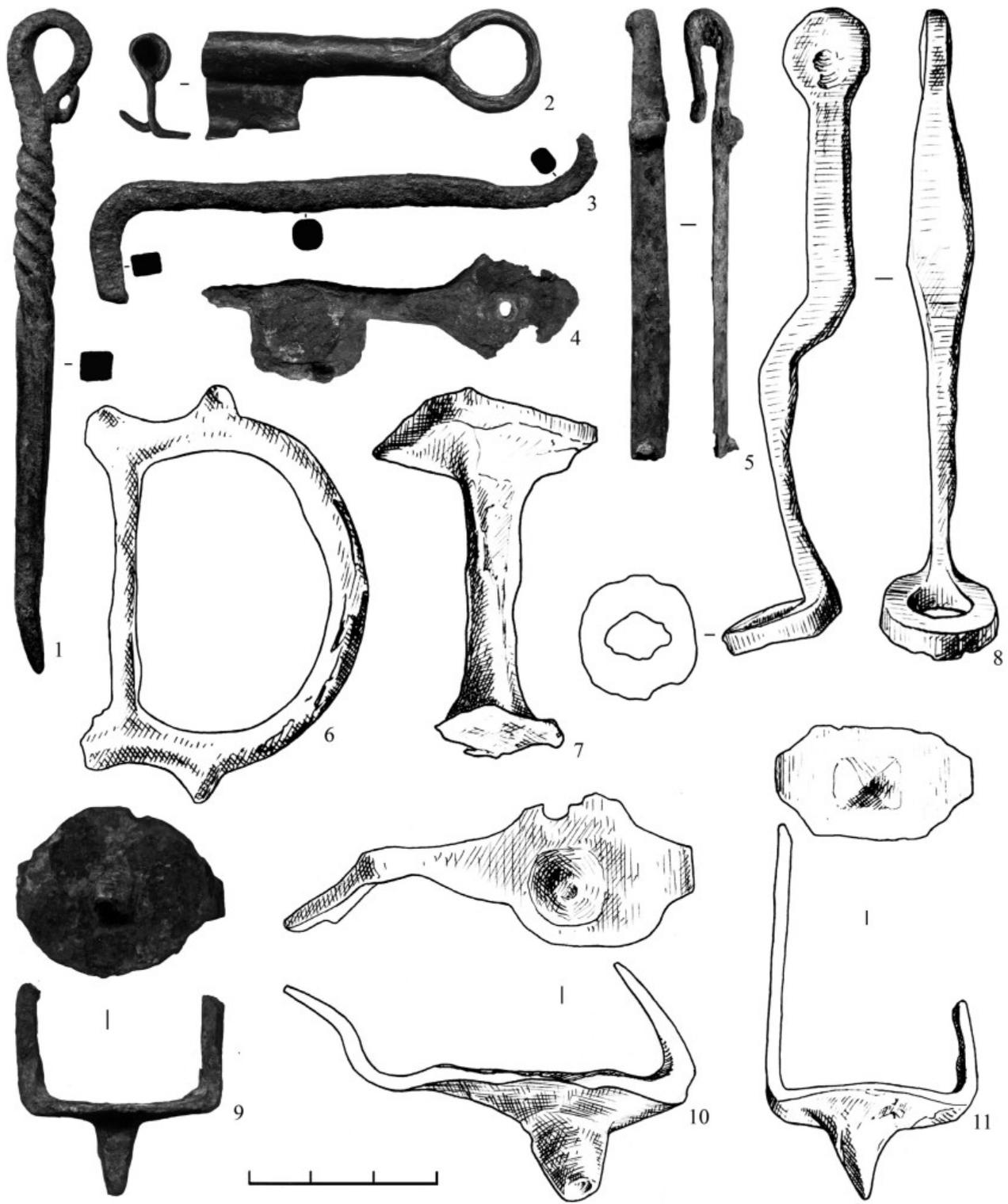

Рис. 91. Железные предметы из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

зигзагом желтого цвета (ил. 36, 96), датируемой по Новгороду 1268–1383 гг. (Там же. С. 140);

– половина цилиндрической золотостеклянной бусины с каймой (ил. 36, 47), датируемой по Новгороду 989–1161 гг. (Там же. С. 139);

– круглая битрапециоидная коричневая (?) бусина.

Украшения, сделанные из тянутых трубочек, представлены: 4 «лимоновидными» бусинами и 6 двухчастными пронизками из синего (7), желтого (2) и бесцветного (1; ил. 36, 51) стекла, золото- (1) и серебростеклянной (1) бусами, трехчастной серебростеклянной пронизкой, половинкой ребристой «лимонки» из прозрачного стекла (ил. 36, 42), а также 22 экземплярами рубленого бисера (зеленых – 9, желтых – 7, синих – 6).

Из каменных бус имеются: четырнадцатигранная из сердолика (ил. 36, 116) и эллипсоидная уплощенная из янтаря (ил. 36, 108). Из сердолика сделана и половинка овальной плоской вставки, видимо, украшавшей перстень (ил. 4, 49)

Среди находок из кости и рога в мешанном культурном слое встречены: срединная зубчатая пластина двустороннего наборного гребня с сохранившимися бронзовыми штифтами (рис. 92, 7), прямоугольная накладка (рис. 93, 10), односторонний роговой зооморфный гребень (ил. 37, 2), торцевая накладка с отверстием от наборной рукояти ножа (рис. 93, 7) и опиленный кончик лосиного рога (рис. 94, 2).

Глиняные предметы представлены 3 целыми и 5 фрагментированными пряслицами (рис. 95, 2, 7–11, 13, 15), а также 5 грузилами от рыбацких сетей овальной (3 экз.) (рис. 96, 5–7), цилиндрической (рис. 96, 3) и шаровидной (1) формы. Кроме того, в коллекции имеются части трех каменных грузил (рис. 96, 8, 11, 12), 2 обломка сланцевых оселков, часть кремневого наконечника стрелы (рис. 96, 2) и 4 кремневых отщепа с ретушью.

Ниже тонкой (0,02–0,03 м) светло-коричневой глиняной прослойки, маркирующей уровень древней поверхности на момент строительства Сиверсова канала, в раскопе залежали отложения XII–XVIII вв. – светло-серый гумус толщиной 0,24–0,36 см (рис. 86) с включениями песка, битого кирпича, камней. Этот слой был в значительной мере нарушен еще в средневековые перекопами в процессе активной жизнедеятельности на поселении.

При разборке этих напластований кроме обломков средневековой гончарной посуды XII–XVII вв., единичных фрагментов лепной керамики, а также костей животных было найдено довольно много вещей.

Из слоя происходят 5 серебряных и медных монет, в числе которых: четвертинка пражского гроша Вацлава II, чеканенного в 1300–1305 гг. в Кутна-Горе, деньга великого князя Ивана IV (1533–1547 гг.) московского денежного двора (*Гришин и др.*, 2015. № 32), 3 пулы конца XV–XVI в., одна из которых выпущена в Твери (*Гайдуков*, 1993. № 360).

Рядом находок представлены целые и фрагментированные предметы из сплавов на основе меди, в том числе: обломок наверхия от иглы кольцевидной булавы, украшенной в стиле Борре (рис. 88, 18), игла от подковообразной фибулы, кольцо которой украшено «углубленным орнаментом» (рис. 88, 25), датирующаяся 1076–1382 гг. (*Лесман*, 1990. С. 77), перстнеобразное проволочное височное кольцо с загнутым наружу концом (рис. 88, 9), аналогии которому встречены в Новгороде в слоях второй половины XI–начала XV вв. (*Седова*, 1981. С. 13, рис. 3, 7, 8), обломок литого овальнощиткового перстня (рис. 88, 15), две накладки (рис. 87, 17, 28), одна из которых, в виде открытой ладони, имеет аналогии на найденной в Новгороде сумке, датированной по монетам «временем не ранее второй половины 1530-х гг. (*Матехина*, 2003. С. 12, рис. 15), литые шаровидная и костыльковая пуговицы (рис. 88, 3, 7), 2 спиральки (рис. 87, 4), часть маленькой пряжечки (рис. 87, 23), а также 6 целых и фрагментированных колечек диаметрами от 0,55 до 1,7 см (рис. 87, 6, 8, 10, 11). Одно из них, диаметром 0,9 см, имеет один уплощенный орнаментированный конец (рис. 87, 5).

Из светло-серого слоя происходят свинцовый конический грузик диаметром 1,65 см с диаметром отверстия 0,35 см (рис. 88, 24) и многочисленные железные вещи и их обломки (рис. 91, 5). Среди них имеются: ювелирный пинцет (рис. 89, 7), два ледоходных шипа (рис. 91, 9, 11), булавка-спица для ручных прялок (рис. 91, 1), аналогии которой встречаются в Новгороде в слоях XIV–начала XV в. (*Гайдуков*, 1992. С. 95; *Колчин*, 1959. С. 105–106), части двух калачевидных и одного овального кресал (рис. 89, 13), ключ от цилиндрического замка типа Б, по Б. А. Колчину (рис. 91, 8), бытовавшего в Новгороде в XII–первой половине XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 162), ключ от нутряного цельнометаллического накладного замка для сундуков и ларцов (рис. 91, 4), датирующийся в Новгороде XII–третьей четвертью XIV вв. (Там же. С. 161, рис. 3; *Хорошев*, 1997. С. 16, табл. 7, 25–32), подпружная пряжка (рис. 91, 6), 4 клепаных кольчужных колечка размерами 1 × 1,25 – 1,1 × 1,5 см, 3 из которых соединены в одну цепочку (рис. 89, 2, 3), обломок рыболовного крючка (рис. 89, 5), скоба, 7 целых ножей и их обломков (рис. 90, 2–4, 8). Среди них два поздних

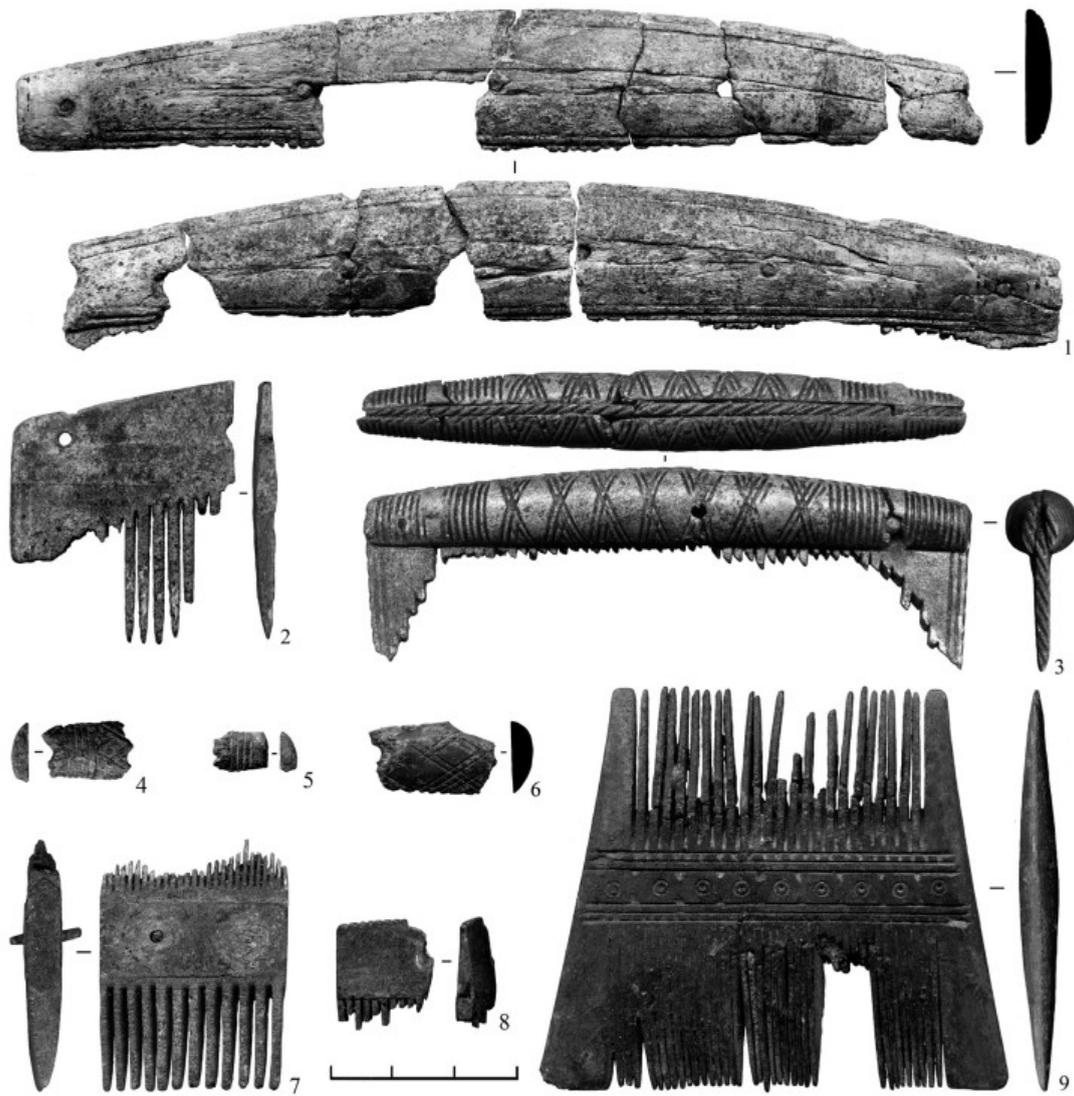

Рис. 92. Роговые гребни из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

Рис. 93. Предметы из кости и рога из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

Рис. 94. Предметы из кости и рога из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

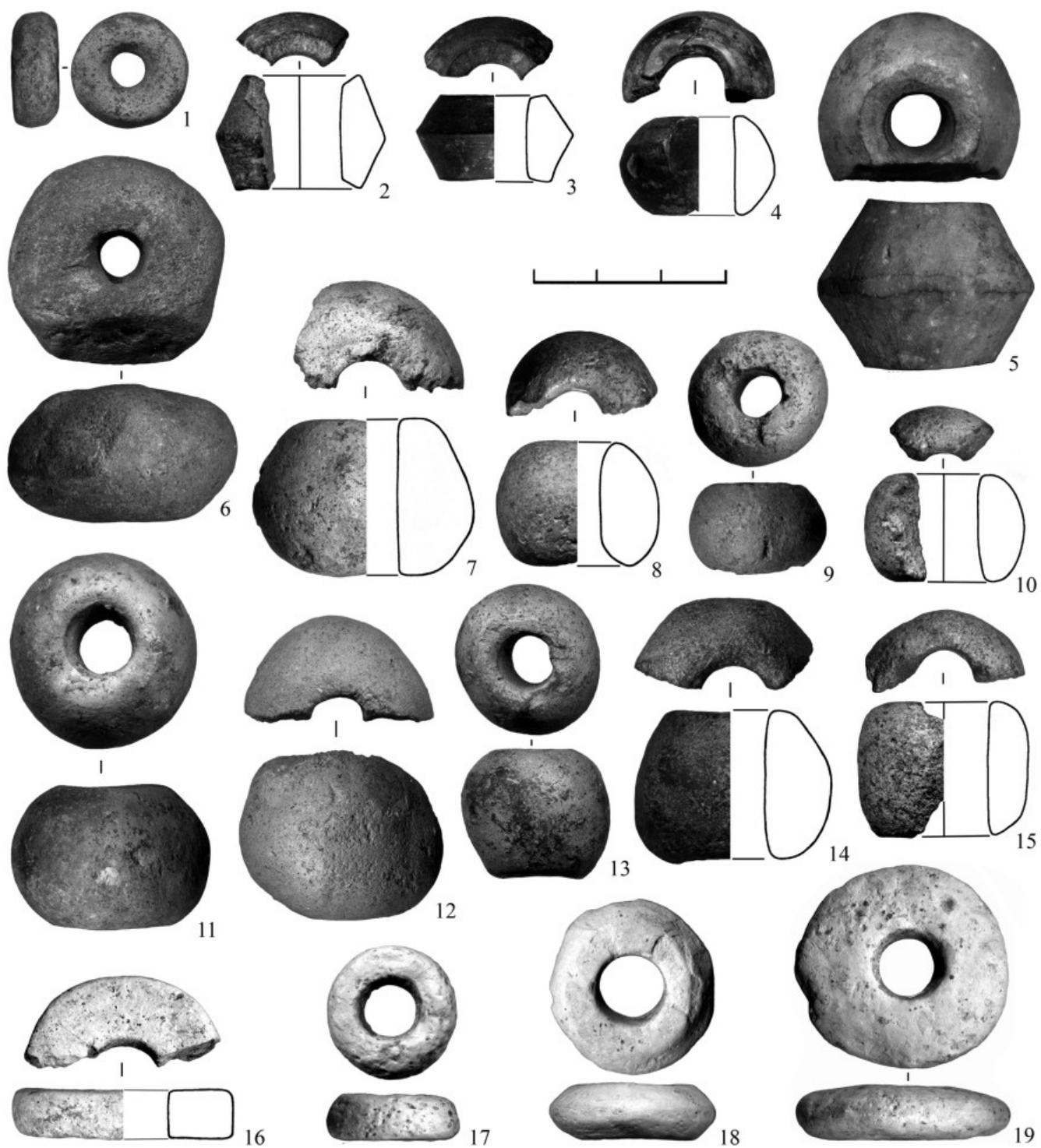

Рис. 95. Предметы из глины (1–15) и камня (16–19) из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

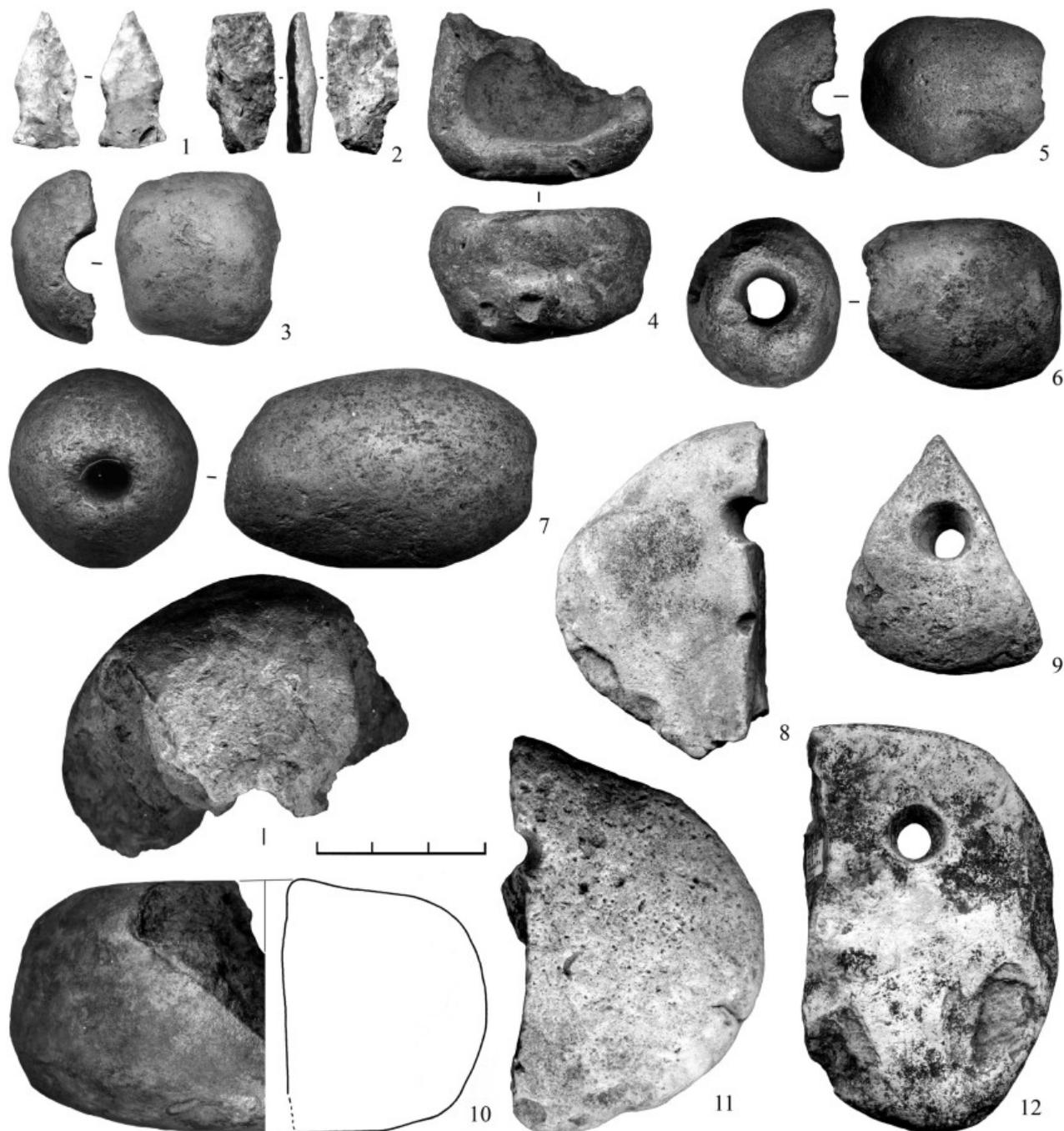

Рис. 96. Предметы из глины (3–7, 10) и камня (1, 2, 8, 9, 11, 12) из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

инструмента с пластинчатым черенком, на одном из которых имеется клеймо (рис. 90, 11). Ножи с клеймами встречаются в слоях XIV–XVII вв. ряда российских городов. Их появление на русском рынке связывают с ввозом из стран Западной Европы (Беленькая, Розанова, 1988).

Стеклянные браслеты представлены 52 обломками. Среди них имеются 30 гладких круглых, 17 крученых, 2 трехгранных и один рифленый из зеленого (18 экз.), коричневого (16), желтого (7), бирюзового (6), фиолетового (3), а также синего (2)

цветов. Шесть из зеленых крученых браслетов перевиты желтой нитью. Внутренний диаметр обруча – 3,5 (1), 6 (1), 6,5 (1), 7 (2) см. Стеклянные перстни представлены фрагментом одного экземпляра из синего стекла. Имеются также венчик сосуда из качественного желтовато-зеленоватого стекла (ил. 4, 40), осколок стенки сосуда из желтого стекла, фрагмент оконного стекла и 2 мелких обломка округлого предмета (донца сосуда или привески?) из такого же стекла, декорированного прокладкой из полосок золотой фольги (ил. 4, 45).

Из светло-серого слоя происходит 61 стеклянная бусина и их обломки. Среди них в технике навивки сделаны:

- 13 экземпляров бусинного бисера (зеленых – 6, желтых – 6, красно-коричневых – 1);
- 19 зонных бус (прозрачных зеленых – 5, желтых – 4, синих – 4; ил. 36, 23), фиолетовых – 1, коричневых – 1, бесцветных – 1; ил. 36, 26, непрозрачных желтых – 1?, черных – 1, желтовато-белых – 1);
- 2 зонные двухчастные бусины (прозрачные зеленая и желтая; ил. 36, 38, 39);
- одна зонная трехчастная черная бусина (ил. 36, 41);
- 2 округлые эллипсоидные бусины из зеленого стекла (ил. 36, 45), датирующиеся по Новгороду 1076–1281 гг. (Лесман, 1984. С. 139);
- фрагмент ребристой синей прозрачной бусины;
- обломок цилиндрической непрозрачной черной бусины, с декором в виде многократного зигзага, выполненным накладными нитями желтого цвета (ил. 36, 93).

Украшения, сделанные из тянутых трубочек, представлены: 3 «лимоновидными» одно- (2) и двухчастными (1) бусинами из синего, желтого и винно-красного цветов, двумя золотостеклянными «лимонками», тремя одно-, трех- и четырехчастными серебростеклянными бусинами, 12 экземплярами рубленого бисера (синих – 5, желтых – 4, зеленых – 2, белых – 1?), а также синей бусиной кубической формы со срезанными углами (ил. 36, 100). Две бусины из слоя относятся к раннесредневековым типам: шаровидное мозаичное изделие, выполненное из многослойного стеклянного стерженька, имеющего в центре рисунок в виде крестика (ил. 36, 106; группа I, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 68), крупная толстостенная кольцеобразная зеленовато-голубоватая прозрачная бусина, украшенная волнистыми полосками красно-коричневого и белого цветов (ил. 36, 70; вторая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 78; декор аналогичен типу B660, по Ю. Калльмеру – Callmer, 1977. Pl. III, B660).

В числе бус имеются также крупная зонная глиняная (рис. 95, 1) и две сердоликовые (мелкая эллипсоидная (ил. 36, 119) и осколок четырнадцатигранной).

Среди находок из камня встречены части 4 точильных камней песчаника и сланца (рис. 97, 7), в том числе и 2 обломка оселков с отверстием для подвешивания (рис. 97, 1, 2) и 3 отщепы с ретушью. Изделия из глины представлены 2 обломками пряслиц (рис. 95, 12, 14) и 4 обломками грузил от рыболовных сетей.

Нижние древнейшие отложения на площади раскопа II делятся на два основных слоя: черный и темно-коричневый.

Слой черного гумуса имеет толщину до 0,5 м. В северной части он сильно разрушен каналом и частично перемешан с более поздними отложениями, а также поврежден, особенно сильно в восточной части раскопа, более поздними комплексами (рис. 98).

Так, в кв. 9, 10 было разобрано впущенное в черный слой сооружение, состоящее из двух частей. Северная имеет вытянутую канавообразную форму, несколько расширяющуюся к югу, с крутыми стенками и плоским дном. Ее размеры 0,65–1,16 × 3,0 м (северная часть разрушена каналом), а глубина около 0,3 м. Южная часть сооружения представляет собой яму округлой в плане формы с крутыми стенками и вогнутым дном. Большая ее часть уходит в стенку раскопа. Размеры вскрытой части 0,24 × 1,46 м, глубина 0,9 м. Заполнение состояло из светло-серого (местами темно-серого) гумуса с прослойками песка, включениями камней и битого кирпича. В нем было зафиксировано бревно диаметром около 0,26 м, проходившее через весь комплекс. Длина расчищенной части – 3,06 м. При исследовании сооружения найдено значительное количество обломков гончарной керамики конца XIV–XVI вв., а также 11 стеклянных бусин: желтая и фиолетовая прозрачные зонные бусины (ил. 36, 46), часть боченкообразной ребристой черной непрозрачной бусины, декорированной многократным зигзагом желтого цвета (ил. 36, 94), половинка одночастной желтой «лимонки», одночастная золотостеклянная и четырехчастная серебростеклянная бусы, 3 экземпляра рубленого бисера (желтых – 2, синих – 1), половинка боченкообразной красно-коричневой бусины (III группа, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 72–73); 4 обломка стеклянных браслетов: гладкого круглого (2), трехгранного и крученого из зеленого, бирюзового, желтого и коричневого цветов; фрагмент перстня слабо-фиолетового цвета, осколок стенки сосуда из прозрачного желтоватого стекла, резной роговой нательный крест с изображением креста на Голгофе (рис. 93, 1), датируемый по аналогиям XV–началом XVI в. (Колчин и др., 1985. № 176; Латшин, 2017. С. 285, рис. 1, 3; Седова, 1997. С. 69, рис. 13, 4), правая таранная кость козы/овцы¹⁰ с отверстием (рис. 93, 6) – игральная кость или привеска-амулет (Дорофеева, 2015. С. 215), два целых пряслица из мергеля (рис. 95, 17, 19), а также обломки 3 керамических (биконического и

¹⁰ Здесь и далее определение костей выполнено сотрудником ИИМК РАН А. К. Каспаровым.

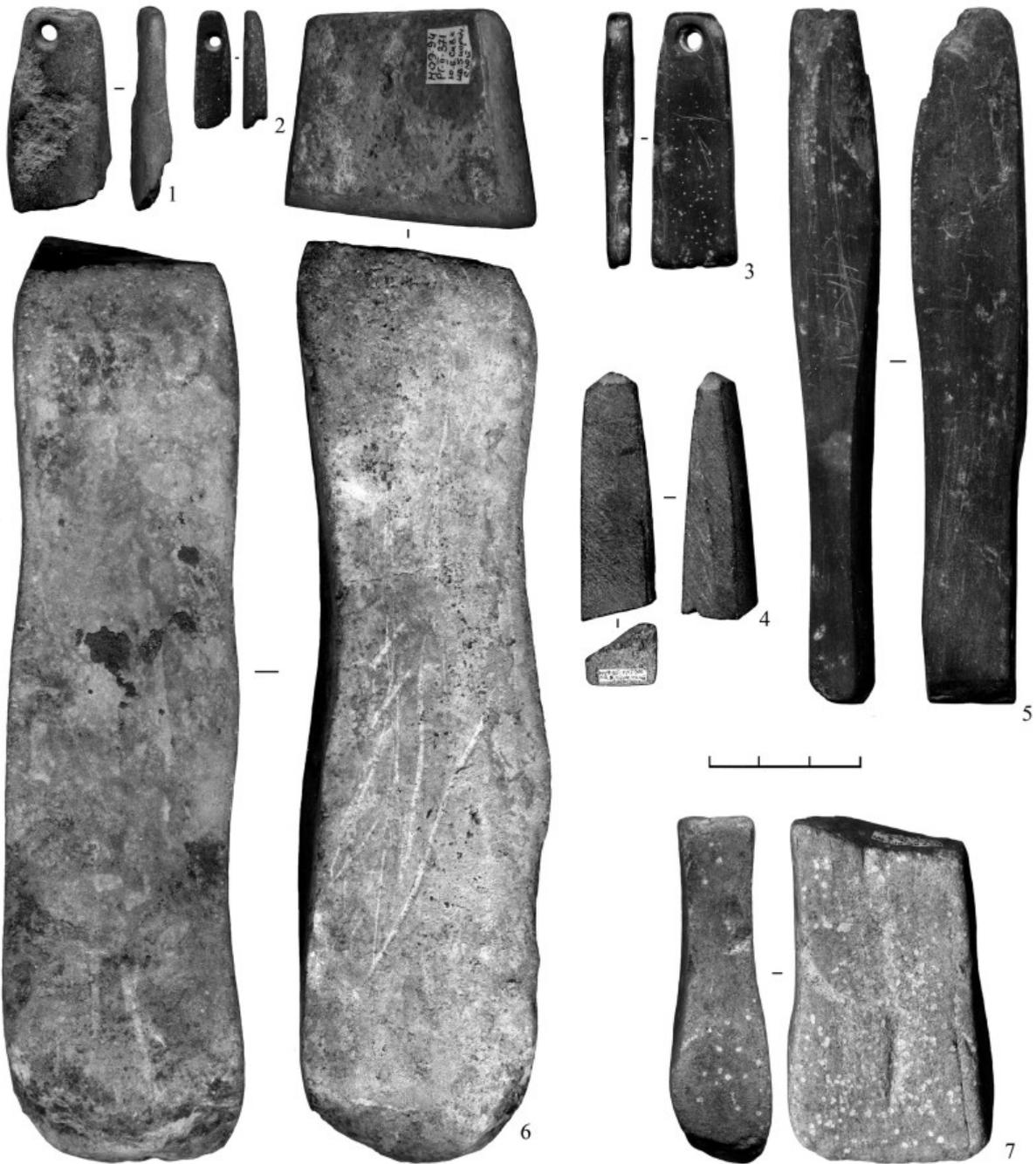

Рис. 97. Точильные камни из раскопа II на южном берегу Сиверсова канала

двух округлых), фрагменты 2 сланцевых оселков, 2 осколка кремня с ретушью и железные гвозди.

В кв. 11 исследована подчетыреугольная в плане яма размерами 0,76 × 0,98 м с крутыми стенками и плоским полом глубиной 0,24 м. Заполнение – светло-серый гумус, в котором встречены камни, средневековая гончарная керамика, а также навитая желтая бисерина и осколок стеклянного предмета.

В кв. 11 и 13 разобрана овальная в плане яма размерами 0,88 × 1,36 м с пологими стенками и вогнутым дном глубиной до 0,28 м. Заполнение –

светло-серый гумус и белесый песок. Кроме средневековой гончарной керамики в этом комплексе найдены печать князя Всеволода Юрьевича (1222, 1224 гг.) (Янин, Гайдуков, 1998. № 211–5) и часть ледоходного шипа.

В южной части кв. 11, 13 и 15 зафиксирована нижняя часть основания сооружения. Его большая часть уходит в южную и восточную стенки раскопа. Вскрытая часть имеет размеры 1,24 × 4,74 м, глубину – 0,26 м. Заполнение – светло-серый гумус, в котором найдены камни и позднегончарная кера-

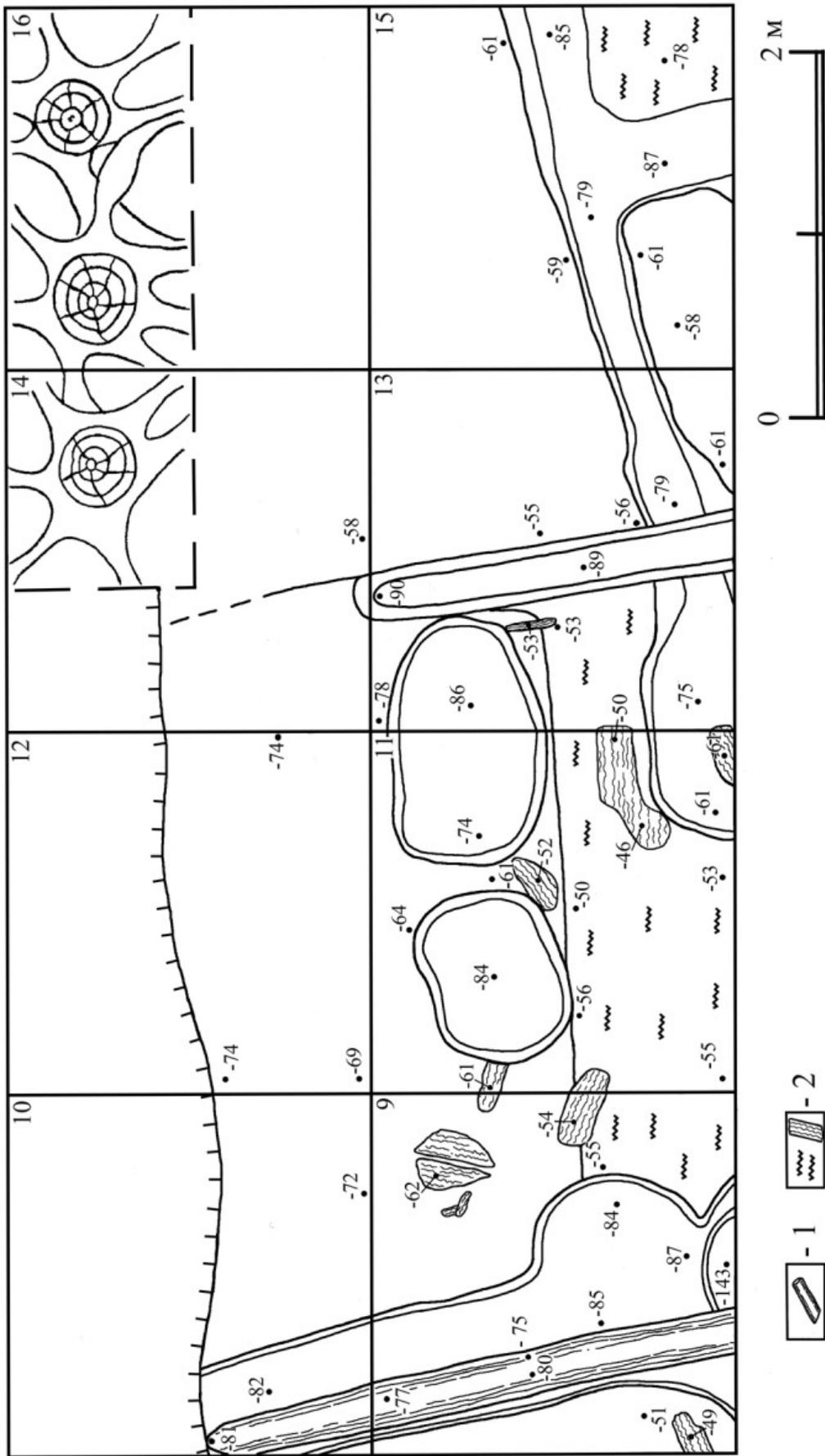

Рис. 98. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. План средневековых комплексов в черном слое.
Условные обозначения: 1 – бревно; 2 – древесный глен, доски и бревна в виде глена

мика. Среди вещевых находок представлены предметы из медного сплава: подтреугольная накладка с колечком (рис. 87, 27), спиралька диаметром 0,65 см (рис. 87, 3); 12 стеклянных бусин: 3 зонные бусины (прозрачных желтых – 2, зеленых – 1), округлая эллипсоидная черного цвета, оплавленная непрозрачная красно-коричневая бусина с накладными нитями, образующими петлевидный декор, 3 одночастные «лимоновидные» из желтого (2) и синего (1) цветов, две одночастные золото- и серебростеклянные бусины (ил. 36, 58), а также один экземпляр рубленого бисера синего цвета; обломки 5 стеклянных браслетов (3 круглых гладких и 2 крученых зеленоватого (2), желтого (1) и коричневого (2) цветов, причем 2 перевиты желтой нитью), осколок перстня из фиолетового стекла, венчик сосуда из высококачественного коричневого прозрачного стекла, декорированного белыми накладными нитями (ил. 4, 38), явно являющегося продуктом зарубежных мастерских, мозаичный модуль из желтоватого прозрачного стекла с золотой прокладкой размерами 0,65 × 0,50 × 0,65 см (ил. 4, 43), часть орнаментированной костяной накладки на нож (рис. 93, 9), мелкий обломок роговой накладки на наборный гребень (?) (рис. 92, 5), обломок сланцевого оселка, часть глиняной льячки, а также фрагмент железной пластины с заостренным и завернутым в трубочку концом (часть хомутика?) (рис. 89, 12).

Кроме этих комплексов в кв. 9–14 было отмечено основание еще одного сооружения. Точные его размеры установить не удалось, поскольку северная часть разрушена каналом, южная уходит под южную стенку раскопа, а западная (в кв. 9, 10) разрушена описанным выше более поздним комплексом. Ширина этой постройки не менее 4 м. Ее восточную границу отмечает вытянутая канавка размерами 0,3 × 2,1 м и глубиной до 0,34 м. Северная часть комплекса в кв. 9–14 была впущена в черный слой на 0,16–0,4 м. Заполнение этой углубленной части сооружения – темно-серый гумус с включениями камней и обломков кирпича. В северо-западном углу кв. 13 зафиксировано скопление камней и глины. По дну постройки, на участках, не затронутых перекопами, сохранилась тонкая прослойка древесного тлена, залегающая по черному слою. При разборке заполнения комплекса найдены кости животных и большое количество гончарной керамики, в основном конца XII–XIII в. (рис. 99), в том числе обломок амфоры. В сооружении встречены обломанный и целый нож (рис. 90, 1), железный язычок от пряжки (рис. 89, 8), несколько предметов из медных сплавов: булавка с кольцевидной подвижной головкой

(рис. 88, 28), датирующаяся по новгородским материалам 1116–1281 гг. (Лесман, 1990. С. 74), крест с шаровидными завершениями лопастей («крест с пухлыми концами») (рис. 87, 13), бытовавший в XI–XII вв. (Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 103, 22)¹¹, небольшой обломок подковообразной фибулы с многогранными пирамидальными головками (рис. 88, 23), 20 стеклянных бусин: 4 зонные бусины (прозрачных желтых – 2, фиолетовых – 1, зеленых – 1), боченкообразная непрозрачная красно-коричневая бусина, декорированная петлевидным декором, образуемым белыми нитями (ил. 36, 92), одночастная «лимоновидная» из бесцветного стекла, четырехчастная желтая пронизка (ил. 36, 57), три одночастных золотостеклянные «лимонки», трехчастная серебростеклянная пронизка, семь экземпляров рубленого бисера (зеленых – 5, желтых – 1, синих – 1), зонная белая непрозрачная бусина, украшенная волнистой полосой красно-коричневого цвета (ил. 36, 65; первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 75; тип B011, по Ю. Кальмеру – Callmer, 1977. Pl. I, B011); фрагмент гладкого круглого браслета из зеленоватого стекла, маленький обломок венчика сосуда из прозрачного желтоватого стекла, цельный двусторонний орнаментированный гребень с частым и редким зубом типа М, по Б. А. Колчину (рис. 92, 9), датируемый по Новгороду концом X–началом XIII в. (Колчин, 1982. С. 166), костяная проколка из метоподия крупного рогатого скота (рис. 94, 9), обломки 2 сланцевых оселков, биконическое пряслице из мергеля (рис. 95, 18), 3 обломка керамических грузиков для веретена, в том числе одного биконического (рис. 95, 3), и часть льячки (рис. 96, 4).

Кроме перечисленных предметов из комплекса происходят 2 уникальные находки: биконическое пряслице, выполненное из желтого прозрачного стекла (ил. 37, 3), аналогии которому нам не известны, и отлитая из олова¹² подвеска (рис. 87, 30)¹³. Последняя представляет собой предмет пирамидальной формы со сторонами 1,1 × 1,6 см в основании и высотой около 2 см. Возможно, первоначально

¹¹ В Новгороде похожие кресты встречены в слоях конца XI–середины XII в. (Седова, 1981. С. 52, рис. 16: 10). По наблюдениям А. Е. Мусина, кресты с шариками на концах в Новгородской земле происходят из погребальных комплексов, датировка которых «не выходит за пределы XII в., хотя некоторое количество должно быть отнесено ко второй половине этого столетия или даже к началу XIII в.» (Мусин, 2002. С. 180).

¹² Sn > 98 %, Fe < 1 %, Zn < 0,4 %, Cu < 0,3 %, Mn – следы.

¹³ Похожая находка происходит из темно-серого слоя в раскопе 2008 г.

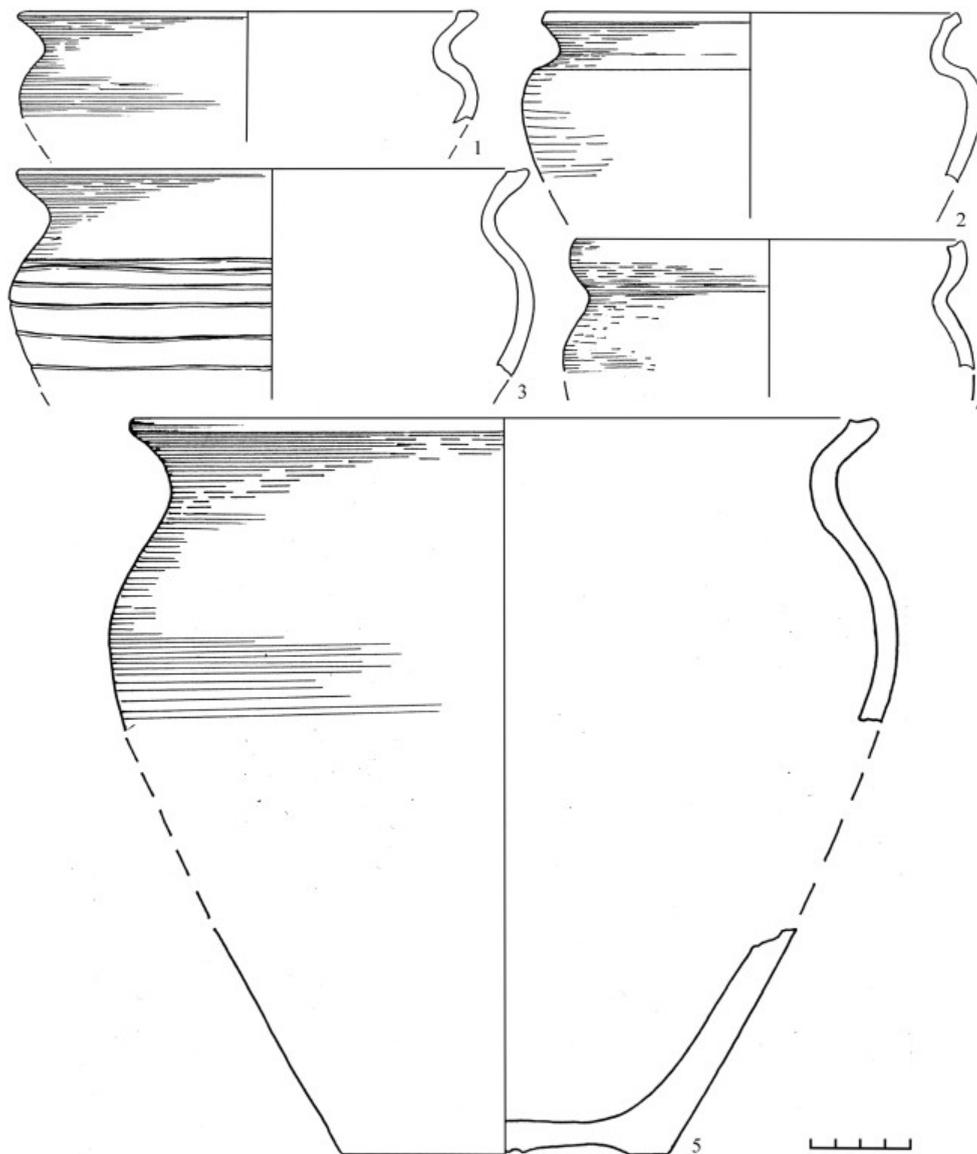

Рис. 99. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Гончарная керамика из заполнения сооружения в кв. 9–14, углубленного в черный культурный слой

чальные размеры несколько изменились вследствие пребывания в огне, от чего образовалось отверстие на одной из сторон изделия. В верхней части имеется ушко, в котором сохранился остаток колечка. Снизу у подвески расположено 4 полукруглых ушка. Поверхность украшена рельефным орнаментом, выполненным ложной зернью и сканью. Данный предмет является частью своеобразных подвесных украшений к головному убору, состоящих из нескольких основных деталей – кольца или петли для крепления к головному убору, каплевидной или колоколовидной основы изделия и прикрепленных к ней цепочек. В археологической литературе за этим видом украшений закрепился термин «рясна» (Рябцева, 2010)¹⁴. Такой ювелирный убор встречен на

территории Восточной Европы, а также в Венгрии, Румынии и Сербии. Довольно большое количество находок целых рясен и их деталей происходит с древнерусских памятников, датирующихся второй четвертью XII–первой половиной XIII в. (Жилина, 1994). В частности, 5 фрагментов височного украшения этого типа, выполненных из золота, найдено при раскопках в Новгороде в отложениях второй четверти XII–середины XIII в. (Седова, 1981. С. 17–18). Очевидно, подвеска с Городища является более дешевым подражанием известным к настоящему времени с территории Древней Руси изделиям. Наиболее близкая аналогия ей происходит из случайных находок в Чернигове. Однако та подвеска изготовлена из золота и декорирована «пастовыми вставками и нитями жемчуга» (Рябцева, 2010. С. 81, 84, рис. 2, 3).

¹⁴ Благодарю С. С. Рябцеву за консультацию.

В слое черного гумуса дерево сохраняется плохо. В основном прослеживаются лишь полосы древесного тлена, которые позволяют установить направление отдельных бревен и плах (рис. 100, А).

В восточной части раскопа, в кв. 13–16, зафиксированы остатки бревен до 1,7 м длиной, которые лежали перпендикулярно друг другу. По-видимому, это остатки срубной постройки. Сооружение было ориентировано по сторонам света. В восточной части кв. 15 и 16 было зафиксировано скопление камней, многие из которых имели следы пребывания в огне, – вероятно, остатки печи-каменки¹⁵. При расчистке бревен были найдены сильно коррозированные фрагменты скорлупообразной фибулы (рис. 101, I).

В западной части раскопа почти всю толщину черного слоя занимают остатки деревянного срубного дома (рис. 100, А, Б), северная часть которого была разрушена каналом, а южная уходит под стенку раскопа. Остатки 2 бревен этой постройки были отмечены в верхней части отложений черного слоя в кв. 3 и 7. Западное бревно диаметром 0,2 м заходило на раскоп на 2 м, а восточное диаметром 0,18 м имело только 1,24 м в длину, поскольку его южная часть была уничтожена позднесредневековой ямой¹⁶. Между этими бревнами открыт развал обожженных камней. Основная их масса занимала площадь 1,6 × 3,4 м. Между камнями было отмечено пятно крупнозернистого песка. При расчистке развала камней были отмечены древесный тлен, небольшие плашки, куски обожженной и необожженной глины. В результате разборки камней и песка были выявлены остатки печи-каменки (рис. 100, В, Г). Ее основанием служили слои светлого и темно-серого суглинка толщиной около 0,15 м, зафиксированные на площади диаметром 1,4 м (частично они уходили в южную стенку раскопа). Они ограничены по краям крупными валунами, имеющими в поперечнике до 0,25 м (рис. 102). Над основанием отмечены прослойки угольков и белого крупнозернистого песка общей мощностью до 0,14 см – под печи. От ее стенок и свода остался только развал обожженного

¹⁵ Следует отметить, что остатки этой постройки очень похожи на сруб, зафиксированный в черном слое на площади раскопа 1975 г., расположенном на южном берегу Сиверсова канала (см.: Носов, 1990. С. 40, рис. 8, I).

¹⁶ В этой яме найдены два экземпляра рубленого бисера из зеленого стекла (ил. 36, 15), обломок глиняного овального грузила, часть сланцевого оселка с отверстием для подвешивания (рис. 97, 3), а также обломок стенки сосуда из качественного желтовато-зеленоватого стекла, декорированного нитью прозрачного того же цвета (ил. 4, 41). Венчик от этого же сосуда был встречен в вышележащем слое светло-серого гумуса.

камня. Устье печи было, по-видимому, ориентировано на север. При разборке камней и печи были найдены 3 фрагмента раннегончарной и 133 лепной керамики, зубчик рогового гребня, линзовидное глиняное пряслице (рис. 95, б), часть дисковидного пряслица из известняка (рис. 95, 16), 26 стеклянных: одна навитая бисерина синего цвета, 23 экземпляра рубленого бисера (желтых – 10; ил. 36, 3, синих – 8, белых – 2; ил. 36, 2, зеленых – 1, черных – 1, бесцветных – 1), цилиндрическая зеленая пронизка (ил. 36, 19), боченкообразная из красно-коричневого стекла (ил. 36, 88; III группа, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 73–74), половинка навитой бусины из желтого заглуженного стекла (ил. 36, 36); а также 3 каменных бусины (четырнадцатигранная (ил. 36, 114) и часть сложногогранной¹⁷ (ил. 36, 117) из сердолика, битрапециодная с граненым пояском из хрустала (ил. 36, 131)). В Старой Ладоге битрапециодные (шаровидные гранчатые) хрустальные бусы отмечены с горизонта E_{1/2}–E₂ (840–880-е гг.) (Рябинин, 1995. С. 58). В Новгороде встречено 4 экземпляра таких бус в отложениях ранее середины XI в. (Полубояринова, 1994. С. 77, рис. 1, 9). При разборке камней был также найден фрагмент гладкого круглого браслета из коричневого стекла, который, очевидно, так же как и обломки развитой средневековой керамики, попал из вышележащего слоя.

Открытая печь-каменка находилась в юго-западном углу деревянного срубного дома, ориентированного по сторонам света с незначительным отклонением к западу (рис. 103, Б). Были зафиксированы части нижних бревен (диаметр 0,24–0,26 м) западной и восточной стен постройки на длину 3,22 и 3,34 м соответственно. Ширина постройки – 5 м. Внутри дома между стен прослежен пол (рис. 104) из положенных вплотную друг к другу досок длиной 4,5 м и шириной 0,25–0,4 м. Наибольшая отмеченная их толщина 0,04 м. Доски находились на 4 лагах, уложенных прямо на землю. Пол был перекрыт прослойкой светло-серой глины с белесым суглинком толщиной 0,04–0,08 м, поверх которой сохранились древесный тлен и небольшие куски досок. Очевидно, в процессе эксплуатации дома была осознана необходимость его теплоизоляции,

¹⁷ Бус подобной формы не отмечено в материалах Старой Ладоги и Новгорода (Давидан, 1998; Полубояринова, 1994). В Верхнем Прикамье похожие бусы (тип 169) датируются XI–XII вв. (Голдина, Королева, 1983. С. 64, вклейка № 169). По данным М. Д. Полубояриновой, 4 экземпляра похожих (напускные граненые), но орнаментированных бус найдены на Болгарском городище в слое XIV в. (Полубояринова, 1991. С. 32, рис. 1, 24).

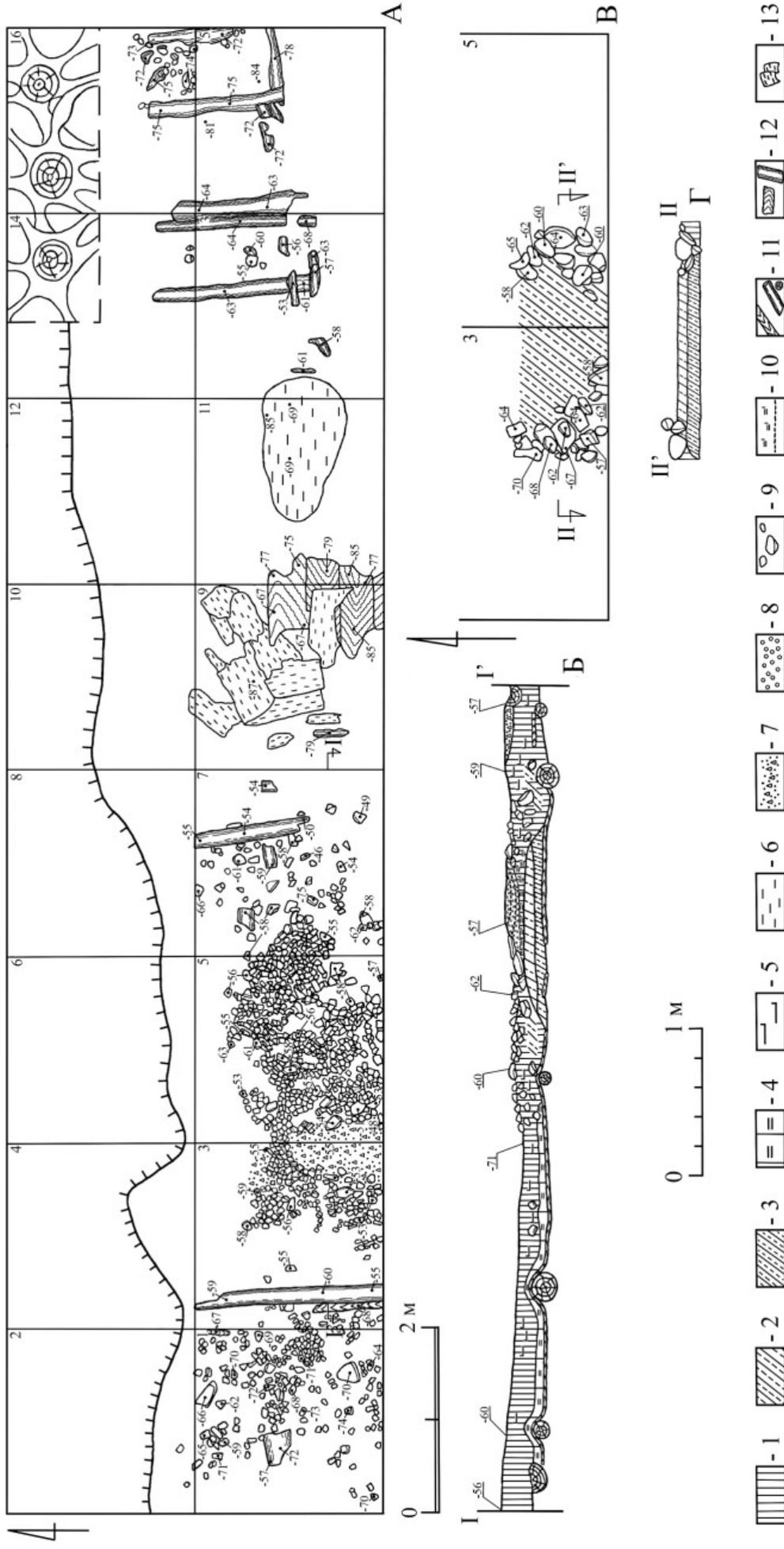

Рис. 100. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. А – план раннесредневековых сооружений на уровне черного гумусированного слоя; Б – разрез постройки из черного гумусированного слоя; В, Г – план и разрез основания печи-каменки. Условные обозначения: 1 – черный гумус; 2 – светло-серый суглинок; 3 – темно-серый суглинок; 4 – светло-серая глина с белесым суглинком; 5 – коричневая глина; 6 – глина; 7 – крупный светло-коричневый гумусированный песок; 8 – белесый песок; 9 – камни; 10 – угли и углистая прослойка; 11 – доски и бревна; 12 – доски и бревна в виде глена; 13 – береста

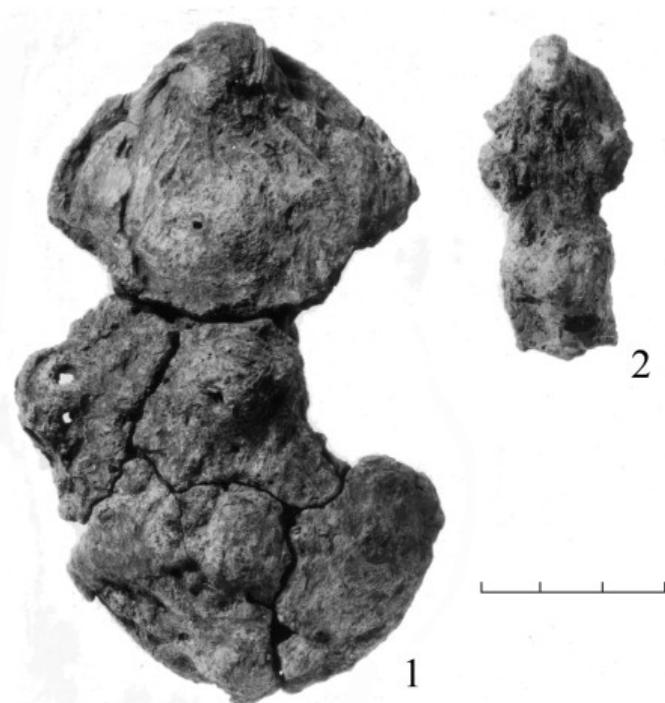

Рис. 101. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала.
Скорлупообразная и равноплечная фибулы

для чего на первоначальный пол был насыпан и утрамбован глинистый материал, а поверх образовавшегося глиняного замка настлан новый пол. Случаи «глиняной подмазки» под деревянным полом жилищ в древнерусских городах в XII–XIII вв. отмечены П. А. Раппопортом (*Раппопорт*, 1975. С. 129; *Раппопорт и др.*, 1985. С. 140). В частности, такой строительный прием фиксировался при раскопках в Новгороде (*Константинова*, 1959. С. 112; *Строков и др.*, 1939. С. 14). При расчистке пола на уровне глиняной подсыпки были зафиксированы места 3 столбов. В деревянном настиле для них были сделаны отверстия, представляющие собой в плане ромбы со сторонами 0,22 и 0,26 м. Основания ям находились на 0,13–0,20 м ниже уровня пола. Столбы располагались в линию между западной и восточной стенами, по-видимому, в центре дома. Расположение ямок и их форма свидетельствуют о том, что стоявшие в них столбы одновременны сооружению дома. Видимо, они являлись элементами несущих конструкций постройки. Следует отметить, что ямы под массивные столбы, расположенные вдоль северо-западной стены постройки, зафиксированы в раскопе 1979 г. на южном берегу Сиверсова канала (*Носов*, 1990. С. 44, рис. 9, II). Наличие столбов во внутреннем пространстве ладожских домов Ю. П. Спегальский объяснял многовековой традицией строить обширные жилища со сравнительно непрочными стенами и тяжелыми крышами с дерново-земляной засыпкой (*Спегальский*, 1972. С. 21–23).

Основание дома находилось на уровне верхней поверхности отложений темно-коричневого гумуса. По-видимому, конструктивно с постройкой связано еловое бревно диаметром 0,16–0,18 м, расчищенное у ее восточной стены. Длина бревна в пределах раскопа 3,34 м. Оно залегало в верхней части темно-коричневого слоя на песчаной подсыпке с включениями мелких кальцинированных костей и отдельных угольков. С восточной стороны его закрепляли четыре кола. Не очень понятно, для чего была предназначена эта конструкция. Она не может служить в качестве крепежа завалинки, поскольку с противоположной стороны дома аналогичного бревна не отмечено. Возможно, данная конструкция ограничивала небольшую нивелировочную подсыпку под восточную часть дома. Если это так, то подсыпка была выполнена из накопившегося к этому времени культурного слоя. Со временем возведенный без каких-либо опорных фундаментных конструкций дом просел во влажный рыхлый слой темно-коричневого гумуса, что видно в профиле стенки раскопа (рис. 86).

Вход в дом, очевидно, находился с восточной стороны. Об этом говорят как расположение досок пола, который обычно настилался от двери к передней стене, «по ходу» (*Бломквист*, 1956. С. 77–78; *Засурцев*, 1963. С. 23), так и ведущие к дому мостки. Последние были открыты при исследовании верхней части слоя темно-коричневого гумуса. Мостки состоят из трех параллельно лежащих по направлению юго-запад – северо-восток досок (рис. 103, Б; 105). Их ширина – 0,25–0,34 м, толщина 6,5–8,5 см. Длина вскрытой части досок составляет от 2,44 м до 6,96 м. В нескольких местах были зафиксированы колы, закрепляющие их на месте. В нижней части черного слоя в кв. 9 и 11 были отмечены остатки вымостки размерами 1,0 × 1,24 из досок, имеющих ширину 0,34–0,4 м. Возможно, эта конструкция также является частью мостков, сооруженных для подхода к дому несколько позднее, чем первые.

Со строительством постройки, видимо, связаны встреченные в кв. 9 в верхней части темно-коричневого слоя (рис. 106) большое скопление значительных кусков бересты и заготовка «курицы» (сосна диаметром 0,15–0,18 м, длина вскрытой части 3,8 м). Последняя указывает на то, что крыша дома, скорее всего, представляла собой двускатную конструкцию «на самцах». Зафиксированные в нижней части черного слоя того же квадрата крупные листы бересты, возможно, являются следами ремонта покрытия здания.

Следует отметить, что описанное сооружение впервые было обнаружено в шурфе, заложенном

Рис. 102. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Основание печи-каменки в кв. 3 и 5.
Вид с северо-востока

М. В. Шориным в 1983 г. (Носов, 1990. С. 47; Шорин, 1983. С. 7, рис. 8)¹⁸. В этот шурф попала центральная часть дома (рис. 103, А, Б). На площади немногим более 4 кв. м исследователь зафиксировал лежащую на двух лагах «дощатую вымостку», уходившую под стенки шурфа. Разбирать ее он не стал, а с одной из лаг сделал спил для дендрохронологического анализа. Проведенное А. Ф. Урьевой в лаборатории ИА АН СССР изучение данного образца дерева показало, что оно было срублено в 900 г.

В 1994–1995 гг. было взято несколько спилов с бревна, расчищенного у восточной стены постройки (образцы №1994–2, 1995–1), а также с одной из лаг (№1994–1а и 1б). Их изучение, выполненное в лаборатории дендрохронологии Новгородского государственного объединенного музея-заповедника О. А. Тарабардиной с использованием современных компьютерных программ, продемонстрировало очень низкие коэффициенты сходства с эталонными новгородскими шкалами, что часто бывает с еловыми образцами. Убедительных датировок получить не удалось. При этом сравнение графиков показало, что спилы, взятые с лаги постройки (№1994–1а и 1б), аналогичны образцу М. В. Шорина, который традиционным визуальным способом был датиро-

ван 900 г. Все три образца (№ 83–1, 94–1, 94–1б) являются частью одного елового ствола¹⁹.

При разборке заполнения постройки были найдены 2 обломка раннегончарной (рис. 107, 3) и 147 лепной посуды, несколько кусков глиняной обмазки, а также многочисленные индивидуальные находки. Особо следует отметить фрагментированный большой роговой односторонний наборный гребень с накладками (шир. – 2,2 см, толщ. – 0,41 см), которые орнаментированы 2 бороздками по верхнему и нижнему краям и 2 группами вертикальных линий по ее концам (рис. 92, 1). Гребень относится к типу Ів, по классификации О. И. Давидан. В Старой Ладoge такие изделия встречены в горизонтах Е_{3.1} – Д и датируются ІХ–Х вв. (Давидан, 1968. С. 56–57; 1999. С. 168, 172). К. Амбросиани выделила похожие гребни в тип АІ, который бытовал на протяжении всего времени существования Бирки (Ambrosiani, 1984). Из заполнения дома, кроме этого почти целого экземпляра, происходят краевая зубчатая пластина другого гребня первой группы, по О. И. Давидан (рис. 92, 2), проколка из грифельной кости лошади (рис. 94, 4), несколько железных вещей: язычок от пряжки (рис. 89, 9), ледоходный шип (рис. 91, 10), ладейная заклепка, скобка (?) (рис. 89, 4), свинцовое пряслице бочен-

¹⁸ Привязка шурфа к раскопу 1994 г. показала, что за 11 лет водами канала было смыто более 1,5 м берега.

¹⁹ Благодарю О. А. Тарабардину за консультацию.

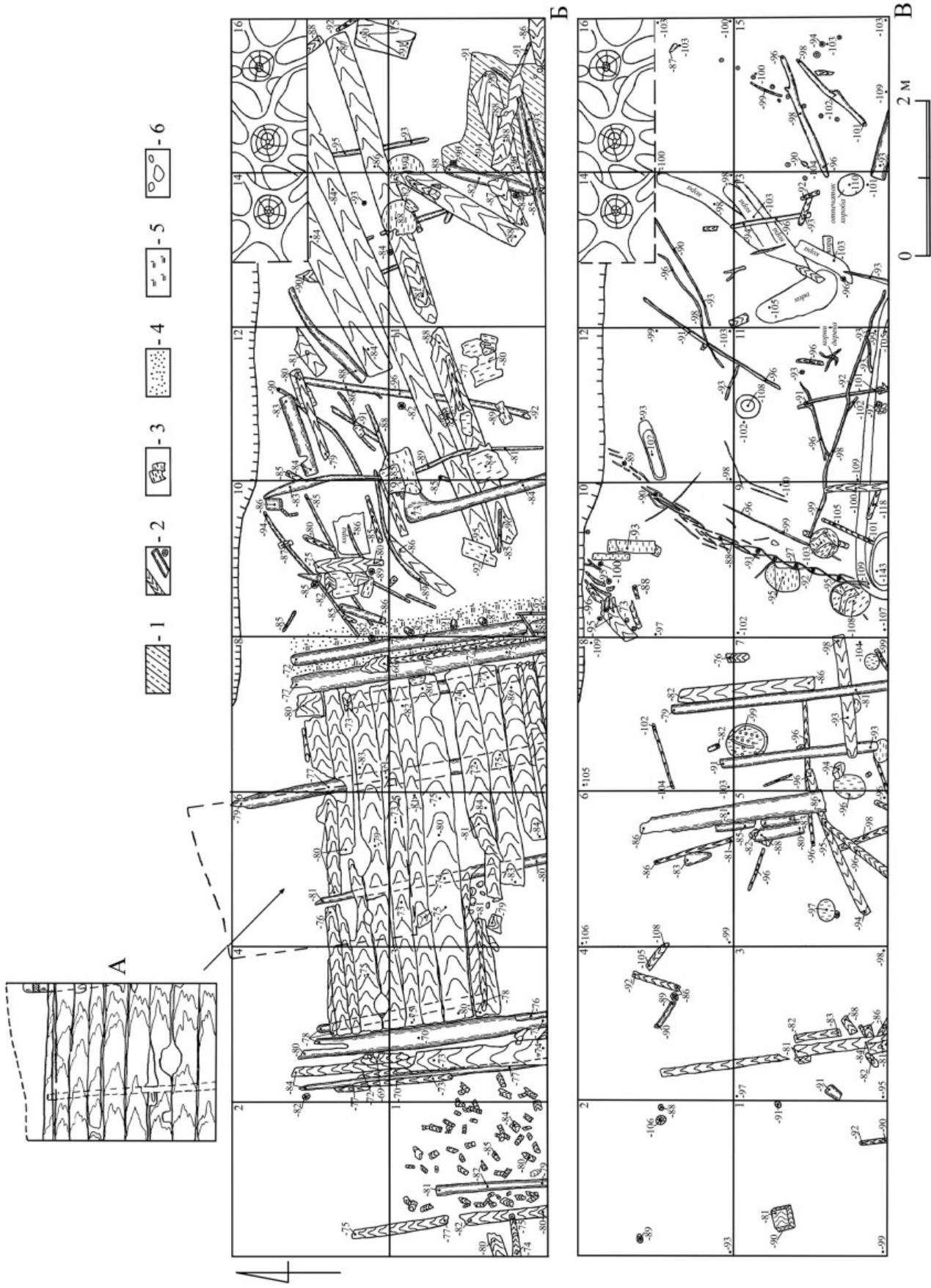

Рис. 103. Раскол II на южном берегу Сиверсова канала. А – план шурфа М. В. Шорина 1983 г. на уровне настила; Б – план на уровне верхней части темно-коричневого слоя; В – план на уровне нижней части темно-коричневого слоя. Условные обозначения: 1 – серо-желтый суглинок; 2 – доски и бревна; 3 – брусчатка; 4 – песок; 5 – щебень; 6 – камни

Рис. 104. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала.
Остатки постройки в нижней части черного слоя в кв. 3–8. Вид с востока

Рис. 105. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала.
Деревянные мостки к дому в верхней части темно-коричневого слоя. Вид с запада

Рис. 106. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. «Журица» в кв. 9. Вид с севера

кообразной формы (рис. 88, 21), маленький свинцовый предмет в виде уплощенного цилиндра диаметром 0,7 см и высотой 0,38 см – гирька (рис. 87, 26), плоский слиток свинца (рис. 88, 10), кремневый наконечник стрелы (рис. 96, 1), часть крупного глиняного грузила боченкообразной формы (рис. 96, 10), обломки 2 стеклянных гладких круглых браслетов из зеленого стекла, а также 55 стеклянных бусин: 44 экземпляра рубленого бисера (синих – 21; желтых – 17; ил. 36, 4, зеленых – 4, белых – 2), одночастная серебrostеклянная «лимонка», мелкий обломок зеленой прозрачной бусины, украшенный рельефными желтыми нитями (ил. 36, 80; вторая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 77, рис. 3, 43)²⁰, часть цилиндрической белой непрозрачной бусины, декорированной тремя прямыми красно-коричневыми линиями, между

²⁰ На Земляном городище Старой Ладogi подобная бусина происходит из слоя пожара середины X в. Аналогичное украшение встречено в пойменной части Гнездовского поселения. Исследователи относят эти изделия к украшению моравского происхождения. Основываясь на находке из Старой Ладogi, Я. В. Френкель принимает «950-е гг. как верхнюю дату бытования таких бус на древнерусских памятниках» (Френкель, 2007. С. 82, 95–96, 108–109, рис. 12, 44).

которыми помещены волнистые полоски желтого цвета (ил. 36, 76, первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 75; декор аналогичен типу B021, по Й. Каллмеру – Callmer, 1977. Pl. I, B021); и три каменные бусины (четырнадцатигранная, битрапециодная с граненым пояском из сердолика (ил. 36, 118) и четырнадцатигранная из горного хрусталя).

Следует отметить, что в Старой Ладoge достоверные находки свинцовых цилиндрических гирек связываются с горизонтом Д (930–990-е гг.) (Давидан, 1987. С. 119, 125–126, рис. 1, 21–25). Не ранее этого же горизонта на Земляном городище встречены битрапециодные сердоликовые и четырнадцатигранные хрустальные бусы (Давидан, 1998. С. 123–124; Рябинин, 1995. С. 58).

На уровне глиняной прослойки, покрывавшей первоначальный пол дома, была зафиксирована часть бусины в форме куба со срезанными углами из синего прозрачного стекла (ил. 36, 91, IX группа, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 90). На самом настиле было найдено восемь стеклянных бус: 6 экземпляров рубленого бисера (желтых – 4, белых – 1, синих – 1), половинка зонной желтой непрозрачной бусины, украшенной двумя пере-

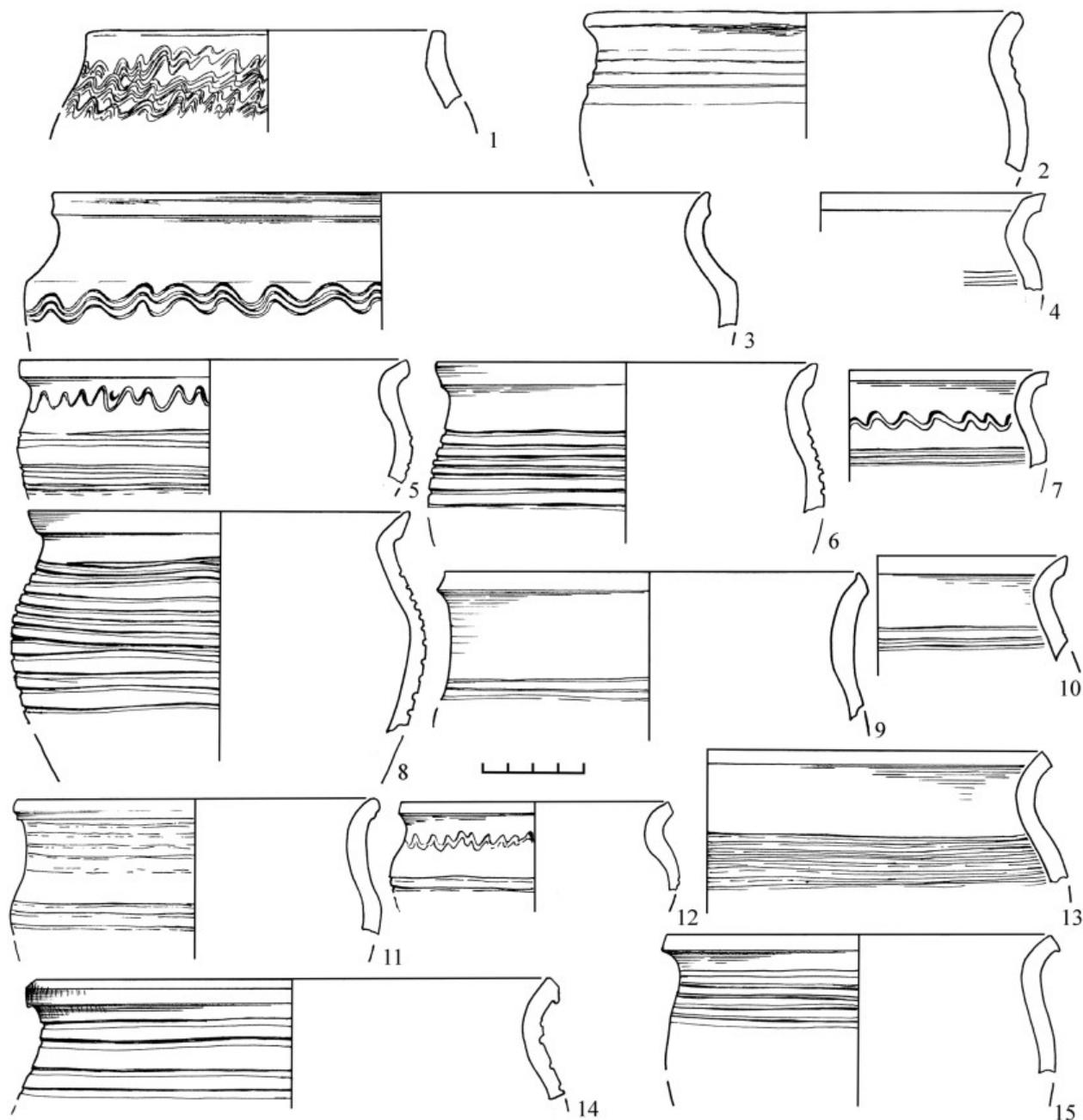

Рис. 107. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Раннегончарная керамика из темно-коричневого (1) и черного слоев (2, 4–15), а также разборки камней в кв. 5 (3)

секающимися волнистыми коричневыми полосками и мозаичными глазками (ил. 36, 86, первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Там же. С. 75, 77), а также зонная прозрачная зеленоватая бусина, декорированная белыми глазками с двумя красно-коричневыми полосками (ил. 36, 69; вторая подгруппа IV типа, по З. А. Львовой – Там же. С. 78; тип B558, по Ю. Каллмеру – *Callmer*, 1977. Pl. 13, B558); круглая плоская бусина из сердолика (ил. 36, 120), верхняя часть булавки из рога с отверстием в головке и заполированным стержнем, орнаментированным насечками (рис. 93, 3). Круглые плоские

сердоликовые бусы известны на Земляном городище Старой Ладogi только в горизонте Д (*Давидан*, 1998. С. 123–124; *Рябинин*, 1995. С. 58).

В столбовой ямке на уровне пола найдена цилиндрическая белая непрозрачная бусина с мозаичными глазками и двумя пересекающимися волнистыми красно-коричневыми полосками (ил. 36, 79; первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 75; тип B039, по Й. Каллмеру – *Callmer*, 1977. Pl. I, B039). При разборке настила отмечен обломок боченкообразной красно-коричневой бусины (III группа, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 72–73).

В темно-коричневом слое непосредственно под полом обнаружено 34 стеклянные бусины: 31 экземпляр рубленого бисера (синих – 17, желтых – 11, белых – 2, бесцветных – 1), одно- и двухчастные серебростеклянные бусы, а также цилиндрическая белая непрозрачная бусина, декорированная по краям красными нитями, между которыми расположена волнистая коричневая полоска (ил. 36, 78; первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Там же. С. 75; тип B021, по Ю. Кальмеру – *Callmer*, 1977. Pl. I, B021); верхняя часть булавки из рога с ушком и заполированным орнаментированным стержнем круглого сечения (рис. 93, 2), круглый сегментовидный в сечении свинцовый предмет диаметром 1,3 см и толщиной 0,35 см (весовая гирька?) (рис. 87, 24), пластинчатый литой из свинцово-оловянистого сплава²¹ браслет с сужающимися округлыми концами, украшенный рельефным орнаментом (рис. 88, 17)²², и кожаная двухдетальная мягкая туфля (рис. 108)²³.

В нижней части черного слоя кв. 3 и 4 были отмечены лежащие вдоль западной стены постройки доски длиной до 1,98, а также бревно диаметром 0,1 м и длиной свыше 3,16 м. При разборке слоя между ними и бревном дома зафиксированы желтая рубленая бисерина (ил. 36, 14) и четырнадцатигранная хрустальная бусина (ил. 36, 126). Западнее был прослежен ряд тонких прослоек крупного белесого песка, скопление обожженных камней, отдельные беспорядочно лежащие плашки, доски (длиной до 1,24 м) и бревно диаметром 0,12 м и длиной не менее 1,4 м. Восточнее дома в кв. 11, 13 на том же уровне зафиксировано пятно глины размерами 0,84 × 1,55 м и толщиной до 0,08 м.

При исследовании ненарушенного черного слоя найдены кости животных и рыб, скорлупа лесного ореха, полтора десятка кусков глиняной обмазки, в том числе с отпечатками соломы, рваного камня и доски²⁴, а также 1123 обломка лепной и 199 фрагментов раннегончарной посуды²⁵ (рис. 107, 2, 4–15).

²¹ Sn=69–70 %, Pb=28–29 %, Ag < 0,5 % Fe < 0,5 %, Cu < 0,3 %, Zn – следы.

²² Следует упомянуть, что в шурфе М. В. Шорина при разборке темно-коричневого слоя рядом с полом постройки было найдено кольцо кольцевидной булавки, украшенное орнаментом в стиле Борре (*Носов*, 1990. С. 47, 159, рис. 41, 1; *Носов*, *Хвоцинская*, 2004. С. 229, 231, рис. 1, 2).

²³ Подробнее о ней см.: *Курбатов*, 1997. С. 120, 122, рис. 5; 2007. С. 93, 99, 129–130, рис. 14.

²⁴ Они зафиксированы в кв. 1 и 3.

²⁵ Если считать количество керамики вместе со встреченными при разборке постройки, то общее число черепков лепной и раннегончарной посуды составит 1340 и 205 соответственно.

Последних в восточной части раскопа найдено существенно больше, чем в западной, – 156 и 49 соответственно. Полное доминирование черепков посуды, сделанной без помощи гончарного круга, на участке, занятом остатками дома, позволяет датировать ее первой половиной X в., возможно, второй его четвертью. По наблюдениям В. М. Горюновой, набор типов, встреченных в раскопе 1995 г., «не отличается разнообразием: варианты I-A и I-B», по типологии раннегончарной посуды Рюрикова городища, «причем сосуды последнего варианта превышают количество первого в три раза» (*Горюнова*, 2005. С. 93). Это наблюдение позволяет отнести время функционирования постройки, остатки которой были выявлены в кв. 13–16, к 950–970-м гг. Среди лепных обломков особо следует отметить донце лепного сосуда с выдавленным крестом на внутренней его стороне²⁶.

Из числа разнообразных предметов, встреченных в черном слое, наибольший интерес представляет цельный роговой односторонний гребень, найденный в восточной части раскопа (ил. 37, 1). Он имеет высокую резную спинку, украшенную по бокам схематичными изображениями птичьих голов. В верхней части гребня частично сохранилось отверстие для подвешивания. Крупное овальное отверстие находится в центре спинки. Второй гребень того же типа происходит из мешанного культурного слоя (ил. 37, 2). У этого экземпляра обе стороны спинки украшены рельефным орнаментом, в котором можно увидеть орнитоморфные черты. Верхняя часть гребня обломана, и отверстие для подвешивания практически не сохранилось (*Носов*, *Хвоцинская*, 2007. С. 6–10)²⁷.

Зооморфные гребни считаются ярким проявлением финно-угорской средневековой художественной культуры. В конце I тыс. н. э. односторонние резные гребни со спинками, украшенными парными фигурами или головками животных (медведей, коней) и птиц (лебедей), были распространены на территории от Эстонии до Прикамья. К началу 2010-х гг., по подсчетам О. А. Кондратьевой, на территории Древней Руси было известно не менее 27 экземпляров таких гребней (в Старой Ладогге, на городищах Псковском, Камно, Сарском, Вщижском и др.), в том числе и одна заготовка (*Кондратьева*,

²⁶ Подробнее об этой находке, об аналогиях ей, а также о семантике крестообразных знаков см.: *Плохов*, *Семенов*, 2006; 2017.

²⁷ Подробное описание гребней см.: *Дорофеева*, 2015. С. 217.

Рис. 108. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Детали кожаной туфли

2011. С. 14–27)²⁸. При этом исследовательница отметила, что изделия, украшенные парными головками лебедей, в основном, встречены на памятниках прибалтийских финнов, тогда как гребни с изображениями коней и медведей найдены в восточнофинских районах (Кондратьева, 1981. С. 108; 2011. С. 27). Это наблюдение получило подтверждение в работах других ученых. По данным Х. Луйк, изучившей изделия из кости со средневековых памятников Эстонии, среди зооморфных гребней-подвесок, представленных на памятниках юго-востока и востока этой республики, подавляющее большинство (11 экз., причем есть и незавершенные) несут на спинке стилизованные изображения «длинношеих птиц или змей» (группа I), тогда как изделия, украшенные лошадиными головами (группа II), имеются только в двух экземплярах (Luik, 2005. Lk. 132–136). Таким образом, оба гребня с Городища, судя по характеру вырезанных стилизованных изображений, относятся к прибалтийско-финскому варианту гребней. Гребни с резными спинками обычно датируются в пределах IX–XI вв. О. А. Кондратьева считает, что датировку можно сузить до IX–X вв. (Кондратьева, 2011. С. 23)²⁹. Односторонние цельные резные гребни с зооморфным декором с Земляного городища Старой Ладogi

²⁸ По данным Н. Б. Крыласовой, к середине 2000-х гг. на территории Восточной Европы было известно 105 зооморфных роговых гребней, причем исследовательницей не учитывались гребни с орнитоморфными изображениями (Крыласова, 2007).

²⁹ Н. Б. Крыласова датирует зооморфные резные гребни в пределах с конца VIII по начало XI в. (Крыласова, 2007. С. 75–77).

происходят из горизонта Д (920–990-е гг.) (Давидан, 1962. С. 103). Еще одна находка, украшенная стилизованными изображениями головок коней, встреченная на Ладожском посаде, датируется серединой IX в. (Иванова, Иванова, 2012. С. 128).

В восточной половине раскопа было также обнаружено несколько скандинавских находок: «молоточек Тора» (рис. 89, 1)³⁰, часть равноплечной и фрагменты скорлупообразной фибул (рис. 101). Последняя была встречена при расчистке остатков бревен описанной выше постройки в кв. 13. К сожалению, обе фибулы сильно корродированы. Анализ этих находок И. Янссоном показал, что скорлупообразная фибула относится к редкому мальмбергскому варианту 51-го типа фибул, по классификации Я. Петерсена (Jansson, 1985. S. 79, fig. 68). До нашей находки подобные фибулы происходили только из Бирки (1 фрагм.), Упланда (1 пара) и Седерманланда (1 пара) в центральной Швеции, из Вест-Агдера (1 пара) и Рогаланда (1 пара) в южной Норвегии, а также из Каупа / Вискиаутена (1 пара) в Калининградской области. Фибулы мальмбергского варианта появились и производились в IX в. Анализ комплекса находок из Мальберга в Седерманланде показывает, что экземпляры подобных фибул могли использоваться (возможно, не изготавливаться) и в течение значительной части среднего эпохи викингов по скандинавской хронологии, т. е. в X в. Равноплечная фибула принадлежит к разнообразной группе подобных фибул с фигурками животных (группа IV, по Г.-Б. Огорд) (Aagård, 1984.

³⁰ О находках «молоточков Тора» на Рюриковом городище см.: Дорофеева, 2013. С. 200–206; 2016. С. 229–231.

S. 105–106, 108). Такие фибулы известны главным образом в Бирке и Упланде, а также Смоланде и Оланде, и более редко на остальной части Швеции. Отдельные экземпляры происходят из восточной Норвегии, с острова Борнхольм (Дания), из Померании в Польше и Гнёздова на Днестре. Великолепный экземпляр серебряной фибулы этого общего типа найден под Ельцом в верховьях Дона (*Спицын*, 1901). В захоронениях Швеции равноплечные фибулы рассматриваемого облика обычно встречаются совместно с овальными фибулами вариантов В и G 51 типа, по Я. Петерсену, т. е. они датируются первой половиной X в.

Из западной части раскопанного участка происходит часть бронзовой подковообразной фибулы с многогранными пирамидальными головками (рис. 88, 27). Дуга диаметром 5,8 см имеет сглаженное шестигранное сечение. Подобные изделия относятся к «интернациональным» типам украшений. Они широко представлены на памятниках эпохи викингов Древней Руси, Прибалтики, Финляндии и Скандинавии и в основном датируются IX–X вв. По состоянию на конец 1990-х гг. на Рюриковом городище было зафиксировано 13 находок аналогичных фибул (*Хвоцинская*, 1999. С. 40–42).

Кроме отмеченных выше находок из черного слоя происходят несколько предметов из медных сплавов: проволочное браслетообразное височное кольцо (рис. 88, 8), прямоугольная накладка с изображением лошади (рис. 87, 18), спиралька диаметром 0,45 см (рис. 87, 1); свинцовое пряслице сегментовидной формы (рис. 88, 12); из железа: обломки колечка, 2 ладейные заклепки (рис. 91, 7), лопасть пинцета (рис. 89, 6), ледоходный шип, фрагмент шила (?), гвоздь; ряд предметов из кости и рога: небольшой односторонний наборный гребень с узкими выпуклыми украшенными резным геометрическим орнаментом накладками (рис. 92, 3), относящийся ко второй группе, по О. И. Давидан, датируемой 930–1076 гг. (*Давидан*, 1962. С. 100–101; *Лесман*, 1984. С. 140), 3 обломка (2 от накладки – рис. 92, 4, 6, украшенной ромбическим узором из двойных линий, и один от зубчатой пластины – рис. 92, 8), возможно, принадлежащие одному гребню того же типа, двустороннее острие (рис. 93, 5), 5 прокол (2 из грифельной кости лошади – рис. 94, 3, 5; одна из дистальной части левой лучевой кости собаки – рис. 94, 10; одна из дистальной части правого заднего мезоподия молодой овцы – рис. 94, 8; одна из мезоподия крупного рогатого скота – рис. 94, 11), игла со сломанным ушком (рис. 94, 6), биконическое пряслице (рис. 93, 8), часть лосиного рога со следами обработки (рис. 94, 1); 3 обломка глиняных пряслиц (одного обто-

ченного, подлощеного боченкообразной формы – рис. 95, 4, двух биконических – рис. 95, 5), 2 фрагмента сланцевых оселков (рис. 97, 4), каменное грузило (рис. 96, 9), 110 стеклянных бусин: часть навитой цилиндрической прозрачной синей бусины (ил. 36, 34), непрозрачные желтая и зеленая зонные бусины, 81 экземпляр рубленого бисера (зеленых – 28; ил. 36, 5³¹, синих – 26; ил. 36, 16), желтых – 17, черных – 7; ил. 36, 8, бесцветных – 1, белых – 1, красно-коричневых – 1; ил. 36, 9), пять одночастных «лимоновидных» бусин (синих – 4, винно-красных – 1), 5 двухчастных желтых (3) (ил. 36, 54) и синих (2) пронизок, трехчастная синяя пронизка (ил. 36, 56), одночастная ребристая синяя прозрачная «лимонка» (ил. 36, 44), 7 одночастных золотостеклянных (3) и серебростеклянных (4) бусин, 3 двух-, трех- и пятичастных серебростеклянных пронизок (ил. 36, 61, 63), небольшой обломок синей бусины с синим глазком в белых и лиловом ободках (ил. 36, 81)³² и половинка боченкообразной темно-синей бусины, декорированной васильковыми глазками в белых ободках (ил. 36, 85; обе – II группа, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 70–72), половинка красно-коричневой боченкообразной бусины (III группа, по З. А. Львовой – Там же. С. 72–73), 2 «толстостенные кольцеобразные» молочно-белые непрозрачные бусины, украшенные красно-коричневой волнистой полосой (ил. 36, 66, 67; первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Там же. С. 75; тип B011, по Й. Каллмеру – *Callmer*, 1977. Pl. I, B011), цилиндрическая красно-коричневая бусина (ил. 36, 87), половинка зонной непрозрачной молочно-белого цвета (ил. 36, 75) (последние две также первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 75), крупная толстостенная кольцеобразная прозрачная голубоватая бусина, декорированная двумя прямыми линиями красно-коричневого и волнистой нитью белого цвета, расположенной между ними (ил. 36, 71; вторая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Там же. С. 78, декор аналогичен типам B547 и B548, по Ю. Каллмеру – *Callmer*, 1977. Pl. 13, B547, B548), мелкая синяя непрозрачная бусина в форме куба, сделанная из тянутой палочки (ил. 36, 99; IX группа, по З. А. Львовой – Там же.

³¹ Следует отметить, что большая часть зеленого рубленого бисера найдена в восточной части раскопа. Как известно, его доля в памятниках Северо-Запада России неуклонно возрастает со второй половины X в.

³² Находки аналогичных глазчатых бус из Старой Ладоги и Рюрикова городища были изучены Я. В. Френкелем. Исследователь пришел к выводу, что «наиболее раннее выпадение подобных бус в слой происходит в 950-е гг., а наиболее поздние бусины датируются 990-ми гг.» (*Френкель*, 2007. С. 97, 109–110).

С. 91); а также 6 каменных бус (битрапециодная с граненым пояском (ил. 36, 122) и осколок призматической, восьмигранной в сечении, из сердолика, 2 четырнадцатигранных (ил. 36, 121, 127), битрапециодная с граненым пояском (ил. 36, 124) и граненая эллипсоидная, шестигранная в сечении (ил. 36, 129), из горного хрусталя)³³.

Любопытна находка в слое мозаичного модуля из зеленоватого прозрачного стекла с золотой прокладкой размерами 1,0 × 1,0 × 0,6 см (ил. 4, 44). Известно, что мозаичный кубик встречен также в отложениях второй половиной X в. в юго-западной части Гнёздовского Центрального городища (*Ениосова, Пушкина, 2012. С. 68*). По-видимому, эти предметы, так же как и медные фоллисы, представляли собой своеобразные сувениры, привезенные на Север побывавшими в Византии людьми.

К встреченным в черном гумусе уникальным находкам относится и обломок края листа оконного стекла сине-зеленоватого цвета (ил. 4, 39), аналогичного по внешнему виду фрагментам найденного на Городище раннесредневекового посудного стекла.

Значительное число находок происходит с северной части раскопа из черного слоя, сильно перемешанного водами канала. Здесь встречены: двурогий срезень с упором, имеющий выпуклые боковые и вогнутые режущие стороны (3-й вариант тип 60, по А. Ф. Медведеву) (рис. 89, 10), датирующийся серединой XI–XIV в. (*Медведев, 1966. С. 51*), обломок бронзовой пуговицы биконического типа (рис. 88, 1), три аморфных кусочка свинца, 11 стеклянных бусин (один экземпляр бусинного бисера зеленого цвета, 3 зонные желтые прозрачные бусины, зонная двухчастная непрозрачная желтая бусина – ил. 36, 37, 6 экземпляров рубленого бисера (синих – 2, бесцветных – 2; ил. 36, 1, 12, желтых – 1, зеленых – 1; ил. 36, 10), 5 фрагментов стеклянных браслетов (2 гладких круглых, 3 крученый из коричневого (3) и зеленого (2) цветов), мелкий обломок плоско-выпуклого щиткового перстня из заглушенного синего стекла, осколок оконного стекла, костяная проколка из стенки трубчатой кости (рис. 94, 7), 2 точильных камня (рис. 97, 5) и обломок глиняного овального грузила от рыболовной сети.

Особый интерес вызывает мелкий обломок (1,0 × 1,7 см) тонкостенной (толщина 2,5 мм) чаши (или блюда?) из твердого кашина (ил. 4, 46). Плотный черепок белого цвета покрыт молочно-белой непрозрачной поливой и двусторонней росписью

люстром (с внутренней стороны зеленовато-желтым, а с внешней зеленовато-коричевым) с тончайшей красноватой каймой. На внутренней поверхности виден фрагмент пояса с гравировкой по сырому люстру в виде арабской надписи. Эта находка относится к образцам поливной кашинной керамики, производившейся в сельджукском Иране. По мнению В. Ю. Ковалья, фрагмент принадлежал сосуду «кашанского» стиля росписи, который датируется первой четвертью XIII в.³⁴ На территории Древней Руси иранские люстровые фаянсы домонгольской эпохи известны в ограниченном числе мест, причем только в крупных городах и на богатых усадьбах (*Коваль, 2010. С. 41–45*).

Залегавший под черным слой темно-коричневого гумуса имел толщину от 0,07 до 0,4 м. Он включал большое количество органических остатков – коры, щепы, травы, листьев, навоза. Здесь были встречены отдельные обожженные камни, угольки, кости животных и рыб. Никаких сохранившихся построек в нем не обнаружено. Кроме описанных выше деревянных конструкций, связанных с домом, в слое встречены бревна, доски, плахи, палки, хлысты длиной от 0,22 до 3,6 м, конструктивно никак не связаны друг с другом (рис. 103, В). В южной части кв. 15 было зафиксировано пятно серо-желтого суглинка размерами 1,24 × 1,48 м и толщиной до 8 см, частично уходящее под южную стенку раскопа.

В нижней части слоя в кв. 9, 10 и 12 были расчищены остатки плетня, зафиксированные в раскопе на протяжении 4 м (рис. 109). Еще один плетень был обнаружен в кв. 15 и 16 на уровне материка. От него сохранились ямки диаметром 4–6 см от вбитых в материк кольев (рис. 110), причем в некоторых сохранились их остатки. В кв. 9, 11 и 13 была прослежена овальная в плане яма, углубленная в материк до 0,16 м. Размеры ее вскрытой части 0,4 × 3,8 м (большая уходит под южную стенку раскопа). Заполнение – темно-коричневый гумус. В северной части кв. 11 и 12 зачищены округлая (диаметром 0,3 м) и овальная в плане (размерами 0,18 × 0,8 м) ямки глубиной 0,06 м. При зачистке материка (серовато-голубоватая глина) зафиксированы остатки отдельных вбитых в него кольев, затоптанные кости животных, щепы и кора деревьев. В юго-восточной части кв. 13 отмечены следы донца короба размерами 0,3 × 0,38 м (рис. 111), а в кв. 11 – корневая система росшего здесь в древности куста.

Среди индивидуальных находок³⁵ в темно-коричневом гумусе найдено несколько вещей из

³³ В черном слое найдены также зонная глиняная бусина, на которой сохранились остатки поливы коричневого и желтого цветов (ил. 36, 105), и обломки четырех стеклянных браслетов, по-видимому, попавших из вышележащих отложений.

³⁴ Благодарю В. Ю. Ковалья за консультацию.

³⁵ Без отмеченных выше предметов, встреченных непосредственно под полом дома.

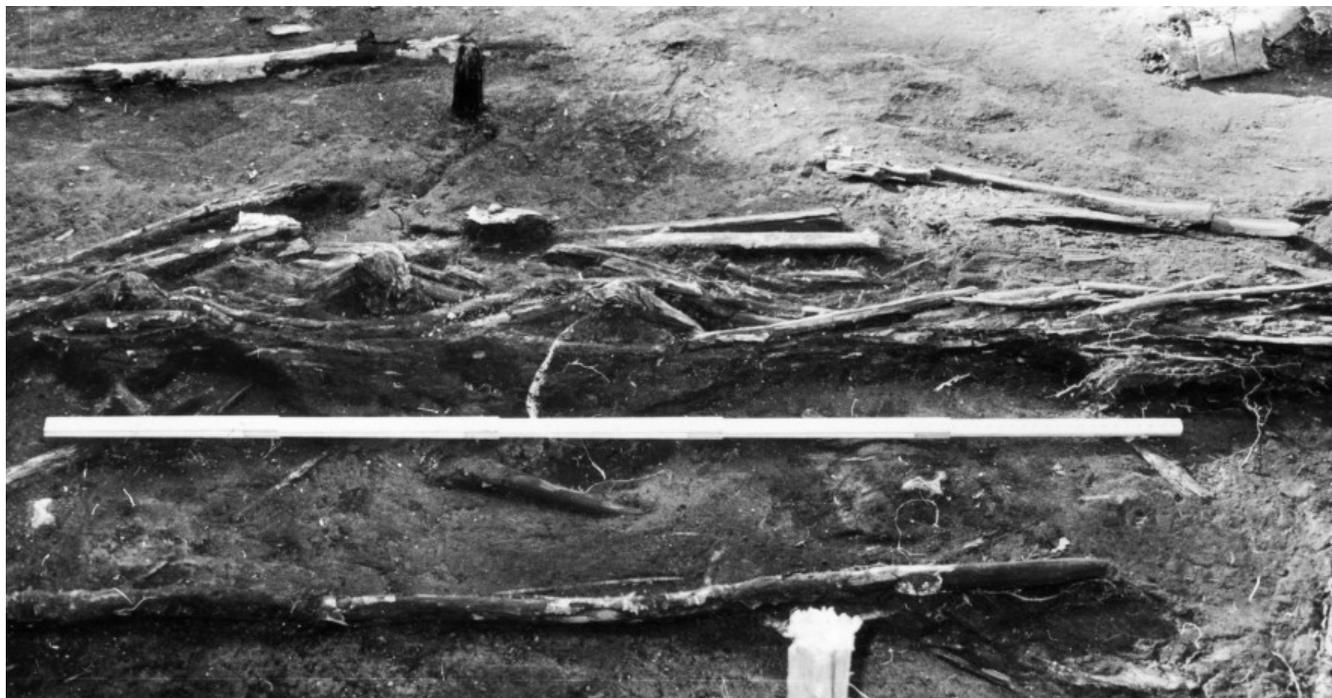

Рис. 109. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Остатки плетня в кв. 9 и 10 в темно-коричневом слое.
Вид с востока

Рис. 110. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Ямки в материке от кольев плетня в северной части кв. 15.
Вид с востока

Рис. 111. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала.
Следы донца короба на материке в юго-восточной части кв. 13. Вид с севера

медного сплава: обрывок цепочки (рис. 87, 12), маленький обломок пластины шириной 0,7 см (узкопластинчатый браслет?), украшенной чеканным орнаментом в виде пунктирных линий (рис. 88, 19); свинцовое биконическое граненое пряслице (рис. 88, 16), кусок расплавленного свинца (рис. 88, 11); 84 стеклянных бусин: 81 экземпляр рубленого бисера (синих – 42; ил. 36, 7, желтых – 21, зеленых – 8, черных – 7; ил. 36, 17, белых – 1, бесцветных – 2), боченкообразная желтовато-коричневая бусина (ил. 36, 83; III группа, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 72–73), зеленовато-желтая (ил. 36, 31) и желтая (ил. 36, 28)³⁶ прозрачные зонные бусины; 3 сердоликовые бусины (2 четырнадцатигранные и одна битрапецидная с граненым пояском), приостренный конец стержня булавки из рога (рис. 93, 4)³⁷, обломок глиняного

³⁶ Возможно, эта бусина попала из вышележащего слоя в результате шурфовки М. В. Шорина.

³⁷ По-видимому, от булавки, найденной под настилом постройки.

дисковидного пряслица, массивный точильный брусок из песчаника (рис. 97, 6), кремневый отщеп, два фрагмента грубой шерстяной ткани саржевого плетения (рис. 112), обломок лопаты, донца 11 берестяных туесов и коробов (рис. 113; 114), обрывки веревок из лыка (рис. 115; 116, 2), а также несколько

Рис. 112. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала.
Фрагмент шерстяной ткани

Рис. 113. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала.
Берестяное донце в центральной части кв. 9

Рис. 114. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала.
Донце берестяного короба в кв. 7, 8

других предметов и их обломков из дерева и бересты (рис. 116, 1, 3–5).

В темно-коричневом слое встречена в основном лепная гладкостенная профилированная керамика. Единственным исключением является фрагмент верхней части горшка, украшенного «путанной» волной, с коротким вертикальным венчиком (рис. 107, 1). По типологии В. М. Горюновой, этот сосуд относится к первой группе ранней керамики Рюрикова городища, бытовавшей на поселении в первой половине X в. (Горюнова, 2005. С. 84, 93, табл. 59, 7).

Для уточнения датировки времени формирования темно-коричневого слоя важна находка битрапецидной с граненым пояском (шарообразной многогранной) бусины и свинцового пряслица. Бусы, имеющие в поперечном сечении семигранник, на Земляном городище Старой Ладogi встречены не ранее горизонта Д (Давидан, 1998. С. 123–124; Рябинин, 1995. С. 58). В этом слое, по данным, опубликованным О. И. Давидан, найдены и самые ранние свинцовые грузила для веретена (Давидан, 1981. С. 111, табл. 4). Древнейшая датированная на основании дендрохронологии постройка этого горизонта была возведена на рубеже 920–930-х гг. (Рябинин, Черных, 1988. С. 93–99). Самая ранняя находка сосуда с «путанной» волной на старолadoжском

Рис. 115. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Фрагменты веревок из лыка

поселению происходит, по данным В. М. Горюновой, из отложений, непосредственно предшествующих ее сооружению (Горюнова, 2005. С. 109). Раннегончарные горшки с подобным декором отмечены и в других постройках горизонта Д. В частности, археологически целый такой сосуд найден в 2007 г. при изучении остатков «большого дома», сооруженного около 930–931 гг. (Киртичников, Сарабьянов, 2013. С. 77).

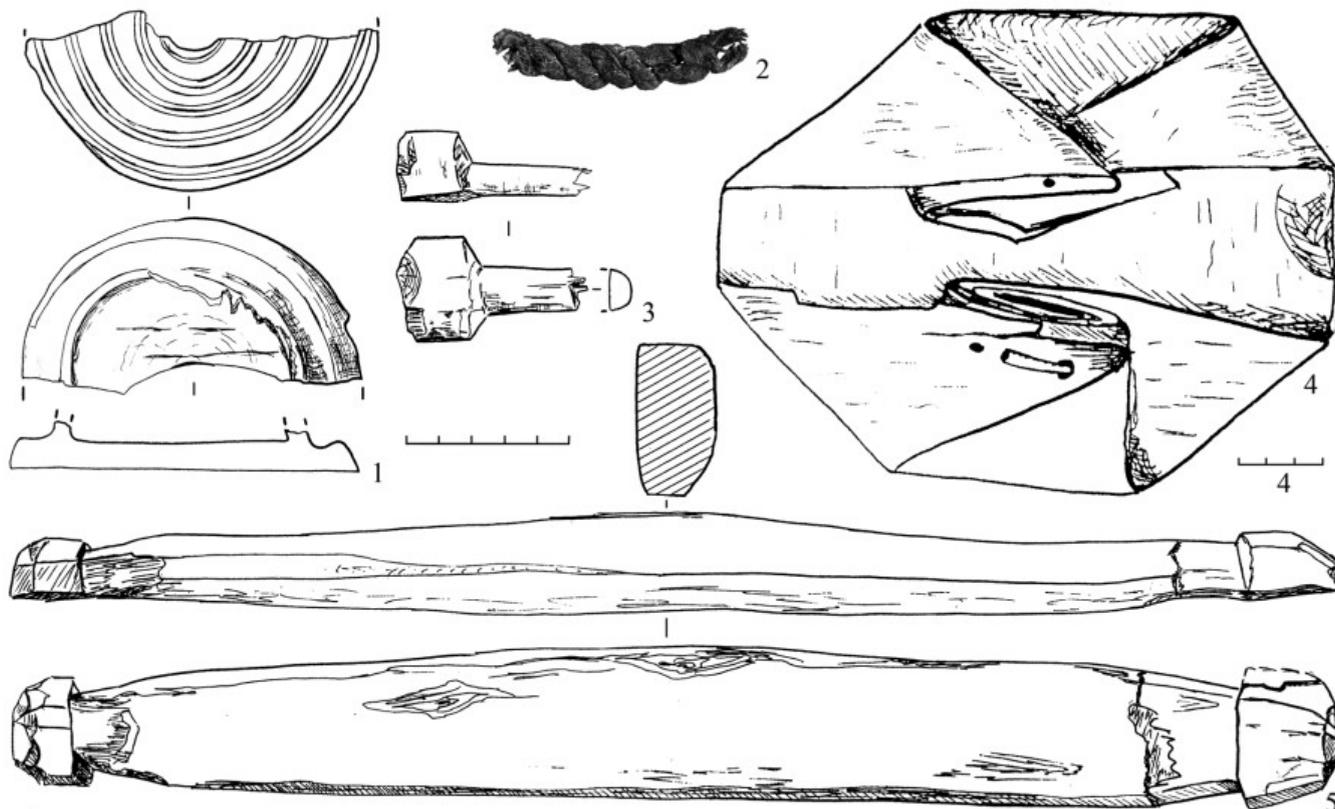

Рис. 116. Раскоп II на южном берегу Сиверсова канала. Находки из дерева и бересты

Раскоп III

В 1995 г. на мысу южного берега Сиверсова канала, в 40 м к западу от раскопа II, с целью уточнения общей стратиграфии этой части Городища был заложен разведочный раскоп площадью 16 кв. м (рис. 1). На выбранном участке памятника культурные напластования Городища подверглись наибольшему разрушению со стороны местных «любителей древностей». Раскоп Г-образной формы был вытянут с севера на юг вдоль края глиняно-земляного вала, насыпанного при строительстве канала (рис. 117). На всей его площади была исследована только верхняя часть культурного слоя, нарушенная многочисленными перекопами и грабительскими ямами. В дальнейшем культурные отложения разбирались только в шурфе (1 × 2 м), находившемся в восточной половине кв. 2. Общая мощность исследованных напластований достигала 2 м³⁸.

На данном участке Городища под дерном залегал темно-серый слой толщиной 0,8–1,2 м с включениями камней, щебня, битого кирпича, костей животных, фрагментов средневековой и позднесредневековой гончарной керамики. В кв. 1 и 3 темно-серый слой перекрывался слоем перетолженной коричневой глины – выброс из русла канала. Наряду с керамикой в перемешанном темно-сером слое обнаружены: обломок дирхема, пуло конца XV–XVI в., чеканенное на псковском денежном дворе (*Гайдуков*, 1993. № 444), несколько предметов из сплава на основе меди (маленький обломок узкопластинчатого орнаментированного браслета – рис. 118, 12, декоративный гвоздик – рис. 118, 7, кусочек бронзовой проволоки), кости и рога (обломок зубчатой пластины двустороннего наборного гребня – рис. 118, 9, полое коническое навершие, декорированное по основанию четырьмя параллельными бороздками – рис. 118, 1, торцевая накладка рукояти ножа – рис. 118, 2), а также заготовка вислой свинцовой печати диаметром 2,5 см.

Стеклянные предметы представлены мелким фрагментом желтого прозрачного сосуда, декорированного накладной нитью синего цвета (ил. 4, 42), 19 бусинами: 5 экземплярами бусинного бисера (зеленых – 3 (ил. 36, 24), желтых – 2), 8 зонными бусинами (прозрачных зеленых – 3, желтых – 2, бирюзовых – 1, непрозрачных коричневых – 1, черных – 1), боченкообразной зеленой прозрачной бусиной (ил. 36, 33), зонной бирюзовой прозрачной бусиной, декорированной желтыми пятнами (ил. 36,

102), одночастной серебростеклянной «лимонкой», 2 экземплярами рубленого бисера желтого и белого цветов (ил. 36, 13), цилиндрической винно-красной пронизкой (ил. 36, 20); а также 39 обломками браслетов до 7 см в длину, среди которых 30 круглых гладких и 9 крученых из коричневого (10), зеленого (10), фиолетового (7), бирюзового (4), синего (4) и желтого (2) цветов, в том числе 5 обвитых желтой и один красной нитью. Внутренний диаметр у крупных фрагментов браслетов – 3,5 (1), 5 (2), 5,5 (2), 6 (6), 6,5 (1), 7 (1) см.

В слое встречены одно целое глиняное пряслице и обломки еще шести экземпляров (рис. 118, 15, 18–22), глиняное цилиндрическое грузило для рыбацких сетей (рис. 118, 17), шарик из глины диаметром 2,1 см с конусообразным отверстием (рис. 118, 16), маленькое биконическое пряслице из розового шифера (рис. 118, 13), обломки 3 точильных камней из песчаника (1) и сланца (2) (рис. 118, 24), а также три кремневых отщеп с ретушью.

Под темно-серым слоем залегал слой коричневого песка мощностью 0,16–0,25 м с включениями битого кирпича, костей животных, фрагментов позднесредневековой гончарной посуды, в том числе белоглиняной. Наряду с керамикой в слое найдено несколько вещей из медных сплавов: половинка позднесредневекового крестика тельника (рис. 118, 3), декоративная заклепка (рис. 118, 6), пуговица с конической головкой (рис. 118, 11), 2 колечка диаметром 1,2 и 1,6 см (рис. 118, 4, 10), обломок круглого гладкого браслета из зеленого стекла и 4 бусины (2 экземпляра рубленого бисера синего и желтого цветов, 2 зонные бусины из зеленого прозрачного стекла), обломки 2 оселков из сланца и песчаника (рис. 118, 23), биконическое пряслице из розового шифера (рис. 118, 14) и кремневый отщеп с ретушью.

Ниже песчаного слоя прослежена прослойка гумуса (толщиной 0,02–0,04 м) со щепой и остатками органики, которая перекрывала слой однородного белого суглинка с измельченными речными ракушками. Его мощность 0,16–0,28 м. Вероятно, слой суглинка образовался во время временного затопления мысовой части Городища. В слое найдена позднесредневековая гончарная керамика, в том числе часть гончарного кувшина бледно-охристого цвета, а также обломок крученого браслета из бирюзового стекла, фрагмент глиняного пряслица, бронзовый декоративный гвоздик (рис. 118, 8) и бронзовое колечко диаметром 0,9 с завязанными концами (рис. 118, 5).

³⁸ Глубины измерялись от репера, имеющего отметку 21,43 м на общем топографическом плане Городища.

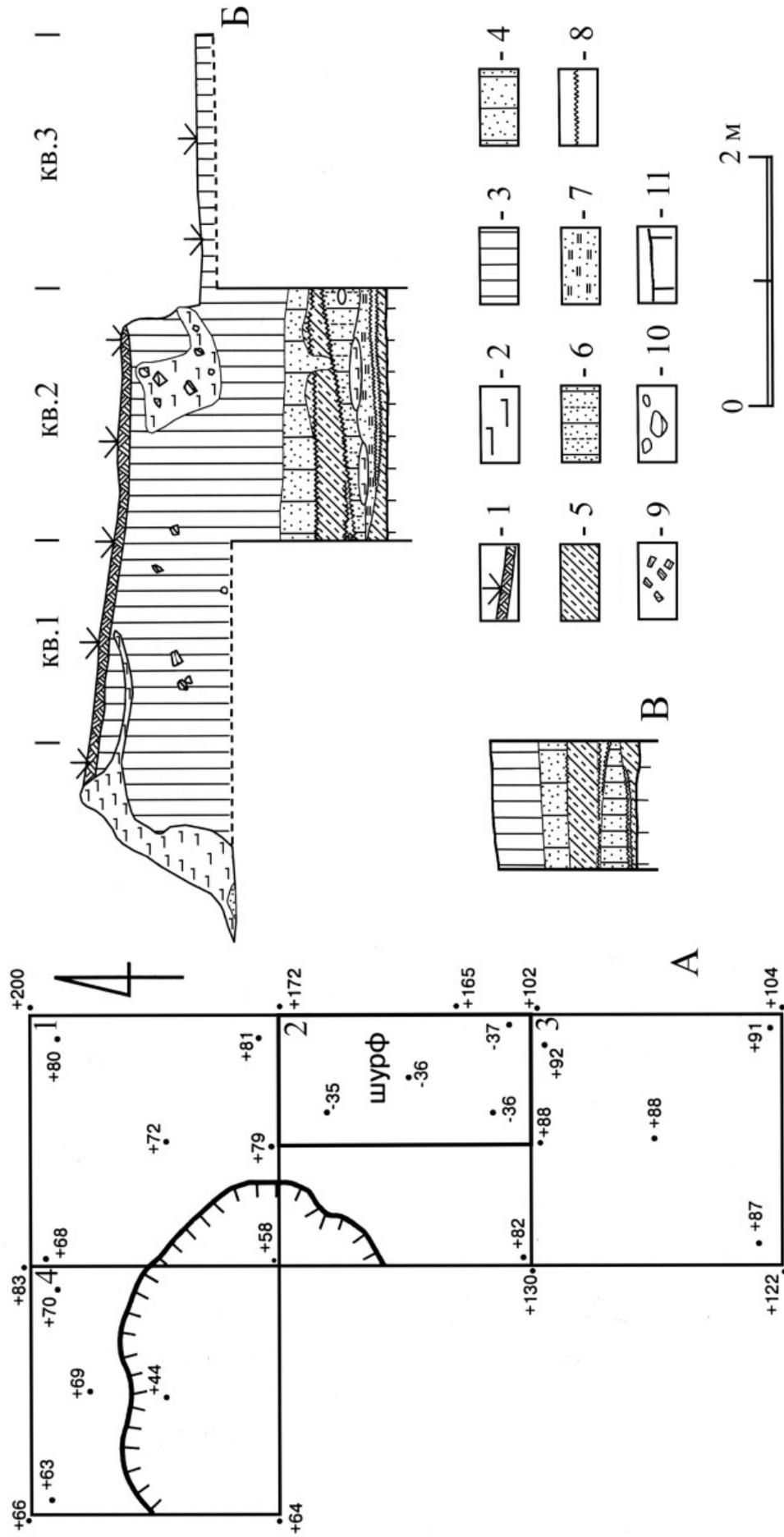

Рис. 117. Раскол III на южном берегу Сиверсова канала. План (А), стратиграфические разрезы восточной стенки раскола (Б) и северной стенки шурфа (В).
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – коричневая глина; 3 – темно-серый гумус; 4 – коричневый песок; 5 – белый суглинок; 6 – темный песок;
 7 – серый песок с вкраплениями светло-зеленого суглинка; 8 – гумусированная прослойка; 9 – кирпичи; 10 – камни; 11 – материк

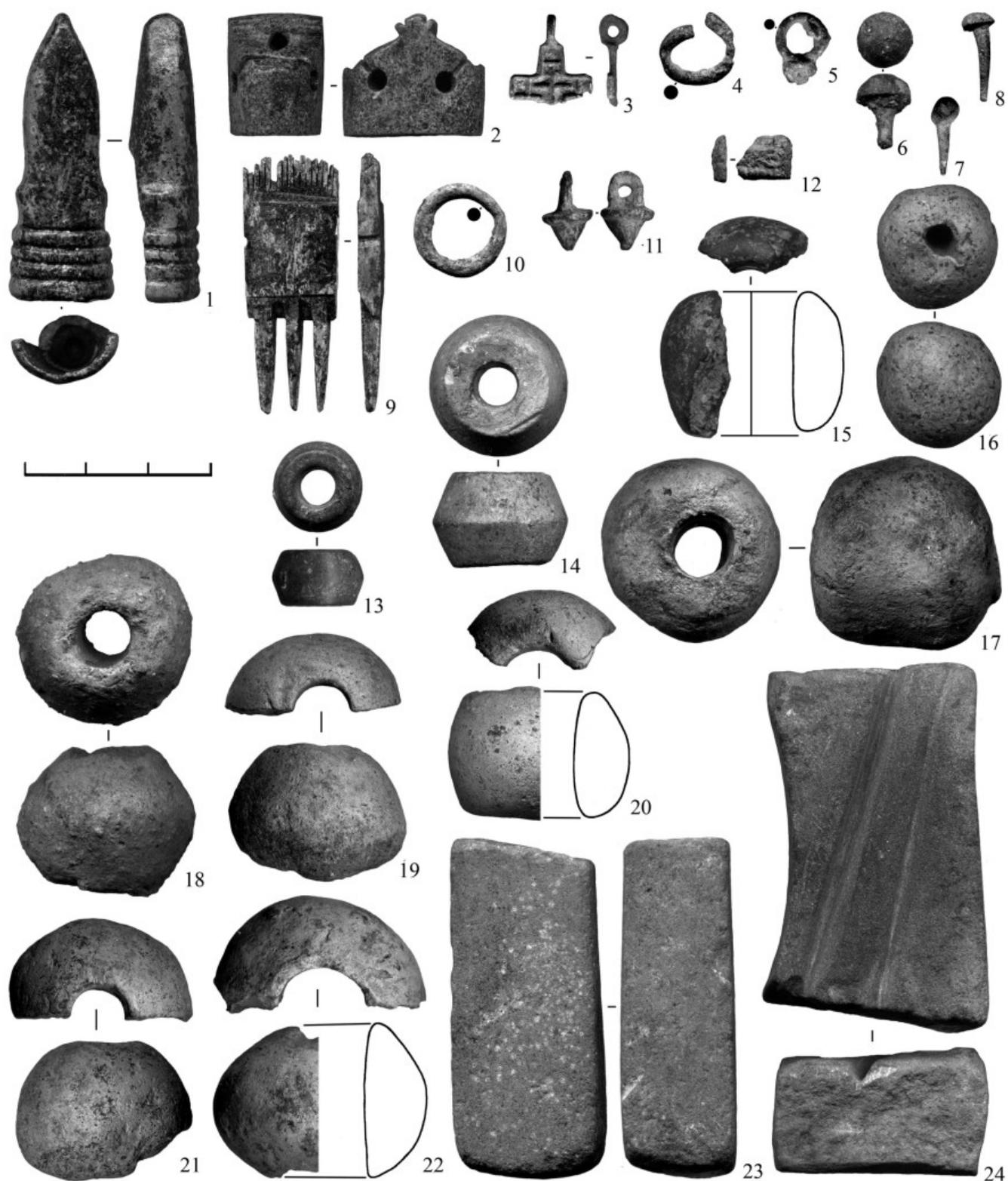

Рис. 118. Находки из раскопа III на южном берегу Сиверсова канала: 1, 2, 9 – рог; 3–8, 10–12 – медные сплавы; 13, 14, 23, 24 – камень; 15–22 – глина

Под суглинком зафиксирована гумусированная прослойка (толщиной 0,02–0,08 м) со щепой, в которой встречены фрагменты дерева, битый кирпич, мелкие фрагменты позднесредневековой гончарной посуды и желтая бисерина. Эта прослойка перекрывала слой темного песка мощностью 0,12–0,34 м, ниже которого шли линзы коричневой глины. Глубже находился мешанный слой, состоящий из серого песка с вкраплениями светло-зеленого суглинка. В его нижней части отмечена еще одна прослойка гумуса толщиной 0,02–0,04 м, при разборке которой обнаружено 4 фрагмента стенок грубого лепного сосуда. Эта прослойка залегала на тонком слое белого суглинка мощностью 0,06–0,16 м, под которым находился материк – светлый однородный желтоватый песок.

Итак, начало освоения жителями исследованных в 1993–1996 гг. участков Городища (раскопы I и II) можно отнести к первым десятилетиям X в. Не ранее 930-х гг. здесь возводится срубный дом с печкой-каменкой, функционировавший, по-видимому, до середины столетия. Строителями этого дома, скорее всего, были не местные жители, поскольку первоначально при его возведении не были соблюдены меры, предохраняющие дом от повышенной влажности, характерной для низменного участка поселения. Возведение столбовых конструкций в качестве опор для крыши, по предположению Ю. П. Спегальского, может свидетельствовать, об отсутствии у них опыта использования рубленых

стен в качестве опор перекрытия (*Спегальский*, 1972. С. 22). В этой связи невозможно не обратить внимания на то, что некоторые бусы, встреченные при исследовании дома, имеют «северное» происхождение (*Львова*, 1968. С.72–79), а рядом найден «молоточек Тора». Более приспособленными к местным условиям показали себя строители, соорудившие приблизительно в то же время дом на глиняной фундаментной площадке, представленной на раскопе I. Позднее, в третьей четверти X в., существовала постройка, остатки которой были открыты в восточной части раскопа II. Связанная с ней находка скорлупообразной фибулы говорит о том, что скандинавы продолжали занимать этот участок поселения. Новый этап заселения данной территории приходится на XII–XVI вв. О том, что жители домов, стоящих в древнерусское время на берегу Волховца в южной части Городища, были не бедняками, говорят находки престижных вещей: печати, фрагмента рясны, обломков посудного стекла и кашинной керамики.

Работы на самом западном, мысовом участке показали, что непо потревоженных древних слоев на данном участке практически нет. Почти у материка встречены напластования с обломками кирпича и фрагментами позднесредневековой керамики. Несомненно, этот участок поселения неоднократно затапливался и постоянной жизни здесь не было. Большинство находок относится к позднему средневековью и только у самого материка имеется прослойка с включениями лепной керамики.

РАСКОПКИ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ СИВЕРСОВА КАНАЛА

Раскопы, заложенные в 1994 и 1996 гг. к северу от Сиверсова канала, были вытянуты на 38,7 м по линии запад – восток вдоль его берега к востоку от участка, исследованного в 1977–1979 гг. В основном

работы на раскопах заключались в разборке обрушившегося культурного слоя, изучении сохранившихся напластований, зачистке и фиксации стратиграфического разреза отложений в этой части памятника.

Раскоп I

Раскоп 1994 г. площадью 36 кв. м (3 × 12 м) располагался в 100 м от берега Волхова (рис. 1). Общая мощность культурных напластований здесь достигала 1,7–1,8 м³⁹.

Зачищенный и выровненный обрыв северного берега Сиверсова канала стал основной стенкой раскопа с четкой стратиграфией (рис. 119). Под дерном мощностью до 0,1 м залегал слой темно-серого гумуса толщиной от 0,4 до 0,7 м с включениями

обломков камней, щебня, битого кирпича и костей животных. В этом слое встречалась в основном гончарная керамика XI–XVI вв. Наряду с керамикой в темно-сером гумусе было найдено значительное количество разнообразных находок, среди которых были предметы из железа: часть подковы в виде полуокружности с одним передним шипом (первая разновидность, по А. Н. Кирпичникову, или тип I, по О. В. Двуреченскому), аналоги которой бытовали на Руси во второй половине XI–XVII в. (*Двуреченский*, 2004. С. 239–240, рис. 2, 1–4; *Кирпичников*, 1973. С. 83–85, рис. 49, 1; *Кирпичников, Медведев*, 1985.

³⁹ Глубины измерялись от репера, имеющего отметку 20,09 м на общем топографическом плане Городища.

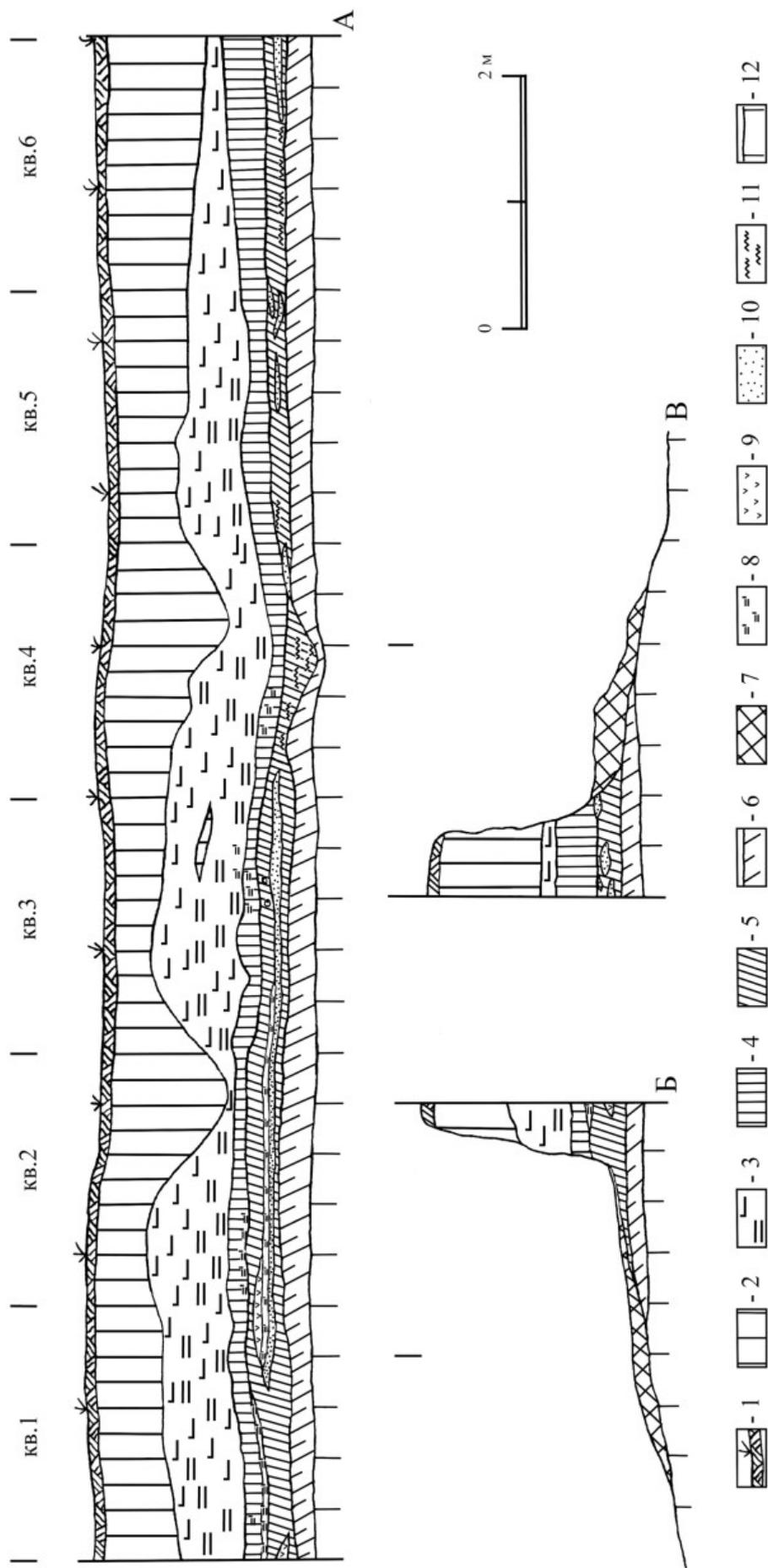

Рис. 119. Раскол I на северном берегу Сиверсова канала. Стратиграфические разрезы стенок раскола. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – темно-серый гумус; 3 – светло-желтая и красно-коричневая глина; 4 – черный гумус; 5 – темно-коричневый гумус; 6 – серый суглинок; 7 – перемешанные отложения; 8 – угли; 9 – зола; 10 – песок; 11 – древесный тлен; 12 – материк

С. 319, табл. 148, 30; *Медведев*, 1959. С. 186, 190, рис. 23, 8–10), подковный гвоздь, язычок от пряжки (рис. 120, 8), куски проволоки; несколько целых и фрагментированных вещей из сплавов на основе меди (рис. 121, 9, 10, 13), в том числе часть браслета, свитого из трех проволок (рис. 121, б), колечко диаметром 0,6 см (рис. 121, 4), фрагменты проволоки (рис. 121, 7, 16), а также свинцовый грузик конусовидной формы 1,9 см в диаметре с отверстием 0,45 см (рис. 121, 18). Стекланные изделия представлены 9 обломками браслетов (4 гладких округлого сечения, 4 крученых и один витой, выполненные из зеленого (4), коричневого (3) и синего (2) цветов, причем один из крученых зеленых браслетов перевит желтыми нитями) и 9 бусами (поздняя голубая непрозрачная эллипсоидная уплощенная бусина с рифленой поверхностью (ил. 36, 49), отлитая в двусторчатой форме, непрозрачные коричневая (?) и черная зонные бусины, половинка синей прозрачной округлой эллипсоидной бусины, половинка непрозрачной коричневой округлой шаровидной бусины, украшенной желтым пятном (ил. 36, 97), одно- и трехчастные⁴⁰ золотостекланные бусы (ил. 36, 59), 2 экземпляра рубленого бисера синего и черного цветов. Из других находок упомянем половинку дисковидного пряслица из известняка (рис. 120, 12), огромный (длина 43 см) сланцевый оселок (рис. 120, 14), кремневый отщеп, часть глиняного округлого грузила от рыболовной сети.

Темно-серый гумус подстилался слоем глины, утончающимся от 0,75 до 0,12 м к восточному краю раскопа. Этот слой был неоднороден и имел слоистую структуру – в светло-желтой глине видны прослойки красно-коричневой материковой. В кв. 2–4 в профиле стенки в глине прослежены две ямы шириной 1,60 м и 1,12 м, впущенные в него на глубину 0,53 м и 0,38 м соответственно. Никаких находок здесь не отмечено. Наличие горизонта глины свидетельствует о значительных строительных работах, проведенных на Городище в XI в.

Глина перекрывала отложения черного гумуса мощностью от 0,14 м в кв. 1 до 0,32 м в кв. 6. В слое были отмечены включения угольков и большое количество мелких камней. В северо-восточном углу кв. 5 расчищена доска длиной 1,8 м и шириной 0,27 м (рис. 122, А). В западной части кв. 2 обнаружено скопление кусков бересты, а в южной – зафиксирована деревянная плашка размерами 0,10 × 0,28 м.

При разборке черного слоя найдено 389 обломков лепной и 126 фрагментов раннегончарной

⁴⁰ Бракованный экземпляр с полностью «запльвишим» каналом.

керамики⁴¹. Среди последней отмечены только сосуды второй группы раннегончарной керамики Городища, по типологии В. М. Горюновой (*Горюнова*, 2005), включая варианты I-A, I-B, I-V и I-G (рис. 123), что позволяет датировать этот слой второй половиной X в.

В черном слое встречено 75 индивидуальных находок. Среди них представлено несколько целых и фрагментированных предметов из железа, в том числе железная накладка с орнаментом в стиле Борре (рис. 120, 1), целая ладейная заклепка и части еще 3 экземпляров (рис. 120, 3), лезвие ножа с толстой прямой спинкой со слегка приспущенным концом и четким уступом при переходе лезвия к черенку (рис. 120, 7) (IV тип, по Р. С. Минасяну) (*Минасян*, 1980. С. 72–74), гвоздь (рис. 120, 4), обломок поясного крючка (?) (рис. 120, б) и кусок кованого дрота диаметром 3–4 мм (рис. 120, 5), возможно, часть железной гривны. Сильная коррозия не позволяет точно определить сечение проволоки и установить, была ли она перекручена. В слое встречены обломки нескольких находок из сплавов на основе меди (рис. 121, 3, 5, 11, 19), конусовидный слиток свинца (гирька?) (рис. 121, 17), обломок ребра с вырезанными с двух сторон зубчиками, возможно, штамп для нанесения орнамента на глиняные сосуды (рис. 121, 22), обточенная таранная кость парнокопытного животного с просверленным отверстием (оленья или мелкой коровы) (рис. 121, 23), предназначенная для игры в бабки или служившая подвеской амулетом (*Дорофеева*, 2015. С. 215), маленький обломок венчика стеклянного сосуда из сине-зеленого прозрачного стекла⁴² (ил. 4, 37), 34 стеклянные бусины (2 экземпляра навитого бисера желтого и зеленого цветов, зонная желтоватая прозрачная бусина (ил. 36,

⁴¹ Среди найденной в черном слое керамики выделялся мелкий обломок с чернолощеного сосуда. Было высказано предположение о его принадлежности к изделиям типа Татинг (об этом типе см. *Плохов*, 2007а). Однако петрографический анализ черепка (образец № 6), проведенный Т. Брорссоном в Лаборатории керамических исследований на факультете четвертичной геологии Лундского университета (Швеция), показал, что в составе глины, из которой он был изготовлен, так же как и в ряде образцов местных лепных горшков, представлены диатомовые водоросли (*Brorsson*, 2001). Этот факт говорит в пользу местного производства сосуда, от которого происходит данный фрагмент. Следует отметить, что мне неизвестны случаи присутствия диатомовых водорослей среди изученных петрографическими методами татингских изделий. Возможно, найденный обломок принадлежал позднесредневековому гончарному сосуду.

⁴² Обломки подобных сосудов встречены в 2007–2009 гг. при разборке черного культурного слоя в заполнении восточной части рва, а также в двух комплексах раскопа 2011 г.

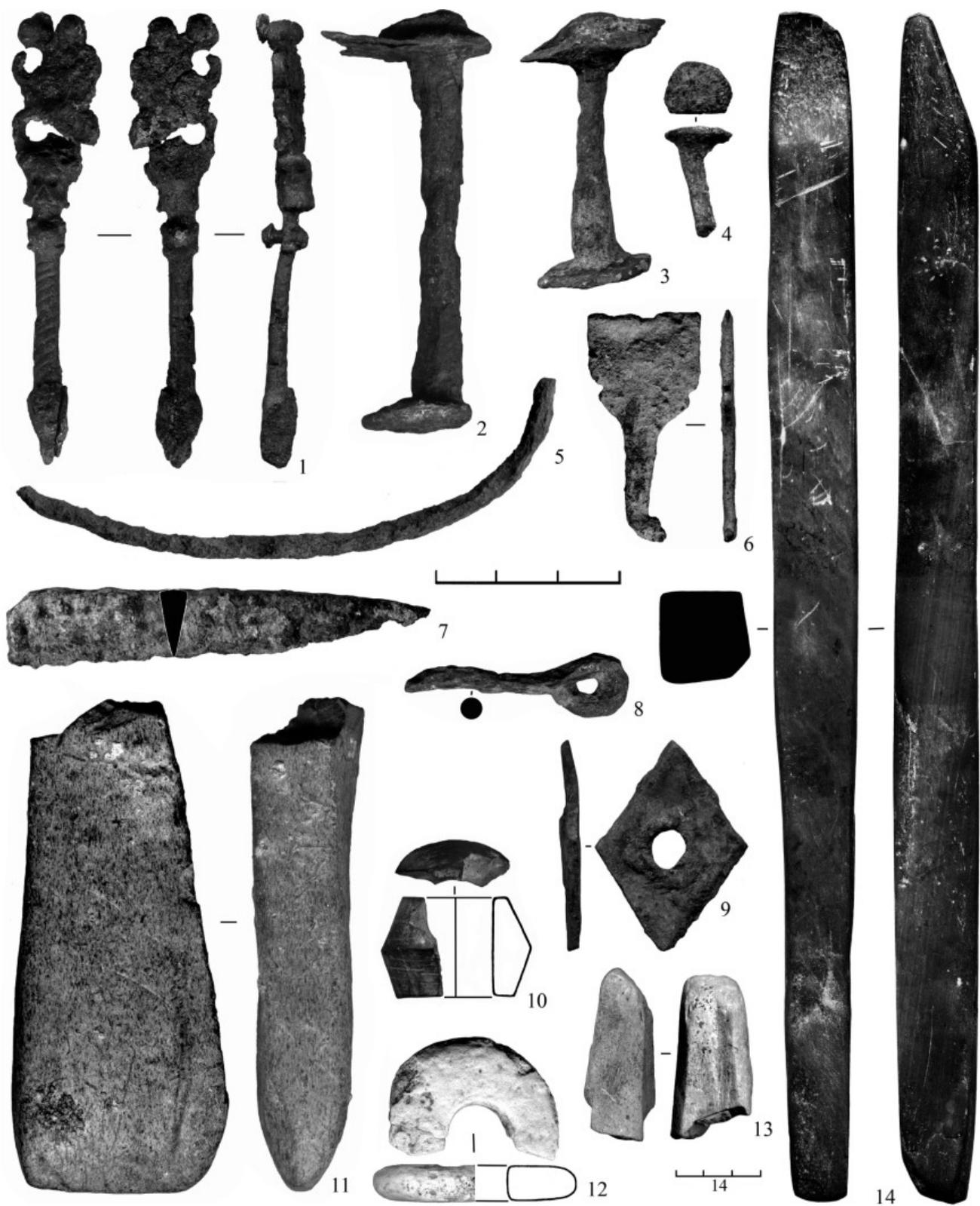

Рис. 120. Находки из раскопа I на северном берегу Сиверсова канала:
 1-9 – железо, 10 – глина, 11-14 – камень

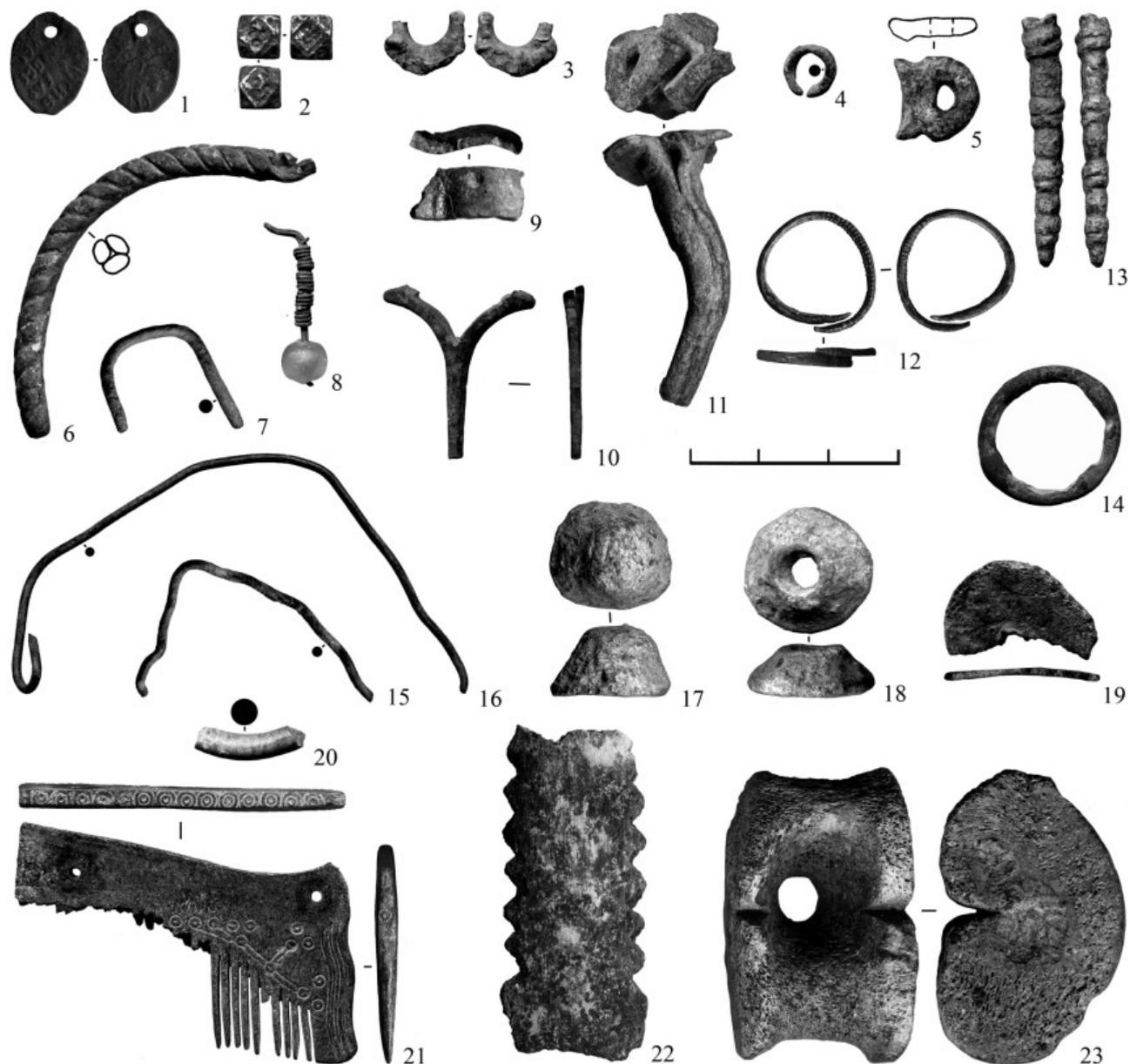

Рис. 121. Находки из раскопа I на северном берегу Сиверсова канала: 1–7, 9–11, 13–16, 19 – медные сплавы; 8 – медный сплав, стекло; 12 – серебро; 17, 18 – свинец; 20–23 – кость и рог

30), обломок кольцеобразной белой непрозрачной бусины, 3 одночастные «лимоновидные» прозрачные синие (2) и винно-красная (ил. 36, 50) бусины, 4 одночастные золотостеклянные «лимонки», 2 одночастные и одна многочастная серебростеклянные бусины (ил. 36, 64), 20 экземпляров рубленого бисера (синих – 8, желтых – 7, бесцветных – 3, вино-красных – 1; ил. 36, 18, белых – 1), цилиндрическая синяя пронизка – ил. 36, 11, осколок округлой мозаичной бусины, выполненной из стерженьков с белым ядром, обрамленным поясками красно-коричневого и черного цветов; ил. 36, 82), 5 каменных бус (призматическая (ил. 36, 111)) и 2 четырнадцатигранных сердоликовых, зонная из

горного хрусталя, половинка маленькой линзовидной янтарной; ил. 36, 109), фрагменты 3 оселков из сланца (рис. 120, 13), сланцевый топор с прочерченными на обеих сторонах изображениями (ил. 37, 4), а также часть побывавшего в пожаре сланцевого орудия (рис. 120, 11).

Вдоль южной линии раскопа, по краю береговой линии, черный слой имел естественные нарушения и намывы. Здесь наряду с раннесредневековыми материалами встречены фрагменты гончарной керамики и другой материал древнерусского и позднесредневекового времени. В частности, отсюда происходит копейка Бориса Годунова, отчеканенная в 1603 г. на Новгородском денежном дворе, с

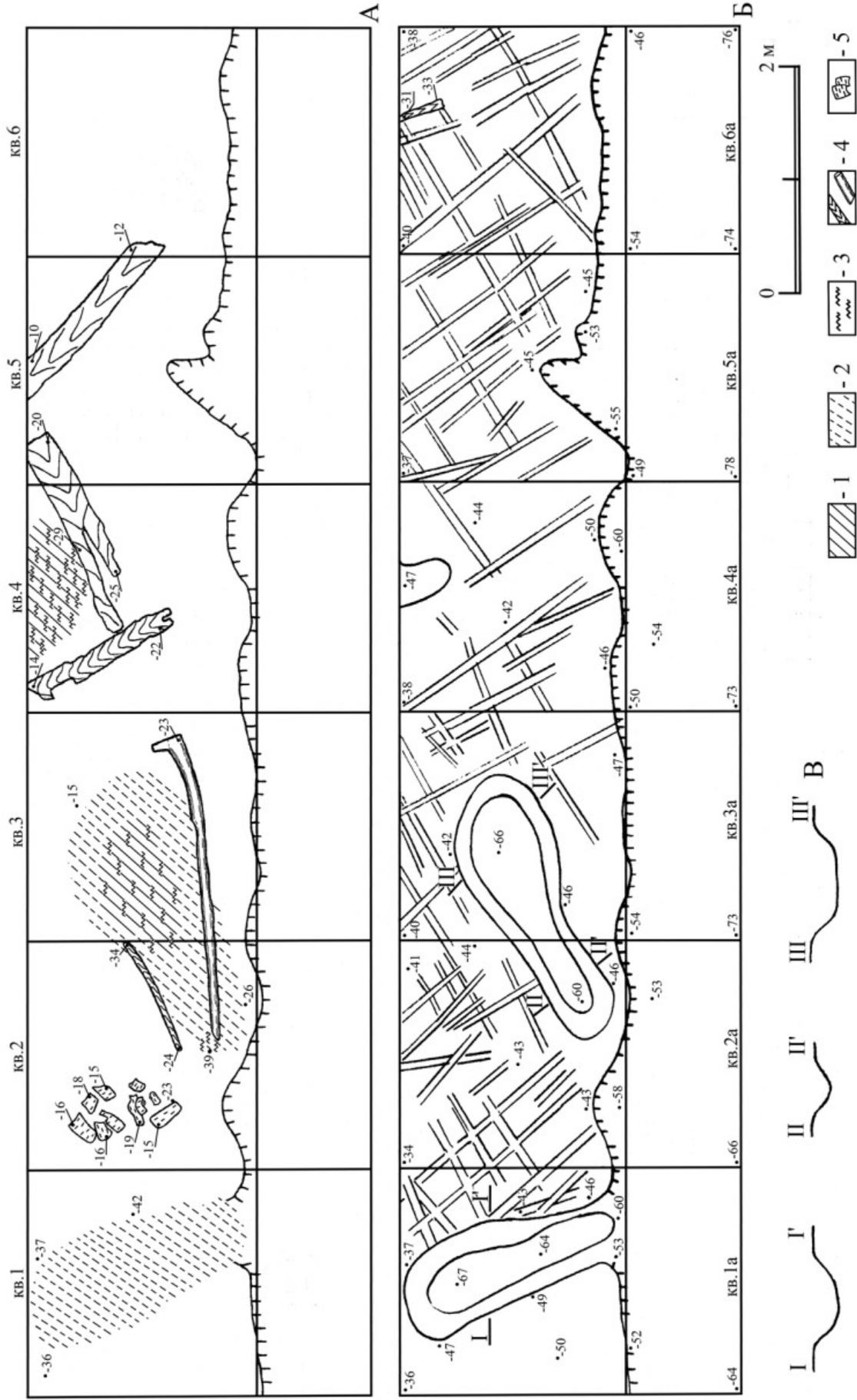

Рис. 122. Раскоп I на северном берегу Сиверсова канала. А – план на уровне материковых пятен;
 Б – план ям и следы пахот на уровне материка; В – профили ям. Условные обозначения: 1 – темно-коричневый гумус;
 2 – серый суглинок с желтым песком; 3 – древесный тлен; 4 – доски и бревна; 5 – береста

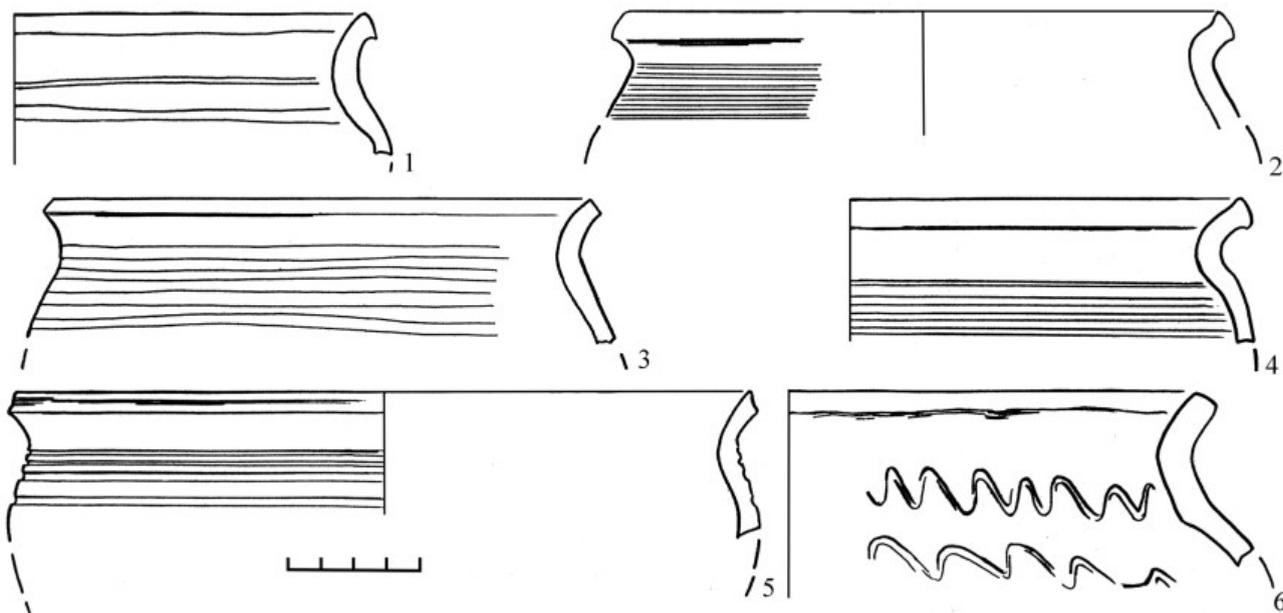

Рис. 123. Раннегончарная керамика из черного слоя раскопа I на северном берегу Сиверсова канала

отверстием для подвешивания (рис. 121, 1) (Гришин и др., 2015. № 235)⁴³, четырнадцатигранная весовая гирька из медного сплава высотой 0,7 см со знаками кратности на ромбических гранях (рис. 121, 2) и обломок бронзовой серьги с напускной «лимоновидной» бусиной из прозрачного бесцветного стекла (рис. 121, 8). Серьги в виде вопросительного знака встречаются в Новгороде в слоях не ранее начала XIV в. (Лесман, 1984. С. 134; 1990. С. 70–71; Седова, 1981. С. 16). Среди прочих находок имеются 7 обломков стеклянных браслетов (4 гладких и 3 крученых коричневого (3) и зеленого (4) цветов, один из которых перевит желтыми нитями), фрагменты пуговицы из синего стекла с железным проволочным ушком, 19 стеклянных бусин (один экземпляр навитого желтого бисера, зонная желтая прозрачная бусина – ил. 36, 27, синяя «лимонка», одночастная золотостеклянная бусина, трех- (ил. 36, 62) и четырехчастная серебростеклянные пронизки, 12 рубленых бисерин (синих – 8, желтых – 2, зеленых – 1, белых – 1), биконическая синяя прозрачная бусина, изготовленная из тянутой стеклянной палочки – ил. 36, 89 (группа IX, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С. 91), мелкая шарообразная хрустальная бусина, кусок янтаря размерами 1,6 × 2 × 0,45 см, 3 зубчика от костяного гребня, обломок костяного кольца диаметром 3,5 см (рис. 121, 20), обломки 2 биконических глиняных пряслиц с обточенными гранями (рис. 120, 10), кремневый отщеп и часть сланцевого оселка.

⁴³ Имеется брак чеканки – следы двойного удара на лицевой стороне.

Под черным слоем по всей площади раскопа залегал темно-коричневый гумусированный слой, имеющий слоистую структуру, связанную с различной насыщенностью органическими остатками. Его общая мощность составляет от 0,15 до 0,38 м. В кв. 1–3 в темно-коричневом слое отчетливо прослеживалась прослойка гумусированного песка толщиной до 0,10–0,12 м. В кв. 1 и 2 над ней местами отмечены тонкие углистые и золистые прослойки. Песчаная прослойка толщиной 0,08 м зафиксирована также в северо-восточном углу раскопа. Незначительные вкрапления песка в темно-коричневом слое зафиксированы в кв. 5 и 6. Следует подчеркнуть, что подсыпки в кв. 1–3 и 6 были сделаны, когда на поселении уже образовался незначительный (толщина 0,04–0,10 м) культурный слой с остатками органики.

В кв. 4 и частично в кв. 5 в верхней части темно-коричневого слоя найдены две доски, расположенные перпендикулярно друг к другу (рис. 122, А). Одна из них имела длину 1,80 при ширине 0,30 м, а другая длину 1,42 при ширине 0,18 м.

При разборке темно-коричневого слоя найдены ладейная заклепка (рис. 120, 2), обломок черешка ножа, кусочек бронзовой проволоки (рис. 121, 15), боковая зубчатая пластина с верхним выступом рогового одностороннего наборного гребня, украшенная циркульным орнаментом и нарезками (рис. 121, 21), 5 экземпляров рубленого бисера (синего – 3, желтых – 2), мелкая шарообразная хрустальная бусина (ил. 36, 123), кремневый отщеп, около десятка фрагментов лепных сосудов, а также

части скорлупы лесного ореха. Гребень относится к типу 2 второй группы этих изделий Старой Ладogi (Давидан, 1974. С. 6). В Старой Ладогe гребни этой группы найдены в горизонте Д (Давидан, 1962. С. 100–101). В Новгороде подобные наборные односторонние расчески употреблялись до середины XI в. (Колчин, 1982. С. 164, рис. 5).

Под темно-коричневым слоем на всей площади раскопа прослежен серый гумусированный суглинистый слой. После его зачистки в кв. 1–4 было обнаружено три гумусированных пятна, фиксирующие углубленные в материк комплексы (рис. 122).

Первая яма, находившаяся в кв. 1, имела овальную (корытообразную) в плане форму и была вытянута с северо-запада на юго-восток. Ее размеры 0,5–0,8 × 2 м, глубина 0,6–0,67 м. Юго-восточная часть ямы нарушена береговым обрывом. Стенки ямы пологие. Заполнение: однородный серый суглинок с примесью желтого песка. Нижняя часть заполнения гумусирована слабее верхней. При разборке ямы найдено 4 обломка стенок лепной керамики, крупные кости животных, куски бересты и фрагменты скорлупы лесного ореха.

Вторая яма, располагавшаяся в кв. 2–3, имела неправильную овальную в плане форму и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Ее раз-

меры 0,5–0,9 × 2,3 м, глубина 0,60–0,66 м. Около ямы, вдоль ее северо-западной и юго-восточной стенок, были зафиксированы плаха (длина 1,10 м, ширина 0,06 м) и сплюснутая длинная жердь (длина 2,7 м, ширина около 0,12 м) с крюком из обработанного отростка корня у комля – «курица». Верхняя часть заполнения ямы представляла собой темно-коричневый гумус с органикой мощностью до 0,1 м. В нем встречены кусочки бересты, 10 фрагментов стенок лепных горшков, 15 обломков позднегончарных сосудов и железный гвоздь, очевидно, попавшие сюда при размыве водами канала вышележащих отложений. Нижняя часть заполнения ямы – перемешанный желтый песок с серым суглинком. При его разборке найдены 3 экземпляра рубленого бисера из синего, желтого и зеленого цветов, бронзовое колечко диаметром 2 см с 4 симметричными утолщениями (рис. 121, 14) и серебряный дровяной перстень с разомкнутыми заходящими друг на друга концами (рис. 121, 12), несколько фрагментов стенок лепных сосудов и скорлупа лесного ореха.

Похожее на найденное в этой яме кольцо, но с более выраженными подгранеными утолщениями, на которых нанесена кратность, было найдено при раскопках на Рюриковом городище в 1985 г. (Носов, 1990. С. 162, рис. 63, 2; Носов, Плохов, 2005. С. 57,

Рис. 124. Раскоп I на северном берегу Сиверсова канала. Следы пахоты на уровне материка в кв. 5 и 6. Вид с востока

табл. 29, 4). Несколько подобных колец известно из захоронений в Бирке, где они имеют по 3–4 утолщения. В одном случае на изделии сохранился обломок железной иглы (*Arbman*, 1943. S. 12, Abb. 11: 3; 1940. Taf. 112, 9–13). Аналогичные предметы встречены в Шестовицком могильнике и на Сарском городище (*Блифельд*, 1977. С. 132, 196, табл. VII, 1; *Леонтьев*, 1996. С. 172, рис. 74, 15; *Эдинг*, 1928. С. 34, табл. X, 6).

Перстень диаметром около 1,7 см изготовлен из кованной проволоки диаметром 1–1,5 мм, на большую часть которой нанесено рифление. Один конец кольца расплюснен, а другой приострен. Рубчатая проволока часто использовалась для изготовления разных скандинавских ювелирных украшений. Наиболее известны сделанные из нее бусы, найденные на территории Скандинавии и Руси (*Дубов*, 1997; *Френкель*, 2010). В материалах погребения 844 Бирки имеется близкое городищенскому кольцо, выполненное из рубчатой проволоки, но с обоими приостренными концами (*Arbman*, 1940. Taf. 112, 5; 1943. S. 319).

Третья яма, зафиксированная в кв. 4, лишь частично попала в площадь раскопа. Размеры вскрытой части на уровне предматерикового слоя 0,75 × 0,84 м, а глубина около 0,25 м. Ее заполнение – темно-коричневый гумус с органическими остатками. По-видимому, данный комплекс являлся

частью канавообразной ямы, подобной двум выше-описанным. При разборке ямы встречено 9 обломков стенок и донцев лепных сосудов, один венчик раннегончарного горшка второй группы типа I-Б, по В. М. Горюновой, а также 16 фрагментов развитой гончарной керамики, по-видимому, попавших в комплекс из вышележащего перемешанного водами канала слоя.

Судя по расположению канавообразных ям, они оконтуривали площадь фундаментной площадки под жилую постройку, с сооружением и функционированием которой, очевидно, связаны зафиксированные в темно-коричневом и черном слоях доски, «курица», скопления кусков бересты, а также песчаная, золистая и углистая прослойки.

Серый суглинистый предматериковый слой имел мощность 0,16–0,24 м. Он являлся древним пахотным слоем. Находок в нем не было. После разборки серого суглинка во всех квадратах на фоне материка (светло-коричневый суглинок) выявлены следы работы однозубым орудием типа рала – узкие взаимоперпендикулярные гумусированные полосы, образующие частую сетку (рис. 124). Ширина полос 0,06–0,08 м, длина 0,50–2,20 м. Таким образом, до возникновения поселения в низменной части Городища здесь располагалось одно из полей жителей поселка.

Раскоп II

Раскоп, заложенный в 1996 г., располагался в 72 м к востоку от берега р. Волхов (рис. 1). Исследованный участок имел площадь 86,1 кв. м (3 × 28,7 м). Общая мощность культурных отложений достигла около 2 м, а у западного края раскопа – 3 м⁴⁴.

Стратиграфию изученных слоев можно было наблюдать только на зачищенном и выровненном обрыве северного берега Сиверсова канала, который был единственной стенкой раскопа (рис. 125). По всей площади раскопа под дерном залегал аморфный культурный слой XII–XIX вв. – темно-серый гумус мощностью от 0,8 до 1,36 м. Он содержал большое количество битого кирпича, камней, отдельные известняковые плиты, включения глины, кости животных, гвозди, битое стекло, обломки фаянсовой посуды, фрагментированный разновременный керамический материал. Этот слой составлял основной объем осыпей, разобранных на исследованном участке. В восточной части раскопа, в кв. 7–12, в нижней части темно-серого слоя была

зафиксирована прослойка мощностью 0,08–0,12 м, несколько более темного цвета из-за наличия в ней угольков⁴⁵. По-видимому, она связана с каким-то пожаром на поселении в XII–XIII вв. В западной части раскопа, в кв. 14–21⁴⁶, темно-серый гумус подстилался светло-серым суглинистым слоем мощностью до 0,5–0,7 м. В кв. 14, 15, 18, а также частично в кв. 16, 17 и 19 он лежал прямо на материке. В кв. 20, 21 и в западной части кв. 19 под светло-серым слоем сохранилась прослойка серого предматерикового суглинка.

На площади раскопа удалось выявить несколько столбовых ям, частокольных канавок и более крупных комплексов позднего средневековья и нового времени, нарушивших слой светло-серого гумуса. Часть из них была обнаружена при зачистке стенки раскопа, другие зафиксированы на фоне материка после разборки культурных отложений. В кв. 12–14 отмечены две смежные ямы. Первая, прослеженная

⁴⁴ Глубины измерялись от репера, имеющего отметку 20,57 м на общем топографическом плане Городища.

⁴⁵ В кв. 7 и 8 эта прослойка была менее выражена.

⁴⁶ Нумерация квадратов продолжала нумерацию раскопа 1994 г.

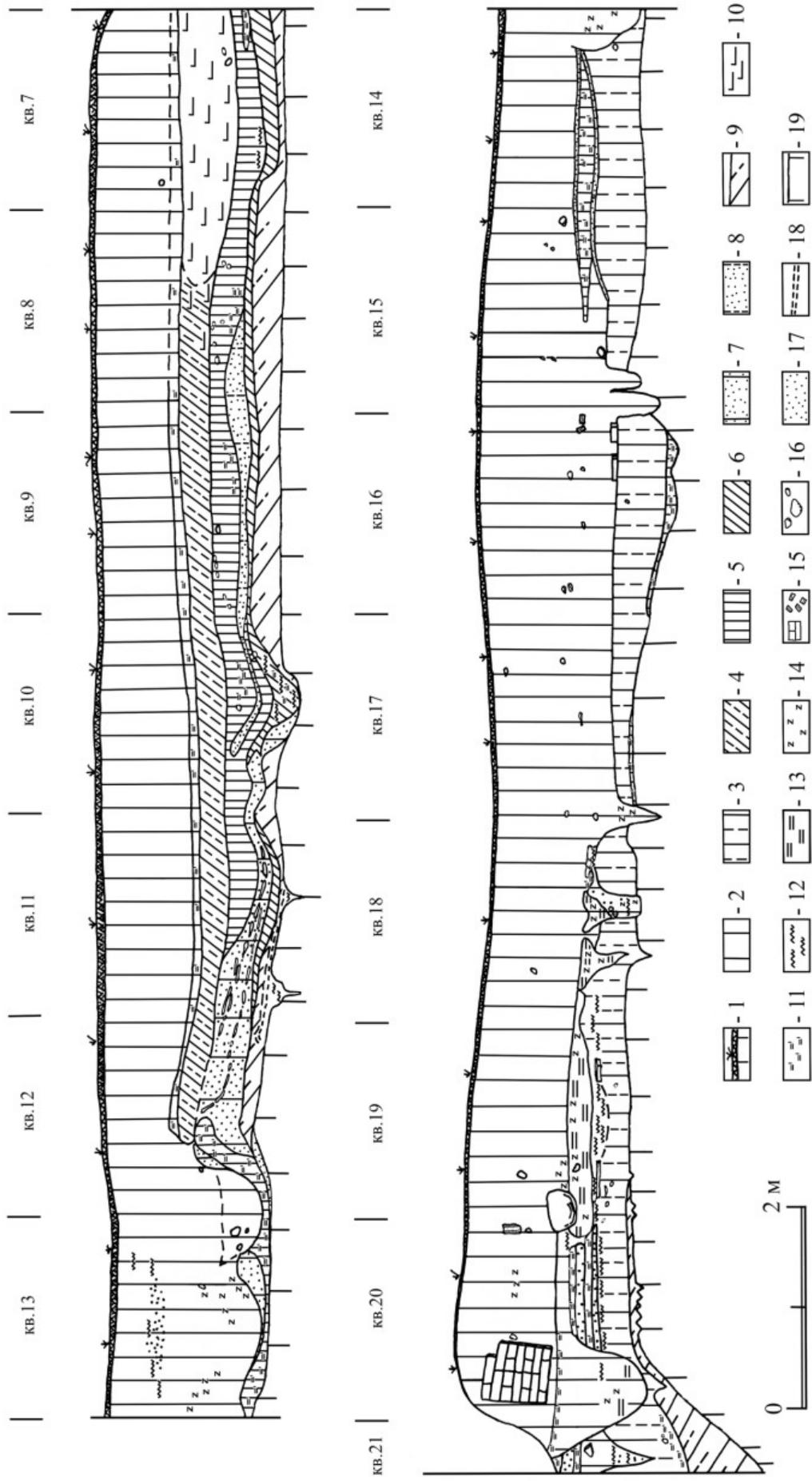

Рис. 125. Раскоп II на северном берегу Сиверсова канала. Стратиграфический разрез северной стенки раскопа.
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – светло-серый гумус; 3 – темно-серый гумус; 4 – светло-серый суглинок; 5 – темно-серый суглинок; 6 – темно-коричневый гумус; 7 – серая супесь; 8 – светло-серая супесь; 9 – серый суглинок; 10 – красно-коричневая глина; 11 – угли; 12 – древесный тлен; 13 – глина; 14 – щебень; 15 – кирпичи; 16 – песок; 17 – камни; 18 – погребенный дерн; 19 – материк

в кв. 12–13 только в профиле стенки, имела ширину около 1 м. Вторая, расположенная в кв. 13–14, была зафиксирована и в плане. Ее отмеченные размеры $1,20 \times 2,0$ м. Оба этих комплекса имели глубину около 0,5 м и почти доходили до материка. Их заполнение – полностью аналогичный верхней части культурных напластований темно-серый гумус с камнями. Во второй, стратиграфически более поздней яме отмечено также значительное количество обломков кирпича. По характеру собранного керамического материала яма в кв. 12–13 датируется XIII–XV вв., а комплекс в кв. 13–14, включающий кроме средневековой гончарной керамики, в том числе и белоглиняной, обломки поздней красноглиняной керамики, изразцов, фаянсовой посуды, относится ко времени существования на месте Городища деревни.

В западной части кв. 20 из стенки раскопа выступал кирпичный монолит ($0,6 \times 0,6$ м) – фундамент дома XIX в. Под ним зачищена яма шириной в верхней части до 1 м и глубиной 0,65 м, заполненная темно-серым слоем с включениями битого кирпича, глины и фрагментов позднесредневековой керамики.

В кв. 18 обнаружена углубленная в материк частокольная канавка (рис. 126), ориентированная в направлении север–юг. Размеры канавки $0,2 \times 0,6$ м. В ней прослежены две ямки от колов глубиной 0,23–0,39 м от уровня материка. Заполнение частокольного ровика в его нижней части представляло собой светло-серый суглинок, а в верхней, зафиксированной в профиле стенки раскопа зеленоватую глину с включениями битого кирпича и щебенки (рис. 125).

Еще одна частокольная канавка располагалась немного восточнее, на границе кв. 17 и 18, параллельно вышеописанной (рис. 126; 127). Ее размеры $0,24 \times 0,6$ м. В ровике отмечены 3 ямки от колов, наибольшая глубина которых от уровня материка 0,31 м. Заполнение – темно-серый гумус с включениями битого кирпича и древесного тлена.

Между частокольными канавками зафиксированы 2 ямы (рис. 126). Одна на уровне материка имела размеры $0,2 \times 0,44$ м и глубину 0,08 м. Заполнение – темно-серая супесь с включениями древесного тлена и битого кирпича. Вторая выкопанная под столб яма имела на уровне материка диаметр 0,2 м и глубину 0,19 м. Основной объем ее заполнения составляла темно-серая супесь с камнями, фрагментами кирпича и древесным тленом, а в верхней части отмечена прослойка зеленоватой глины с осколками кирпича.

По центру восточной части кв. 20 была обнаружена яма, впущенная из темно-серого гумуса

в нижележащий слой светло-серого суглинка. Ее диаметр около 0,64 м, зафиксированная глубина 0,17 м. Плоское дно ямы было выложено берестой. Заполнение состояло из песка, глины, фрагментов кирпича, дерева и 40 обломков позднесредневековой гончарной посуды.

В западной части того же квадрата находился еще один, третий частокольный ровик (рис. 126; 128), который был вытянут в направлении с северо-запада на юго-восток и имел размеры $0,2 \times 1,12$ м. В канавке прослежено 6 ямок от столбов с наибольшей глубиной от уровня материка 0,3 м. Заполнение ровика – светло-серый суглинок.

В профиле стенки раскопа было выявлено еще 3 столбовых ямы (рис. 126). Две из них располагались рядом друг с другом в западной части кв. 15. Они были впущены в нижележащие напластования с уровня темно-серого гумуса и лишь на 0,14–0,25 м углублялись в материк. Еще одна яма находилась в кв. 2. Ее заполнение – темно-серый гумус с включениями песка и древесного тлена. Возможно, эти ямы фиксируют места расположения частокольных ровиков. Если это так, то на вошедшем в раскоп участке в древности было сооружено 6 расположенных попарно частоколов, идущих почти параллельно друг другу. В двух парах ровики, судя по стратиграфии и заполнению, были выкопаны с разного уровня и, следовательно, были разновременны. В среднем расстояние между парами составляет чуть больше 5,5 м.

Частоколы считаются характерным сооружением древнерусских городов. В Новгороде они появляются уже во второй половине X в. и в дальнейшем являются основным типом усадебных ограждений (Сорокин, 1995. С. 22–24). Стандартный диаметр кольев из раскопок в городе составлял около 12–16 см, что вполне соответствует зафиксированной в нашем раскопе ширине ровиков. Столбы ограды устанавливались в специально вырытые для них траншеи. Прослеженная в профиле северной стенки раскопа глубина одной из траншей достигала около 0,7 м. Судя по зафиксированным в ровиках ямкам, при установке частоколов на Рюриковом городище нижние концы бревен затесывались и забивались в грунт, так же как и в подавляющем большинстве случаев при сооружении подобных ограждений в древнем Новгороде. По данным из в писцовой книги 1623 г., территория Городища в XVI в. была покрыта «плотной дворовой застройкой, располагавшейся как вдоль береговой линии Волхова, так и вдоль “улиц”, пересекавших всю территорию городищенского холма» (Анкудинов, 2007. С. 66). Встреченные на площади раскопа

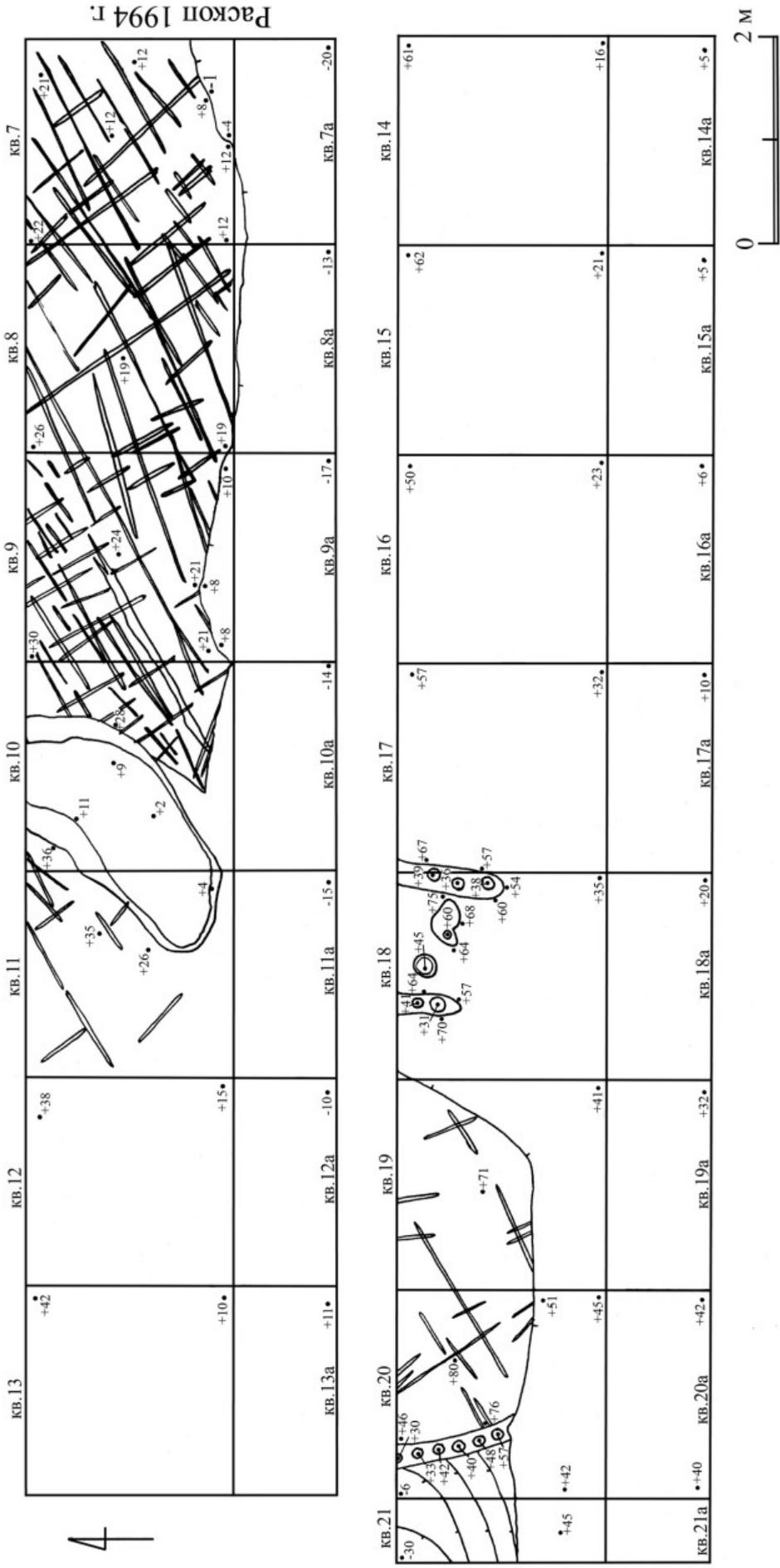

Рис. 126. Раскоп II на северном берегу Сиверсова канала. План раскопа на уровне матрица

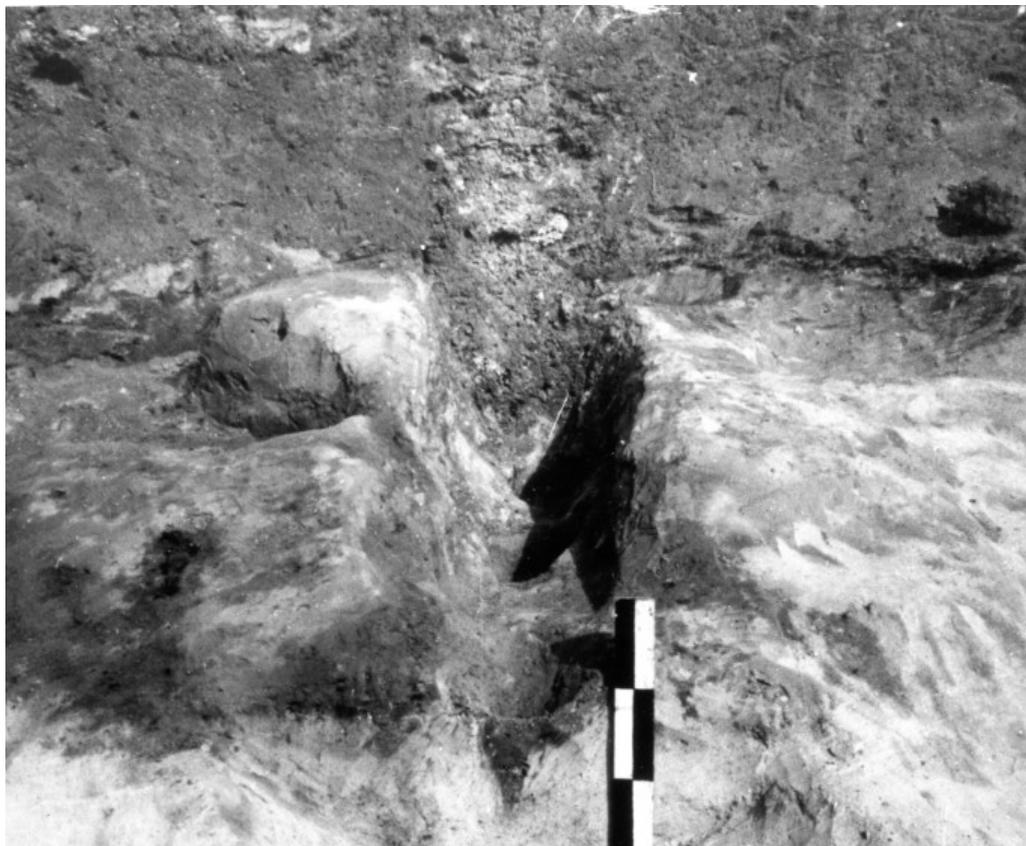

Рис. 127. Раскоп II на северном берегу Сиверсова канала.
Частокольная канавка на границе кв. 17 и 18. Вид с юга

Рис. 128. Раскоп II на северном берегу Сиверсова канала.
Частокольная канавка в кв. 20. Вид с юга

частокольные канавки свидетельствуют о разделении южной части памятника на дворовые участки уже в развитом средневековье.

На всей площади раскопа в темно-сером и светло-сером слоях, а также в заполнениях ям найдено 63 черепка лепной, 133 фрагмента раннегончарной и 18 260 обломков развитой средневековой гончарной посуды XII–XVI вв., причем основная масса последней, по мнению В. М. Горюновой, относится к сосудам XII–XIV вв.

Помимо фрагментов глиняных изделий в стратифицированных слоях и в береговой осыпи встречено более 550 отдельных предметов и их обломков, в том числе 4 вислые свинцовые печати (2 печати Александра Ярославича Невского, печати новгородского посадника Федора Олисиевича (1430–1440-е гг.) (?) и новгородского тиуна Моисея) (Янин, Гайдуков, 1998. № 374–19; 378–4; 591а; 633в-5), 2 целые и половинка заготовок печатей диаметром 1,8, 2 и 2,2 см, 4 свинцовые пломбы (одна дрогичинского типа, 3 XIX–начала XX в.; рис. 129, 16–18)⁴⁷, а также новгородское пуло конца XV–XVI в. (Гайдуков, 1993. № 437).

Среди железных вещей имеются круглая накладка (рис. 130, 1), 3 колечка диаметром 1, 1,2 и 2 см (рис. 130, 2–4), один целый нож и обломки еще 3 (рис. 130, 7, 11), части 2 удил (рис. 130, 10, 14), 3 экземпляра конских ледоходных шипов в виде скобы с округлым основанием (рис. 130, 8, 9), подпружная пряжка (рис. 130, 13) и язычок от еще одной пряжки (рис. 130, 6). Обломки одного экземпляра удил принадлежат типу IV этого вида изделий, по А. Н. Кирпичникову. Этот тип был самым распространенным на территории Древней Руси (Кирпичников, 1973. С. 16–17; Кирпичников, Медведев, 1985. С. 317–318, табл. 145, 7). Пряжка имеет прямоугольную рамку (4,5 × 5,5 см) со слегка скругленными углами. Такие изделия появились в VII–IX вв. и бытовали на Руси вплоть до второй половины XIII в. (Кирпичников, 1973. С. 76–77, рис. 43, 2). На Неревском раскопе Новгорода пряжки прямоугольной формы в основном были найдены в слое XIII в. (Колчин, 1959. С. 107).

Из железа выполнена частично сохранившаяся миниатюрная привеска-амулет в виде топорика (рис. 131). У изделия массивное широкое лезвие с выемкой на нижней грани. Длина изделия – 3,4 см, ширина шейки – 0,6 см, щековиц – 1,1 см, ширина обуха – 1,2 см, диаметр частично сохранившегося отверстия в лезвии – 0,4 см (Дорофеева, 2014. С. 253, рис. 2, 7). Привески-топорики широко

известны в средневековых древностях Руси, Польши, Прибалтики и Северной Европы (Голубева, 1997. С. 153; Даркевич, 1961; Макаров, 1992). В Новгороде известен один отлитый из меди амулет, похожий на городищенский, который найден в слое начала XI в. (Седова, 1981. С. 26, рис. 7, 8). Ю. М. Лесман, основываясь на распространении в новгородских напластованиях железных рабочих топоров типа I, которые, по мнению ученого, являлись прототипами подвесок, считал возможным датировать миниатюрные топоры «временем до 1197 г.» (Лесман, 1990. С. 85).

В рассматриваемых отложениях найден ряд целых предметов и их обломков, изготовленных из сплавов на основе меди. Особый интерес представляет бронзовая прямоугольная литая накладка с колечком (рис. 129, 36). Характерная форма и тип орнамента позволили отнести ее к вещам монгольского происхождения и датировать «джучидской эпохой», т. е. второй половиной XIII в.⁴⁸ Подобные накладки служили для крепления сабли к поясу (Носов и др., 1997. С. 26). На Руси находок эпохи монгольского завоевания сравнительно немного. Наличие этого изделия в материалах Городища – резиденции новгородских князей – свидетельствует о присутствии здесь представителей золотоордынской администрации. Об этом же говорят сделанные на Рюриковом городище ранее находки 4 типичных монгольских наконечников стрел – срезней в виде лопаточки (Носов, 1990. С. 117, рис. 40, 4, 5; Носов, Плохов, 2005. С. 44–45, табл. 14, 14–16).

В коллекции представлена часть дуги подковообразной фибулы с многогранными пирамидальными головками (рис. 129, 33). На обломке шестигранного сечения имеется разграничитель в виде многогранного кубика. Это уже третья находка подобного типа фибул из раскопов 1993–1996 гг.

Следует отметить и подковообразную спиралеконечную фибулу с четырехгранным сечением дуги, одинаковым на всем ее протяжении. Размер изделия – 3,9 × 4,3 см (рис. 129, 32). Этот вид украшений считается самым ранним среди спиралеконечных застежек. На территории Древней Руси они представлены в захоронениях Гнёздовского могильника и других курганов Смоленщины, в Михайловском и Тимерёвском некрополях, во владимирских и приладожских погребальных насыпях, датируемых X–XI вв. Такие изделия известны в Прибалтике, Финляндии и Швеции, причем последняя страна считается родиной этого типа фибул (Мальм, 1967. С. 156; Arbman, 1940. Taf. 50, 11, 12, 14; 51, 1, 2;

⁴⁷ Определения В. Л. Янина.

⁴⁸ Атрибуция бляшки принадлежит М. Г. Крамаровскому.

Рис. 129. Находки из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала:
 1-15, 19-37 – медные сплавы; 16-18, 38, 39 – свинец

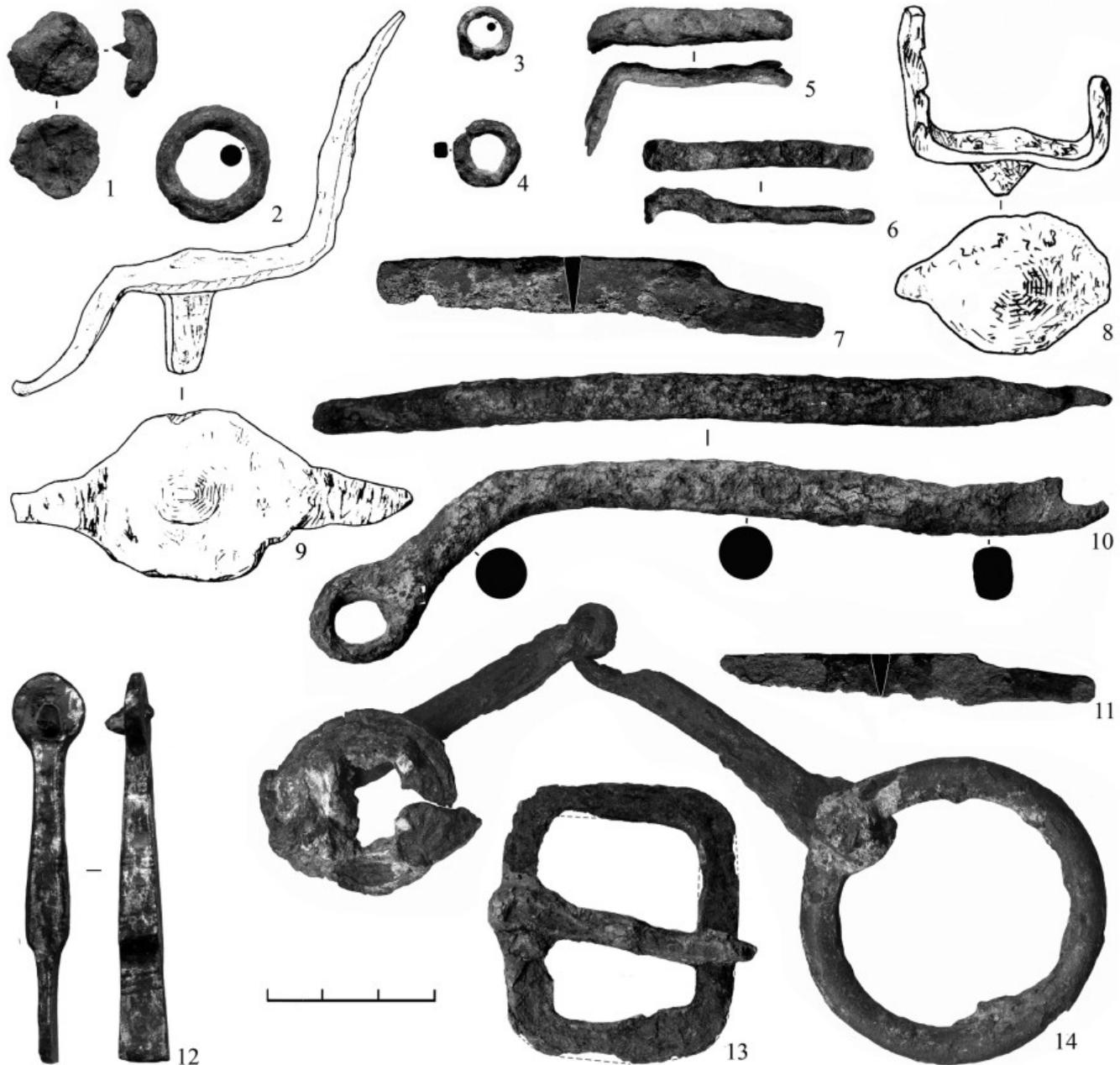

Рис. 130. Находки из железа из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала

Salmo, 1956. S. 19–20, Abb. 4). В Новгороде все подковообразные спиралеконечные фибулы четырехгранного сечения происходят из слоев X в. (Седова, 1981. С. 84).

Среди материалов имеются обломок пластинчатого овалноконечного браслета (?) (рис. 129, 31; Там же. Рис. 43, 14), часть перстня или браслета, свитого из 3 проволок (рис. 129, 25), перстень, целиком свитый из 2 проволок, с сужающимися несомкнутыми концами (рис. 129, 26). По разработкам Ю. М. Лесмана, витые перстни датируются 1006–1313 гг. (Лесман, 1990. С. 51). Найдены обломки литого овалнощиткового перстня (рис. 129, 23), которые в Новгороде встречены в слоях

последней четверти XII–середины XV вв. (Седова, 1981. С. 135; Лесман, 1984. С. 135; 1990. С. 52–53), части узкопластинчатых перстней (рис. 129, 24, 30), рамка одночастной лировидной пряжки (рис. 129, 28) и фрагмент рамки другой пряжки (рис. 129, 27). По данным М. В. Седовой, лировидные пряжки в Новгороде происходят из отложений конца XI–конца XII в. (Седова, 1981. С. 144, рис. 56, 5).

Среди других находок представлены четырнадцатигранная весовая гиричка (рис. 129, 13), одна шаровидная, тисненная, полая, спаянная из двух половинок (рис. 129, 14), и 5 литых пуговиц (рис. 129, 1–5), фрагмент позолоченной ременной накладки с рифленным колечком (рис. 129, 22),

навершие булавки (рис. 129, 20), обрывки цепочек (рис. 129, 9, 10), колечки диаметром 0,6 – 1,5 см (рис. 129, 6–8, 15), фрагмент верхней части сосуда (рис. 129, 34), крестовидная привеска (рис. 129, 12), иконка-привеска (рис. 129, 11) и плоская прорезная подвеска в виде колеса со спицами (рис. 129, 19).

Иконка-привеска квадрифолийной формы с нестандартным, поперечным ушком имеет размер 1,4 × 1,8 см. На ее лицевой стороне представлено плохо сохранившееся рельефное изображение. Близкая по форме и размеру двусторчатая иконка была найдена на берегу Волхова у новгородского кремля. На основании иконографических параллелей она датирована XII в. (Гнутова, 1996. С. 406; Колчин и др., 1985. № 70). В Новгороде на берегу Волхова найден еще один аналогичный предмет. Сходные изделия, по данным К. В. Федюшева, встречены также в Пскове и Смоленске (Федюшев, 1994. С. 240–241, рис. 2). Возможно, городищенская привеска является не очень удачной отливкой по образцу одной из створок складня такого типа. В Новгороде привески-иконки встречаются редко. М. В. Седова учла всего 11 экземпляров таких изделий разной формы и размеров, датированных с начала XII по конец XV в. (Седова, 1981. С. 62–65), причем новгородский миниатюрный складень, так же как и наша находка, аналогий среди них не имеет. Нет подобных предметов и в погребальных памятниках Новгородской земли, где привески-иконки встречаются во второй половине XI–XIII в. (Мусин, 2002. С. 187–188; Соболев, 1995). По данным Ю. В. Колпаковой, в Пскове и Псковской земле известно 39 средневековых нательных иконок и 3 формы для их отливки. Одна из найденных в Пскове иконок с изображением Христа с предстоящими имеет квадрифолийную форму. Исследовательница датирует ее серединой XII–XIII в. (Колпакова, 2007. С. 100–101, рис. 6). В сводке иконок-привесок А. К. Станюковича даны сведения о четырех изделиях в форме простого квадрифолия (тип 7). Все они несут изображения Небесных Сил бесплотных (группа III) и характерны, по мнению исследователя, преимущественно для второй половины XIV–первой половины XV в. (Станюкович, 2011. С. 21, 43–44, 116–117, табл. VII, 97–100). Из Камско-Вятского региона происходит серебряная прикладная печать-образок квадрифолийной формы с рельефным изображением ангела с одной стороны и гравированной надписью на другой. Эта находка датируется второй половиной XIII–второй четвертью XIV в. (Макаров, 2012. Рис. 10, 136; Станюкович, Авдеев 2007. С. 18, рис. 1, 13).⁴⁹

Рис. 131. Железная привеска-амулет в виде топорика из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала

Колесовидная привеска диаметром 2,8 см была отлита по восковой модели, видимо, выполненной по оттиску готового изделия. Похожие подвески встречены в могильниках Северо-Запада Новгородской земли и на памятниках Северо-Востока Древней Руси. Исследователи датируют такие находки XII–XIV вв. (Зайцева, 2008. С. 132, рис. 120, 9; Рябинин, 1986. С. 73, табл. IV, 21; Седова, 1997а. С. 126, рис. 40, 11; 1997б. С. 68, рис. 53, 36; Соболев, 2001. С. 221, 224, рис. 1, 11).

К находкам из цветных металлов относятся также мелкие обломки серебряной полой бусы, украшенной сканью, 2 свинцовых грузика. Один – конусовидной формы 1,7 см в диаметре с отверстием 0,35 см, украшен многолепестковой розеткой (рис. 129, 38). Такие изделия в Новгороде получают распространения в последние десятилетия XIII в. (Лесман, 1990. С. 83; Седова, 1981. С. 158, рис. 62, 23–27). Другой грузик – неорнаментированный цилиндрический с отверстием 0,6 см (рис. 129, 39), возможно, использовался как пряслице.

В наибольшем количестве после фрагментов керамики в рассматриваемых отложениях найдено стеклянных изделий, в том числе 204 обломка браслетов. Среди них имеются гладкие округлого (117 экз.) и сегментовидного (1) сечения, крученые (86) и витые (3), изготовленные из стекла коричневого (49), желтого (16), зеленого (70), синего (9), фиолетового (24) и бирюзового (15) цветов. Тринадцать осколков гладких и 6 крученых браслетов из зеленоватого (14), желтоватого, (1), коричневого (2) и бирюзового (2) цветов, перевитые желтыми, а в одном случае желтыми и коричневыми нитями. Максимальная отмеченная длина фрагментов –

⁴⁹ Благодарю А. А. Пескову за консультацию.

6,3 см. Внутренний диаметр обруча, измеренный у крупных обломков браслетов, – 4 (4), 4,5 (2), 5 (2), 5,5 (2), 6 (17) и 6,5 (2) см. В коллекции представлены фрагменты 3 перстней из синего, коричневого и желтого стекла, в том числе одного простого и одного сложного щитковых украшений, осколки модулей смальты из непрозрачного зеленого стекла, мелкий обломок бесцветного оконного (?) стекла. В Новгороде кусочки смальты встречены в слоях середины XI – середины XIII вв. (Щапова, 1963. С. 138, 140). В темно-сером слое найдены мелкие фрагменты венчика, донца и стенки сосудиков из синевато-зеленоватого (1) и желтоватого (2) прозрачного поташно-свинцового стекла, которое традиционно считается продуктом древнерусского производства. Слабовогнутое донце имеет довольно большой диаметр (ил. 4, 48). Судя по направлению прилегающей к донцу рифленой стенки тулова, оно, по-видимому, принадлежало сосуду боченкообразной формы (Щапова, 1972. С. 38, 46–47, 55, рис. 4, 3; 7, 3, 4; 11, 4–10; 1997. С. 31, табл. 22, 8–14; 23, 4–10, 16). По исследованиям Ю. Л. Щаповой, кубки с широкими донцами встречены в ряде древнерусских городов и датируются последней четвертью XI–первой половиной XIII вв. (Щапова, 1972. С. 34, 42, 52, 55, 58, рис. 3, 5; 5, 9; 9, 2). Имеются также 2 очень мелких осколка цветного посудного стекла, по-видимому, импортного происхождения. Один из обломков синего прозрачного стекла, декорированный белой эмалью и золотом, видимо, происходит от сосуда, изготовленного в византийских мастерских. Маленький кусочек свинцового непрозрачного стекла бирюзового цвета (ил. 4, 50), возможно, являлся вставкой в какое-то ювелирное украшение.

В значительном числе найдены стеклянные бусы – 166 целых и фрагментированных экземпляров. Среди выполненных в технике навивки представлены:

- 15 экземпляров бусинного бисера (непрозрачных желтых – 6, прозрачных зеленых – 6, краснофиолетовых – 2, синих 1 (ил. 36, б));

- 66 зонных бусин (прозрачных желтых – 36 (ил. 36, 29), из которых 2 кольцевидных, зеленых – 20 (1 кольцевидная), синих – 5 (1 кольцевидная), фиолетовых – 3 (ил. 36, 25), коричневых – 1, непрозрачных желтовато-белых – 2, желтоватых – 1, коричневых – 1, голубых – 1);

- 2 зонные желтые прозрачные двухчастные бусины;

- круглая шарообразная коричневая (?) бусина;

- 2 круглые прозрачные фиолетовые эллипсоидные бусины;

- 3 зонные желтые прозрачные ребристые бусины (ил. 36, 35), которые в Новгороде дати-

руются второй половиной XI – 30-ми гг. XIII вв. (Щапова, 1956. С. 175; Лесман, 1984. С. 140);

- винтообразная синяя прозрачная бусина. В Новгороде такие бусы бытовали в 1177–1382 гг. (Там же. С. 139);

- обломок эллипсоидной (?) коричневой непрозрачной бусы, декорированной накладной желтой нитью (ил. 36, 101);

- фрагмент боченкообразной коричневой непрозрачной бусины с накладным выпуклым декором – однократный зигзаг желтой нитью и белые ободки (ил. 36, 95);

- часть цилиндрической желтовато-белой бусины с коричневыми глазками (ил. 36, 98);

- зонная коричневая непрозрачная бусина с пятнистым декором из белых, желтых и зеленых крошек (ил. 36, 104);

- фрагмент бусины круглой боченкообразной (?) золотостеклянной с каймой (ил. 36, 48).

Украшения, сделанные из тянутых трубочек, представлены: 12 прозрачными синими (9; ил. 36, 53), винно-красными (2) и бесцветной «лимонками», золотостеклянной и 2 серебростеклянными бусами, одной желтой ребристой бусиной (ил. 36, 43) и 47 экземплярами рубленого бисера (синих – 20, желтых – 17, белого – 5, зеленого – 3, бесцветных – 2).

По-видимому, к раннесредневековым изделиям относится желтая непрозрачная бусина в форме куба со срезанными углами из стекла, изготовленная путем обработки стеклянной палочки (ил. 36, 90; IX группа, по З. А. Львовой). Похожие по форме, но светло-голубые, бусы на Земляном городище Старой Ладogi найдены в слоях VIII–X вв. (Львова, 1968. С. 90; Рябинин, 1982. С. 168). В той же технике сделана непрозрачная желтая бусина неправильно-округлой формы (ил. 36, 84). Похожие бусы встречаются в горизонтах второй половины IX–X в. Старой Ладogi (Львова 1968. С. 91). Возможно, к тому же времени относится изготовленная в технике навивки цилиндрическая бусина из молочно-белого заглуженного стекла (ил. 36, 72; первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой (Там же. С. 75).

Кроме стеклянных изделий в коллекции представлены 3 сердоликовые бусины (шарообразная, четырехнадцатигранная и линзовидная; ил. 36, 112) и одна хрустальная (битрапециоидная с граненым пояском).

Среди находок из янтаря имеются маленький кусочек с отверстием, по-видимому, фрагмент изделия, четырнадцатигранная бусина с циркульным орнаментом на четырех сторонах (ил. 36, 107), осколок бусины и часть срединно-выпуклого креста (вариант Г11, по Р. Г. Шаповалову) из этого камня (ил. 4, 51). Четырнадцатигранные янтарные бусы

в Новгороде в основном встречены в слоях конца XIV–начала XV в. (*Полубояринова*, 1994. С. 77, рис. 2), а кресты с прямоугольными выступами в средокрестии датируются серединой 30-х гг. XII–концом XIV в., (*Шаповалов*, 2000. С. 159). В других древнерусских городах подобные кресты бытовали в XII–XIII вв. (*Полубояринова*, 1994. С. 81; *Розенфельдт*, 1978. С. 204–205).

Из предметов, выполненных из кости и рога, отмечены: части кальцинированных предметов (пуговицы и накладки?), украшенных циркульным орнаментом (рис. 132, 6, 7), обломок рукоятки ножа (?) с линейным и циркульным декором (рис. 132, 8), линзовидное пряслице (рис. 132, 2), цельный двусторонний гребень с частым и редким зубом, украшенным циркульным орнаментом (рис. 132, 4), типа Е, по Б. А. Колчину, бытующим в Новгороде во второй половине XI–XIII в. (*Колчин*, 1982. Рис. 5), фрагмент центральной пластины двустороннего наборного гребня типа О, по Б. А. Колчину (рис. 132, 11), датирующегося XII–XIII вв. (Там же. С. 165–166), зубчик гребня, навершие булавки (?) с процарапанным изображением птички (рис. 132, 3), обломок костяного предмета (проколки?) (рис. 132, 5), целые (2) и фрагментированные (12) оселки из сланца и песчаника (рис. 133, 4, 5), заготовка наконечника стрелы из кремня (рис. 133, 1), биконические пряслица из серого (1) и розового (3) шифера (рис. 134, 2–4), части 16 глиняных пряслиц боченкообразной, биконической и линзовидной форм (рис. 134, 6–15, 18), одно целое и части еще 3 грузил овально-цилиндрической формы от рыболовной сети (рис. 134, 19, 20), глиняный шарик диаметром 1,8 см с коническим несквозным отверстием (рис. 134, 1), а также половинка глиняной бусины сферической формы (рис. 134, 5).

В результате исследований стало очевидно, что на участке кв. 13–21 напластования поселения конца I тыс. н. э. были уничтожены при каких-то строительных работах в древнерусское время. Только в западной части кв. 19 и 20 над материком сохранился тонкий (0,10–0,15 м) слой серого суглинка, относящийся к раннесредневековой истории Городища.

В восточной части раскопа, в кв. 7–12, под слоем темно-серого гумуса располагался слой глины и суглинка мощностью от 0,6 м в кв. 7 до 0,16 м в кв. 12 (рис. 125). В кв. 7 и 8 он состоял из красно-коричневой глины с включениями нескольких небольших комков темно-серого суглинка, а к западу, в кв. 8–12, – из однородного темно-серого суглинка. Слой из песка и глины, перекрывающий древнейшие отложения в мысовой части Городища, неоднократно фиксировался на участках, располо-

женных вдоль северного берега Сиверсова канала, раскопанных в 1977–1979 и 1994 гг. Он связан с какими-то значительными строительными работами на поселении. В глине не было встречено никаких находок. В суглинке найдено несколько мелких фрагментов раннегончарной керамики, а в кв. 11 зафиксированы также 6 бусин: 3 одночастные «лимоновидные» синие, в том числе одна ребристая, двухчастная синяя, одночастная золотостеклянная и экземпляр рубленого зеленого бисера. Эти находки подтверждают высказанное ранее мнение, что какая-то перепланировка мысовой части поселения имела место в XI в. (*Горюнова*, 2005. С. 96–97; *Носов*, 1990. С. 83, 153–154).

Под слоем глины и суглинка на протяжении 12 м по краю берегового обрыва на ширину до 1,2 м сохранились не размытые водами канала древнейшие напластования поселения. Верхнюю часть этих отложений, кроме кв. 12 и западной части кв. 11, составлял слой черного гумуса мощностью до 0,5 м. В нем обнаружены фрагменты деревянных плашек до 0,5 м в длину, угольки, камни, несколько кусков глиняной обмазки, кости животных и рыб. Из слоя происходят 244 обломка лепной посуды и 357 фрагментов раннегончарных сосудов X в. (рис. 135, 1–7, 9). Последняя была обработана и изучена В. М. Горюновой (*Горюнова*, 2005). По ее наблюдениям, керамика из черного слоя раскопа в основном представлена горшками вариантов I-A и I-B первого типа второй группы раннегончарной посуды Рюрикова городища, доминировавшими в третьей четверти X в. Только присутствие в коллекции обломка сосуда подварианта I-A-1 (рис. 135, 9) в сочетании с горшками варианта I-A, позволило исследовательнице предположить, что начало формирования этого слоя «можно отнести ко времени пятого пласта “стратиграфических” раскопов» (Там же. С. 90, 93–94), который маркирован дендродатами рамы одной из «хлебных» печей и мостков, – 931 (2 образца), 944 (3) гг. (*Носов*, 1990. С. 58).

Среди черепков лепной посуды следует отметить обломок горшка с загнутым внутрь венчиком (рис. 136, 1). Сосуды с подобной профилировкой очень редко встречаются на памятниках Поволжья. По данным Д. Селлинг, такая посуда характерна для древностей раннего средневековья Швеции (подгруппа AIV: 3a1). Следует отметить, что в материалах, полученных при разборке осыпи, имеется фрагмент «баночного» сосуда с прямым венчиком (рис. 136, 2), аналогии которому также хорошо известны в Скандинавии (подгруппа AIV: 4a) (*Горюнова, Плохов*, 2011. С. 259, рис. 1, 2, 3;

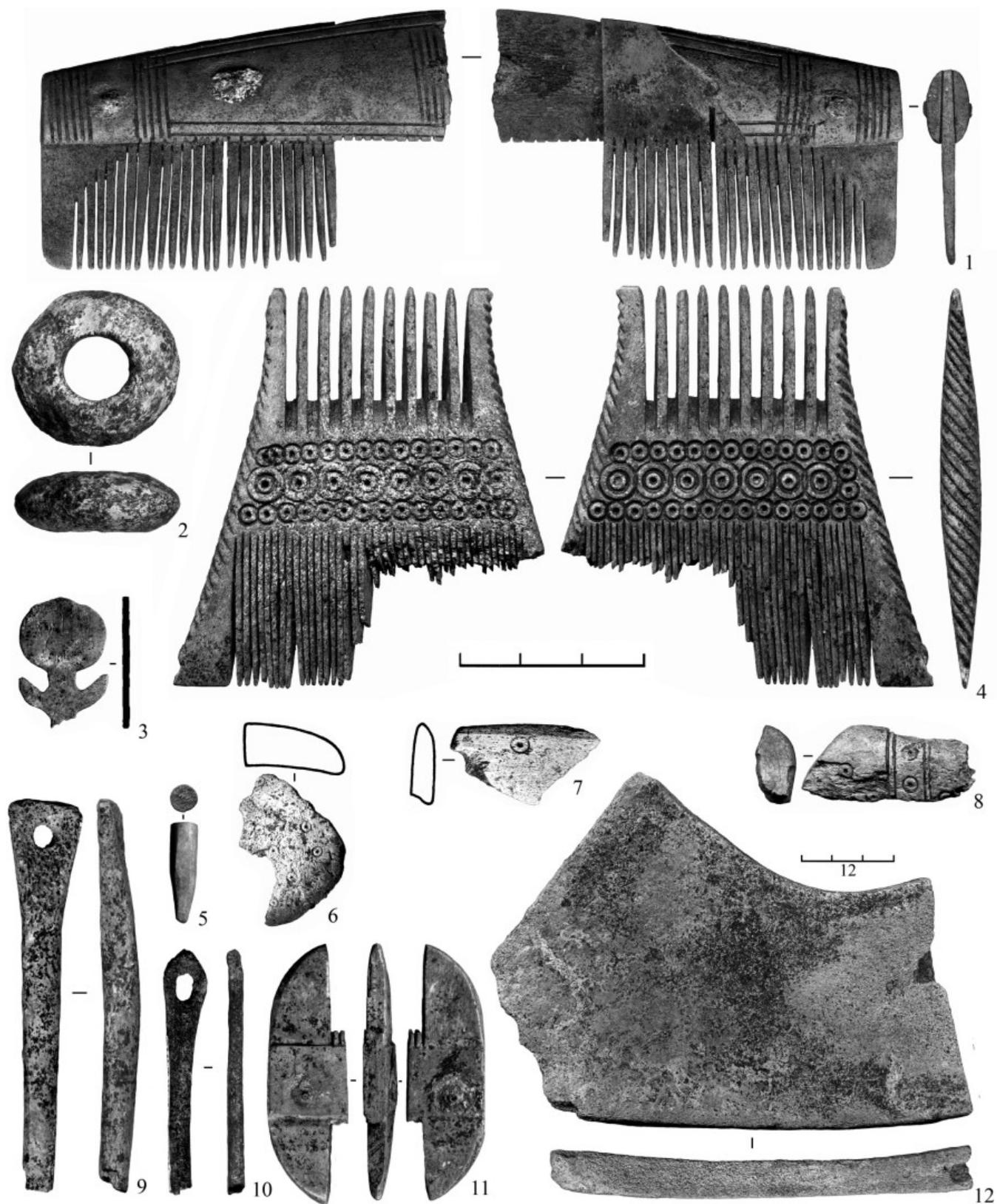

Рис. 132. Находки из кости и рога из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала

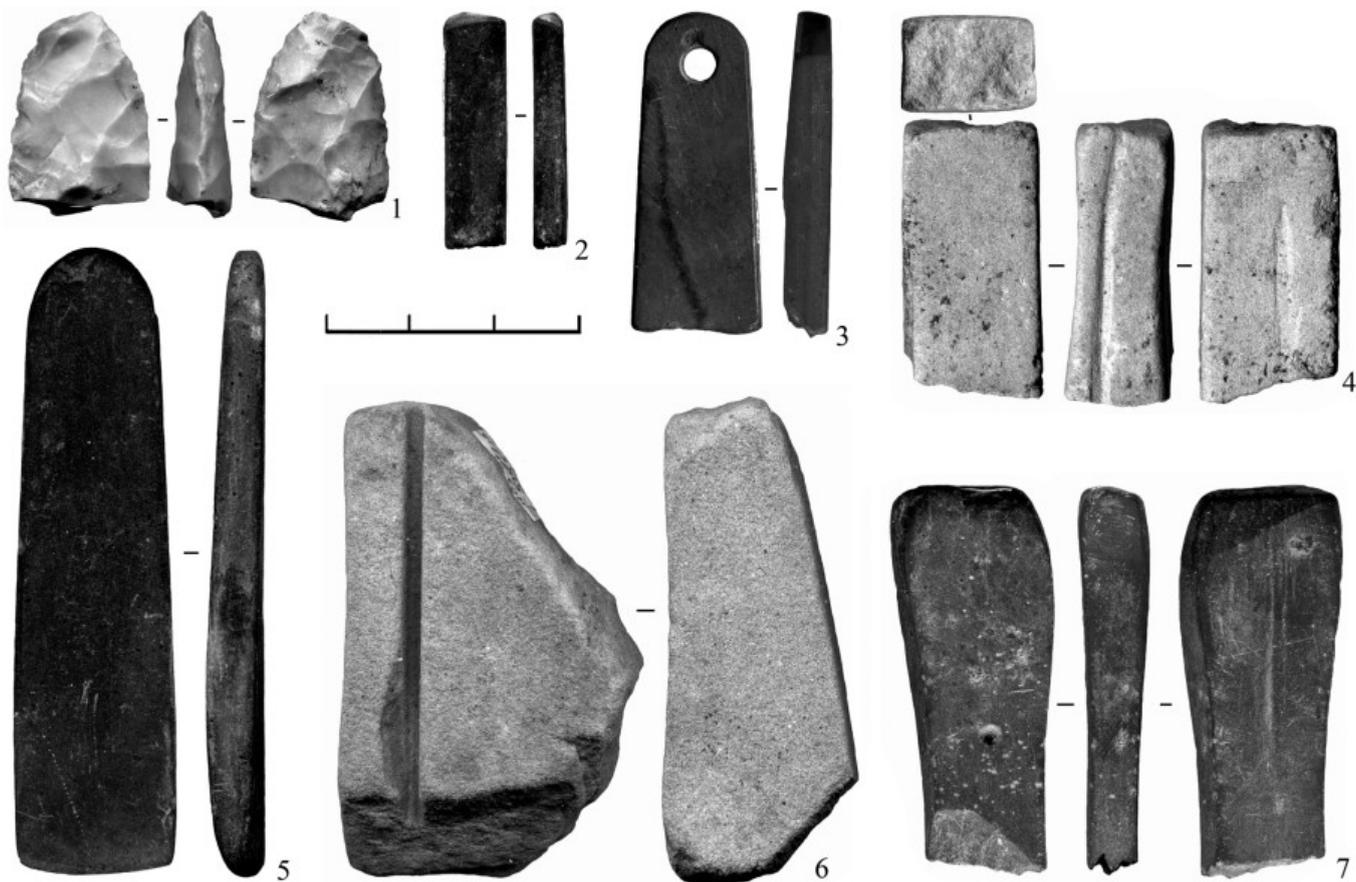

Рис. 133. Находки из камня из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала

Selling, 1955. S. 167–174, 196–201, Taf. 47–49; 63, 1, 2, 8). Петрографическое изучение этих обломков было проведено Т. Брорссоном в Лаборатории керамических исследований на факультете четвертичной геологии Лундского университета (Швеция) (*Brorsson*, 2001; *Hulthén, Brorsson*, 2007). Оно показало, что в тесте сосуда с прямым венчиком, так же как и в ряде образцов местной лепной посуды, присутствуют диатомовые водоросли, что говорит о его изготовлении на Рюриковом городище.

Кроме керамики здесь встречено около 80 различных индивидуальных находок. В первую очередь следует отметить бронзовый литой ажурный наконечник ножен меча эпохи викингов с изображением хищной птицы с распростертыми крыльями (рис. 129, 37). Высота наконечника – 4,5 см, максимальная ширина – 4,0 см, толщина пластины – 0,2 см. Из двух половинок-рамок изделия полностью сохранилась только одна. На груди изображенной птицы имеется орнамент из пяти точек. Крылья и хвост птицы также декорированы точками и линиями. Последними украшена и рамка изделия. Наконечники ножен мечей подобного облика широко известны в древностях эпохи викингов. Наиболее часто они встречаются на террито-

рии Швеции, Финляндии, Польши, Прибалтики и Древней Руси, тогда как в других районах Западной Европы и в западной части Скандинавии отмечены только единичные находки наконечников ножен такого типа (*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 84, 139, 159, 166, 168, 218, 229, 251, 270, 305; *Ениосова*, 1994; *Зоценко*, 2005; *Каинов*, 2007. С. 192–198; *Михайлов, Носов*, 2002. С. 136–137; *Плавинский*, 2010. С. 510, рис. 1, 2; *Томсинский*, 2004. С. 138, рис. 52, 3; *Kazakevičius*, 1998. Lk. 289–292; *Paulsen*, 1953. S. 22–34). Г. Ф. Корзухина считала, что «наконечники с птицей» изготавливались в Швеции, где на о. Бьорко была найдена глиняная литейная форма для отливки такого изделия (*Корзухина*, 1950а. С. 65). Норвежский исследователь П. Паульсен отнес рассматриваемые изделия к «шведско-варяжской» группе с «мотивом птицы» (группа I-2) (*Paulsen*, 1953. S. 22–34). Исследователь разделил подобные наконечники на четыре подгруппы (a, b, c, d), различающиеся особенностями морфологии и орнаментации. Он полагал, что центры их производства располагались в районе Киева (подгруппа a), в Бирке (подгруппа b и большая часть подгруппы d) и на Готланде (подгруппа c и незначительная часть подгруппы d). По мнению шведского ученого

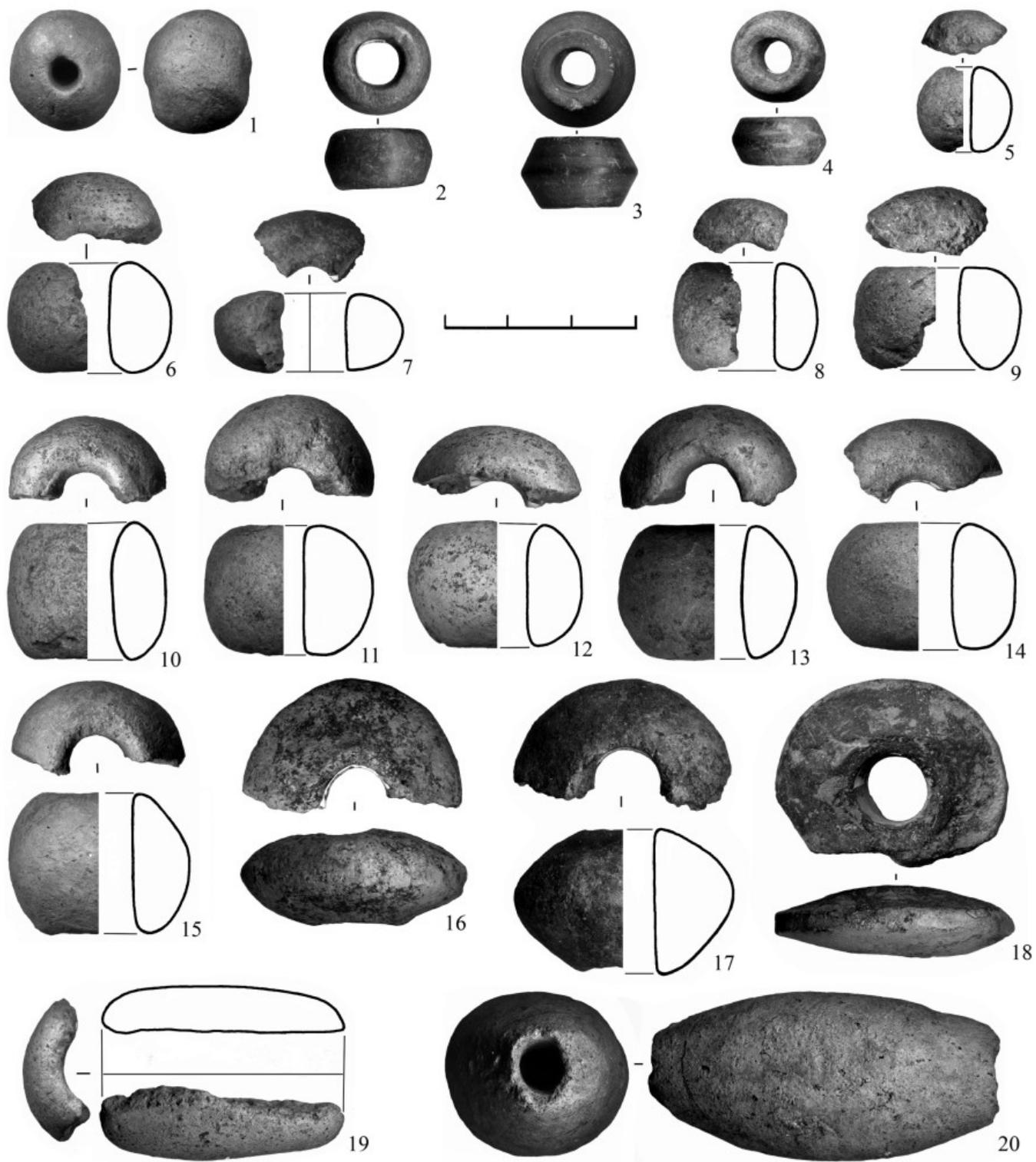

Рис. 134. Находки из глины (2–4) и камня (1, 5–20) из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала

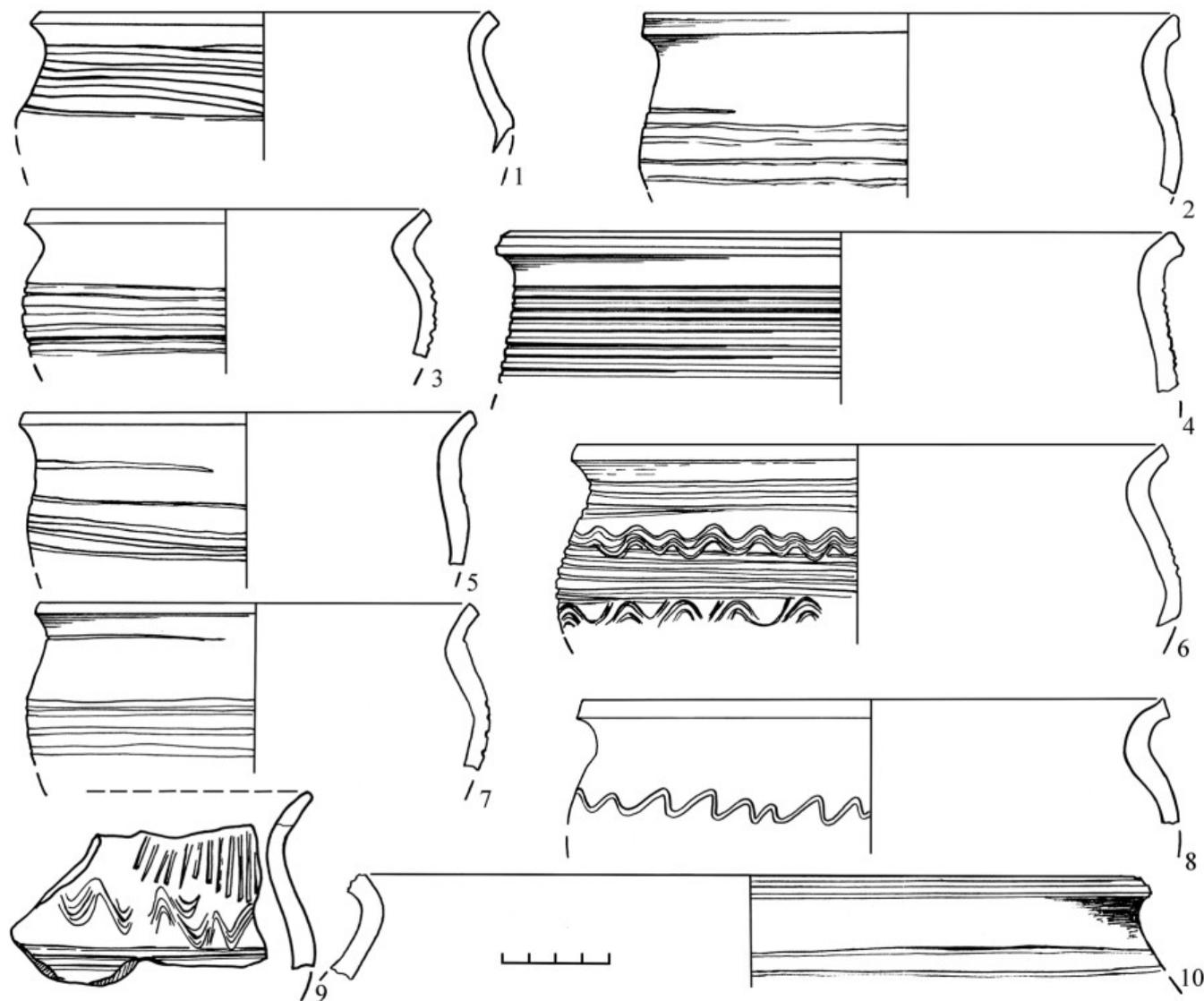

Рис. 135. Раннегончарная керамика из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала:
1–7, 9 – из черного слоя; 8, 10 – из ямы кв. 10, 11

И. Янссона, общая форма этого наконечника «ножен мечей имеет скандинавское происхождение, но мотив с изображением птицы довольно интернационален» и, возможно, что он «впервые был воспринят и использован для орнамента наконечников ножен мечей где-то на востоке», хотя они изготавливались также и в Скандинавии (Янссон, 1999. С. 31–32). В работе П. Паульсена наиболее близкие городищенскому экземпляру находки отнесены к подгруппе b (Paulsen 1953. S. 22–26, Abb. 13–18). Похожие на наш наконечники по типологии, предложенной Н. В. Ениосовой, включены в тип В-II-1, а по типологии С. Ю. Каинова – в первый вариант первого типа изделий с «мотивом птицы» (Ениосова, 1994. С. 102–103, рис. 9, А; Каинов, 2007. С. 193, рис. 3; 4, 1). Г. Ф. Корзухина и П. Паульсен относили время бытования наконечников рассматриваемого типа ко второй половине X–началу XI в. (Корзухина,

1950а. С. 65; Paulsen, 1953. S. 33). В последние десятилетия рядом исследователей высказано мнение об их существовании и в более раннее время (Зоценко, 2005. С. 68). Н. В. Ениосова считает вариант В-II-1 самым ранним среди восточноевропейских наконечников с изображением птицы. Его истоки она находит в материалах Швеции, среди наконечников первой половины X в. из погребений Бирки, которые, по ее мнению, стали основой для развития других типов изделий группы В, распространенных на Руси и в Прибалтике (Ениосова, 1994. С. 104–105, табл. 1). С. Ю. Каинов полагает, что наконечники «с мотивом птицы» следует датировать второй четвертью–концом X в. Причем экземпляры варианта 1 типа 1 отнесены к наиболее ранним изделиям, чье происхождение связывается со Скандинавией (Каинов, 2007. С. 195–198; Каинов, Авдеенко, 2012. С. 146, рис. 1, 1).

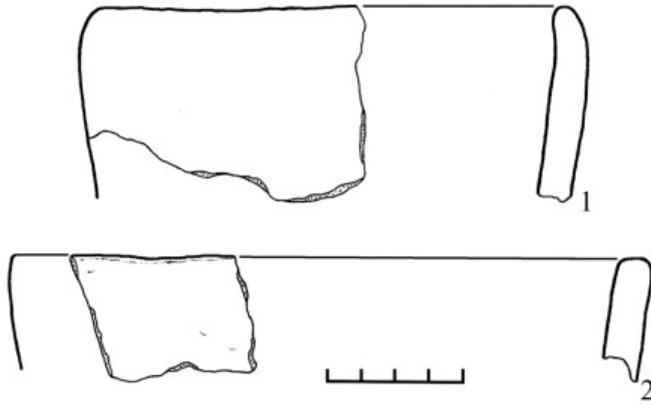

Рис. 136. Скандинавская керамика из раскопа II на северном берегу Сиверсова канала

В черном слое встречены также фрагмент железного предмета, украшенного насечками, с кольцом для подвешивания (рис. 130, 12), который, видимо, является обломком ключа к навесному цилиндрическому замку, и часть скобочки (рис. 130, 5). Несколько находок выполнено из медных сплавов (рис. 129, 35), в том числе бронзовая обоймица (рис. 129, 21), небольшой кусочек проволоки, несколько обломков оплавленного узкопластинчатого изделия с продольным утолщением по центру, декорированным насечками (рис. 129, 29). Последние, видимо, принадлежали крупному спиралевидному перстню или украшению, называемому в литературе «накосником». Целые спирали и их фрагментированные находки, похожие на городищенские обломки, встречены среди инвентаря сопочных захоронений и бескурганного могильников Которск IX в верховьях р. Плюсса (Кузьмин, 2010. Рис. 4, 15; Михайлова, 2014. С. 320–321, рис. 3, 1–4; Петренко, 1994. С. 75–76, рис. 37, 3; 38, 1, 2, 23; 44, 10, 21, 22). В слое встречено 45 стеклянных бусин: 21 экземпляр рубленого бисера (синих – 11, зеленых – 5, бесцветных – 3, коричневых – 2), 6 одночастных и 3 двухчастные синие прозрачные «лимоновидные» бусины (ил. 36, 55), 2 коричневые, 2 желтые (ил. 36, 52) и одна бесцветная прозрачные «лимонки», 3 золотостеклянные и 2 серебростеклянные одночастные бусины (ил. 36, 60), зонная или «толстостенная кольцеобразная» прозрачная желтоватая бусина; вторая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой – Львова, 1968. С.78), один экземпляр желтого прозрачного бусинного бисера⁵⁰, кольцевидная непрозрачная синевато-белая

⁵⁰ Попадание этой бисерины в слой черного гумуса, так же как и отмеченного выше фрагмента ключа, а также 52 обломков развитой средневековой гончарной посуды, очевидно, связано с трудностями отделения этого слоя от перемытых водами канала отложений.

бусина (ил. 36, 74) и фрагмент зонной непрозрачной молочно-белой бусины, украшенной двумя пересекающимися волнистыми красно-коричневыми полосками и мозаичными глазками (две последние – первая подгруппа IV группы, по З. А. Львовой (Там же. С. 75). Каменные бусы представлены 5 изделиями из горного хрусталя (3 шарообразные (ил. 36, 130), битрапециодная с граненым пояском и мелкий неопределимый осколок) и 3 украшениями из сердолика (четырнадцатигранная, восьмигранная призматическая и мелкий неопределимый осколок). Среди прочих находок отмечены: костяная булавка (рис. 132, 9), часть костяной иглы (рис. 132, 10), пластина из центральной части лосиного рога размерами 15,0 × 11,5 × 1,3–1,9 см (рис. 132, 12), кусочек янтаря, фрагменты 3 точильных камней из сланца (рис. 133, 2, 7), в том числе обломок оселка с отверстием (рис. 133, 3), 2 фрагмента глиняных дисков от вертикального ткацкого станка, половинки 2 глиняных пряслиц (рис. 134, 16, 17) и 3 обломка тиглей.

В западной части кв. 11 и в кв. 12 под слоем темно-серого суглинка, перекрывшим раннесредневековые отложения, зафиксирован массив серой супеси мощностью до 0,45 м с включением желтых песчаных прослоек желтой супеси. При его исследовании были отмечены несколько колышков диаметром около 5 см в виде древесного тлена. На большей части кв. 11 и в кв. 10 слой супеси толщиной около 0,10–0,15 м заходил под черный гумус. С запада массив серой супеси ограничивала прослойка черного гумуса с углями. Зачистка берегового обрыва не позволила установить, остатками какого сооружения являлся зафиксированный массив супеси. Возможно, он связан с раннесредневековыми оборонительными укреплениями Городища. Так ли это, удастся установить лишь при исследовании данного участка памятника на более значительной площади. Из находок в супеси происходят 22 фрагмента раннегончарной и 6 лепной керамики, а также один экземпляр рубленого бисера из желтого стекла.

В кв. 7–10 слой черного гумуса подстилался темно-коричневым гумусированным слоем толщиной до 0,2 м. В кв. 11 линза такого слоя шириной 1,65 м и мощностью до 0,12 м зафиксирована под серой супесью. В темно-коричневом слое органические остатки сохранились несколько лучше, чем в вышележащих напластованиях, но каких-либо деревянных конструкций здесь отмечено не было. Были зафиксированы только 2 доски шириной 0,12 и 0,32 м и длиной 0,64 м. Из этого слоя происходят 64 фрагмента исключительно лепной керамики, 6 экземпляров рубленого бисера из синего (4) и

желтого (2) стекла, а также четырнадцатигранная хрустальная бусина.

Над материком в кв. 7–12, и, как уже отмечалось выше, в кв. 19 и 20, залегал слой гумусированного серого суглинка мощностью от 0,08 до 0,32 м. Наибольшая толщина этого слоя зафиксирована на участке в кв. 8, 9 и частично в кв. 7, 10. К востоку (в кв. 7), как видно на профиле северной стенки раскопа (рис. 125), она резко уменьшается. Очевидно, что здесь верхняя часть слоя серого суглинка была срезана в древности на глубину около 0,2 м. С запада в кв. 10, 11 участок с наибольшей мощностью предматерикового слоя ограничен ямой (рис. 126). Она имела подовальную в плане форму, довольно крутые стенки и уплощенное дно. Яма была вытянута с северо-востока на юго-запад. Северная ее часть уходила под стенку раскопа, а южная разрушена водами Сиверсова канала. Размеры вскрытой части комплекса 1,32 × 2,4 м при глубине около 0,5 м. Яма прорезала слой серого суглинка и заглубля-

лась в материк. Заполнение комплекса в основном состояло из темно-коричневого гумуса с камнями и древесными остатками. По западной стенке в яму «заходил» слой серой супеси, а верхняя ее часть была заполнена черным гумусом с отдельными камнями, фрагментами дерева и древесным тленом. При разборке комплекса найдено более 200 фрагментов раннегончарной (рис. 135, 8, 10) и лепной керамики, причем в нижней его части попадались исключительно обломки последней. В заполнении ямы найдены: неопределимый бронзовый предмет, одночастная серебростеклянная бусина, 11 экземпляров рубленого бисера (синих – 5, желтых – 2, зеленых – 2, бесцветных – 2), а также кости животных и рыб. На дне ямы был обнаружен обломок большого рогового одностороннего наборного гребня с накладками (ширина 2,2 см, толщина 0,43 см), украшенными двумя бороздками по краям и несколькими группами вертикальных линий (рис. 132, 1), практически аналогичный най-

Рис. 137. Раскоп II на северном берегу Сиверсова канала. Следы древней пахоты в восточной части раскопа. Вид с запада

денному в постройке раскопа II на южном берегу Сиверсова канала. Он относится к типу Ib, по классификации О. И. Давидан, и датируется IX–X вв. (Давидан, 1968. С. 56–57; 1999. С. 168, 172).

Отмеченные подрезка и яма ограничивают площадку с довольно ровной поверхностью шириной около 4,5 м. Южная часть площадки смыта водами канала, а северная уходит под стенку раскопа. Очевидно, открытое сооружение представляет собой часть фундаментной площадки, предназначенной под жилую постройку. Строительство последней хронологически соотносится со временем накопления на вскрытом участке темно-коричневого гумусированного слоя, как отложившегося на площадке (его мощность достигала здесь 0,04–0,10 м), так и заполнившего ограничивающие ее углубления. Сооружение продолжало существовать и позднее. С его функционированием, по-видимому, связаны слой светло-серой супеси мощностью 0,10–0,25 м, прослеженный в кв. 8–10, а также зафиксированные в черном слое над площадкой скопления угля, древесный тлен и обожженные камни от печикаменки, хотя остатков самой печи выявлено не было.

Залегающий над материком слой гумусированного серого суглинка является древним пахотным слоем. После его разборки в кв. 7–11, 19 и 20 на

фоне светло-коричневого материкового суглинка были зафиксированы следы, оставленные однозубым пахотным орудием типа рала – узкие (в основном 4–5 см шириной) взаимопересекающиеся темные полосы (рис. 126; 137). В кв. 20 борозды отмечены и в профиле северной стенки раскопа (рис. 125; 138). Очевидно, на начальной стадии существования поселения на этом участке у подножия городищенского холма, как и на площади раскопа 1994 г., располагалось поле. В кв. 11 и восточной части кв. 12 в профиле в предматериковом слое была зафиксирована прослойка погребенного дерна, под которым наблюдались остатки корневых систем 2 деревьев, росших здесь в древности. В западной части кв. 20 и кв. 21 было отмечено резкое (примерно под углом 45°) понижение уровня материка (рис. 125; 139). Мощность слоя серого суглинка увеличилась в этом месте до 0,56 м. Здесь удалось проследить восточный край древнего оврага или рва, исследованного в 1977–1979 гг., а также позднее, в 1997–2004 гг. (Носов, 1990. С. 47–85; Носов и др., 1998; 1999; 2000; 2001; 2002; 2003. С. 19–22; 2004. С. 18–21; 2005а). В предматериковом пахотном слое находок почти не было. Только в кв. 19 и 21 было встречено 29 фрагментов раннегончарной и 16 обломков лепной посуды.

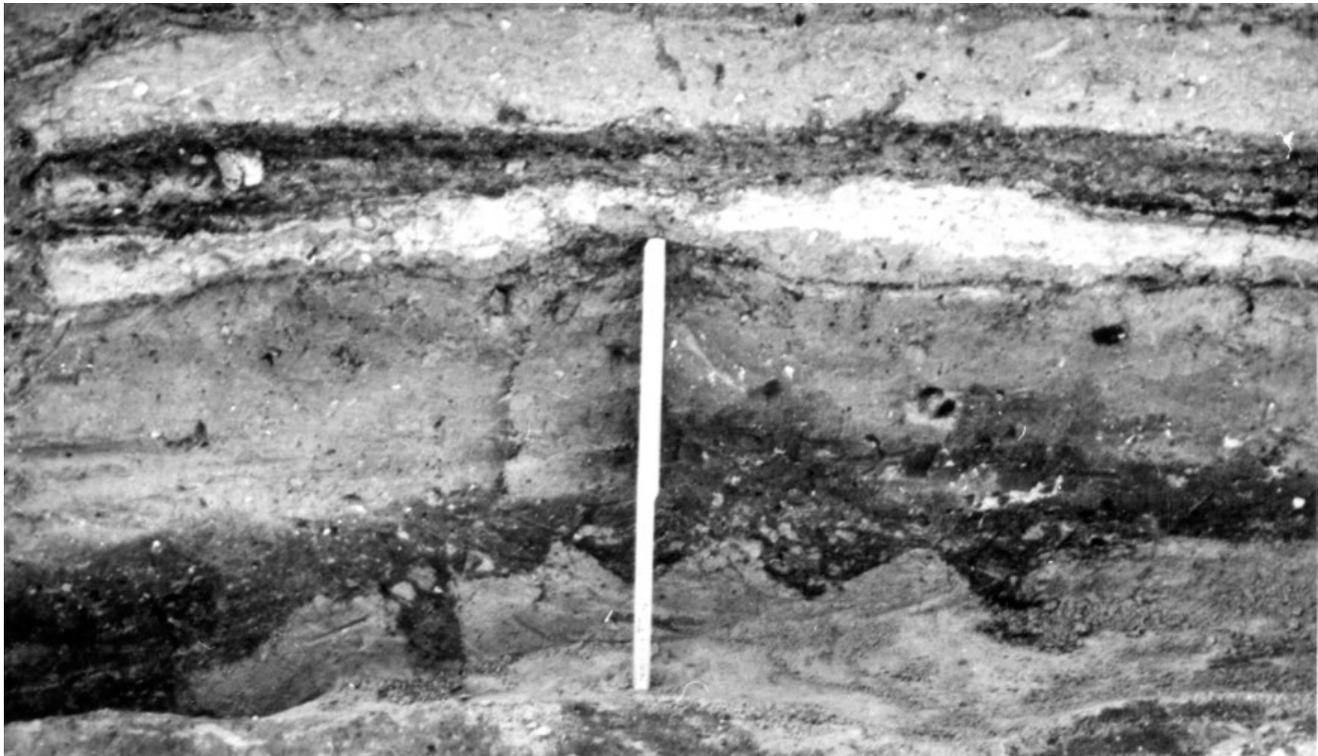

Рис. 138. Раскоп II на северном берегу Сиверсова канала. Следы древней пахоты в профиле северной стенки раскопа в кв. 20

Рис. 139. Раскоп II на северном берегу Сиверсова канала.
Стратиграфия северной стенки раскопа в кв. 20, 21 и край древнего оврага

Итак, исследования на северном берегу канала показали, что этот участок поселения, по-видимому, так же как и площадь, изученная в раскопах на южном берегу, стал осваиваться под застройку в 20–30-е гг. X в. Эта дата основана на находках в нижнем горизонте культурного слоя (темно-коричневом гумусе) хрустальных бус (шарообразной и четырнадцатигранной) и гребня второй группы, которые в материалах Старой Ладogi не встречаются ранее горизонта Д (930–990-е гг.) (Давидан, 1962. С. 101; Рябинин, 1995. С. 58). Остатки древнейшей из двух построек были выявлены в 1994 г. Ее функционирование целиком приходится на время формирования слоя темно-коричневого гумуса, а в связанных с нею комплексах найдены только обломки лепных сосудов, за исключением одного венчика раннегончарного горшка второй группы типа I–Б, по В. М. Горюновой, который, возможно, попал в яму из вышележащего слоя. Это позволяет датировать

данное сооружение в рамках второй четверти X в. Несколько позднее, но, по-видимому, не позже третьей четверти того же столетия функционировал дом, остатки которого зафиксированы в 1996 г. До возведения домов этот более высокий, чем на южном берегу канала, участок⁵¹ использовался под пашню. В XI в. в этой части Городища происходят значительные земляные работы, приведшие к перекрытию древнейших напластований памятника слоем песка и глины. В XII–XVI вв., судя по количеству полученных материалов этого времени и отмеченным комплексам, на исследованной раскопами площади велась интенсивная жизнедеятельность. Запустение данной территории, как и всего поселения, по сведениям письменных источников, которым не противоречат и имеющиеся археологические материалы, произошло в 1570–1580-х гг. (Анкудинов, 2007. С. 65).

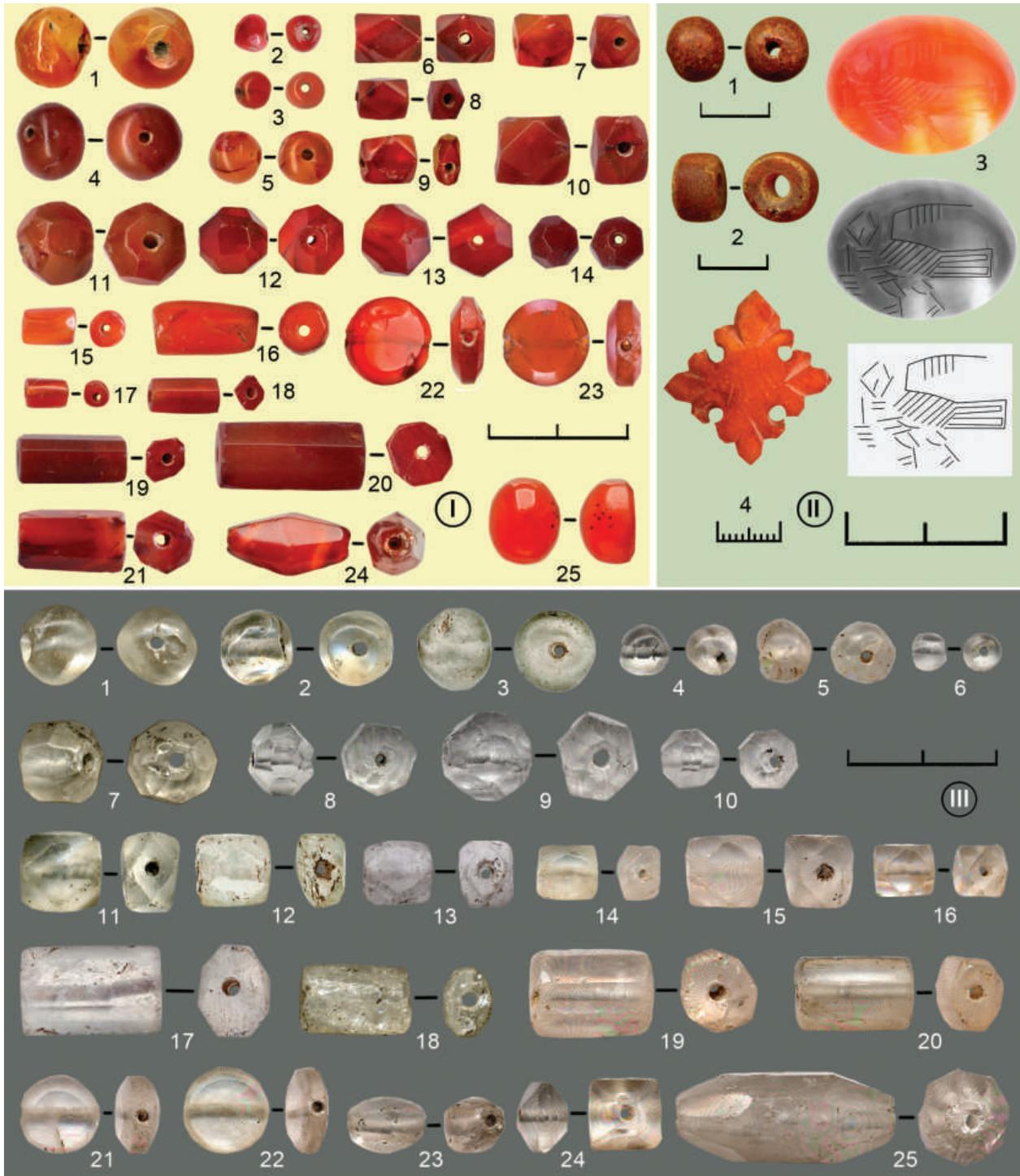
⁵¹ Разница в высоте примерно 0,5–1,8 м.

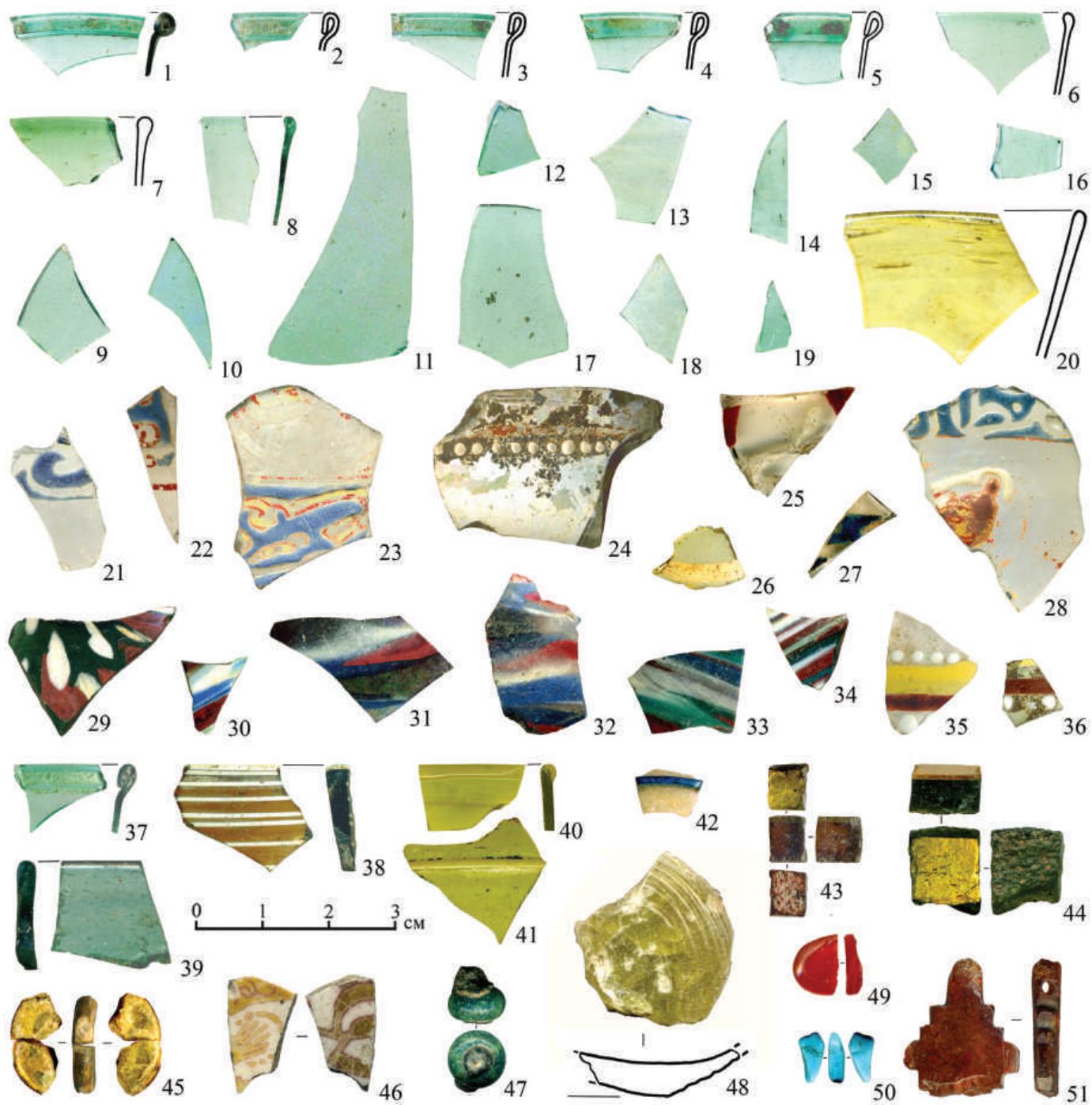
Ил. 1. Находки из раскопов 2005–2012 гг.: 1–84 – образцы стеклянных бус; 85–92 – янтарные бусы; 93 – византийская монета; 94, 95 – изделия из янтаря; 96 – подвеска с рунообразными знаками

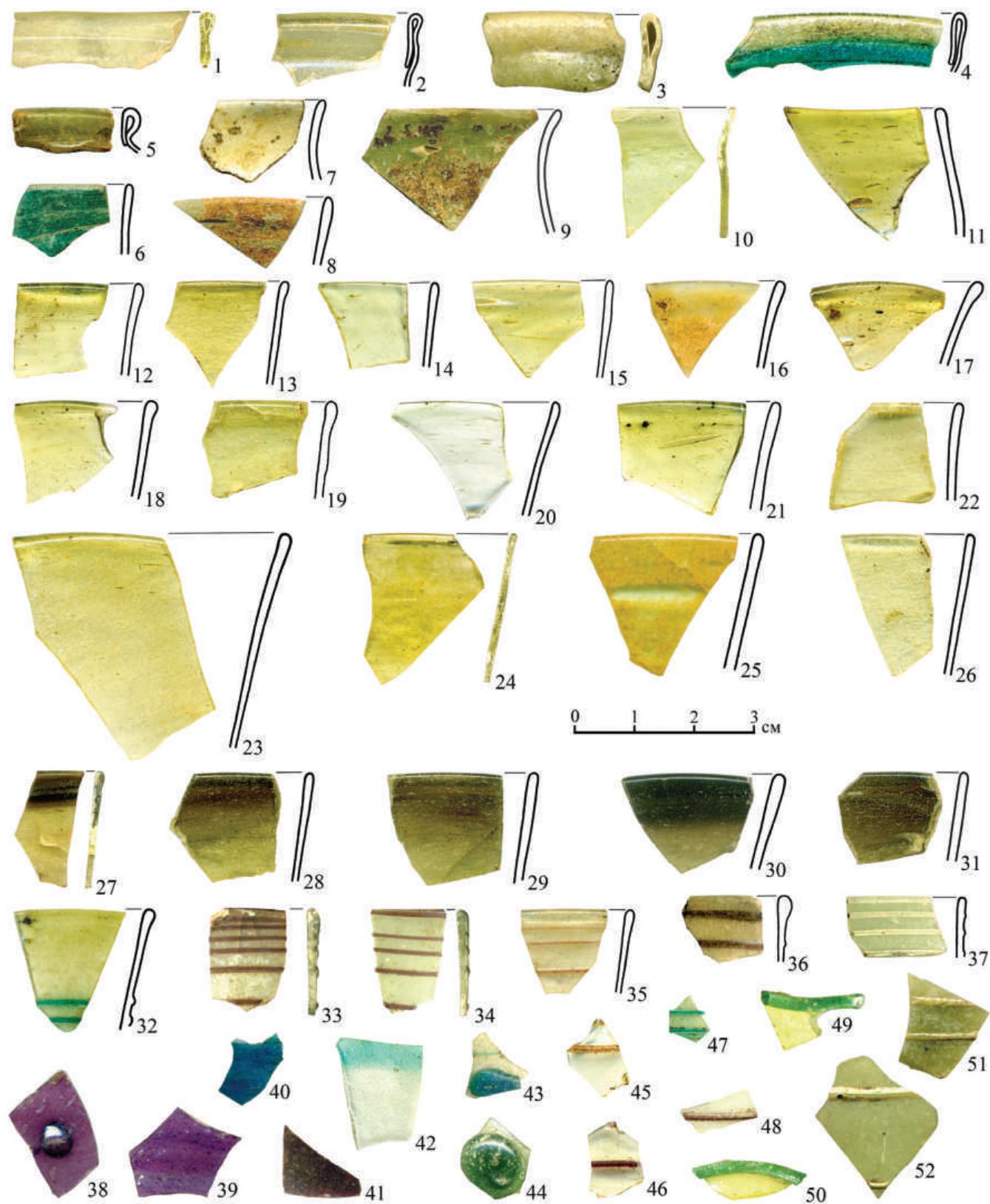
Ил. 2. Образцы стеклянных и пастовых бус из раскопов 2005–2012 гг. (1–66) и фрагмент стеклянного браслета из древнерусской постройки IV (67)

Ил. 3. Находки из камня и янтаря

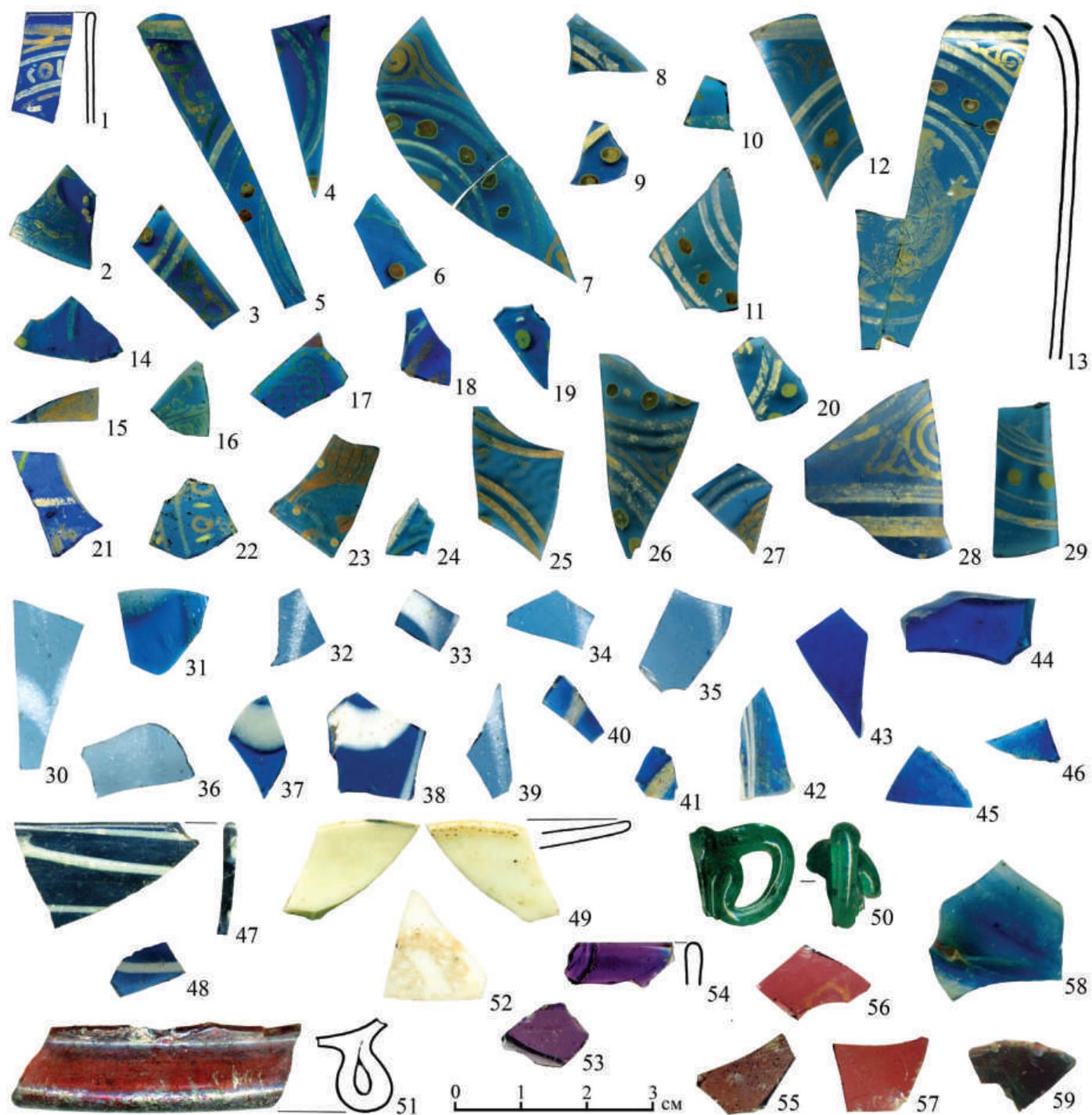
Ил. 4. Импортное стекло из раскопов 2005–2011 гг.

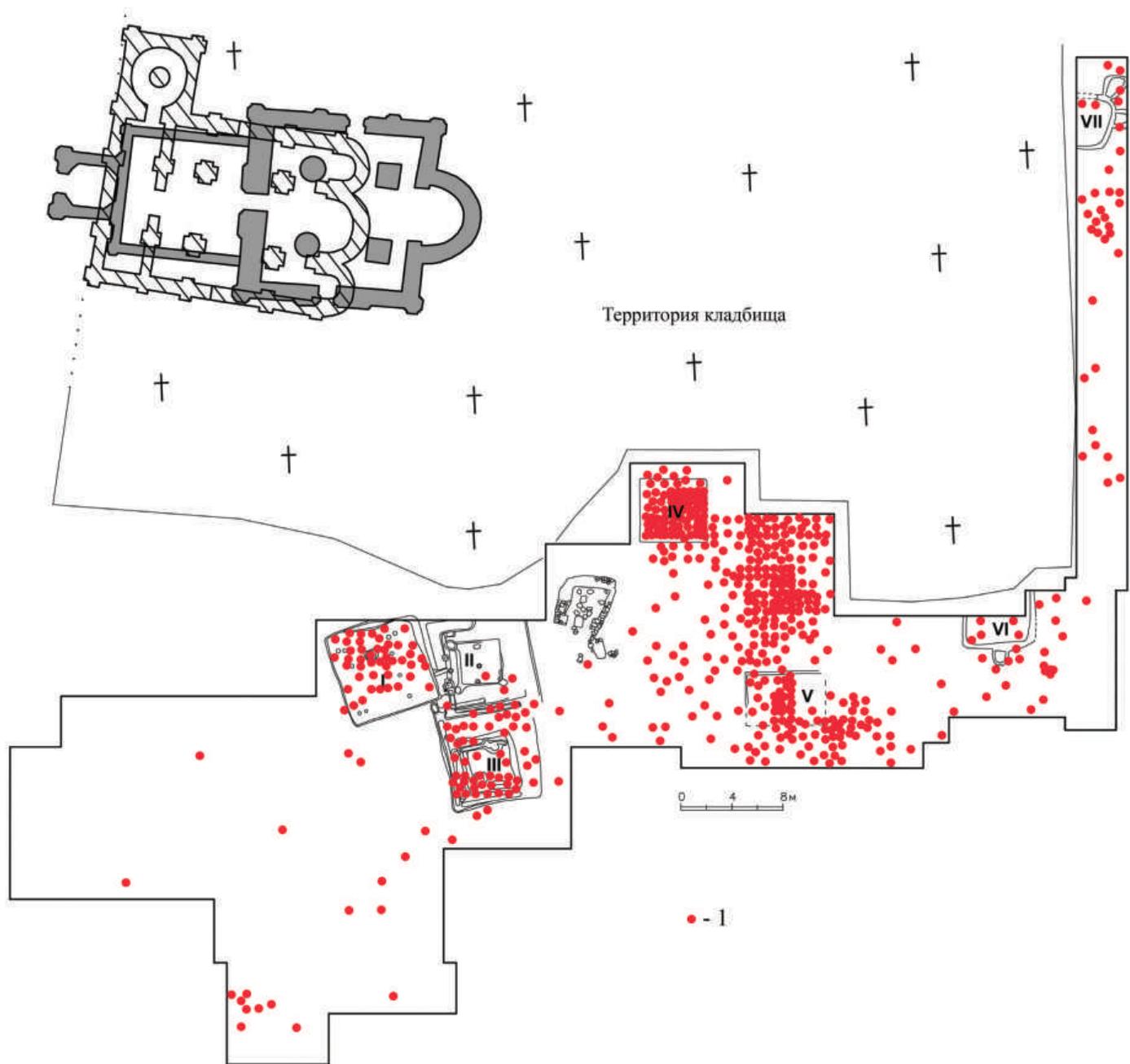
Ил. 5. Древнерусское стекло из раскопов 2005–2011 гг.

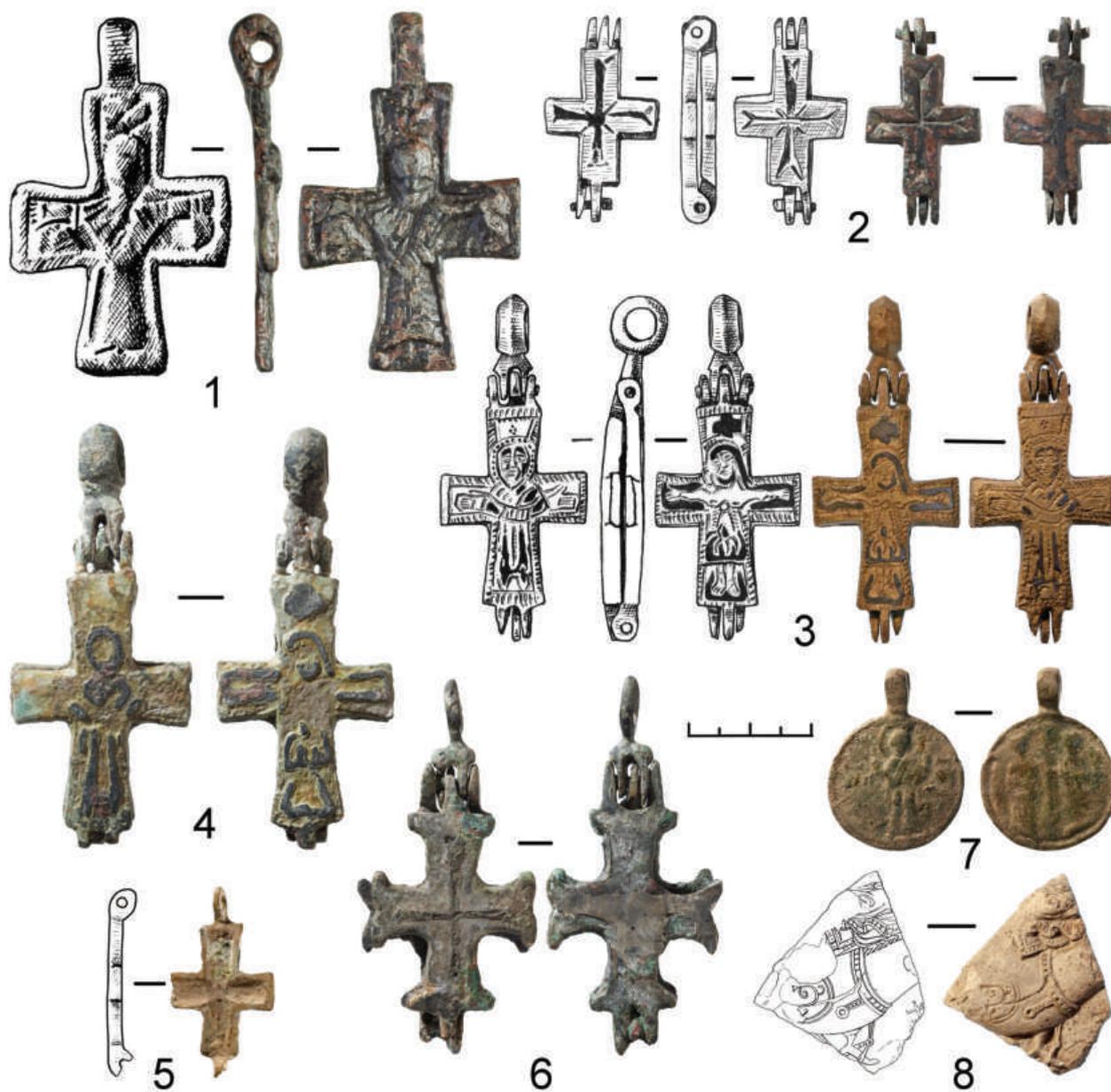
Ил. 6. Древнерусское стекло из раскопов 2005–2011 гг.

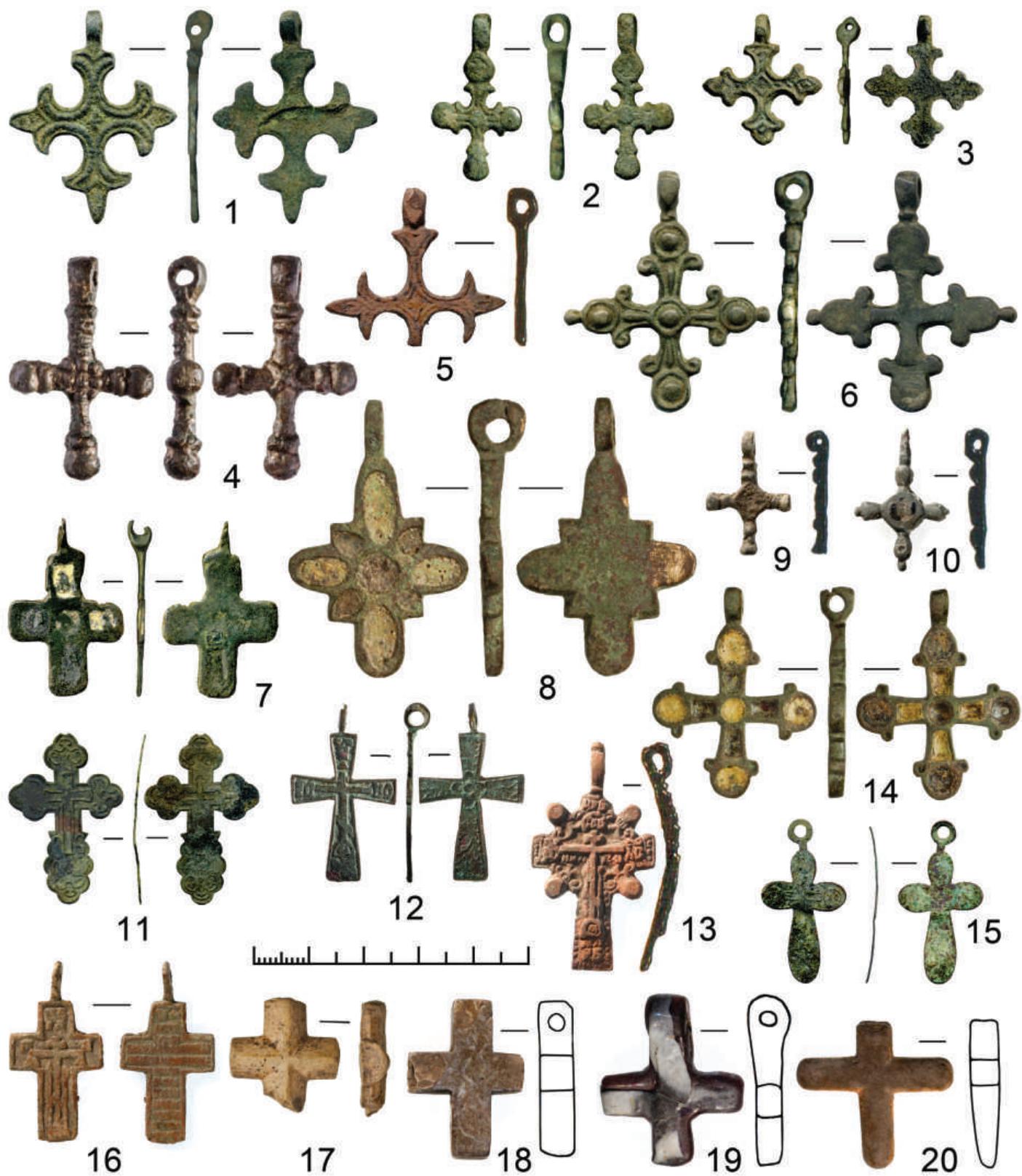
Ил. 7. Импортное стекло из раскопов 2005–2011 гг.

Ил. 8. Распространение фрагментов стеклянной посуды на площади раскопов 1980–1989 и 2005–2010 гг. (отмечены только фрагменты, превышающие по одному из параметров 1 см)

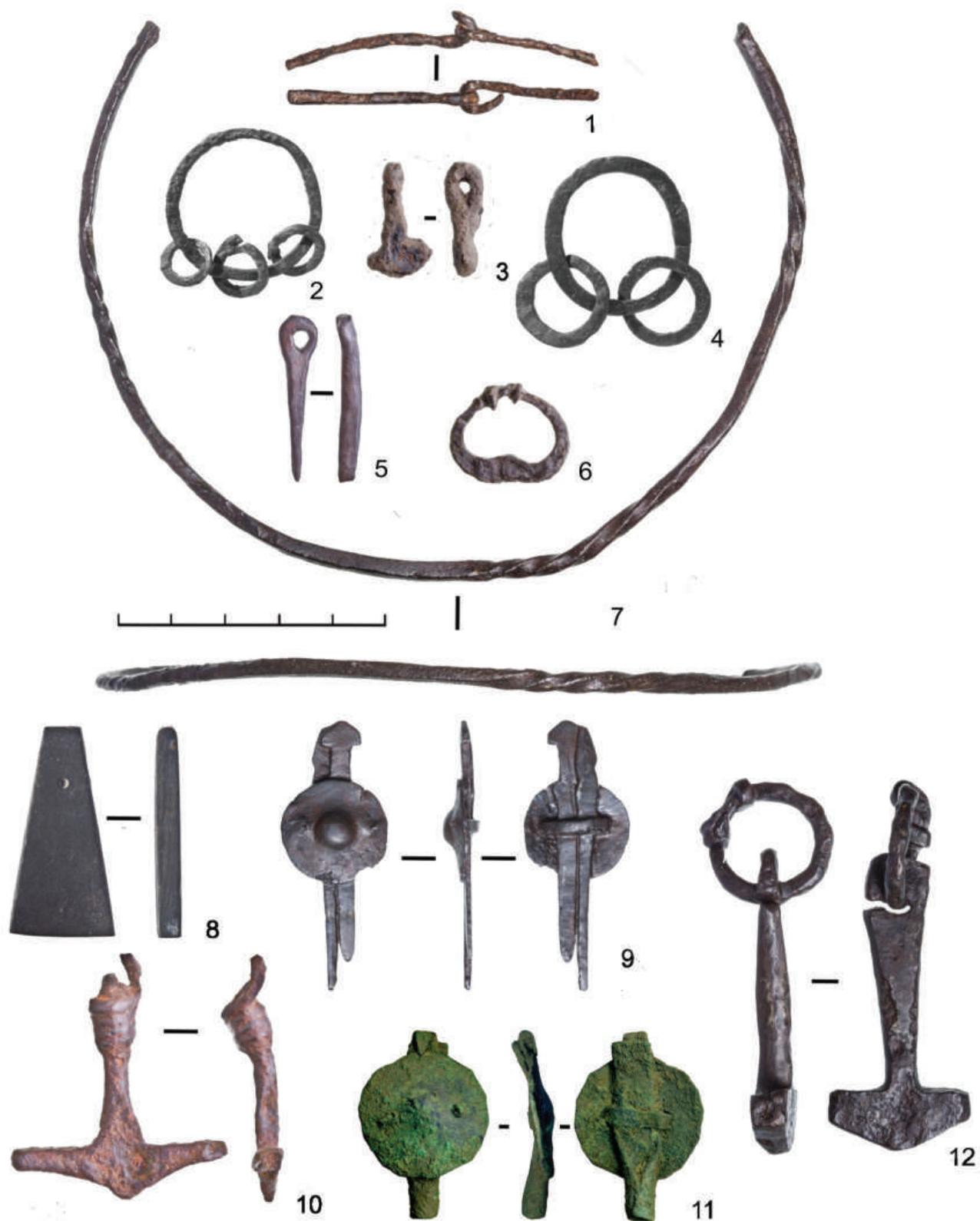
Ил. 9. Христианские древности из темно-серого перемешанного культурного слоя

Ил. 10. Нательные кресты из темно-серого перемешанного культурного слоя

Ил. 11. Находки из цветного металла из темно-серого перемешанного культурного слоя

Ил. 12. Скандинавские языческие амулеты (1-9, 11 – железо, 10 – камень)

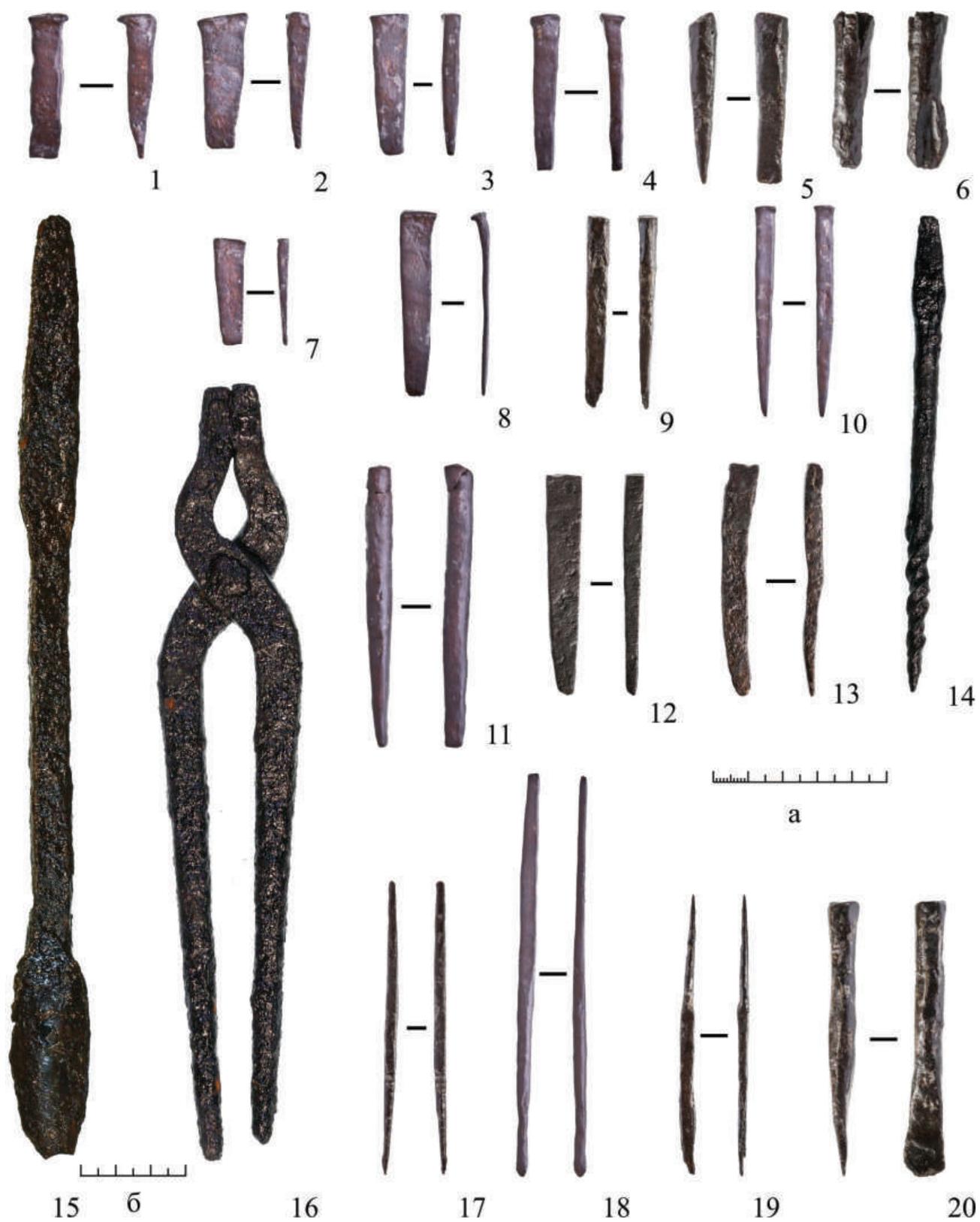
Ил. 13. Находки из цветного металла из темно-серого культурного слоя и углубленных в материк сооружений (5–8, 16 – из заполнения сооружения № 74; 10, 21 – из заполнения сооружения № 75)

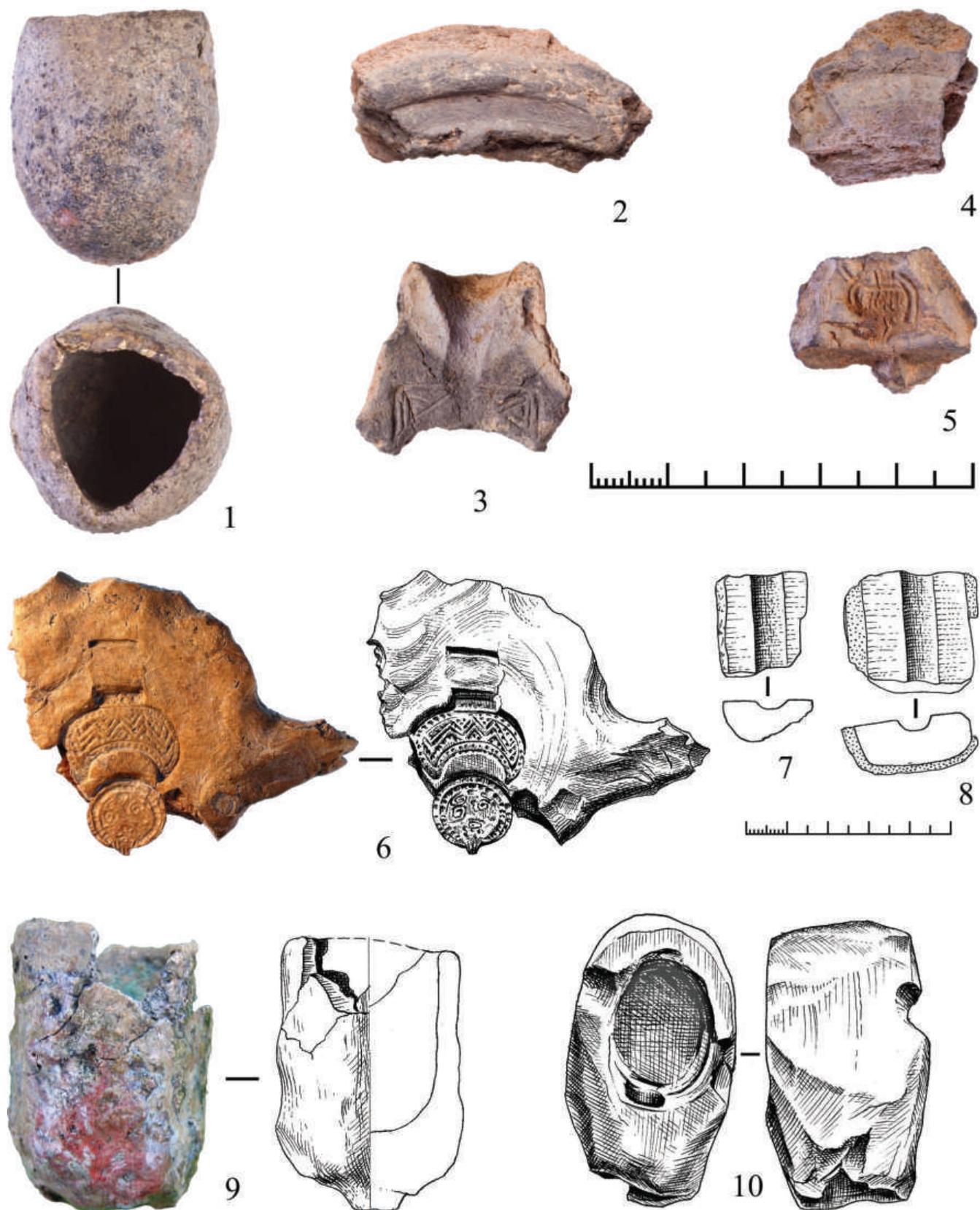
Ил. 14. Находки из глины, камня и свинца: 1–5 – шиферные пряслица; 6–12 – разные типы свинцовых грузиков; 13 – игрушка-водовоз; 14, 15 – глиняные шарики; 16, 17 – писанки; 18–20, 24, 26 – грузила из камня; 21–23, 25 – грузила из глины; 27–29 – глиняные диски от вертикального ткацкого станка. Масштабы: А – для 1–23; Б – для 24–29

Ил. 15. Изделия из кости: 1-8, 10-16 – из темно-серого культурного слоя; 9 – из заполнения сооружения № 74; 16 – из черного культурного слоя; 17 – из заполнения сооружения № 65

Ил. 16. Различные типы инструментов: 1-13, 16, 18, 19 – из черного культурного слоя X в.;
 14, 15 – из темно-серого культурного слоя; 17, 20 – из предматерикового слоя.
 Масштабы; а – для 1-14, 17-20; б – для 15, 16

Ил. 17. Предметы из глины, связанные с ювелирным ремеслом: 1, 6, 9 – из черного культурного слоя X в., 2–4 – предматериковый слой; 5 – из заполнения ямы на дне рва в кв. 107; 7, 8 – из темно-серого культурного слой; 10 – из заполнения сооружения № 65

Ил. 18. Предметы из цветного металла из черного культурного слоя и предматериковых напластований

Ил. 19. Костяные предметы из из черного культурного слоя и предматериковых напластований

Ил. 20. Черный культурный слой X в. на восточном склоне рва. Вид с севера

Ил. 21. Черный культурный слой X в. в разрезе южной стенки раскопа. Вид с северо-востока

Ил. 22. Изделия и сырьевой материал из золота

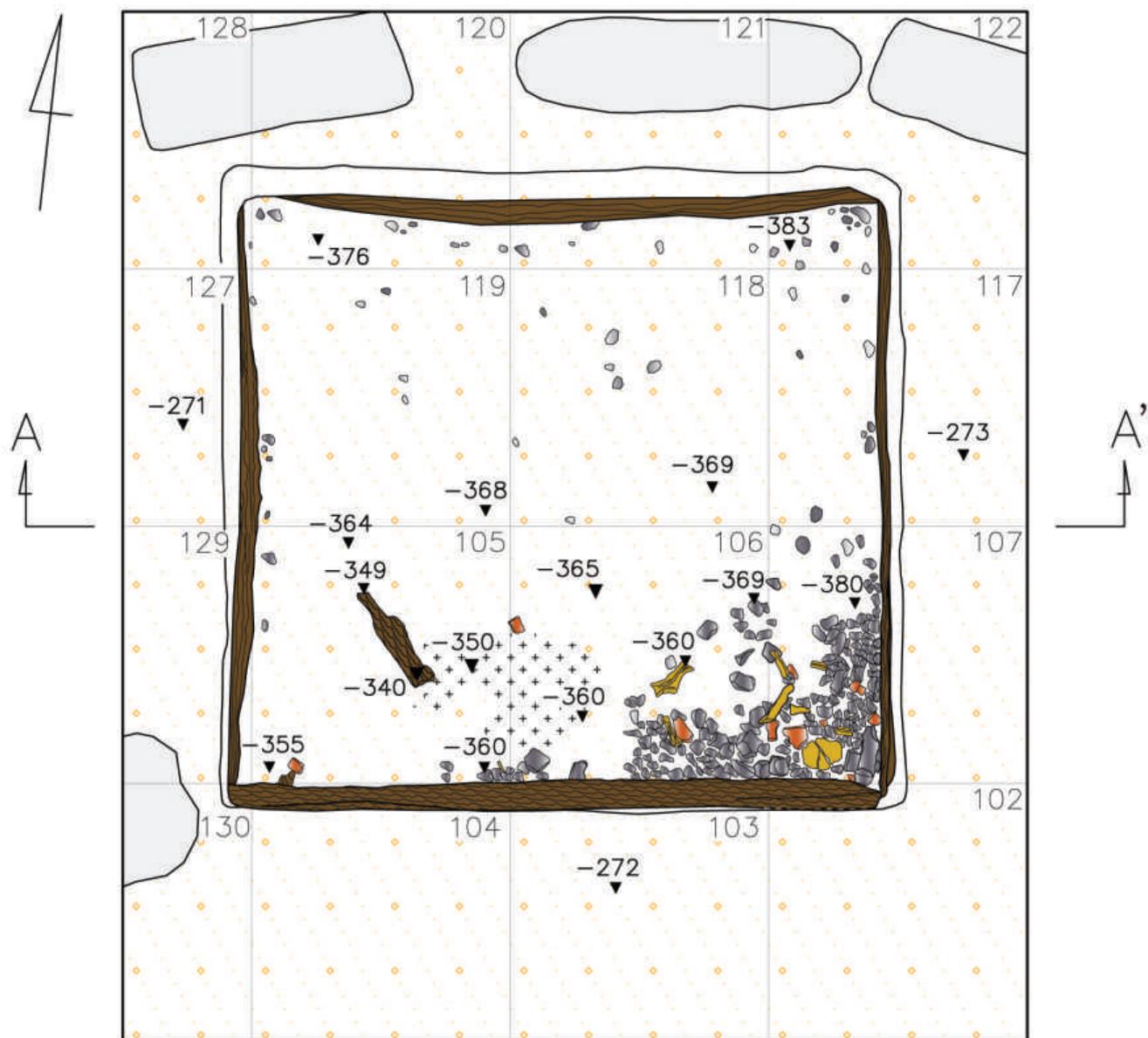
Ил. 23. Предметы из железа из черного культурного слоя X в.

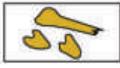
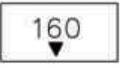
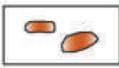
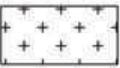
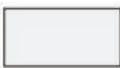
Ил. 24. Массив глины над черным культурным слоем на склоне рва. Вид с юга

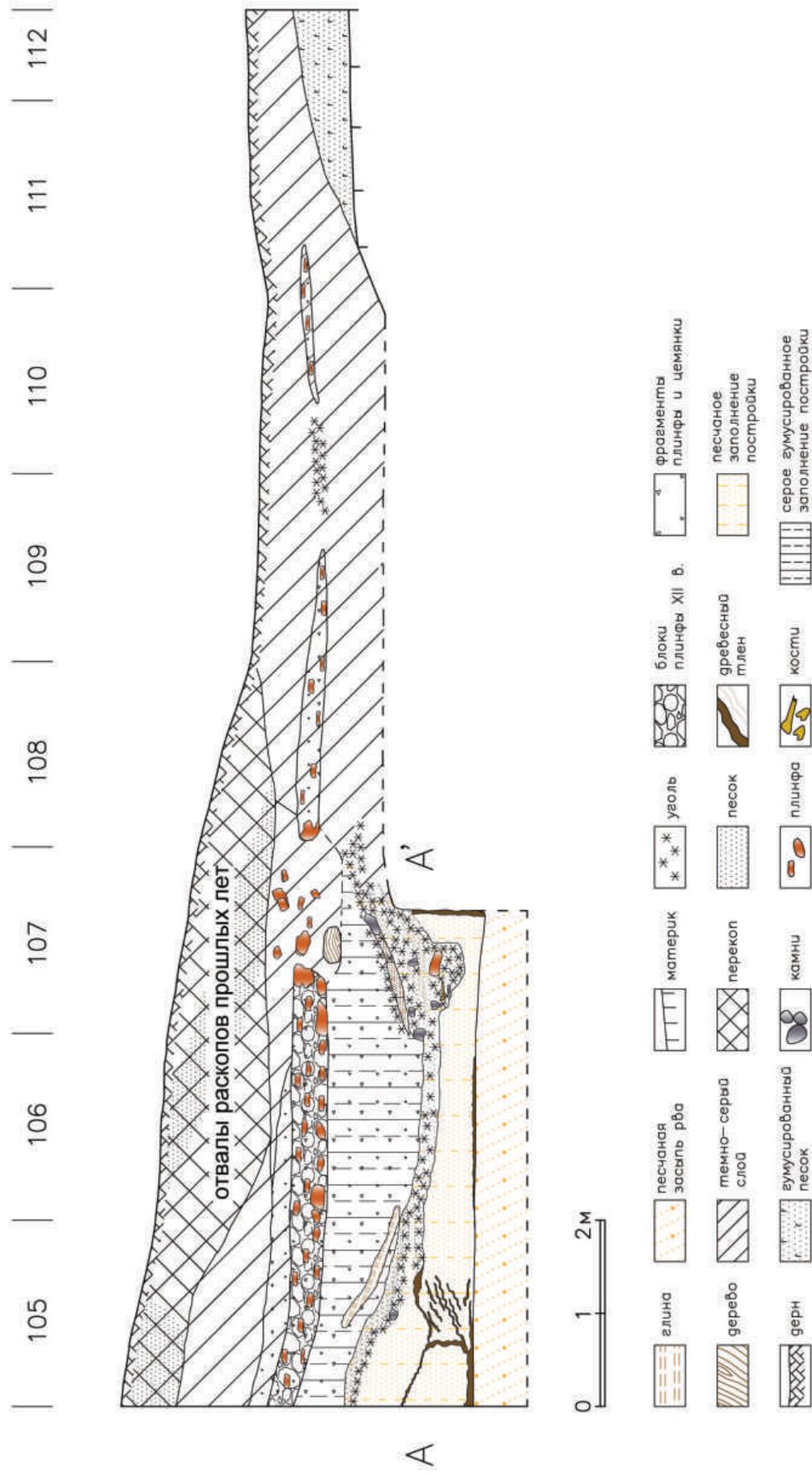
Ил. 25. Под печи на подсыпках в кв. 93, 94. Вид с юго-запада

0 1 2 м

песчаная засыпь рва	кости	160 нивелировочные отметки
плинфа	камни	прокаленный песок
тлен дерева	пятна погребений XIX–XX вв.	

Ил. 26. План древнерусской постройки IV

Илл. 27. Разрез северной стенки раскопа 2008 г. с разрезом древнерусской постройки

Ил. 28. Общий вид на подвальное помещение древнерусской постройки IV. Вид с юго-запада

Ил. 29. Восточная стенка постройки, обшитая досками

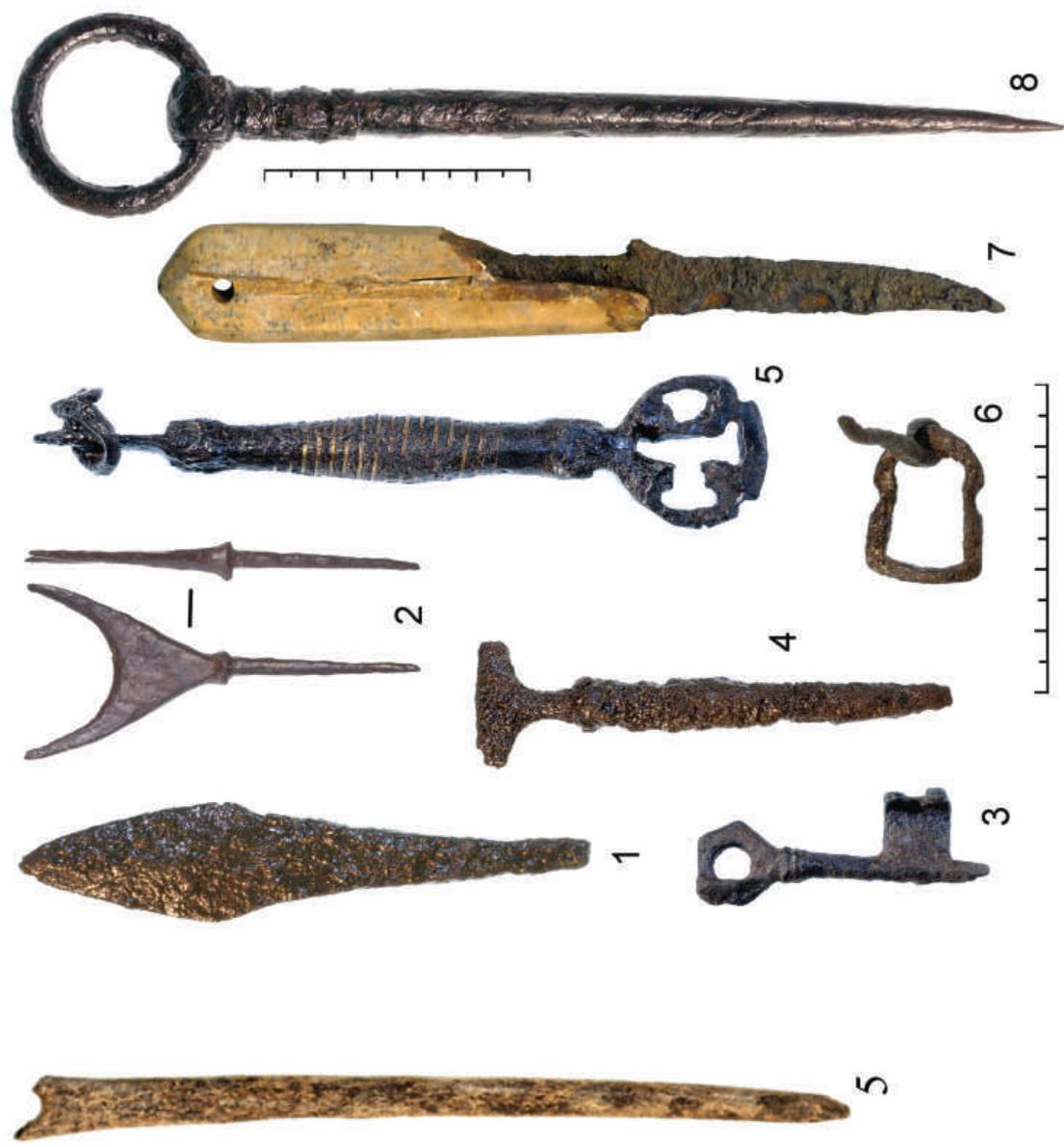
Ил. 30. Стратиграфический разрез заполнения постройки IV, в котором отчетливо фиксируется пласт свинца с раствором – результат разборки раннего храма Благовещения в XIV в. Вид с юго-запада

Ил. 31. Находки из цветного металла из древнерусской постройки IV

Ил. 32. Различные находки из заполнения древнерусской постройки IV: 1, 3–5 – кость; 2 – глина; 6, 7 – свинец; 8, 9 – шифер

Ил. 33. Предметы из железа из заполнения постройки IV

Ил. 34. Следы постройки V в засыпи рва. Вид с юго-востока

Ил. 35. Разобранная половина подвального помещения древнерусской постройки VI. Вид с востока

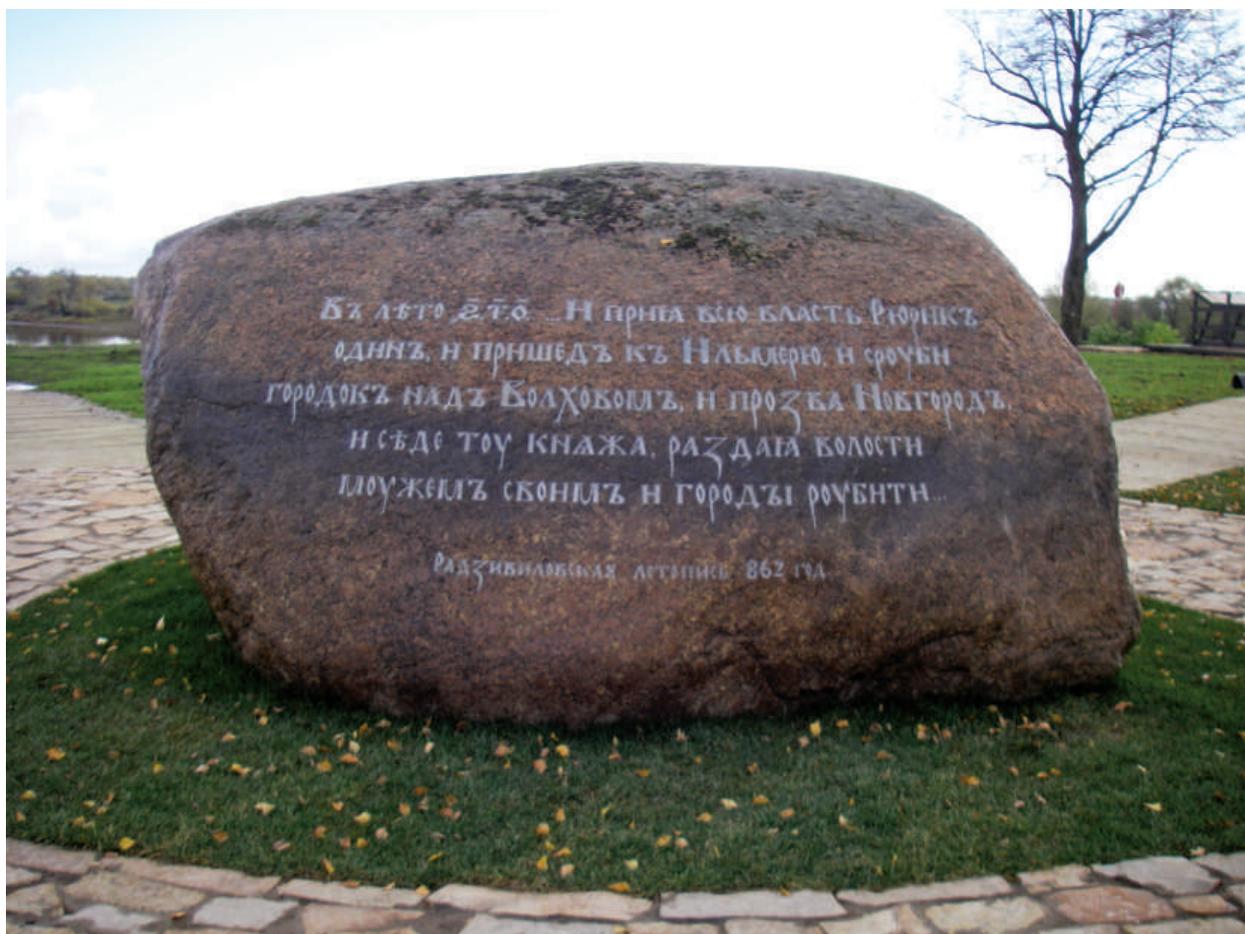
Ил. 36. Стекланные и каменные бусы из раскопов 1993–1996 гг.
в южной части Рюрикова городища

Ил. 37. Находки из раскопов 1994–1995 гг. в южной части Рюрикова городища

Ил. 38. Раскоп 2011 г. на месте установки памятного знака «Княжий камень».
Вид с северо-востока с руин церкви Благовещения

Ил. 39. «Княжий камень», установленный на Рюриковом городище 22 сентября 2012 г.,
в память строительства здесь в середине IX в. князем Рюриком новой крепости

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования центральной части Городища, проведенные 2005–2012 гг., дали новые интересные материалы для характеристики материальной культуры этого замечательного памятника. Мы попытались осветить итоги работ в целом, хотя многие категории находок требуют особого подхода и дальнейшего специального изучения. Это относится к таким массовым находкам, как бусы, стеклянные браслеты, печати, пломбы, монеты, определенные категории украшений из цветного металла и железа и т. д. Однако за эти годы были сделаны и принципиальные открытия. Исследована часть древнего рва широкой площадью. В 1989 г. в узкой траншее удалось только зафиксировать падение материка с запада. Ров был открыт, но не изучен, и даже полной уверенности в правильности наших заключений не было. Состыковка раскопов 1980-х и 2000-х гг. позволила установить ширину рва и трассу его прохождения, уточнить глубину, выявить в склоне рва хлебные печи и, наконец, исследовать необычный сброшенный с внешней площадки культурный слой, насыщенный остатками ремесленного производства, датировка которого относится ко времени ранее рубежа X и XI вв. Это было не простой задачей для экспедиции, так как пришлось вынуть тонны песчаного грунта. В черном слое, на склоне рва были сделаны уникальные открытия, неопровержимо доказывающие, что вещи североευропейских образцов делались непосредственно на Городище. За время своего существования ров несколько раз успевал задреноваться.

Впервые удалось понять историю заплывания этого оборонительного сооружения и увязать ее с политическими событиями жизни княжеской резиденции и всего города. Безмолвный ров как бы отражает реальные процессы в истории Новгорода. Уже после первых наших систематических раскопок на Городище стало очевидно, что здесь яркие материалы X в. с многочисленными находками скандинавского происхождения, разнообразными импортами и предметами роскошного ювелирного мастерства сменяются «пустым» слоем XI в. Практически нет находок этого времени, в том числе таких массовых как керамика. XII же столетие вновь оптимистично возвращает Городище к активной новгородской жизни. Да, на Городище нет такой четкой стратиграфии напластований, как в самом Новгороде, но сами вещи многочисленны, а некоторые уникальны. В свое время один из авторов этой работы данное обстоятельство объяснил тем, что

князь со своим двором съехал с Городища в свою новую резиденцию ниже по течению Волхова, в центр быстро растущего города. Это произошло в самом начале XI в.

Уместно вспомнить сжато вехи истории, которые вполне очевидны и вряд ли могут подвергаться сомнениям. При разделении Владимиром Святославичем княжений между сыновьями в Новгороде первым князем «по крещении» стал Вышеслав. Это событие можно отнести к концу X в. После его смерти его сменил Ярослав Владимирович, бывший до того в Ростове. Летописи не содержат записей о смерти Вышеслава, но у В. Н. Татищева указан точный год – 1010. Видимо, в распоряжении историка в его время еще были какие-то источники для такой датировки события. Приехав в Новгород, Ярослав, заручившись поддержкой новгородской аристократии, отказался в 1014 г. платить Киеву часть из собираемой ежегодно с населения дани, вызвав конфликт с отцом. Вероятно тогда, в самом начале второго десятилетия XI в., во время княжеского новгородского альянса и был выстроен напротив кремля двор Ярослава (летописное Ярославово дворище). Укрепления на Городище потеряли свое значения, стали хиреть, а ров частично был заброшен (Носов, 1990. С. 198). Черный культурный слой на склоне рва – археологическое свидетельство этого события.

Над черным слоем в разрезе четко зафиксирована гумусная прослойка древнего дерна. По заключению геологов-почвоведов, она образовалась в течение не менее 50–70 лет, т. е. ров стоял открытым все это время. Получается, что период его окончательной нивелировки приходится на последнюю треть XI столетия. Этот период совпадает со значительными переменами в социально-политической структуре Новгорода и взаимоотношениях новгородской аристократии с князьями.

Первым в широком контексте на это обратил внимание в 1932 г. И. М. Троцкий в работе «Возникновение Новгородской республики» (Троцкий, 1932). Согласно его концепции, на протяжении XI в. происходило постепенное ограничение княжеской власти, а во время княжения Мстислава Владимировича в Новгороде появились посадники, должности которых занимали сами новгородцы. Эти построения подхватил и развил В. Л. Янин, а позднее некоторые другие авторы. Посадничество нового типа означало появление в Новгороде особого органа непосредственно боярской власти,

противостоящего княжеской администрации, а сам князь становится подконтрольным боярству. Такое посадничество, полагал В. Л. Янин, «возникло в тот период, когда княжение Мстислава не могло иметь самостоятельного характера», а функции контроля над городом осуществлялись каким-то другим лицом или лицами (Янин, 2003. С. 84, 87). Мстислав Владимирович впервые был посажен на новгородский стол в 1088 г., когда ему было 12 лет. Именно поэтому В. Л. Янин считал, что институт посадничества нового типа появился в 1088–1089 гг. В следующем десятилетии осуществился перенос основной княжеской резиденции вновь на холм в истоке Волхова, в урочище, которое стали уже называть Городищем.

Переустройство Городища потребовало существенных нивелировочных и строительных работ, тем более, что здесь Мстиславом Владимировичем было задумано возведение грандиозного собора. Именно тогда был окончательно засыпан древний ров, а в 1099–1103 гг. выстроен храм. Поблизости от него непосредственно на заполнении рва раскопками открыта печь для обжига глины, использовавшейся при строительстве. Если посмотреть на общую планировку нашего раскопа, то ров явно уходит под восточную треть церкви. Часть его была зафиксирована И. И. Еремеевым в 2013–2016 гг., северо-западнее церкви. Одним словом, княжеский многотонный собор возвели на части засыпанного рва. Этим судьба храма была предрешена еще до начала его строительства, сыпучий грунт стал проседать и фундамент здания, что называется, «поплыл». В результате церковь Благовещения, олицетворявшая власть и мощь новгородских князей и по замыслу явно противостоявшая Софии как общегородскому храму, в XIV в. была разобрана, хотя практически ее ровесники Никольский собор (1113 г.) на Ярославовом дворище и Георгиевский собор (1119 г.) Юрьева монастыря до сих пор стоят и радуют своим величественным видом наших современников.

К сожалению, остался не совсем ясным вопрос о характере наземных городищенских укреплений центральной части памятника. Открытый здесь ров имел глубину до 4,33 м от уровня древней дневной поверхности и ширину 27–28 м. По размерам это было поистине грандиозное сооружение и вполне сопоставимое с древнейшим рвом, зафиксированным в северной части новгородского кремля, достигавшим глубины 5 м при ширине 19 м. Ко рву в кремле примыкал деревоземляной вал, который по результатам работ М. Х. Алешковского достигал высоты 7–8 м при ширине в поперечнике основания

29 м. Для деревоземляной конструкции подобных или даже близких к этому размеров на центральной части Городища просто нет места. К западу от рва, там, где какой-то насыпной вал мог бы быть, при раскопках 1980-х гг. зафиксированы комплексы эпохи раннего металла. Это собственно не противоречит предположению о расположении тут позднее вала, но здесь присутствуют и сооружения с лепной и раннегончарной керамикой X в. Получается, что для вала «кремлевского типа» места в IX–X вв. на Городище нет. Вероятно, укрепления этого времени были более облегченными

При наших раскопках вдоль северного берега Сиверсова канала были раскрыты два ряда дубовых конструкций у основания рва, поднимавшиеся вверх на высоту не менее 4 м. Эти конструкции представляли собой своеобразный вертикальный деревоземляной панцирь, закрывавший городищенский холм с юга. Земляного вала, возвышавшегося над площадкой поселения, зафиксировано не было. Возможно, что в конце I тыс. н. э. поселение в истоке Волхова и не имело массивных валов, а было ограничено лишь рвом и тыном.

Говоря о ранней истории Городища эпохи викингов, выяснено, что поселение занимало площадь как внутри укреплений, так и за пределами рва, где находилась производственная зона, но, судя по находкам, здесь же, видимо, располагались жилища рядового населения, а до этого распаиваемые поля. Сделаны важные наблюдения над топографией распространения находок. Раскоп 2011–2012 гг., располагавшийся на берегу Волхова (ил. 38), несмотря на сильную нарушенность культурных напластований, дал целую серию предметов, связанных с элитарной культурой раннего Городища. К ним относятся скандинавские амулеты, на одном из них имелись рунообразные знаки, зооморфная заклепка для щита, подвески с сюжетами, выполненными в стиле Борре, серебряные подвески с угро-мадьярским растительным узором и др. К этому следует добавить необычную концентрацию на небольшой площади арабских монет и их обломков (всего 45) и каменных бус (96), которые носили отнюдь не рядовые жительницы поселения. Здесь же были встречены находки моточков золота и золотных нитей, которыми расшивались оторочки богатой одежды. Все это сильно отличает данный участок от других исследованных на Городище территорий. Можно с уверенностью говорить, что именно здесь, где сейчас стоит «Княжий камень», увековечивший приход Рюрика в Новгород (ил. 39), в древности

действительно находилась центральная, княжеская часть поселения в X в.

Раскопки последних лет также показали, что возможно восстановление топографии построек древнерусского времени. Во время исследований в 1980-е гг. было открыто три постройки, материал которых показал, что они принадлежали представителям высшего социального слоя местного общества. В 2008–2009 гг. исследовано еще одно богатое жилище. Все они расположены к югу от церкви Благовещения, входили в группу построек княжеского двора и датируются в основном XII–XIII вв. Были ли это хоромы самого князя, мы не знаем. Последние могли находиться еще ближе к церкви и соединяться с ней переходом. К сожалению, сейчас эта территория нарушена кладбищем и археологическое изучение ее невозможно.

В связи с древнерусскими постройками нами поставлен еще один вопрос о специфике существовавших на территории Северной Руси домов с углубленными подпольями. В Новгороде и Ладоге подобных построек вообще нет. В настоящее время на Городище выявлено пять таких квадратных в плане построек. Эти открытия на фоне дискуссии о происхождении углубленных подпольных помещений, при учете материалов раскопок В. В. Седова в Перыни, позволяют сделать вывод, что это одно из проявлений общерусской традиции. Отсутствие

или наличие углубленных подклетов было связано в первую очередь с природными условиями района (характером увлажненности почвы), где возводились такие дома. Исходная основа возникновения углубленных подклетов домов на Юге и на Севере Руси отличалась. Явственной была тенденция к унификации в древнерусское время, но это предмет специального исследования с привлечением этнографических материалов.

Городище столь многогранный памятник, что разрешение одних проблем, полученных в результате археологического изучения, невольно перед исследователями ставит другие вопросы. За время раскопок накопилась немалая коллекция находок по эпохе раннего металла, которая в значительной степени не обработана. Встает вопрос о первом появлении здесь славян в контексте поселений, датирующихся третьей четвертью I тыс. н. э. в Поозерье. Еще остаются не ясными многие проблемы становления Городища как раннегородского центра на магистральном торгово-военном пути «из варяг в греки» и особенности жизни княжеской резиденции в период расцвета Новгородской республики. Своих исследователей ждет многочисленная коллекция находок по различным аспектам материальной культуры, так что этот, казалось бы, уже достаточно хорошо изученный памятник таит еще много открытий.

Т. С. Дорофеева

КОММЕНТАРИИ К НЕКОТОРЫМ РЕДКИМ НАХОДКАМ
ИЗ РАСКОПОК ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

За время исследования Новгородского (Рюрикова) городища был найден ряд предметов, редких даже для такого богатого на уникальные находки памятника. К ним относятся наборы амулетов с миниатюрными копиями предметов

быта и вооружения, сердоликовая инталия, круглые привески с нечасто встречаемым декором, лунничное височное кольцо, фрагмент позолоченного серебряного украшения, а также глиняная игрушка-водовоз.

Находки из черного слоя X в. заполнения рва

Из раскопов на центральной площадке Новгородского (Рюрикова) городища к юго-востоку от церкви Благовещения при разборке черного слоя заполнения рва, разделявшего укрепленную и неукрепленные части поселения IX–X вв., который представляет собой «археологически закрытый комплекс» и датируется не позднее третьей четверти X в. (Носов и др., 2007. С. 13–23), происходят набор миниатюрных стерженьков-посохов, лунничное височное кольцо «нитранского типа», несколько сердоликовых вставок перстней, в том числе инталия с изображением птицы.

Скандинавский амулет из раскопа 2007 г.

В 2007 г. найдена связка амулетов, состоящая из трех бронзовых стерженьков, похожих на миниатюрные посохи или жезлы, которые через отверстия в их верхней части были нанизаны на круглую в сечении бронзовую проволоку длиной 115 мм (НОЭ-07, РГ-1007; рис. 38, 14). Длина стерженьков – 20 мм; диаметр – 2 мм. Концы проволоки заострены и согнуты практически под прямым углом (Дорофеева, 2010а. С. 28–34; 2016. Рис. 4, 5).

Привески в виде миниатюрных предметов хорошо известны на территории как России, так и Северной Европы и неоднократно становились объектом исследований. Однако миниатюрные стерженьки среди них встречаются достаточно редко. В археологической литературе нет единого термина для обозначения таких привесок. В русскоязычной – их называют «стерженьки» (Пушкина, 1981. С. 287; Новикова, 1991. С. 192; Макаров, 1988. С. 72), в англоязычной – «миниатюрные посохи» (miniature staff) (Zeiten, 1997. S. 24), но в зарубежной литературе встречаются и другие названия, например удлинённые брелоки, палочки, миниатюрные трещотки (Новикова, 1991. С. 192). Датировка всех известных находок не выходит за рамки X в. Имеющаяся информация о находках привесок с миниатюрными стерженьками-посохами приведена в таблице.

	Место находки	Материал	Стерженьки-посохи	Другие миниатюрные предметы, входящие в связку	Способ крепления	Литература
1	Дания, Ромерсдаль (Rømersdal, Åker S., Bornholms S. H.) в составе клада	серебро	три, длина – 30 мм, прикреплены к кольцу (диам. 35 мм) с завязанными концами	«молоточек Тора» (длина 30 мм)	крючок	Zeiten, 1997. Fig. 36 (Cat. 84); NM I 598; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 1.
2	Дания, Кнудскер (Knudsker, Knudsker S., Bornholms V. H.) случайная находка	серебро	четыре, длина – 32 мм, прикреплены к овальному кольцу с завязанными концами	«молоточек Тора»	крючок	Zeiten, 1997. Fig. 34 (Cat. 85); NM I C 5; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 2.
3	Дания, Ибскер (Ibsker, Bornholm), случайная находка	серебро	три, длина – 25 мм, прикреплены к кольцу с завязанными концами		крючок	Zeiten, 1997. Fig. 28 (Cat. 74); NM I C 2830; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 3.

	Место находки	Материал	Стерженьки-посохи	Другие миниатюрные предметы, входящие в связку	Способ крепления	Литература
4	Шлезвиг-Гольштейн , Тумби-Бинебек (Thumby-Bienebek, Kr. Rendsburg-Eckernförde, grabe 7), погребение 7, женское захоронение в камере	железо	четыре, длина – 36–40 мм, прикреплены к кольцу (диам. 15 мм)	шесть «молоточков Тора» (ширина 20 мм)	крючок	<i>Müller-Wille</i> , 1976. Taf. 31, 1, 2; <i>Zeiten</i> , 1997. P. 64 (Cat. 111); <i>Дорофеева</i> , 2010а. Рис. 2, 4.
5	Швеция , Бирка (Birka, grave Bj. 60A), женское погребение по обряду ингумации	серебро	четыре, длина – 15 мм, прикреплены к овальному кольцу (15 × 28 мм) с завязанными концами вместе с небольшим пробойником, на котором сохранился фрагмент деревянного предмета		петля	<i>Arbman</i> , 1940. Taf. 104, 3; <i>Arbman</i> , 1943. Abb. 19, 5; <i>Price</i> , 2002. Fig. 3.102; <i>Дорофеева</i> , 2010а. Рис. 2, 5.
6	Швеция , Бирка, черная земля (Birka Black Earth)	бронза	девять, прикреплены к кольцу (диам. 24 мм) с завязанными концами и петлей	щит, меч	петля	<i>Arrhenius</i> , 1961. S. 142, fig. 4; <i>Price</i> , 2002. Fig. 3.101; <i>Gräslund</i> , 2007. Fig. 3b; SHM 5208: 189; <i>Дорофеева</i> , 2010а. Рис. 2, 6.
7	Швеция , Бирка, черная земля (Birka Black Earth)	железо	два, длина – 19 мм, прикреплены к кольцу (диам. 21 мм) с завязанными концами		петля	<i>Gräslund</i> , 2007. P. 93; SHM 8702: A2; <i>Дорофеева</i> , 2010а. Рис. 2, 7.
8	Швеция , Клинта, о. Эланд (Klinta, Köpings parish, Öland), в составе клада	серебро	три, прикреплены к кольцу (диам. 20 мм) с завязанными концами и высокой петлей	кресало, меч, наконечник копья	петля	<i>Stenberger</i> , 1958. Abb. 41, 17; <i>Arrhenius</i> , 1961. S. 142, fig. 3; <i>Vikingatidens ABC</i> , 1981. P. 172; <i>Price</i> , 2002. Fig. 3.99, 3.100; <i>Gräslund</i> , 2007. Fig. 3c; <i>Дорофеева</i> , 2010а. Рис. 2, 8.
9	Финляндия , Кокемяки (Kokemäki, Astala), погребение	железо	четыре, прикреплены к кольцу с завязанными концами вместе с небольшим пристреленным крючком		петля	<i>Kivikoski</i> , 1937. Fig. 3, S. 232;* <i>Kivikoski</i> , 1973. Abb. 794; <i>Price</i> , 2002. Fig. 3.103; 8338: 25; <i>Дорофеева</i> , 2010а. Рис. 2, 9.
10	Украина , Шестовицкий археологический комплекс, поселение на мысу Коровель	серебро	четыре, длина – 16–19 мм, прикреплены к кольцу (диам. 23 мм) с завязанными концами и закрученной двойной петлей		отверстие	<i>Скоруход</i> , 2012. С. 362, рис. 10.

	Место находки	Материал	Стерженьки-посохи	Другие миниатюрные предметы, входящие в связку	Способ крепления	Литература
11	Россия, Гнёздово, селище	железо	один, прикреплен к кольцу с завязанными концами вместе с небольшим пробойником	пробойник объединяет в связку два кольца с завязанными концами, на втором – 4 «молоточка Тора»	отверстие	Пушкина, 1981. Рис. 1, 3 на с. 286; Новикова, 1991. Рис. 5, 5 на с. 194, 196; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 10.
12	Россия, Гнёздово, курганный могильник	железо	один, прикреплен к кольцу с завязанными концами		петля	Сизов, 1902. PL. IV, 12; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 11.
13	Россия, Гнёздово, курган Ц-170, мужское погребение по обряду кремации	бронза	десять, прикреплены к кольцу вытянутой формы (20 × 24 мм) с завязанными концами и высокой петлей	в связке 21 предмет (в публикации перечислено только 20), 3 меча 3 наконечника копий 2 кресала 2 щита	отверстие	Новикова, 1991. С. 195, рис. 5, 4; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 12.
14	Россия, Никольское V, селище	серебро	восемь, прикреплены к кольцу с завязанными концами (кольцо повреждено)		отверстие	Макаров, 1988. Рис. 6, 6 на с. 92; Макаров и др., 2001. Рис. 21, 18 на с. 57; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 13.
15	Россия, предположительно Рюриково городище	серебро	четыре, длина – 12,5, 13, 13,5 и 13 мм, прикреплены к кольцу (диам. 18–19 мм) из рубчатой проволоки с завязанными концами и высокой петлей		отверстие в средней части	НГОМЗ, КП 42494, Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 14; 2016. Рис. 4, 4.
16	Россия, Рюриково городище, заполнение рва	бронза	три, длина – 20 мм, прикреплены к проволоке (длина 115 мм) с острыми отогнутыми почти под прямым углом концами		отверстие	НОЭ-07, РГ-1007; Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 15; 2016. Рис. 4, 5.

* Е. Кивикоски отмечала, что эта привеска была импортом из Бирки (*Kivikoski, 1937. S. 234*).

Стерженьки-посохи, как правило, имеют круглое сечение, только в одном случае – комплект из Кокемяки – они четырехгранные и орнаментированы насечками (*Kivikoski, 1937. Fig. 3, S. 232*). По способу крепления стерженьков-посохов к вспомогательному кольцу привески можно разделить на три группы: загнутый крючком конец стержня крепился непосредственно к кольцу (4 экз.; *Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 1–4*); петля, которую образует конец проволоки, завязана вокруг верхней части стерженька (6 экз.; Там же. Рис. 2, 5–9, 11); привеска через отверстие в верхней части нанизывается на кольцо (5 экз.; Там же. Рис. 2, 10, 12, 13, 15). В одном

случае – случайная находка, происходящая предположительно с Новгородского (Рюрикова) городища (НГОМЗ, КП 42494) – отверстия находятся в средней части стерженьков (*Дорофеева, 2010а. Рис. 2, 14*). Возможно, что различные способы крепления свидетельствуют о разных центрах производства привесок. Считается, что связка с миниатюрными посохами обычно состоит из трех или четырех привесок (*Zeiten, 1997. S. 24*), но из таблицы видно, что количество стерженьков-посохов в учтенных комплектах варьирует от одного до 10. В восьми случаях (Ибскер; Бирка, SHM 8702: A2; погребение в Кокемяки; поселение в ур. Коровель; курганный

могильник в Гнёздове; селище Никольское V; Рюриково городище, случайная находка и привеска из заполнения рва) комплекты состоят только из стерженьков-посохов. В пяти случаях (Ромерсдаль; Кнудскер; Тумби-Бинебек; Бирка, погребение 60А; селище Гнёздово) стерженькам сопутствовали «молоточки Тора». В трех случаях (Клинта; Бирка, SHM 5208: 189; Гнёздово, курган Ц-170) в состав связок входили и другие миниатюрные предметы – кресала, мечи, наконечники копий, щиты и т. д. Поскольку концы проволоки у городищенской привески разомкнуты, мы не можем уверенно судить ни о количестве стерженьков, ни о том, входили ли в комплект с ними какие-либо другие предметы.

Привески с миниатюрными стерженьками-посохами могли крепиться к гривнам, как, например, в Ибскере. В погребении 7 Тумби-Бинебека привеска у погребенной была на поясе из бронзовых колец. Необходимо отметить, что в погребении 60А в Бирке на одном кольце со стерженьками-посохами находился пробойник с сохранившимся на нем небольшим фрагментом деревянного предмета. На основании этого Х. Арбман выдвинул предположение, что связки миниатюрных предметов в свое время могли не только входить в состав ожерелий, но и крепиться к какой-нибудь твердой основе, возможно, ларцу или сундуку (Arbman, 1943. S. 24). На гнёздовском поселении была найдена связка миниатюрных предметов, состоявшая из двух колец (одного со стерженьком-посохом, другого с четырьмя «молоточками Тора»), соединенных пробойничком, что позволило Т. А. Пушкиной согласиться с мнением Х. Арбмана (Пушкина, 1981. С. 287). Приостренный крюк на связке из Кокемяки также мог служить для прикрепления ее к чему-то твердому (Kivikoski, 1937. S. 232, fig. 3)¹. Острые загнутые концы проволоки городищенской находки свидетельствуют о том, что она могла крепиться к твердой деревянной основе. Длина загнутых концов позволяет предположить, что это мог быть сундук.

Все исследователи, рассматривая назначение миниатюрных стерженьков-посохов, единодушно признают их амулетами, но в вопросе конкретной атрибуции мнения расходятся (подробнее см.: Дорофеева, 2010а. С. 28–34). Различные варианты атрибуции миниатюрных посохов проанализировала М. Цейтен в своей работе, посвященной найденным на территории Дании амулетам эпохи викингов (Zeiten, 1997. P. 24, 25).

¹ При публикации амулета в 1937 г. (Kivikoski, 1937. S. 232, fig. 3) на кольце изображен приостренный крюк, который отсутствует в публикации 1973 г. (Kivikoski, 1973. Abb. 794). Возможно, что крюк не сохранился.

Лунничное височное кольцо с гроздевидным отростком из раскопок 2008 г.

Лунничное височное кольцо с гроздевидным отростком в центре нижней кромки отлито из свинцово-оловянистой бронзы (НОЭ-08, РГ-1269; ил. 18, 16) (Носов, 2009). Контуры обеих сторон кольца декорированы слабовыраженным ложно-зернистым орнаментом. Обе плоскости украшения орнаментированы тремя кружками ложной зерни, в центре которых находятся полусферы, имитирующие жемчужины (перлы). У основания утраченной дужки имеются валики. Украшение очень плохой сохранности и сильно фрагментировано. Подобные височные кольца в археологической литературе носят название колец «нитранского типа», их связывают с кругом великоморавских древностей. В материалах Гнёздова известны три лунничных височных кольца и фрагмент каменной литейной формочки для отливки похожих украшений (Ениосова, 1998. С. 69). Два таких кольца встречены в Усвятах (ур. Юрьевы Горы) (Еремеев, 2015. С. 216, рис. 146, 2; с. 284; с. 455; с. 505, рис. 428, 6). Находки колец «нитранского типа» известны в Среднем Поднепровье (городище Монастырек и поселение Григоровка) и на поселении Дружба (Рыловщина) на окраине Минска (Пушкина, 1987. С. 55; Еремеев, 2015. С. 456). Подобные кольца, широко распространенные в Восточно-Моравском регионе, датируются второй половиной IX–первой половиной X в., а гнёздовские находки – серединой X в. (Пушкина, 1987. С. 55). Городищенская находка была сделана в предматериковом слое под песчаной засыпью, образовавшейся в результате естественного заплывания рва. В. М. Горюнова считает, что «формирование керамического комплекса из предматерикового слоя закончилось не ранее рубежа IX–X вв. или в первые десятилетия X в.» (см. Главу 2). Этим временем и следует датировать височное кольцо.

Инталия из раскопок 2009 г.

В 2009 г. была найдена инталия² – овальная оранжевая сердоликовая вставка, размеры которой 9 × 12 мм, высота – 5 мм, вес – 0,747 г (НОЭ-09, РГ-246; ил. 3-II, 3) плоско-выпуклой в продольном сечении формы (кабошон) с вырезанным на ней изображением (Дорофеева, 2010б. С. 278–284). На выпуклой поверхности вставки изображена птица в полете в профиль влево с гроздью винограда (Дорофеева, 2010б. Рис. 1, 4, 5).

² Инталия (от итал. *intaglio* – резьба, резьба по камню) – резной камень (разновидность геммы), с изображением, выполненным в технике углубленного (отрицательного) рельефа на драгоценных или полудрагоценных камнях (Неверов, 1983. С. 140).

Техника резьбы на драгоценных и цветных камнях подробно описана М. И. Максимовой в работе об античных резных камнях Эрмитажа (Максимова, 1926. С. 23–28). По данным трасологического анализа городищенской сердоликовой вставки, выполненного сотрудником Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН Е. Ю. Гирей, можно сделать следующие выводы. Гранильщик вручную обточил камень, придав ему сфероидальную форму (кабошона), после чего поверхность вставки была отшлифована с помощью абразивной пасты, определить состав которой не представляется возможным. Резчик уверенно произвел гравировку без какой-либо предварительной разметки, что свидетельствует о хорошо тренированной руке мастера. Гравировка изображения выполнена дисковой фрезой, причем использовались как минимум два, а возможно, что и три диска различных диаметров. Сначала были вырезаны тулово и хвост птицы, потом поперечными надрезами на их фоне обозначены левое крыло и перья хвоста. Шея птицы и оба бедра выполнены боковым движением той же фрезы, что и тулово (хотя не исключена возможность, что была использована иная фреза). Все остальные элементы изображения сделаны тонкими надпилами в ширину фрезы. Край правого поднятого крыла птицы оформлен несколько изогнутой горизонтальной линией, а само крыло – перпендикулярными линиями – одной длинной, соединяющей почти под прямым углом край правого крыла и тулово птицы, и пятью короткими. Голова птицы выполнена тремя несоприкасающимися линиями, причем клюв даже не намечен. Гроздь винограда, скорее вынужденно помещенная на уже закругленной поверхности вставки, гравирована так же схематично: длинная вертикальная линия обозначает черенок виноградной грозди, а четыре горизонтальные линии – саму гроздь (Дорофеева, 2010б. Рис. 1, 5). Необходимо отметить, что после гравировки изображение не было зашлифовано и/или заполировано (внутри гравированных линий отсутствует заполированность камня, в отличие от остальной поверхности вставки, не затронутой изображением). Это позволяет предполагать, что огранка камня, скорее всего, была произведена одним мастером, а изображение вырезано другим. Т. е. изображение могло быть сделано на готовом перстне без дополнительной полировки вставки после резьбы.

Перстни или отдельные вставки из драгоценных и цветных камней с инталиями иногда встречаются в археологических материалах X в. России и Северной Европы. Например, известны инталии с арабскими каллиграфическими надписями религиозного содержания. В женском погребении № 515

могильника Бирки был найден литой серебряный перстень с аметистовой вставкой (0,9 × 1,1 см), прикрепленный к овальной фибуле (Arbman, 1940. Taf. 111, 1; 1943. S. 154–155, Abb. 104, 5). В кургане 120 Тимерёвского могильника у Ярославля найдена сердоликовая вставка-печатка (Фехнер, 1963. С. 76, 104), в кургане 348 – перстень с сердоликовой вставкой (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 82), а на Тимерёвском селище – аметистовая овальная вставка. Из коллективного захоронения 999 Танкеевского могильника (Болгар) происходит литой серебряный перстень с сердоликовой вставкой (Казаков, 1985. С. 178–185, рис. 3, 12; 4, 1; 5, 1). В материалах Старой Ладogi (Кирпичников, 2009. С. 342, рис. 8; рис. 9 на с. 343) имеются вставка-печатка из горного хрусталя (1,2 × 1,7 см) и две сердоликовые (1,2 × 1,5 и 1,1 × 1,3 см). Такое широкое распространение инталий с каллиграфическими надписями произошло после завоевания арабами Сасанидского Ирана и ближневосточных территорий Византийской империи. Тогда из восточной глиптики практически исчезли портретные и символические изображения (Банк, 1978. С. 116), и поэтому городищенская находка вызывает особый интерес. Прямых аналогий инталии с таким изображением пока не найдено. Сюжет «голубь или птица с гроздью винограда в клюве» имеется в раннехристианской катакомбной живописи II–IV вв. (подробнее см.: Дорофеева, 2010б. С. 278–284). Возникновение и сложение христианской символики подробно рассмотрено в работе А. С. Уварова, который отмечал, что «виноградная кисть и птица, ... суть символы рая и души» (Уваров, 1908. С. 106). Перстни с инталиями являлись матрицами для прикладных печатей, т. е. служили для получения выпуклого зеркального изображения оттиска на мастике или воске (Белецкий, 2001. С. 19). Таким образом, на городищенской вставке птица, летящая влево, в оттиске будет повернута вправо, что отражает «символическое значение правой и левой стороны; все хорошее было направо, все дурное – налево» (Уваров, 1999. С. 650). «Эти печати были не только атрибутами делопроизводства, но представляли собой также регалии власти» (Белецкий, 2001. С. 19). Перстни-печатки не только являлись свидетельством высокого социального статуса владельца, но также могли быть использованы для подтверждения определенных полномочий. Изготавливались такие перстни-печатки, как правило, в единственном экземпляре.

Выбор сюжета для рассматриваемой инталии мог быть обусловлен религиозными взглядами владельца перстня. Найденная на Городище в закрытом комплексе второй половины X в. сердоликовая

инталия с христианским символом, по-видимому, может служить подтверждением мнения ряда исследователей, что в Новгороде христианская община могла существовать еще до официального крещения горожан (Янин, 1984. С. 40–56; 2008, С. 30; Мусин, 2002. С. 97–98). Но нельзя исключать и того, что эти сердоликовые вставки могли из кастов вынуть ремесленники, работавшие на Городище, которые использовали металлические оправы в качестве сырья, а сами вставки были случайно утеряны.

Кроме рассматриваемой инталии в корпусе находок Рюрикова городища есть еще три овальные сердоликовые вставки без изображений. Одна вставка (9 × 14,5 мм, высота – 2,5 мм; НОЭ-80, РГ-V-172/НГОМЗ, КП 34806-108) происходит из черного слоя второй половины IX–первой половины X в. (Носов, 1990. С. 41); вторая (10 × 12 мм, высота – 8 мм, вес – 1,4 г, НОЭ-07, РГ-623) – из черного слоя второй половины X в. заполнения рва (Носов, 2008. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2); третья (11 × 14,5 мм, высота – 6 мм, НОЭ-86, РГ-46/НГОМЗ, КП 40234, А 165-42) – из мешанного слоя (Носов и др., 2005б. С. 61, табл. VI, 15). Первая вставка плоская, а две другие – плоско-выпуклые в продольном сечении (кабошон) (ил. 3-I, 25) (Доро-

феева, 2010б. Рис. 1, 1–3). Необходимо отметить, что в самом Новгороде найдена пока единственная сердоликовая вставка овальной плоско-выпуклой в продольном сечении формы, которая происходит из слоя второй половины X в. (Полубояринова, 1994. С. 79). М. Д. Полубояринова предполагает, что такие сердоликовые вставки украшали перстни, но нельзя исключить, что вставками могли инкрустировать другие предметы декоративно-прикладного искусства. Отсутствие оправ не позволяет достоверно определить вид украшения, а также установить место его производства. Заметим, что сердолик был одним из самых популярных и любимых камней древности, который высоко ценился как на Западе, так и на Востоке. Местами добычи были прежде всего богатейшие сердоликовые россыпи Деканского нагорья Индии и Ближнего Востока, но существовали и другие месторождения камня (Максимова, 1926. С. 17–19). «Основным же посредником в получении дорогих камней являлась Византия, откуда приходили не только самоцветы, но и приемы их использования» (Аксентон, 1974. С. 10). Кроме того, драгоценным камням придавалось и символическое значение (Аксентон, 1977. С. 283; Изборник..., 1983. Л. 152 об.; Пыляев, 2008. С. 161).

Находки из заполнения комплексов и мешанного слоя около построек

Несколько редких находок выявлены при разборке заполнения комплексов и мешанного слоя темно-серого гумуса около построек. К таким предметам относятся фрагмент серебряного украшения, игрушка-водовоз и две круглые привески из цветного металла.

Фрагмент ювелирного украшения и глиняная игрушка из раскопок 2008 г.

Фрагмент позолоченного серебряного ювелирного изделия был найден при разборке мешанного темно-серого культурного слоя вокруг основания большой постройки, относящийся к комплексу княжеского двора (Носов, 2008. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1). Находка представляет собой филигранную³ полусферическую бусину, нанизанную

на дровую основу (НОЭ-08, РГ-130; ил. 11, 1). Бусина выполнена в технике фоновой или напайной филигрании, когда проволока напаяется на специально подготовленный фон из того же металла. Скрученные проволоки образуют геометрический узор и напаяны на накладную ажурную пластинку. Такая ювелирная техника была характерна для XII–XIII вв. Диаметр полусферической бусины – 12 мм, длина проволочной основы – 20 мм, вес украшения – 0,98 г. Один конец проволоки образует петлю и припаян к стержню основы, другой – изогнут крючком. Определить, частью какого ювелирного изделия может быть городищенская находка: серьги или подвески, а также отнести его к какому-то хронологическому периоду достаточно сложно. Морфологически рассматриваемый фрагмент близок некоторым украшениям, известным по археологическим материалам как самого Городища, так и Новгорода. Так, в Новгороде к XIV в. распространенным видом женских украшений мочек ушей становятся серьги в виде вопросительного знака. Они состоят из проволочного стержня, изогнутого наподобие вопросительного знака, на конец которого надета бусина. Для плотного закрепления бусин стержень обвивался проволокой, а кончик его был загнут петлей. Стержень обычно бронзовый, бусины –

³ Филигранными называют изделия, изготовленные из тонкой проволоки (гладкой, крученой, гладковальцованной и крученувальцованной), образующей сложные кружевные узоры. Филигрань, или скань, – один из очень старых и распространенных видов ювелирной техники. Название «скань» происходит от старого русского слова «скать», т. е. сучить, свивать нити. От него этот технический прием получил название «скань», а выполненные им изделия называют «сканьями» (Марченко, 1984. С. 140; Постникова-Лосева, 1961. С. 28).

каменные, янтарные, стеклянные, металлические (бронзовые). Такие серьги известны в древностях Волжской Булгарии, Золотой Орды и др. В небольшом количестве серьги встречаются на многих деревенских памятниках XIV–XV вв., в том числе в курганах Ижорского плато (Седова, 1981. С. 16). Тем не менее, несмотря на некоторое внешнее сходство найденного на Городище фрагмента украшения с серьгами в виде вопросительного знака, различия в конструкции дровтовой основы не позволяют считать рассматриваемый фрагмент частью серьги.

Техника филигрании фрагмента ювелирного изделия напоминает технику исполнения миниатюрных золотых изделий из Старорязанского клада второй половины XII–первой половины XIII в., за которыми в археологической литературе укрепилось название «сионцы» и которые, возможно, относятся к рясам. Сионцы похожи на «храмики» с купольными завершениями и четырьмя арочками по бокам. Сами «храмики» украшены ажурным прорезным орнаментом, обрамленным проволочными полукружиями. Конструкция крепления состоит из расположенного в его верхней части загнутого в петлю штыря, а следовательно, такое ювелирное изделие предназначалось для подвешивания. Диаметры донцев известных «сионцев» больше, чем диаметр городищенской полусферической бусины, поэтому анализируемый фрагмент также не может являться частью такого рода ювелирных изделий.

Найденный на Городище фрагмент может быть частью подвески к парадному головному убору. Такая подвеска состоит из каплевидной или колоколовидной полой основы, собранной из конусовидного верха и выпуклого «донца», кольца или петли для крепления к головному убору и многочисленных цепочек. В декоре полой основы изделия могли применяться зернь, скань, эмаль, гравировка, чернь. Подобные находки происходят с территории России, Белоруссии, Украины, Румынии, Сербии и Венгрии (Рябцева, 2010. С. 82, рис. 1, 1–5). По мнению С. С. Рябцевой, такие подвесные украшения появились в уборе в подражание подвескам, характерным для костюма византийских императоров и императриц. Исследовательница отмечает, что известно несколько датированных XI в. каплевидных украшений византийской работы, декорированных эмалями, возможно, служивших верхними частями подвесок. Они хранятся в собраниях Думбартон Оак в Вашингтоне и Музея Исторических драгоценностей в Киеве, хотя в музейных каталогах числятся как пуговицы (Там же. С. 81). Исследовательница подчеркивает, что «подобное использование данных миниатюрных предметов (их длина около 2 см)

вполне вероятно, однако отверстия, расположенные в месте наибольшего их расширения, могли служить для крепления цепочек. Кроме того, вещь, хранящаяся в Вашингтоне, сохранила и крючок, который не удобен для застегивания одеяния, но подошел бы для крепления подвески к головному убору» (Рябцева, 2011. С. 172–185). Отметим, что длина дровтовой основы городищенского фрагмента ювелирного украшения составляет также 2 см. Основная масса находок каплевидных подвесок, происходящих с территории Восточной Европы, датируется XII–XIII вв. В Карпато-Балканском регионе подобные изделия представлены, как правило, в археологических памятниках XIII–XIV вв. (Там же. С. 172–185). Таким образом, наиболее вероятно, что рассматриваемый фрагмент ювелирного изделия был «донцем» каплевидного подвесного украшения к парадному головному убору и, несомненно, представляет собой образец высокого ювелирного мастерства.

Кроме фрагмента ювелирного украшения при разборке мешанного темно-серого культурного слоя около основания большой постройки в 2008 г. была найдена и детская глиняная *игрушка-водовоз* (НОЭ-08, РГ-612; ил. 14, 13). Она представляет собой миниатюрную бочку, покрытую поливой зеленого цвета, с частично сохранившейся фигуркой сидящего на ней верхом человечка. В центре бочки оформлено воронкообразное отверстие, через которое в бочку наливали воду, а сбоку в днище имеется круглое отверстие для ее слива. С обеих сторон бочки проведены линии, которые имитируют обручи, скрепляющие клепки.

Большая часть всех известных нам глиняных игрушек являются звуковыми – свистульки и погремушки. Необходимо отметить, что традиционная глиняная игрушка изначально по своей сути имела ритуальное значение. Это подтверждают как данные археологии, так и использование ее в различных обрядовых действиях, в народных праздниках (сначала языческих, а потом и христианских), особенно связанных с весенне-летним циклом. Игрушка-водовоз в их ряду стоит особняком, потому что, скорее всего, предназначалась для детских забав. Аналогичная игрушка была найдена при раскопках М. К. Каргера в Изяславле, в слое XII–XIII в., но, в отличие от городищенской находки, у нее полностью сохранилась фигурка водовоза (Древняя Русь..., 1997. С. 118, табл. 81, 33).

Фрагмент ювелирного украшения и глиняная игрушка-водовоз были найдены в мешанном темно-сером слое, но в непосредственной близости от большой постройки, входившей в комплекс кня-

жеского двора (Носов и др., 2009. С. 27–36; 2010. С. 17–24). Поэтому мы вполне можем предположить, что вещи, найденные около этой постройки, принадлежали людям высокого социального статуса и, скорее всего, могут быть датированы временем существования постройки – последней третью XII–началом XIII в. (Носов, Хвоцинская, 2017).

Круглые привески по материалам раскопа 2011 г.

Две круглые привески из цветного металла найдены в 2011 г. при разборке заполнения комплексов в раскопе, расположенном на краю Городищенского холма, выходящего к Волхову (Носов и др., 2012б. С. 42, 43; Дорофеева, 2013а. С. 230–241). Обе привески, по краю которых идет ободок из «вытянутых перлов», декорированы орнаментом в виде трехлепестковых цветков с побегами (Дорофеева, 2013а. С. 231, рис. 1, 3, 4; Носов и др., 2012а. Рис. на с. 84, с. 85). Привески были расчищены реставратором ИИМК РАН Н. С. Кургановым.

Первая привеска с растительным орнаментом, найденная в заполнении раннего комплекса, – серебряная, литая вместе с петелькой (НОЭ-11, РГ-542; комплекс № 1; рис. 66, 4). Диаметр ее 15 мм, высота вместе с петлей 21 мм. На обратной стороне привески после расчистки стали заметны следы трех штифтов, что указывает на ее первоначальное использование в качестве накладки наборного пояса. Штифты, вероятно, были сточены, когда ее переделывали на привеску к ожерелью. Литые с петлей бляшки, орнаментированные изображением трилистника, переделанные в привески, встречаются в некоторых женских погребениях Бирки (например, Bj. 791 и 860В – *Arbman*, 1940. Taf. 95, 3; 96, 11).

Вторая привеска, найденная при разборке заполнения другого комплекса, – серебряная, позолоченная, литая, с негативным рельефом на обратной стороне, отогнутым вниз бортиком, ободком в виде «вытянутых перлов», углубленным фоном изображения (НОЭ-11, РГ-615; комплекс № 2; рис. 66, 5). Диаметр привески 22 мм, высота вместе с накладной петелькой 23 мм. Петля сделана из узкой тонкой серебряной пластинки с четырьмя рельефными продольными валиками, прикрепленной к привеске с помощью специальной миниатюрной заклепки. Изношенность петельки говорит о длительном ношении этого украшения. В нижней части привески повреждена отверстием неправильной формы. После расчистки поверхности на обратной стороне стали заметны следы двух штифтов, что также означает ее первоначальное использование в качестве

ременной накладки. Трилистник на этой бляшке-привеске дополнен изображениями строенных ягод.

Ременные накладки с изображением разных вариантов трилистника и своеобразным выпуклым бордюром из «вытянутых перлов» характерны для угро-мадьярских памятников Прикамско-Уральского региона конца VIII–первой половины IX в., таких как, например, Большетиганский могильник (погребения 12, 28) (Халикова, 1976. Рис. 4, 6, 7; 5, 3–7; Казаков, 1992. С. 68–69, рис. 20, с. 72–73, рис. 21). Подобные накладки известны в комплексах древневенгерских могильников Карпато-Дунайского региона X в. (*Fodor*, 1996. S. 375). В. В. Мурашева в работе, посвященной наборным поясам, выделяет ременные накладки, аналогичные рассматриваемой находке, в «особый» вид О1 (Мурашева, 2000. С. 51, рис. 73). Здесь же проанализированы встречающиеся на ременных пряжках и накладках орнаментальные мотивы (Там же. С. 85–90), получившие в западной научной литературе название «восточного типа» или «постсасанидских» (*Arne*, 1911; 1914, и др.). О сильном влиянии Востока на раннесредневековое искусство писали и дореволюционные российские исследователи (В. И. Сизов, Б. И. Ханенко и др.). Для территории Древней Руси накладки с похожим «рельефным изображением цветка на лицевой стороне» известны в древностях X в. Например, серебряная бляшка из кургана 1-й Седневской группы была найдена вместе с серебряной привеской с изображением «Один и вороны» (Самоквасов, 1916. С. 52, рис. 61, № 3445; *Спицын*, 1905. Рис. 47). Комплекс, в котором была найдена вторая привеска, датируется не позднее третьей четверти X в. (Носов и др., 2012б. С. 47).

Как уже говорилось, ременные накладки с «постсасанидскими элементами» в орнаменте известны на территории Урало-Поволжья в угорских древностях (Халикова, 1976. С. 158–178; Казаков, 1992. С. 68, 69, рис. 20; 2001. С. 58, рис. 1, 1, 2, 15, 16). Серебряную накладку из коллекции Теплоуховых, происходящую из Гайнской волости Чердынского уезда Пермской губернии, А. А. Спицын на основании орнамента датировал VIII–IX вв. (*Спицын*, 1902. Табл. XVII, 36). Аналогичный декор есть на поясных накладках из кургана у с. Ново-Николаевка Екатеринославской губернии (совр. Днепропетровская обл.) (Ханенко, 1902. Табл. XIX, 682, 739, 819). Кроме уже упоминавшихся выше бляшек-привесок ременная накладка, подобно городищенской переделанная в привеску с помощью накладной петли из узкой пластинки, есть в погребении Bj. 518 Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 95, 3). Так же, как и в предыду-

шем случае, раннесредневековый комплекс, в котором была найдена вторая привеска, «по составу керамического набора может быть датирован не позднее третьей четверти X в.» (*Носов и др.*, 2012б. С. 48).

Итак, обе привески с изображением трилистника изначально были ременными накладками. Накладки с подобным декором известны по угро-мадьярским погребениям конца VIII–первой половины IX в. Находки деталей поясной гарнитуры с характерным бордюром «идут полосой от Прикамья и Башкирии через Среднее Поволжье к Подонью. По комплексам вещей они датируются в большинстве IX или IX–X вв. В X в. они в большой массе отмечаются в Паннонии» (*Казаков*, 1972. С. 165). Венгерские наборные пояса были весьма популярны у скандинавов, участвовавших в восточной торговле по Волжскому торговому пути, который связывал Скандинавию со странами Востока. Путь достиг своего расцвета во второй половине IX в. Поэтому наиболее вероятно, что типичные для угро-мадьярских комплексов поясные накладки могли попасть на Городище во время функционирования Волжского торгового пути, т. е. не ранее второй половины IX в., но вряд ли позднее третьей четверти X в., когда активность жизни на поселении заметно снизилась.

И. Янссон, анализируя находки бляшек мужских поясов «восточного типа» эпохи викингов в Швеции, отмечал, что некоторое количество накладок, преимущественно серебряных, использовались женщинами в качестве подвесок (*Jansson*, 1986. С. 43). Мнение И. Янссона о вторичном использовании бляшек «восточного типа» в качестве женских украшений разделяет В. В. Мурашева. На территории Древней Руси она отмечает семь пунктов находок в погребальных памятниках девяти бляшек, переделанных в привески (*Мурашева*, 2001. С. 154–156). Т. А. Пушкина, подчеркивая немногочисленность находок бляшек-подвесок в древностях Швеции и Северо-Запада России, предполагает, что они могли быть вывезены скандинавами «с территории Среднего Поволжья, тесно связанного с Хазарским каганатом» в качестве своего рода «сувениров» (*Пушкина*, 2007. С. 331). «Мода использовать не вполне понятные в контексте собственной культуры вещицы в качестве украшений характерна для жителей Скандинавии» (*Мурашева*, 2001. С. 155). Не подвергается сомнению, что в языческом мире мода не затрагивала общего вида традиционного консервативного женского костюма и убора, которые отражали принадлежность его носительниц к определен-

ной этнической, социальной и возрастной группе населения. Строго регламентированные составляющие убора и костюма были сакрализованы и исполняли роль амулетов-оберегов. «Все компоненты костюма, прежде всего украшения, имели особый смысл для носящего («язык украшений», по терминологии Лео Фробениуса)» (*Петрухин*, 1983. С. 174). Обладательницы украшений или небольших предметов, сделанных в иных землях и привезенных издалека в качестве своего рода «сувениров» (например, застежки книг с Запада или поясные бляшки с Востока), вполне могли наделять их магическими свойствами, а прикрепленные к ожерелью в качестве привесок книжные застежки или ременные бляшки могли выполнять в уборе роль дополнительного оберега.

К числу круглых привесок можно отнести и найденную в 2011 г. в мешанном слое темно-серого гумуса *половину дирхама* с пробитым отверстием неправильной формы (НОЭ-11, РГ-320; вес 1,55 г). Это явное свидетельство того, что монета вернулась в обращение с ожерелья или убора. Монета представляет собой подражание аббасидскому дирхаму, поскольку обе ее стороны являются оборотными (определения монет выполнены А. А. Гомзиным). Но если надписи на одной стороне воспроизведены грамотно и очень близко к подлинным монетам, то другая сторона имеет явный имитационный характер, поскольку круговая легенда выполнена зеркально и состоит из нечитаемых значков. Близкое по манере исполнения подражание встречено на предположительно хазарской имитации дирхама аль-Мутасима (794–842 гг.), багдадского халифа из династии Аббасидов (Zeno. ru. № 77565). По И. Г. Спасскому, в X в. существовали два центра самостоятельной чеканки подражательных монет, более или менее точно повторявших общий тип восточных дирхамов. Один находился в Волжской Булгарии, через которую болгарские дирхамы вместе с восточными уходили из Поволжья на запад и юго-запад. «Второй центр подобной же подражательной чеканки местных дирхамов существовал где-то на юге, в степях Хазарии» (*Спасский*, 1962. С. 26). Отметим, что из заполнения комплекса, где была найдена первая бляшка-привеска с растительным орнаментом, происходит еще одна имитация дирхама (НОЭ-11; РГ-1196, комплекс № 1, обренок примерно в половину монеты, вес 1,06 г) – подражание дирхаму Аббасидов. Лицевая сторона имитирует л. с. монет ал-Мутаваккила, чеканенных в Сурра ман ра'а в 240–247 гг. х., дата искажена – 2(08?, 30?, 40?) г. х., под полем лицевой

стороны – ал-Му’тазз биллах. На обратной стороне имя халифа – ал-Му’тасим биллах (218–227 гг. х.). Интересно, что о подражательных монетах писал еще Ф. А. Теплоухов: «Арабские монеты не только были хорошо известны пермской чуди, но и что она особенно ценила их в качестве блестящих привесок, которые носились ею на ожерельях и костюме, а может быть, и на головном уборе. На это указывают, как мы уже заметили, дырочки, которыми снабжены почти все находимые в чудских поселениях монеты, а также подвески в виде поддельных куфических монет, встречающиеся между чудскими древностями, и притом довольно часто» (Теплоухов, 1895. С. 247–290). Ф. А. Теплоухов упоминает, что «такие поддельные арабские монеты найдены в Гайнской вол. Чердынского уезда». Напомним, что из Гайнской вол. Чердынского уезда Пермской губернии происходит серебряная накладка из теплоуховской коллекции, аналогичная второй привеске с растительным орнаментом из комплекса № 2 (рис. 66, 5). Таким образом, не исключено, что из Пермского Предуралья были вывезены найденные на Горо-

дище ременные накладки, переделанные потом в привески, а возможно, и обе подражательные монеты. Это может быть показателем участия некоторых жителей Городища в торговых операциях на территории Пермского Предуралья. Серебряные бляшки-привески с растительным орнаментом относятся к женским украшениям, которые носили представительницы социальных верхов – жены проживавших на Городище скандинавских дружинников и купцов. Где и когда накладки с растительным орнаментом были переделаны в привески – в самой Скандинавии или другом месте, а также когда и каким образом они попали на Городище и когда выпали в культурный слой, нам неизвестно. Вполне вероятно, что разновременные бляшки-привески оказались в заполнении комплексов в конце X в., когда обе постройки могли разобрать, а сами ямы, одновременно с городищенским рвом, засыпать культурным слоем, накопившимся за первый период существования поселения. Таким образом, обе рассмотренные бляшки-привески могут быть датированы второй половиной IX–третьей четвертью X в.

Находки из мешанного слоя темно-серого гумуса

В слое мешанного темно-серого гумуса встречены две круглые привески, подражающие скандинавской моде. На одной изображен сюжет «Один и вороны», а на другой – зооморфное изображение в стиле Борре (Дорофеева, 2013а. С. 231, рис. 1, 1, 2).

Привеска с сюжетом «Один и вороны» (НОЭ-11, РГ-359; рис. 56, 1) происходит из мешанного слоя над комплексом, в котором была найдена первая бляшка-привеска с растительным орнаментом. На ней изображены две птицы с опущенными крыльями, обращенные клювами к голове человека в центре (Носов и др., 2012б. Рис. на с. 85). Крылья птиц переданы продольными линиями. Цельнолитое ушко также декорировано тремя продольными линиями. Край привески оформлен рельефным ободком, в центре которого справа и слева по три выпуклых перла. Привеска бронзовая, литая, обратная сторона гладкая (Дорофеева, 2013а. Рис. 1, 2). Ее диаметр 18 мм, высота с ушком 23 мм.

Единого мнения по интерпретации сюжета на рассматриваемых привесках нет. Шведские исследователи со времен Т. Арне относят их к «восточному типу», считая, что на них изображен халиф Ал-Нассир с двумя драконами (Arne, 1911. S. 37; 1914. S. 164). С ними согласна российская исследовательница Н. П. Журжалина (Журжалина, 1961. С. 135). Б. А. Рыбаков, П. Лундстрем и

Л. А. Голубева трактовали сюжет изображения как «Александр Македонский с грифонами» (Рыбаков, 1951. С. 411; Lundström, 1961. S. 193–195; Голубева, 1964. С. 129). Э. Юнг, чью точку зрения разделила Г. Ф. Корзухина, считал, что на привесках изображен Один с вещими воронами Хугином и Мунином (Jung, 1928. S. 338; Корзухина, 1976. С. 138–139). Мнение Э. Юнга и Г. Ф. Корзухиной поддержала Г. Л. Новикова (Новикова, 1990. С. 31). Мифопоэтический сюжет «две хищные птицы и человек между ними», не меняя своей композиции, но переходя из одной страны в другую, в зависимости от новой среды своего бытования получал и новое истолкование. Многие отечественные исследователи, пытаясь понять смысл изображения, в поисках первоисточника обращаются к скандинавской мифологии, поэтому в современной российской археологической литературе за сюжетом «две хищные птицы и человек между ними» закрепилось название «Один и вороны».

Немногочисленные привески с таким изображением по археологическим материалам известны давно. В разное время о них писали Т. Арне, Э. Юнг, П. Лундстрем, Л. А. Голубева и др. (Arne, 1911; 1914; Jung, 1928; Lundström, 1961; Журжалина, 1961; Голубева, 1964), но до сих пор не совсем ясен вопрос о количестве находок. Б. А. Рыбаков опу-

бликовал прорисовки трех «серебряных бляшек», найденных в Курской и Владимирской областях и, скорее всего, Черниговской (в подписи к рисунку указаны только Курская и Владимирская обл.) (Рыбаков, 1951. С. 410, рис. 198). Н. П. Журжалина перечисляет пять находок: привеска из 1-й Седневской группы курганов около г. Чернигова (приведя вслед за А. С. Гуциным ошибочное название памятника «Седловская» – правильно «Седневская»); из Гнёздовского клада 1868 г.; бронзовая привеска из Владимирских курганов, и, со ссылкой на Т. Арне, две привески из Бирки (Журжалина, 1961. С. 135). Л. А. Голубева писала о 10 привесках с рассматриваемой композицией (Голубева, 1964. С. 129). По мнению же Г. Ф. Корзухиной, к привескам с изображением «человека с двумя птицами» можно отнести только шесть экземпляров. «Все привески относятся к X в. и совершенно одинаковы по композиции» (Корзухина, 1976. С. 138). Г. Л. Новикова, говоря о скандинавских амулетах в материалах Владимирских курганов, перечисляет памятники на территории Древней Руси, где были найдены известные аналогии владимирской привески: Седнев, Гнёздово, Николаевская Белгородская пустынь (Новикова, 1990. С. 31). С. П. Щавелев, со ссылкой на Б. А. Рыбакова, пишет о привеске из кургана близ Николаевской Белгородской пустыни Курской области из раскопок Д. Я. Самоквасова, но бронзовой, а не серебряной (Щавелев, 2004. С. 192, 193, табл. 1, 1). В последнее время в Интернете на различных антикварных и кладоискательских сайтах появляются фотографии таких привесок, которые происходят из грабительских раскопок. Из-за этого, к сожалению, точное количество найденных на территории Древней Руси привесок с сюжетом «Один и вороны» подсчитать невозможно, поэтому здесь приводятся данные только о находках с достоверно установленной историей происхождения.

Итак, в научных публикациях имеются сведения о семи привесках с изображением «Один и вороны»:

1) серебряная привеска из кургана с сожжением у д. Васильки Владимирской губ. (Спицын, 1905. Рис. 5; Arne, 1911. Fig. 183; 1914. Fig. 304; Рыбаков, 1951. С. 410, рис. 198, 4; Корзухина, 1976. Рис. на с. 136);

2) серебряная привеска из Гнёздовского клада 1868 г. (Гуцин, 1936. Табл. III, 13);

3) серебряная привеска из кургана у Николаевской Белгородской пустыни (ныне с. Горнали) Суджанского р-на Курской обл. (Самоквасов, 1908. С. 212–216; Рыбаков, 1949. С. 285; 1951. Рис. 198, 3; Щавелев, 2004. Табл. 1, 1);

4) серебряная привеска из кургана 1-й Седневской группы⁴ (Самоквасов, 1916. С. 52, рис. 61, № 3444; Гуцин, 1936. Рис. 5 на с. 34; Рыбаков, 1951. С. 410, рис. 198, 5);

5) бронзовая позолоченная привеска из погребения девочки Bj. 762 могильника Бирки (Arne, 1911. S. 38, fig. 181; 1914. S. 164, fig. 302; Arbman, 1940. S. 278; 1943. Taf. 95, 5; Lundström, 1961. Abb. 5, 2: 1; Jansson, 1989. S. 43, abb. 4, 1; Корзухина, 1976. С. 138);

6) бронзовая привеска из погребения в Скеггесте (Швеция, Сёдерманланд, приход Барва) (Arne, 1911. S. 38, fig. 182; 1914. S. 164, fig. 303);

7) серебряная привеска из клада в Александрхов, окр. Пренцлау, Германия (Jung, 1928. S. 338; Кулаков, 1995. С. 68, рис. 1, 6).

Из учтенных в данной работе вместе с городищенской находкой 2011 г. восемью привесок с рассматриваемым сюжетом – пять были найдены в погребениях (три серебряные в курганах с сожжениями в России и на Украине, две позолоченные бронзовые в грунтовых захоронениях в Швеции), две серебряные привески – в составе кладов (одна в России, другая в Германии) и одна бронзовая – при раскопках поселения (новгородское Городище). То, что в самой Швеции известны только две привески, в Германии одна, тогда как в России и на Украине – пять, скорее подтверждает мнение Т. Арне, отрицавшего их скандинавское происхождение. Т. Арне отмечал, что «предметы, найденные в России и имеющие тип существенно скандинавский, представляют заметный местный оттенок, имеют известную печать влияния, восточного или византийского» (Arne, 1914. S. 62). И. Янссон тем не менее допускает в орнаментации привесок «восточного типа» присутствие элементов северного влияния (Jansson, 1989. S. 43–45). «Многие элементы дружинной культуры, часть из которых – “восточные” (хазарские, иранские, тюркские и др.), были восприняты викингами опосредованно, через Русь» (Мурашева, 1997. С. 71–79). Мотив изображения «человека с двумя птицами» на различных предметах, распространившийся в языческой дружинной культуре Руси в X в., у выходцев из северных Скандинавских стран не утратил своей популярности и позднее. А. В. Чернецов пишет, что вместе с воинами скандинавского про-

⁴ А. С. Гуцин обратил внимание на то, что седневская привеска полностью повторяет привеску из Гнёздовского клада. По его мнению, «обе эти привески, несомненно, сделаны в одной и той же мастерской и отлиты в одной форме», что указывает на массовость производства (Гуцин, 1936. С. 33, 34).

исхождения «на Русь проникали изобразительные мотивы, связанные со скандинавской мифологией. Так, мотив скандинавской мифологии – Один и его вороны, обнаруженный в восточноевропейском материале Г. Ф. Корзухиной, известен на подвесках и литейной форме, найденных на территории Руси» (Чернецов, 1988. С. 151). Каменная литейная форма была обнаружена в Суздале на усадьбе богатого дружинника XI в. (Седов, Седова, 1983. С. 130–138, рис. 5; Седова, 1997. С. 179). На всех четырех сторонах формы искусно вырезаны углубления, служившие для отливки различных предметов, в том числе привески с изображением человека и двух воронов, сидящих на его плечах. На орнаментальной кайме другой подвески, сохранившейся частично, есть руническая надпись: «этот Олафов» (Седов, Седова, 1983. С. 135). Сам комплекс усадьбы датируется по монете 1031–1051 гг. (Славяне и скандинавы, 1986. С. 266).

Привески подобного рода обычно украшали наборные пояса, которые были престижными статусными вещами и имели сакральное значение. Изображение покровителя воинов Одина значительно увеличивало «чудодейственность» вещи, усиливая ее защитную функцию. Возможно, что и найденные в составе двух кладов (Гнёздово и Александров) привески были помещены туда для магической защиты сокрытых ценностей. Тем не менее на основании имеющейся информации мы не можем с уверенностью говорить о принадлежности привесок с изображением «Один и вороны» только к мужскому костюму. Так, позолоченная бронзовая привеска с таким изображением из погребения Vj. 762 в Бирке была найдена в захоронении девочки.

Привеска, декорированная зооморфным изображением в стиле Борре – бронзовая, литая, с гладкой обратной стороной (Дорофеева, 2013а. Рис. 1, 1) (НОЭ-11, РГ-6; рис. 56, 2). Ее диаметр 19 мм, высота с ушком 22 мм. По краю привески идет бордюр, состоящий из перлов, ушко декорировано тремя продольными валиками. Основой композиции является изображение зооморфного существа, скорее всего, змея или дракона, с извивающимся лентообразным телом. Голова животного анфас отделена от туловища двумя линиями. Эта привеска – не первая в коллекции Городища находка с зооморфным изображением в стиле Борре. Так, серебряная привеска с похожим зооморфным изображением была найдена в 2008 г. при разборке заполнения древнего рва в черном слое X в. (Носов и др., 2012а. Рис. на с. 84). В материалах могильника Бирка известны две позолоченные бронзовые привески с подобными изображениями, которые происходят из женских

захоронений Vj. 823 и Vj. 884 (Arbman, 1940. Taf. 99, 1, 2; 1943. S. 296, 344, abb. 290; Callmer, 1986. S. 23).

Известно, что в раннем средневековье стилизованные изображения змее-драконов были необычайно популярны в искусстве Северной Европы. Змей или дракон, который считается дальнейшим развитием образа змея, – «представленный почти во всех мифологиях символ, связываемый с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой» (Иванов, 1991. С. 468–471). С. С. Рябцева отмечает, что «популярность образа змеи в декорировке ювелирных украшений связана, по-видимому, и с ее покровительственной символикой в архаическом сознании» (Рябцева, 1999. С. 228). В эпоху викингов «животная орнаментация... пронизана языческими верованиями и магическими представлениями. Известные нам изображения... должны были помогать в жизненной борьбе, отгонять злые силы, привлекать удачу...» (Гуревич, 1999. С. 83). Изображения хтонических существ на различных предметах, украшениях, фибулах и т. д. должны были притягивать злобный взгляд недоброжелателя, отвлекая его таким образом от жертвы (Hedenstierna-Jonson, 2006. S. 314–324). Возможно, что рассматриваемую бронзовую привеску с изображением змее-дракона могла носить скандинавская женщина как символ плодородия или оберег, выполняющий целительно-охранную функцию.

Найденные на Городище в мешанном слое бронзовые привески с сюжетом «Один и вороны» и зооморфным изображением в стиле Борре являются изделиями древнерусских ремесленников, о чем свидетельствует наличие цельнолитого ушка у обеих привесок. Заказчики же, по всей вероятности, имели скандинавские корни. Сопутствующий привескам материал, относящийся к раннему периоду поселения на Городище, а также аналогии изображениям позволяют датировать их, скорее всего, концом X–первой половиной XI в.

Амулет в виде миниатюрных предметов вооружения из раскопа 2012 г.

В мешанном слое темно-серого гумуса был найден комплект амулетов в виде миниатюрных предметов вооружения, выполненный из свинцово-оловянистой бронзы (НОЭ-12, РГ-276; ил. 12, 11). Набор состоит из круглого неорнаментированного щита и наконечника копья. Щит диаметром 24 мм сделан из тонкой пластины. В его центре – полусферическая выпуклость диаметром 7 мм, имитирующая умбон, а с внутренней стороны прикреплена

тонкая узкая полоска шириной 3 мм, копирующая скобу для ношения. Скобка плотно фиксирует миниатюрный наконечник копья, который выполнен из тонкой полоски металла шириной 7 мм. Один конец пластины свернут, образуя втулку наконечника диаметром 4 мм. Острие копья было отломано в древности, обломок сложен пополам и плотно вставлен между наконечником и щитом. Длина сохранившейся части наконечника 35 мм. Точный тип копья невозможно определить из-за миниатюрности предмета и определенной условности изображения. Это уже вторая связка амулетов в виде миниатюрных предметов вооружения, найденная на Городище. Первый набор амулетов, но сделанный из железа, состоял из щита, меча и копья (НОЭ-07, РГ-726; ил. 12, 9). Он был найден на центральной площадке Городища в черном слое X в. при разборке заполнения древнего рва (подробнее см.: *Дорофеева*, 2014. С. 252, рис. 2, 11, с. 255). Рассматриваемый набор амулетов, так же как и связка из железа, не имеет отверстия, кольца или петли для подвешивания. Возможно, что оба набора носили в специальном мешочке или кошельке. Вместе с амулетом были найдены разновременные вещи, в том числе датируемые IX–X вв.: сердоликовые и хрустальные бусины, а также медная монета (фоллис) византийского императора Феофила (829–842). По всей вероятности, и данный набор следует датировать временем не позднее последней четверти X в.

Кресаловидные или ладьевидные подвески (по материалам раскопов разных лет)

К уникальным предметам относятся и кресаловидные или ладьевидные подвески, которых на Городище найдено уже девять экземпляров (*Носов*, 1990. С. 75, 85; *Янссон*, 1999. С. 34; *Носов и др.*, 2005б. С. 57; *Дорофеева*, 2012. С. 187–193, рис. 1; 2016. С. 227–239, рис. 2, 9–17). Они представляют собой плоские овальные кольца разных размеров с четким или слегка сглаженным угловидным выступом внутри. Все городищенские привески очень простой формы, не орнаментированы и не имеют ушек для привешивания. Их диаметр варьирует от 1,5 см до 4,0 см. Два экземпляра сделаны из железа (*Дорофеева*, 2012. Рис. 1, 1, 6; 2016. Рис. 2, 12, 17), семь – из бронзы (*Дорофеева*, 2012. Рис. 1, 2–5, 7–9; 2016. Рис. 2, 9–11, 13–16). У трех амулетов сужающиеся концы завязаны (*Дорофеева*, 2012. Рис. 1, 6–8; 2016. Рис. 2, 12, 15, 16), у двух они соприкасаются или свободно заходят друг за друга (*Дорофеева*, 2012. Рис. 1, 1, 3; 2016. Рис. 2, 11, 17), еще у двух обломаны (*Дорофеева*, 2012. Рис. 1, 2, 4;

2016. Рис. 2, 9, 14). Одна подвеска является незаконченным, скорее всего бракованным, изделием (НГМ КП-25402; А26/229; *Янссон*, 1999. С. 33; *Дорофеева*, 2012. Рис. 1, 5; 2016. Рис. 2, 10). Самая маленькая копия калачевидного кресала диаметром 1,5 см с помощью зубильца вырублена из тонкой пластины (НОЭ-11, РГ-1331, комплекс № 1; рис. 66, 3). Это круглая подвеска с четким угловидным выступом внутри кольца (*Дорофеева*, 2012. Рис. 1, 9; 2016. Рис. 2, 13). На одной из ее сторон прослеживается прочерченная чем-то острым наметка контура будущего отверстия. Аналогичные подвески были найдены в Хельго и Пскове (*Excavations at Helgö*, 1964. S. 63, pl. 26, 12; *Колосова, Милюткина*, 1994. С. 120, рис. 12, в). Похожее по форме изображение процарапано на оборотной стороне круглой серебряной привески из клада, найденного в Гнёздове в 1867 г. (*Новикова*, 1991. Рис. 3, 1).

Миниатюрная железная копия кресала с сужающимися завязанными концами была найдена в 2008 г. на центральной площадке Городища при разборке заполнения древнего рва в черном слое X в. (НОЭ-08, РГ-1392; ил. 12, 6) (*Дорофеева*, 2016. Рис. 2, 12). На северном берегу Сиверсова канала в раскопе 1977–1979 гг. в слое второй половины X в. встречена большая железная подвеска с соприкасающимися концами (НОЭ-77, РГ-58; *Носов*, 1990. Рис. 30, 4; *Дорофеева*, 2016. Рис. 2, 17), а в слое древнерусского времени – бронзовая с обломанным концом (НОЭ-78, РГ-68/НГМ КП 34337/А102-187; *Носов*, 1990. Рис. 30, 2; *Дорофеева*, 2016. Рис. 2, 14). В 2011 г. в раскопе, расположенном на краю Городищенского холма, выходящего к Волхову, при исследовании комплекса, датируемого временем не позднее третьей четверти X в., обнаружена маленькая круглая бронзовая кресаловидная подвеска (НОЭ-11, РГ-1331, комплекс № 1; рис. 66, 3) (*Дорофеева*, 2016. Рис. 2, 13).

Четыре кресаловидные подвески происходят из мешанного культурного слоя. Две из них найдены в раскопе на центральной площадке памятника (НОЭ-86, РГ-20; НОЭ-84, РГ-152/ НГМ КП 39411/А 138-116 – *Носов и др.*, 2005б. Табл. 29, 2, 3; *Дорофеева*, 2016. Рис. 2, 9, 11). Две находки происходят из раскопа 2011 г., расположенного на выходящем к Волхову краю Городищенского холма (НОЭ-11, РГ-338; рис. 56, 5 и НОЭ-11, РГ-479; рис. 56, 4) (*Дорофеева*, 2016. Рис. 2, 15, 16). Примечательно, что вторая подвеска найдена в мешанном слое над раннесредневековым комплексом № 1, где были встречены бляшка-привеска с растительным орнаментом, а также круглая маленькая кресаловидная привеска. Еще одна подвеска является случайной

находкой (НГМ КП-25402, А26/229; *Дорофеева*, 2016. Рис. 2, 10).

Все девять привесок-кресал являются отдельными находками, поэтому судить о способе их ношения или крепления к каким-либо предметам мы можем лишь по материалам других памятников (см. *Дорофеева*, 2012. С. 187–193). Найденные на новгородском Городище амулеты могли быть изготовлены как на самом поселении, так и в Скандинавии или каком-либо месте на территории России, связанном с длительным пребыванием там скандинавов. В пользу их возможного местного происхождения свидетельствует материал, из которого они сделаны, а также случайная находка (НГМ КП-25402), которая, скорее всего, является незавершенным или бракованным изделием. Как уже отмечалось, из восьми привесок в форме калачевидных кресал, найденных во время археологических раскопок на поселении, четыре обнаружены при разборке слоев, лишенных стратиграфии, три происходят из непо потревоженных

отложений или заполнения сооружений IX–X вв., а одна – из древнерусского слоя. Это согласуется с мнением И. Янссона, что «скандинавская окраска материальной культуры Городища» к концу X в. исчезает (*Янссон*, 1999. С. 38), что совпадает с последним этапом бытования этих амулетов в Скандинавии и временем их наибольшего распространения на территории Восточной Европы во второй половине X–начале XI в. Примечательно, что все рассматриваемые амулеты были найдены на разных участках Городища, но внутри укрепленной в X в. площадки поселения.

Итак, все проанализированные выше находки, имеющие скандинавское, византийское, арабское, венгерское или великоморавское происхождение, отражая многосторонние культурные контакты населения Рюрикова городища, являются скорее не столько этническим, сколько социальным индикатором, указывающим на достаточно высокий статус их владельцев.

М. В. Саблин

ФАУНА РЮРИКОВА ГОРОДИЩА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2000–2011 гг.)¹

Новгородское или Рюриково городище – это один из самых ранних древнерусских торгово-ремесленных и военно-административных центров на Северо-Западе России. С этого поселения было получено большое количество материалов, значительную часть которых составляли остеологические остатки. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе определялись В. И. Цалкиным (Цалкин, 1956), М. Молтби и Ш. Гамильтон-Даер (Молтби, Гамильтон-Даер, 1995; Maltby, Hamilton-Dyer, 2001), а также А. В. Зиновьевым (Зиновьев, 2009; Zinoviev, 2012). Английские исследователи уделили особое внимание особенностям фаунистического состава, индивидуальному возрасту животных и тафономии остатков, В. И. Цалкин и А. В. Зиновьев – метрическим характеристикам и морфологии домашних животных. В 2007 г. нами были опубликованы предварительные результаты анализа фауны Рюрикова городища (Саблин, 2007). В настоящей работе рассматривается костный материал по результатам раскопок 2000–2011 гг., хранящийся в Зоологическом институте РАН.

Значительная часть костей рыб, птиц и млекопитающих была найдена в многометровом запол-

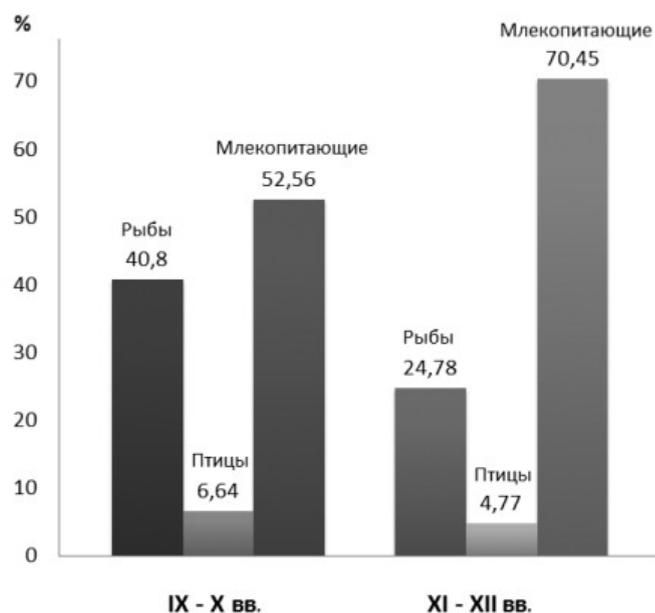

Рис. 1. Соотношение рыб, птиц и млекопитающих с Рюрикова городища

¹ Исследование было проведено при участии ЗИН РАН (гос. тема № АААА-А17-117022810195-3).

нении древнего рва, который, главным образом, исследовался в южной части городищенского холма, на северном берегу Сиверсова канала. Остеологическая коллекция (25 252 определимых фрагмента) с Рюрикова городища была разделена нами на две части, относимые к разным временным периодам: IX–X и XI–XII вв. Костные остатки – это в основном пищевые отходы, которые накапливались в культурных слоях естественным путем. Остеологический материал хорошо сохранился, особенно фрагменты, извлеченные со дна рва, чему способствовало длительное их пребывание в водной среде. Неопределимые остатки в целом составляют 64,3 % от общего количества костей и в своем большинстве это фрагменты ребер, позвонков, трубчатых костей млекопитающих. Лишь несколько костей несут на себе следы пребывания в огне. Считается, что количество костей в локальной выборке должно превышать 300–400 единиц, чтобы минимально достоверно отражать археозоологическую ситуацию (Grayson, 1984). Изученный нами остеологический материал с избытком соответствует этому условию.

Соотношение определимых костей млекопитающих, птиц и рыб с Рюрикова городища отражено на диаграмме (рис. 1). Следует отметить большое количество костей рыбы (40,8 %) в слоях IX–X вв., что указывает на ее важную роль в пищевом рационе людей этого периода. В XI–XII вв. количество остатков рыбы среди пищевых отходов снижается почти вдвое – до 24,78 %. Налицо смена типа хозяйствования, связанная либо с некими локальными климатическими изменениями, либо с новыми культурными традициями. Основными промысловыми видами на Городище являются представители семейства карповых *Cyprinidae*, а также щука *Esox lucius*, судак *Sander lucioperca* и окунь *Perca fluviatilis* (Maltby, Hamilton-Dyer, 2001).

Видовой состав птиц (определения А. Н. Пантелеева, ЗИН РАН) крайне разнообразен, хотя их остатков в целом немного (табл. 1). Среди диких птиц доминируют околородные, всего 22 вида. Это баклан, журавль, аист, цапля, кулик турухтан, дикие лебеди, гуси и 12 видов мелких уток. Кроме того, среди пищевых отходов обнаружено много костей хищных птиц. Они представлены 9 видами. Это орлан, канюк, ястреба, сокола и совы. Лесных видов 5: глухарь, тетерев, белая куропатка,

Таблица 1. Фауна Рюрикава городища

Вид	IX–X вв.			XI–XII вв.		
	особи	кости	%	особи	кости	%
Всего рыб		7445			1736	
Птицы						
Большой баклан – <i>Phalacrocorax carbo</i>	1	1	0,08	2	4	1,2
Цапля серая – <i>Ardea cinerea</i>	1	1	0,08			
Серый журавль – <i>Grus grus</i>	1	1	0,08			
Кваква – <i>Nycticorax nycticorax</i>	1	1	0,08			
Черный аист – <i>Ciconia nigra</i>				1	5	1,5
Лебедь-кликун – <i>Cygnus cygnus</i>	1	5	0,41	1	4	1,2
Лебедь тундряный – <i>Cygnus bewickii</i>	1	5	0,41	1	1	0,3
Черная казарка – <i>Branta bernicla</i>	1	1	0,08			
Гусь белолобый – <i>Anser albifrons</i>	1	5	0,41	1	6	1,8
Серая утка – <i>Anas strepera</i>	1	1	0,08	1	1	0,3
Чирок-свистунок – <i>Anas crecca</i>	28	170	14,04	10	24	7,18
Связь – <i>Anas penelope</i>	7	20	1,65	2	4	1,2
Шилохвость – <i>Anas acuta</i>	2	6	0,5	2	3	0,9
Широконоска – <i>Anas clypeata</i>	3	8	0,66	1	1	0,3
Чирок-трескунок – <i>Anas querquedula</i>	13	54	4,46	2	3	0,9
Хохлатая чернеть – <i>Aythya fuligula</i>	9	45	3,72	1	2	0,6
Белоглазый нырок – <i>Aythya nyroca</i>	1	2	0,17			
Морянка – <i>Clangula hyemalis</i>	2	5	0,41	3	5	1,5
Гоголь – <i>Vicephala clangula</i>	12	82	6,78	6	15	4,49
Средний крохаль – <i>Mergus serrator</i>	1	2	0,17			
Луток – <i>Mergus albellus</i>	1	2	0,17			
Утки неопределимые – <i>Anatidae indet.</i>		54	4,46		13	3,88
Орлан-белохвост – <i>Haliaeetus albicilla</i>	9	26	2,15	2	4	1,2
Ястреб-тетеревятник – <i>Accipiter gentilis</i>	5	12	1	4	34	10,17
Ястреб-перепелятник – <i>Accipiter nisus</i>	1	5	0,41	1	2	0,6
Канюк обыкновенный – <i>Buteo buteo</i>	1	2	0,17	1	1	0,3
Сапсан – <i>Falco peregrinus</i>	1	1	0,08			
Пустельга – <i>Cerchneis tinnunculus</i>	1	1	0,08	1	3	0,9
Хищные птицы неопределимые – <i>Falconiformes indet.</i>	1	1	0,08			
Глухарь – <i>Tetrao urogallus</i>	5	8	0,66			
Тетерев – <i>Lyrurus tetrrix</i>	1	1	0,08			
Белая куропатка – <i>Lagopus lagopus</i>	1	1	0,08			
Турухтан – <i>Philomachus pugnax</i>	1	5	0,41	1	1	0,3
Вяхирь – <i>Columba palumbus</i>				1	1	0,3
Болотная сова – <i>Asio flammeus</i>	1	1	0,08			
Сова – <i>Asio sp.</i>	1	1	0,08			
Филин – <i>Bubo bubo</i>	1	1	0,08	1	4	1,2
Сорока – <i>Pica pica</i>	1	2	0,17			
Галка – <i>Corvus monedula</i>		4	0,33	1	1	0,3
Серая ворона – <i>Corvus cornix</i>				1	1	0,3
Грач – <i>Corvus frugilegus</i>				1	1	0,3
Ворон – <i>Corvus corax</i>	1	3	0,25	3	7	2,09
Всего диких птиц	120	546	45,09	52	151	45,21
Гусь серый домашний – <i>Anser anser</i>	11	67	5,53	4	14	4,19
Кряква домашняя – <i>Anas platyrhynchos</i>	40	330	27,25	12	66	19,76
Курица домашняя – <i>Gallus gallus var. domesticus</i>	33	268	22,13	16	103	30,84
Всего домашних птиц	84	665	54,91	32	183	54,79
Всего определенных птиц	204	1211	100	84	334	100
Неопределимые птицы		369			529	
Всего птиц		1580			863	

Вид	IX–X вв.			XI–XII вв.		
	особи	кости	%	особи	кости	%
Млекопитающие						
Бобр – <i>Castor fiber</i>	5	81	0,85	4	33	0,67
Заяц – <i>Lepus timidus</i>	4	65	0,68	3	38	0,77
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	1	10	0,1	3	33	0,67
Куница – <i>Martes martes</i>	3	22	0,23	1	5	0,1
Медведь – <i>Ursus arctos</i>	1	6	0,06	1	6	0,12
Кабан – <i>Sus scrofa</i>				1	5	0,1
Лось – <i>Alces alces</i>	1	5	0,05	9	83	1,68
<i>Всего дикие животные</i>	15	189	1,97	22	203	4,11
Собака домашняя – <i>Canis familiaris</i>	16	228	2,38	9	126	2,55
Кошка домашняя – <i>Felis catus</i>	6	93	0,97	5	44	0,89
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	29	870	9,07	8	292	5,92
Свинья домашняя – <i>Sus domestica</i>	147	4006	41,77	89	1683	34,1
Корова домашняя – <i>Bos taurus</i>	121	3497	36,46	70	2171	44
Коза – <i>Capra hircus</i>	5	18	0,19			
Овца – <i>Ovis aries</i>	55	690	7,19	36	415	8,41
Бесхвостый макак – <i>Macaca sylvanus</i>				1	1	0,02
<i>Всего домашние животные</i>	379	9402	98,03	218	4732	95,89
<i>Всего определяемые млекопитающие</i>		9591	100		4935	100
<i>Неопределимые млекопитающие</i>		26256			18240	
<i>Всего млекопитающих</i>		35847			23175	

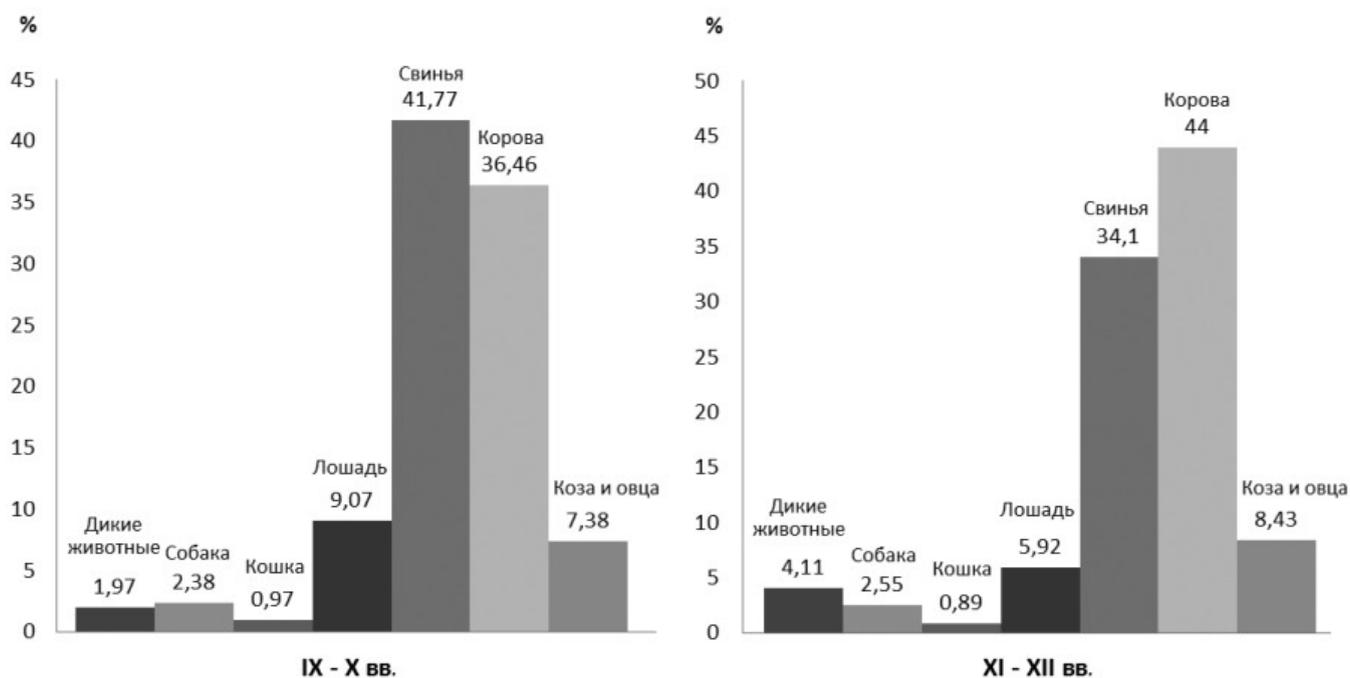

Рис. 2. Соотношение основных видов животных с Рюрикова городища

вахирь, ворон. По-видимому, охота на птиц была очень распространена, особенно на мелких уток родов *Anas*, *Aythya* и *Vesperphala*, ради мяса, а также на крупных дневных хищников родов *Accipiter* и *Haliaeetus* ради добычи крупных перьев, которые использовались в изготовлении стрел (табл. 1).

Необходимо отметить, что соотношение домашних и диких птиц на памятнике от IX к XII в. совершенно не изменилось (табл. 1). Вместе с тем в указанный временной период снижается с 32,8 % до 24 % суммарная доля остатков серого домашнего гуся и домашней кряквы, а доля остатков домашней курицы, наоборот, возрастает с 22,1 % до 30,8 %. В культурных слоях X–XV вв. Троицкого раскопа Великого Новгорода отмечено следующее соотношение: серый домашний гусь и домашняя кряква – 36 %, домашняя курица – 30,5 % (Hamilton-Dyer, 2002). Интересно, что, по данным А. В. Зиновьева (Зиновьев, 2009), в культурных слоях X–XV вв. с Десятинного раскопа Великого Новгорода число костей домашней курицы более чем в 8 раз превосходит число домашней водоплавающей птицы.

Сравнение выборок костей млекопитающих из слоев IX–X и XI–XII вв. показало увеличение их доли с 52,56 % до 70,45 % соответственно (рис. 1). Это напрямую связано с уменьшением доли костей рыбы на памятнике в указанный временной период.

Распределение по видам домашних животных выявило следующую тенденцию: если в слоях IX–X вв. количество костей свиньи несколько превышает количество костей коровы, то в слоях XI–XII вв. наблюдается обратное соотношение (рис. 2). Следует отметить, что в остеологическом материале с Десятинного раскопа в Великом Новгороде, относящемся к X–XV вв., остатков коровы вдвое больше, чем остатков свиньи (Зиновьев, 2009).

Относительное количество костей лошади в слоях XI–XII вв. уменьшается в среднем на треть по сравнению с предшествующими двумя столетиями. Думается, что, скорее всего, это связано с тем, что в ранний период здесь находилось культовое место, где лошади приносились в жертву. Позже, с принятием христианства, подобная ритуальная практика прекратилась.

Также необходимо указать на отсутствие достоверно определенных костей козы в слоях XI–XII вв. При этом и в более ранних слоях ее совсем немного (табл. 1). Интересно, что в материале из слоев X–XV вв. Десятинного раскопа в Великом Новгороде среди стада мелкого рогатого скота, судя по данным А. В. Зиновьева (Зиновьев, 2009), преобладают как раз козы.

Относительное количество костей диких животных от IX к XII в. возрастает более чем вдвое с

1,97 % до 4,11 % (рис. 2). На пушных зверей – бобра, зайца, лисицу, куницу и медведя – охотились ради шкуры и меха, на копытных – лося и кабана – ради мяса. Соотношение добычи пушных и копытных животных от IX к XII в. резко меняется в пользу копытных за счет резкого увеличения добычи лося (табл. 1). Причины этой тенденции пока остаются неясными. Кости лося несут на себе многочисленные следы разделки (разрубания) туши, которая доставлялась на Городище целиком.

Разделка коров, свиней, коз и овец также происходила прямо на поселении, поскольку в кухонных остатках обнаружены остатки как от вполне съедобных, так и от совершенно несъедобных (фаланги пальцев, включая копытные, хвостовые позвонки, обломки рогов, зубы) частей тела. От свиньи сохранилось заметно больше фрагментов краниальной области, поскольку голова домашних свиней богаче мясом, чем голова крупного и мелкого рогатого скота. Следует отметить, что практически все черепа свиней разрублены вдоль продольной оси. Различий по анатомическому составу остатков между коровой, свиньей и овцой не выявлено. Половина костей свиньи, треть костей овцы и четверть костей коровы принадлежало молодым или полувзрослым особям, забитым на мясо. Остатки лошадей, кошек и собак принадлежат взрослым животным и не несут на себе следов расчленения для кулинарного потребления.

Кости домашней кошки появляются только в слоях X в. Этот факт, несомненно, необходимо принять к сведению, однако следует иметь в виду, что данный вид достаточно редок на памятнике и, возможно, остатки этого животного просто не попали в относительно небольшую выборку костей из слоев IX в.

Рост в холке у собаки с Рюрикова городища, вычисленный по кондилобазальной длине черепа ($n = 6$), был около 60 см, что соответствует крупной лайке. Морфологические особенности черепов также указывают на эту породу. Наличие полных скелетов животных может свидетельствовать об их преднамеренном захоронении. Необходимо отметить, что рост в холке у собаки из слоев X–XV вв. Троицкого и Десятинного раскопов в Великом Новгороде составил чуть более 48 см (Zinoviev, 2012).

Средний рост в холке коровы из слоев IX–XII вв., вычисленный нами по коэффициентам В. И. Цалкина (Цалкин, 1960) по длине передних метаподий ($n = 16$), составил 109,4 см. Тот же параметр, вычисленный нами по длине задних метаподий ($n = 27$), составил 110,8 см. При этом самая крупная особь была 119 см ростом, самая мелкая – всего 97 см.

Это несколько меньше данных, приведенных в свое время М. Молтби и Ш. Гамильтон-Даер (*Молтби, Гамильтон-Даер, 1995; Maltby, Hamilton-Dyer, 2001*) по Городищу. А. В. Зиновьев (*Зиновьев, 2009*) для материала из слоев X–XV вв. Десятичного раскопа Великого Новгорода приводит цифру 109,6 см. В целом, корова с Рюрикова городища была несколько выше средневековой коровы лесной полосы Древней Руси, высота в холке которой была около 100 см (*Цалкин, 1956*), но несколько ниже средневековой коровы Среднего Поднепровья, высота в холке которой была около 114 см (*Тимченко, 1972*).

Всего в слоях IX–X вв., в заполнении древнего рва, было обнаружено 22 черепа домашней лошади разной степени сохранности. Из них 8 целых и 5 фрагментарных черепов было передано для изучения в Зоологический институт РАН. Мы провели тщательный археозоологический анализ остатков

Equus caballus на наличие порезов, насечек, следов рубки. Как было сказано выше, кости лошадей, в отличие от костей парнокопытных, не несут на себе признаков расчленения для кулинарного потребления. Необходимо также отметить, что ни на одном из конских черепов нет повреждений, характерных для скорняжных работ: следовательно, с голов перед погребением шкура не снималась. Костные остатки в целом свидетельствуют об отсутствии какого-либо утилитарного подхода к тушам животных после их смерти – их не разделявали и даже не освеживали. Такая расточительность в раннем средневековье выглядит необычно: лошадиные шкуры, конина в эту эпоху представляли значительную ценность. В свете новых данных версия ритуального жертвоприношения выглядит наиболее вероятной. находки располагались по всей длине внутреннего склона рва с юго-запада на северо-восток на протяжении более 20 м (рис. 3). На Городище, как резиденции

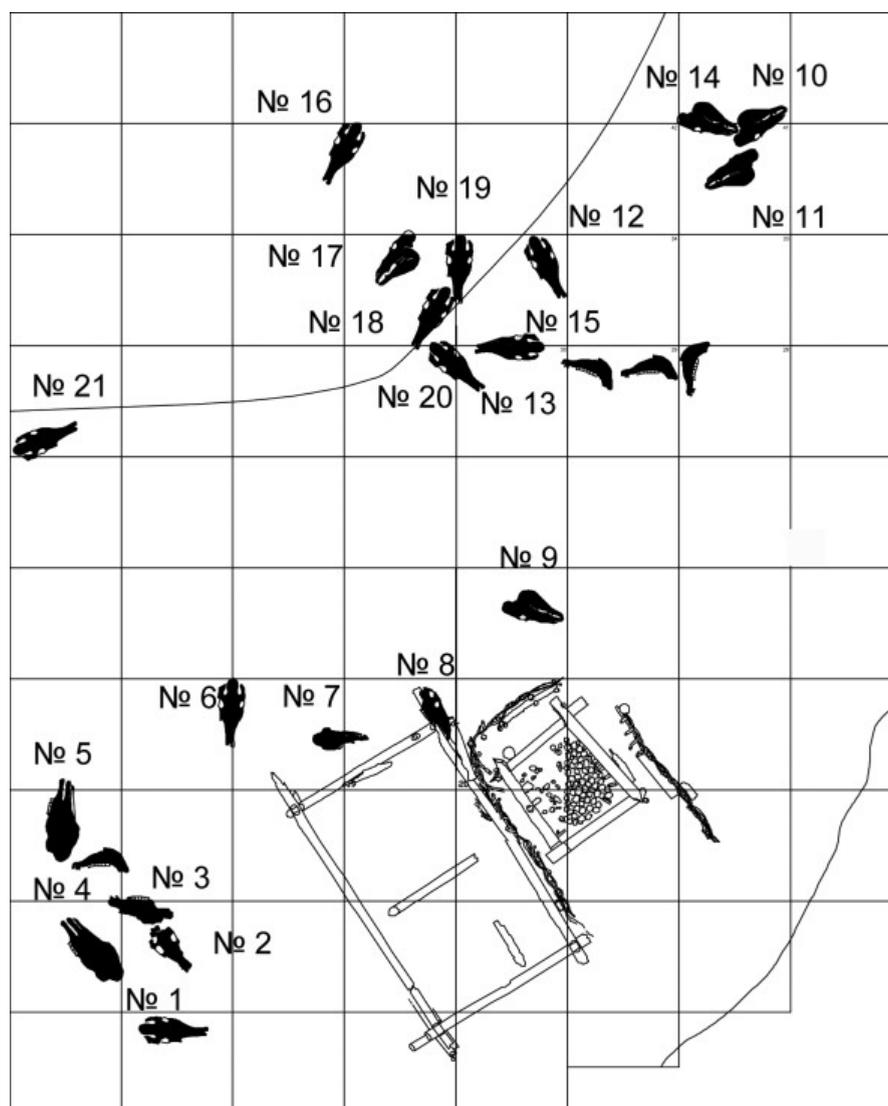

Рис. 3. Рюриково городище. План-схема расположения конских черепов в заполнении древнего рва. Раскопы 1978–1979, 1997–2002 гг.

Таблица 2. Промеры черепов домашней лошади с Рюрикова городища, IX–X вв.

		Коллекционные номера (ЗИН РАН)											
		35582	35583	35584	35585	35586	35657	35658	35659				
Возраст в годах		6–7	13–14	7–8	8	7–8	13–15	8	5–6				
№	Промеры									Min	Max	M	SD
1	Основная длина	459,5	477,8	488,2	480,7	492	482,5	463,7	490,5	459,5	492,0	479,4	12,0
2	Предкоренная длина	114	125,4	136,2	127,2	141,5	129	118,8	136	114,0	141,5	128,5	9,3
3	Длина диастемы	84	99,4	100	93,3	105	97,2	85,5	101,8	84,0	105,0	95,8	7,6
4	Длина ряда Р	91,5	88	89,5	91	86,1	85,2	93,2	93	85,2	93,2	89,7	3,0
5	Длина ряда М	75	77,5	81	75,2	78	74,8	75,4	81,3	74,8	81,3	77,3	2,7
6	Длина зубного ряда	165,4	163	160,4	165,2	162	159,3	166,2	170,5	159,3	170,5	164,0	3,6
7	Премолярная основная длина	346,2	349	356,2	358	356,5	354,2	343,5	360,8	343,5	360,8	353,1	6,1
8	Передняя глазная линия	351	365	369	372,2	377,4	371,2	358,2	383	351,0	383,0	368,4	10,2
9	Задняя глазная линия	188,5	199,5	191	199,2	204	197,5	182,2	199,4	182,2	204,0	195,2	7,2
10	Теменная длина	501,5	519,8	520,5	526	532,2	526,3	501	536	501,0	536,0	520,4	13,0
11	Орбито-лицевая длина	292,5	303,2	309,8	312,5	319,2	314,8	297	322,5	292,5	322,5	308,9	10,6
12	Премолярная орбито-лицевая длина	179,4	176	181,8	187	184	185,3	175,8	187,5	175,8	187,5	182,1	4,6
13	Задний край носовой вырезки – передний край орбиты	148		156,7	163	166	166,1	146,7	164	146,7	166,1	158,6	8,3
14	П – задний край носовой вырезки	157,8		168	163	168	167	159	171	157,8	171,0	164,8	5,0
15	Длина лицевого гребня	173,5	169,3	167,5	170,3	182	164	159,5	174	159,5	182,0	170,0	6,8
16	Анатомическая мозговая ось	176,4		186	189,5	188	187	168	194,1	168,0	194,1	184,1	8,9
17	Анатомическая лицевая ось	340,8		355,8	363,5	365,8	361,2	346,7	372,2	340,8	372,2	358,0	11,0
18	Резцовая ширина	67,8	69,3	65	64,8	64,2	75,3	66	66	64,2	75,3	67,3	3,6
19	Ширина диастемы	50	48,1	45	48	41,7	58,3	51	48,2	41,7	58,3	48,8	4,8
20	Ширина нёба у Р2	63,8	70,5	65,2	69	68	77	69,8	68,5	63,8	77,0	69,0	4,0
21	Ширина нёба у середины Р4	64	65,4	63,2	65,2	62	66,1	63,2	67,3	62,0	67,3	64,6	1,8
22	Ширина челюсти	114	118	116,4	115	109,5	117,7	113	119,7	109,5	119,7	115,4	3,3
23	Ширина затылка между затылочными мышечками	80	79	80,2	81,2	78,7	76	68	83,1	68,0	83,1	78,3	4,6
24	Мастоидная ширина	116,7	113	110,1	117	115,8	119,5	109	119,5	109,0	119,5	115,1	4,0
25	Ширина между лицевыми гребнями	155,2	153	149,8	147	148,5	157	145,2	157	145,2	157,0	151,6	4,6
26	Ширина между передними точками глазниц	163,7	171	157,8	164,8	158	165	145,5	158,5	145,5	171,0	160,5	7,6
27	Ширина у передних краев глазниц	178,2	191,2	178	185	177	186,1	168,2	185	168,2	191,2	181,1	7,2
28	Межглазничная ширина	163	170	163,2	148	172,2	165,4	142	161	142,0	172,2	160,6	10,4
29	Ширина лба у задних краев глазниц	195,4	210,1	197,8	203	206,8	208,2	184,5	207,2	184,5	210,1	201,6	8,6
30	Ширина мозговой коробки в заглазничном сужении	83	84,5	79,5	79,5	82	84,9	79,2	87,2	79,2	87,2	82,5	3,0
31	Мах ширина мозговой коробки	104	112,8	105	116,3	105,4	112,5	99,3	112,3	99,3	116,3	108,5	5,8
32	Ширина черепа у наружных краев суставной ямки	181,4	200,5	186,3	196	193,8	201,5	185,5	201,6	181,4	201,6	193,3	8,0
33	Высота черепа между Р4-М1	111,3		118,7	122,2	118	124,6		113	111,3	124,6	118,0	5,1
34	Высота черепа у М3	115,2	120,5	124,5	123	121,7	128,7	109	121,5	109,0	128,7	120,5	6,0
35	Минимальная ширина скуловой дуги	7	7,3	9,1	6,6	9,6	12,4	7,1	7,7	6,6	12,4	8,4	1,9
36	Горизонтальный поперечник глазницы	59,5	62,3	56,5	60,8	58	56	60,3	63,3	56,0	63,3	59,6	2,6
37	Вертикальный поперечник глазницы	49,2	52	57	53,1	49,8	54,1	50,8	53	49,2	57,0	52,4	2,5
38	Высота затылка малая	58,8	54,7	62,8	62	58,5	61,6	51,7	59,7	51,7	62,8	58,7	3,8
39	Высота затылка большая	92,4	92,6	95,2	93	92,7	93,8	85,7	62,4	62,4	95,2	88,5	10,9

князей из скандинавского дома Рюрика, несомненно, должны были проводиться языческие жертвоприношения. Можно предполагать, что головы коней могли попасть в ров из разрушенного жертвенного места, которое находилось на центральной площадке поселения. Безусловно, многочисленные находки останков верховых лошадей, обнаруженные в слое разрушения первых оборонительных сооружений Городища, также связаны с воинским, «дружинным» характером этого памятника. На первых премолярах (P2) всех исследованных нами черепов были обнаружены явные следы стертости, появившиеся после использования железных удиц. Т. е. можно утверждать, что большинство лошадей являлись верховыми и, скорее всего, входили в состав княжеского табуна. Пол животных определялся по наличию и степени развитости клыков.

В результате исследования было установлено, что все они принадлежат взрослым жеребцам в возрасте от 5 до 15 лет (*Спаская и др.*, 2011).

Лошади с Рюрикова городища характеризуются грубой конституцией, небольшими размерами черепов с прямым профилем, имеют среднюю длину морды и среднюю высоту черепа узколобы (табл. 2; рис. 4). Необходимо отметить, что и по абсолютным размерам (табл. 3), и по строению черепа все ранне-средневековые лошади, независимо от географического происхождения, крайне похожи между собой и близки современным аборигенным породам (Там же).

Средний рост лошади в холке из слоев IX–X вв., вычисленный по основной длине черепа ($n = 8$), составил 143,8 см, по А. Нерингу (*Nehring*, 1884), и 140,5 см, по Л. Кизевальтеру (*Kiesewalter*, 1889). Чуть меньше оказался средний рост в холке из

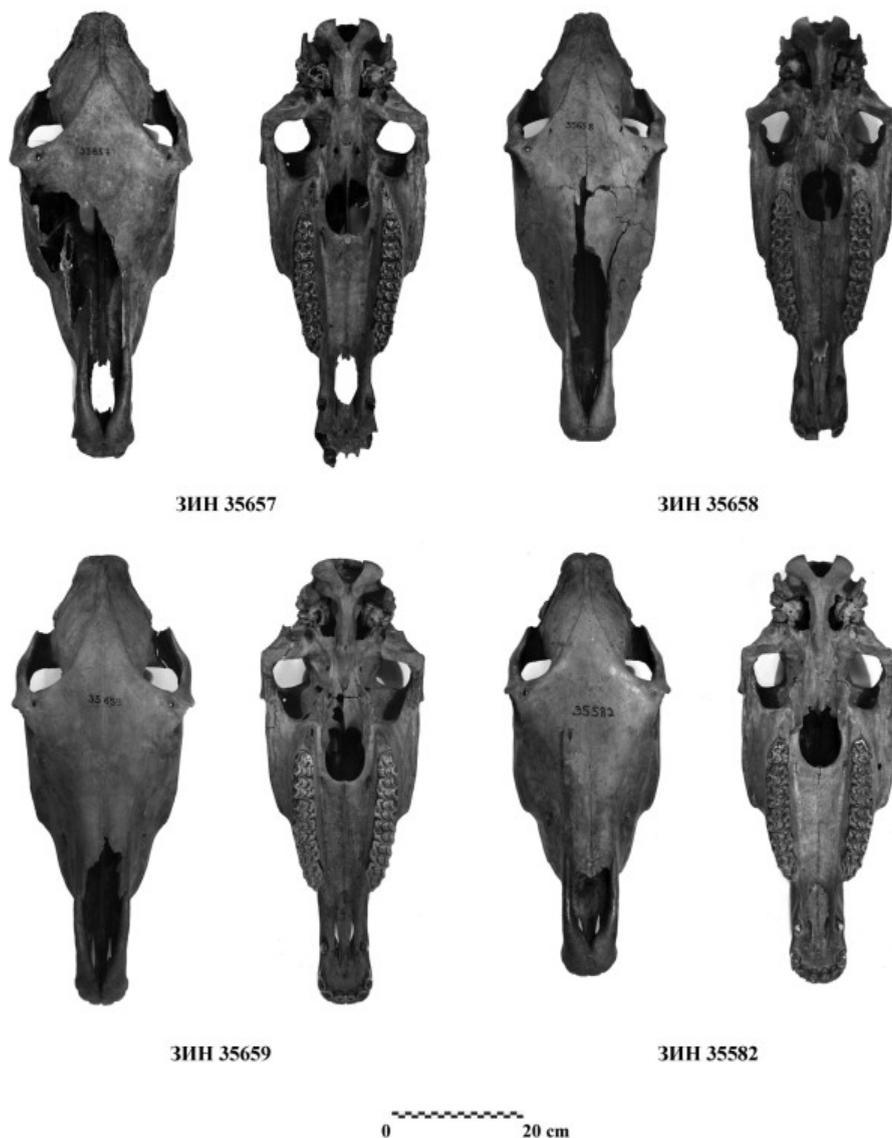

Рис. 4. Черепы домашней лошади с Рюрикова городища IX–X вв.

Таблица 3. Рост в холке средневековых лошадей (мм), вычисленный по основной длине черепа

Группа, возраст	Методика*	n	Min	Max	M	SD
Рюриково городище, IX–X вв.	Н	8	1378,5	1476,0	1438,1	36,1
	К	8	1352,7	1447,2	1405,1	35,1
Саркел, IX–XI вв.	Н	4	1384,8	1482,0	1426,6	45,2
	К	4	1355,4	1482,3	1408,5	57,9
Тува, VIII–IX вв.	Н	4	1386,6	1441,5	1411,6	24,3
	К	4	1358,1	1431,0	1386,1	31,4
Венгрия, IX–X вв.	Н	11	1320	1455	1396,6	46,7
	К	11	1341,9	1482,3	1401,8	44,0
Венгрия, VI–VIII вв.	Н	9	1368	1530	1426	59,5
	К	9	1366,2	1536,3	1425,6	63,0
Новгород, Неревский раскоп, X в.	Н	11	1320	1530	1416	65,6
	К	11	1323	1503,9	1402,3	64,5
Словакия, VII–IX вв.	Н	8	1341,0	1521,0	1429,5	58,2
	К	8	1314,9	1485	1407,4	53,3
Польша XI–XIII вв.	Н	5	1284,0	1467,0	1420,8	77,2
	К	5	1266,3	1474,2	1405,6	81,6

* Н — коэффициент по Нерингу (*Nehring*, 1884); К — коэффициент по Кизевальтеру (*Kiesewalter*, 1889).

слоев IX–XII вв., вычисленный по длине передних метаподий ($n = 13$), который составил 135,6 см, по Л. Кизевальтеру (*Kiesewalter*, 1889). Тот же параметр, вычисленный нами по длине задних метаподий ($n = 16$), составил 137,7 см. При этом самая крупная особь была 148 см ростом, а самая мелкая — всего 125 см. В целом коней с Рюрикова городища можно отнести к группе среднерослых лошадей, по В. О. Витту (*Vitt*, 1952). Их рост в холке на 4 см превышал средний рост лошадей лесной полосы Древней Руси (*Цалкин*, 1956) и был равен среднему росту средневековых лошадей лесостепи (*Тимченко*, 1972). Интересно, что рост в холке у лошади из слоев X–XV вв. Десятинного раскопа в Великом Новгороде, вычисленный по длине метаподий ($n = 23$), составил всего 133 см (*Zinoviev*, 2009).

По относительной ширине диафиза пясти трое животных должны быть отнесены к группе тонконогих, восемь к группе полутонконогих, двое к группе средненогих лошадей, по А. А. Браунеру (*Браунер*, 1916). Индекс ширины диафиза в среднем по группе составил 14,8 %, что совпадает с данными из средневекового Великого Новгорода, по В. И. Цалкину (*Цалкин*, 1956), но меньше, чем у лошадей из слоев X–XV вв. Десятинного раскопа — 15,7 % (*Zinoviev*, 2012) и у лошадей лесостепи — 15,8 % (*Тимченко*, 1972). Средний вес лошади, вычисленный по массивности передних метаподий ($n = 13$), составил 318 кг. При этом самая крупная особь весила 376 кг, а самая мелкая — 245 кг.

В целом, остеологический материал по лошадям с Рюрикова городища представлен особями грубой

конституции, морфологически сходными с современными аборигенными породами: монгольской, тарпаноподобным польским коником. Аборигенные породы наиболее близки по строению и пропорциям тела к диким предкам, так как народная селекция в большей степени уделяет внимание рабочим и адаптивным качествам животных, находящихся круглогодично на подножном корме (рис. 5). Можно предположить, что большинство населения в средние века использовало примитивных рабочих лошадей, и оказавшийся в нашем рас-

Рис. 5. Современная аборигенная порода домашней лошади

Рис. 6. Фрагмент черепа XII в. самки бесхвостого макака *Macaca sylvanus* (ЗИН 35715) с Рюрикова городища

Рис. 7. Бесхвостый макак *Macaca sylvanus* в дикой природе (горы Марокко)

поряжении остеологический материал принадлежит именно такому «рядовому» составу. В ту эпоху, судя по историческим документам, население знало о высококровных, элитных лошадях из южных регионов, но таковые были доступны только знати. Их количество было чрезвычайно мало по сравнению с основным конским поголовьем, поэтому находка остатков элитных коней в общей массе остеологических материалов большая редкость.

Во время раскопок в 2003 г. на Рюриковом городище был обнаружен крупный фрагмент черепа (рис. 6) взрослой самки магота, или бесхвостого макака *Macaca sylvanus*, датированный радиоуглеродным методом по микродозам (метод AMS) периодом между 1160 и 1220 гг. н. э. (Brisbane et al., 2007). Сегодня данный вид распространен в горных районах Северо-Западной Африки и Гибралтаре (рис. 7), откуда эта обезьяна через Восточное Средиземноморье могла быть доставлена живой в район Великого Новгорода в качестве дара князю. Не исключена также транспортировка экзотического зверя с Запада, тем более что на ряде средневековых памятников Европы остатки магота были обнаружены. Необходи-

димо отметить, что находка остатков *Macaca sylvanus* на Рюриковом городище пока является для данной эпохи самой древней на континенте.

В целом фауна Рюрикова городища обычна для Северо-Запада России IX–XII вв. (Цалкин, 1956; Молтби, Гамильтон-Даер, 1995; Зиновьев, 2009; Maltby, Hamilton-Dyer, 2001; Hamilton-Dyer, 2002; Zinoviev, 2012). Вместе с тем следует отметить, что в процессе работы с остеологическим материалом нами был определен целый ряд новых видов, не указанных предыдущими исследователями. Это птицы баклан, цапля, журавль, аист, тетерев, ястреба, сокола, совы, а также промысловые животные заяц, лисица, куница, медведь и кабан (табл. 1). Также нам впервые удалось проследить динамику состава фаунистического комплекса Рюрикова городища на протяжении четырех столетий на массовом стратифицированном материале. Кроме того, подробно была изучена морфология лошади IX–X вв.

Мы глубоко признательны коллегам А. Н. Пантелеву, Н. Н. Спасской, К. А. Михайлову за помощь в работе с фауной Рюрикова городища, Е. Н. Носову за предоставленный остеологический материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин*, 1971 – *Авдусин Д. А.* История новгородских открытий // *ВИ. М.*, 1971. № 6.
- Авдусин*, 1994 – *Авдусин Д. А.* Археология и история Новгорода // [Первые] новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября–2 октября 1992 г.). Новгород, 1994.
- Аксентон*, 1974 – *Аксентон Ю. Д.* «Дорогие камни» в культуре Древней Руси (по памятникам прикладного искусства и литературы XI–XV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Аксентон*, 1977 – *Аксентон Ю. Д.* Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // *Изборник Святослава 1073 г.*: Сб. ст. М., 1977.
- Александровский и др.*, 2014 – *Александровский А. Л., Леонтьев А. Е., Кренке Н. А., Долгих А. В.* Ранняя история ландшафтов древнерусских городов (становление культурного ландшафта) // *Русь в IX–XII века: общество, государство, культура.* М.; Вологда, 2014.
- Альслебен и др.*, 1994 – *Альслебен А., Кенигссон Л.-К., Кроль Х., Мюллер-Вилле М., Носов Е. Н., Хаммер Т., Янссон И.* Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле (400–1200 гг. н. э.) // *АВ. СПб.*, 1994. № 3.
- Андрущук, Зоценко*, 2012 – *Андрущук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси: Каталог (на русском языке) / Ред. К. Цукерман. Paris, 2012 (Occasional monographs-3).
- Анкудинов*, 2007 – *Анкудинов И. Ю.* Новые письменные источники о Новгородском Городище // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.
- Артемьев*, 1978 – *Артемьев А. Р.* Наконечники стрел из раскопок Изборска // *КСИА.* 1978. Вып. 155.
- Арциховский*, 1930а – *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
- Арциховский*, 1930б – *Арциховский А. В.* Раскопки 1929 года в Новгородской округе // *Материалы и исследования.* Новгород, 1930. Вып. 1.
- Арциховский*, 1956 – *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // *Тр. Новгородской археологической экспедиции.* М., 1956. Т. 1 (МИА; № 55).
- Арциховский*, 1966 – *Арциховский А. В.* Археологические данные по варяжскому вопросу // *Культура Древней Руси.* М., 1966.
- Арциховский, Каргер*, 1933 – *Арциховский А. В., Каргер М. К.* Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // *ПИМК. Л.*, 1933. № 1–2.
- Асташова*, 1998 – *Асташова Н. И.* Торговые связи средневекового Смоленска // *Общество, экономика, культура и искусства славян. Т. IV / Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии (Россия, Новгород, 26–31 августа 1996 г.).* М., 1998.
- Банк*, 1978 – *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв.: Очерки. М., 1978 (Культура народов Востока: Материалы и исследования).
- Башенькин*, 2007 – *Башенькин А. Н.* Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде // *Археология: история и перспективы.* Ярославль, 2007.
- Безбородов*, 1956 – *Безбородов М. А.* Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956.
- Беленькая, Розонова*, 1988 – *Беленькая Д. А., Розонова Л. С.* Ножи с клеймами из Зарядья // *Древности славян и Руси.* М., 1988.
- Белецкий*, 2001 – *Белецкий С. В.* Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2001. Вып. 4: Введение в русскую допетровскую сфрагистику.
- Бліфельд*, 1977 – *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Щестовиці. Київ, 1977.
- Бломквист*, 1956 – *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // *Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX–начале XX в.* М., 1956 (Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия; Т. XXXI).
- Борисевич*, 1978 – *Борисевич Г. В.* Рец. на кн.: Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. САИ. Вып. Е 1-32. Л., 1975 // *СА.* 1978. № 4.
- Браунер*, 1916 – *Браунер А. А.* Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // *Записки общества сельского хозяйства Южной России.* 1916. Т. 86, кн. 1.

- Брисбейн и др.*, 2007 – *Брисбейн М., Молтби М., Хамблтон Э., Носов Е. Н.* Африканская обезьяна при дворе новгородских князей // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной экспедиции. СПб., 2007.
- Булкин, Овсянников*, 1981 – *Булкин В. А., Овсянников О. В.* По Неве и Волхову. Л., 1981.
- Валиулина*, 2005 – *Валиулина С. И.* Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань, 2005.
- Валиулина*, 2015 – *Валиулина С. И.* Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб., 2015.
- Вешнякова, Булкин*, 2001 – *Вешнякова К. В., Булкин В. А.* Ремесленный комплекс Гнездовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнездово: 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Витт*, 1952 – *Витт В. О.* Лошадь Пазырыкских курганов // СА. 1952. № 16.
- Воронин*, 1945 – *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. Л., 1945.
- Воронин*, 1951 – *Воронин Н. Н.* Поселение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1.
- Воронова*, 1988 – *Воронова М. А.* Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // ННЗИА. Новгород, 1988.
- Гайдуков*, 1992 – *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового города. Нутный раскоп. М., 1992.
- Гайдуков*, 1993 – *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М., 1993.
- ГнUTOва*, 1996 – *ГнUTOва С. В.* Новгородское медное художественное литье (мелкая пластика) XIV–XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М., 1996 (Центры художественной культуры средневековой Руси).
- Голдина, Королева*, 1983 – *Голдина Р. Д., Королева О. П.* Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983.
- Голубева*, 1964 – *Голубева Л. А.* Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. 1964. № 3.
- Голубева*, 1973 – *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Голубева*, 1997 – *Голубева Л. А.* Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Горюнова*, 1988 – *Горюнова В. М.* Ремесленные комплексы (X–начало XI в.) Городка на Ловати // Тр. V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 2.
- Горюнова*, 2005 – *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарного комплекса городских центров Северо-Западной Руси X–начала XI в. // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб., 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII).
- Горюнова*, 2014 – *Горюнова В. М.* Гончарные плитчатые крышки болгарской традиции на Рюриковом городище // АВ. СПб., 2014. Вып. 20.
- Горюнова*, 2016 – *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб., 2016.
- Горюнова, Плохов*, 2011 – *Горюнова В. М., Плохов А. В.* Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам // АВ. СПб., 2011. № 17.
- Грибов, Латшин*, 2008 – *Грибов Н. Н., Латшин В. А.* Нижегородский Кремль в XIII–XIV и XV веках // АВ. СПб., 2008. № 15.
- Григорьева*, 2014 – *Григорьева О. В.* Топография актов печатей раскопок на Рюриковом городище (к вопросу о составе городищенского архива) // ННЗИА. Великий Новгород, 2014. Вып. 28.
- Григорьева*, 2015 – *Григорьева О. В.* Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // АВ. СПб., 2015. Вып. 21.
- Гришин и др.*, 2015 – *Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М., 2015.
- Гроздилов, Третьяков*, 1948 – *Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н.* Описание находок из раскопок в Старой Ладого, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Л., 1948.
- Гупало*, 1981 – *Гупало К. Н.* Конструктивные типы древнекиевских построек // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Гуревич*, 1999 – *Гуревич А. Я.* Избранные труды. Т. 1: Древние германцы. Викинги. М.; СПб., 1999.
- Гуревич*, 1981 – *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981.
- Гуревич и др.*, 1968 – *Гуревич Ф. Д., Джанноладян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

- Гуцин, 1936 – Гуцин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.
- Давидан, 1962 – Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4: Славянские древности.
- Давидан, 1966 – Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // АСГЭ. СПб., 1966. Вып. 8.
- Давидан, 1968 – Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10: Материалы и исследования по археологии СССР.
- Давидан, 1974 – Давидан О. И. Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.
- Давидан, 1981 – Давидан О. И. Ткани Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22: Материалы и исследования по археологии СССР.
- Давидан, 1986 – Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1986. Вып. 27: Материалы и исследования по археологии СССР.
- Давидан, 1987 – Давидан О. И. Весовые гирьки Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1987. Вып. 28: Материалы и исследования по археологии СССР.
- Давидан, 1994 – Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. СПб., 1994. № 9.
- Давидан, 1998 – Давидан О. И. Сердоликовые изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. СПб., 1998. Вып. 33: Материалы и исследования по археологии Евразии.
- Давидан, 1999 – Давидан О. И. Новые находки гребней в Старой Ладoge // РА. 1999. № 1.
- Даркевич, 1961 – Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4.
- Даркевич, Борисевич, 1995 – Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Двуреченский, 2004 – Двуреченский О. В. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмоскoвья: Материалы науч. семинара. М., 2004.
- Джаксон, 2001 – Джаксон Т. Н. *Austr i gördumí*: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
- Джаксон, 2012 – Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги в Восточной Европе. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.
- Джаксон, Молчанов, 1990 – Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавские названия Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. Л., 1990. Вып. XXI.
- Джанполадян, 1961 – Джанполадян Р. М. Два стеклянных сосуда из Новогрудка // ВВ. М., 1961. Т. XIX.
- Джанполадян, 1974 – Джанполадян Р. М. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Ереван, 1974 (Археологические памятники Армении: 7; Средневековые памятники; Вып. II).
- Джанполадян, Калантарян, 1988 – Джанполадян Р. М., Калантарян А. А. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия). Ереван, 1988 (Археологические памятники Армении: 14; Средневековые памятники; Вып. VI).
- Диалог культур..., 2010 – Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010.
- Дорофеева, 2010а – Дорофеева Т. С. Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010.
- Дорофеева, 2010б – Дорофеева Т. С. Инталия с Городища под Новгородом // ННЗИА. Великий Новгород, 2010. Вып. 24.
- Дорофеева, 2012 – Дорофеева Т. С. Новые находки кресаловидных привесок на Городище под Новгородом // ННЗИА. Великий Новгород, 2012. Вып. 26.
- Дорофеева, 2013а – Дорофеева Т. С. Круглые привески с Городища под Новгородом (по материалам раскопа 2011 г.) // АИППЗ. Материалы 58-го заседания. М.; Псков, 2013.
- Дорофеева, 2013б – Дорофеева Т. С. Шейные гривны и привески – «молоточки Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975–2012 гг.) // ННЗИА. Великий Новгород, 2013. Вып. 27.
- Дорофеева, 2014 – Дорофеева Т. С. Отдельные находки металлических привесок-амулетов на Новгородском (Рюриковом) Городище // АИППЗ. Материалы 59-го заседания. М.; Псков; СПб., 2014. Вып. 29.
- Дорофеева, 2015 – Дорофеева Т. С. Амулеты и магические предметы из кости и рога с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет) // АИППЗ. Материалы 60-го заседания. М.; Псков; СПб., 2015. Вып. 30.

Дорофеева, 2016 – *Дорофеева Т. С.* О скандинавских культовых и магических предметах с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет) // АИППЗ. Материалы 61-го заседания. М.; Псков; СПб., 2016. Вып. 31.

Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013 – *Дорофеева Т. С., Стеблин-Каменская С. И.* Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом // АВ. СПб., 2013. Вып. 19.

Древняя Русь ..., 1985 – *Древняя Русь. Город, замок, село.* М., 1985 (Археология СССР).

Древняя Русь..., 1997 – *Древняя Русь. Быт и культура.* М., 1997 (Археология СССР).

Дубов, 1997 – *Дубов И. В.* О биконических проволочных бусах северного происхождения // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск, 1997.

Дубровин, 2000 – *Дубровин Г. Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М., 2000.

Дубровин, 2010 – *Дубровин Г. Е.* Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010.

Дубынин, 1974 – *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.

Егорьков, 2007 – *Егорьков А. Н.* Результаты эмиссионно-спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов Рюрика городского // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика городского и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.

Ениосова, 1994 – *Ениосова Н. В.* Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция вещей. М., 1994.

Ениосова, 1998 – *Ениосова Н. В.* Литейные формы Гнездова // Историческая археология: традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998.

Ениосова, 1999 – *Ениосова Н. В.* Медная матрица из Гнездова: функция и контекст // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999.

Ениосова, Пушкина, 2012 – *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V.

Еремеев, 2015 – *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIV).

Еремеев, Дзюба, 2011 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2011.

Жилина, 1994 – *Жилина Н. В.* Рясна (с коническим верхом) // ННЗИА. Новгород, 1994. Вып. 8.

Жилина 2005 – *Жилина Н. В.* Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. № 5: Мастера средневековья.

Жилина, Макарова, 2008 – *Жилина Н. В., Макарова Т. И.* Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М., 2008.

Журжалина, 1961 – *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их трактовка // СА. 1961. № 2.

Зайцев, 2006 – *Зайцев В. В.* Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев, 2006.

Зайцева, 2008 – *Зайцева И. Е.* Изделия из цветного металла и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М., 2008. Т. 2: Материальная культура.

Засурцев, 1959 – *Засурцев П. И.* Постройки древнего Новгорода (предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951–1955 гг.) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. II (МИА; № 65).

Засурцев, 1963 – *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. IV: Жилища древнего Новгорода. М., 1963 (МИА; № 123).

Засурцев, 1967 – *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967.

Захаров, 2004 – *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Зиновьев, 2009 – *Зиновьев А. В.* Обзор археологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1» в Великом Новгороде // ННЗИА. Великий Новгород, 2009. Вып. 23.

Зиновьев, 2013 – *Зиновьев А. В.* О редкости костей налива в археозоологических материалах древнего Новгорода // ННЗИА. Великий Новгород, 2013. Вып. 27.

- Зоценко*, 2005 – *Зоценко В. Н.* Наконечники ножен мечей типа I: 2-Р. Paulsen в Южной Руси // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16.
- Иванов*, 1997 – *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1997.
- Иванов*, 1991 – *Иванов В. В.* Змей // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1.
- Иванова И., Иванова Н.*, 2012 – *Иванова И. В., Иванова Н. Ю.* Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. СПб., 2012. Вып. 18.
- Изборник..., 1983 – Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание. М., 1983.
- Казаков*, 1972 – *Казаков Е. П.* О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Казаков*, 1985 – *Казаков Е. П.* Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4.
- Казаков*, 1992 – *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.
- Казаков*, 2001 – *Казаков Е. П.* О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.
- Каинов*, 2007 – *Каинов С. Ю.* Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Гнёздово. Результаты комплексного исследования памятника. М., 2007.
- Каинов, Авдеенко*, 2012 – *Каинов С. Ю., Авдеенко Е. Е.* Литые наконечник ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) // АВ. СПб., 2012. Вып. 18.
- Каргер*, 1941 – *Каргер М. К.* Новгород: Рюриково городище // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.
- Каргер*, 1946 – *Каргер М. К.* Новгород Великий. М., 1946.
- Каргер*, 1947 – *Каргер М. К.* Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // СА. 1947. Т. IX.
- Каргер*, 1961 – *Каргер М. К.* Новгород Великий. М., 1961.
- Каргер*, 1980 – *Каргер М. К.* Новгород. 4-е изд., доп. Л., 1980.
- Кирпичников*, 1966 – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Л., 1966. Т. 2 (САИ; Е1-36).
- Кирпичников*, 1973 – *Кирпичников А. Н.* снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973 (САИ; Е1-36).
- Кирпичников*, 1988 – *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988 (Славяно-русские древности; Вып. 1).
- Кирпичников*, 2009 – *Кирпичников А. Н.* Историческое наследие Старой Ладоги // Археологические открытия 1991–2004 гг.: Европейская Россия. М., 2009.
- Кирпичников, Ениосова*, 2004 – *Кирпичников А. Н., Ениосова Н. В.* Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004.
- Кирпичников, Медведев*, 1985 – *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
- Кирпичников, Сарабьянов*, 2003 – *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003.
- Клейн и др.*, 1970 – *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.
- Коваль*, 2003 – *Коваль В. Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.
- Коваль*, 2007 – *Коваль В. Ю.* Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2007. Вып. 3.
- Коваль*, 2010 – *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М., 2010.
- Колесникова*, 1973 – *Колесникова Л. Г.* Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // ВВ. М., 1973. Т. 34.
- Колосова, Милютин*, 1994 – *Колосова И. О., Милютин Н. Н.* «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1994.

- Колпакова*, 2003 – *Колпакова Ю. В.* Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // АИППЗ. Материалы науч. семинара за 2001–2002 гг. [Заседания 48, 49]. Псков, 2003.
- Колпакова*, 2007 – *Колпакова Ю. В.* Псковские нательные иконки из металла // АИППЗ. Материалы 52-го заседания. М.; Псков, 2007.
- Колпакова*, 2016 – *Колпакова Ю. В.* Итоги изучения элементного состава нательных крестов с надписями из позднесредневековых погребений в Пскове и Изборске // АИППЗ. Материалы 61-го заседания. М.; Псков; СПб., 2016. Вып. 31.
- Колчин*, 1953 – *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М., 1953 (МИА; № 32).
- Колчин*, 1959 – *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Тр. Новгородской археологической экспедиции: М., 1959. Т. II (МИА; № 65).
- Колчин*, 1968 – *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (САИ; Вып. Е1-55).
- Колчин*, 1982 – *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Колчин и др.*, 1985 – *Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В.* Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.
- Кондаков*, 1897 – *Кондаков Н. П.* Курганные древности и клады домонгольского периода: Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897. Вып. 5.
- Кондратьева*, 1981 – *Кондратьева О. А.* Зооморфные гребни IX–X вв. // Средневековые древности. М., 1981 (КСИА; № 166).
- Кондратьева*, 2011 – *Кондратьева О. А.* Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России: Археологические и этнографические очерки. СПб., 2011.
- Концецкий*, 1995 – *Концецкий В. Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология / Материалы первой Всерос. конф. (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). СПб.; Псков, 1995. Ч. 1.
- Концецкий, Носов*, 1985 – *Концецкий В. Я., Носов Е. Н.* Загадки Новгородской округи. Л., 1985.
- Коновалова*, 1999 – *Коновалова И. Г.* Древняя Русь и Волжская Болгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1999.
- Константинова*, 1959 – *Константинова Т. М.* Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9.
- Корзухина*, 1950а – *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. Т. XIII.
- Корзухина*, 1950б – *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. 1950. Т. XIV.
- Корзухина*, 1976 – *Корзухина Г. Ф.* Об Одине и кресалах Прикамья // Средневековая Русь. М., 1976.
- Корзухина, Пескова*, 2003 – *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Кочуркина*, 1973 – *Кочуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Крамаровский*, 2006 – *Крамаровский М. Г.* Венецианский стеклянный кубок с полихромной росписью из Восточного Крыма // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.
- Краснов, Каховский*, 1978 – *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары: Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1978.
- Крыласова*, 2007 – *Крыласова Н. Б.* Зооморфные роговые гребни в материальной культуре севера Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. № 1 (29).
- Кудрявцев*, 2015 – *Кудрявцев А. А.* Замки и ключи византийского происхождения на территории Древней Руси // ННЗИА. Великий Новгород, 2015. Вып. 29.
- Кудряшов*, 2012 – *Кудряшов А. В.* Памятники IX – начала XI в. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности реконструкции историко-культурных процессов в регионе // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сб. материалов междунар. конф. Вологда, 2012.
- Кузьмин*, 2008 – *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII–начало XII в.) // Исследования археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008.
- Кузьмин*, 2010 – *Кузьмин С. Л.* Оредежские сопки // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб., 2010.

- Кулаков, 1995 – Кулаков В. И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Славяно-русские древности. СПб., 1995 (Древняя Русь: новые исследования; Вып. 2).
- Кунина, 1997 – Кунина Н. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.
- Курбатов, 1997 – Курбатов А. В. Раннесредневековая обувь Поволховья и вопросы сложения городского ремесла // Древности Поволховья. СПб., 1997.
- Курбатов, 2007 – Курбатов А. В. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.
- Курбатов, 1988 – Курбатов Г. Л. Византия и Русь в IX–X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988 (Славяно-русские древности; Вып. 1).
- Лапшин, 2010 – Лапшин В. А. Комплексы больших построек XIV в. из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010.
- Лапшин, 2017 – Лапшин В. А. Предметы личного благочестия из материалов раскопок в Тверском кремле // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб., 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII).
- Леонтьев, 1996 – Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996 (Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья; Вып. 4).
- Леонтьев, Носов, 2012 – Леонтьев А. Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.
- Лесман, 1984 – Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Лесман, 1990 – Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.
- Лысенко и др., 2017 – Лысенко А. В., Тесленко И. Б., Мусин А. Е. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в южном Крыму // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб., 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII).
- Львова, 1968 – Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi: Ч. I // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10.
- Львова, 1970 – Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi: Ч. II // АСГЭ. Л., 1970. Вып. 12.
- Макаров, 2012 – Макаров Л. Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э.–XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Ижевск, 2012 (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, т. 25).
- Макаров, 1988 – Макаров Н. А. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарии) // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.
- Макаров, 1990 – Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990.
- Макаров, 1991 – Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестиками и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. М., 1991. Вып. 205.
- Макаров, 1992 – Макаров Н. А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. № 2.
- Макаров, 1993 – Макаров Н. А. Русский Север: Таинственное средневековье. М., 1993.
- Макаров, 2012 – Макаров Н. А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.
- Макаров и др., 2001 – Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Макимова, 1926 – Максимова М. И. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926.
- Мальм, 1967 – Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застезки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Мальм, Фехнер, 1967 – Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Марченков, 1984 – Марченков В. И. Ювелирное дело. М., 1984.
- Матехина, 2003 – Матехина Т. С. Средневековые кожаные кошельки // Нумизматика. 2003. Октябрь.

- Медведев*, 1959 – *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. II (МИА; № 65).
- Медведев*, 1966 – *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966 (САИ; Е1-36).
- Медведева*, 1999 – *Медведева М. В.* Стекланные бусы Рюрикова городища конца I тыс. н. э. (предварительный анализ) // ННЗИА. Новгород, 1999. Вып. 13.
- Мельникова*, 1994 – *Мельникова Е. А.* Скандинавские амулеты с руническими надписями из Старой Ладogi и Городища // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования 1991 г. М., 1994.
- Мельникова*, 2010 – *Мельникова Е. А.* Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. VII.
- Меч и златник..., 2012 – Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки ГИМ. М., 2012.
- Минасян*, 1980 – *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21.
- Михайлов*, 2010 – *Михайлов К. А.* Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010.
- Михайлов*, *Носов*, 2002 – *Михайлов К. А.*, *Носов Е. Н.* Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // АВ. СПб., 2002. № 9.
- Михайлова*, 2014 – *Михайлова Е. Р.* Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014.
- Молтби*, *Гамильтон-Даер*, 1995 – *Молтби М.*, *Гамильтон-Даер Ш.* Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // ННЗИА. Новгород, 1995. Вып. 9.
- Молчанов*, 2011 – *Молчанов А. А.* Новгородское боярство в X–XI вв.: Славянский и скандинавский компоненты // Висы дружбы: Сб. ст. в честь Татьяны Николаевны Джаксон. М., 2011.
- Монгайт*, 1955 – *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М., 1955.
- Моргунов*, 2003 – *Моргунов Ю. Ю.* Сампсониев остров. Пограничная крепость на Посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М., 2003.
- Мурашева*, 1997 – *Мурашева В. В.* Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (по материалам «дружинных» курганов) // Археологический сборник. Погребальный обряд. М., 1997 (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- Мурашева*, 2000 – *Мурашева В. В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Мурашева*, 2001 – *Мурашева В. В.* Бляшки-подвески с территории Древней Руси // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Архангельск, 2001.
- Мурашева и др.*, 2010 – *Мурашева В. В.*, *Довгалюк Н. П.*, *Фетисов А. А.* Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. М., 2010. Т. I.
- Мусин*, 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Мусин*, 2007 – *Мусин А. Е.* Каменная иконка с образом святого всадника из находок на новгородском (Рюриковом) городище 2005 г.: вопросы интерпретации // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.
- Мусин*, 2010 – *Мусин А. Е.* Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010.
- Неверов*, 1983 – *Неверов О. Я.* Геммы античного мира. М., 1983.
- Недошивина*, 1967 – *Недошивина Н. Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Недошивина*, 1990 – *Недошивина Н. Г.* Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). М., 1990 (Тр. ГИМ; Вып. 74).

- Николаева, Недошивина*, 1997 – *Николаева Т. В., Недошивина Н. Г.* Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Никольская*, 1981 – *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.
- Новикова*, 1990 – *Новикова Г. Л.* Скандинавские амулеты из Владимирских курганов // Тезисы первых Уваровских чтений. Муром, 1990.
- Новикова*, 1991 – *Новикова Г. Л.* Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Новоселов, Хрусталева*, 2013 – *Новоселов Н. В., Хрусталева Д. Г.* От Благовещения к Софии или наоборот? (К проблеме начального этапа монументального строительства в Новгороде) // НИС. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23).
- Носов*, 1976 – *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–IX вв. // ВИД. Л., 1976. Вып. 8.
- Носов*, 1977а – *Носов Е. Н.* Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977.
- Носов*, 1977б – *Носов Е. Н.* Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладogi // Средневековые древности. М., 1977 (КСИА; Вып.150).
- Носов*, 1984 – *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа в IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12).
- Носов*, 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов*, 1991 – *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (Каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М., 1991.
- Носов*, 1995 – *Носов Е. Н.* Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15).
- Носов*, 1997 – *Носов Е. Н.* У истоков Новгорода // Славянский средневековый город / Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2.
- Носов*, 2007 – *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.
- Носов*, 2008 – *Носов Е. Н.* Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции 2007 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. СПб., 2008.
- Носов*, 2009 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 2008 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. СПб., 2009.
- Носов и др.*, 1994 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Дорофеева Т. С., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Новгородская областная экспедиция в 1993 г. // ННЗИА. Новгород, 1994. Вып. 8.
- Носов и др.*, 1995 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Дорофеева Т. С., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Исследования Рюрикова городища // ННЗИА. Новгород, 1995. Вып. 9.
- Носов и др.*, 1996 – *Носов Е. Н., Плохов А. В., Янсон И.* Охранные исследования на Рюриковом городище в 1995 г. // ННЗИА. Новгород, 1996. Вып. 10.
- Носов и др.*, 1997 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Плохов А. В., Янсон И.* Исследования Рюрикова городища в 1996 г. // ННЗИА. Новгород, 1997. Вып. 11.
- Носов и др.*, 1998 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Горюнова В. М., Хвоцинская Н. В.* Раскопки на Рюриковом городище // ННЗИА. Новгород, 1998. Вып. 12.
- Носов и др.*, 1999 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Хвоцинская Н. В., Янсон И.* Раскопки на Рюриковом городище // ННЗИА. Новгород, 1999. Вып. 13.
- Носов и др.*, 2000 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Янсон И.* Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // ННЗИА. Великий Новгород, 2000. Вып. 14.
- Носов и др.*, 2001 – *Носов Е. Н., Михайлов К. А., Васильев С. А., Дорофеева Т. С., Медведева М. В.* Новые исследования на Рюриковом городище в 2000 г. // ННЗИА. Великий Новгород, 2001. Вып. 15.
- Носов и др.*, 2002 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Михайлов К. А., Юшкова М. А.* Новые исследования на Рюриковом городище в 2001 г. // ННЗИА. Великий Новгород, 2002. Вып. 16.

Носов и др., 2003 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Еремеев И. И., Медведева М. В., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А.* Исследования Рюрикова городища и поселения Шкурина Горка в 2002 г. // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2003. Вып. 17.

Носов и др., 2004 – *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А.* Новые раскопки Рюрикова городища и Шкуриной Горки // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2004. Вып. 18.

Носов и др., 2005а – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Юшкова М. А., Хвоцинская Н. В.* Работы на Рюриковом городище // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2005. Вып. 19.

Носов и др., 2005б – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб., 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII).

Носов и др., 2007 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А.* Раскопки на Городищенском холме // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2007. Вып. 21.

Носов и др., 2009 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвоцинская Н. В.* Работы на Рюриковом городище в 2007 и 2008 гг. // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2009. Вып. 23.

Носов и др., 2010 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвоцинская Н. В.* Продолжение исследований центральной части Рюрикова городища // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2010. Вып. 24.

Носов и др., 2012а – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012.

Носов и др., 2012б – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Жукова Е. А.* Раскопки Рюрикова городища на месте установки «Княжего камня» // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2012. Вып. 26.

Носов и др., 2013 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Хвоцинская Н. В.* Исследования Рюрикова городища на месте установки памятного знака к 1150-летию Российской государственности // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2013. Вып. 27.

Носов и др., 2015 – *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С.* Исследования Рюрикова городища в 2014 г. // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2015. Вып. 29.

Носов и др., 2016 – *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С.* Полевой сезон 2015 г. на Рюриковом городище // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2016. Вып. 30.

Носов, Плохов, 2005 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Исследование центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб., 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII).

Носов, Хвоцинская, 2004 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // *Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова*. М., 2004.

Носов, Хвоцинская, 2007 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Связи населения центрального Приильменя с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // *Северная Русь и народы Балтики*. СПб., 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV).

Носов, Хвоцинская, 2014 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 6: *Время войны. Победители и побежденные*.

Носов, Хвоцинская, 2017 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Древнерусская постройка из раскопок Рюрикова городища 2008–2009 гг. (к вопросу о новгородском домостроительстве) // *АВ*. СПб., 2017. Вып. 23.

НПЛ, 2005 – *Новгородская первая летопись (старшего и младшего изводов)*. М., 2005.

Овчинникова, 2000 – *Овчинникова Б. Б.* Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. Свод археологического источника // *Проблемы истории России*. Екатеринбург, 2000. Вып. 3: *Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие*.

Олейников, 2014 – *Олейников О. М.* Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (по материалам исследования 2013 года) // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2014. Вып. 28.

Олейников, 2015 – *Олейников О. М.* О времени поступления браслетов из свинцового стекла на рынок средневекового Новгорода // *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века*. СПб., 2015.

Олейников, Долгих, 2016 – *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по исторической топографии Новгородского Детинца // *ННЗИА. Великий Новгород*, 2014. Вып. 30.

ПВЛ, 1996 – *Повесть временных лет*. 2-е изд. СПб., 1996.

Пескова, 2007 – Пескова А. А. Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.

Пескова, Егорьков, 2010 – Пескова А. А., Егорьков А. Н. Византийский крест-реликварий на Рюриковом городище // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010.

Петренко, 1985 – Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

Петренко, 1994 – Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.

Петрухин, 1983 – Петрухин В. Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1981 год. М., 1983.

Плавинский, 2010 – Плавинский Н. А. Наконечники ножен мечей X–XIII вв. с территории Белоруссии // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010.

Платонова, 1997 – Платонова Н. И. К уточнению датировки могильника на Староладожском Земляном городище // Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997.

Платонова и др., 2007 – Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV).

Плетнева, 1967 – Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967 (МИА; № 142).

Плохов, 2002 – Плохов А. В. Керамика «ладожского типа» в Скандинавии // У истоков Новгородской земли / Любытинский археологический сборник. Любытино, 2002. Вып. 1.

Плохов, 2005 – Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб., 2005 (Тр. ИИМК; Т. XVIII).

Плохов, 2007а – Плохов А. В. О связи нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV).

Плохов, 2007б – Плохов А. В. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.

Плохов, 2014 – Плохов А. В. К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // Ajast ja ruumist (uurimusi Mare Aun auks). Vuinasaja teadus 25. Tallinn; Tartu. 2014.

Плохов, Семенов, 2006 – Плохов А. В., Семенов С. А. О семантике крестообразных знаков на днищах лепной керамики с Новгородского (Рюрикова) Городища и Старой Ладоги // АИППЗ. Материалы LI науч. семинара, посвящ. памяти акад. В. В. Седова. Псков, 2006.

Плохов, Семенов, 2017 – Плохов А. В., Семенов С. А. Крестообразные знаки на днищах сосудов с поселений Поволжья // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб., 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII).

Поветкин, 1998 – Поветкин В. И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Полевые работы 1997 г. // ННЗИА. Новгород, 1998. Вып. 12.

Поветкин, 1999 – Поветкин В. И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований, сезон работ 1998 г. // ННЗИА. Новгород, 1999. Вып. 13.

Поветкин, 2007 – Поветкин В. И. Гудебный обиход Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.

Покровская, 1999 – Покровская Л. В. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999.

- Покровская и др.*, 2017 – *Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К.* Нателные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI–начала XII в. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб., 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII).
- Полубояринова*, 1988 – *Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Полубояринова*, 1991 – *Полубояринова М. Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой орды. М., 1991.
- Полубояринова*, 1993 – *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Булгария. М., 1993.
- Полубояринова*, 1994 – *Полубояринова М. Д.* Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // [Первые] новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г.). Новгород, 1994.
- Попов, Зайцева*, 1994 – *Попов С. Г., Зайцева Г. И.* Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
- Постникова-Лосева*, 1961 – *Постникова-Лосева М. М.* Серебряных дел мастера. Калуга, 1961.
- Пресняков*, 1938 – *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1.
- ПСРЛ, 1908 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. А. А. Шахматова.
- ПСРЛ, 1926 – Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1, вып. 1: Повесть временных лет.
- ПСРЛ, 1989 – Полное собрание русских летописей. Л., 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись / Изд. подгот. М. Д. Приселковым.
- Пушкина*, 1981 – *Пушкина Т. А.* Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. 1981. № 3.
- Пушкина*, 1987 – *Пушкина Т. А.* Височные кольца Гнездовского комплекса // Тр. V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III, вып. 16.
- Пушкина*, 2007 – *Пушкина Т. А.* Сувениры Аустровета // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.
- Пыляев*, 2008 – *Пыляев М. И.* Драгоценные камни: Их свойства, местонахождения и применение. СПб., 2008.
- Раппопорт*, 1975 – *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975 (САИ; Вып. Е1-32).
- Раппопорт и др.*, 1985 – *Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В.* Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
- Рерих*, 1914 – *Рерих Н. К.* Подземная Русь // Соч. М., 1914. Книга первая.
- Рерих*, 1999 – *Рерих Н. К.* Переписка Н. К. Рериха и членов Императорской Археологической комиссии. 1894–1922 // Петербургский рериховский сборник. Самара, 1999. Т. II–III.
- Розенфельдт*, 1982 – *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
- Розенфельдт*, 1978 – *Розенфельдт Р. Л.* Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Романов*, 1966 – *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966.
- Руденко*, 2000 – *Руденко К. А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань, 2000.
- Русанова*, 1966 – *Русанова И. П.* Курганы полян XI–XII вв. М., 1966 (САИ; Вып. Е1-24).
- Рыбаков*, 1949 – *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1949.
- Рыбаков*, 1951 – *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. М., 1951. Т. II: Общественный строй и духовная культура.
- Рыбаков*, 1961 – *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Перепут // СА. 1967. № 2.
- Рыбаков*, 1987 – *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рыбина*, 2001 – *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологический очерк. Великий Новгород, 2001.
- Рыдзевская*, 1945 – *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. XI.

- Рындина*, 1963 – *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. III: Новые методы в археологии. М., 1963 (МИА; № 117).
- Рындина, Хорошев*, 1968 – *Рындина Н. В., Хорошев А. С.* Раскопки в Новгороде // АО-1967 г. М., 1968.
- Рюриково городище...*, 2012 – Рюриково городище – начало российской государственности: библиограф. указ. [сост. Ю. В. Шварц, Т. А. Данько; предисл. Е. Н. Носова, под ред. Э. Н. Белоножка]; Новгородская обл. унив. науч. б-ка. Великий Новгород, 2012.
- Рябинин*, 1981а – *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981 (САИ; Е1-60).
- Рябинин*, 1981б – *Рябинин Е. А.* О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги) // СА. 1981. № 3.
- Рябинин*, 1982 – *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладogi: По материалам раскопок 1973–1975 гг. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Рябинин*, 1985 – *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования Л., 1985.
- Рябинин*, 1986 – *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.
- Рябинин*, 1994 – *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладoge // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
- Рябинин*, 1995 – *Рябинин Е. А.* Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладogi и их скандинавские аналогии) // Ладoga и Северная Русь: Материалы к чтению, посвящ. памяти Анны Мачинской (Старая Ладoga, 21–22 декабря 1995 г.). СПб., 1995.
- Рябинин*, 2001 – *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб., 2001.
- Рябинин, Черных*, 1988 – *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладогского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1.
- Рябцева*, 1999 – *Рябцева С. С.* Змеи и драконы: о продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья // STRATUM plus. Кишинев, 1999. № 3: Скифский квадрат.
- Рябцева*, 2005 – *Рябцева С. С.* Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005.
- Рябцева*, 2010 – *Рябцева С. С.* Об одном типе средневековых ювелирных украшений XII–XVI вв. // Revista Arheologică. Serie nouă. Chişinău, 2010. Vol. V, N 1.
- Рябцева*, 2011 – *Рябцева С. С.* Древнерусские подвески-рясна и их аналоги в Карпато-Дунайском регионе // Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». 15–17 листопада 2010 р. Київ, 2011.
- Саблин*, 2007 – *Саблин М. В.* Новые исследования фаунистических остатков с Рюрикова городища // ННЗИА. Великий Новгород, 2007. Вып. 21.
- Сагайдак*, 2010 – *Сагайдак М. А.* Гражданская архитектура Киева X–XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010.
- Самоквасов*, 1908 – *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908.
- Самоквасов*, 1916 – *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Северянской Черниговщины: Посмертное издание. М., 1916.
- Санкина, Козинцев*, 1995 – *Санкина С. Л., Козинцев А. Г.* Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладogi // Антропология сегодня. СПб., 1995. Вып. 1.
- Сарачева*, 2007 – *Сарачева Т. Г.* Ювелирные украшения второй половины XIII–XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. М., 2007. Вып. 221.
- Седлачкова*, 2015 – *Седлачкова Г.* Византийские и ближневосточные сосуды и оконное стекло IX–XIV веков в чешских землях // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб., 2015.
- Седов*, 1953 – *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. 50.
- Седов*, 1954 – *Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. 1954. Вып. 53.
- Седов*, 1956 – *Седов В. В.* Поселение XII–начала XV в. в Перыни // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62.
- Седов*, 1968 – *Седов В. В.* Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968.
- Седов*, 1999 – *Седов Вл. В.* Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999.

- Седов, Седова, 1983* – Седов В. В., Седова М. В. Древний Суздаль. Археологическое исследование // Вестник АН СССР. М., 1983.
- Седова, 1978* – Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978.
- Седова, 1981* – Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Седова, 1997* – Седова М. В. Скандинавские древности Суздаля и его округа // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997.
- Седова, 1997а* – Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997.
- Седова, 1997б* – Седова М. В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Седова, 2004* – Седова М. В. Новгородские выведенцы в городах Владимире и Суздале // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород, 2004. Вып. 2.
- Сениченкова, 2014* – Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014.
- Сизов, 1902* – Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска (МАР; № 28).
- Сингх, 2015* – Сингх В. К. Деревообработка средневекового Новгорода // АИППЗ. Материалы 60-го заседания. М.; Псков; СПб., 2015. Вып. 30.
- Скороход, 2012* – Скороход В. М. Поселение на мысу Коровель к северу от городища // Андрущук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: Каталог (на русском языке) / Ред. К. Цукерман. Paris, 2012 (Occasional monographs-3).
- Славяне и скандинавы, 1986* – Славяне и скандинавы / Пер. с нем.; общ. ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986.
- Соболев, 1995* – Соболев В. Ю. Привески с христианской символикой в погребальных памятниках северо-запада Новгородской земли // Церковная археология: Материалы первой Всерос. конф. (Псков, 20–24 ноября 1995 года). СПб.; Псков, 1995. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура (Археологические изыскания; Вып. 26, ч. 2).
- Соболев, 2001* – Соболев В. Ю. Волосковичи. Утраченный древнерусский могильник // АИППЗ. Материалы научного семинара за 2000 год. Псков, 2001.
- Сорокин, 1995* – Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995 (Архив архитектуры VI; Новгородские древности; Вып. 2).
- Сорокин, 1997* – Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- Спасская и др., 2011* – Спасская Н. Н., Саблин М. В., Михайлов К. А. Раннесредневековые лошади рубежа IX–X вв. на Рюриковом городище // РА. 2011. № 4.
- Спасский, 1962* – Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962.
- Спегальский, 1972* – Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.
- Спицын, 1901* – Спицын А. А. Серебряная фибула скандинавского типа с верховьев Дона // Известия ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
- Спицын, 1902* – Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. СПб., 1902. Вып. 26.
- Спицын, 1905* – Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.
- Стальсберг, 1998* – Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998.
- Станюкович, 2011* – Станюкович А. К. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М., 2011.
- Станюкович, Авдеев, 2007* – Станюкович А. К., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М., 2007.
- Столярова, 1997* – Столярова Е. К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. 1997. № 4.
- Столярова, 2004* – Столярова Е. К. Стеклянные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2004.

- Столярова, Энговатова, 2013* – Столярова Е. К., Энговатова А. В. Ближневосточные расписные стеклянные сосуды из Ярославля // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2013. Вып. 9.
- Строков и др., 1939* – Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 году // НИС. Новгород, 1939. Вып. 5.
- Сычевская, 1965* – Сычевская Е. К. Рыбы древнего Новгорода // СА. 1965. № 1.
- Теплоухов, 1895* – Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3.
- Тесленко, Мусин, 2015* – Тесленко И. Б., Мусин А. Е. Стеклянные сосуды // Древности Семидворья I. Двапсидный средневековый храм в урочище Еди-Евдер (Алушта, Крым): Материалы и исследования. Киев, 2015 (Археологический альманах; № 32).
- Тимченко, 1972* – Тимченко Н. Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972.
- Тихомиров, 1946* – Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 99.
- Тихомиров, 1956* – Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956.
- Толочко, 1975* – Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества. М., 1975.
- Томсинский, 2004* – Томсинский С. В. Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб., 2004.
- Третьяков, 1975* – Третьяков А. И. Секреты рыболова. Архангельск, 1975.
- Троцкий, 1932* – Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики // Известия АН СССР. VII серия. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 5.
- У истоков..., 2007* – У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Юрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007.
- Уваров, 1908* – Уваров А. С. Христианская символика. Часть 1: Символика древнехристианского периода. СПб., 1908.
- Уваров, 1999* – Уваров А. С. Русская символика / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Я. Э. Зелениной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1999. [Т.] IX.
- Успенская, 1967* – Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Успенский, 2002* – Успенский Ф. Б. Древнескандинавская топонимия Восточной Европы: проблема наименования Руси и некоторых городов, лежащих на «пути из варяг в греки» // Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Фараджева, 1992* – Фараджева Н. Н. К вопросу о классификации срубных построек и жилищно-хозяйственных комплексов (по археологическим материалам Новгорода и Пскова) // ННЗИА. Новгород, 1992. Вып. 6.
- Фараджева, 2009* – Фараджева Н. Н. Фундаментные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009.
- Фараджева, 2010* – Фараджева Н. Н. Постройки Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицких I–XI раскопов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Фараджева и др., 2014* – Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014.
- Федюшев, 1994* – Федюшев К. В. Новые находки древнерусских печатей-матриц // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: Сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб., 1994.
- Фехнер, 1959* – Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1959 (Тр. ГИМ; Вып. 33).
- Фехнер, 1963* – Фехнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв.: по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963.
- Фехнер, Недошивина, 1987* – Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.
- Финно-угры и балты..., 1987* – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987 (Археология СССР).
- Френкель, 2007* – Френкель Я. В. Опыт датирования пойменной части гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.

- Френкель*, 2008 – *Френкель Я. В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологической шкалы // АИППЗ. Материалы 53-го заседания. Псков, 2008.
- Френкель*, 2010 – *Френкель Я. В.* Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладogi) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010.
- Френкель*, 2016 – *Френкель Я. В.* Изделия из стекла и янтаря из камерных погребений Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции // Древнерусский некрополь Пскова X–начала XI века. СПб., 2016. Т. 2: Камерные погребения Пскова. По материалам археологических раскопок 2005–2009 гг. у Старовознесенского монастыря.
- Халикова*, 1976 – *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2.
- Ханенко*, 1902 – *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Киев, 1902. Вып. V.
- Хвоцинская*, 1999 – *Хвоцинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999.
- Хвоцинская*, 2004 – *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове). СПб., 2004.
- Хвоцинская*, 2007 – *Хвоцинская Н. В.* Бронзолитейное производство Рюрикова городища // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV).
- Хвоцинская*, 2014 – *Хвоцинская Н. В.* Об одной находке с Рюрикова городища // ННЗИА. Великий Новгород, 2014. Вып. 28.
- Херрман*, 1986 – *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Хорошев*, 1997 – *Хорошев А. С.* Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Цалкин*, 1956 – *Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси: По данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР. М., 1956 (МИА; № 51).
- Цалкин*, 1960 – *Цалкин В. И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень МОИП. Отдел биологический. М., 1960. Т. LXV, вып. 1.
- Чернецов*, 1988 – *Чернецов А. В.* О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988.
- Чернецов и др.*, 1985 – *Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А.* Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
- Черных*, 1985а – *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладogi (по материалам Земляного городища) // Средневековая Ладoga. Л., 1985.
- Черных*, 1985б – *Черных Н. Б.* Дендрохронология Ладogi (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладoga. Л., 1985.
- Черных*, 1989 – *Черных Н. Б.* Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.
- Черных*, 1996 – *Черных Н. Б.* Дендрохронология и археология. М., 1996.
- Шапвалов*, 2000 – *Шапвалов Р. Г.* Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // ННЗИА. Новгород, 2000. Вып. 14.
- Шорин*, 1983 – *Шорин М. В.* Отчет о работе отряда Новгородского государственного объединенного музея-заповедника на Рюриковом городище в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9546. М., 1983.
- Шполянский*, 2008 – *Шполянский С. В.* Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М., 2008. Вып. 2.
- Штакельберг*, 1962 – *Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски из Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4.
- Щавелев*, 2004 – *Щавелев С. П.* Лунница и крест (начало христианизации Курского Посеймья по данным археологии) // Деснинские древности. Брянск, 2004. Вып. III.

- Щапова*, 1956 – *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. 1 (МИА; № 55).
- Щапова*, 1962 – *Щапова Ю. Л.* Два сирийских сосуда из Новгорода // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Щапова*, 1963 – *Щапова Ю. Л.* Стекланные изделия древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. III: Новые методы в археологии. М., 1963 (МИА; № 117).
- Щапова*, 1972 – *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.
- Щапова*, 1974 – *Щапова Ю. Л.* Стекланные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
- Щапова*, 1997 – *Щапова Ю. Л.* Стекланная посуда // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Щапова*, 1998 – *Щапова Ю. Л.* Византийское стекло: Очерки истории. М., 1998.
- Щапова*, *Дайга*, 1961 – *Щапова Ю. Л.*, *Дайга И. В.* Стекланные бусы и браслеты Асотского городища // *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига, 1961.
- Эдинг*, 1928 – *Эдинг Д.* Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.
- Юшкова*, 2003 – *Юшкова М. А.* Раскопки поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка в 2002 г. // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003.
- Юшкова*, 2011 – *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Янин*, 1977 – *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
- Янин*, 1982 – *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Новгород, 1982. Вып. 1 (11).
- Янин*, 1984 – *Янин В. Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город: исследования и материалы. М., 1984. Вып. 7.
- Янин*, 2003 – *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.
- Янин*, 2004 – *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.
- Янин*, 2008 – *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
- Янин*, 2009 – *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
- Янин*, *Алешковский*, 1971 – *Янин В. Л.*, *Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода: (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2.
- Янин*, *Гайдуков*, 1998 – *Янин В. Л.*, *Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Янссон*, 1999 – *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999.
- Aagård*, 1984 – *Aagård G.-B.* Gleicharmige Spangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.
- Alsleben*, 2012 – *Alsleben A.* The plant economy of north medieval Russia // The archaeology of medieval Novgorod in context: Studies in Centre/ Periphery Relations. Oxford, 2012 (The Archaeology of Medieval Novgorod).
- Ambrosiani*, 1984 – *Ambrosiani K.* Kämme // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.
- Andreska*, 1975 – *Andreska J.* Archeologické nálezy rybářského náradí v Mikulčicích // Archeologické rozhledy. XXVII/2. Praha, 1975.
- Arbman*, 1940 – *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Tafeln. Stockholm, 1940.
- Arbman*, 1943 – *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Text. Stockholm, 1943.
- Arne*, 1911 – *Arne T. J.* Sveriges förbindelser med Osten under vikingatiden // Fornvännen. København, 1911. Årg. 6.
- Arne*, 1914 – *Arne T. J.* La Suède et l’Orient: Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l’Orient pendant l’âge des Vikings. Uppsala, 1914.
- Arrhenius*, 1961 – *Arrhenius B.* Vikingatida miniatyrer // Tor. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1961. Vol. VII.
- Arwidsson*, 1989 – *Arwidsson G.* Ketten // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1989.

- Boessneck*, 1956 – *Boessneck J.* Ein Beitrag für Errechnung der Widerristhohe nash Metapodienmassen dei Rinden // *Zeitschrift für Tierzucht und Zuchtungsbiologie*. 1956. Vol. 68.
- Brisbane et al.*, 2007 – *Brisbane M., Maltby M., Hamilton-Dyer S.* A monkey's tale: the skull of a masaque found at Ryuric Gorodishche during excavations in 2003 // *Medieval Archaeology*. 2007. Vol. 51.
- Brorsson*, 2001 – *Brorsson T.* Behind the pottery – signs of trade across the Baltic Sea // *Novgorod: Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland*. London, 2001 (British Museum Occasional Paper; 141).
- Callmer*, 1977 – *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Lund, 1977.
- Callmer*, 1986 – *Callmer J.* Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stokholm, 1986.
- Callmer*, 1989 – *Callmer J.* Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1989.
- Carboni*, 2001 – *Carboni S.* Class from Islamic Lands. New York, 2001.
- Carboni, Whitehouse*, 2001 – *Carboni S., Whitehouse D.* Glass of the Sultans. New York, 2001.
- Crumlin-Pedersen*, 1991 – *Crumlin-Pedersen O.* Ship types and sizes AD 800–1400 // *Aspekts of Maritime Scandinavia AD 200–1200*. Roskilde, 1991.
- Davidson*, 1940 – *Davidson G. R.* A Mediaeval Glass-Factory at Corinth // *American Journal of Archaeology*. 1940. Vol. XLIV.
- Dejevsky*, 1977 – *Dejevsky N. J.* Novgorod: The Origins of a Russian Town // *European Towns: Their Archaeology and Early History*. London; New York; San Francisco, 1977.
- Dubrovin*, 2007 – *Dubrovin G. E.* Land Transport // *Wood use in Medieval Novgorod*. Oxford, 2007.
- Duczko*, 1985 – *Duczko W.* The Filigree and Granulation Work of Viking Period // *Birka V*. Stockholm, 1985. Excavations at Helgö, 1964 – Excavations at Helgö. Stockholm, 1964.
- Fodor*, 1996 – *Fodor I.* The Ancient Hungarians: Exhibition Catalogue (March 16–December 31, 1996). Budapest, 1996.
- From Viking..., 1992 – *From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200*. Uddevalla, 1992.
- Gabriel*, 1991 – *Gabriel I.* Hofkultur, Heerwesen, Burghandwerk, Hauswirtschaft. Starigard // *Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein*. 1991.
- Goryunova*, 2006 – *Goryunova V. M.* Early wheel-turned pottery from Ryurik gorodishche (10th century) and certain questions connected with its synchronization with pottery of Novgorod and Staraya Ladoga // *The pottery from medieval Novgorod and its region*. New York, 2006.
- Gräslund*, 1980 – *Gräslund A.-S.* The Burial Customs. A study of the graves on Björkö // *Birka IV*. Stockholm, 1980.
- Gräslund*, 1984 – *Gräslund A.-S.* Schellen // *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1984.
- Gräslund*, 2007 – *Gräslund A.-S.* Some Viking-age Amulets – the Birka Evidense // *Cultural interaction between east and west: Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe*. Stockholm, 2007.
- Grayson*, 1984 – *Grayson D. K.* Quantitative zooarchaeology. Orlando, 1984. Ak. P.
- Haduch, Liwoch*, 2007 – *Haduch A., Liwoch R.* Kołtki z południowo-zachodniej Rusi // *Seminarium Trepczańskie*. Sanok, 2007.
- Hamilton-Dyer*, 2002 – *Hamilton-Dyer S.* The Bird Resources of Medieval Novgorod, Russia // *Acta zoologica cracoviensia*. Krakow, 2002. Vol. 45.
- Hedenstierna-Jonson*, 2006 – *Hedenstierna-Jonson C.* Borre style metalwork in the material culture of the Birka warriors // *Fornännen*. Stockholm, 2006. Vol. 101.
- Hulthén, Brorsson*, 2007 – *Hulthén B., Brorsson T.* Viking Age and early Medieval pottery in Western Russia // *Archäologisches Korrespondenzblatt: Urgeschichte, Römerzeit, Frühmittelalter*, 37: 4. Mainz, 2007.
- Jansson*, 1985 – *Jansson I.* Ovals spänubucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala, 1985 (Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology; Aun 7).
- Jansson*, 1989 – *Jansson I.* Schmuckanhänger von orientalischem Typ // *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1989.
- Jansson*, 1997 – *Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // *The Rural Viking in Russia and Sweden*. Conference 19–20 October 1996 in the manor of Karlslund, Orebro / *Lectures ed. by par Hansson*. 1997.

- Jenkins*, 1986 – *Jenkins M.* Islamic glass. A brief history. The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1986. Vol. XLIV, N 2.
- Jung*, 1928 – *Jung E.* Altgeweihte Stätten // Archäologische Beiträge zur dten. Rechtsgeschichte u. Glaubensgeschichte. Mannus, 6, Erg.-Bd. 1928.
- Katalog på fynd ..., 1871–1934 – Katalog på fynd anträffade i Svarta jorden på Björkö under åren 1871–1934 förvarade i Statens Historiska Museum. Del I. Inv. 5208: 1–927.
- Kazakevičius*, 1998 – *Kazakevičius V.* Iš vėlovojo geležies amžiaus Baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai) // Lietuvos Archeologija. T. 15. Skiriama Prano Kulikausko 85-mečio jubiliejui. Vilnius, 1998.
- Khvoshchinskaya*, 2012 – *Khvoshchinskaya N. V.* Bronze working at Ryurik Gorodishche and other settlements in the region north of Ilmen lake in the 9th and 10th centuries // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre / Periphery Relations. Oxford, 2012.
- Kiesewalter*, 1889 – *Kiesewalter L.* Skelettmessungen am Pferde. Inaug. Dissert. Leipzig, 1889.
- Kivikoski*, 1937 – *Kivikoski E.* Studien zum Birkas Handel im ostlichen Ostseegebiet // Acta Archaeologica. København, 1937. Vol. 8.
- Kivikoski*, 1973 – *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe. Helsinki, 1973.
- Knorr*, 1970 – *Knorr H. A.* Westslawische Gürtelhaken und Kettenschließgarnituren. Ein Beitrag zur Deutung Alt-Lübecker Funde // Offa. 1970. Bd. 27.
- LA, 1974 – Latvijas PSR Arheoloģija. Rīga, 1974.
- Luik*, 2005 – *Luik X.* Kammikujulised luu-ja pronksripatsid Eestis // X. Luik. Luu- ja sarvesemed eesti arheoloogilises leiumaterjalis vikingiajast keskajani. Tartu, 2005 (Dissertationes archaeologiae Universitatis Tartuensis; 1).
- Lundström*, 1961 – *Lundström P.* The man with the captive birds // Acta Archaeologica. 1961. Bd. 31 (1960).
- Maltby, Hamilton-Dyer*, 2001 – *Maltby M., Hamilton-Dyer S.* Animal bone studies in Novgorod and its hinterland. Novgorod: the archaeology of a Russian Medieval City and its hinterland. London, 2001 (The British Museum occasional paper; 141).
- Megaw*, 1959 – *Megaw A. N. S.* A twelfth century Scent bottle from Cyprus // Journal of glass studies. 1959. Vol. I.
- Müller-Wille*, 1976 – *Müller-Wille M.* Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Thumbby-Bienebek. Teil I // Offa-Bücher. Neumünster, 1976. Bd. 36.
- Nehring*, 1884 – *Nehring A.* Fossile Pferde aus deutschen Diluvialablagerungen. Fossile Pferde aus deutschen Diluvialablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden. Berlin, 1884.
- Noonan*, 1998 – *Noonan T.* Why the Vikings First Came to Russia // The Islamic World, Russia and Vikings, 750–900: the Numismatic evidence / Variorum Collected Studies Series: CS595. Ashgate Publishing Company? 1998.
- Nosov*, 1992 – *Nosov E. N.* Ryurik Gorodishche and the Settlements to the North of Lake Ilmen // The archaeology of Novgorod, Russia. Recent Results from the Town and its Hinterland. Lincoln, 1992.
- Nosov*, 2000 – *Nosov E.* Rjurikovo gorodišče et Novgorod // Les centres proto-urbanis russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.
- Nosov*, 2001 – *Nosov E.* Ein Herrschaftsgebiet entsteht. Die Vorgeschichte der nördlichen Rus' und Novgorods // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands / Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Wachholtz Verlag, 2001. Bd. 1.
- Nosov*, 2017 – *Nosov E. N.* Das Novgoroder Land: Das nördliche Ilmenseegebiet und das Volchov-Gebiet // Die Rus' im 9.–10. Jahrhundert. Ein archäologisches panorama / Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Wachholtz Murmann Publishers. 2017. Bd. 14.
- Paulsen*, 1953 – *Paulsen H.* Schwertortbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.
- Peskova*, 2014 – *Peskova A. A.* Byzantine and Scandinavian Elements in Christian Devotional Metalwork Objects of Early Rus' of the 10th–11th Centuries // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Caen, 2014.
- Petersen*, 1928 – *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
- Plohov*, 2006 – *Plohov A. V.* Hand-made pottery from Ryurik gorodishche and Novgorod // The pottery from medieval Novgorod and its region. New York, 2006.
- Price*, 2002 – *Price N. S.* The Viking Way. Religion, and War in Late Iron Age Scandinavia. Uppsala, 2002.

Rulewicz, Zajdel-Szczrska, 1970 – *Rulewicz M., Zajdel-Szczrska L.* Materiały do wczesnośredniowiecznego rybołówstwa w Wolinie // *Materiały zachodniopomorskie*. Szczecin, 1970. T. XVI, z. 2.

Salmo, 1956 – *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln. Helsinki, 1956 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aika-kauskirja, 56).

Selirand, 1966 – *Selirand J.* Prillspiraalpäiste nõeltega linikukeed // *Pronksiajast varase feodalismiini. Uurimusi Baltimaade ja naaberlade archeoloogiast*. Tallinn, 1966.

Selirand, 1974 – *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.–13. sajand). Tallinn, 1974.

Selling, 1955 – *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.

Stenberger, 1958 – *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1958. Bd. I: Text.

Ström, 1984 – *Ström K.* Thorshammtringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults // *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1984.

Thunmark-Nylén, 1998 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm, 1998.

Vikingatidens ABC, 1981 – *Vikingatidens ABC*. Statens historiska museum, 1981.

Waller, 1984 – *Waller J.* Nadeln / Pfieme und Pinzetten // *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1984.

Wegraeus, 1986 – *Wegraeus E.* Die Pfeispitzen von Birka // *Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1986.

Zeiten, 1997 – *Zeiten M. K.* Amulets and amulet use in Viking Age Denmark // *Acta Archaeologica*. København, 1997. Vol. 68.

Zinoviev, 2012 – *Zinoviev A. V.* Study of medieval dogs from Novgorod, Russia (X–XIV centuries) // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2012. Vol. 22. N 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
- АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова. М.; Псков.
- АО – Археологические открытия. М.
- АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
- ВВ – Византийский временник. М.
- ВИ – Вопросы истории. М.
- ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Л. – СПб.
- ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
- ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
- ЗИН – Зоологический институт Академии наук. СПб.
- ИА – Институт археологии Академии наук. М.
- ИАК – Императорская Археологическая комиссия.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- МГУ – Московский государственный университет.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МОИП – Московское общество испытателей природы.
- НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Великий Новгород.
- НИС – Новгородский исторический сборник.
- ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- НОЭ – Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН. СПб.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПИМК – Проблемы истории материальной культуры. Л.
- РА – Российская археология. М.
- РАН – Российская академия наук.
- РГ – Рюриково городище.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
- SHM – The Swedish History Museum. Stockholm.

Научное издание

Носов Евгений Николаевич,
Плохов Алексей Вячеславович,
Хвоцинская Наталия Вадимовна

ЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ
Новые этапы исследований

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. А. Шитовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – Книги печатные

Подписано в печать 10.07.2017
Формат 60 × 90/8. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 27. Печ. л. 40. Усл. печ. л. 40.
Тираж 300 экз. Заказ 3241

Санкт-Петербургский филиал ФГУП Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28, литер А

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>

Носов Евгений Николаевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель Института истории материальной культуры РАН, профессор, заведующий кафедрой археологии Санкт-Петербургского государственного университета. Автор многочисленных научных работ, в том числе монографий, по проблемам археологии Восточной Европы, истории Древней Руси, русско-скандинавским отношениям. Многолетний руководитель Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН, ведущей систематические раскопки Рюрикова городища, поселений Приильменья.

Плохов Алексей Вячеславович – научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, специалист в области археологии Северо-Запада России от эпохи раннего металла до позднего средневековья, славянского расселения и славяно-финно-скандинавских связей, автор более 70 опубликованных научных работ. Приоритетными в его исследованиях являются вопросы, связанные с изучением керамических материалов на территории Новгородской земли.

Хвощинская Наталия Вадимовна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук, является специалистом по археологии и истории Северной Руси, стран Прибалтики и Скандинавии. Область ее научных интересов включает изучение вопросов особенностей материальной культуры, погребального обряда, верований, ювелирного ремесла древнерусского населения Восточной Европы и взаимоотношений славян с финнами и скандинавами.

ISBN 978-5-86007-846-8

9 785860 078468